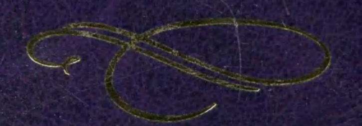
1865

Д. А. Милютин ВОСПОМИНАНИЯ

1867

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ



1865 – 1867

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

Д.А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

генерал-фельдмаршала
графа
Дмитрия Алексеевича

Милютина

1865–1867

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

Москва
РОССПЭН
2005

ББК 63.3(2)51
М 60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-01-00411а и 04-01-16005д

Предисловие *Л.Г. Захаровой*

Подготовка текста
Т.А. Медовичевой и Л.И. Тютюнник

Комментарии и указатели
Л.Г. Захаровой, Т.А. Медовичевой. Л.И. Тютюнник

Подбор иллюстраций
А.В. Мамонова

Милютин Д.А.

М 60 **Воспоминания. 1865—1867** / Под ред. Л.Г. Захаровой. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — 696 с., ил.

Очередной том «Воспоминаний» графа Д.А. Милютина, историка, генерал-фельдмаршала, военного министра императора Александра II охватывает период с 1865 по 1867 г. и содержит ценнейшие сведения о внешней и внутренней политике самодержавия, международной обстановке (в т. ч. об австро-прусской войне 1866 г. и образовании Австро-Венгрии, о расширении границ Российской империи в Средней Азии, о Балканском кризисе 1867 г. и т. д.), о ходе военных реформ в России, о жизни русского общества. В мемуарах даны яркие характеристики русских и европейских государственных деятелей, подробно изображена жизнь императорского Двора и правящей бюрократии. Мемуары выдающегося государственного деятеля-реформатора издаются впервые. Текст публикуется без каких-либо сокращений. Издание иллюстрировано, снабжено комментариями, указателями имен и географических названий.

Книга рассчитана как на специалистов-историков. так и на широкий круг читателей.

ISBN 5 —8243 — 0350 — 9
ISBN 5 —8243 — 0648 — 6

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Воспоминания» генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина за 1865—1867 гг. — это шестая книга его бесценного мемуарного наследия. Пять уже изданы[1], подготовка седьмой книги завершена. Далее предстоит переиздание «Дневника» Д.А. Милютина за 1873—1882 гг.[2] (существенно дополненное в комментариях и указателях и иллюстрированное, как и «Воспоминания»), а также публикация ранее не издававшейся части «Дневника» за 1883—1899 годы.

К тому времени, которое отражено в публикуемой книге «Воспоминаний», Д.А. Милютин уже не первый год управлял Военным министерством (с 1861), успел узнать и механизм государственной системы в целом, и людей, олицетворявших высшую власть — самого императора Александра II, его министров и приближенных, членов большой императорской семьи. А за плечами был богатый опыт — профессиональный и жизненный. Он знал не только Петербург и Москву, но и окраины России: четыре года (1856—1860) являлся начальником Главного штаба Кавказской армии при наместнике А.И. Барятинском; хорошо ориентировался в делах Царства Польского и Северо-Западного края (в связи с ролью армии в подавлении восстания 1863—1864 гг.); присутствовал и при открытии сейма в Финляндии в 1863 г. Он побывал во многих странах Европы: в молодые годы во время длительного познавательного путешествия, и в зрелые годы — во время служебных и личных поездок. Эти впечатления и знания расширяли видение тех событий, свидетелем которых и неутомимым деятелем был автор мемуаров.

Осмыслению и описанию прожитого и пережитого помогал опыт профессионального военного историка, прекрасно владевшего сравнительно-историческим методом исследования и литературным пером[3]. Немаловажное значение имел и накопленный жизненный опыт. К середине 1860-х гг., о которых повествует Милютин, он в свои 50 лет (род. в 1816) имел большую семью, самостоятельно, без протекции прошел нелегкий путь к материальному благополучию и высокому служебному положению. Уже в этом возрасте, а тем более в 65—70 лет, когда писались мемуары, Милютин был не только вполне сложившимся, но и мудрым человеком.

Сочетание в авторе мемуаров крупного государственного деятеля, прекрасного военного историка и преподавателя-профессора высших военно-учебных заведений, человека, испытавшего все тяготы и удачи,

радости и печали в личной жизни, познавшего жизнь во всей ее многосторонности и полноте, сообщает мемуарам яркую живописность, неповторимый колорит времени. Описывая свою поездку за границу в 1866 г., Милютин отмечал: «В воспоминаниях о пережитом давнем времени трудно избегнуть некоторой пестроты рассказа. События важные, составляющие достояние истории, переплетаются по необходимости с мелочными подробностями житейскими, с личными субъективными впечатлениями. Так и теперь, вслед за представленным обзором общего положения дел государственных в начале 1866 года мне приходится с высоты европейской политики круто спуститься, без промежуточных ступеней, на низменную почву моих личных воспоминаний»[4]. Но именно эта адекватность содержания мемуаров многообразию самой жизни, в которой переплетаются существенное с второстепенным, объективное с субъективным, масштабное с локальным, государственное с личным, представляется особенно ценным и для исследователя, и для читателя[5].

Рассказывая о своем, личном, например, посещении больной дочери в Ницце, он непроизвольно через мелочи повседневной жизни воспроизводит образ своего времени. Читатель узнает, что из Парижа до Петербурга безостановочный путь преодолевался за три дня, что Ницца начала отстраиваться с 60-х гг. под управлением французов, что холера вызвала панику в Европе, что в России бушевали пожары и т. д.

Середина 60-х гг. XIX в. — важный этап в истории Великих реформ, в их реализации и одновременно торможении, а в более отдаленной перспективе — в их судьбе. Как один из выдающихся деятелей либеральных реформ Александра II Милютин пристально следил за этим процессом и отразил его в своих мемуарах.

Мемуарист отметил быстрый темп реализации крестьянской реформы, переход бывших помещичьих крестьян на выкуп надельной земли в собственность и прекращение обязательных отношений. Спустя 20 лет Милютин без колебания утверждал: «Великий переворот освобождения крестьян от крепостной зависимости совершился успешно», несмотря на все попытки «партии крепостников затормозить и извратить это дело»[6].

Интересно его понимание взаимосвязи и взаимообусловленности Великих реформ. Об отмене крепостного права он писал: «Закон 19 февраля 1861 года не мог остаться отдельным изолированным актом: *это был краеугольный камень общей переработки всего государственного строя* (курсив наш. — *Л.З.*). К великому несчастью России, немногие из нас смотрели с этой точки зрения, а последующие обстоятельства и совсем остановили начавшееся движение, даже обратили нас вспять»[7].

Другим важным преобразованием «в государственном перерождении» России, по мнению Милютина, стали земские учреждения. В этих «импровизированных маленьких парламентах», как называет их мемуарист, «услышали красноречивых ораторов, существование которых не подозревали». Тогда, в пору общественного оживления, сочувствия зем-

ским учреждениям в Европейской России «можно было тогда действительно поддаться иллюзиям насчет будущего развития этих первых зачатков представительства», — заключил Милютин после своей отставки с явным оттенком разочарования[8]. В те первые годы падения крепостного права и проведения «главных реформ крестьянской, земской, судебной» идея общероссийского представительства громко высказывалась в дворянских и земских собраниях в Москве и Петербурге и «во всей России весьма откровенно». Многим казалось, что «освобождение крестьян и земские учреждения суть первые шаги на пути к конституции»[9]. Заседания земских собраний привлекали к себе массу любопытной публики, стремившейся «видеть зачатки будущего нашего парламента»[10].

Реакция Александра II на политические притязания дворянства была мгновенной и определенной. В рескрипте от 29 января 1865 г. самодержец, не отвергая дальнейшего развития начатых реформ, напоминал о своем исключительном праве на инициативу в их проведении[11]. Основополагающий принцип либеральной бюрократии — «инициативная монархия» как двигатель реформ — отразился в этом официальном документе, и, по мнению мемуариста, «люди, не увлекающиеся фантазиями, понимали, что немыслимо какое бы то ни было представительное устройство в государстве на другой день после отмены права собственности одного сословия над другим[12]. Вместе с тем он объяснял распространение конституционных идей в среде российской интеллигенции «совершенным отсутствием политического воспитания». А далее высказывал свое убеждение, что «между старым крепостником и юным социалистом была целая бездна»[13]. В этом случае, как и во многих других, Милютину нельзя отказать в наблюдательности, в глубоком проникновенном понимании своего времени. Отмечая преждевременность политических требований консервативного и либерального дворянства, Милютин видел и ошибки, просчеты власти по отношению к только что ею же принятым реформам и вновь созданным институтам: «Само правительство, едва только установив всесословное самоуправление, как будто спохватилось — не сделало ли оно неосторожного шага, и с самого приступа к исполнению нового законоположения сочло нужным зорко следить за новыми учреждениями, держать их, так сказать, в узде»[14]. И уже к концу 1865 г. в правительственной политике, «вместо постепенного развития и расширения земских учреждений, начались систематические стеснения и обуздание их»[15]. Однако до определенного времени в правительственной политике, в настроении и деятельности самого Александра II продолжал преобладать курс на реформы, несмотря на колебания и сомнения. Еще 4 апреля 1866 г., за несколько дней до выстрелов Д. Каракозова, Александр II дал распоряжение вел. кн. Константину Николаевичу о подготовке проекта общественного представительства от дворянских и земских собраний. Выстрел Каракозова, как выразился один из современников, «явился вдруг на стороне

реакции»[16]. В политике охранительные начала возобладали над либеральными преобразованиями. «Каракозовский выстрел сделался сигналом резкого перелома в царствовании императора Александра II, — пишет мемуарист <...>. Всего же важнее то, что сам Государь, сам царь-освободитель усомнился в благих результатах собственных своих славных деяний. С этого времени вкоренилось в нем недоверие ко всему, что было совершено в предшествовавшее десятилетие и ко всем бывшим деятелям этой светлой эпохи»[17]. Новая ориентация в правительственной политике проявилась в смене лиц, ее осуществлявших, «в первую очередь в назначении 10 апреля шефом жандармов и главным начальником III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии графа П.А. Шувалова, а 14 апреля — министром народного просвещения Д.А. Толстого, который «втихомолку изливал свою желчь на все совершавшиеся тогда великие реформы в государственном строе».

В литературе неоднократно и много писалось и об изменении правительственной политики и тем более о выстреле Каракозова. Однако «Воспоминания» Милютина сообщают нам новые факты и интересные наблюдения о, казалось бы, известных событиях, которые позволяют лучше понять и почувствовать то время, людей, в нем живших и управлявших делами государства, самого царя-освободителя. Милютин узнал «потрясающее известие» в тот же день, т. е. 4 апреля, в Париже от князя А.И. Барятинского, возвращаясь из отпуска в Петербург. «Тогда подобное событие представлялось чем-то чудовищным», — передает свои впечатления и ощущения автор мемуаров, которому пришлось пережить серию подобных террористических актов, через 15 лет достигших своей цели. Выслушав по приезде в Петербург рассказ самого Александра II, Милютин делает следующее замечание: событие 4 апреля «представлялось ему новым знамением Божьего промысла, охраняющего жизнь своего Помазанника. Государь был искренно проникнут религиозным чувством и глубоко веровал в эту невидимую охрану»[18].

Ярко и образно передал Милютин реакцию всех слоев общества на небывалое до того в России происшествие, на самого Каракозова и «шапочного мастера» Комисарова, помешавшего осуществлению страшного замысла. То, что Комисаров, провозглашенный «спасителем», был возведен в дворянское достоинство с присвоением наименования «Костромской» (родом из Костромской губернии — родины Ивана Сусанина), хорошо известно, но картина его чествования, запечатленная Милютиным, существенно дополняет наши представления об общественном настроении и нравах того времени. 9 апреля император и императрица приняли Комисарова в Зимнем дворце, на следующий день в одной из зал Инженерного замка собралось до 800 костромичей, чтобы высказать свои чувства земляку, от многих городов поступали адреса с присвоением Комисарову звания почетного гражданина. Напротив, некоторые из близких родственников Каракозова просили о переименовании фамилии и получили: Владимировы[19]. «Во всех

местах России, без различия народностей» и сословий слушались благодарственные молебствия, составлялись всеподданнейшие адреса. В театрах и «во всех местах сборищ» публика требовала повторения народного гимна, опера «Жизнь за царя» принималась с энтузиазмом, «со всех пунктов земного шара стекались бесчисленные телеграммы, от всех иностранных Дворов получались поздравления»[20]. А Северо-Американские Штаты пошли дальше других держав. Конгресс в Вашингтоне принял особую резолюцию «по случаю избавления от руки злодея» и для ее вручения отправил в Россию чрезвычайное посольство во главе с заместителем морского министра капитаном Г.В. Фоксом. О миссии Фокса достаточно известно, но и здесь сведения Милютина дополняют и расцвечивают этот любопытный эпизод в истории русско-американских отношений.

Александр II распорядился «принять с русским радушием» посланников «заокеанической» державы, и это было исполнено с подлинно русским размахом: создан Комитет под председательством С.С. Лесовского (который в 1863 г. был на фрегате в Нью-Йорке с дружественным визитом) для подготовки встречи американцев; жители Петербурга на специальных пароходах отправлялись в Кронштадт приветствовать американскую эскадру и «выказать свое сочувствие заатлантическим нашим друзьям»; при всех встречах исполнялся американский гимн «Hail Columbia»; на большом праздничном обеде в честь американского посольства в Петергофе Александр II произнес тост «за благоденствие Северо-Американских Штатов и за упрочнение дружественных отношений между обеими странами»; американцы посетили жившего в Петергофе Комисарова; успели побывать кроме Петербурга и его окрестностей в Москве, Нижнем Новгороде, Костроме, Твери, Троице-Сергиевой лавре и др. в течение 50 дней лета 1866 года.

Подводя итог своим впечатлениям, Милютин писал: «Во все продолжение этого времени не прерывалось необычайное, восторженное возбуждение во всех слоях населения <...>. В лице Фокса и его спутников чествовалась целая нация, которая несмотря на свою отдаленность, одна из всех вздумала прислать в Россию особую торжественную депутацию по поводу события 4 апреля»[21]. Этот вывод может быть домыслен с позиции сегодняшнего дня. «Чужая одушевленность», схваченная и переданная мемуаристом, помогает понять и почувствовать новую эпоху, сменившую крепостнические времена; гласность и публичность жизни пришла на смену секретности. Если император Николай I отмечал победу над «мятежниками» (декабристами) все годы своего царствования в домовой церкви Аничкова дворца с членами семьи и немногими соратниками, то сын — свое счастливое избавление — в уличных шествиях, молебнах при массовом стечении народа и «вседневном» колокольном звоне, на торжественных приемах иностранцев, открыто путешествовавших по стране ко всеобщей радости населения. А через год торжества повторились: 4 апреля 1867 г. состоялось освящение часовни,

сооруженной на месте покушения, у входа в Летний сад с набережной Невы. На церемонию собрались члены Императорской фамилии, духовенство с хоругвями и образами, военные — по одной роте от всех родов войск, расположенных в Петербурге, присутствовала и обычная публика. Рядом с Александром II стоял Комисаров, облеченный в дворянский мундир, с крестом на шее. «Годовщина 4 апреля 1866 года праздновалась и во всех других местах империи молебствиями, крестными ходами, а в иных и с военными парадами и пушечной пальбой». Особый Комитет по сбору пожертвований на покупку дома для Комисарова собрал 40 тыс. рублей, и 30 тыс. пожертвовали Александр II и члены Императорской фамилии[22]. Это описание Милютина дает яркий материал для изучения «сценариев власти», как удачно назвал свое исследование о русской монархии императорского периода американский историк Ричард Уортман[23]. И таких сюжетов в мемуарах множество: смерть наследника престола вел. кн. Николая Александровича, бракосочетание сменившего его вел. кн. Александра Александровича и т. д.

В этой книге «Воспоминаний», как и в предыдущих, много внимания уделено окраинам России и имперской политике власти. Продолжаются сквозные для всех томов темы — польская и кавказская, но уже с преобладанием не военных, а мирных сюжетов. 1864 г. для обеих окраин стал вехой в завершении военных действий — после полувековой Кавказской войны и подавления восстания 1863—1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае.

Рассказ Милютина свидетельствует, как глубоко переживал и заинтересованно относился Александр II к польскому вопросу. В тяжелые для него траурные дни, после похорон наследника престола вел. кн. Николая Александровича, в речи перед поляками, приехавшими на эту церемонию, в Белой зале Зимнего дворца он припомнил им, как в 1856 г. в Лазенковском дворце в Варшаве произнес: «Оставьте мечтания (point de rêveries)». И добавил: «Если бы они последовали этому совету, то избавили бы наше отечество от многих бедствий. Потому-то возвращаюсь к тем же прежним моим словам: "оставьте мечтания" <...>, никогда я не допущу, чтобы дозволена была сама мысль о разъединении Царства Польского от России и самостоятельном без нее существовании его. Оно создано русским императором, и оно всем обязано России»[24]. Милютин считал, что слова эти, которые на разные лады комментировались в европейской и русской печати, «произвели отрезвляющее действие» в отличие от 1856 г. и «укрепили в поляках сознание непреклонной воли» императора. Эти свидетельства мемуариста о личном отношении Александра II к польскому вопросу очень важны для понимания той политики «русификации», которая проводилась после восстания в Царстве Польском и Западном крае. Хотя в апреле 1865 г. М.Н. Муравьёв был уволен с должности виленского генерал-губернатора и назначен К.П. Кауфман, это не означало отхода от уже налаженной и одобренной Александром II системы действий в крае. Ка-

уфман «получил от Его Величества личные указания, не оставлявшие сомнения в твердой воле его покончить раз навсегда с польским вопросом»[25]. Одновременное проведение «глубоко обдуманных и взаимно согласованных» реформ в разных сферах жизни (аграрных, конфессиональных, административных и др.) произвело на поляков «изумление» т. к. они «никогда еще не видели в образе действия русского правительства такого систематического плана в борьбе с польской крамолой». Милютин объяснял этот результат самоотверженной работой своего брата Николая Милютина, программа которого «укоренилась прочно» в убеждениях Александра II. Твердая воля императора сочеталась с желанием «окончательно сгладить все следы последнего восстания». Указом 17 мая 1867 г. в Варшаве, по пути на Всемирную выставку в Париже, Александр II объявил амнистию политическим заключенным, а на обратном пути, как бы в дополнение к нему, 20 июня — о прекращении конфискаций имений участников восстания. Этим подчеркивалось, что покушение поляка А. Березовского на жизнь Александра II в Булонском лесу не может повлиять на политику русского царя по отношению к польскому народу.

Что касается Кавказа, с окончанием «постоянной войны» и наступлением «повсеместного мира и спокойствия» край, по мнению Милютина, «преобразился», города пробуждались к промышленности и торговле, проводились аграрные реформы. Хотя положение крестьян на Кавказе отличалось от русских крепостных, но и здесь соблюдался принцип наделения землей. Любопытная деталь: указы об освобождении крестьян в Тифлисской и Кутаисской губерниях 1864 г. приняты 13 октября — в день рождения вел. кн. Михаила Николаевича. Наместник Кавказа следовал примеру своего царственного брата, навеки связавшего свое имя с отменой крепостного права в России.

Несмотря на сердечную привязанность и любовь к Кавказу, который Милютин называл «землей обетованной», начиная с этого тома все больше внимания уделяется «азиатскому делу» — Средней Азии. К уже известным по литературе сведениям о завоевании в этом регионе новых земель, об образовании Туркестанской области, о характере и действиях генерала М.Г. Черняева мемуарист добавляет интересные и колоритные детали. Например, когда в начале 1865 г. на совещании у Александра II при обсуждении вопроса о выборе административного центра для вновь присоединенных территорий, сопредельных с Кокандом, Бухарой, Хивой, Е.П. Ковалевский назвал Ташкент (еще не занятый русскими), это было воспринято как шутка. В действительности, замечал Милютин, мнение Ковалевского оказалось «впоследствии как бы пророческим предсказанием»[26]. Этот эпизод еще раз оттеняет и подчеркивает, сколь неожиданными для правительства и самовольными были дальнейшие действия Черняева по захвату Ташкента и другие его предприятия в крае. Вообще, о личности Черняева сообщается много интересного. Например, о его постоянных столкновениях с оренбургским

генерал-губернатором Н.А. Крыжановским, распоряжения которого очень часто игнорировались и нарушались; о его демонстративных поступках, выражавших недовольство высшей властью и т. д.

Милютин ведет свое неторопливое повествование о развитии пореформенной России, как и на протяжении всех мемуаров, не изолированно, а в связи с ее внешними отношениями, с новыми явлениями и тенденциями в Европе в целом и даже наиболее важными внутренними процессами в отдельных странах. Эта верность сравнительно-историческому методу в описании прожитого и пережитого века характерна для всего мемуарного наследия Милютина. Публикуемая книга не является исключением, а напротив — ярким подтверждением способности мемуариста масштабно мыслить, видеть Россию на карте мира в системе европейских стран, на фоне истории мирового развития.

«1865 год казался мирным и спокойным, сравнительно с предшествовавшими»: польское восстание подавлено, датская война окончилась отделением от Дании герцогств Шлезвига и Голштинии, Гражданская война в Америке завершилась победой северных штатов и восстановлением Союза. Однако, по наблюдениям мемуариста, «в этом именно году оказались зародыши будущих политических усложнений в Европе»[27], а уже 1866 год «ознаменуется важными событиями, которые существенным образом изменят относительное положение государств и ниспровергнут все здание установленного в 1815 году мнимого политического равновесия Европы»[28]. Хотя Россия не участвовала в этих военных действиях и конфликтах, но вместе с тем и не могла оставаться вне их влияния в своих отношениях с европейскими странами, в своей дипломатии и политике.

Основную угрозу миру в Европе в середине 60-х гг. Милютин видел в противостоянии Австрии и Пруссии из-за отвоеванных у Дании земель и главенства в Германском Союзе. Опасность исходила от Пруссии, особенно с тех пор, как во главе правительства стал Бисмарк, «человек с железной силой воли и ума». Эта высокая оценка сочетается у Милютина с неодобрением средств, которые использовались Бисмарком для достижения поставленных целей. «Задумав обширный план политического возвышения Пруссии, — пишет он, — Бисмарк пошел твердым шагом к своему идеалу, не останавливаясь ни пред опасением междоусобной войны в самой Германии, ни пред общим европейским столкновением»[29]. Говоря о неразборчивости средств, Милютин фактически признавал реалистичность планов Бисмарка, которые подкреплялись «превосходной военной организацией и искусной политикой». Осуществлению их способствовал и расклад сил в Европе, который умело использовался Бисмарком и прекрасно описан Милютиным. Прочность Германского Союза, созданного в 1815 году на Венском конгрессе при огромной роли Меттерниха, стала под вопрос со времени франко-австро-итальянской войны 1859 г., года смерти Меттерниха, — замечал Милютин. И это умение мемуариста единичным и известным

фактом показать связь времен придает силу и образность его повествованию. Позиции Австрии, некогда главенствовавшей в Германском Союзе, а теперь, терпевшей военные поражения и внутренние трудности, также были расшатаны. Император Франции Наполеон III, хотя и произносил эффектные речи и носился с планами расширения Франции на Восток, провозглашал свое родство и общность взглядов с дядей, императором Наполеоном I, в отношении к Венской системе, но в действительности испытывал серьезные затруднения из-за неудач Мексиканской экспедиции и осложнений с королем Виктором Эммануилом II, стремившимся к дальнейшему объединению Италии и расширению за счет папских владений. Так что Франция, сохранявшая еще в середине 60-х гг. «первенствующую роль в общеевропейских делах», на самом деле в своей военной организации и политике начала утрачивать силу и авторитет. Великобритания была занята внутренними делами и отвлечена борьбой с ирландской оппозицией. Россия еще не избавилась от обременительных статей Парижского мира, а с другой стороны, не забыла поддержку Пруссии во время польского восстания, не присоединившейся к протестным нотам большинства европейских государств. К тому же привязанность и любовь Александра II к дяде, королю Пруссии Вильгельму, и неприязнь к императору Австрии Францу-Иосифу учитывались в большой игре Бисмарка.

В создавшейся ситуации русская дипломатия, как и сам Александр II, озабоченный конфронтацией Австрии и Пруссии, считали, что интерес России «состоит в том, чтобы как можно долее отсрочить наше вмешательство в европейскую распрю»[30]. Петербургский и лондонский кабинеты предлагали обсудить сперва вопрос на Европейском конгрессе. Александр II обратился с письмами к Вильгельму и Францу-Иосифу, убеждал их не доводить дело до войны и предупреждал, что при любом повороте событий он останется бесстрастным и будет отстаивать только интересы своей страны. В британском парламенте также заявили о невмешательстве в случае войны. Только Тьер в своей «мастерской речи» во французских палатах 21 апреля (3 мая) доказывал, что со стороны Франции великой ошибкой будет оставаться равнодушной свидетельницей готовящейся в Германии борьбы и следует, по крайней мере, воспрепятствовать Италии действовать заодно с Пруссией. «Но совет этот не был послушан», — комментировал Милютин, как бы одобрительно присоединяясь к нему[31]. Напротив, Наполеон вел тайные переговоры с Пруссией, что вскрылось много позднее. Формально предложение о созыве конгресса было заявлено 16/28 мая 1866 г. Австрии, Пруссии, Италии и Германскому Союзу торжественными нотами от имени России, Великобритании, Франции. Франкфуртский сейм сразу же согласился, Пруссия и Италия тоже, но в расчете на отказ Австрии, что оправдалось, как считал Милютин.

В конце мая надежды на мирное урегулирование исчезли. Пруссия ввела войска в Голштинию, Франкфуртский сейм счел эти действия не-

законными, 4/16 июля Вильгельм объявил о расторжении Германского Союза. Одновременно вышли два манифеста о войне — Вильгельма и Франца-Иосифа. Милютин видел «вину Пруссии», хотя она и «прикрывалась обвинениями Австрии». Военные действия разыгрались «со стремительной быстротой», победоносно для Пруссии при полном невмешательстве европейских держав. Австрия терпела поражения на обоих фронтах — немецком и итальянском. Менее чем через два месяца был заключен окончательный мир в Праге. Австрия оказалась выведенной из Германского Союза, потеряла Венецианскую область. Создан Северо-Германский Союз во главе с Пруссией, усиленной присоединением герцогств Шлезвига и Голштинии, одновременно ведущей также переговоры с южно-германскими государствами о вступлении их в Союз в перспективе. Наполеон недоволен, так как ничего не получил за свою посредническую роль. А.В. Адлерберг, ездивший на лечение за границу, писал Милютину 8/20 августа из Парижа: «*Кажется, нельзя сомневаться, что война между Франциею и Пруссиею неизбежна*», — выделено Дмитрием Алексеевичем, видимо, в знак одобрения такого прогноза[32].

Конечно, оценки мемуариста в этом и в других случаях, сделанные спустя 15 лет после описываемых событий, могут носить ретроспективный характер, но множество приведенных писем главных и второстепенных персонажей повествования, фактов из речей Наполеона III, Бисмарка, Тьера и других выдержек из газет, свободных от наслоений более позднего времени, помогают адекватно воспроизводить политическую жизнь Европы и место в ней России.

Правители России, оставаясь свидетелями развернувшегося противоборства, затрагивавшего интересы Европы в целом, и сохраняя позицию невмешательства, не забывали о внутриполитических задачах своей страны. После заключения Парижского мира король Пруссии Вильгельм, как рассказывает Милютин, отправил в Петербург генерала Мантейфеля с письмом к Александру II и поручением словесно разъяснить политические соображения берлинского Кабинета. Горчаков отреагировал отрицательно, заявив, что сделка между Австрией и Пруссией разрушает систему, установленную Венским конгрессом, и не может быть признана без утверждения нового конгресса. Бисмарк, чтобы отклонить эту идею, поручил Мантейфелю разоблачить в Петербурге тайные виды Наполеона III и намекнуть, что Россия в дальнейшем может извлечь свои выгоды и освободиться от тяжелых условий Парижского трактата. Вопрос о созыве конгресса отпал[33]. Спустя год, во время проведения Всемирной выставки в Париже на переговорах Горчакова с Бисмарком, министром иностранных дел Франции, послами Великобритании и Австрии, благодаря усилиям Александра II, противоречия, вызванные итогами войны, сгладились. А.В. Адлердберг информировал Милютина из Штутгарта: «Кажется, можно быть уверенным, что дело на этот раз уладилось между французами и пруссаками, благодаря ини-

циативе и личному вмешательству Государя. Невольно опять родится вопрос: надолго ли?»[34]

Но это не единственный вопрос, тревоживший русскую дипломатию, другой — опасность возникновения «рокового Восточного вопроса». Война в центре Европы возбудила вновь в христианском населении Балканского полуострова мечты об освобождении от турецкого владычества. Беспокойство охватило и славян Австрийской империи, недовольных проходившей перестройкой государства на основах «дуализма» — давнего требования венгерских патриотов. 6/18 февраля 1867 г. в Пеште объявлено об образовании Венгерского министерства, во главе которого стоял граф Андраши — человек, приговоренный во время венгерского восстания 1848—1849 гг. к виселице. Австрийская монархия Габсбургов превратилась в Австро-Венгерскую. Славянское население, обойденное этими преобразованиями, требовало равноправия, но с его протестом не считались, в Рейхстаге немногие голоса славян терялись при абсолютном большинстве немцев и мадьяр. Вместе с тем проявлялась враждебность и к славянам Османской империи. Все это делало отношения России и Австрии натянутыми. Особую активность среди недовольных славянских народов проявляли сербы, претендовавшие на руководящую роль в славянском движении.

Министерство иностранных дел России считало преждевременным вооруженное выступление славян и старалось успокоить, предупредить «неразумные движения единоверцев». Однако воинственные настроения славян «отчасти поддерживал молодой посланник в Константинополе» граф Н.П. Игнатьев, который «сам увлекался идеями панславизма»[35].

Под влиянием тогдашнего «славянофильского настроения», — отмечал Милютин, — Московская этнографическая выставка в апреле — мае 1867 г. приняла «некоторый политический оттенок». Помимо научной цели, она сделалась сборным пунктом для съезда представителей разных славянских народностей. И хотя сюжет этот известен и по литературе, и по опубликованным источникам[36], «Воспоминания» Милютина передают всю красочность этого мероприятия, яркость речей ораторов, эмоциональность реакции россиян, собиравшихся толпами в Москве, Петербурге, на станциях железной дороги Москва — Петербург, чтобы посмотреть на приехавших и послушать славянских гостей, которые в свою очередь были поражены «необыкновенно щедрым гостеприимством».

Александр II принял депутатов в Царском Селе в «Янтарной» зале. В их честь «колоссальный пир» устроен городскими властями в Москве, в Сокольниках, в «роскошном шатре», который незадолго до того был сооружен для чествования царственных новобрачных — наследника вел. кн. Александра Александровича и вел. кн. Марии Фёдоровны. Столы были сервированы на 800 человек (500 в шатре и 300 снаружи). С приветствиями к съезду выступили М.П. Погодин, Ю.Ф. Самарин,

В.А. Черкасский. Несмотря на торжественность акта, они обвиняли поляков, отколовшихся от «славянских братьев» и отсутствовавших на этом всеславянском празднике. В речах депутатов съезда высказывалась мысль, «глубоко пустившая корни», что наступает время славянским народам Австрии и Пруссии сбросить с себя иноплеменное иго и восстановить свою национальную самобытность. При этом главная роль в освобождении славян отводилась России, а русский царь признавался царем и родственных ему славян. Такие воззвания не оставались без отклика. Ректор Московского университета С.И. Баршев призвал славян объединиться, как это сделали Италия и Германия, под названием «Исполин». Милютин высказался по этому поводу: «бестактные слова»[37].

В целом Милютин пришел к заключению, что Этнографическая выставка, подавшая повод к Славянскому съезду в Москве, отошла на второй план. Ее заслонили торжества и пиры с бесчисленными речами, рукоплесканиями, музыкой и всякого рода овациями иноземным гостям, но «осязательного результата никакого не осталось от этого съезда»[38]. Однако тут же признавал, что последствия все равно были. Московский съезд произвел крайнее раздражение в Австрии, Германии и вообще в Европе. Так что русский посланник в Вене граф Штакельберг в письмах к Милютину высказывал сомнения, не решились ли многие из славянских депутатов, подданных Австрии, совсем покинуть свое отечество[39]. И вообще, не столь бесспорно мнение Милютина, что славянский съезд «прошел как сон, без всяких существенных последствий для будущего»[40]. Возможно, косвенные, но последствия все же были. Ведь менее чем через 10 лет, в середине 70-х годов, славянские комитеты в России развернули активную деятельность и были поддержаны обществом, а многочисленные добровольцы, рискуя жизнью, отправились на помощь восставшим единоверцам.

В мемуарах Милютина обращает внимание и тот факт, что в славянской теме он впервые выделяет отдельную главу «Дела сербские». От русских офицеров, находившихся в Сербии для военных консультаций по специальным родам оружия, он получал тревожную информацию. Хотя сербское правительство заявляло российскому МИДу, что оно надеется быть готовым к войне уже к весне 1868 г., в действительности серьезная подготовка не велась. Русские офицеры чувствовали себя декорацией, прикрывавшей реальное положение дел перед сербским народом, который действительно был настроен на самую решительную борьбу. Александр II по докладам Горчакова и Милютина принял решение отклонить просьбу сербского правительства о вступлении русских офицеров на сербскую службу и приостановить выдачу субсидий. Русское правительство предостерегало Сербию от опасности начинать войну против Турции и предупреждало, что «она не должна рассчитывать на принятие нами участия в этой войне»[41]. Отмечал Милютин в «делах сербских» и новую тенденцию. «Выяснилось <...> важное

обстоятельство, — писал Милютин, — масса простого народа с давних времен оставалась преданною России; для нее русское имя имело магическое значение, тогда как в правительственных сферах имели влияние люди, получившие заграничное воспитание, преимущественно в Париже, Вене, Берлине, заразившиеся там антирусскими взглядами и смотревшие на Россию с некоторым пренебрежением»[42]. Отсюда понятны настороженность Горчакова и Милютина, недовольство Александра II сербским князем Михаилом, его военным министром и в целом сербским правительством, которое «разыгрывало двуличную роль перед своею "благодетельницей"» — Россией[43].

Если бросить общий взгляд на описание Милютиным политической жизни в Европе, в меньшей степени, в Америке и Азии, возникает впечатление, что границы государства не изолировали Россию не только от внешнеполитических событий, но и от внутренних процессов в других странах, от влияния новых идей и общественных движений. Умение представить современную ему Россию в процессе развития мировой истории не только большая заслуга, но и редкий дар Милютина — историка и мемуариста.

В публикуемой книге есть целые разделы о делах Военного министерства, как и во всех предыдущих, с момента занятия Милютиным поста министра. Среди этих дел на первом месте — подготовка и проведение реформ, вызванных потребностями развития армии и связанных с отменой крепостного права, новым судоустройством и судопроизводством и другими преобразованиями в разных сферах государственной жизни. Военные реформы проводились последовательно в соответствии с программой, представленной Милютиным в январе 1862 г. и одобренной Александром II[44]. В 1865—1867 гг. (которым посвящена данная книга «Воспоминаний») продолжалось введение военно-окружной системы — на Кавказе, в Западной и Восточной Сибири; реформировалось центральное военное управление, образован Главный штаб в составе Военного министерства и упразднен прежний Главный штаб Е. И. В., велась подготовительная работа по новому полевому управлению армиями, перестраивалась система военно-учебных заведений и предстояло преобразование иррегулярных казачьих войск. Целый блок законов касался освобождения различных закрепощенных категорий: заводских поселян артиллерийского ведомства, тульских, ижевских, сестрорецких оружейников и др. Готовилось и было принято законодательство о военном судоустройстве и судопроизводстве в соответствии с Судебными уставами 1864 г. По этому поводу Милютин с гордостью заявлял: «Те, которые отвергали возможность применения к военному суду основных начал нового уголовного суда, устного и публичного, должны были замолчать»[45].

Труднее было сопротивляться требованиям о сокращении расходов. Он поручил генерал-майору Н.Н. Обручеву сложную работу по составлению записки о расходах Военного министерства России по сравне-

нию с другими странами для предоставления Александру II. Полученные сопоставительные цифры о численности вооруженных сил надежны и убедительны: армии трех государств — Австрии, Пруссии, Франции — в 1851 г. по численности были в 1,5 раза меньше российской армии, а в 1867 г. значительно превышали ее, в то же время ежегодные расходы на содержание одного солдата в мирное время в России были меньше, чем в Пруссии и особенно во Франции. Заключение записки весьма категорично: «Только благодаря армии, Россия стала первостепенным государством в Европе, только сохраняя армию, она может отстоять приобретенное ею положение. И если кругом ее иностранные армии растут, совершенствуются и усиливают свои расходы, то Россия не может одна идти обратным путем»[46]. В своей постоянной борьбе с министром финансов М.Х. Рейтерном Милютин нашел неожиданную поддержку в лице П.А. Валуева, которого также возмущали требования о сокращении расходов на военные нужды. 21 января 1867 г. он писал Милютину: «Для равновесия бюджетов есть два способа: увеличение доходов и сокращение расходов. Мы преимущественно боремся за последний, но опыт всемирной истории доказывает, что нужно употреблять оба вместе»[47]. Цитируя это письмо, Милютин признавал, что, при всем различии во взглядах, по большей части государственных вопросов Валуев всегда проявлял сочувствие к делам военного ведомства. В свете этих сведений получает дополнительное объяснение известный факт, что именно Валуева Милютин попросил в 1871 г. (во время франко-прусской войны) представить Александру II записку о неотложной необходимости введения всесословной воинской повинности.

Отталкиваясь от письма Валуева, Милютин высказал свой взгляд на финансовые проблемы: «Таково же было и мое мнение, но, конечно, не в том смысле, чтобы безгранично увеличивать тяготы налогов, падающих у нас почти исключительно на рабочий, беднейший класс народа, и без того уже доведенный до нищеты. Напротив того, по моему мнению, главным делом был коренной пересмотр всей нашей податной системы, а затем — предоставление всех возможных льгот тем отраслям промышленности, которые могли содействовать развитию народного богатства»[48]. Подход Валуева расширен, и разговор поднят на более высокую ступень, в сферу социальной политики. Этот пассаж Милютина очень важен для понимания реформаторских планов либеральной бюрократии. Он явился как бы соединительным звеном между началом 60-х гг., когда Николай Милютин стремился наряду с крестьянской и земской реформами возглавить перестройку всей финансовой системы, и началом 80-х годов, когда другой деятель Великих реформ Н.Х. Бунге начал осуществлять социально направленную финансовую политику. Свои размышления Милютин дополнил критикой взятого властью курса на приватизацию железных дорог. Он винил инициаторов этого дела Рейтерна и Чевкина (министра путей сообщения), которые твердо держались теории, что «чрезмерное развитие государственной собствен-

ности приносит будто бы более вреда, чем выгоды и что всякое дело идет гораздо лучше в частных руках, чем в казенном управлении». Между тем уже тогда, доказывал Милютин, во многих европейских правительствах существовала противоположная забота — о выкупе в казну главных линий железных дорог, особенно имеющих стратегическое значение. В России, напротив, принято решение о продаже Николаевской дороги, именно стратегического значения и второй по доходности в Европе, главному обществу Российских железных дорог, владевшему уже двумя капитальными линиями: Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской[49].

Еще раз на этих примерах можно убедиться (и одновременно удивиться), как Милютин специальные вопросы, в данном случае военного ведомства, рассматривал в связи с общегосударственными и одновременно с общеевропейским опытом. Логично, что это подводило его к размышлениям о государственной системе вообще. Его тревожило «полное отсутствие единства и общего плана» в правительстве, отсутствие «одного и определенного направления». В том же отрицательном ключе он отмечал характерный для пореформенного государственного строя симптом; «замечательно, что у нас при самодержавии действительно каждый министр проводил свои взгляды»[50]. Эта тема, здесь только обозначенная, спустя 10 лет будет продолжена в его «Дневнике» и в специальной Записке.

В мемуарах Милютина речь идет не только о крупных вопросах государственного строительства, внутренней и внешней политике, международных отношениях, войнах и мирных трактатах. В них отразились и незначительные события, отдельные эпизоды, праздники и будни повседневной официальной и частной жизни людей. Читатель узнает о продаже Русской Аляски Северо-Американским Соединенным Штатам, о стихийных бедствиях — пожарах, эпидемиях, о погоде и урожае, об открытии нового Ладожского канала имени Александра II (в отличие от старого, названного по указанию Александра II именем Петра Великого), о смерти цесаревича вел. кн. Николая Александровича в 1865 г., а позже — о свадьбе его брата вел. кн. Александра Александровича, о праздновании 150-летия рождения М.В. Ломоносова, об открытии Новороссийского университета в Одессе, о семье самого Милютина и его родне, о серебряной свадьбе императорской четы и еще о многом... Нет только одной темы, которой деликатный и педантичный Милютин не смог коснуться — появления Екатерины Долгорукой в жизни Александра II, сразу же и безраздельно овладевшей его сердцем, что произошло именно в 1866 году.

Читатель встретит на страницах книги множество действующих лиц того времени:: Александра II, Наполеона III, Вильгельма, Франца-Иосифа, Виктора Эммануила II и других властителей мира; Бисмарка, Пальмерстона, Николая Милютина и современных им государственных деятелей; в обильно цитируемых письмах услышит голоса той эпохи,

запечатлевшие и сохранившие для потомков, для нас жизнь в ее непосредственных человеческих проявлениях. Мемуары Милютина позволяют понять, почувствовать, погрузиться в совсем иное, чем наше, время, найти верную тональность для исследования и адекватного воспроизведения на рубеже XX/XXI вв. событий XIX в., увидеть Россию на карте мира во взаимосвязи и взаимодействии с другими странами и народами.

Л.Г. Захарова,
доктор исторических наук.

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: ТРИТЭ Никиты Михалкова, «Российский архив», 1997; То же. 1843—1856. Там же, 2000; То же. 1860—1862. Там же, 1999; То же. 1863—1864. М.: РОССПЭН. 2003; То же. 1856—1860. Там же, 2004.

[2] *Милютин Д.А.* Дневник. 1873—1882. Т. 1—4 / Под ред. П.А. Зайончковского. М., 1947—1950.

[3] Эти и другие биографические сведения подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Дмитрий Алексеевич Милютин: Его время и его мемуары // *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. С. 5—31.

[4] С. 229 настоящего издания.

[5] Подробнее об источниковедческой характеристике мемуаров Милютнна см.: *Захарова Л.Г.* Россия XIX века в мемуарах Д.А. Милютина // Отечественная история 2003. № 2. С. 37—41.

[6] С. 199 настоящего издания.

[7] Там же. С. 202.

[8] Там же. С. 204.

[9] Там же. С. 49.

[10] Там же. С. 138.

[11] Там же. С. 49.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 46.

[15] Там же. С. 140.

[16] См.: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам: Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002. Приложение: «Тайная полиция в России»: Записка А.И. Васильчикова. С. 333.

[17] С. 242 настоящего издания.

[18] Там же. С. 232—233.

[19] Там же. С. 234—236.

[20] Там же. С. 233.

[21] Там же. С. 284.

[22] Там же. С. 428.

[23] *Уортман Ричард С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002; *Idem.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. II. Princeton, 2000.

[24] С. 24 настоящего издания.

[25] Там же. С. 105.

[26] Там же. С. 116.

[27] Там же. С. 149.

[28] Там же. С. 211.

[29] Там же. С. 216.

[30] Там же. С. 254.

[31] Там же. С. 267.

[32] Там же. С. 377.

[33] Там же. С. 277.

[34] Там же. С. 494—495.

[35] Там же. С. 454.

[36] См. напр.: Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867.

[37] С. 176 настоящего издания.

[38] Там же. С. 419.

[39] Там же. С. 481.

[40] Там же. С. 482.

[41] Там же. С. 549.

[42] Там же. С. 545.

[43] Там же. С. 546—547.

[44] См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 458—484.

[45] С. 188 настоящего издания.

[46] Там же. С. 439.

[47] Там же. С. 440.

[48] Там же.

[49] Там же. С. 431.

[50] Там же. С. 243, 356.

ОТ РЕДАКТОРА

Мемуарное наследие Д.А. Милютина, как и весь его богатый и очень ценный архив, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки*. Незадолго до смерти, в ноябре 1911 г., Милютин завещал свой архив императорской Николаевской военной академии, в которой учился, а потом преподавал. Подробное описание этой истории читатель найдет в книге «Воспоминания Д.А. Милютина. 1816—1843»**.

Оригинал мемуаров Милютина «Мои старческие воспоминания» подготовлен к возможной публикации им самим, затем переписан под его личным наблюдением в 1900-х гг. (бóльшая часть — А.М. Перцовой). Этот список с автографа и положен в основу предлагаемого читателю издания. Сравнение обоих текстов обнаруживает, что при редактировании Милютин вносил в оригинал главным образом литературно-стилистическую правку отдельных слов, реже предложений. Эта правка автора, которой немного и которая не несет смысловой нагрузки, специально в издании не оговаривается. Напротив, те редкие случаи, когда Милютин вычеркивал в оригинале отдельные абзацы, содержавшие дополнительные сведения о людях и событиях, специально отмечены и воспроизведены в подстрочных примечаниях. Список выполнен очень качественно, полностью соответствует отредактированному Милютиным оригиналу, описки единичны.

Список, с которого сделана эта публикация, составляет три объемистые тетради-книги (28 см. х 22 см.) под № XV—XVII в переплете из материи болотно-зеленого цвета с кожаным черным корешком. В фонде Д.А. Милютина (169) — это три единицы хранения: картон 15, ед. хр. 3, картон 16, ед. хр. 1 и 2. Соответствующий им текст оригинала заключается в 40 тетрадях с самодельными обложками из плотной бумаги. Почерк Милютина аккуратен, разборчив и тверд, но чернила потускнели. В том же фонде — это картон 10, ед. хр. 20—27, картон 11, ед. хр. 1—8.

В «Предварительном объяснении для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут мои записки», Милютин сообщает, что писал свои «Воспоминания» о времени конца 1860 — апреля 1873 г. сразу после

* ОР РГБ. Ф. 169 Оп. 1—3. 4478 ед. хр. и 135 ед. иллюстративного материала (фотографии, живопись, графика, альбом собственных рисунков).

** *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. М., 1997. С. 469—478.

отставки и переселения в Крым, т. е. в 1881—1886 гг.* В публикуемом томе при описании событий, относящихся к 1867 г., есть и более точное указание — 1881 г.**

Текст «Воспоминаний» Милютина публикуется впервые без каких-либо сокращений и приведен в соответствие с современными правилами орфографии. При этом учтены и сохранены стилистические и языковые особенности написания некоторых слов и структуры фраз. Например: «Я встретил Государя на подъезде нового здания», «энергетическая воля», «излить внаружу» свое недовольство, «обгибающая Байкал» и др. Сохранена по оригиналу и авторская транскрипция имен собственных и географических названий, авторские подчеркивания отдельных мест или слов выделены курсивом. Пропущенные и недописанные слова, за исключением общепринятых сокращений, воспроизведены в прямых скобках. Абзацы даются по оригиналу.

В подстрочных сносках, обозначенных звездочками, приводятся авторские примечания, перевод иностранных текстов, смысловые расхождения выправленного автором текста с первоначальным вариантом, смысловые неисправности текста. Авторская правка стилистического и грамматического характера в подстрочных примечаниях не оговорена. Орфографические ошибки и описки устранены в тексте публикаторами без оговорок. Цифровые сноски относятся к комментариям в конце книги.

Фамилии лиц, упомянутых в «Воспоминаниях», не поясняются в комментариях, а аннотируются в указателе имен. В указателе имен в скобках приведена авторская транскрипция либо разные варианты написания некоторых фамилий, сохраненные в тексте. В аннотациях фамилий чиновников гражданского ведомства даны только гражданские чины высших классов, как правило, связанные со службой в конкретном учреждении. Помимо указателя имен в книге помещен и указатель географических названий. Редкие случаи некоторых неточностей и разночтений в датировке отдельных писем, допущенные Милютиным, отмечены в комментариях. Издание снабжено иллюстративным материалом.

* * *

Составители этого издания приносят глубокую благодарность всем, кто оказал содействие и помощь в подготовке публикации: А.Ю. Володину, кандидату исторических наук А.А. Комзоловой, доктору исторических наук С.В. Мироненко, И.Н. Мухину, И.С. Терехову, М.О. Филипповой, К.А. Цыковой и особенно сотрудникам и руководству ОР РГБ.

---

* Там же. С. 34—38.

** С. 443 настоящего издания.

Д.А. Милютин

МОИ СТАРЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Книги XV – XVII

1865–1867

Книга XV

1865-й год

Первые три месяца года в Петербурге

Открытие земских учреждений

Болезнь и кончина Наследника Цесаревича

Погребение Наследника Цесаревича.
Апрель и май

Лагерное время

Поездки Государя в Москву
с 14 августа по 22 сентября

Пожары

Положение дел в Западном крае
и Царстве Польском

Дела кавказские и азиатские

Введение военно-окружного управления
на Кавказе и на азиатских окраинах

Последние три месяца 1865 года

Дела печати

Общее политическое положение в 1865 году

Дела Военного министерства в 1865 году

ПЕРВЫЕ ТРИ МЕСЯЦА ГОДА В ПЕТЕРБУРГЕ

1 января по заведенному порядку представлен мною лично Государю годичный «всеподданнейший доклад» о деятельности Военного министерства за минувший 1864 год и дальнейшем плане действий по всем отраслям военного управления. Доклад этот, по прошествии короткого времени, возвращен мне с такою собственноручною отметкою Государя на первой странице: «Искренно благодарю за все, что уже исполнено, и одобряю вообще все, что имеется еще в виду. Дай Бог довершить нам всю нашу военную реорганизацию на прочных основаниях»[1].

На полях доклада положены были в двух местах следующие отметки: против того места, где сказано было, что значительные чрезвычайные расходы, вызванные в 1863 и 1864 гг. мятежом польским[2] и угрожавшею нам войною, нельзя признать затратою бесплодною, так как они дали нам возможность выполнить неотлагательно предположенные по военному ведомству весьма важные реформы и вместе с тем предупредить войну европейскую, которая, конечно, потребовала бы от государства несравненно больших пожертвований, — Государь отметил: «В этом нет никакого сомнения»; в другом месте, где я коснулся нареканий со стороны некоторых противников предпринятых в военном ведомстве преобразований[3] и выразил надежду, что подобные неосновательные толки, выказывающие большею частию незнакомство с сущностью дела и целью совершающихся реформ, не могли поколебать уверенности Его Величества в том, что Военное министерство идет верным путем к предположенной цели — всестороннему развитию и совершенствованию вооруженных сил империи, — сделана отметка: «Нет, не поколебали».

Таким образом, Государь не только одобрял вполне все сделанное в истекшее трехлетие, но выражал как бы солидарность

свою во всем плане действий Военного министерства. Однако ж на том же докладе была другая резолюция: «Рассмотреть в особой Комиссии из членов Государственного совета: генерал-адъютантов Чевкина, Игнатьева, Плаутина и Гринвальда, под председательством старшего...»

В числе обычных официальных новостей на Новый год объявлены были довольно важные изменения в личном составе Государственного совета. Председателем его назначен великий князь Константин Николаевич, находившийся в то время за границей, в Госларе, где проводило зиму семейство его. Он возвратился в Петербург только 7 января. Председательствовавший в Совете со времени кончины графа Д.Н. Блудова действительный тайный советник князь Павел Павлович Гагарин, оставшись по-прежнему председателем Комитета министров, сохранил за собою и обязанности вице-председателя в Государственном совете, хотя и без этого титула: на него возложено было председательство в отсутствие великого князя. При этом князю Гагарину пожалован украшенный алмазами портрет Государя для ношения на груди. В данном по этому случаю рескрипте указывались особенные заслуги князя Павла Павловича по преобразованию судебной части[4]: «Вы не только принимали участие в предварительном начертании главных начал и имели высший надзор за составлением проектов законоположений, касающихся преобразования судебной части, но под Вашим председательством* и сии начала, и самые Уставы предварительно рассматривались в соединенных Департаментах законов и гражданских дел Государственного совета; вы же председательствовали и при окончательном обсуждении оных в общем собрании Совета. Таким образом, дело это, польза и значение которого с каждым годом будут более и более выясняться всею Россиею, неразлучно связано с именем Вашим».

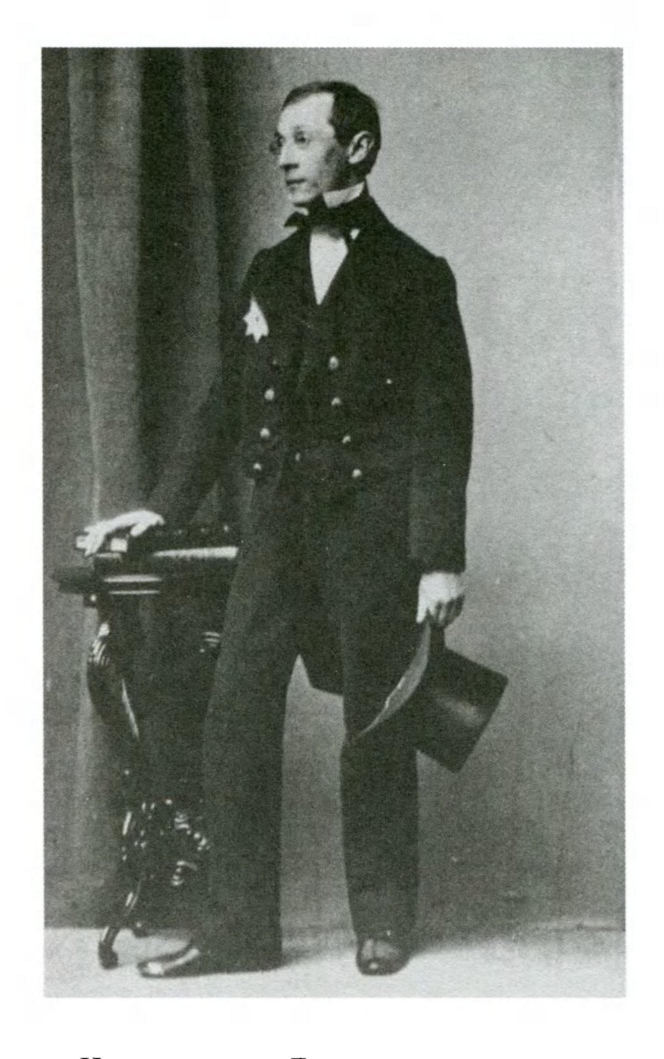
Главный сотрудник князя Гагарина как вообще по Государственному совету, так и, в частности, по делу преобразования судебной части, Государственный секретарь Владимир Петрович Бутков[5] награжден орденом Св. Александра Невского и назначен членом Государственного совета и Комитета министров

* В звании председателя Департамента законов.

П.П. Гагарин

с оставлением членом Кавказского комитета[6], в котором он был до того времени и управляющим делами*. Он же был также управляющим делами Сибирского комитета[7], состоявшего под председательством великого князя Константина Николаевича. Комитет этот был тогда же, 1 января 1865 года, упразднен, и подлежавшие его рассмотрению дела перешли в Комитет министров. Так как все члены Сибирского комитета состояли вместе с тем и членами Комитета министров, то упразднение первого из них в сущности не имело другого значения, кроме перемены личностей председателя и управляющего делами.

* Должность эту занял помощник его, тайный советник Гулькевич.



С.Н. Урусов

На должность Государственного секретаря вместо Буткова назначен тайный советник князь Сергей Николаевич Урусов, занимавший до того место товарища обер-прокурора Синода. Это был хороший юрист, человек умный, гибкого характера, обладавший даром слова и пером. Князь Урусов умел превосходно изложить и разъяснить самое запутанное и сложное дело; но вместе с тем обладал и способностью извернуться в самых щекотливых затруднениях. Он пользовался вниманием и благосклонностью при Дворе, особенно со стороны императрицы, ко-

торая любила входить в вопросы церковные и религиозные. Притом же князь Урусов был родной брат Анастасии Николаевны Мальцевой — друга императрицы.

Из членов Государственного совета важнейшие награды на Новый год получили граф Панин и Чевкин — орден Св. Владимира 1-й степени, Брок и Метлин — Св. Александра Невского. Много наград роздано чинам Государственной канцелярии и другим лицам, принимавшим участие в разработке и обсуждении судебных уставов.

В первый же день года последовало назначение моего брата Николая членом Государственного совета с оставлением членом Главного комитета по устройству сельского состояния и при прежних занятиях польскими делами[8].

Наконец, в тот же день объявлено об установленной медали в память усмирения польского мятежа 1863—1864 гг., — светло-бронзовой для лиц военных, участвовавших в действиях против мятежных шаек, и темно-бронзовой — для прочих лиц, в каком-либо отношении содействовавших прекращению мятежа.

1865 год начинался при обстановке весьма утешительной. Мятежное движение, охватившее в предшествовавшие два года весь Западный край империи, было подавлено окончательно; наступило, как тогда казалось, полное торжество русского народного духа и патриотизма. Великий переворот освобождения крестьян от крепостной зависимости совершился успешно, без всяких тревог, без тех смут, которых многие так опасались. Истекший 1864 год ознаменовался двумя новыми государственными реформами первостепенной важности — земскою и судебною. Первая уже вводилась в действие[9]; вторая — была только что обнародована и к осуществлению ее изыскивались средства.

Следовавшие одно за другим преобразования, усиленная деятельность законодательная, улучшения во всех отраслях администрации — возбуждали в обществе живой интерес, составляли главный предмет разговоров, поддерживали светлые надежды на будущее. Правда, и тогда далеко не все разделяли такое благодушное настроение; с новым порядком вещей все еще не могли примириться весьма многочисленные противники всяких вообще нововведений, приверженцы старины, крепостники, самодуры, скорбевшие об утраченных привилегиях сословных. Но вся эта темная сила не смела в то время слишком громко поднимать

голос; она только ворчала втихомолку, и ропот ее заглушался преобладавшим в правительственной сфере и в среде образованных, развитых людей сочувствием к прогрессу.

Таково было в начале года настроение официального и делового люда в Петербурге. Светское же общество проводило этот сезон сравнительно тихо и скромно. При Дворе, кроме обычного «выхода» в день Крещения, 6 января, с процессией на Иордан и большим парадом войск, не было ни балов, ни других больших собраний, так как императрица и Наследник Цесаревич Николай Александрович по причине болезни проводили зиму в Ницце с младшими великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и великою княжной Марией Александровной. К тому же в течение зимы в Петербурге, так же как и во многих местностях России, свирепствовали сильная болезненность и смертность. В особенности обратила на себя внимание врачей появившаяся особая форма тифозной горячки, получившая название «возвратной» (febris recurens). Существовавшие в Петербурге больницы оказались совершенно недостаточными для приема огромной массы ежедневно заболевавших. Город должен был открывать новые временные лечебницы; военное ведомство также помогало в широких размерах. Целые полки гвардейские были выведены за город и казармы их отданы под больницы.

Известия о болезнях в Петербурге и других местах России, доходившие в крайне преувеличенном виде за границу, произвели там тревогу; враждебные России газеты распространили даже ложные слухи, будто у нас чума, но что правительство тщательно скрывает настоящее свойство эпидемии. Присланы были в Петербург иностранные врачи для изучения болезни и собрания сведений о степени ее заразительности.

Болезненность и смертность в Петербурге начали заметно ослабевать только с наступлением лета, когда в Европе появилось новое, более серьезное опасение — занесение холеры, которая первоначально обнаружилась в Аравии и Египте, откуда постепенно переносилась на берега Малой Азии, а затем и Южной Европы.

Государь проводил первые месяцы 1865 года в грустном настроении, озабоченный известиями, ежедневно приходившими из Ниццы, то успокоительными, то тревожными. Несмотря на

то, официальная, деловая жизнь его шла обычным порядком. После утренних занятий он обыкновенно гулял пешком по Дворцовой набережной и Летнему саду, а иногда заезжал в которое-либо из учебных заведений или других учреждений.

Однажды, вследствие моего доклада об отличном устройстве нового здания, возведенного на Выборгской стороне у Литейного моста для Медико-хирургической академии, Государь решился посетить это заведение, несмотря на свое предубеждение против него. Встречая часто студентов академических (носивших в то время форменную одежду) не всегда в опрятном виде, иногда без соблюдения формы или с длинными волосами, Государь привык смотреть на Медико-хирургическую академию как на безобразный вертеп, куда неприятно ступить ногой. Однако ж, по просьбе моей, он согласился осмотреть новое здание* и назначил для того пятницу, 22 января, в половине 3-го часа, т. е. в обычное время прогулки его. Я встретил Государя на подъезде нового здания со всем начальством Академии. Почтенный президент действительный статский советник Петр Александрович Дубовицкий повел Его Величество по всем залам, кабинетам, аудиториям, объясняя назначение каждой части, а затем мы перешли по соединительной галерее в госпиталь, где Государь обошел почти все палаты, заходил в музей, в обе церкви и кончил госпитальною кухнею. Осмотр этот продолжался более часа, и Государь остался вполне доволен найденным везде порядком. Посещение это ободрило весь академический персонал, привыкший считать себя «на дурном счету».

В течение февраля Государь два раза производил смотры войскам: 9 февраля — 1-й бригаде гвардейской Кирасирской дивизии, на Марсовом поле, а затем вызванному по тревоге Павловскому полку; 22-го же числа также вызваны были по тревоге другие части войск Петербургского гарнизона. Оба раза войска заслужили благодарность царскую за быстроту сбора и правильность произведенных строевых учений.

В феврале наложен при Дворе и в войсках трехмесячный траур по вдовствующей королеве Нидерландской Анне Павловне, скончавшейся 17 февраля. Годовщина восшествия Государя на престол в этом году праздновалась официально 21-го числа,

---

* Здание это было отстроено еще в 1863 году, но получило окончательное внутреннее устройство только в исходе 1864 года.

Н.И. Евдокимов

в воскресение, так как 19-е число упало на пятницу первой недели Великого поста, когда Его Величество и прочие члены царского семейства говели.

В первые два месяца года произошло несколько перемен как в составе Военного министерства, так и на высших постах местной администрации.

6 января объявлено в приказе решенное уже ранее увольнение генерал-адъютанта графа Евдокимова от должности начальника Кубанской области с назначением состоять при особе великого князя главнокомандующего Кавказскою армией[10] и с сохранением содержания. Вместе с тем назначен он шефом Дагестанского пехотного полка, которым некогда командовал, и пожалована ему пенсия в 10 тысяч рублей ежегодно. Так сошел со сцены один из самых видных деятелей кавказских последнего времени. Граф Николай Иванович, несомненно, оказал важные

заслуги в деле окончательного покорения Кавказа; имя его займет видное место в истории Кавказской войны[11]. Но тем прискорбнее тень, наброшенная на его память сомнением в его бескорыстии. Считаю лишним здесь распространяться как в оценке его служебной деятельности и характеристике его личности, так и в рассмотрении поводов к возникшим на его счет подозрениям: в том и другом отношении уже много высказано (даже в печати) такими лицами, которые служили непосредственно под начальством графа Евдокимова и близко изучили эту замечательную личность. Оставшись «не у дел», граф Евдокимов поселился в своем имении под Пятигорском и предался со свойственною ему деятельностью сельскому хозяйству. В общественном мнении его считали новым Крезом на том основании, что пожалованный ему участок земли за Кубанью, на речке Кудако, приобрел громкую известность оказавшимися на нем баснословно обильными нефтяными источниками. Но в деле хозяйства, Н.И. Евдокимов, как видно, оказался менее практичным и счастливым, чем в борьбе с горцами. Говорят, что он увлекся слишком обширными затеями и привел свои дела в расстройство.

Место графа Евдокимова на Кубани занял генерал-лейтенант граф Сумароков-Эльстон, состоявший до того атаманом Кубанского казачьего войска и пользовавшийся покровительством великого князя Михаила Николаевича. Начав службу в Гвардейской конной артиллерии, Эльстон был адъютантом великого князя Михаила Павловича, потом флигель-адъютантом и вице-директором канцелярии Военного министерства (во время Сухозанета, когда директором канцелярии был генерал-адъютант князь Викт[ор] Иллар[ионович] Васильчиков). В 1858 г. он прибыл на Кавказ, командовал сперва Апшеронским пехотным полком, потом Грузинским гренадерским и, наконец, в 1863 году назначен атаманом Кубанского казачьего войска, когда должность эта была отделена от должности командующего войсками Кубанской области. С назначением Эльстона на место графа Евдокимова обе должности опять соединились в одном лице. Эльстон был женат на дочери генерал-адъютанта графа Сумарокова, передавшего ему и свою фамилию с графством*.

* Далее в автографе зачеркнуто: «Граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон, хотя и не выказывал особенных, блестящих дарований, был, однако же, человек разумный и доброжелательный» (*примеч. публ.*).

П.П. Альбединский

Того же 6 января состоялось назначение на должность командующего войсками Харьковского военного округа генерал-адъютанта графа Бреверна-де-Лагарди, на место которого начальником штаба войск гвардии и Петербургского округа назначен командир Лейб-гусарского полка генерал-майор Свиты Альбединский. Эти два человека были совершенно противоположных свойств: один — служака старого закала, крутого нрава, строгий, надменный, тяжелый в обращении; другой — человек вполне придворный, ловкий, гибкий, находчивый. До назначе-

ния командиром гвардейского Конно-гренадерского полка (которым он командовал ранее, чем Лейб-гусарским), Альбединский в звании флигель-адъютанта состоял военным агентом в Париже и успел понравиться при Дворе Наполеона III. По возвращении в Россию, он женился на княжне Александре Сергеевне Долгорукой, дочери статс-секретаря у принятия прошений князя Сергея Алексеевича. Женитьба эта, ставившая Альбединского в положение несколько щекотливое, не повлияла, однако же, нисколько на его отношения общественные и служебные; он умел держать себя с большим тактом и, благодаря счастливым природным качествам, сделаться полезным деятелем даже в высших служебных должностях.

Друг и однокашник Альбединского граф Пётр Андреевич Шувалов незадолго пред тем (15 декабря) назначен был на место генерал-адъютанта барона Ливена генерал-губернатором прибалтийских губерний и командующим войсками Рижского округа. 9 января он прибыл в Ригу и вступил в должность.

Вслед за тем сменился и в Киеве генерал-губернатор и командующий войсками. Генерал-адъютант Николай Николаевич Анненков 19 января уволен от должности по расстроенному здоровью. На место его назначен оренбургский генерал-губернатор генерал-адъютант Александр Павлович Безак. Назначение это давало надежду, что при твердом характере и энергии нового начальника Юго-Западного края дела в этом крае получат более решительный характер, чем при его предместнике, отличавшемся чрезмерным бюрократизмом и формализмом.

30 января состоялся приказ об увольнении от должности председателя Генерал-аудиториата генерала от инфантерии Владимира Афанасьевича Обручева по собственному его прошению, мотивированному расстройством здоровья и преклонными годами. Место его осталось незамещенным до самого упразднения Генерал-аудиториата и замены его Главным военным судом[12].

На место же генерала Безака в Оренбург назначен (9 февраля) генерал-адъютант Крыжановский, состоявший членом Военного совета. Несколько спустя (24 февраля) переменилось начальство и в Казанском военном округе. Генерал-адъютант Кнорринг, показавший так мало энергии при прошлогодних трудных обстоятельствах в крае, был уволен по болезни, и место его занял бывший до того времени помощником командующего войсками Киевского округа генерал-лейтенант Семякин — ста-

рый служака, хорошо показавший себя в Севастополе[13], и хотя не имевший высшего образования, даже несколько топорный, но обладавший здравым умом и характером. На место Семякина в Киев помощником к генералу Безаку назначен генерал-лейтенант Николай Фёдорович Козлянинов, начальник 5-й кавалерийской дивизии. Начав службу в Корпусе инженеров путей сообщения, Козлянинов был прикомандирован к Гвардейскому конно-пионерному эскадрону, поступил в Военную академию, служил в гвардейском Генеральном штабе в одно время со мной, а впоследствии, уже в чине полковника, перешел в строевую службу в кавалерии. Это был офицер способный, бойкий и ретивый.

В ночь с 1 на 2 марта скончался в Царском Селе генерал от артиллерии Яков Васильевич Захаржевский, один из старейших подвижников Отечественной войны, потерявший ногу под Лейпцигом и получивший за это сражение Георгия 3-й степени[14]. Он долго занимал должность главноуправляющего в Царском Селе, где заведовал не только Дворцовым правлением, но и городом. Это была типичная личность, уцелевшая от аракчеевской школы. Кроме примерной исполнительности и аккуратности в службе, главною отличительною чертою безногого старика была непомерная требовательность чистоты и внешнего порядка. В этом отношении Царскосельский парк и самый город во времена Захаржевского представляли, можно сказать, идеальное совершенство. Никто из гуляющих, кто бы он ни был, не смел что-либо выбросить на дорожке или оставить после себя какой-либо след. На эту тему рассказывались забавные анекдоты. 5 марта происходили в Царском Селе похороны Захаржевского с подобающими почестями. Место его занял генерал-адъютант Гогель, состоявший до того времени его помощником.

На шестой неделе Великого поста, в пятницу, 26 марта, Государь по заведенному порядку осматривал картографические и топографические работы Военного министерства в залах Зимнего дворца.

На Страстной неделе Государь вторично говел. В это время начали приходить из Ниццы тревожные известия на счет положения Наследника Цесаревича. Поэтому Пасху (4 апреля) встретили в Петербурге в грустном настроении. Тем не менее соблюден был весь обычный праздничный порядок, не исключая, ко-

нечно, и наград, обыкновенно жалуемых на Светлое Воскресение. В числе этих наград доставили мне большое удовольствие назначения: начальника военно-учебных заведений генерал-майора Исакова — генерал-адъютантом, вице-директора Инспекторского департамента генерал-майора Мещеринова — в Свиту, а моего личного адъютанта графа Апраксина — флигель-адъютантом*.

Пред самою Пасхой, когда вследствие тревожных известий из Ниццы уже решен был отъезд Государя за границу, Его Величество был озабочен новым немаловажным вопросом — переменою начальства в Северо-Западном крае.

Положение этого края в короткое время управления генерала Муравьёва изменилось вполне; по крайней мере по наружности, вся польская окраска была стерта[15]. Но по мере того как выказывались яснее результаты тяжелой руки Муравьёва, усиливались и нападки на его образ действий со стороны петербургских покровителей поляков. Польские аристократы, прикидываясь верноподданными, приезжали в Петербург и своими рассказами возбуждали в известных кружках сострадание к угнетенным и разоренным жертвам виленского «проконсула». Начали даже обвинять Муравьёва в незаконных будто бы действиях, в превышении власти; в особенности же ставили ему в упрек то, что он, вытеснив всех местных должностных лиц польского происхождения и заменив их чиновниками, вызванными из русских губерний, наполнил будто бы край самыми неблагонадежными, вредными личностями, которые дают крестьянскому делу опасное направление и проводят идеи социализма.

Все эти толки конечно доходили до самого Муравьёва и раздражали его. К помощнику своему по гражданской части генералу Потапову он потерял всякое доверие и смотрел на него как на тайное орудие Валуева и князя Долгорукова. Петербургские друзья Михаила Николаевича извещали его, что интриги против него заметно подействовали на самого Государя. Некоторые из польских аристократов, приговоренные военным судом к ссылке за участие в мятеже, получили помилование и даже возвращены

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «В том же приказе на 4 апреля министр Двора граф Владимир Фёдорович Адлерберг получил звание шефа Выборгского пехотного полка» (*примеч. публ.*).

в край, вопреки мнению Муравьёва; толковали даже в Петербурге об общей амнистии ко времени предстоявшего бракосочетания Наследника Цесаревича Николая Александровича.

При таком положении дел Муравьёв окончательно решился оставить занимаемый пост и с этою целью прибыл 19 марта в Петербург. 24-го числа он принят был Государем и тут убедился лично в том, что действительно доверие к нему Его Величества поколеблено. Государь прямо высказал распространенные нарекания на неблагонадежность чиновников в Северо-Западном крае и вредное направление, данное ими крестьянскому делу. Муравьёв опровергал этот упрек и в заключение просил увольнения от должности[16]. Государь не удерживал его и заговорил о выборе ему преемника. Речь шла о двух кандидатах: генерале Хрущове, незадолго пред тем назначенном помощником генерала Муравьёва по военной части, и генерале Кауфмане, начальнике канцелярии Военного министерства. Государь остановил было свой выбор на Хрущове, хотя сам признавал его совершенно не подготовленным к гражданскому управлению, а потому полагал оставить помощником его генерала Потапова, вопреки мнению, выраженному Муравьёвым, о непригодности Потапова к этой должности.

На другой день при утреннем моем докладе Государь объявил мне о результате своих объяснений с генералом Муравьёвым и предположенном назначении генерала Хрущова. Я позволил себе усомниться в способности Хрущова к такому трудному делу, каково было управление Северо-Западным краем при тогдашних обстоятельствах. Генерал этот пользовался репутациею честного боевого офицера, любим войсками, украшен Георгием на шее, но в гражданском управлении никогда не имел случая испытать себя и даже еще в недавнее время, при укрощении мятежа в Царстве Польском, командуя войсками Люблинского отдела, не выказал ни особенной энергии, ни распорядительности. Государь, не отрицая неопытности Хрущова в делах гражданского управления, рассчитывал, что в этом отношении он найдет себе поддержку в Потапове, о мнимых достоинствах которого наслышался от князя Василия Андреевича Долгорукова.

Но между тем вопрос о преемнике Муравьёва, особенно интересовавший министра внутренних дел и его партию, был предметом частных переговоров Валуева с князем Долгоруковым.

А.П. Хрущёв

У них родился неожиданный проект: отделить должность генерал-губернатора от должности командующего войсками в округе и, назначив на эту последнюю Хрущова как генерала, пользовавшегося авторитетом в военном мире, возложить генерал-губернаторскую должность на Потапова. Понятно, что для министра внутренних дел желательно было иметь на этом месте человека менее самостоятельного, более податливого и сговорчивого, — послушное орудие в руках министра, и ни от кого другого не за-

висящее. Генерал Потапов вполне соответствовал таким условиям. Со стороны шефа жандармов Валуев нашел полную поддержку: уже и прежде, неизвестно почему, князь Василий Андреевич не раз высказывался против соединения в одном лице власти военной и гражданской. Однако ж я не мог разделять такое мнение, и при совещании у Государя по этому предмету в субботу, 27 марта, после моего обыкновенного доклада я заявил положительно, что при тогдашних обстоятельствах разделение властей в Вильне было бы не только неудобно, но даже опасно. Государь, ввиду нашего разногласия, приказал остановить заготовленный уже на 4 апреля (день Светлого Воскресения) приказ о назначении Хрущова и командировать в Вильну генерала Кауфмана, чтобы на месте собрать сведения о действительном положении дел в крае и чтобы переговорить с Хрущовым о возникших предположениях.

Генерал Кауфман, выехав из Петербурга 31 марта, в среду на Страстной неделе, возвратился накануне Пасхи, 3 апреля, с донесением, что видимое спокойствие, водворенное в крае крутыми мерами Муравьёва, далеко еще не прочно; что в короткое время отсутствия генерал-губернатора из Вильны при одних слухах об оставлении им должности уже проявились снова польские поползновения; притом генерал Кауфман доложил, что генерал Хрущов признает предложенную министром внутренних дел комбинацию совершенно неудобоисполнимою и не считает возможным принять на себя военное управление краем, если права генерал-губернаторские будут предоставлены генералу Потапову. Вместе с тем Кауфман привез и письмо Потапова, который просил у Государя дозволение прибыть в Петербург прежде окончательного решения дела.

Разрешение на приезд Потапова в Петербург было дано в тот же день по телеграфу, и приказ, заготовленный на Светлое Воскресение о назначении Хрущова, приостановлен.

На второй день Пасхи, 5 апреля, генерал Муравьёв имел еще раз личный доклад у Государя и ходатайствовал о наградах некоторым из своих подчиненных. По этому поводу опять вышла некоторая шероховатость: Государь, взглянув на поданный ему наградный список, снова сделал замечание, что между русскими чиновниками в Северо-Западном крае есть много личностей неблагонадежных; что в числе испрашиваемых наград некоторые не подходят под правила, и в заключение приказал было Му-

равьёву передать наградный список министру внутренних дел. Оскорбленный таким неблагосклонным приемом ходатайства своего после двухлетних усиленных и успешных трудов, Муравьёв вложил наградный список в свой портфель, сказав, что видя нежелание Его Величества пожаловать заслуженные награды, берет свое ходатайство назад. Тогда Государь смягчился, взял у него обратно наградный список, и на другой же день генерал Муравьёв получил от министра внутренних дел уведомление, что все испрашиваемые им награды Высочайше разрешены.

5-го же числа вечером приехал Потапов, а на следующий день, 6 апреля, опять назначено у Государя совещание с участием и Потапова. После моего обыкновенного доклада приглашены были в кабинет князь Долгоруков, Валуев и Потапов, а несколько минут спустя пригласили и меня. Тут я высказал еще положительнее, чем в первом совещании, мое мнение о несообразности предложенной Валуевым комбинации, об опасных последствиях раздвоения власти в крае, где еще неокончательно подавлено недавнее восстание и где необходимее, чем где-либо, единая энергическая воля для довершения начатого дела обрусения края. В заключение предложено мною: в случае признания неспособности генерала Хрущова к занятию поста генерал-губернатора назначить на обе должности, военную и гражданскую, генерал-адъютанта Кауфмана, которого способности и разумный взгляд на польское дело уже оценены самим Государем. Мнение мое взяло верх. Государь решил назначить генерала Кауфмана на обе должности, о чем приказал мне известить генерала Муравьёва, а вместе с тем сообщить ему о желании Его Величества, чтобы он оставался еще некоторое время на своем посту до окончательных распоряжений, которые будут сделаны из Ниццы, так как в тот же вечер назначен был отъезд Государя за границу.

Генерал Потапов уехал в Вильну в тот же день в царском поезде, крайне разочарованный и недовольный*. В продолжение еще двух недель он исправлял в Вильне генерал-губернаторскую должность в ожидании приказа об увольнении Муравьёва и назначении Кауфмана.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Ему в особенности было неприятно оставаться в распоряжении нового генерал-губернатора» (*примеч. публ.*).

ОТКРЫТИЕ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

К началу 1865 года сделаны были все предварительные распоряжения к открытию новых земских учреждений в 22 губерниях*. Во многих из этих губерний уже были произведены и выборы гласных. Первое открытие губернского земского собрания было в Самарской губернии в феврале, потом в Костромской, а затем постепенно открывались и в других. Выборы гласных везде были произведены в полном порядке и спокойствии; встречавшиеся недоразумения немедленно разрешались, и на первых порах явилось в числе избранных немало таких личностей, которые могли быть вполне полезными земскими деятелями. Многие принялись за дело с охотою, даже с одушевлением и лучшими намерениями. Казалось, земские учреждения открывали широкий путь деятельности [для] местных сил в видах ограждения интересов всех сословий. Все те, которые сетовали на бюрократию, которые чувствовали на себе ее гнет, не могли не радоваться новому началу местного самоуправления.

Однако ж и это дело не обошлось без оппозиции и тормозов. С одной стороны, оно встретило холодный и даже неприязненный прием со стороны некоторой части дворянского сословия, привыкшей барствовать над «мужиком», с другой — само правительство, едва только установив всесословное самоуправление, как будто спохватилось — не сделало ли оно неосторожного шага, и с самого же приступа к исполнению нового законоположения сочло нужным зорко следить за новыми учреждениями, держать их, так сказать, в узде.

Первый повод к такому со стороны правительства предубеждению еще ранее самого открытия земских учреждений подало открывшееся 3 января собрание дворянства Московской губернии.

При открытии заседания этого собрания московский военный генерал-губернатор генерал Офросимов произнес речь, в которой, желая выразить особенное значение тогдашнего собрания, сказал: «Из среды своей, *из вашего именно сословия*, предстоит вам избрание представителей, которым по Всемилостивей-

---

* А именно: Московской, Самарской, Пензенской, Псковской, Симбирской, Херсонской, Костромской, Черниговской, Нижегородской, Новгородской, Ярославской, Тамбовской, Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Калужской, Рязанской, Тульской, Смоленской, Тверской и Казанской.

ше дарованному вам праву земского самоуправления будут вверены интересы *всех сословий* губернии». Оборот, данный в этой речи предстоявшему началу новых земских учреждений, очевидно, был неправильный; из слов генерал-губернатора можно было заключить, что дворянству именно как сословию вверяются интересы всех других сословий.

С 4-го числа начались весьма оживленные заседания Московского дворянства*[17]. В одном из первых же заседаний, 5 ян-

---

* Далее в автографе зачеркнуто подробное описание этих заседаний: «В первое же из этих заседаний некоторые из дворян (Витборг, Засецкий, Фонвизин, Рябинин) возбудили вопрос о правильности постановленного за месяц пред тем (9 декабря 1864 г.) депутатским собранием (из предводителей дворянства и депутатов) решения, чтобы право непосредственного, личного участия в дворянских выборах, принадлежавшее по прежнему законодательству (ст. 51 Устава о выборах) помещикам, "имевшим 100 душ крестьян или не менее 3 тысяч десятин земли", не предоставлять тем дворянам, которые вследствие Положения 19 февраля 1861 года уже не подходят под указанный в прежнем законе ценз. Председатель собрания Московской губернии предводитель дворянства действительный статский советник князь Лев Николаевич Гагарин не допустил обсуждения этого вопроса, как уже решенного окончательно; но между тем постановление депутатского собрания было внесено (18 января) министром внутреннихдел на разрешение Сената, который признал это постановление неправильным, а потому и самые выборы дворянские, произведенные на основании того же постановления, были Сенатом отменены, и вслед за тем Дворянское собрание было закрыто. Нельзя не заметить, что аргументация сенатского решения была вовсе не убедительна. Сенат указывал лишь на то, что приведенная статья 51-я уже изменена в редакции по продолжению 1863 года к Своду законов (взамен слов: "дворянин, имеющий не менее 100 душ крестьян мужского пола, ему принадлежащих", поставлено: "дворянин, владеющий имением, которое заключает в себе не менее 100 душ временнообязанных крестьян"), — что доказывает, что право личного участия на выборах нисколько не изменилось и после закона 19 февраля 1861 года. Но сам Сенат упомянул, что Высочайше утвержденным 1 января 1864 года (стало быть позже указанного изменения редакции статьи 51-й) мнением Государственного совета, ввиду введенных новых земских учреждений, признано было нужным, чтобы министр внутренних дел внес предположение свое о тех изменениях, которые оказываются необходимыми и в постановлениях о дворянских выборах. Предположения эти не были еще внесены министром, а из этого Сенат и вывел заключение, что впредь, до утверждения нового закона, следует руководствоваться прежними, формально не отмененными. Конечно, с формальной стороны, Сенат был прав, пока дело шло только о дворянских имениях, которые "заключают в себе" временнообязанных крестьян; но распространяется ли приведенная статья закона на тех дворян, которые покончили свои отношения с крестьянами и остались с одним поземельным имуществом, не достигающим уже определенного прежним законом ценза?

Помимо спорного вопроса юридического, заседания Московского дворянского собрания подали и другой, более серьезный повод к закрытию его» (*примеч. публ.*).

варя, возбуждено было некоторыми членами (Н.А. Безобразовым, графом Уваровым, Голохвастовым) предположение о назначении из среды собрания особой *исполнительной* комиссии для подготовления всех данных и материалов к чрезвычайному Дворянскому собранию, которое должно быть созвано в свое время собственно для обсуждения нужд и польз дворянства, согласно предоставленному ему праву. В следующем заседании, 7-го числа, комиссия была уже образована, и затем поднят вопрос об отношениях дворянства к будущим земским учреждениям. Тема была крайне щекотливая; особенно в таком собрании, где большинство членов принадлежало к той именно категории дворянства, которая не могла переварить ни уничтожения крепостного права, ни нового всесословного самоуправления. В числе этих недовольных было немало и лиц образованных, развитых, которые мечтали о вознаграждении дворянского сословия за утраченные привилегии новыми правами политическими, по идеалу английской аристократии. В таком смысле высказались некоторые из московских ораторов в жару импровизированного красноречия и под впечатлением накипевшего раздражения.

Известие о смелых речах, произнесенных в Московском дворянском собрании, в тот же день было передано по телеграфу в Петербург. Поднялась тревога; Государь собрал у себя совещание; решено было немедленно закрыть собрание. Вместе с тем положено для предупреждения могущих возникнуть и в других собраниях дворянских или земских таких же неудобных и опасных по тогдашним понятиям разглагольствований заявить Высочайшее неодобрение действий Московского собрания в форме рескрипта на имя министра внутренних дел. В этом рескрипте, подписанном 29 января, было выражено:

«Благополучно совершившиеся в десятилетнее Мое царствование и ныне по Моим указаниям еще совершающиеся преобразования достаточно свидетельствуют о Моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мере возможности, в определенном Мною порядке разные отрасли государственного устройства. Право вчинания по главным частям этого постепенного совершенствования принадлежит исключительно Мне и неразрывно сопряжено с самодержавною властью, Богом Мне вверенною. Прошедшее в глазах всех Моих верноподданных должно быть залогом будущего. Никому из них не предоставле-

но предупреждать Мои непрерывные о благе России попечения и предрешать вопросы о существенных основаниях ее общих государственных учреждений. Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя предо Мною ходатайство об общих пользах и нуждах государства. Подобные уклонения от установленного действующими узаконениями порядка могут только затруднять Меня в исполнении Моих предначертаний, ни в каком случае не способствуя к достижению той цели, к которой они могут быть направляемы...»[18]

Урок был ясный и категоричный; но приведенный рескрипт, отвергая право инициативы сословных собраний в общих вопросах государственного устройства и усовершенствования, не отнимал, однако же, надежд на дальнейшее развитие начатых реформ собственною инициативою верховной власти. Стало быть, вопрос заключался только в своевременности предстоявших в будущем Великих реформ. Такое впечатление произвел рескрипт 29 января и на общественное мнение. То, что было высказано в собрании Московского дворянства, говорилось во всей России весьма откровенно. Людям самым серьезным казалось, что освобождение крестьян и земские учреждения суть первые шаги на пути к конституции. Правда, что конечная цель, к которой должен был привести этот путь, рисовалась в воображении каждого по-своему. В этом отношении мнения были разнообразны до бесконечности. Одни ставили идеалом английскую аристократию, тогда как в понятиях других в России невозможна другая конституция, как чисто демократическая; а славянофилы бредили старинною боярскою думой[19] и т. д. Все эти мечтания были более похожи на галлюцинацию; люди, не увлекающиеся фантазиями, понимали, что немыслимо какое бы то ни было представительное устройство в государстве на другой день после отмены права собственности одного сословия над другим, когда только приступалось еще к разборке между этими двумя сословиями, когда масса народонаселения еще не могла освоиться с понятием о своей гражданской самобытности, о независимости от вчерашних своих господ. С другой стороны, в том слое населения, которому присваивается название интеллигенции, высказывалась страшная неустойчивость понятий, совершенное отсутствие политического воспитания. Между старым крепостником и юным социалистом была целая бездна.

Московское дворянство, подняв жгучий вопрос, конечно не помышляло вовсе о том, что его разглагольствования могли бы прямо вести к государственному перевороту; оно не имело подобных иллюзий; оно сознавало всю несбыточность в то время конституционного правления в России в какой бы то ни было форме. Мне кажется, что с его стороны не было другого побуждения, кроме потребности излить внаружу, гласно, пред лицом самого правительства, свою досаду. Это был своего рода протест. Дворянство как будто хотело сказать верховной власти: ты отняла у нас прежние, укоренившиеся прерогативы во имя либеральных и гуманных идей века; хорошо, — так во имя тех же идей, теперь уступи свои прежние, отжившие права самодержавия; за отнятые у нас права гражданские дай нам теперь в вознаграждение права политические.

Но помимо строптивой выходки московского дворянства, мысль о дальнейшем развитии уже дарованных России земских учреждений была довольно распространена даже в высших правительственных сферах. К ней склонялся и сам министр внутренних дел П.А. Валуев, который не прочь был связать свое имя с новым, весьма важным шагом на пути реформ*. По мнению Валуева, было бы опасно предоставить естественному течению дальнейшее развитие преобразования государственного строя; правительство должно само вести к заранее намеченной цели с надлежащею постепенностью. В таком смысле представил он Государю записку, в которой указывалось существовавшее в то время настроение умов в России и, сколько мне помнится, предлагалось, в видах удовлетворения заявляемых требований, призывать к участию в занятиях Государственного совета представителей местных интересов[20].

Вследствие этой записки, Государь назначил у себя секретное совещание, в котором кроме меня участвовали князь Горчаков, князь Долгоруков, Валуев, Рейтерн и еще некоторые другие. Совещание началось с прочтения записки Валуева, которая привела нас, присутствовавших, в крайнее недоумение, по крайней мере, тех из нас, которым до того времени ничего не было известно о записке. Что это такое? Серьезное ли намерение Госу-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Но Валуев принадлежал к той школе политиков, которые преклоняются пред феодальными порядками нашего Остзейского края и с презрением отзываются о демократизме славянской расы» (*примеч. публ.*).

П.А. Валуев

даря поднять вопрос о конституции в России или только ловушка нам, министрам? Все мы, каждый отдельно, имели не раз случай узнать воззрение Государя на этот щекотливый предмет; всем, вероятно, приходилось слышать от него презрительные отзывы о парламентском режиме. Не раз он приводил выражение императора Николая I, говорившего, что он понимает только две формы правления — самодержавие или республику, и ничего среднего между ними.

По прочтении записки Государь обратился прежде всего с вопросительным выражением к князю Горчакову, который категорически отозвался против всякой попытки на пути к представительству. В том же смысле высказались и другие. Я со своей сто-

роны также подал мнение, что считаю несвоевременным при настоящих обстоятельствах возбуждать подобные предположения, ввиду неустановившихся еще новых отношений и взаимного недоверия между двумя сословиями. Заметно было, что Государь остался доволен таким единодушным заявлением, — и на том дело покончилось.

Однако ж в обществе толки о попытке Московского собрания, о рескрипте 29 января, о будущих желанных реформах не прекратились. Они проникли в заграничную печать, которая придала им, как всегда, преувеличенное значение. Ввиду этих газетных статей, редакция «Инвалида»[21] также приготовила передовую статью, в которой развивалась мысль о несвоевременности применения к России конституционных форм. Я не решился пропустить эту статью, не показав ее Государю; но представленный мною оттиск возвратился ко мне с собственноручною резолюциею Его Величества: «Статью эту не признаю удобною к напечатанию».

Мне приходилось не раз таким же образом прибегать непосредственно к Государю как верховному цензору политических статей, печатаемых в «Инвалиде», особенно в тех случаях, когда я знал вперед, что статьи идут вразрез со взглядами моих коллег (Валуева, князя Долгорукова). Но чтобы объяснить, какое значение имел в то время «Русский Инвалид», я должен буду в своем месте коснуться вообще тогдашнего положения печати.

БОЛЕЗНЬ И КОНЧИНА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

Государыня императрица, как уже было сказано, проводила зиму в Ницце с Наследником Цесаревичем и с младшими детьми: великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами (которым тогда было 7 и 4 года) и великою княжной (11-летней). Ее Величество занимала загородную виллу «Пельон» среди садов, примыкающих к городу с западной стороны; по соседству с нею, в вилле «Дисбах», помещался Наследник Цесаревич, а в третьей вилле — «Бермон» — жили некоторые лица свиты.

Свиту Ее Величества составляли: обер-гофмаршал граф Андрей Петрович Шувалов, гофмейстер князь Пётр Андреевич Вяземский (известный поэт), статс-дама графиня Наталия Дмитриевна Протасова, камер-фрейлина графиня Антонина Дмитриевна Блудова, фрейлины баронессы Фредрихс и Пиллар. При ве-

С.Г. Строганов

ликой княжне состояла фрейлина Анна Фёдоровна Тютчева; при младших великих князьях — капитан-лейтенант Дмитрий Сергеевич Арсеньев; несколько гувернеров и преподавателей.

При Наследнике Цесаревиче находились: попечитель его, граф Сергей Григорьевич Строганов, Свиты генерал-майор Отто Бурхардович Рихтер, исправлявший должность гофмаршала Скарятин и доктор Шестов. Из этих лиц граф Строганов, конечно, имел первенствующее значение. При всех своих недостатках он, однако же, принес немалую пользу в воспитании Наследни-

ка своею правдивостью и твердыми нравственными правилами; главная же его заслуга состояла в том, что он старался окружить Наследника людьми развитыми, образованными, умевшими вселить в юношу любовь к научным занятиям и уважение к знанию. К числу таких личностей принадлежал и генерал-майор Рихтер, который своим благородным характером, честным взглядом и отличным воспитанием имел самое хорошее влияние на юного цесаревича. Наследник очень полюбил его и привязался к нему.

Личность самого Наследника Цесаревича была чрезвычайно симпатична. Самая наружность его была привлекательна: тонкие черты лица, напоминавшие материнское выражение, добрые глаза, изящные манеры, приветливое со всеми обхождение. К прекрасным качествам души и кроткому характеру присоединялось тщательное воспитание, данное ему под близким материнским надзором императрицы. С ранних лет у Наследника были развиты высокие нравственные правила, правдивость, честность. Он был религиозен, но без ханжества; гнушался всякой фальши и неправды, и привязывался к тем личностям, которых признавал «людьми хорошими». Учебное образование цесаревича велось серьезно, не урывками, и хотя по натуре он был скорее склонен к вялости и лени, но имел довольно силы воли, чтобы преодолеть в себе эти слабости. Тем более приносили ему чести усидчивые, дельные труды научные, которым он посвящал все время, остававшееся в его распоряжении от обычных в царской семье и в придворной жизни формальных обязанностей. Преподаватели часто дивились серьезности ума юноши, умению его выражаться устно и письменно. Часто он проявлял необыкновенную для его возраста самостоятельность в мыслях и суждениях. Менее всех других членов царской семьи поддавался он вкоренившимся традициям и предрассудкам. Он горячо сочувствовал либеральным реформам и прогрессу, не увлекаясь однако же ребяческими фантазиями. Он был искренно привязан к родине и особенно полюбил все русское после двух путешествий своих по России — путешествий, обильных плодами и оставивших по себе в посещенных им местностях самое отрадное впечатление[22].

Всей России известны были прекрасные свойства цесаревича, и потому на него возлагались блестящие надежды в будущем. Тем прискорбнее было расстройство здоровья его, и тем с большим участием следили у нас за известиями из Ниццы. В начале

Наследник Цесаревич великий князь Николай Александрович

зимы казалось, что тамошний благодатный климат оказывал благоприятное влияние на здоровье Наследника, так же как и Государыни императрицы. Хотя цесаревич был очень слаб, однако ж выходил прогуливаться по террасе своей виллы. Императрица также каждое утро с 9 часов гуляла пешком по своему саду, ежедневно навещала цесаревича, иногда обедала у него; по временам каталась с детьми по прелестной дороге в Виллафранку, где стояла в гавани русская эскадра[23] под начальством контр-адмирала Лесовского, состоявшая из четырех военных судов: фрегатов «Александр Невский» и «Олег», корвета «Витязь» и шхуны «Алмаз».

Спокойная и однообразная жизнь, которую по необходимости вела императрица, конечно, отражалась и на всех окружавших ее, несмотря на все старания придумывать какие-нибудь развлечения. Вечерние собрания по пятницам в вилле «Bermont» у графини Протасовой, привлекали массу посетителей, русских и иностранцев; но эти рауты были мало оживлены и кончались обыкновенно рано. Накануне Рождества (по русскому календарю) на вилле «Дисбах» у цесаревича была устроена «елка»; на другой день то же повторилось в вилле «Пальон» у императрицы, и в тот же вечер было многочисленное собрание в вилле «Bermont» у графини Протасовой. Моряки наши, старавшиеся также доставлять развлечения своим соотечественникам, задали блестящий праздник накануне русского Нового года: на фрегате «Александр Невский» был обед, а потом бал, к которому было приглашено до 200 гостей как русских, так и иностранцев. В самый же день Нового года русская церковь в Ницце была переполнена, и бóльшая часть присутствовавших после обедни отправилась в виллу «Пальон». Императрица принимала поздравления и всех удостоила приветливого слова. Прием продолжался около часа. Вечером же у Ее Величества было небольшое семейное собрание, а в вилле «Bermont» обычный раут (приходилось в пятницу). В этот же вечер в ниццском театре в честь русских пропет был русский национальный гимн, а в Виллафранке на французской яхте «Aigle» французский адмирал угощал наших моряков завтраком.

8 января приехали навестить императрицу великий герцог Гессен-Дармштадтский и брат Ее Величества принц Александр Гессенский. Около того же времени выписаны были из Парижа для консультации, два знаменитых врача: Райэ и Нелатон. Они пробыли в Ницце всего один день, осмотрели Наследника и дали отзыв о его болезни весьма успокоительный. В то время не придавали достаточной важности недугу цесаревича. Пользовали его, кроме собственно при нем состоявшего врача Шестова, еще и состоявший при императрице лейб-медик Гаартман, а также живший постоянно в Ницце частный русский врач Реберг. По незнанию ли, а быть может, для успокоения императрицы болезнь цесаревича считали последствием простуды, острым ревматизмом и побуждали больного превозмогать страдания, не холиться. Рассказывали, что в особенности граф Строганов долго отрицал серьезность болезни, требовал от своего питомца спар-

танского мужества, побуждал его выходить на воздух, кататься. Вот для примера несколько телеграмм, которыми тешили русскую публику из Ниццы:

10 февраля: «Государь Наследник продолжает успешно лечиться от упорных, но вовсе неопасных последствий простуды».

19 февраля: «Государь Наследник ежедневно прогуливался в открытом экипаже и присутствовал на карнавальном гулянье (corso)».

5 марта: «Государь Наследник видимо поправляется».

Действительно, больной начал чувствовать себя несколько лучше, хотя все еще был очень слаб и часто жаловался на сильные боли в членах. В хорошую погоду он катался с императрицей, иногда с лицами свиты. Во время карнавала великие князья с детскою веселостью забавлялись обычными в Италии проделками уличной толпы. Императрица продолжала кататься по дороге в Виллафранку и раз даже посетила фрегат «Александр Невский». 21 февраля моряки наши дали на фрегате второй бал. В это время императрица несколько простудилась и не выходила из комнат. Только с начала марта она возобновила свои ежедневные прогулки. Спокойная жизнь и живительный морской воздух благотворно действовали на ее здоровье.

С шестой недели Великого поста болезненное состояние Наследника Цесаревича приняло вдруг неблагоприятный оборот. 24 марта обнаружились первые опасные симптомы: сильные головные боли, бессонница и рвота. Врачи признали пребывание больного на вилле «Дисбах» неудобным и переместили его на виллу «Bermont». В ночь со Страстной пятницы на субботу (с 2 на 3 апреля) болезненные симптомы сделались так тревожны, что врачи начали опасаться поражения головного мозга. Но в следующую ночь, на Светлое Воскресение, замечено было в положении больного некоторое облегчение; он провел эту ночь спокойнее, так что во время разговения у императрицы общее настроение было несколько менее тревожное. К сожалению, надежды эти продолжались недолго. В следующую ночь (с воскресения на понедельник) прилив крови к голове так усилился, что врачи решились открыть опасность императрице. Открытие это, конечно, произвело на нее удручающее впечатление; но она имела столько силы воли, что немедленно сама телеграфировала Государю об опасности и пригласила священника с Святыми Да-

рами. Сильные средства, употребленные врачами для возбуждения жизненных сил, привели больного в сознание, хотя и на короткое время. Священник Прилежаев приобщил цесаревича. Императрица, несмотря на свою слабость и на подорванное здоровье, не отходила почти от постели больного с тех самых пор, как объявили ей об опасном его положении. Она ухаживала за ним днем и ночью. Нежные материнские чувства придавали дивную энергию слабой и больной женщине.

В положении больного в первые дни Святой недели сменялись периоды некоторого облегчения и ухудшения. Естественно, что и в среде окружавших его чередовались надежды и минуты отчаяния. Не только люди близкие к царской семье, но можно сказать, все население ниццское было озабочено опасным положением цесаревича. Личности совершенно неизвестные, иностранцы приходили на виллу «Bermont» наведываться о переменах в ходе болезни.

Государь, по первым известиям об опасном положении цесаревича, отправил в Ниццу лейб-медика Здекауера, который и выехал из Петербурга 2 апреля. Вслед за тем в Светлое Христово Воскресение выехал и великий князь Александр Александрович, который был очень дружен с цесаревичем*. Между тем приглашены были на консультацию в Ниццу знаменитый венский врач Опольцер и наш знаменитый хирург Пирогов.

5 апреля, на второй день праздника, в Петербурге получена из Ниццы телеграмма, такого содержания:

«Государь Наследник, после 10-дневных страданий головными болями, почувствовал сегодня утром сильный прилив крови к мозгу. Хотя около полудня оказались признаки более успокоительные, но по желанию Государыни императрицы, Его Величество приобщился Святых Тайн».

Государь решился сам отправиться в Ниццу и выехал 6-го числа в 11 часов вечера в сопровождении великих князей Владимира и Алексея Александровичей. В свите Его Величества отправились князь Василий Андреевич Долгоруков, граф Александр Владимирович Адлерберг и другие лица, обыкновенно сопутствовавшие Государю в его поездках; в числе их доктор Карель. Но кроме этих лиц отправился на этот раз и князь Александр Аркадьевич Суворов, который всегда выказывал особен-

* Великого князя сопровождал генерал-адъютант граф Перовский.

ную привязанность к царским детям, и можно сказать, нянчил их. На время отсутствия князя Суворова исправление должности генерал-губернатора в Петербурге было возложено на генерал-адъютанта Петра Петровича Ланского*.

С 6-го числа во всех петербургских церквах ежедневно служили молебствия о выздоровлении цесаревича. Толпы народа стекались на молитву с неподдельным чувством. В городе не было других разговоров, как только об известиях из Ниццы. Конечно, то же самое повторялось и во всей России.

7-го числа получена была из Ниццы следующая телеграмма:

«Посланный в Ниццу лейб-медик Здекауер, прибыв сюда вчера, в 5-м часу пополудни, нашел, что Государь Наследник Цесаревич страдает воспалением мозга (méningite cérébro-spinale). Признаки мозгового воспаления уменьшились, но упадок сил и лихорадка продолжались. Сегодня, в 7 часов утра, после беспокойно проведенной ночи с малым сном лихорадочное состояние несколько увеличилось, но признаки давления на мозг, наоборот, значительно уменьшились. Движение членов свободно. Опасность не миновалась».

Затем следовали бюллетени по нескольку раз в день, за подписью Здекауера, Гартмана, Шестова и Реберга.

7 апреля, 10 часов вечера. «Признаки прилива крови к мозгу значительно уменьшаются. Силы не упадают. Лихорадка умеренная».

8 апреля, 7 часов утра. «Государь Наследник ночь провел беспокойно. Раздражение мозга возобновилось, сопровождаемое бредом. Пульс медленный, температура маловозвышенная».

8 апреля, 9 часов утра. «С 4 часов утра, после ночи, проведенной без сна, наступил бред и усилились признаки раздражения мозга. Опасность возрастает. Ожидаем Пирогова и Опольцера».

8 апреля, 2 часа пополудни. «Возобновившееся раздражение мозга приостановилось после приема цинка; беспокойство уменьшилось; пульс и дыхание так же, как утром».

9 апреля, 8 часов утра. «Сначала Его Высочество провел ночь очень беспокойно; в 3 часа утра сон был довольно спокойный и реже прерывался; температура понизилась».

---

* Женившегося на вдове поэта Пушкина и овдовевшего[24].

9 апреля, 10 часов утра. «После употребления энергических врачебных средств, Его Высочество вчера вечером пришел в память и узнавал окружавших его. Ночь провел сравнительно лучше и с 3 часов даже спокойно; утром сегодня проснулся почти с полною свободою головы. Опасность не миновалась».

9 апреля, $4^1/_2$ часа пополудни. «Спокойное состояние продолжается; силы не упадают, опасные признаки уменьшаются, жар умеренный, много сна».

10 апреля, 7 часов утра. «Ночью перемежный бред; сна почти не было. С утра Его Высочество узнает окружающих и ответами обнаруживает полное присутствие памяти».

Таким образом, в течение нескольких дней положение больного подвергалось значительным колебаниям, оставаясь, однако же, безнадежно опасным. Это была тяжелая борьба молодого организма с смертельным недугом. Врачи прибегали ко всевозможным средствам, чтобы хотя на короткое время поддержать потухающую жизненность, — и в такие часы просветления головы больной узнавал подходивших к нему, выражал свои нежные чувства. Особенно был он нежен с матерью, очень обрадовался свиданию с братом, великим князем Александром Александровичем, приехавшим в Ниццу 8 числа, в тот именно день, когда к вечеру больной пришел в память. Накануне, 7-го числа, прибыла в Ниццу из Флоренции великая княгиня Мария Николаевна* со старшим сыном князем Николаем Максимильяновичем.

10-го же апреля прибыли в Ниццу Н.И. Пирогов, а затем и сам Государь с королевою Датскою, принцессою Дагмар и наследным принцем Датским.

Государь, выехав из Петербурга, как уже сказано, 6 апреля в 11 часов вечера, следовал безостановочно чрез Берлин и Париж. Как в Берлине, так и в Париже поезд переходил от одной станции до другой по соединительным железнодорожным ветвям. В Кёльне Государь съехался (в ночь с 8 на 9 число) с королевою Датскою, которая вместе с наследным принцем Датским и принцессою Дагмар, невестою цесаревича, выехали из Копенгагена 6-го же числа, т. е. в день выезда Государя из Петербурга. Там же, в Кёльне, встретил Государя посланник наш в Брюсселе генерал-адъютант князь Орлов, проводивший Его Величество до

* Великая княгиня выехала из Петербурга еще 1 марта.

французской границы. 9-го числа около полудня в проезде чрез Париж Государь был встречен на станции Северной железной дороги Наполеоном III, принцессою Матильдой, генералом Флери и лицами русского посольства. Государь был чрезвычайно грустен и озабочен, несмотря на то, что Наполеон передал ему полученную в то утро, несколько ободрительную телеграмму из Ниццы. Свидание двух императоров продолжалось не более 10 минут.

10 апреля Государь прибыл в Ниццу в $2^1/_2$ часа пополудни. На станции встретили его все бывшие в Ницце члены царской фамилии, в том числе герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий, также принц Александр Гессенский, множество русских, многие датчане, местные французские власти, а вокруг станции теснилась густая толпа, желавшая высказать свое сочувствие русскому царю. Встреча Государя с ожидавшею его семьей, выражение лица его, убитого горем, нежные объятия, сопровождаемые рыданиями, тронули всех присутствовавших. Государь молча прошел мимо собравшихся на станции лиц и проехал прямо на виллу «Bermont», где для него было приготовлено помещение рядом с покоем больного. Для королевы Датской с принцем и принцессой нанята была, по распоряжению императрицы, особая вилла «Федер», поблизости от виллы «Бермон». Королева, заехав на короткое время в свое помещение, немедленно же посетила императрицу на вилле «Пельон», где и собралась вся семья.

Государь не решился войти к больному прежде, чем врачи признают свидание безопасным. Врачи приняли на себя подготовить цесаревича и нашли возможным допустить свидание в тот же день. Больной узнал своего отца, но, по-видимому, уже не отдавал себе полного отчета в происходившем около него, хотя и обнаруживал иногда свои впечатления. В тот же день больного осматривал Пирогов. Вот в каких выражениях сообщено было в Петербург известие об этом дне:

10 апреля, 10 часов вечера. «Совещание с профессором Пироговым; решено продолжать начатое лечение. Свидание с Наследником Цесаревичем было для Государя императора радостью и утешением. Состояние Его Высочества к вечеру снова беспокойное, но с меньшим бредом. Значительная слабость. Положение по-прежнему опасное».

Однако ж на другой день, 11-го числа рано утром, допущено было свидание больного с его невестою. При этом цесаревич выказал трогательное «удовольствие». Об этом свидании получена была в Петербурге следующая телеграмма:

11 апреля, 7 часов 55 минут утра. «Незначительное беспокойство, бред, быстрое истощение сил. 24 часа проведены без сна. Сегодня утром Его Высочество был глубоко тронут свиданием с принцессою Мариею Дагмарой и с Августейшими братьями. Легкий бред перемежается с полным присутствием памяти. Страшное изнеможение. Опасность весьма велика»[25].

Прибывший в тот же день венский врач Опольцер признал больного в «безнадежном положении».

Однако ж утром того же дня 11-го числа больной был еще в таком сознательном состоянии, что найдено было возможным еще раз приобщить его Святых Тайн. Цесаревич исполнил этот последний обряд с обычным благочестием, даже произнес с умилением несколько слов. Со всеми членами окружавшей его семьи он как бы прощался; с нежностью целовал руки императрицы. Рассказывают, что увидев великого князя Александра Александровича, больной сказал Государю, указывая на своего брата: «Это славный человек».

Но после этих трогательных минут силы больного совершенно истощились; он впал опять в бессознательное состояние, а по временам наступали сильные страдания. Настоящая агония началась в 10 часов вечера, а в 2 часа 55 минут ночи цесаревич кончил жизнь.

До последней минуты императрица и принцесса Дагмар не отходили от постели умиравшего. Изумительно, как могла слабая, болезненная женщина выдержать с такою бодростью все, что перенесла она в эти десять дней и физических усилий, и нравственных страданий. В телеграмме, которою утром 12 апреля граф Адлерберг сообщил в Петербург горестное известие, было прибавлено: «Государь император и Государыня императрица с умилением и покорностью переносят постигшую их скорбь и преклоняются пред неисповедимыми определениями Промысла Божья».

По вскрытии тела покойного цесаревича Пироговым и Опольцером в составленном ими акте, констатирован следующим образом диагноз болезни: первоначальными ее проявлениями признаны найденные в левом легком старые бугорки, за

которыми последовали туберкулезное отложение в позвоночном канале, костоеда двух спинных позвонков и конгестивные нарывы в правой чресленной мышце; окончательным же периодом развития болезни оказалось бугорчатое воспаление оболочек головного и спинного мозга (meningitis cerebro-spinalis tuberculosa).

Найденные расстройства, по мнению врачей, были неизлечимы. Открылось, что и приезжавшие из Парижа врачи Райэ и Нелатон еще в начале января также признавали положение больного безнадежным, но воздержались тогда прямо высказать свое мнение, чтобы не встревожить преждевременно императрицу и самого больного.

Если и в самом деле в последние месяцы пред кончиною цесаревича болезнь его получила такое развитие, что сделалась неисцелимою, — то из того же акта медицинского видно, что застарелые бугорки в легком показывают давнее начало недуга. Нельзя было не скорбеть о том, что это начало болезни не было замечено своевременно, когда, может быть, существовала еще возможность мерами гигиеническими и надлежащими предосторожностями остановить развитие угрожавшей опасности. С этой точки зрения, общественное мнение восстало и против придворных врачей, и против графа С.Г. Строганова, которого обвиняли в неуместной суровости в отношении к больному*.

Кончина Наследника Цесаревича произвела на всех сильное впечатление: это было не только печальное событие в царском семействе, но великое несчастие для всей России, тем более, что всем приходило на мысль сравнение усопшего цесаревича, на которого возлагались самые светлые надежды, со старшим из его братьев, которому предстояло заступить его место и который был вовсе не подготовлен к выпавшему на его долю так неожиданно высокому призванию. Сравнение было неутешительное[26].

Горестная весть, полученная в Петербурге утром 12 апреля, быстро распространилась по всем слоям столичного населения и разнесена была телеграфом во все углы России. Масса служащих и публики собралась в Исаакиевский собор к торжественной заупокойной литургии с панихидою. Со всех сторон стекавшиеся

---

* Справедливость этого упрека решительно отвергается лицами, стоявшими близко к покойному великому князю. В числе их находился профессор Б.Н. Чичерин, от которого я слышал не раз совершенно противное.

Великие князья Николай и Александр Александровичи

по телеграфу заявления общей скорби передавались Государю. В самый день кончины цесаревича получены были из Ниццы по телеграфу Высочайшие повеления относительно траура, который был наложен на 3 месяца с установленными подразделениями; но чинам свиты и тем частям войск, которых покойный наследник был шефом, повелено носить глубокий траур в продолжение 6 недель. В тот же день был отправлен из Ниццы с курьером манифест, которым Государь, по заведенному порядку, поделился со своими подданными тяжкою горестью, постигшею царское семейство, и вместе с тем, на основании закона о престолонаследии, провозгласил великого князя Александра Александровича Наследником Цесаревичем.

С 12-го числа ежедневно по два раза совершались панихиды в ниццской церкви, куда собиралось множество русских. 14-го же числа, в среду (на Фоминой неделе) вечером, совершена была церемония положения в гроб праха усопшего цесаревича и перенесение гроба из виллы «Bermont» в ниццскую церковь. Шествие представляло внушительный вид. Государь с великими князьями, принцами и свитою шел пешком за гробом; императрица ехала сзади в карете с великою княгинею Мариею Николаевною и детьми. Церковную службу совершали, кроме ниццского священника Прилежаева, приехавшие в Ниццу парижский протоиерей Васильев, женевский — Петров и висбаденский — Янышев (приехавший из Копенгагена с принцессою Дагмар). При гробе во все время нахождения его в церкви установлено было постоянное дежурство из множества русских, находившихся в то время в Ницце. Все были проникнуты искренним чувством скорби. Ниццское население и французские власти выказывали также единодушное сочувствие к понесенной Россиею утрате. В городе наложен был траур; все предполагавшиеся в то время увеселения и гуляния были отменены, театры закрыты. При выносе гроба из виллы у подъезда поставлен почетный караул от французского стрелкового батальона. На пути процессии выстроены были шпалерами части войск французского гарнизона Ниццы и команды русских матросов. В процессии участвовали командующий войсками местной дивизии (округа) генерал д'Орел-де-Паладень, морской префект вице-адмирал Шабан, генерал Корреар, префект Департамента des Hautes Alpes Гавини и другие гражданские власти.

Немедленно после церемонии 14-го числа датская королева с принцессою Дагмар и наследным принцем Датским выехали из Ниццы обратно в Копенгаген.

Государь, несмотря на удручавшую его горесть, не забыл, что в тот день, 14-го числа, был полковой праздник Гвардейского гренадерского полка и по этому случаю телеграфировал полковому командиру:

«В глубокой скорби шеф ваш, помня день полкового праздника, поздравляет своих молодцов-гренадеров. Поручаю всей моей гвардии молиться за упокой души того, который со дня рождения имел честь считаться в ее рядах».

Император Наполеон, оказывавший всякого рода вежливость и самое утонченное внимание к русской императрице во все

время пребывания ее в Ницце, выразил вновь свое сочувствие царскому семейству. Он прислал в Ниццу в качестве своего представителя при печальных церемониях принца Иоахима Мюрата, адъютанта своего Дюперре и поручика гидов (guides) Фиц-Джемса. Назначенный в самый день кончины цесаревича большой бал в Тюильри был отменен. На параде в Париже 13-го числа все офицеры имели креп на шпагах. Французским войскам в Ницце приказано было надеть траур.

Впрочем, во всей Европе кончина цесаревича была принята с сочувствием и скорбью. Государь получил от всех Дворов заявления соболезнования так же, как и от конгресса Вашингтонского. В Париже, Лондоне, Берлине, Вене отслужены были в русских церквах панихиды, при которых участвовали многие иностранцы. В Берлине присутствовал сам король с членами своей семьи.

Большее число русских, проживавших за границей, поспешило отправиться в Ниццу, чтобы отдать последний долг покойному цесаревичу, при церемонии перенесения гроба на русскую эскадру. В числе их был посол русский в Париже барон Будберг. Приехал тоже барон Зеебах, саксонский посланник в Париже, занимавший в прежнее время такой же пост в Петербурге и женатый на дочери графа Нессельроде.

Означенная церемония происходила 16 апреля. День был прекрасный, теплый, ясный; море — гладко, как зеркало. В $3^{1}/_{2}$ часа пополудни процессия тронулась от русской церкви по дороге в Виллафранку, в том же порядке и с тем же церемониалом, как в день перенесения гроба в церковь, и также с участием французских войск при громе выстрелов артиллерии. Государь, великие князья и свита ехали за погребальной колесницей верхом. Императрица не участвовала в этом печальном шествии: она отправилась вперед в экипаже и заранее переехала на фрегат «Александр Невский», чтобы там встретить дорогие останки любимого сына.

Когда процессия приблизилась к Виллафранке и показалась на вид стоявших в гавани судов, русских и французских, раздался с них салют, продолжавшийся и в то время, когда гроб переносился с колесницы на ожидавший у пристани траурный катер. Государь со всеми членами семьи своей и свитою переехал вперед на фрегат «Александр Невский», чтобы там встретить гроб, медленно подвигавшийся на катере, под балдахином. На фрегате

приготовлен был также катафалк под балдахином. Когда гроб был поднят на палубу и поставлен на приготовленное место, отслужена была панихида, и после того Их Величества возвратились в Ниццу.

В тот же день, 16-го числа утром (т. е. до церемонии), происходил у Государя прощальный прием французских властей: префекта, адмирала, генералов и мэра. Государь сердечно благодарил их за сочувствие, выказанное ими и всем ниццским населением. Префект департамента Гавини и мэр города Малосена получили письменные от барона Будберга выражения благодарности Государя; при письме к мэру препровождено было 10 тысяч франков для раздачи бедным. Письмо это было опубликовано в виде прокламации к городскому населению. Французским властям и офицерам стрелкового батальона, во все время занимавшего караулы, розданы русские ордена.

17 апреля с рассветом русская эскадра с прахом цесаревича снялась с якоря и вышла в море в сопровождении французского корабля «Invincible». Она состояла из фрегата «Александр Невский», клипера «Алмаз» и корвета «Витязь». Другой фрегат «Олег» отплыл накануне в Геную с великою княгинею Мариею Николаевною и должен был присоединиться потом к эскадре вице-адмирала Лесовского. Старшим распорядителем при гробе на время морского плавания назначен был генерал-адъютант Н.Н. Анненков.

По случаю дня рождения Государя в ниццской церкви происходила торжественная обедня; траур на этот день был снят. После обедни Государь принял многих русских, пожелавших откланяться Его Величеству; все были глубоко растроганы сердечным его приемом.

Вечером этого же дня назначен был выезд Их Величеств из Ниццы. К 7 часам собрались на станции железной дороги французские власти и множество русских. Войдя в вагон, Государь пригласил туда принца Мюрата, которому дал поручение передать императору Наполеону сердечную благодарность Их Величеств за все оказанные им знаки внимания и сочувствия. Когда поезд тронулся, толпа народа проводила его возгласами: «Vive l'Empereur».

Кроме членов семейства, сопровождавших Их Величества, в свите их находились генерал-адъютанты князь Долгоруков, князь Суворов, граф Адлерберг, обер-гофмаршал граф Шувалов,

посол барон Будберг и многие другие. В проезде через Лион 18/30 апреля на станции железной дороги (Lyon-Terrace) встретил Их Величества сам Наполеон III, находившийся в то время случайно в Лионе также проездом на пути в Алжир. Императоры дружески пожали друг другу руки и обменялись выражениями взаимных чувств. Свидание продолжалось лишь несколько минут, после чего русская императорская семья продолжала путь чрез Безансон, Мюльгаузен и Страсбург на Дармштадт, а Наполеон III в тот же день отправился в Марсель, откуда утром следующего дня отплыл в Алжир.

19 апреля Их Величества прибыли в Дармштадт, где встречены всею велико-герцогскою семьей и поселились в любимом местопребывании императрицы — Югенгейме. Здесь они решились отдохнуть и физически и нравственно в продолжение того времени, пока эскадра вице-адмирала Лесовского с гробом покойного цесаревича находилась в пути к Кронштадту. Великие же князья, Наследник Александр Александрович, Владимир и Алексей Александровичи, пробыв несколько дней в Югенгейме, уехали в Петербург.

ПОГРЕБЕНИЕ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА. АПРЕЛЬ И МАЙ

Тяжкая болезнь и кончина Наследника Цесаревича возбуждали во всем русском обществе такое живое участие, что все другое в продолжение того времени обращало на себя мало внимания и, так сказать, отходило на задний план.

Так, прошла почти незамеченною смерть генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, кончившего жизнь в той же Ницце и в то самое время, когда положение цесаревича приняло опасный оборот. Похороны графа Орлова происходили 6 апреля при стечении множества проживавших в Ницце русских. Граф Фёдор Васильевич был внук известного донского атамана и женат на дочери генерала от кавалерии Никитина, бывшего некогда во главе резервной кавалерии и южных (кавалерийских) поселений. Это был человек добродушный, хотя с казачьим «себе на уме»; пользовался благосклонным вниманием императора Николая и часто получал от него поручения разного рода.

В 1865 году минуло 150 лет со времени рождения нашего знаменитого Ломоносова и 100 лет со времени его смерти. В память этого великого ученого и писателя происходили 6 апреля празд-

нества, можно сказать, во всей России. В Петербурге было торжественное богослужение в Александро-Невской лавре на самой могиле Ломоносова с участием многочисленного духовенства и толпы народа; вечером же происходило торжественное заседание в Академии наук, причем произнесено несколько речей в честь знаменитого академика и объявлено об учреждении, по ходатайству Академии, особой Ломоносовской премии для выдачи в награду за важнейшие изобретения и сочинения. На другой день, 7-го числа, в зале Дворянского собрания происходил обед более чем на 500 человек с речами, чтением стихотворений и музыкой. В таком же роде и в тот же день происходили торжества в Москве и во всех больших городах, не исключая даже Риги и Ревеля.

Много шума произвело случившееся 13/25 апреля происшествие в Париже, в доме русского посольства. Это было покушение на жизнь секретаря посольства Бальша, который получил несколько тяжелых ран кинжалом. Преступник был отставной русский офицер Никитенко, сознавшийся, что решился на злодеяние единственно из-за того, что, оставшись в Париже совершенно без денег, получил от посольства отказ в пособии или заимообразной выдаче. Он схвачен был в самом помещении посольства французскими полицейскими, и первые допросы сняты также французскими властями. Впоследствии возник вопрос о подсудности преступника, но вследствие дипломатических объяснений, русское правительство согласилось, чтобы преступник был предан суду французских трибуналов. Никитенко был приговорен к каторжным работам (travaux forcés).

Утешительным событием описываемого времени было открытие в Одессе Новороссийского университета. 1 мая происходило это торжество к общей радости всего южного края. Лекции должны были начаться с началом учебного года, хотя число явившихся на первый раз студентов было весьма невелико и многие кафедры не были еще заняты.

1 мая, в 20-й день после кончины цесаревича, отслужена была в Петербурге, в Исаакиевском соборе, заупокойная литургия с панихидой в присутствии всех высших чинов и при большом стечении народа. Тут в первый раз петербургское население увидело великого князя Александра Александровича в новом его сане Наследника престола. Он казался задумчивым и глубоко огорченным.

Эскадра вице-адмирала Лесовского благополучно следовала чрез Лиссабон, Плимут и Большим Бельтом в Кронштадт. 21 апреля / 3 мая она остановилась в Гибралтаре, чтобы запастись углем. В Лиссабоне эскадре были оказаны особенные знаки сочувствия со стороны португальских властей, Двора и населения, а также моряками, английскими и американскими. Адмирал, начальствовавший английскою эскадрою в устье Таго, получил из Лондона приказание назначить один из кораблей для сопровождения русской эскадры до Плимута. Посланник Северо-Американских Штатов Гарвей, по соглашению с командиром находившегося в устье Таго американского фрегата «Ниагара», своею собственною инициативою предложил также этому фрегату провожать русскую эскадру до первого порта, куда она зайдет. При этом американский посланник в письме к русскому посланнику Кудрявскому выразил, что он заранее уверен в том, что распоряжение его будет одобрено правительством его. «Мы питаем надежду, что выражаем таким образом чувства уважения и признательности, какие Северная Америка питает к России <...> Сделанное нами распоряжение служит только слабым выражением лично питаемого нами сочувствия к тяжкому испытанию, которому Богу угодно было подвергнуть императорское семейство. Во все время, пока длилась наша ужасная междоусобная война, Ваш император, Ваше правительство и русский народ выказывали Соединенным Штатам приязнь и уважение, сделавшие русское имя дорогим для наших соотечественников...»[27]

Поводы к таким сочувственным отношениям Северо-Американской республики к России объясню особо, в своем месте.

5/17 мая эскадра вице-адмирала Лесовского прибыла в Плимут, где также была принята с почестями. 15/27 же числа, когда проходила чрез Большой Бельт, посетил ее король Датский и наследный принц, прибывшие из Копенгагена чрез Корсёр (Korsoer) в Ниборг, чтобы поклониться праху цесаревича. Наследный принц оттуда отплыл вместе с русскою эскадрой на датской яхте «Шлезвиг» и прибыл в Кронштадт 19/31 мая, за два дня до эскадры Лесовского, которая подошла к Кронштадту только 21 мая. Следовательно, она оставалась в пути от Ниццы более месяца (34 дня).

Между тем Государь с императрицей и младшими детьми прожили около трех недель в Югенгейме. Прекрасная погода и спокойная семейная жизнь оказали благоприятное влияние на

здоровье императрицы и укрепили ее нравственные силы. Туда же прибыли для свидания с Их Величествами принцесса Дагмар, королева Вюртембергская Ольга Николаевна, затем великий князь Михаил Николаевич с Ольгой Фёдоровной, приехавшие из Тифлиса чрез Одессу и Вену. Позже приезжали в Дармштадт король Вюртембергский, великий герцог Саксен-Веймарский, английский принц Альфред герцог Эдинбургский и другие принцы.

9/21 мая вечером Их Величества выехали из Югенгейма и утром следующего дня были встречены на Потсдамской станции железной дороги королем Вильгельмом, вдовствующею королевою, всею королевскою семьей, министром-президентом Бисмарком и местными властями. Король проводил Их Величества до Берлина, где встретили их чины русского посольства и герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий, прибывший из своего мекленбургского имения, чтобы сопутствовать Их Величествам до Петербурга.

От русской границы до Царского Села по приказанию Государя никаких почетных встреч не было. Также и на Царскосельской станции приказано было никому не встречать. Их Величества прибыли в Царское Село 12-го числа в 9 часов вечера. На другой же день прибыл в Петербург великий князь Михаил Николаевич с своим семейством, а 15-го возвратилась из-за границы великая княгиня Александра Иосифовна со своими детьми.

17 мая Их Величества приезжали в Петербург, слушали молебствие в Казанском соборе, заезжали в Зимний дворец и возвратились в Царское Село. Толпы народа теснились на улицах и на Казанской площади. В тот же день прибыл в Петербург прусский принц Альберт младший (племянник короля, сын принца Фридриха-Альберта, русский фельдмаршал).

По случаю возвещенного на 19-е число прибытия в Кронштадт наследного принца Датского, утром того дня отправился навстречу ему генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич на яхте «Стрельна». Также прибыли в Кронштадт датский посланник барон Плессен и назначенные состоять при датском принце генерал-адъютант барон Притвиц и флигель-адъютант граф Апраксин. Датская яхта «Шлезвиг» с приближением к Кронштадту была встречена установленным салютом с наших судов и фортов. Дойдя до Малого рейда, датская яхта бросила якорь, и от пристани Кронштадтской отошли два малых

парохода, чтобы перевезти принца на яхту «Стрельна», на которой ожидал великий князь Константин Николаевич. Но в это время ветер, уже весьма свежий с самой ночи, так усилился, и вода так пошла на прибыль, что кронштадтские пароходы с большим трудом могли подойти к датской яхте, и принц предпочел остаться на ней, на рейде, чтобы переждать погоду. Буря все усиливалась; в следующий день, 20-го числа, датская яхта передвинулась на Восточный рейд и опять стала на якорь. Только 21-го числа утром, наконец, принц решился перейти на яхту «Стрельна», на которой и прибыл в Петербург.

В то же самое утро Государь прибыл из Царского Села в Петербург, чтобы ехать в Кронштадт для встречи русской эскадры вице-адмирала Лесовского, так что Его Величество встретился с наследным принцем Датским на пристани Английской набережной и пригласил его с собою обратно в Кронштадт. В этой поездке сопровождали Государя, кроме великих князей, принц Альберт Прусский, а в свите находились князь Долгоруков, князь Суворов, оба графа Адлерберга (Владимир Фёдорович и Александр Владимирович), граф Перовский, адмирал Литке, генерал-адъютант Кауфман (как дежурный в этот день), управлявший временно Морским министерством Грейг и другие лица.

Между тем в Кронштадте уже с утра все было готово к встрече фрегата «Александр Невский» с прахом цесаревича Николая Александровича. Более 30 судов разных рангов было выстроено в одну линию вдоль Большого, Малого и Восточного рейдов почти от самого траверса Толбухина маяка. С появлением у брандвахты фрегата «Александр Невский», следовавшего в голове эскадры Лесовского, с кайзер-флагом покойного цесаревича на грот-мачте, начался салют с судов и фортов. Погода, глядевшая с утра пасмурно, прояснилась. Фрегат «Александр Невский» медленно подошел ко входу в Купеческую гавань и тут, против форта «князь Меншиков», остановился на якорь при гуле выстрелов и колокольного звона в городе. Государь с принцами, великими князьями и свитой подплыл на катере к фрегату и вошел на палубу его. К гробу цесаревича поставлен был почетный караул из дворцовых гренадер, прибывший из Петербурга. Отслужена была при гробе панихида, по окончании которой Государь со всеми сопровождавшими его возвратился на яхте «Стрельна» в Петербург и оттуда в Царское Село.

Приказами 22 и 23 мая оба прибывшие в Петербург иностранные принца были назначены шефами русских полков: принц Датский — 1-го гусарского Сумского, а принц Альберт — 14-го гусарского Митавского. По случаю предстоящего погребения цесаревича прибыли в Петербург депутации от полков русских, прусского (уланского) и австрийского (пехотного), которых покойный цесаревич был шефом. От императора Австрийского для присутствования при погребении прислан был генерал князь Франц Лихтенштейн и при нем полковник Том.

На 25-е число назначена была церемония перевезения тела цесаревича из Кронштадта на Английскую набережную и оттуда в Петропавловский собор. Еще накануне этого дня яхта «Александрия», приготовленная для принятия гроба с фрегата «Александр Невский», пришла в Кронштадт и стала борт о борт с ним. В 9 часов утра 25-го числа Государь прибыл из Царского Села на Английскую набережную и в сопровождении иностранных принцев, членов Императорской фамилии и тех же лиц свиты, которые сопровождали Его Величество 21-го числа, отправился вторично в Кронштадт на яхте «Стрельна». В 11 часов утра яхта вошла в Кронштадтскую гавань, кишевшую массою народа на стенках и на судах. Государь со всеми сопровождавшими его лицами прибыл на фрегат «Александр Невский», на котором ожидало духовенство. После литии Государь сам вместе с членами семейства переложили тело покойного цесаревича в приготовленный гроб, который перенесли на яхту «Александрия» и поставили на приготовленный катафалк под балдахином. Все это совершалось с торжественным спокойствием при глухом гуле кронштадтских колоколов, церковном пении и военной музыке «Коль славен наш Господь в Сионе». Разнородная и разноплеменная толпа народа стояла благоговейно с непокрытыми головами. Ко гробу поставлен был почетный караул. Вице-адмирал Лесовский сам перенес на яхту штандарт покойного цесаревича. Когда яхта с гробом тронулась и вышла из ворот гавани, начался со всех стоявших судов салют редкими выстрелами. В устьях Невы яхту встретили многочисленные речные пароходы. Ровно в час дня яхта причалила к пристани Английской набережной.

Тут приготовлен был катафалк и ожидал митрополит с многочисленным духовенством. Вдоль набережной уже расставлен был печальный кортеж, согласно с церемониалом, и по

всему пути шествия выстроены были войска шпалерами, а в нескольких местах устроены места для публики; дома были убраны трауром. Масса народа наполняла улицы, окна и балконы домов. Печальная колесница, запряженная 8-ю лошадьми, была окружена депутациями от полков и пажами с факелами. Когда яхта с гробом подошла к пристани, войска на набережной отдали установленную честь, а Государь и члены Императорской фамилии подняли гроб и перенесли его с палубы яхты на катафалк пристани. После литии гроб поднят был на колесницу и шествие двинулось при звуках похоронного марша военной музыки, пения церковного и печального колокольного перезвона. Шествие открывали лейб-гвардии Атаманский казачий полк и рота Семеновского полка; за ними шла прислуга покойного цесаревича, вели его лошадь, несли его герб; потом шли разные депутации, военные и гражданские чины; эскадрон лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, за которым несли кайзер-флаг, ордена покойного и знаки атаманского достоинства; за ними рота Преображенского полка, а затем певчие и многочисленное духовенство с образами и хоругвями. Пред самой колесницей шел духовник цесаревича. По обеим сторонам кортежа юнкера 1-го военного Павловского училища и пажи. За колесницей ехал Государь, верхом, в казачьем мундире, а за ним, также верхом, принцы, великие князья и свита, потом рота дворцовых гренадер, экипажи великих княгинь и придворных дам. Шествие замыкалось ротою Измайловского полка и казачьею батареей.

На всем пути процессии бросалось в глаза благоговейное чувство, написанное на всех лицах многочисленной толпы. Весьма многие крестились, некоторые женщины плакали. Такое настроение толпы было вполне чистосердечное; тут не было ничего напускного. Нельзя было самому хладнокровному человеку оставаться равнодушным к той действительно великой утрате, которая постигла не одну семью царскую, но всю Россию.

Шествие останавливалось пред Исаакиевским собором и у церкви Св. Троицы, и в обоих пунктах отслужены были литии. Во все время движения с Петропавловской крепости каждую минуту раздавались выстрелы. Вдоль Троицкого моста расставлены были воспитанники разных учебных заведений. Было около 4 часов, когда печальная колесница въехала в ворота крепости и остановилась у Петропавловского собора. У входа в церковь стояли почетные караулы, пехотный и кавалерийский. Го-

сударь и великие князья сняли гроб с колесницы, внесли в церковь и поставили на катафалк под балдахином.

Немедленно после панихиды Государь уехал в Царское Село, где оставалась императрица. Бедная мать не имела сил присутствовать на утренней тяжелой церемонии, но в тот же вечер она приехала в Петербург поклониться дорогому праху и помолиться у гроба. В 8 часов Их Величества присутствовали на панихиде и остались ночевать в Зимнем дворце.

26 и 27 мая ежедневно служили у гроба панихиды по утрам и вечерам в присутствии Государя и царской фамилии, а 28-го после заупокойной литургии происходили отпевание и погребение. Императрицу уговорили не присутствовать на этой церемонии, она оставалась в Царском Селе. В соборе теснилась масса присутствовавших, в том числе дипломатический корпус, многочисленные депутации от всех казачьих войск разных сословий и местностей. На валгангах крепости выстроены были войска развернутым строем (первые батальоны полков 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий), а батареи гвардейской артиллерии стали близ Троицкого моста у провиантских магазинов. По окончании панихиды Государь и члены Императорской фамилии подходили к телу покойника, затем подняли гроб с катафалка, перенесли его к приготовленной могиле с левой стороны собора рядом с могилою сестры его, великой княжны Александры Александровны. Гроб опущен при громе выстрелов пехоты и артиллерии.

С искреннею грустью разъехались мы из крепости. Государь с сыновьями своими возвратился в Царское Село.

На другой день погребения объявлено было в приказе о присвоении новому Наследнику престола великому князю Александру Александровичу звания атамана всех казачьих войск, шефа полков: лейб-гвардии Атаманского, 3-го уланского Смоленского и Финского поселенного № 9 Выборгского стрелкового батальона. Король Датский назначен шефом 17-го драгунского Северного полка, а великий князь Павел Александрович — шефом лейб-гвардии Гродненского гусарского. Прежде шефом всех названных полков был покойный цесаревич Николай Александрович. Из числа состоявших при нем лиц перечислены к новому Наследнику: гофмаршал Скарятин, генерал-майор Свиты Стюрлер, штаб-ротмистр Козлов и поручик князь Барятинский. Командир фрегата «Александр Невский» капитан 1-го ранга Фе-

доровский назначен флигель-адъютантом; командирам прочих судов эскадры вице-адмирала Лесовского объявлено Высочайшее благоволение, а самому ему — особенная благодарность Его Величества. Также и генерал-адъютанту Анненкову объявлена в рескрипте «искренняя и душевная признательность».

В тот же день, 29 мая, Государь принимал в Белом зале Зимнего дворца депутации и отдельных лиц, прибывших из разных мест по случаю погребения. Выйдя вместе с Наследником Александром Александровичем на средину зала, Государь произнес речь, в которой выразил благодарность свою за участие, принятое в понесенной горестной утрате единодушно «всею русскою семьей» и всеми сословиями. «В этом единодушии, — сказал он, — наша сила, и пока оно будет существовать, нам нечего бояться ни внешних, ни внутренних врагов ... Да сохранится это единодушие навсегда...» Затем, указав на великого князя Александра Александровича, прибавил: «Прошу вас перенести на теперешнего наследника моего те чувства, которые вы питали к покойному его брату; за его же чувства к вам я ручаюсь. Он любит вас так же горячо, как я вас люблю и как любил покойный. Молитесь Богу, чтобы он сохранил его вам для будущего благоденствия и славы России»[28].

Слова эти вызвали искренний восторг. Но еще сильнее впечатление произвели во всей России, и даже в Европе, слова, сказанные Государем при приеме депутации, прибывшей из Царства Польского. Речь эту стоит привести целиком:

«Я желал видеть вас, господа, чтобы поблагодарить за чувства, которые вы выразили мне при последних тяжких обстоятельствах. Хочу верить, что они искренни и желаю, чтобы они были разделяемы большинством ваших соотечественников, подданных моих в Царстве Польском. Чувства эти будут лучшим ручательством в том, что мы не подвергнемся уже тем испытаниям, чрез которые прошли в недавнее время.

«Я желаю, чтобы слова мои вы передали вашим заблужденным соотечественникам. Надеюсь, что будете содействовать привести их к рассудку.

«При сем случае не могу не припомнить те слова, поставляемые мне в укор, как бы оскорбление для Польши, которые я сказал в 1856 году в Варшаве, по прибытии туда в первый еще раз императором. Я был встречен тогда с увлечением, и в Лазенковском дворце говорил вашим соотечественникам: оставьте

мечтания (point de réveries). Если бы они последовали этому совету, то избавили бы наше отечество от многих бедствий. Потому-то возвращаюсь к тем же прежним моим словам: "оставьте мечтания".

«Я люблю одинаково всех моих верных подданных: русских, поляков, финляндцев, лифляндцев и всех других; они мне равно дороги, но никогда я не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединении Царства Польского от России и самостоятельном без нее существовании его. Оно создано русским императором, и оно всем обязано России.

«Вот мой сын Александр, мой наследник. Он носит имя того императора, который некогда основал Царство. Я надеюсь, что он будет достойно управлять своим наследием, и что он не потерпит того, что я не терпел.

«Еще раз благодарю вас за чувства, которые вы изъявили при последнем печальном событии».

Речь эта была комментирована на разные лады европейскою и в особенности польскою печатью, но слова, сказанные Государем в Варшаве за 9 лет назад и подавшие тогда повод к стольким нареканиям, на этот раз уже произвели совсем иное действие — действие отрезвляющее. Повторенные в такой торжественный момент и вскоре после недавних событий, слова эти укрепили в поляках сознание непреклонной воли, руководящей совершаемыми в Царстве Польском преобразованиями, убедили их в необходимости отказаться бесповоротно от прежних «мечтаний».

Все лица, прибывшие из-за границы по случаю погребения, откланялись Их Величествам и разъехались неотлагательно. Принц Альберт Прусский также торопился в Берлин и выехал из Петербурга 31 мая, но должен был остановиться в Ковне, где расположен был Митавский гусарский полк. Новому шефу полка приготовлен был гусарами почетный прием. Со станции железной дороги принц приехал к полку, выстроенному за городом, и присутствовал на учении, продолжавшемся около двух часов. Выразившись с большими похвалами об отличном состоянии полка, принц принял приготовленный ему на станции ужин, к которому были приглашены местные власти и все офицеры Митавского гусарского полка. За ужином были провозглашены многие тосты. На другой день утром принц выехал из Ковно в дальнейший путь.

Датский же принц оставался в Петербурге до 6 июня. В этот день Государь проводил его до Кронштадта на яхте «Александрия» и, простившись с ним на датском пароходе «Шлезвиг», возвратился чрез Петергоф в Царское Село, а принц отплыл в Данию.

В Петербурге и Царском Селе воцарилась тишина; у всех оставалось на душе тяжелое впечатление пережитого горестного события. Замечательно то неподдельное участие, с которым все классы населения отнеслись к этому событию, а в особенности сочувствие, возбужденное даже в простом народе личностью принцессы Дагмары. В день перевозки гроба в крепость в толпе почему-то вообразили, что принцесса находилась в числе лиц Императорской фамилии, и всем хотелось более всего увидеть ее — эту симпатичную невесту покойного Наследника, так неожиданно утратившую своего жениха. Особенно русские дамы видели в личности принцессы что-то интересное, романическое. Ее присутствие в последние минуты жизни покойного жениха у его смертного одра, ее скорбь и слезы об утрате ожидавшего ее счастья как будто породнили ее с Россией. Между петербургскими и московскими дамами явилась мысль — заявить каким-либо приношением свои чувства к принцессе, — и в несколько дней собрана была подписка для поднесения ей от петербургских дам креста, от московских же — Евангелия. В Петербурге во главе этого предприятия стояли Татьяна Борисовна Потёмкина, Елизавета Николаевна Карамзина, княгиня Софья Андреевна Гагарина и другие. Крест был заказан из лазуревого камня, формы византийской с оправою золотою и жемчугом. Оба приношения были представлены дамами императрице, которая поручила наследному принцу Датскому отвезти их к сестре его. Принцесса была глубоко тронута этим выражением сочувствия к ее личности. Русские произведения — крест и Евангелие были в Копенгагене выставлены на несколько дней для показа публике, а затем принцесса выразила свою признательность в письме к императрице от 26 июня / 8 июля: «Это святое Евангелие и этот святой крест будут всегда напоминать мне, что Россия, сделавшаяся столь дорогою для моего сердца, ищет себе сил и утешения в слове Спасителя и несет с верою и терпением ниспосланный ей с неба крест».

Прекрасное это письмо было опубликовано и произвело в нашей публике самое приятное впечатление[29].

ЛАГЕРНОЕ ВРЕМЯ

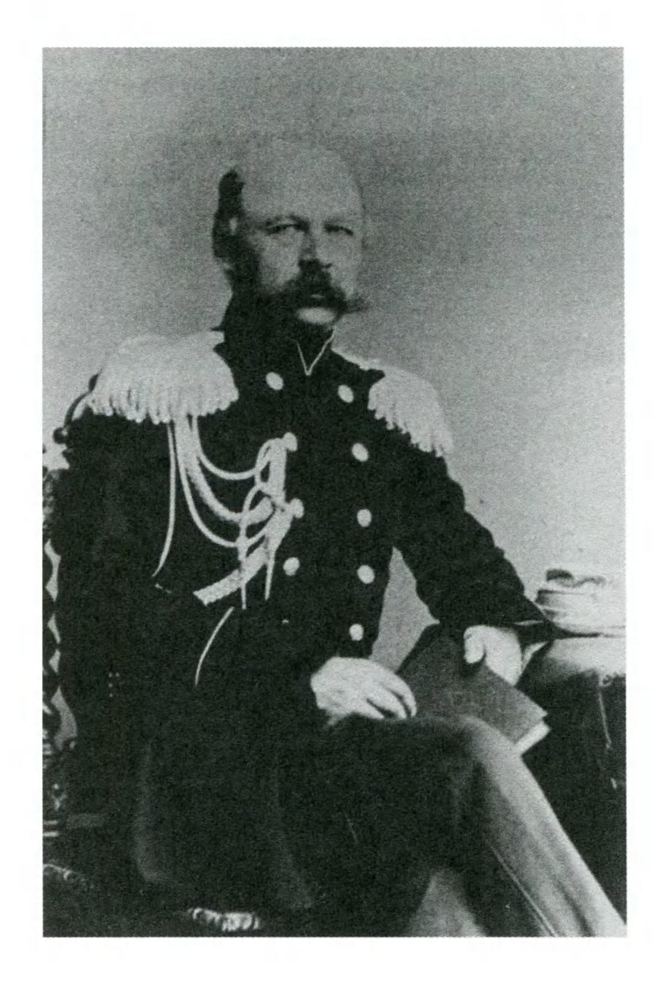
Царская семья после испытанного тяжкого удара и по окончании всех обрядов погребения покойного цесаревича проводила лето сперва в Царском Селе, а потом в Петергофе. За время отсутствия Государя за границу и в продолжение печальных церемоний в Петербурге накопилось много дел, требовавших обстоятельного личного доклада Его Величеству. Поэтому в течение наступившего лета мне приходилось еще более обыкновенного докучать ему своими полновесными докладами.

Еще до погребения цесаревича, 24 мая, в Петербурге скончался старейший из первых чинов Двора — обер-камергер и член Государственного совета граф Александр Иванович Рибопьер, на 87-м году жизни. Несмотря на эти преклонные лета, он до конца жизни занимал видное место при Дворе и в высшем петербургском кругу как один из последних представителей аристократического общества старого времени.

В течение июня произошли две перемены в нашей высшей администрации.

Занимавший должность обер-прокурора Синода, генерал-адъютант Алексей Петрович Ахматов по совершенно расстроенному здоровью должен был оставить совсем деятельную службу. 9 июня он был уволен от должности с разрешением ехать за границу «до выздоровления», то есть бессрочно, но болезнь его была неизлечима: он страдал чахоткою и недолго прожил на чужбине. Место его занял граф Дмитрий Андреевич Толстой, на которого выбор пал, вероятно, потому только, что в молодых летах он написал сочинение по истории Церкви в России[30]. Впрочем, об этой личности мне придется упоминать еще много раз.

Другая перемена состояла в том, что Высочайшим повелением 15 июня главноуправляющему путями сообщений и главноначальствующему Почтовым департаментом присвоено звание министров, первому — путей сообщения, второму — почт и телеграфов, так как в последнее время телеграфная часть была уже отделена от Главного управления путей сообщения и подчинена главноначальствующему Почтовым департаментом. Переименования эти, по всем вероятиям, последовали в угоду Ивану Матвеевичу Толстому, который пользовался особенным расположением Государя как его товарищ детства. Вслед за тем (23 июня) Высочайше утверждены новое положение и штаты Министерст-



А.П. Ахматов

ва путей сообщения, получившего новый состав и новое разделение.

21 июня вечером Государь приехал в Красное Село для обычного объезда лагеря, после которого по заведенному порядку происходила пред царскою ставкой церемония вечерней «зори». На другой день был общий смотр войскам на военном поле. В этом году Красносельский сбор был многочисленнее, чем обыкновенно: кроме гвардейских войск привлечена была 22-я пехотная дивизия с ее артиллериею и 1-я кавалерийская дивизия, перемещавшаяся из Виленского округа в Московский, согласно с новою дислокацией армии. 22-я пехотная дивизия расположи-

лась отдельным лагерем на речке Пудости, где некогда был лагерь гренадерского корпуса, а 1-я кавалерийская расквартирована по окрестным деревням.

23 июня Их Величества с Наследником Цесаревичем и меньшими детьми переехали в Петергоф, а великие князья Владимир и Алексей Александровичи отправились для лечения в Старую Русу, где оставались около шести недель (до 7 августа). При них находились контр-адмирал Посьет, флигель-адъютант капитан-лейтенант барон Шилинг, полковник Литвинов, лейб-медик Здекауер и некоторые из преподавателей.

В ночь с 29 на 30 июня разразилась в Финском заливе страшная буря. Вода поднялась в Неве так высоко, что затопила некоторые петербургские улицы; ветром снесено много крыш, разбито много окон, поломано деревьев, сорвано судов, почти все мосты повреждены. Не менее потерпел Кронштадт; много несчастий случилось на рейдах и в море. Также и в окрестностях Петербурга было немало бедствий; в Красносельском лагере снесено много палаток.

Государь не замедлил посетить Кронштадт. 2 июля, прибыв туда в полдень на яхте «Александрия», он произвел смотр и учение на фрегате «Дмитрий Донской», возвратившемся из практического плавания с гардемаринами и кондукторами; поздравил юношей с производством в офицеры, затем осмотрел форт «Константин», на котором производились работы по установке броневого бруствера, посетил стоявшее на рейде шведское военное судно и возвратился в Петергоф.

На другой день, 3 июля, Государь неожиданно приехал в Красносельский лагерь, вызвал войска по тревоге и произвел им общий маневр, которым остался вполне доволен.

В это время приехал в Петербург принц Август Вюртембергский, брат великой княгини Елены Павловны. 7 июля великая княгиня с принцем посетили Кронштадт и осматривали некоторые из его фортов.

С 13 июля начались в Красном Селе Высочайшие смотры и учения по утрам и вечерам традиционным порядком. 15-е число Государь провел в Петергофе, по случаю именин великого князя Владимира Александровича; 18-го же числа, в воскресение, Его Величество принимал в Петергофе присланного Наполеоном III камергера виконта Лаферьера с письмом к Государю и орденом Почетного Легиона для Наследника Цесаревича.

20 июля происходила в Петербурге церемония присяги Наследника Цесаревича. С полудня залы Зимнего дворца наполнились лицами, «имеющими приезд ко Двору», и частями войск, назначенными в церемонию при знаменах и штандартах. Войска эти были выстроены в залах: Николаевском, Аванзале, Фельдмаршальском и Гербовом; в Георгиевском же стали части от военно-учебных заведений. Чины Двора и свита теснились в «Арабской комнате», прочие военные чины — в Концертном зале и в Помпейской галерее; купечество и горожане — в Петровском зале, а все прочие лица — в Александровском. За несколько минут до начала церемонии в большую дворцовую церковь внесены императорские регалии: корона, скипетр и держава — и положены на стол, поставленный сбоку аналоя пред Царскими вратами. Несли их генерал-адъютанты князь Меншиков (Александр Сергеевич), Плаутин и действительный тайный советник князь Гагарин при «ассистентах» из «вторых чинов Двора» в сопровождении министра Двора и дворцовых гренадер. Затем введены в церковь дипломатический корпус и члены Государственного совета, занявшие места по левую сторону, и дамы, ставшие справа. Ровно в час началось шествие обычным порядком чрез названные залы до церкви, у входа которой Их Величества были встречены митрополитом с крестом и святою водой. Все лица, участвовавшие в шествии, заняли места в церкви. Государь и Наследник были в казачьих мундирах.

Началась церковная служба. По окончании молебствия Государь подвел Наследника к аналою, на котором лежали крест и Евангелие. Митрополит подал цесаревичу присяжный лист, Его Высочество, держа правую руку поднятою, громко и внятно прочел формулу присяги и утвердил ее своею подписью, после чего подошел к Государю, который обнял его. Императрица также поцеловала его, и на глазах ее навернулись слезы. С окончанием присяги пропето было: «Тебя Бога хвалим» и провозглашено многолетие при громе пушек с крепости и колокольном звоне во всех церквах города. Члены Императорской фамилии и духовенство подходили к Их Величествам и к цесаревичу с поздравлениями. Регалии были вынесены из церкви с тем же церемониалом, с каким были прежде внесены.

Между тем присутствовавшие в церкви перешли в Георгиевский зал, где к тому времени все было приготовлено к обряду военной присяги. По сторонам трона были устроены возвыше-

ния, на которых стали: справа от трона (с левой стороны смотря от входа в зал) — дипломатический корпус, министры, Государственный совет и далее чины разных других высших учреждений; слева от трона — дамы и придворные чины. Знамена и штандарты были принесены к подножию трона, кроме штандарта лейб-гвардии Атаманского казачьего полка; этот штандарт занял место у самого аналоя, поставленного пред троном. Рота дворцовых гренадер выстроилась фронтом к трону между обоими флангами стоявших по обеим сторонам залы взводов военно-учебных заведений.

Когда шествие вступило в зал и войска отдали установленную воинскую честь, Их Величества взошли на верхнюю площадку трона, а прочие члены Императорской фамилии стали на ступенях по обеим сторонам. У аналоя ожидал главный священник гвардии протопресвитер Бажанов. Государь, сойдя с трона, подвел Наследника к аналою, и тут, под штандартом, Его Высочество принес военную присягу, произнося ее вслед за читавшим протопресвитером Бажановым. По окончании присяги знамена и штандарты были вынесены установленным порядком и началось обратное шествие по прежнему церемониалу во внутренние покои.

Несколько времени спустя цесаревич со своею свитой вышел снова в Концертный зал, где уже собрались высшие чины, свита и придворные для принесения Его Высочеству поздравлений; прочие лица наполняли соседние залы*.

Вся церемония окончилась около 3 часов пополудни. Их Величества провели остальную часть дня на Елагином острове; вечером катались по островам, среди густых масс народа, толпившегося в иллюминованных аллеях. На Крестовском острове спущен был фейерверк. Город был также иллюминован.

В приказе того дня, 20 июля, было объявлено, что Наследник Цесаревич зачисляется во все части гвардии, которых Государь состоит шефом. Великий князь Владимир Александрович назначен флигель-адъютантом; граф Перовский — попечителем к Наследнику Цесаревичу, с производством в генерал-лейтенанты;

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Наследник, проходя сквозь теснившуюся толпу, по временам останавливался, чтобы сказать несколько слов тому или другому из более известных ему лиц; но заметно было по его выражению и приемам некоторое смущение и непривычка к подобным торжественным приемам» (*примеч. публ.*).

Г.П. Виллевальде. Присяга Наследника Цесаревича великого князя Александра Александровича

состоявший при великих князьях капитан 1-го ранга фон-Бок — флигель-адъютантом.

В тот же день, 20-го числа, последовали некоторые перемены в личном составе нашего дипломатического ведомства: посланник в Штутгарте действительный тайный советник Титов назначен членом Государственного совета; место его в Штутгарте занял Столыпин, на место которого в Карлсруэ назначен Коцебу.

На другой день, 21-го числа утром, Наследник принимал поздравления иностранного дипломатического корпуса, а в 4 часа пополудни был парадный обед в Николаевском зале Зимнего дворца, на 400 приборов, с музыкой и тостами. Этим и закончились торжества. По окончании обеда Их Величества с детьми уехали в Ропшу, где провели уединенно день именин Ее Величества (22 июля).

Следующие три дня Государь снова провел в Красном Селе. 24-го числа в субботу происходил церковный парад лейб-гусарскому Павлоградскому Его Величества полку по случаю пожалования ему нового штандарта в день столетнего юбилея полка. Все офицеры полковые были в этот день приглашены к обеду в так называемую «столовую палатку», которая только что была вновь выстроена, на месте прежней, сгоревшей в прошлом году.

Вечером того же дня Государь присутствовал на учении Учебного пехотного батальона с боевыми патронами. Это был первый опыт упражнений такого рода.

25-го числа, в воскресение, Государь был у обедни в Петергофе в малой церкви Александрии, а к вечеру опять приехал в Красное Село, присутствовал на офицерских скачках и по обыкновению раздавал призы как за скачки, так и состязавшимся в ружейной стрельбе.

Со следующего дня войска Красносельского лагеря начали готовиться к большим маневрам и расходиться на предназначенные разным отрядам сборные пункты. Большие маневры должны были начаться с вечера 29 июля и продолжаться до 3 августа. План маневра был задуман довольно замысловато, хотя и не совсем правдоподобно. Задача состояла в том, чтобы ввести в программу наводку моста чрез Неву и форсированную переправу. Для этого предположено было, что один из отрядов (генерала барона Бистрома), наступающий со стороны Финляндии, должен переправиться с правого берега Невы на левый, чтобы соединиться с другим отрядом, наступающим со стороны Нарвы.

Противная сторона имеет целью воспрепятствовать этому соединению. Место переправы избрано у мызы Мурзинки — в имении графа Апраксина, за Александровской мануфактурой. Главными начальниками обеих сторон были назначены: великий князь Николай Николаевич — восточным корпусом и генерал-адъютант барон Павел Иванович Корф — западным.

29 июля под вечер Государь приехал на мызу Мурзинку, где уже собралась свита и Главная квартира. Помещение для Его Величества было приготовлено в доме самого хозяина, графа Апраксина, отставного кавалергарда. Меня поместили во флигеле, в квартире управляющего имением. В свите Государя было несколько прусских офицеров, приехавших на наши маневры*. На последние же два дня маневров были приглашены: испанский посол д'Осуна, американский посланник Клей и английский полковник Крилок.

По прибытии в Мурзинку Государь в тот же вечер переехал на лодке чрез Неву, осмотрел на правом берегу бивак отряда барона Бистрома, приготовления его к переправе и возвратился в Мурзинку. На другой день с раннего утра открылись действия: передовые части отряда барона Бистрома начали переправляться на малых пароходах и баркасах, под покровительством артиллерийского огня с батарей правого берега. Саперы приступили к наводке моста из заготовленных заранее плотов. Весь мост имел 184 сажени длины. К 2 часам дня он был готов, и Государь со своею свитой первый прошел по нем в оба конца, а затем начали переходить и войска.

На второй день маневра, 31-го числа, с утра началось наступление переправившегося отряда к Царскому Селу и Павловску. Государь переехал в Царское Село, где принял мой доклад. В следующий день, 1 августа, войскам дан отдых, а в Царском Селе происходила обычным порядком церемония водосвятия на пруду нижнего сада. 2 и 3 августа продолжался маневр, заключавшийся в том, что по соединении всех отдельных частей обеих сторон восточный корпус (великого князя Николая Николаевича) перешел в наступление и оттеснил противника к Красному

---

* Далее в автографе зачеркнуты следующие имена прусских офицеров: генерал-лейтенант Гиллер, полковник Генерального штаба Дерринг, командир Гвардейского полка императора Александра полковник Будрицкий, командир Уланского полка полковник Бранденбург и еще два обер-офицера (*примеч. публ.*).

Селу. Маневры закончились общим боем на «военном поле». Государь остался весьма доволен всем ходом маневров и, объявив немногие свои замечания начальникам, собравшимся у «Царского валика», уехал в Петергоф.

6 августа в Красносельском лагере справлялся полковой праздник Преображенского полка и Гвардейской артиллерии. Весь этот день Государь пробыл в Красном Селе, там же переночевал, а 7-го числа произвел общий смотр войскам. По окончании церемониального марша Государь, собрав вокруг себя всех выпускных воспитанников военно-учебных заведений, поздравил их с производством в офицеры и дал им при этом обычное свое наставление. В числе счастливцев этого дня был и мой сын, который провел все лагерное время в прикомандировании к эскадрону Николаевского кавалерийского училища и произведен на правах камер-пажа в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк с прикомандированием к Гвардейской конной артиллерии.

Смотром 7 августа окончился сбор войск под Красным Селом. 11 августа Государь еще раз посетил Кронштадт в сопровождении Наследника Цесаревича и великих князей Владимира и Алексея Александровичей, возвратившихся за несколько дней пред тем из Старой Русы. Великий же князь генерал-адмирал был в отсутствии: он принял лично начальство над эскадрой, выступившей 23 июля из Кронштадта, в составе 22 судов. Эскадра эта заходила в Стокгольм, где была принята с большим радушием и почестями, а затем направилась к Копенгагену, куда прибыла 10 августа, т. е. накануне посещения Кронштадта Государем. За отсутствием самого генерал-адмирала при Его Величестве находился управляющий Морским министерством генерал-адъютант Краббе. В этой поездке и я сопровождал Государя. Так как все почти суда Балтийского флота были в плавании, то Государь ограничился осмотром только одного монитора «Латник», введенного в гавань для починки, затем адмиралтейства пароходного завода и двух фортов Северного фарватера. К обеду Его Величество возвратился в Петергоф. Эскадра же наша под начальством Его Высочества генерал-адмирала, простояв у Копенгагена ровно неделю, возвратилась 2 августа в Кронштадт.

1865 год оставил и в моей семейной жизни тяжелое воспоминание. Продолжительная болезнь второй моей дочери Ольги была истинным горем для меня и для моей жены. Всю зиму и

до июня месяца бедняжка просидела в совершенно темной комнате, не вынося ни малейшего света, ни звука. Врачи предсказывали, что недуг этот неизлечим в короткое время, и приговорили больную к немедленному отправлению за границу. Но ее нервное состояние не позволяло и думать о дальнем переезде по железным дорогам; избран был морской путь — в Киль и Гамбург. В этом случае оказало мне большое одолжение Морское министерство: управлявший этим министерством, приятель мой Николай Карлович Краббе, выхлопотал, чтобы для переезда моей больной назначен был военный паровой фрегат «Олаф», на котором 25 июня и отправилась моя жена с больною дочерью и со старшею, Елизаветой, которую врачи также посылали за границу.

Немедленно после отъезда их остальная часть моей семьи, то есть три младшие дочери и племянница Аня Понсэ с почтенною старушкою Александрой Тимофеевной Кукольник (вдовою брата известного писателя Нестора Кукольника) переселились из города на дачу, в тот самый флигель Каменноостровского дворца великой княгини Елены Павловны, в котором моя семья уже провела три предыдущие лета*.

Мне удавалось видеть своих детей на Каменном острову только изредка, урывками, так как в течение всего лета я был беспрерывно в разъездах между Петербургом, Царским Селом, Петергофом и Красным Селом, а нередко проводил по нескольку дней сряду в месте пребывания Государя. С этою кочевою и суетливою жизнью, так меня тяготившею в первые годы, теперь я уже свыкся настолько, что она не прерывала обыкновенного течения моих занятий по министерству, не мешала мне справляться с самыми разнородными обязанностями. Рассчитывая время не часами, а минутами, надобно было поспевать и за Государем в частых его переездах, и на военных смотрах, и в разные заседания советов, комитетов и других совещаний. Но при всей суетливости этой жизни, при постоянно напряженной деятельности мысли мои все-таки переносились беспрестанно за границу, и сквозь массу разнообразных забот каждого дня, пробивалось тревожное ожидание новых известий о моей больной.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Сын мой, оставив университет вследствие зачисления его в камер-пажи, находился уже на службе в Красносельском лагере, при эскадроне Николаевского кавалерийского училища» (*примеч. публ.*).

К счастью, первые известия по выезде ее из Петербурга были довольно успокоительны. Переезд морем до Киля совершился вполне благополучно и со всеми возможными удобствами, благодаря любезной внимательности командира фрегата «Олаф», капитана 1-го ранга Крауна. Морской воздух уже принес больной заметную пользу; она как будто прозрела, и хотя все еще была очень слаба, но уже не так боялась света, как прежде в комнате. Прибыв 29 июня в Киль, мои путешественницы немедленно переехали в Гамбург, где остановились на несколько дней в подгородной вилле одной из родственниц моей жены, г-жи Мерк. Больная настолько уже окрепла, что можно было предпринять дальнейшее путешествие по железным дорогам малыми переездами и с дневками чрез Берлин, Франкфурт, Штутгарт и Мюнхен в Ишль, куда они прибыли 11/23 июля, на другой день после большого пожара, истребившего лучшую часть этого городка.

В Ишле мои путешественницы провели шесть недель; но тамошние ванны не принесли больной заметного облегчения. 23 августа / 4 сентября они выехали в Вену, чтобы посоветоваться с тогдашними медицинскими знаменитостями. На консультации (9/21 сентября) доктора Опольцер (по нервным болезням) и Арльт (окулист) подтвердили мнение петербургских врачей, что болезнь, хотя и не представляет опасности, однако ж будет продолжительна, и присоветовали везти больную в Ниццу, где попробовать подогретые морские ванны. Так и было сделано: путешественницы мои выехали из Вены чрез Зимеринг в Венецию, пробыли там четыре дня для отдыха и потом по железной дороге доехали до Генуи, откуда приходилось ехать далее на лошадях, с veturino*, так как железная дорога по Корнишу тогда еще только строилась. Наконец 1/13 октября они прибыли в Ниццу, где больной предстояло остаться на зиму с ее теткой Дорой Михайловной Понсэ, приехавшей туда из Бессарабии. Как ни тяжело было матери передать больную на попечение сестры, однако ж жена моя должна была решиться на эту продолжительную разлуку как по совету врачей, так и по своим заботам об остальной семье. Поэтому она, приискав для больной удобное жилище в загородной вилле на Mont Cimier и устроив ее с возможными

* Извозчик (*итал.*).

удобствами, выехала из Ниццы 31 октября (ст. ст.) со старшею дочерью чрез Париж обратно в Петербург.

ПОЕЗДКИ ГОСУДАРЯ В МОСКВУ С 14 АВГУСТА ПО 22 СЕНТЯБРЯ

По окончании Красносельского лагерного сбора, Государю угодно было, чтобы я сопровождал его в поездке в Москву, для смотров собранных там войск в Ходынском лагере. Выехав 14 августа рано утром с Колпинской станции, в сопровождении Наследника Цесаревича и великих князей Михаила Николаевича и Владимира Александровича, Государь прибыл около 11 часов вечера в Москву. Как всегда, массы народа приветствовали Государя восторженными криками «ура», на всем пути от железнодорожной станции до Кремлевского дворца, по иллюминованным улицам. По обыкновению, Государь останавливался у Иверской, выходил из экипажа и прикладывался к московской святыне[31].

На другой день, 15 августа, утром был «выход» во дворце. Вступив на Красное крыльцо, при криках «ура» густой толпы, застилавшей все площадки между дворцом и соборами, Государь взял за руку Наследника Цесаревича и как бы представил его народу. Тогда толпа, можно сказать, разразилась восторженными криками. У входа в Успенский собор Государя встретил с крестом и святою водой викарий Московский Леонид, по случаю болезни митрополита Филарета, который не в силах был приехать в Москву из своей летней обители в Троицко-Сергиевской лавре. По окончании обедни в Успенском соборе Государь прошел в Чудов монастырь приложиться к мощам Св. Алексея митрополита[32] и затем отправился на Ходынку, между тем как наследник принимал в Кремлевском дворце московских сановников и чинов разных ведомств.

В лагере на Ходынке в этом году расположены были, кроме 1-й гренадерской дивизии, еще 1-я пехотная дивизия, прибывшая из Виленского округа, и пять артиллерийских бригад (1-я гренадерская, 1-я, 17-я, 18-я и 35-я). Государь, прибыв в лагерь в час пополудни, присутствовал при разводе Лейб-гренадерского Екатеринославского полка, потом объехал весь лагерь, посетил лагерное помещение 3-го военного Александровского училища, где представлены были Его Величеству вновь произведенные офицеры из воспитанников этого училища. По возвращении в

Москву Государь посетил некоторые из институтов и Марьинскую больницу, а к обеду в Кремлевском дворце приглашены были московские почетные лица и высшее начальство.

16-го числа утром наследник принимал депутацию от московских раскольников-единоверцев, которые поднесли ему старинную икону, принадлежавшую, по преданию, царю Михаилу Фёдоровичу. В полдень происходил на Ходынке смотр войскам, после которого начальники частей войск были приглашены к завтраку в Петровский дворец. Затем Государь ездил в Петровское-Разумовское, осмотрел там здания, приготовленные для помещения вновь открывавшейся Земледельческой академии*, а вечером катался по Петровскому парку и остался ночевать в Петровском дворце.

17-го утром на Ходынском поле произведено было учение обеим дивизиям, одной после другой, с участием и батальона Александровского военного училища. После учения Государь отправился в город, осматривал работы в храме Христа Спасителя, посетил Воспитательный дом, Николаевский институт, потом в Кремлевском дворце принимал ту же раскольничью депутацию, которая накануне представлялась Наследнику. Депутация выразила свою признательность Государю за решение вопроса «единоверия» разъяснением сомнений по поводу церковного собора 1667 года, наложившего проклятие на тогдашних противников патриарха Никона. Вместе с депутацией представлены были некоторые из единоверцев, вновь присоединившиеся из так называемого «австрийского раскола»[33]. Государь принял их приветливо и выразил свою надежду, что присоединение их к православию основано на искреннем убеждении.

В тот же день Государь, великие князья и свита были на большом парадном обеде у генерал-губернатора. На ночь Государь возвратился в Петровский дворец. 18-го числа утром он присутствовал на стрельбе артиллерии и пехоты, смотрел гимнастические упражнения, а после завтрака отправился вместе с великими князьями в Ильинское — подмосковное имение, незадолго пред тем купленное у князя М.М. Голицына для летнего пребывания императрицы. Имение это расположено на возвы-

---

* Открытие этой академии происходило с обычным торжеством 21 ноября того же 1865 года в присутствии министра государственных имуществ генерал-адъютанта Зелёного.

шенном берегу Москвы-реки; с террас дворца открывается обширный и красивый вид за рекой. Во дворце, заново перестроенном и приспособленном на случай приезда императрицы, приготовлен был для Государя обед, к которому приглашено было несколько лиц, принимавших участие в устройстве имения. К ночи Государь и великие князья возвратились в Петровский дворец.

На следующий день, 19-го числа, назначен был войскам Ходынского лагеря общий двухсторонний маневр. К сожалению, погода совершенно испортилась; во всю ночь и утром лил дождь; сделалось холодно и сыро. Маневр начался в назначенное время, в 10 часов утра, но продолжался недолго. Несмотря на дождь и слякоть, кругом маневрировавших войск собралось довольно много любопытных, обыкновенно приезжающих из Москвы и с окрестных загородных дач на подобные военные зрелища. К часу маневр был окончен; Государь, а за ним и вся свита, промокши насквозь, поскакали ко дворцу, куда приглашены были начальники войск к завтраку и для выслушания замечаний Государя. Впрочем, Его Величество вообще остался весьма доволен войсками и благодарил всех начальников, начиная с главного начальника Московского военного округа генерал-адъютанта Гильденштуббе.

Из Петровского дворца Государь отправился в город, посетил еще один из институтов и оттуда прибыл прямо на станцию Ярославской железной дороги для проезда в Троицкую лавру, где Его Величество намеревался посетить митрополита Филарета. Однако ж больной старец, собрав свои слабые силы, встретил Государя в полном облачении при входе в собор, отслужил молебствие и проводил Его Величество до входа в приготовленное ему помещение. Немного спустя Государь все-таки посетил митрополита и пробыл у него с четверть часа. К обеду царскому были приглашены новый обер-прокурор Синода граф Д.А. Толстой, наместник Лавры, ректор Духовной академии, уездные предводители дворянства, московский и дмитровский, и еще несколько лиц. После обеда Государь возвратился в Москву к 8 часам вечера.

Как в этой поездке к Троице, так и вообще при разъездах Государя по городу для посещения разных заведений я был освобожден от сопровождения Его Величества и пользовался оста-

Митрополит Филарет

вавшимися у меня свободными часами дня для осмотра, по мере возможности, разных учреждений военного ведомства в Москве.

20 августа мы выехали из Москвы в 7 часов утра по Николаевской железной дороге, и вечером того же дня Государь прибыл в Петергоф, а я остался в Петербурге.

Во время смотров Государя в Москве великий князь Николай Николаевич производил, по Высочайшему поручению, смотры и учения войскам, собранным в лагере под Варшавой, где он пробыл с 15 по 20 августа. Затем, посетив крепости Новогеоргиевск и Брест-Литовск, Его Высочество отправился на юг,

производил смотры в Киеве, Елизаветграде и, пробыв некоторое время в своих имениях, возвратился в Петербург только в начале октября.

25 августа царская фамилия переселилась из Петергофа в Царское Село.

Торжественный день 30 августа[34] праздновался в Петербурге обычною церковною процессиею из Исаакиевского собора в Александро-Невскую лавру, где потом происходила торжественная служба в присутствии Государя и большого стечения чинов всех ведомств и всех рангов. После молебствия Государь, а за ним и большая часть присутствовавших в церкви прошли в помещение митрополита Исидора, у которого, по заведенному порядку, все гости угощались обильным завтраком.

В этот день, по обыкновению, было большое производство в чинах и много наград по военному ведомству. В том числе произведены были в генерал-майоры, с назначением в Свиту, Наследник Цесаревич и князь Николай Максимильянович герцог Лейхтенбергский. Последний вместе с тем был назначен членом Совета и Ученого комитета Корпуса горных инженеров. Два члена Военного совета, Желтухин и Яковлев, произведены в полные генералы; посланники князь Орлов и Игнатьев — в генерал-лейтенанты. Начальник Терской области генерал-лейтенант Лорис-Меликов назначен генерал-адъютантом*.

Самою крупною новостью дня было увольнение от должности московского военного генерал-губернатора генерала Офросимова, который, как можно полагать, сам просил об увольнении, чувствуя себя не на своем месте. Он был назначен членом Государственного совета, а место московского генерал-губернатора занял член Военного совета генерал-адъютант князь Владимир Андреевич Долгоруков, брат шефа жандармов. В приказе того же 30 августа было объявлено, что заведование военною частью в городе Москве должно впредь подлежать на общем основании (Положение 6 августа 1864 года)[35] военно-окружному начальству, почему и комендантское управление переходит из ведения генерал-губернатора под начальство командующего вой-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «генерал-адъютанты Ланской, Гильденштуббе, Огарёв получили орден Св. Александра Невского, а граф Александр Владимирович Адлерберг — Белого Орла» (*примеч. публ.*).

В.А. Долгоруков

сками округа. На этом основании изменен и самый титул генерал-губернатора московского: он перестал именоваться «военным».

Изменение это было не совсем приятно князю Владимиру Андреевичу Долгорукову; ему казалось, что положение его в Москве будет унижено чрез устранение его от военной части; озабочивало его, что уже не будет он играть первенствующей роли в первопрестольной столице, тем более что лично он был в чине моложе генерала Гильденштуббе. Князь Владимир Андреевич решился даже высказать свои сетования в записке, в которой объяснял необходимость соединения в Москве власти гражданской с военною. Записка эта была представлена мною Государю; однако ж оставлена без последствий. Для успокоения же князя Владимира Андреевича было положительно объявлено в приказе, что генерал-губернатор в Москве сохраняет по-прежне-

му первенство в городе, хотя бы он был и моложе в чине военного начальства, за исключением только отношений его к войскам, «так как отношения сии, за освобождением его от заведования военною частью, сами собою прекращаются». Хотя такой компромисс и не мог вполне удовлетворить честолюбие и тщеславие нового генерал-губернатора, однако ж дело обошлось без дальнейших затруднений и никаких столкновений между гражданскою и военною властями не произошло. Генерал Гильденштуббе был не такой человек, от которого можно было бы ожидать каких-либо тщеславных притязаний: между ним и князем Владимиром Андреевичем установились самые лучшие отношения.

31 августа Государь снова предпринял поездку в Москву, но на этот раз уже вместе с императрицей и младшими детьми. Целью поездки было спокойно провести несколько недель на новоселье в Ильинском. 1 сентября около 11 часов утра императорский поезд прибыл на станцию Химки, откуда Их Величества и сопровождавшая их свита отправились в дорожных экипажах прямо в Ильинское. На пути встречали их толпы народа с хлебом-солью; в самом же селе Ильинском в церкви ожидал священник с крестом. Их Величества вошли в церковь, отслужили молебен, потом осматривали дворец, гуляли в окружающем его саде, любовались заречным видом и нашли новое свое местопребывание вполне уютным и симпатичным. Свита разместилась в отдельных флигелях и домиках, разбросанных среди парка.

Около трех недель Их Величества провели здесь тихо и спокойно. Этот образ жизни при хороших климатических условиях действовал благотворно на здоровье императрицы и детей, из которых в особенности великий князь Сергей Александрович подавал повод к опасениям. Государь ежедневно ездил верхом по окрестностям.

4 сентября приехал в Москву великий князь Михаил Николаевич со всем своим семейством проездом из Петербурга в Тифлис. Побывав в Ильинском, Их Высочества выехали 7-го числа в дальнейший путь на Нижний и оттуда по Волге.

В день рождения покойного цесаревича Николая Александровича, 8 сентября, в Ильинской церкви была отслужена панихида. По этому случаю приезжали из Петербурга Наследник Цесаревич, великие князья Владимир и Алексей Александровичи, которые на другой же день уехали обратно в Петербург.

10-го числа Государь посетил Москву. В первый раз встретил его новый генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков, прибывший только накануне из Петербурга. Государь, проезжая мимо Иверской часовни, остановился, чтобы приложиться к чудотворной иконе, затем заехал в Чудов монастырь, в военные гимназии, в Елизаветинский институт и возвратился к обеду в Ильинское.

19-го же числа Их Величества совсем переехали в Москву с детьми и свитою, а на другой день отправились в Троицко-Сергиевскую лавру, где слушали обедню, приобщали детей, посетили больного митрополита Филарета в его летнем местопребывании, так называемом Гефсиманском ските, и отобедав в Лавре, возвратились в Москву в 8 часов вечера. Везде на пути встречали их толпы народа; вечером все станции железной дороги были иллюминованы.

21 сентября, день рождения великого князя Павла Александровича, царская семья провела тихо в Кремлевском дворце, слушала обедню в дворцовой церкви Рождества Богородицы и посетила соборы. Императрица принимала депутацию единоверцев — ту же, которая ранее представлялась Государю и Наследнику Цесаревичу. Депутация поднесла Ее Величеству старинный образ Богородицы для помещения в Ильинском. Пред обедом Государь возил детей в Зоологический сад, у входа которого встретили Его Величество министр государственных имуществ генерал-адъютант Зелёный, московский губернатор генерал-майор Свиты князь Оболенский, председатель и некоторые члены «общества акклиматизации»[36].

Утром 22 сентября Их Величества с великим князем Павлом Александровичем, великою княжной Марией Александровной и свитой выехали из Москвы и вечером того же дня прибыли в Царское Село. Один великий князь Сергей Александрович остался в Москве с воспитателем его, флигель-адъютантом Арсеньевым, на всю осень, дабы избегнуть вредного влияния на его здоровье петербургского климата в это время года. Его Высочество оставался в Москве до 17 декабря.

ПОЖАРЫ

В продолжение лета 1865 года повторились прошлогодние бедствия пожаров. Особенно усилились они с мая до августа. Не проходило дня без известий об истреблении огнем тех или дру-

гих городов, слобод и деревень. Так, в мае месяце выгорел почти весь город Козлов. Бедствие это поражало и внутренние русские губернии, и Западный край, и Царство Польское. «Красный петух» навел ужас в среде народа; трудно было допустить, что все эти пожары происходили случайно, от неосторожности; естественно было заподозрить умышленные поджоги, чему служили подтверждением во многих случаях подметные письма с предсказаниями пожаров, иногда же то обстоятельство, что загорались постройки вовсе нежилые, или такие части жилых домов, которые не могли загореться иначе, как при умышленном поджоге. Но кто же были поджигатели? Еще в предшествовавшем году задавался этот вопрос и положительного, ясного решения его не было. В большей части случаев оказывалось совершенное отсутствие следов преступления. Настоящие виновники страшного Симбирского пожара все еще не были открыты, несмотря на самые энергические меры, принятые для расследования дела. Сенатор Жданов с целою комиссией все еще работал усердно в Симбирске[37]; исписаны были тысячи листов, допрошены сотни свидетелей и обвиняемых, — и все-таки настоящего результата не было достигнуто. Всего естественнее было заподозрить поляков, исконных врагов России, выказавших еще недавно столько озлобления и совершивших столько зверских злодеяний. К тому же после подавленного мятежа во всех частях России рассеяна была масса поляков, высланных из Польши и западных губерний на жительство под надзором полиции. Общий голос указывал на них как на поджигателей, но подозрение это было встречено страшным негодованием не только в заграничной печати, но даже в некоторых русских газетах и в среде известной партии полякующих. Высказывалось такое мнение, что подозревать поляков в поджогах — значит возбуждать племенную ненависть, что подобные ни на чем не основанные обвинения преступны и т. п.[38] Вожаки польской эмиграции даже напечатали протест, в котором с негодованием отклоняли от себя всякую солидарность с поджигателями. Заступники за поляков сбросили с них обвинение на русский народ, среди которого будто бы существует мания пожаров; этой мании даже приискано было ученое греческое название — «пиромания». Некоторые органы печати дошли до того, что приписали поджоги русским войскам, чиновникам, начальникам!..

Как ни нелепы были подобные обвинения, однако ж мы видели, что и в народе еще в прошлом году зародилось было подозрение на «солдат»; мало того, заподозрили даже русского полковника, командира батальона! В 1865 году такого же рода подозрения возобновились в некоторых местностях. Крайне прискорбно было уже и то, что подобное подозрение могло возродиться. Какое пятно для армии, и в какие ненормальные отношения были бы поставлены войска к народу, если б эти подозрения укоренились. Необходимо было положительно разъяснить дело, и в случае надобности, принять самые энергические меры, чтобы положить конец злу. В этих видах по Высочайшему повелению командирован был в некоторые из внутренних и восточных губерний генерал-адъютант Огарёв[39]. Ему поручено было расследовать поводы к возникшим толкам, по возможности указать действительных виновников поджогов, и кроме того, попутно осматривать войска, собирая негласно сведения о том, в какой мере соблюдаются в них порядок и дисциплина. Огарёв был человек весьма ловкий, смышленый, находчивый. Он донес, что во всех осмотренных им войсках найдено все в исправности, что к обвинению солдат в поджогах не оказалось никаких поводов, но в некоторых местностях привлечены были к следствию и суду разного рода неблагонадежные личности и в числе их несколько поляков из числа сосланных под надзор полиции. Так, в Нижегородской губернии (в которой генерал-адъютант Огарёв, по окончании данного ему поручения, назначен был опять временным генерал-губернатором в видах усиления местной власти в продолжение ярмарки) уличен был в поджоге 18 мая Новостаринской слободы (близ города Княгинина) поляк Беликович, высланный генералом Муравьёвым из Виленской губернии, — молодой человек, не окончивший курса в одной из гимназий того края и принимавший участие в бывшем мятеже. Военный суд приговорил его к расстрелянию, и казнь эта произвела сильное действие как на поднадзорных поляков, так и на население. Пожары в тех местах прекратились, умы в народе успокоились, и войска были очищены от обидных подозрений.

Между тем и в Западном крае, и в Царстве Польском удалось также в нескольких случаях открыть поджигателей. В числе их оказались действительно участники бывшего мятежа и подговоренные ими лица; в иных случаях орудьями злодеев были

малолетние дети, женщины, бедняки. Некоторые сознались в том, что действовали по распоряжению таинственной власти. Были случаи поджогов по настойчивому внушению близких родных, бежавших за границу и вымещавших руками своих братьев и даже матерей злобу на обывателей, непричастных к мятежу.

Конечно, нельзя все пожары, опустошавшие Россию в 1864 и 1865 гг., приписывать исключительно мести поляков; несомненно, что во многих случаях пожары происходили случайно и по неосторожности; вероятно, и поджоги делались иногда какими-нибудь негодяями по различным побуждениям. Так, например, в некоторых случаях констатирована корыстная цель самих хозяев, которые находили расчет в поджоге своих домов, заранее застрахованных, для получения страховой премии. В Царстве Польском открыта была целая шайка евреев, промышлявших такою спекуляцией[40]. При всем том не подлежит сомнению, что значительная доля пожаров была делом польских революционеров. В этом убеждают положительные документы следственных и судебных дел. Генерал Огарёв прямо высказал мнение, что в тех внутренних губерниях, которые он объехал, главными виновниками большей части пожаров были именно личности, высланные административным порядком из Западного края и Царства Польского, но генерал Огарёв делал оговорку, что, по его убеждению, эти личности действовали не на основании какого-либо общего плана или заговора, а так сказать, одиночно, по внушению присущих каждому из них злобы и жажды мести. В одном из своих донесений генерал Огарёв выразился так: «Каждый из них для достижения своих патриотических целей дал самому себе обет: наносить России вред, если не мечом, то огнем, как кто сможет, лично или чужими руками (что они предпочитают), употребляя для того наших домашних злодеев, спившихся с круга людей и бездомных бродяг и пользуясь при этом оплошностью нашей полицейской администрации, но так осторожно и скрытно, чтобы отстранить от себя не только улику, но и подозрение в поджигательстве. При таких условиях местным властям не представляется никакой возможности открыть зло».

Последние строки объясняют, почему так редко удавалось открывать и уличать настоящих виновников пожаров, несмотря на все меры, принимаемые к расследованию причины огненной

эпидемии. К замечанию генерала Огарёва по этому предмету можно прибавить любопытное показание одной женщины, сознавшейся в совершенном ею поджоге слободы в Вилейском уезде (Виленской губернии): подговоривший ее к этому злодеянию помещик, бывший прежде уездным предводителем дворянства, давая ей обещание выручить ее из беды, если она попадется, говорил ей: «Только не показывай на меня, а говори, что все это сделано начальством; говори, что поджоги делаются исправником и военным начальником».

Не дает ли это показание простой женщины ключа к объяснению источника, из которого взялись и в народе, и в иностранной враждебной нам печати, обвинения в поджогах солдат и военных начальников?

Если взгляд генерала Огарёва на поджигательства во внутренних губерниях России признать основательным, то есть признать, что расселенные по всем губерниям и уездам ссыльные поляки действовали каждый сам по себе, без общего плана, повинуясь только личному враждебному против России настроению, то мнение это все-таки не устраняет участия в поджогах вожаков революции, по крайней мере, в отношении к пожарам в Царстве Польском и Западном крае. Несмотря на протест, опубликованный в сентябре 1865 года в польской газете «Отчизна»[41] одним из вожаков, эмигрантом Гиллером, положительно известно, что еще в прошлом году в общий план действий польской эмиграции после подавления мятежа входило разорение края огнем с тою целью, чтобы вызвать в народе неудовольствие и новое восстание. Известно также, что в числе разных партий в среде эмиграции образовался кружок самых «красных» революционеров, назвавшийся «военным» (потому только, что в состав его вошло довольно много бывших офицеров и юнкеров, служивших прежде в русских войсках), поставивший себе задачею поджоги. Агенты этого гнусного кружка гнездились в области Познанской и в Галиции, откуда высылали тайных эмиссаров в Царство Польское и в западные губернии России*.

С подобною же целью образовалась и другая шайка — в Турции, преимущественно в княжествах Дунайских, из разного

* Впрочем, тут не было ничего нового: известно, что и после польского восстания 1830 года также образовалось из эмигрантов «огневое общество», имевшее целью — разорять имения тех поляков, которые устранились от участия в бывшем мятеже.

сброда русских беглецов, выдававших себя за агентов Герцена. Не верится, чтобы Герцен мог дойти в своих увлечениях до гнусного и нелепого замысла — возбудить в России революцию посредством разорения народа. В числе этих беглецов, замышлявших разные козни против России под покровительством тогдашнего молдо-валахского правительства князя Кузы, были и такие личности, которые попали в эмиграцию совершенно случайно по легкомыслию и которые с летами поняли всю нелепость своих революционных бредней. К числу таких принадлежал, например, Кельсиев, который в следующем году сам решился явиться с повинною, каясь в своем легкомысленном заблуждении, и который был прощен Государем в уважение искреннего его во всем сознания*.

Невольно делаем** себе вопрос: кто причинил более вреда России: польские ли повстанцы, унаследовавшие от своих предков вековой антагонизм к России, или доморощенные наши революционеры, подобные Бакунину, Герцену и стольким другим их подражателям и последователям, замыслившие поколебать все основы государственного строя России? Первые безрассудно вызвали Россию на бой; правительство русское было вынуждено взяться за оружие — и разумеется, подавило мятеж; результатом этой неравной борьбы было поднятие русского национального чувства и упрочение единства России; Царство Польское окончательно слилось с империей, а Западный край перестали считать польским. Какие же результаты деятельности наших русских революционеров разных оттенков и степеней? Им обязана Россия тем, что начавшееся перерождение ее было задержано, что правительство наше, избрав благой путь в своих реформах,

---

* Василий Кельсиев бежал за границу вследствие ребяческих университетских смут 1861 года, но потом вместе с двумя другими: Александром Серно-Соловьевичем и Касаткиным, привлечен был к уголовному делу о государственных преступниках Николае Серно-Соловьевиче и Винокурове, которые судились Сенатом «за участие в злоумышлении с лондонскими пропагандистами против русского правительства и за распространение в России заграничных изданий преступного содержания». Эти трое главные виновные были приговорены к каторжным работам, но по Высочайше утвержденному 30 марта 1865 года мнению Государственного совета, приговор этот смягчен и заменен ссылкою на поселение. Относительно же Кельсиева и обоих других бежавших за границу постановлено: считать их лишенными всех прав состояния и навсегда изгнанными из пределов государства[42].

** Так в тексте (*примеч. публ.*).

не только остановило движение, но впоследствии даже обратилось вспять!

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЗАПАДНОМ КРАЕ И ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ

17 апреля в Ницце подписан Государем приказ об увольнении генерала Муравьёва от должностей виленского генерал-губернатора и командующего войсками округа с назначением на эти должности генерал-адъютанта Константина Петровича Кауфмана. Тем же приказом и генерал-майор Потапов уволен от должности помощника генерал-губернатора «за упразднением этой должности». Генералу Муравьёву выражена в самом лестном рескрипте царская признательность за оказанные им заслуги, за которые он возведен в графское достоинство.

Рескрипт этот несколько успокоил русских патриотов, встревожившихся удалением Муравьёва, а также и бывших подчиненных его, из которых многие собирались уже бежать из края. Рескрипт показал, что взгляд Государя не изменился относительно восстановления в Западном крае русской народности и подавления польских происков. Вслед за тем прибывший в Вильну новый генерал-губернатор с первых же своих шагов выказал твердое намерение продолжать начатое Муравьёвым дело обрусения Северо-Западного края.

С новым назначением генерала Кауфмана я лишился драгоценного помощника. Расставаясь с ним, я выразил ему со всею искренностью мою признательность приказом от 24 апреля. При всем сожалении о потере такого сотрудника, я однако ж не мог не сознавать, что должность директора канцелярии Военного министерства легче заместить*, чем найти достойного преемника генералу Муравьёву. Узнав близко К.П. Кауфмана, я мог поручиться за то, что он поведет дело в крае честно и добросовестно в русских интересах и не поддастся никаким польским влияниям, ни местным, ни петербургским. Я был уверен, что он покажет себя и разумным генерал-губернатором, и отличным начальником военного округа.

---

* Тем же приказом 17 апреля назначен директором канцелярии генерал-майор Мордвинов, состоявший до того вице-директором той же канцелярии — человек дельный и способный.

К.П. Кауфман

Самый выбор генерала Кауфмана показывал, что Государь, хотя и не одобрял многого в действиях М.Н. Муравьёва, однако ж нисколько не поколебался в своем взгляде на самую систему действий относительно польского вопроса. Четыре командировки генерала Кауфмана в Варшаву и Вильну (в сентябре 1863, феврале и ноябре 1864 и, наконец, в апреле 1865 г.) доставили ему случай каждый раз лично докладывать Государю о польских делах и при этом, конечно, высказывать свои убеждения и узнавать взгляд самого Государя. При назначении же главным на-

чальником Северо-Западного края он снова получил от Его Величества личные указания, не оставлявшие сомнения в твердой воле его покончить раз навсегда с польским вопросом. Приехав в Вильну 2 мая, новый начальник края на другой же день при общем приеме служащих всех ведомств, духовенства, представителей дворянства и горожан держал им речь, в которой высказал начистоту и без обиняков свое твердое намерение продолжать начатое его предместником дело искоренения всяких польских стремлений в крае. В особенности не пощадил он католическое духовенство и дворянство, к которым обратился с наставлениями, полными укоров прежнему их образу действий.

Генерал Хрущов, при первом известии о решении Государя назначить генерала Кауфмана, подал (8 апреля) прошение об увольнении в продолжительный отпуск за границу с отчислением от должности помощника командующего войсками Виленского округа. Хрущов был гораздо старше Кауфмана в чине и, вероятно, считал себя обиженным. Я поспешил успокоить его письмом, в котором сообщил ему (10 апреля)[43], что прошение его отправлено за границу на Высочайшее разрешение, и выразил при этом надежду, что он с восстановлением здоровья будет в состоянии снова принять назначение на одну из высших военных должностей, на которые Государь имеет его в виду. Ответ мой вполне успокоил его.

С увольнением генерала Хрущова генерал Кауфман просил себе в помощники по военной части генерал-лейтенанта Манюкина, который и был впоследствии назначен*.

Новый начальник Северо-Западного края с самого вступления в должность ясно заявил, в каком направлении намерен действовать, и тем сразу поставил против себя всю ту партию, которой удалось столкнуть Муравьёва. В течение лета, когда Кауфман объезжал вверенный ему край, знакомился с положением дел в разных частях его, входил в разговоры с личностями всех сословий, смотрел войска, начались в Петербурге всякие пересуды о нем, насмешки над его манией произносить везде и при всяком случае речи. Встречая противодействие и недоброжелательство, в особенности со стороны Министерства внутренних дел, он писал мне 22 июля: «Положение мое нехорошее, хотя я не хочу жаловаться на здоровье, — у меня сил много, — но зато

* Приказом 20 августа.

и труда, и борьбы много с множеством враждебных элементов, которые не только здесь, но — что всего обиднее — в Петербурге... Это не останавливает меня ни в чем, не мешает мне идти по тому пути, который указан мне Государем императором, но приходится подчас трудно, и, конечно, не может не отзываться на моем здоровье, а может быть, и на характере...»

В том же письме генерал Кауфман высказывал свои убеждения относительно польского вопроса в Западном крае: «Какие бы ни были меры строгости, до тех пор край этот не будет упрочен за нами, пока интеллигенция здесь не будет русская. Если мы в этом отношении будем останавливаться на полумерах, если мысль о примирении здесь, на русской земле, с польским элементом возьмет верх, — кончено с обрусением края, и несколько лет спокойствия, развития, преуспеяния опять разрешатся прошедшими событиями, но гораздо в сильнейшей степени, — и тогда один Бог знает, чем кончится. Поляки должны уступить свое место русским людям по сю сторону Немана и Буга, или же придется отдать им этот край со стыдом и срамом, который погубит Россию. Есть же после того люди, которые говорят о примирении и не хотят взять в толк, что здесь вопрос: «to be, or not to be» во всей его силе...»[44]

В том же смысле высказывался и новый начальник Юго-Западного края генерал-адъютант Безак. Прибыв в Киев 28 апреля, он при самом вступлении в должность в речи своей к представлявшимся ему служащим всех ведомств ясно выразил ту программу, которой намерен держаться в управлении вверенным ему краем. Он объявил положительное запрещение употреблять в официальных сношениях какой-либо другой язык, кроме русского; на первом же плане предстоявшей деятельности поставил — разрешение крестьянского дела, которое получило первоначально под влиянием польского чиновничества направление не совсем правильное. Генерал Безак понял всю политическую важность улучшения в том крае положения крестьян, т. е. русского православного населения. Донося Государю о том положении, в каком застал это дело, генерал Безак писал: «Но для успешного достижения цели, Вашим Величеством мне указанной, а именно, *обрусения* Юго-Западного края, необходимы существенные преобразования по всем отраслям управления, а главнейшее: по замене чиновников польского происхождения русскими, по учреждению достаточного числа народных школ, по

упрочению быта православного духовенства и уменьшению числа католического...»*

В другом позднейшем донесении Государю генерал Безак изображал приниженное положение православного духовенства сравнительно с католическим, жалкий вид православных церквей сравнительно с великолепными храмами католическими и напоминал о тех мерах, которые признавались необходимыми еще в царствование императора Николая I как для уменьшения католического духовенства, так и для увеличения в крае русского землевладения. По мнению генерала Безака, настало удобнейшее время для принятия решительных мер: «Папа канонизациею Иосафата Кунцевича бросил перчатку России»**.

В первое же время по прибытии своем в край генерал Безак закрыл три католические монастыря и предполагал постепенно закрывать прочие. Он видел в католическом духовенстве самых упорных противников обрусения края и потому счел необходимым прибегать к мерам строгости в отношении к некоторым из высших духовных лиц. Так, встретив со стороны епископа Луцко-Житомирской кафедры Боровского сильное противодействие введению в школах преподавания католической веры на русском языке, генерал Безак решился было выслать его из края и тем заставил его покориться. По этому случаю Валуев в ответной телеграмме, не возражая прямо на энергические меры Безака, выразился так: «Чем менее считаю возможным преследовать веру, тем более нужным устранять смешение веры с полонизмом». Генерал Безак, сообщая мне об этой хитросплетенной телеграмме, заметил: «Здесь полонизм связан неразлучно с верою, поэтому, если считать эти выражения не за фразу, а за убежде-

---

* Донесение на имя Государя от 3 июня[45].

** Иосафат Кунцевич, как уже сказано, был римско-католическим епископом в Полоцке в начале XVII века, навлек на себя в крае ненависть жестокостями и злобою, с которыми преследовал православие, что и было причиною насильственной его смерти в 1623 году. Вопрос о канонизации этого изверга возбужден был в Риме еще в 1863 году, т. е. в самый разгар польского мятежа, с тою целью, чтобы фанатизировать католическое население Литвы, но дело затянулось за обычными формальностями, а в особенности по финансовым затруднениям, так как в Римской курии ничего не делается без внесения известной лепты. Только 1 мая (нов. ст.) 1865 года обнародован декрет папы о канонизации Иосафата Кунцевича. Самая же церемония отложена была до следующего 1866 года. Декрет 1 мая вызвал ожесточенную полемику между русскою и клерикальною католическою печатью.

ние, то министр впадет в ошибку весьма опасную и под видом защиты католицизма, станет покровительствовать полонизму»*.

Между тем полонизм все еще не был окончательно подавлен в Западном крае, он только притих. В письме ко мне от 8 июня генерал Безак писал: «Относительно здешнего польского населения — не могу, к сожалению, умолчать, что оно нисколько не хочет отрешиться от своих национальных идей; оно все продолжает надеяться на заграничных друзей и потому весьма враждебно не только к правительству, но и каждому русскому...» Позже, в донесении своем Государю от 28 ноября, Безак писал: «В политическом отношении между поляками перемены не замечается и ненависть к русским продолжается; они ее выказывают везде, где можно это сделать безнаказанно. В проповедях ксендзов проявляются иногда политические намеки, и хотя они не оставляются без взыскания, но все это доказывает, что польские надежды и пропаганда не уничтожаются...»

Генерала Безака скоро начали тревожить доходившие до него слухи из Петербурга о неудовольствии на его действия; он недоумевал о причине этого неудовольствия. «Вероятно, недовольны мною помещики, — писал он мне 30 октября, — но этого я ожидал и предупреждал Государя, что иначе быть не может. Я готов вынести все неприятности по этому предмету в твердом уповании, что со временем оценят мою решимость, несмотря на настоящие возгласы...»

Но генерал Безак успокоился и обрадовался, когда получил (в конце года) Высочайший рескрипт, в котором было выражено Государем полное одобрение его действий и желание Его Величества, чтобы генерал Безак продолжал принимать самые решительные меры, в особенности относительно поземельного дела.

Несмотря на все происки и противодействия полякующей партии, Государь наконец склонился на ту крупную меру, которую предлагал генерал Муравьёв еще в начале 1864 года и на которую тогда последовал со стороны Его Величества положительный отказ, — именно: воспрещение во всем Западном крае покупать земельные имения лицам польского происхождения[46]. Мера эта, утвержденная 10 декабря 1865 года, произвела сначала сильное впечатление на обе партии, конечно, в противоположных смыслах: сколько одни были возмущены таким насильст-

---

* Письмо генерала Безака от 10 октября.

венным, по их мнению, стеснением польских землевладельцев в правах собственности, столько же русские патриоты преувеличивали свои надежды на коренное обрусение края. Последствия, однако ж, показали, что практические результаты этой меры были самые незаметные. Русское землевладение в западных губерниях не развилось, как того ожидали, а вдобавок мало-помалу полякующая партия опять добилась того, что Государь стал смотреть на дело мягче, и по временам исторгали у него согласие на изъятие из общего закона тех или других лиц польской аристократии под предлогом испытанной их личной преданности.

Тем не менее Указ 10 декабря 1865 года, как уже сказано, был одним из самых сильных актов правительственных в Западном крае. Он произвел на поляков более чувствительное впечатление, чем все другие меры. Вообще, можно сказать, что энергические меры, принятые Муравьёвым в 1864 году к подавлению польского преобладания в Западном крае, были с успехом довершены в 1865 году. Как в северной, так и в южной части края, главное управление было в руках таких личностей, которые искренно и по убеждению действовали в русском смысле, согласно личным указаниям самого Государя. Оба они были проникнуты мыслью, что Западный край есть искони край русский, что вторгнувшийся в него польский элемент должен быть окончательно искоренен и что первым к тому средством есть поднятие в крае крестьянского населения и усиление русского землевладения. К этой цели и были направлены все действия и предположения как генерала Кауфмана, так и Безака. С их стороны не было недостатка в доброй воле. Если ж дело обрусения края часто тормозилось, то причины тому надобно искать или со стороны второстепенных и низших исполнителей, т. е. местного чиновничества, или со стороны петербургских интриганов разных степеней и обоего пола.

Иначе представлялось положение дела в Царстве Польском. Там оно тормозилось самим наместником[47] и двигалось только благодаря настойчивости моего брата и ближайших его сподручников при сильной поддержке самого Государя. В Царстве предпринята была полная переделка всего социального строя, для чего требовались колоссальная законодательная работа и энергическое исполнение. Инициатива в этих работах всецело принадлежала моему брату, который последовательно, систематически проводил одну меру за другою по плану, строго обдуман-

ному и утвержденному Государем. Живя в Петербурге и пользуясь личными докладами у Его Величества, брат мой по временам появлялся в Варшаве, чтобы на месте двинуть то или другое дело. В этих случаях ему часто приходилось вести борьбу с самим наместником, поддерживая своею энергией бодрость главных местных исполнителей: князя Вл[адимира] Ал[ександровича] Черкасского (по делам внутренним и духовным), Ф.Ф. Витте (по народному просвещению), А.И. Кошелева (по финансам). Лица эти, назначенные по выбору моего брата, уже по тому самому не пользовались расположением графа Берга и на всяком шагу встречали противодействие в приведении новых законодательных мер в исполнение[48].

Хотя в самом Царстве Польском поляки и присмирели, однако ж заграничные вожаки революции все еще не расставались с прежними своими мечтаниями и надеждами. Они еще не отказались от попыток возобновить мятеж и пользовались каждым случаем, казавшимся им благоприятным, для новых смут. Сборище польских эмигрантов в Париже, не имея денежных средств, заявляло, что мятеж приостановлен только на время, но что в Царстве подготовляется новое восстание. Заграничные польские газеты и приезжие из Варшавы в Париж распускали всякого рода ложные слухи как на счет действий русского правительства, так и настроения народа. Уверяли, что принимаемые правительством меры, особенно закрытие монастырей и конфискация монастырских имуществ, производят общее неудовольствие, что ожидаемый вскоре рекрутский набор будет наверное встречен поголовным восстанием. Принимая все эти толки с обычным у поляков легковерием, вожаки революционные решились в начале 1865 года снова послать в Царство эмиссаров, чтобы организовать новый «жонд»[49] и набирать банды, пользуясь остававшимися еще неоткрытыми в крае складами оружия и заготовленным вновь в Дрездене.

Однако ж вскоре иллюзии революционеров разрушились окончательно. Тайная полиция в Царстве следила за прибывшими в марте эмиссарами и арестовала их так же, как и те личности, с которыми они вошли в сношение в самом Царстве. Эмиссары эти оказались все из числа прежних повстанцев, скрывшихся за границу. Они, конечно, были преданы военному суду, но вместе с тем полиции удалось отыскать и скрытые склады оружия и даже отобрать остатки собранных на повстание денеж-

ных сумм от тех лиц, у которых они оставались на хранении. Неудавшаяся легкомысленная попытка выказала только несбыточность надежд неисправимых революционеров.

Также и расчеты их на рекрутский набор не оправдались. В манифесте 1/13 июня[50], которым был возвещен этот набор*, предоставлены были рекрутам некоторые льготы и облегчения, как например, известная часть контингента распределялась в войска, расположенные в самом Царстве; допущена неограниченно замена рекрут денежным взносом; принимались и другие административные меры к облегчению вообще во всей России производства набора. Объявление этого манифеста вовсе не встретило в населении того неудовольствия, которого ожидали враги России; напротив того, операция набора совершилась в полном порядке, почти бездоимочно, во многих местах не более как в два дня (26 и 27 октября). Рекруты шли на службу не только с покорностью судьбе, но даже охотно.

В числе законодательных и административных мер, принимавшихся в Царстве Польском для упрочения там русской власти, самое важное значение, конечно, принадлежит: устройству положения крестьянского населения, преобразованию учебной части и духовенства. Наделение крестьян землею, разверстание угодий, прекращение разных натуральных и денежных повинностей в пользу землевладельцев выводили крестьянское население из зависимости его от шляхты и тем укрепляли солидарность массы населения с правительством против того меньшинства, в котором преимущественно заключались элементы революционные и противоправительственные.

Также и в деле народного образования указ 30 августа 1865 года о новом устройстве начальных школ[51] имел целью поднять уровень образования в массе народа, оградив притом разные национальности от исключительного господства польского языка и римско-католического духовенства. Это новое положение для начальных школ было в особенности важно в отношении униатского русского населения Холмской епархии, которое следовало оградить от совершавшегося постепенно ополячения. В этих видах открыты были (5 октября) в Холме русская гимназия и в Беле — русская прогимназия, а сверх того учреждены при Холм-

---

* В Царстве Польском назначено было сверх 5 рекрут с 1000 душ, еще по $1^1/_2$ рекрута на пополнение недоимки прежних наборов.

ской гимназии педагогические курсы для подготовления учителей для народных училищ той же Холмской епархии.

Наконец, к числу весьма важных правительственных мер по Царству Польскому принадлежит определенное указом 14/26 декабря 1865 г. устройство быта римско-католического духовенства. «Духовенство это, — сказано в указе, — получая средства содержания из разнообразных источников, частию от недвижимых имуществ и капиталов, частию от случайных доходов, частию из казенных сумм, не было достаточно обеспечено, а значительное число приходских настоятелей терпело даже крайнюю нужду и лишения». Новое положение определило всему светскому (белому) духовенству в Царстве содержание от казны по штатам, а принадлежавшие духовенству недвижимые имения и капиталы отобрать в ведение казны, для покрытия расхода на содержание духовенства. Вместе с тем установлены правила для взимания платы за церковные требы и предположено учредить эмеритальную кассу для выдачи пенсий. Таким образом, правительство, обеспечив положение римско-католического духовенства в Царстве определенным и равномерно распределенным содержанием от казны и пенсиями, поставило его в прямую от себя зависимость, прекратив разом практикуемую духовенством с давнего времени эксплуатацию народа, возбуждением в нем ханжества и религиозного фанатизма. Мера эта была вполне политична и притом своевременна, так как происшедший в прошлом году разрыв с Ватиканом вполне развязывал руки русскому правительству[52].

Проведенный русским правительством в Царстве Польском ряд мер, законодательных и административных, глубоко обдуманных, взаимно согласованных, затронувших самые корни народной жизни, произвел на поляков некоторое изумление, так как они никогда еще не видали в образе действий русского правительства такого систематичного и выдержанного плана в борьбе с польскою крамолой. И в этом отношении, скажу прямо, не опасаясь упрека в пристрастии, что вся честь принадлежала моему брату Николаю, умевшему не только начертать разумно план действий, но и провести его на деле, несмотря на все встреченные противодействия, на всю упорную борьбу, которую он должен был постоянно вести.

В виде комментария этих слов, приведу любопытное письмо его ко мне из Варшавы, от 14/26 декабря, характеризующее тог-

дашние отношения графа Берга к делу предпринятых в Царстве Польском реформ:

«Пять дней, здесь проведенных, уже так утомили меня, что нужна большая энергия, чтобы не упасть духом. Утомляет меня, конечно, не работа, но затруднение соглашать здешние раздоры, умиротворять страсти и поддерживать тех, которые видимо слабеют духом. Дело в том, что в высшей администрации не только нет единства, но явное раздвоение. Я делаю все, что могу, в духе примирения, но до сих пор самые радушные заявления с моей стороны мало подвинули дело. Наместник, осыпающий меня самыми утонченными любезностями, уклоняется от всяких серьезных соглашений. Вообрази себе, что несмотря на ежедневные посещения, я не успел ни о чем условиться с ним обстоятельно. Все личные вопросы, о которых Государю угодно было поручить мне переговорить с графом Бергом, устраняются им систематически и с необычайною настойчивостью. Слова мои постоянно прерываются рассказами, анекдотами, светскою болтовней. Тут виден и расчет и старческая, невоздержная болтливость. Для соблюдения приличия я все выжидаю, но это крайне утомительно. Собственно *деловая* часть идет довольно успешно: работы по административной реформе, подготовленные под руководством князя Черкасского, очень полны, отчетливы и доставят мне обильный материал для окончательных проектов. По финансовой и другим частям надеюсь также получить хорошие материалы. Но все, что касается до полицейского управления, — систематически враждебно. А между тем беспрерывные столкновения между полициею и другими властями, разноречивые распоряжения, шаткость и неопределенность в мерах с каждым днем становятся чувствительнее и возбуждают надежды поляков. Все, что я слышал и от военных начальников, и от приехавших сюда губернаторов, — очень неутешительно. Факты привезу с собою, а пока буду стараться до конца выдержать согласительную роль. Боюсь только, что это меня задержит здесь долее, чем я предполагал. Против того *скрытного* и *упорного* сопротивления, которое противопоставляет мне наместник, нужны терпение и время...»[53]

ДЕЛА КАВКАЗСКИЕ И АЗИАТСКИЕ

Кавказский край с окончанием вековой войны[54] совершенно изменил свою физиономию и утратил значительную долю своей поэтичной оригинальности. Где так недавно еще кипела постоянная война, куда отряды наши предпринимали по временам опасные экспедиции, там теперь водворялось гражданское устройство, пробуждались интересы промышленные и торговые.

В Кубанской области новый начальник генерал-адъютант граф Сумароков-Эльстон принялся ретиво за дело гражданского устройства вверенного ему края. В особенности требовалось много забот, чтобы хотя сколько-нибудь поправить незавидное состояние вновь водворенных за Кубанью казачьих станиц и поселенцев на Черноморском прибрежье. Задача эта едва ли была под силу графу Сумарокову-Эльстону.

В Терской области дела значительно подвинулись вперед со времени усмирения затеречного населения. За выселением значительной части чеченцев в Турцию оставшееся на своих местах население начинало свыкаться с мирною жизнью, с гражданственностью, с покорностью русским властям[55]. Но племя это, всегда отличавшееся легкомысленностью, склонностью к увлечениям, не могло переродиться разом и потому требовало еще зоркого внимания со стороны русской администрации. Так, еще в мае 1865 года чуть было не возникло снова волнение в нагорной части Ичкерии. Какому-то пастуху деревни Хорочой по имени Таза вздумалось выдать себя за имама и призвать окрестное население на общий сбор для изгнания неверных. Попытка эта была подавлена немедленно же с помощью самого же населения. По распоряжению начальников Ичкеринского и соседних округов быстро собрались местные милиции и рассеяли шайку, собранную новым фанатиком, который сам был схвачен и представлен русскому начальству.

Случай этот выказал, насколько русская администрация могла доверять местному населению и считать себя обеспеченною на будущее время. Генерал Лорис-Меликов как человек опытный в управлении туземцами, энергический и ловкий не побоялся принять в Терской области такие две меры, на которые не отваживался начальник соседнего с ним Дагестана. Ему удалось в течение 1865 года, пользуясь выселением части чеченцев в Турцию, переселить из числа оставшегося населения до

5 тысяч семейств из горных местностей на равнину и вместе с тем обложить почти все население области податью. Такие две меры были бы немыслимы за год пред тем.

В Закавказском крае разрешался весьма сложный и щекотливый вопрос — об освобождении крестьян из зависимости от высших сословий. Хотя в том крае отношения крестьян к землевладельцам совершенно отличались от существовавшего в России крепостного состояния, однако ж и здесь предстояло решить трудный вопрос об обеспечении крестьян земельным наделом и вознаграждении высшего сословия за утрату тех материальных выгод, которые доставляло им водворившееся в разных частях края в разнообразных формах феодальное право. Работа эта возложена была на местные комиссии и потом рассматривалась в соединенном присутствии Главного комитета по устройству сельского населения и Кавказского комитета.

В Тифлисской губернии дело было решено еще в предшествовавшем году указом 13 октября (день рождения великого князя Михаила Николаевича). Ровно год спустя, 13 октября 1865 года, утверждено Положение о крестьянах Кутаисской губернии в виде дополнительных статей к прошлогоднему положению по Тифлисской губернии[56].

Можно сказать, что 1865 год был первым годом повсеместного во всем Кавказском крае мира и спокойствия, если не считать исключением пустой тревоги в Ичкерии да еще одного прискорбного случая в самом Тифлисе, где с давних пор не знали ни тревог, ни волнений. Случай этот заключался в уличных беспорядках, происходивших 27 и 28 июня по поводу некоторых новых городских сборов, установленных для уравновешения городских доходов с расходами. 27-го числа толпа народа самого разнородного состава произвела буйство, разорила дома городского головы Шермазана Вартанова и сборщика податей Бажбеука Меликова, причем последний был убит. Оказалось необходимым призвать войска, которые и разогнали толпу. Но на другой день снова образовалось большое сборище на Авлабаре; городские цехи (амкары) закрыли в городе все лавки и магазины. Вторично пришлось употребить оружие против бунтовщиков, в числе которых оказалось четверо убитых и 9 раненых. Не подлежало сомнению, что буйства произведены были толпою бессознательно, по наущению людей, имевших личные

поводы к неудовольствию, так как новые сборы, послужившие предлогом к буйству, были такого рода, что падали исключительно на людей зажиточных и не касались вовсе бедного трудового люда.

В начале года поднят был вопрос об устройстве вновь занятого края в среднеазиатских степях. В совещаниях, происходивших у Государя по этому предмету, участвовали, кроме некоторых министров, вызванные генерал-губернаторы: оренбургский — генерал-адъютант Безак, западносибирский — генерал Дюгамель и восточносибирский — генерал-лейтенант Корсаков; сверх того директор Азиатского департамента действительный статский советник Стремоухов (заместивший в конце предыдущего года генерал-адъютанта Игнатьева, назначенного посланником в Константинополь), а также генерал-лейтенант Егор Петрович Ковалевский, занимавший ту же должность прежде генерала Игнатьева и считавшийся авторитетом в делах азиатских. Вопрос о том, к которому из генерал-губернаторств удобнее присоединить вновь занятое пространство, сопредельное с Коканом, Бухарой и Хивой, возбудил продолжительные рассуждения и весьма разнообразные мнения, но самое оригинальное и неожиданное подал Е.П. Ковалевский: он заявил, что единственный пункт, который может сделаться центром администрации нашей в Средней Азии, есть Ташкент. Мнение это казалось странным в то время, когда Ташкент не был в нашей власти и когда со стороны Министерства иностранных дел продолжались настояния, чтобы отнюдь не распространять наших азиатских завоеваний. Заявление Ковалевского, оказавшееся впоследствии как бы пророческим предсказанием, не было даже обсуждаемо; оно встречено было чуть не в виде шутки. Действительным же результатом совещаний было образование на пространстве между низовьями Сырдарьи или Аральским морем и озером Иссык-Куль новой области Туркестанской, с подчинением ее оренбургскому генерал-губернатору. Военным губернатором новой области назначен генерал-майор Черняев, о чем объявлено в приказе 12 февраля.

Кроме того, положено было Оренбургскую губернию, которая в то время имела губернским городом Уфу, разделить на две: Уфимскую и Оренбургскую, со включением в последнюю и казачьего Оренбургского войска. При слиянии управлений вой-

скового (казачьего) с общим губернским положено соединить в одном лице должности губернатора и атамана казачьего*.

Генерал-адъютант Безак не возвратился уже в Оренбург по случаю перемещения его на должность киевского генерал-губернатора. Назначенный же в Оренбург новый генерал-губернатор, генерал-адъютант Крыжановский прибыл туда и вступил в должность в марте месяце.

С образованием новой области Туркестанской сделаны были со стороны Военного министерства распоряжения об усилении там войск. Невозможно было оставить генерал-майора Черняева с теми ничтожными силами, с которыми он в минувшем году так опрометчиво выдвинулся вперед, не получив на то разрешения и без подготовления надлежащих к тому средств[57]. Часть посланных подкреплений уже прибыла на новую передовую линию весной 1865 года; другие же части находились еще в следовании.

Генерал-майор Черняев после первой своей неудачи под Ташкентом возобновил представление о необходимости взятия этого многолюдного города, из которого он предполагал образовать отдельное владение под покровительством России с тою только целью, чтобы Ташкент не подпал под власть бухарского эмира. На представление это дан был ответ, что Государь император не имеет в виду новых завоеваний, но что во всяком случае все вопросы относительно военного положения того края разъяснятся при предположенной поездке нового генерал-губернатора в степь летом 1865 года.

Несмотря на такой ответ, генерал Черняев под предлогом сборища бухарских войск в Самарканде с предполагаемым намерением завладеть Ташкентом собрал в конце апреля небольшой отряд и двинулся к этому городу. 29 апреля он овладел небольшою коканскою крепостцою Ниаз-бек, лежащей к северо-востоку от Ташкента на р. Чирчике, чтобы отвести воду этой реки от города. В начале мая он подступил к самому Ташкенту, вблизи которого был встречен (8 мая) коканским скопищем, под начальством правителя ханства Коканского Алим-кула. Произошло сражение; Алим-кул был убит, и коканцы, оставив в наших руках две пушки, укрылись в городе, где в то время происходила неурядица. Черняев пробовал было войти в соглашение с жите-

---

* Торжественное открытие нового управления последовало 5 августа.

М.Г. Черняев

лями города, между которыми полагал найти сильную партию, расположенную к русским; однако ж сношения эти остались без последствий. Взявшая верх бухарская партия просила эмира Бухарского прислать подкрепление защитникам города. Эмир согласился с тем условием, чтобы ташкентцы выслали к нему находившегося в городе молодого хана Коканского Маля-бека. Последний явился в бухарский лагерь, и тогда в Ташкент вступил бухарский отряд под начальством Искендер-бека.

Между тем Черняев, желая прервать сообщение Ташкента с бухарскими войсками, двинулся вправо к Чиназу, лежащему на Сырдарье, при устье Чирчика. Город сдался без сопротивления, и тогда Черняев опять обратился к Ташкенту. В ночь с 14 на 15 июня войска пошли на приступ, ворвались в город, но бой продолжался в улицах два дня, и только 17-го числа город занят окончательно. Потеря наша под Ташкентом состояла из 25 убитых, 89 раненых и 24 контуженных. За этот успех Черняеву по-

жалована была золотая сабля, алмазами украшенная, с надписью: «За взятие Ташкента».

Как только Ташкент был взят, Черняев переменил свое предположение: вместо образования из этого города особого владения, он нашел необходимым совсем присоединить его к империи и занять русским гарнизоном так же, как Ниаз-бек и Чиназ. Для этого снова потребовались подкрепления, тем более, что нам угрожал войною новый противник — эмир Бухарский, которого войска уже дрались с нашими в Ташкенте.

Эмир, расположившись с своими войсками у Ходжента, послал Черняеву предложение очистить Ташкент и отойти к Чимкенту, а в то же время отправил посольство в Петербург. Черняев ответил, что без приказания от своего правительства не уступит никакой части занятой русскими войсками страны, а между тем без видимой причины распорядился арестованием всех бухарских торговцев с их товарами в пределах Оренбургского края. Генерал Крыжановский донес об этом по телеграфу в Петербург, прося распространить ту же меру и повсюду в пределах империи*. Однако ж на это представление не последовало Высочайшего разрешения, а как вслед за тем получено было известие, что ответом на распоряжение Черняева было такое же распоряжение со стороны эмира о заарестовании русских купцов и караванов их в бухарских владениях, то Крыжановскому было приказано задержать отправленное в Петербург бухарское посольство там, где повеление это застанет его.

Повеление это генерал Крыжановский получил уже по выезде в степь, в августе, когда бухарское посольство доехало до форта № 1 на Сырдарье. Здесь Крыжановский и объявил посланцам эмира Высочайшую волю. Между тем эмир, избегая еще вступления в открытую борьбу с русскими, двинулся с собранным у Ходжента скопищем прямо в Кокан, овладел им, снова посадил правителем его своего тестя Худояр-хана, но озабоченный вспыхнувшим восстанием в Шахрисябе, поспешил возвратиться в Бухару и старался снова войти в мирные сношения с русскими. Он посылал к Черняеву одно посольство за

---

* Черняев в донесении генералу Крыжановскому 26 июня писал: «Имею честь покорнейше просить распоряжений Ваших о немедленном задержании всех караванов и подданных бухарского эмира *в пределах империи*. В случае неисполнения настоящей просьбы, влияние наше в Средней Азии может подчиниться бухарскому, и за безопасность края ручаться нельзя».

другим, прося пропуска остановленному на Сырдарье посольству бухарскому.

Генерал Крыжановский, прибыв в Ташкент (в сентябре), был встречен населением торжественно и с почетом. В прокламации своей к жителям он объявил, что русский император, не желая новых завоеваний, повелел предоставить Ташкенту с его окрестностью независимое управление и что военному губернатору (т. е. Черняеву) поручено составить предположение о лучшем устройстве «Ташкентского государства»*. Жители Ташкента, по собственному ли сознанию непрактичности, можно даже сказать, несообразности такого решения, или же по внушению Черняева, ответили генерал-губернатору адресом, в котором отказывались от предположенного самоуправления, от выбора начальников из своей среды и выразили желание остаться под управлением Черняева и лиц, им назначенных, причем выговорили себе лишь некоторые льготы в отношении заведования делами веры и избавления от военной службы. Такое желание самих жителей как нельзя более совпадало с видами Черняева, который уже не довольствовался занятием самого города Ташкента, но доказывал Крыжановскому необходимость занятия и всего края за Чирчиком, так, чтобы границею нашею была Сырдарья и чтобы таким образом отрезать коканское владение от бухарского, поставив в Кокане нового хана. Генерал Крыжановский, признавая эти предположения несогласными с полученными от высшего правительства инструкциями, объявил Черняеву, что представит его предположения вместе со своими соображениями на решение верховной власти, — и вслед за тем уехал из Ташкента обратно в Оренбург.

Еще не доехал он до Оренбурга, как Черняев уже распорядился опять по-своему. Видя сам, что опрометчивостью своею запутал дела и в надежде восстановить дружественные отношения с Бухарой, он без всякого разрешения отправил в Бухару русское посольство и в то же время самовольно приказал остановленное в форте № 1 бухарское посольство отправить далее.

Крыжановский, узнав с удивлением о таких неожиданных распоряжениях Черняева, донес о них в Петербург. И здесь они произвели не меньшее удивление: предписано было Крыжанов-

---

* Так именно выражено в прокламации 23 сентября.

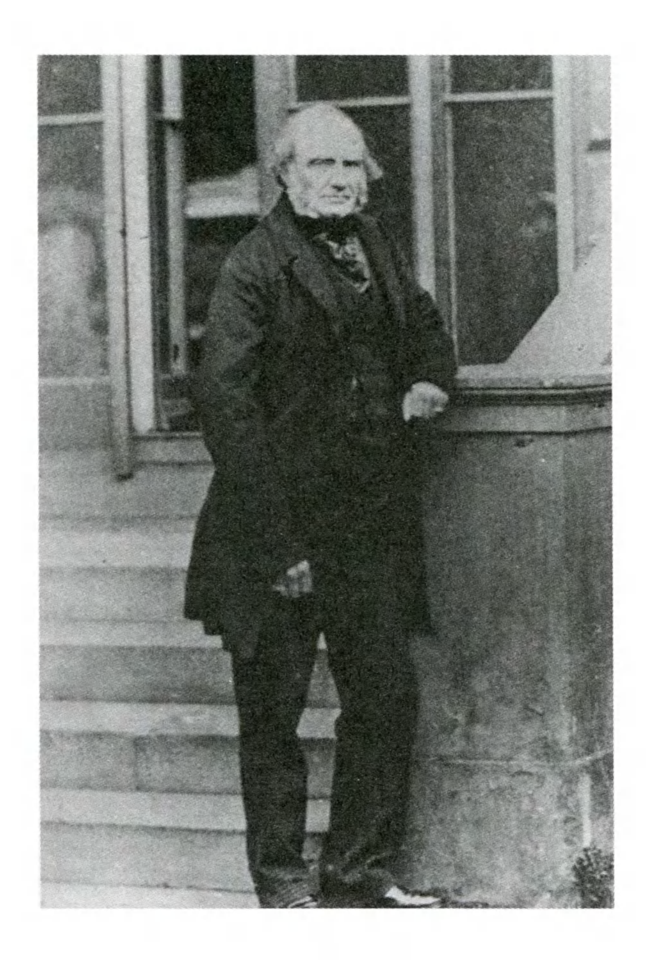
скому не пускать бухарское посольство далее Оренбурга и потребовать от Черняева объяснений.

Посольство, отправленное Черняевым в Бухару в октябре, было довольно многочисленно. В состав его были назначены: состоявший при генерал-губернаторе чиновник Министерства иностранных дел надворный советник Струве*, прикомандированный к Генеральному штабу штаб-ротмистр Глуховской, Корпуса топографов прапорщик Колесников, горный инженер подполковник Татаринов и еще несколько лиц в качестве переводчиков и охраны. Посольству поручено было, кроме собирания возможно полных сведений о бухарских владениях, разъяснить эмиру требования русского начальства и миролюбивые его виды. Сначала посольство было принято в Бухаре дружественно и с почетом, но когда дошло известие о новом задержании бухарских посланцев в Оренбурге, положение русского посольства в Бухаре вдруг изменилось: оно было заключено под караул с воспрещением допускать кого-либо к свиданию с русскими.

Черняев потребовал (7 декабря) объяснений от эмира, но получил дерзкий ответ, что русское посольство не будет выпущено, пока не будут освобождены все арестованные в России бухарские торговцы с их товарами и пока посольство бухарское не будет пропущено в Петербург. Тогда Черняев, думая поправить свои ошибки, вздумал предпринять военные демонстрации и двинулся с небольшим отрядом к Сырдарье. Это было уже в начале января 1866 года, когда он получил приказание прибыть в Петербург.

Положение наше в Средней Азии, благодаря самовольным действиям Черняева, так изменилось в течение года, что оказывалось необходимым снова обсудить вопрос о дальнейшем плане действий и составить новую программу. Решено было вызвать в Петербург как генерала Крыжановского, так и Черняева. Для временного же управления Туркестанскою областью и командования там войсками, в отсутствие Черняева, снова командирован был в Оренбург генерал-майор Романовский, который уже в начале года, по просьбе генерала Крыжановского, был назначен в его распоряжение, исполнял некоторое время обязанности начальника Уральской области и атамана Уральского казачьего

* Сын знаменитого нашего астронома, впоследствии посланник русский в Японии, а потом в Северо-Американских Штатах.



Д. Россель

войска в ожидании приезда вновь назначенного атаманом полковника Веревкина, а позже сопровождал генерала Крыжановского в поездке его в степь. Таким образом, Романовский (оставивший за несколько месяцев пред тем должность редактора «Русского Инвалида») успел уже в течение этого времени ознакомиться с положением дел в Средней Азии и был достаточно подготовлен к временному замещению генерала Черняева.

Между тем предприятия наши в Средней Азии не переставали тревожить Лондонский кабинет, который в конце июля поручил своему поверенному в делах в Петербурге Ломлею (за отсутствием посла Буханана) объясниться с князем Горчаковым. Данные нашим вице-канцлером словесные и письменные объясне-

ния* успокоили опасения лорда Росселя, который в письме к барону Бруннову от 4/16 сентября выразился так: «Я признаю совершенно законными цели, которые русское правительство имеет в виду, и вообще я всегда на стороне державы цивилизованной, против страны варварской. Мы сами действовали в Индии, соображаясь с настоятельными требованиями обстоятельств, которые всегда завлекали нас далее, чем было нам желательно. Но чего я желал бы в Средней Азии — это полного согласия между Россиею и Великобританией, такого согласия, которое устраняло бы всякую напрасную ревность. Мы не можем принимать участия в судьбе эмира Бухарского, который предает смерти английских подданных, но желаем, чтобы Афганистан оставался в своей независимой неприкосновенности и чтобы Персия была поддерживаема Россиею так же, как и Англией»[59].

Из этого письма ясно, что Английский кабинет более всего был озабочен неприкосновенностью Афганистана и Персии. По этим двум пунктам нам нетрудно было вполне успокоить его, и когда барон Бруннов сообщил лорду Росселю положительное заявление князя Горчакова, что Россия еще более, чем Англия, заинтересована неприкосновенностью и независимостью как Персии, так и Афганистана, то английский министр остался вполне удовлетворенным**. При этом русский посол выражал свое предположение, что не столько сам лорд Россель, сколько вице-король Индии Лауренс, по своему традиционному недоверию к политике России, возбуждал в Лондонском кабинете опасение, чтобы Россия не вмешалась под каким-нибудь предлогом в раздоры, происходившие в то время в Афганистане между претендентами на наследие Дост-Магомета***.

Что касается забот английского министерства относительно Персии, то можно объяснить их только разве тем, что в Тегеране, несмотря на постоянно дружественные отношения России к шаху, возникли опасения на счет видов наших на восточный берег Каспийского моря. Персидское правительство всегда до-

---

* Депеши князя Горчакова к барону Бруннову 5 и 23 августа[58].

** Депеша барона Бруннова к князю Горчакову 20 октября / 1 ноября[60].

*** Один из братьев тогдашнего эмира Афганского Шир-али-Хана, Азам-хан, бежавший к англичанам, вторгся в пределы Афганистана, чтобы свергнуть с престола своего брата. С другой стороны, власть эмира была весьма непрочна в Герате.

могалось господства, хотя бы только номинального, над туркменскими племенами, обитающими в степях, прилежащих к Хорасану. Наша морская станция в Ашур-Адэ давно уже была как бельмо на глазу для персиян. Первый министр персидский обратился к нашему посланнику Гирсу с запросом: правда ли, что Россия намерена занять остров Челекен и построить крепость на р. Атреке?* Хотя посланник наш и успокаивал персиян, однако ж по всем вероятиям, они сообщили о своих опасениях английскому посланнику, который, конечно, рад был предлогу выказать заботливость Англии об интересах Персии.

Впрочем, на этот раз слухи, встревожившие персидское правительство, были не совсем без основания. Еще в начале года в Военном министерстве возбужден был вопрос о занятии какого-либо пункта на восточном берегу Каспийского моря, в южной части его, в виде опорного пункта нашей флотилии для прекращения морских разбоев туркмен**. По этому предположению был сделан запрос кавказскому начальству, на которое всего удобнее было бы возложить исполнение подобного предположения. В августе от великого князя Михаила Николаевича была доставлена мне записка генерал-майора Богуславского, указывавшего на Красноводский полуостров как на удобнейший пункт для утверждения нашего на восточном побережье Каспийского моря[62]. Но переписка эта осталась без непосредственного результата, так как вице-канцлер, ввиду возникших тогда запросов со стороны Англии и Персии, пожелал избегнуть нового повода к дипломатическим усложнениям и испросил Высочайшее повеление — отложить предполагавшееся предприятие до другого, более удобного времени.

Правительство наше должно было обратить внимание в другую сторону — на сопредельные с Китаем части Западной Сибири. Восстание дунган[63], быстро распространившееся с 1862 года, ослабленное в центральных областях Китая, наоборот усилилось в западных, ближе к нашим границам. Везде почти в этом крае китайские власти были изгнаны. В конце 1864 года дунгане вырезали все население большого города Урумчи. Оттуда одна часть инсургентов двинулась в Кашгарию, овладела городами

---

* Депеша действительного статского советника Гирса от 26 сентября / 8 октября из Зергенде[61].

** Мы имели тогда только в северной части Каспийского прибрежья форт Александровский на Мангышлакском полуострове.

Аксу, Турфаном, Куча; другая направилась к Чугучаку и в Илийскую долину. 15 января 1865 года дунгане овладели Чугучаком, умертвили китайских начальников и все китайское население, но не тронули нашей фактории, хотя русский консул, получив сведение об опасности, заранее выехал, забрав с собою архив, церковную утварь и все имущество. Вслед за ним удалились и русские торговцы со своими товарами. Никакого зла не было им причинено мятежниками.

В Илийской долине дунгане также овладели несколькими городами, но в Кульдже встретили упорное сопротивление. Тут китайские власти отбивались с редкою с их стороны отважностью, и только в конце года удалось дунганам овладеть городом. И здесь, как везде, почти все население было вырезано и город сожжен.

Пекинское правительство оставалось как бы безучастным к событиям на западных окраинах империи. Оно было не в силах принять энергические меры к восстановлению своей власти в этих далеких странах, отделенных необозримыми пустынями от центральных населенных областей. В то время более чувствительная опасность угрожала Поднебесной империи: возмущение тайпингов не совсем еще было подавлено; остатки их бросились в южные области Китая и там производили неурядицу, а между тем новые толпы мятежников из северных областей двигались к Пекину и уже угрожали самой столице богдыхана[64].

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННО-ОКРУЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА КАВКАЗЕ И НА АЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ

Военно-окружное управление, введенное в 1864 году в десяти округах Европейской России[65], с первого же года пошло совершенно успешно. Встречавшиеся мелкие недоразумения немедленно же устранялись простым разъяснением статей Положения. Правда, в некоторых губерниях случились столкновения между губернаторами и вновь учрежденными губернскими воинскими начальниками, но столкновения эти объясняются тем, что в прежнее время представителем местной военной власти в губернии был только командир батальона внутренней стражи — личность приниженная, благоговейно смотревшая на губернатора и беспрекословно исполнявшая его требования. Естественно, что губернаторам не могло быть приятно теперь увидеть возле себя новую военную власть, поставленную самостоятельно и не-

зависимо от власти гражданской, а иногда по чину даже выше самого губернатора*. Однако ж и эти недоразумения первого времени были вскоре устранены разъяснением от министра внутренних дел.

Для успеха введенного нового военно-окружного управления весьма было важно, чтобы с самого начала во всех военно-окружных управлениях и советах делопроизводство получило правильное и законное направление. С этою целью в 1865 году командированы были для ревизии новых управлений доверенные лица, близко знакомые с Положением и с духом преобразования: в Киев и Одессу — генерал Непокойчицкий, в Москву и Казань — полковник Аничков, в Харьков — действительный статский советник Саломе, член от Военного министерства в Петербургском военно-окружном совете. Ревизия эта показала, что везде дела шли удовлетворительно, а замеченные частные упущения в делопроизводстве были указаны и исправлены.

Но затем оставалось еще применить новое положение к Кавказскому краю и к Азиатской России. Дело это облегчилось приездом в Петербург зимою 1864—1865 гг. генерал-губернаторов и начальника штаба Кавказской армии генерала Карцова. Генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Корсаков даже привез уже выработанный проект, который и был предложен в виде программы на общее обсуждение трех генерал-губернаторов. Без всяких затруднений достигнуто было полное между ними соглашение; Военно-кодификационной комиссии стоило только проектировать для трех новых округов (Оренбургского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского) небольшое число дополнительных статей или примечаний к общему Положению о военных округах и штаты управлений.

Не так легко прошло дело о Кавказском округе. Несмотря на то, что еще в конце 1864 года были уже улажены, при личном участии генерал-адъютанта Карцова, все заявленные местным начальством затруднения в применении общего Положения к Кавказу, несмотря на то, что сам великий князь Михаил Нико-

---

* Министерство внутренних дел часто назначало на губернаторские должности молодых людей из числа своих чиновников в чине статского советника; в отсутствие же губернатора вступали в должность вице-губернаторы, состоящие нередко в чине еще ниже. Губернские же воинские начальники положены были по штату в чине полковника или генерал-майора. Первоначально принято было за правило допускать в чине генерал-майора четвертую часть всего числа губернских воинских начальников.

лаевич казался уже подготовленным ко введению в крае военно-окружной системы, — однако ж, когда генерал Карцов возвратился в Тифлис с проектированными для Кавказского военного округа дополнительными статьями Положения, то нашел великого князя опять в сомнении и колебании. Созванные в Тифлис к этому времени начальники отделов края, не зная еще в чем состояли проектированные в Петербурге с участием генерала Карцова специальные для Кавказа статьи, уже подняли тревогу и напугали великого князя, так что последний вознамерился было даже ходатайствовать пред Государем о том, чтобы введение на Кавказе военно-окружного управления было отложено*. Карцов, несмотря на пущенные на его счет сплетни (будто бы он действует в угоду мне), успел убедить великого князя в неосновательности сомнений относительно удобоприменимости военно-окружной системы к Кавказу и в невозможности уклониться от исполнения положительной воли Государя, вновь подтвержденной в собственноручном письме Его Величества. Кроме местных в крае начальников, противодействовавших введению военно-окружного управления из своих личных расчетов, на великого князя действовали и петербургские интриганы, которые с непонятною для меня целью не раз возбуждали его против меня. Вот что писал мне генерал Карцов от 1 марта: «В некоторых частных письмах, полученных великим князем из Петербурга, часто пытаются выставлять военно-окружную систему и Ваши действия по отношению к ней в неблагоприятном свете. Разумеется, что все обвинения не заключают в себе ничего, кроме голословных фраз, что новые учреждения хороши только в теории и что жаль, что около Вас нет людей практических...»[67]

Таким образом, уже в то время, прежде чем военно-окружное управление получило полное развитие на практике, явилась оппозиция новому устройству местной военной администрации. И тогда за неимением положительных, конкретных обвинений ограничивались общими фразами о непрактичности вводимых новых порядков. Кто именно были мои недоброжелатели, пытавшиеся расстроить установившиеся было добрые отношения мои с великим князем, — мне неизвестно, и я даже не домогался открыть их. Быть может, с моей стороны было неблагоразум-

---

* Письма великого князя ко мне от 25 января и 5 марта и генерала Карцова от 10 января[66].

но относиться вообще с пренебрежением и не показывать никакого внимания к окружавшей меня постоянной интриге. Но признаюсь, мне даже некогда было заниматься подобными дрязгами.

Как бы то ни было, однако ж к концу марта проект о Кавказском округе был разработан в Тифлисе под руководством генерала Карцова, одобрен великим князем и отправлен в Петербург. Сам великий князь предполагал в половине мая ехать за границу и потом в Петербург, чтобы находиться лично при окончательном рассмотрении и утверждении Положения. Кончина Наследника Цесаревича ускорила отъезд великого князя, который присутствовал при погребении покойного Наследника и затем оставался в Петербурге до сентября месяца.

Дополнительные Положения о применении военно-окружного управления к округам Кавказскому, Оренбургскому и обоим Сибирским были окончательно обсужены в Военном совете в течение лета, а в конце июля поднесены мною на Высочайшее утверждение. Со стороны великого князя Михаила Николаевича было заявлено полное согласие на все проектированные для Кавказа статьи. Означенные Положения были утверждены и объявлены 6 августа — ровно год спустя после утверждения общего Положения[68]. По новым штатам все военное управление стоило в Кавказском округе на 97 тыс. руб. менее прежних управлений, но в прочих трех округах потребовалась прибавка в 50 тыс. руб.

В тот же день, 6 августа, объявлены также дополнительные Положения: об управлении вновь образованною в составе Оренбургского военного округа Туркестанскою областью, о новой организации местных войск в обоих сибирских округах и об управлении войсками Амурской и Приморской областей[69].

В течение осени новые управления вводились как на Кавказе, так и в прочих трех вновь открытых округах. Нигде не встречено ни малейшего затруднения*. В Кавказском округе со введением новых управлений и штатов произошли значительные перемены и в личном составе: генерал-адъютант Карцов назначен на новую должность помощника главнокомандующего; начальником же штаба — генерал-майор Лимановский (заведовавший в мое время канцелярией начальника Главного штаба,

* Письмо великого князя Михаила Николаевича ко мне от 15 декабря[70].

Великий князь Михаил Николаевич

а потом занимавший должность дежурного генерала Кавказской армии); начальником артиллерии назначен генерал-лейтенант Немчинов вместо генерал-лейтенанта Мейера, который по своим преклонным летам не мог уже оставаться на этом месте; начальником же инженеров вместо генерал-лейтенанта Кеслера назначен генерал-майор Миллер; наконец, должность окружного интенданта занял артиллерийский генерал-майор Брискорн.

Всеми этими новыми назначениями великий князь был вполне доволен в первое время, как видно из письма его ко мне от 15 декабря.

Вот что писал мне действительный статский советник Вастен, старый мой кавказский сослуживец, назначенный членом от Военного министерства в военно-окружной совет Кавказского округа, в неофициальном письме (от 5 февраля 1866 года):

«Неопытному глазу покажется, что у нас переход от прежней административной системы к новой труден. Эта кажущаяся трудность происходит не от оппозиции деятелей тифлисских, не от недостатка желания их вести дела по указанию Положения, но от вкравшегося в крае обычая действовать, как заблагорассудится. Людям этим кажется, что они роняют свое достоинство, подчиняясь закону, а не адату*. Это применяется к командующим войсками в областях, и крики на Совете и новый порядок не раз приходилось мне слышать от приезжих в Тифлис из отделов края. Действительно, много власти было предоставлено командующим войсками по хозяйственной части, а еще больше оказывалось снисхождения к их распоряжениям, всегда почти утверждавшимся в Тифлисе; теперь же стало иначе и при введении командующих войсками в надлежащую колею, они чувствуют толчки то справа, то слева».

Далее, изложив как ведутся дела в военно-окружном совете и в отделах военно-окружного управления, А.И. Вастен прибавляет:

«По правде сказать, я не ожидал, чтобы дела пошли у нас так удовлетворительно <...> С учреждением здесь Совета становится донельзя очевидным насколько устраняются произвол и ошибки, так часто случавшиеся и обнаруживаемые ныне при рассматривании дел».

О том, как относился к новым учреждениям сам великий князь главнокомандующий, Вастен выразился так: «Его Высочество, как кажется, очень доволен новым порядком и при последнем объезде Дагестанской и Терской областей, много дел, представленных командующими войсками, не решил на месте, а приказал представить к нему чрез Совет, — что разумеется, не понравилось»[71].

---

* У кавказских горцев *адатом* называется обычное право.

Приведу здесь еще и несколько строк из письма генерала Карцова, полученного мною в конце 1865 года:

«Благодаря счастливому выбору начальников управлений дела идут гораздо лучше, чем я мог ожидать. Совет в короткое время почти сразу обнаружил свое влияние. Все самопроизвольные расходы теперь почти прекратились, и как ни стараются против этого восставать командующие войсками (т. е. в отделах края), однако же должны покоряться. В подробностях открывается много прежних злоупотреблений; случаются и новые, но уже не остаются без преследования и делаются с большею осторожностью <...> Делопроизводство в Совете идет так быстро, что все дела долее недели не остаются в рассмотрении»[72].

Строки эти, написанные под свежим впечатлением только что введенного нового Положения, в крае, пользовавшемся прежде весьма обширною автономией, могут служить лучшим ответом тем порицателям, которые так горячо кричали и кричат против «бюрократического» характера военно-окружной системы и в особенности тем из них, которым не нравилось учреждение военно-окружных советов.

Генерал Карцов как человек вполне честный и добросовестный не мог не признавать существенной пользы этого учреждения; как человек работящий и деловой не мог не оценить тех практических выгод, которые принесла новая правильная и стройная организация всех частей военного управления. Но именно эти самые качества генерала Карцова, может быть, и объясняют, почему положение его в Тифлиссе сделалось весьма для него неприятным и тягостным. И прежде он замечал нерасположение к нему великой княгини Ольги Фёдоровны, имевшей сильное влияние на великого князя и на дела. Карцов держал себя совершенно в стороне от придворной камарильи; отношения его к главнокомандующему были почти исключительно служебные, официальные. С назначением же Карцова «помощником главнокомандующего» начал он замечать со стороны великого князя холодность и недоверие, так что положение его сделалось невыносимым. Он счел необходимым просить о перемещении его на какую-либо другую должность, хотя бы менее почетную*.

---

* Письма генерала Карцова ко мне от 14 и 30 декабря[73].

ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА 1865 ГОДА

По возвращении из Москвы царская фамилия оставалась в Царском Селе долее обыкновенного — до 7 декабря. В продолжение этого времени Государь несколько раз приезжал в Петербург по разным случаям. Так, 9 октября происходил на Марсовом поле большой смотр войскам Петербургского гарнизона и окрестностей. 26 ноября — совершено обычное торжество ордена Св. Георгия.

Во все время пребывания царской фамилии в Царском Селе продолжались, разумеется, и мои поездки туда с докладами и по другим особым случаям. В половине ноября возвратилась из-за границы моя жена со старшею дочерью, и с этого времени собралась снова в Петербурге моя семья, за исключением лишь бедной больной Ольги, оставшейся в Ницце. Около того же времени приехал в Петербург на короткое время младший мой брат Борис из Иркутска, где он уже многие годы состоял на службе[74].

К осени у нас усилились тревожные толки о холере, которая в начале года свирепствовала в Египте и на берегах Красного моря, а потом занесена была в некоторые приморские города Средиземного моря как на Малоазиатском побережье, так и в Южной Европе. В июне эпидемия появилась почти одновременно в Константинополе, Анконе и Марселе, затем делала довольно странные скачки: в июле — появилась в Бирмингеме, в августе — в Мадриде, Ницце, Париже, в сентябре же — вдруг оказалась в самом центре Германии: в Альтенбурге и Праге. Такие внезапные появления страшной гостьи в самых населенных, многолюдных городах произвели переполох во всей Европе: везде начали принимать карантинные меры; посылали врачей на Восток для изучения болезни.

У нас холера показалась только в начале сентября в южных приморских городах: Одессе и Поти; оттуда она заносилась и во внутрь страны так же, как и в Европе — скачками: в Бердичев, Балту, Задонск и т. д. В особенности сильно свирепствовала в течение октября и ноября в Бердичеве, среди еврейского населения. Хотя до конца года эпидемия держалась еще только на юге, однако ж везде принимались заранее предохранительные меры.

В Петербурге было в конце ноября и в декабре несколько случаев заболеваний холерного свойства, но случаи эти были со-

вершенно спорадические. Тем не менее уже в конце ноября признано было нужным образовать временную комиссию под председательством военного генерал-губернатора князя Суворова, из депутатов от разных ведомств и лиц городского управления, для принятия предупредительных мер против эпидемии. Независимо от того образована была в начале декабря такая же комиссия для всей губернии по распоряжению губернского земского собрания.

Еще с октября, по инициативе императора Наполеона III, велись дипломатические сношения между всеми правительствами Европы о съезде в Константинополе специальных делегатов на международную конференцию для обсуждения общих санитарных мер против зарождения и распространения холерных эпидемий. Предложение Франции было принято всеми государствами. От России назначены были делегатами: директор Медицинского департамента Министерства внутренних дел действительный статский советник Пеликан (Евгений Венцеславович), профессор Э.Э. Ленц и действительный статский советник Быков; последний — от военно-медицинского ведомства. Выехали они из Петербурга уже в конце декабря.

Как ни озабочивало всю Европу появление холеры, но едва ли не важнее еще было у нас другое опасение: во многих губерниях России оказался неурожай столь значительный, что в некоторых местностях уже к концу года наступила голодовка, а к весне можно было предвидеть настоящий голод в значительной части России. Недаром говорит пословица: «беда не ходит одна».

Еще до последней поездки Государя в Москву возник вопрос о выборе кандидата на пост наказного атамана Донского казачьего войска, так как генерал-адъютант Граббе, по своим преклонным летам и расстроенному здоровью, тяготился своею должностью и давно уже заявлял желание удалиться на покой. Необходимо было готовить преемника почтенному ветерану. Выбор Государя пал на генерал-майора Свиты А.Л. Потапова, который по увольнении его от должности помощника виленского генерал-губернатора оставался без места. Потапов, как уже было сказано, пользовался расположением и поддержкою шефа жандармов князя Долгорукова. Я, со своей стороны, не имел высокого мнения о способностях генерала Потапова, однако ж

П.Х. Граббе

не имел и положительных данных, чтобы настойчиво противиться назначению его. Я мог только представить одно возражение, что он слишком еще молод чином и слишком мало имеет авторитета в военном мире, чтобы занять такое высокое место, на котором привыкли видеть старших генералов с боевою известностью. Тогда Государю пришла мысль назначить Потапова первоначально помощником генералу Граббе, предложив последнему сохранить за собою на некоторое время звание атамана, но предварительно положено было командировать генерала Потапова на Дон в виде временного поручения — удостовериться в

правильности введения в Земле Войска Донского крестьянского Положения 19 февраля 1861 года, — в сущности же для того, чтобы дать возможность Потапову ознакомиться с положением дел и лично с генерал-адъютантом Граббе.

Потапов, приехав в Новочеркасск 28 сентября, донес, что принят был генералом Граббе весьма благосклонно и что надеется сойтиться с ним. Тогда Государь окончательно решил не откладывать долее назначения и притом не со званием «помощника», а прямо наказным атаманом, с тем, чтобы генералу Граббе присвоить временно только высшее руководство на правах генерал-губернатора со званием «войскового атамана». В таком виде и было объявлено о назначении Потапова в приказе 10 октября, причем разъяснено было в приказе военного министра, что означенное Высочайшее повеление последовало «в знак особого Высочайшего доверия и благоволения к генерал-адъютанту Граббе, в видах облегчения его в многосложных обязанностях, по званию наказного атамана на нем лежащих». В сущности же, обязанности эти почти сполна переходили на нового наказного атамана, а генералу Граббе предоставлялось одно лишь почетное звание «войскового атамана», один титул.

Конечно, так именно понял и сам почтенный Павел Христофорович. Он оставался лишь весьма недолго в своем новом почетном звании.

Почти нет сомнения в том, что все дело назначения генерала Потапова было ведено под влиянием князя Василия Андреевича Долгорукова.

Со времени обнародования Судебных уставов 20 ноября 1864 года и правительство, и публику занимал вопрос о порядке введения их в действие. Для обсуждения этого вопроса учреждена была в Министерстве юстиции особая комиссия[75]. Прежде всего возникало недоумение — есть ли возможность вводить новые суды постепенно, по округам? Как ни заманчива была мысль об одновременной замене повсеместно старых судов новыми, однако ж комиссия не могла не признать такое решение вопроса совершенно неисполнимым. Оно потребовало бы ассигнования разом огромных денежных средств, а с другой стороны, встретило бы весьма важное неудобство в отношении личного состава судебного ведомства, тем более, что разом открывать новые суды и упразднять старые было бы невозможно. Последние, по

необходимости, должны бы существовать некоторое время рядом с новыми, чтобы докончить производство дел, уже начатых. При одновременном же существовании и старых и новых судов, потребовались бы и двойные расходы и двойной персонал, тогда как и для одного пополнения всех новых судов не имелось достаточного числа подготовленных юристов. По всем этим соображениям комиссия представила план постепенного введения новых Судебных уставов по округам. План этот по обсуждении в Государственном совете был Высочайше утвержден 19 октября 1865 года.

Подписанным в этот день указом повелено ввести новые уставы в 1866 году в двух округах: Петербургском и Московском, в состав которых вошли десять губерний, а затем последовательно вводить во всех состоящих на общем положении губерниях в четырехлетний срок, так что в 1870 году новые суды должны были действовать на всем почти пространстве Европейской России, за исключением Прибалтийских губерний и Царства Польского. Одновременно с открытием двух первых судебных округов, повелевалось образовать в составе Сената два кассационные департамента[76].

Продолжительная рассрочка введения новых Судебных уставов и очевидные невыгоды старого судопроизводства рядом с новым побудили Министерство юстиции предложить в виде временной, переходной меры ввести неотлагательно и в старых судах значительные изменения в видах упрощения и ускорения делопроизводства. Высочайше утвержденным 11 октября мнением Государственного совета установлены как в Сенате, так и в Палатах гражданского и уголовного суда гласное и устное рассмотрение дел; письменная канцелярская работа в значительной мере заменена личными, устными объяснениями; отменены некоторые формальности, замедлявшие бесполезно течение дел; сокращены некоторые сроки и т. д. Все эти существенные улучшения в старом судопроизводстве были приняты с большим сочувствием и позволили терпеливее ожидать открытия новых судов.

Уже в течение октября открылись первые гласные заседания как в Сенате, так и в Палатах. В заседания эти допускалась «публика», но Министерство юстиции, приступая к этому опыту, сочло нужным принять меры к ограничению входа посторонних лиц, возложив на председателей установление правил

для предупреждения излишней тесноты в помещениях и для охранения порядка. Предосторожности эти оказались излишними; число посетителей как в департаментах Сената, так и в Палатах, особенно столичных, было крайне невелико. Более участия или любопытства выказала публика в некоторых губернских городах: Туле, Вильне, Ковне. Вообще же новый порядок доклада и разбора дел установился весьма успешно. И правительство, и общество могли вывести заключение вполне успокоительное, что и предстоявшее введение новых судов не встретит тех затруднений, которых многие опасались, что найдутся и у нас люди, обладающие и даром слова, и способностями, необходимыми для гласного суда.

Между тем в Петербурге и Москве производились работы приспособления помещений для новых судебных учреждений. Для этого перестраивались: в Петербурге — здание Старого артиллерийского Арсенала на Литейной, уступленное Военным министерством, а в Москве — здание прежнего Сената в Кремле. Готовились помещения и в других городах Петербургского и Московского округов для окружных судов. В то же время в Министерстве юстиции делались все приготовительные распоряжения по личному составу, так чтобы новые учреждения могли быть открыты в первые же месяцы следующего года.

27 ноября открыты были заседания Петербургского земского собрания. Военный генерал-губернатор князь Суворов произнес речь, в которой обрисовал благодетельную цель земских учреждений, важные обязанности, выпавшие на первых избранных представителей земства и, между прочим, сказал: «Слияние сословий в одном общем деле не роняет значения ни одного из них; напротив того, оно открывает для высших сословий поприще достойное их истинного призвания...» Затем в речи генерал-губернатора давались наставления в том смысле, чтобы собрание не выходило из круга предоставленной законом компетенции. «Руководитесь верою в того, кто совершил освобождение крестьян, вводит судебную реформу и учреждает земство, кто в течение нескольких лет даровал нашему отечеству мирным путем последовательных преобразований те благодеяния, которых многие государства достигали годами тяжких испытаний...»

Заседания открылись под председательством А.П. Платонова, предводителя дворянства Царскосельского уезда. В первом же

заседании, после выбора секретаря, собранию предложено было председателем избрать комиссию из 15 членов для предварительной подготовки тех вопросов, которые собрание признает нужным включить в программу своих занятий. Предложение было принято, и в состав комиссии избраны были большею частию лица, имевшие видное служебное положение, как например, Д.М. Сольский — товарищ главноуправляющего II отделением Собственной Его Величества канцелярии, Ф.А. Брун — старший чиновник того же отделения, К.К. Рененкампф — помощник статс-секретаря Государственной канцелярии, М.Н. Любощинский — сенатор, и другие, если и не столь же чиновные, то не менее известные, как граф А.П. Шувалов, барон Ю.Ф. Корф и т. д.

Заседания земства привлекли к себе массу любопытной публики, стремившейся послушать наших ораторов и видеть зачатки будущего нашего парламента. Заседания происходили в большой зале Дворянского собрания, очень обширной, но малоудобной по своим акустическим свойствам. Несколько ново казалось для публики видеть в числе гласных рядом с чиновными господами сидевших простых крестьян. Один из них даже рискнул сказать несколько слов, что, конечно, произвело некоторое впечатление.

В первые три заседания занятия собрания ограничивались вопросами личного состава управы, выборами, частностями внутреннего распорядка; но с четвертого заседания, происходившего 1 декабря, уже затронуты были вопросы весьма щекотливые. По программе, предложенной председателем, собранию предстояло заняться обсуждением целого ряда таких предложений, которые более или менее касались самых законоположений о земских учреждениях, как то: о расширении круга их действий, о регулировании отношений их к административным властям, о точном определении границ земского хозяйства и лежащих на земстве обязательных расходов, — одним словом, программа была так обширна, что в ней затрагивались не только все Положение о земских учреждениях, но и другие отделы законодательства: повинности, полиция,.. и т. д. Дошло дело и до центрального земского учреждения. Собрание, однако ж, имело довольно такта, чтобы не принять вполне предложения председателя о заявлении пред высшим правительством ходатайства по этому жгучему вопросу[77]; собрание остановилось на предложе-

нии графа А.П. Шувалова ограничиться на первый раз только выражением своего сочувствия к заявлению о необходимости центрального земского учреждения. И того было слишком достаточно, чтобы встревожить высшие власти.

В 7-м и 8-м заседаниях прения приняли в особенности оживленный характер по поводу заявления Ямбургского уездного собрания о необходимости изменения некоторых статей Положения относительно круга действия земских учреждений, «с целью доставить им более средств к исполнению своих обязанностей». Статс-секретарь Сольский, председательствовавший в постоянной комиссии, открыл прения весьма разумною речью, в которой развивал, что ходатайство пред правительством о предполагаемых изменениях было бы преждевременно, так как собрание не имело еще достаточно практических и фактических данных, которые могли бы подкреплять эти ходатайства, тем более, что все высказанные по этому предмету в собрании теоретические соображения уже имелись в виду правительством при начертании Положения о земских учреждениях. Речь Д.М. Сольского вызвала сильные возражения, и собрание постановило незначительным, впрочем, большинством голосов приступить к обсуждению, в частности, предложенных Ямбургским земством изменений в Положении. Этим суждениям преимущественно и были посвящены следующие заседания собрания. В числе указанных изменений был поднят и вопрос об отмене права, предоставленного губернаторам, закрывать собрания.

Впрочем, эти прения перемежались с обсуждением и некоторых более практических, текущих дел. Так, между прочим положено было учредить комиссию от земства для принятия предупредительных мер против холерной эпидемии; в другом заседании собрание занималось устройством медицинской части в губернии, питейным делом и т. д.

22 декабря, с окончанием срока губернского земского собрания, заседания его были закрыты петербургским гражданским губернатором. Вообще эта первая сессия Петербургского земства была опытом не совсем благоприятным для будущей судьбы земских учреждений. Главные действователи более били на ораторские эффекты, чем рассчитывали на практические результаты своего красноречия. Они достигли своей цели: в публике восхищались их речами; в городе толковали об их смелых либеральных выходках, но в правительственной среде заседания Петер-

бургского земства только укрепили предубеждение и недоверие той партии, которая видела в земских учреждениях опасный для будущности зародыш конституционных стремлений. С этого времени вместо постепенного развития и расширения земских учреждений начались систематическое стеснение и обуздание их.

Хронику каждого года приходится заканчивать целым рядом некрологов. Осенние месяцы 1865 года унесли в могилу несколько видных личностей у нас и в остальной Европе.

3 ноября скончался в Штутгардте генерал от инфантерии Фёдор Фёдорович Шуберт, бывший некогда моим начальником по званию генерал-квартирмейстера. Это был человек ученый, хороший математик, с практическим умом, но с характером сухим и крайне эгоистичным. В управлении его Военно-топографическим депо наша картография и топографические съемки сделали некоторые успехи; с именем Шуберта связаны довольно важные работы, как, например, так называемая военно-специальная карта Европейской России (10-верстная), начало 3-верстной карты западной ее половины и другие. В должности же генерал-квартирмейстера Шуберт не оставил по себе доброй памяти: он относился к офицерам Генерального штаба как-то безучастно; обращение его с ними было холодное, отталкивающее. В его время Генеральный штаб был, можно сказать, в загоне. Только немногие из офицеров Гвардейского Генерального штаба выдавались из массы, как лично известные императору Николаю I; на офицеров же армейского Генерального штаба смотрели как на съемщиков; в войсках звали их «планщиками». В этом отношении генерал Шуберт ничего не сделал, чтобы поднять службу Генерального штаба, да и не мог ничего сделать по своему личному положению и характеру. В 1843 году он сдал должность генерал-квартирмейстера генерал-адъютанту Бергу и назначен членом Военного совета, но кажется, что и в этом звании он держал себя в стороне с обычным своим безучастием. В то время, когда я вступил в должность товарища военного министра[78], генерал Шуберт даже редко присутствовал в заседаниях Совета и вскоре испросил себе Высочайшее разрешение проживать за границей, по расстроенному здоровью. Он поселился в Штутгардте, где одна из его дочерей была замужем за секретарем великой княгини (впоследствии королевы) Ольги Николаевны действительным статским советником Аделунгом.

Другое высокопоставленное лицо — генерал-адъютант Николай Николаевич Анненков — кончил жизнь в Петербурге 24 ноября после непродолжительной болезни — воспаления легких. Мне уже не раз приходилось говорить о нем и потому не стану здесь повторять сказанное прежде о его прошедшем и личных свойствах. Он скончался на 68-м году от роду и на 50-м своей офицерской службы.

16 декабря еще сошел в могилу один из старейших членов Государственного совета — действительный тайный советник Александр Дмитриевич Гурьев, после весьма продолжительной болезни. В свое время он был на счету деловых государственных людей и финансистов. Не могу ничего сказать более, так как мне вовсе не случилось знать его; уже многие годы до своей кончины он не выходил из дому.

Более всех других возбудила толков во всей России смерть сенатора Жданова, который, как уже было сказано, с сентября 1864 года усердно занимался в Симбирске расследованием дела о прошлогоднем пожаре. Своею деятельностью, терпеливым и разумным ведением дела он успел приобрести полное доверие и уважение всего симбирского общества. В октябре 1865 года следствие было доведено до такого положения, что сенатор Жданов нашел уже возможным всю Следственную комиссию, с массою накопившегося делопроизводства, перевести в Петербург. Сам он выехал из Симбирска 2 ноября и к ночи на 8-е число прибыл в Нижний, где остановился в гостинице, чтоб отдохнуть в ожидании отхода в следующий день в 2 часа пополудни московского поезда железной дороги. Он уже собирался выехать из гостиницы на станцию железной дороги, как вдруг с ним сделалось дурно; он опустился на диван и почти мгновенно кончил жизнь. Случилось это в виду многих лиц; немедленно собрались врачи, которые признали смерть Жданова последствием нервного мозгового удара. Известно было, что еще до выезда из Симбирска он был нездоров и лечился; в дороге также жаловался на нездоровье. Несмотря на все это, внезапная смерть его подала повод к самым упорным подозрениям в злом умысле, который приписывали, конечно, лицам, заинтересованным результатом Симбирского следствия. Полагали, что в руках сенатора Жданова был уже ключ к раскрытию настоящих виновников пожара; мало того, указывали прямо воображаемого ужасного виновника, и кого же? — самого командира расположенно-

го в Симбирске 47-го резервного батальона полковника Дудинского. Как ни нелепо было подобное обвинение, однако ж бедный Дудинский долго был под гнетом этого тяжелого подозрения, никуда не мог показаться, и только гораздо позже дело было раскрыто, и Дудинский окончательно очищен от павшего на него обвинения. В 1868 году он получил полк (Минский пехотный в 14-й дивизии).

ДЕЛА ПЕЧАТИ

В воспоминаниях моих за прежние годы уже упоминалось о том, какое было дано значение изданию «Русского Инвалида». Главным редактором этой газеты оставался полковник Романовский до начала 1865 года, когда с командированием его в Оренбургский край редакция возложена была на полковника Генерального штаба Зыкова, который и был 20 апреля утвержден в звании главного редактора. По-прежнему он являлся ко мне ежедневно по вечерам за получением указаний и с приготовленными к напечатанию передовыми статьями.

Направление органа Военного министерства также сохранялось прежнее. Как во время польского мятежа «Инвалид» заодно с «Московскими Ведомостями» горячо восставал против всяких польских козней, защищал Россию от клевет и лжи иностранной печати, поддерживавшей польское восстание, — так точно и потом он считал долгом своим отстаивать национальные русские интересы против всяких враждебных поползновений, с которой бы стороны они ни исходили. В этой задаче он продолжал идти рука в руку с «Московскими Ведомостями», также ратовавшими против всех органов печати, как заграничной, так и русской, распространявших в Европе ложные сведения о мнимых притеснениях и варварских распоряжениях русского правительства в Польше, Западном крае и прибалтийских губерниях[79]. Обе газеты вели постоянную и систематическую полемику с немецкою печатью касательно Прибалтийского края, особенно когда начали являться резкие и обидные для России статьи даже в газетах, издаваемых в Риге и Петербурге. «Инвалид» восстал против духа сепаратизма в том крае, против германизации его, против отживших феодальных порядков.

Понятно, что при таком направлении «Инвалид» должен был навлечь на себя многочисленных врагов. Против него восстали все сочувствующие полякам, все наши прибалтийские бароны,

все германофилы. В особенности раздражена была немецкая партия, всегда имевшая такое сильное влияние и в обществе, и в правительственных сферах. За границей «Инвалид» считался органом мнимой партии «ультрарусской», наравне с «Московскими Ведомостями». У нас же он еще заслужил сильную злобу со стороны ретроградов и крепостников, которые признали его органом партии «красных», либералов, демократов, потому только, что «Инвалид» считал своею обязанностью разъяснять и защищать реформы последнего десятилетия и сочувствовать их гуманным началам.

Общее направление «Инвалида» не нравилось и Министерству внутренних дел, которому принадлежал надзор за печатью. Но в описываемое время оно не решалось еще предпринять открытое нападение на официальный орган Военного министерства, а пока ограничивалось наговорами Государю. Зато «Московским Ведомостям» приходилось часто терпеть от цензуры притеснения. Придирки цензурные дошли до того, что в начале января Катков и Леонтьев, арендовавшие «Московские Ведомости», намеревались уже отказаться от редакции[80]. Слух об этом возбудил много толков в обществе, не забывшем важной заслуги, оказанной газетою Московского университета русскому делу во время недавнего мятежа польского.

Насколько цензура была стеснительна для одних изданий, настолько же была снисходительна к другим. Газета «Весть», редакторами которой были Скарятин и Юматов, позволяла себе самые неприличные и бессовестные выходки против всех последних реформ, в особенности же против всего, что касалось крестьянского дела. Это был орган партии ретроградной, или так называемой «аристократической», от которой газета получала субсидии. Доставалось сильно и военным реформам; почти в каждом нумере «Вести» являлись наглые и грубые нападки на Военное министерство и лично на меня. Все это пропускалось цензурою безнаказанно. Однако ж редакция дошла уже до таких дерзких нападок на правительственные распоряжения, что несмотря на всю поблажку со стороны Министерства внутренних дел, наконец, в январе 1865 года издание «Вести» было приостановлено на 8 месяцев[81].

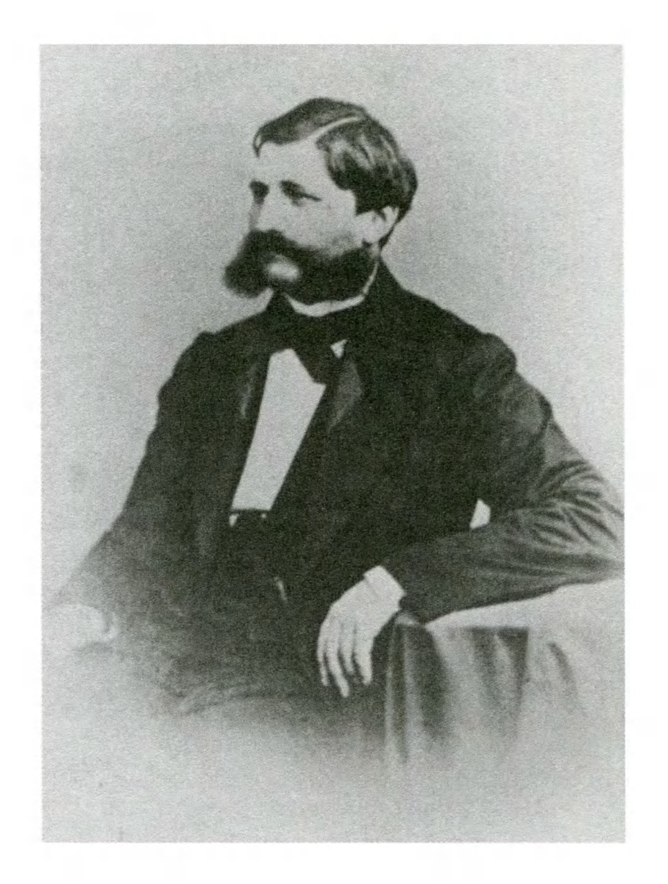
Вообще дела печати в то время немало озабочивали правительство и часто тревожили самого Государя. Придавали слишком большую важность каждой газетной статье. С конца пятиде-

сятых годов попробовали было дать печати некоторый простор*; надеялись на благотворное влияние гласности, — и не ошибались в том, но вместе с тем, по старой привычке, не могли переносить хладнокровно ни одной печатной строки, почему-либо неприятной или с правительственной точки зрения, или даже для известных личностей. Наши государственные люди не только смущались содержанием газетных и журнальных статей, но даже жаловались на то, что эти статьи пишутся не тем языком, к которому привыкли в официальной переписке или в дипломатических депешах. Цензура совсем сбилась с толку, не зная, где провести черту между дозволяемым и запрещаемым в печати. Отсюда проистекали беспрестанные жалобы, нарекания, а иногда выходили и несообразности: что запрещалось в одной газете, то появлялось в другой.

Прошло уже несколько лет с тех пор, что поднят был вопрос о составлении нового цензурного устава. Еще в 1862 году, как было упомянуто в своем месте, учреждена была особая комиссия под председательством статс-секретаря князя Д.А. Оболенского[83]. Но работа комиссии подвигалась туго; нелегкая была задача удовлетворить заявляемые с разных сторон самые разнообразные, даже противоположные требования. После многих неудавшихся попыток родилась, наконец, мысль — изменить самые основания нашего законодательства о печати, заменив цензуру предварительную мерами карательными. Мысль эта по обсуждении в Совете министров была Высочайше одобрена и положена в основание разработанного означенною комиссией в исходе 1864 года проекта, который в начале 1865 г. внесен в Государственный совет и обсуждался в нескольких заседаниях Соединенных департаментов в течение февраля и марта. Приняв в этом деле довольно деятельное участие, я представил особенное личное мнение, в котором указывал некоторые недостатки предположенной организации нового управления по делам печати и неудобства совместного существования предварительной цензуры с карательною системою. Замечания мои не были приняты, но указанные мною недостатки проекта вскоре обнаружились на практике.

---

* Цензура не имела другого руководства кроме устава 1848 года, составленного в драконовском духе под впечатлением тогдашнего революционного движения в Европе[82].



Д.А. Оболенский

Новое Положение о печати получило 6 апреля Высочайшее утверждение[84], в указе Сенату оно было мотивировано желанием «дать отечественной печати возможные облегчения и удобства», и вместе с тем указывалось на временный, переходный характер нового Положения. Существенное изменение против прежнего порядка заключалось в том, что некоторые издания освобождались от предварительной цензуры, а именно: книги объемом свыше 10 печатных листов и те из повременных изданий, которых издатели сами предпочли бы, взамен цензуры, подчиниться новым карательным мерам, со внесением притом денежного залога. Впрочем, это освобождение повременных изданий от цензуры применялось только в обеих столицах. Духовная и иностранная цензура оставались на прежних основаниях. Карательные же меры были установлены по образцу существо-

вавших в то время во Франции, то есть предостережения, денежные штрафы, приостановки на известный срок и, наконец, прекращение издания. Последняя мера допускалась законом только по решению Сената. В новом Положении также установлены были правила о типографиях, литографиях, о книжной торговле; наконец, определялся порядок ответственности и судебного преследования. Для заведования делами печати учреждалось при Министерстве внутренних дел особое «Главное управление», состоящее из Совета и канцелярии. Для судебного же разбора дел установлено было в виде временной меры впредь до введения нового судопроизводства «особое присутствие» уголовной палаты, в качестве суда 1-й инстанции, из которой дела по апелляции переносятся в 1-й департамент Сената. Относительно меры наказания за разные проступки печати и другие нарушения правил нового Положения определено руководствоваться общим законом, т. е. XV томом свода.

Новое Положение вошло в действие только с 1 сентября. В этот день открыто Главное управление по делам печати, начальником которого назначен сенатор тайный советник Щербинин — человек образованный и благонамеренный. Также назначен инспектор типографий и других заведений той же категории на основании изданных 13 августа дополнительных правил.

Несмотря на несовершенства нового Положения и на тесный круг его применения, можно было надеяться, что оно все-таки принесет некоторое облегчение печати и самой цензуре, если б оно могло быть применено на практике во всей точности и полноте. Притом это Положение как временное, переходное представляло все условия для дальнейшего развития. Но, к сожалению, надежды не оправдались; сама практика скоро показала, что и новое Положение не могло устранить тех затруднений, которые присущи делу печати, когда государственный строй и нравственный уровень таковы, что нет возможности точно и определительно установить критерий, на основании которого проводилась бы черта разграничения между дозволенным и недопустимым в печати. Когда черта эта подвижна, в зависимости от личных взглядов, от минутных впечатлений, от изменяющихся ежедневно обстоятельств, — то возможно ли устранить при каком бы то ни было порядке произвол и сомнения. При невозможности же установления постоянного критерия, если встречала затруднения цензура предварительная, то во сколько же раз

затруднительнее положение судьи или администратора при наложении кары?

При той щекотливости, с которою привыкли у нас смотреть на все печатное, при чрезмерной боязни гласности и откровенного выражения мнений, — немыслимо формулировать не только в законе, но и в самой подробной инструкции пределы допускаемой свободы печати. В виде примера могу здесь привести полемику, возгоревшуюся в 1865 году по вопросу о Прибалтийском крае[85].

Выше уже было упомянуто, что «Инвалид» так же, как «Московские Ведомости» и «День»*, горячо восстали против обидных для России статей немецких газет, не только заграничных, но даже издававшихся в Риге и Петербурге. Нельзя конечно не признаться, что и русские газеты не стеснялись в выражении своего негодования против наглых выходок «немцев» и высказывали довольно резко горькие истины о положении дел в прибалтийских губерниях. Некоторые из таких статей, помещенных в «Инвалиде» в апреле, когда Государь находился за границей, не понравились ему, о чем сообщил мне князь Долгоруков письмом от 22 апреля из Югенгейма. Хотя я подробно объяснил ему, что статьи «Инвалида» вызваны оскорбительными для России нападками немецких газет и просил его доложить мои объяснения Государю**, однако ж получил от князя Долгорукого уведомление, что Его Величество «желал бы, чтобы журнальная полемика не сопровождалась тою резкостью, которая, вместо соединения России в одно целое, влечет за собою ее разъединение»***.

После такого замечания, конечно, «Инвалид», как газета официальная, избегал уже полемики с немецкими газетами, но чрез это самая полемика не прекратилась, а все более и более разгоралась, так что в конце года Государь снова выразил свое неудовольствие министру внутренних дел. Быть может даже, и сам Валуев вызвал замечание Его Величества. Как бы то ни было, но Главное управление по делам печати нашло нужным дать указания цензорам немецких газет Прибалтийского края и опубликовать данное им циркулярное пред-

* Орган славянофилов московских[86].
** Письмо мое от 30 апреля.
*** Письмо князя Долгорукого от 6 мая из Югенгейма[87].

ложение, в назидание русской журналистике. Взяв за исходное начало, что возникшая между русскою и немецкою печатью полемика не привела ни к какому полезному результату, а только усилила обоюдное раздражение и затемнила вопрос, Главное управление признавало, однако же, что первый повод к распре подан в самих прибалтийских губерниях, «где не только в частных повременных изданиях, но и вне печати были обнаружены, по некоторым местным вопросам, весьма ошибочные взгляды и неверные понятия». При всем том Главное управление не одобряло односторонние и желчные нарекания некоторых петербургских и московских газет на все, касающееся Прибалтийского края и немецкого элемента его населения, и приводило в пример газету «День», которая даже позволила себе несправедливый «навет на главную в крае правительственную власть, утверждая, будто ее распоряжения делаются только для виду», — тогда как «эта самая власть энергическою рукою коснулась важнейших местных вопросов и дала им быстрое и неуклонное движение». Главное управление признавало неудобным принимать репрессивные меры против русских периодических изданий, так как «неправильные их суждения о прибалтийских делах вызваны упомянутыми выше ошибками в самом том крае» и «проистекают от заслуживающих полного уважения убеждений в необходимости государственного единства и неприкосновенности государственных прав русской народности...» Вследствие всего этого Главное управление давало цензорам в Прибалтийском крае наставление не пропускать в цензуруемых ими изданиях «ничего, что могло бы служить, хотя косвенно, к поддержанию и подкреплению предубеждений насчет обнаружившихся будто бы в Прибалтийском крае попыток к его германизации и на счет мнимого отрицания его неразрывной связи с Россией»*.

Некоторые из приведенных строк циркуляра дают повод полагать, что мера, принятая Главным управлением, была вызвана жалобою самого генерал-губернатора рижского, графа Шувалова, имевшего в Петербурге сильную руку в лице шефа жандармов князя Василия Андреевича Долгорукова, который, как уже было не раз замечено, всегда был противником всего резкого, раздражительного, любил все сглаживать, округлять, смягчать.

---

* Циркулярное предложение 14 декабря 1865 года[88].

В.А. Долгоруков

Относительно вопросов «прибалтийского» и «польского» князь Долгоруков был в полном согласии с министром внутренних дел.

ОБЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В 1865 ГОДУ

1865 год казался мирным и спокойным сравнительно с предшествовавшими: польская смута укротилась, датская война окончилась отторжением от Дании герцогств Шлезвиг-Голштинии[89], междоусобие в Северной Америке[90] также прекратилось торжеством Северных Штатов и восстановлением союза. Однако ж несмотря на столь успокоительные признаки, в этом именно году оказались зародыши будущих политических усложнений в Европе. Поэтому считаю нелишним, хотя в самых общих чертах, припомнить, что происходило в главных европейских государст-

вах, начиная с Франции, которая тогда играла первенствующую роль в общеевропейской политике.

Император Наполеон III в своей тронной речи при открытии Палат (3/15 февраля), по своему обыкновению, представил вполне утешительную картину положения Франции и всей Европы; все вопросы казались улаженными; мир повсюду водворен, или, по цветистому выражению императора, храм Януса закрыт. Но в речи вовсе обойден щекотливый вопрос церковный, который, однако ж, немало озабочивал французское правительство, вследствие папского послания[91], возбудившего смуту среди всего католического духовенства*. Другою не менее важною заботою были дела мексиканские. Хотя в официальных сведениях положение этого дела представлялось совершенно в успокоительном виде и даже шла речь о выводе французских войск из Мексики, однако ж трудно было долго скрывать истину. Император Максимильян, возведенный на мексиканский престол французским оружием, им же только и держался. Опора, которую первоначально находил он в католическом духовенстве, изменила ему с тех пор, как приняты были меры к отобранию от церквей и монастырей богатых недвижимых имуществ. Отношения самого Ватикана к мексиканскому престолу приняли такой враждебный характер, что нунций папский выехал из Мексики, а мексиканское посольство покинуло Рим. Войска императорские, даже и с помощью французов, с трудом держались против республиканцев[92].

Среди забот государственных император Наполеон III выступил на поприще литературном: в начале года выпущено в свет его сочинение: «Жизнь Юлия Цесаря». Появление этой книги, разумеется, встречено было в печати как событие. Автор сам разослал экземпляры почти всем государям; сочинение было немедленно переведено на разные языки[93]. Книгопродавец, которому было предоставлено издание, напечатал его в громадном числе экземпляров и притом в нескольких видах, более или менее роскошных. Но он несколько ошибся в своих расчетах: цены были назначены такие высокие, что большая часть экземпляров более дорогих изданий осталась нераспроданною. Появившиеся рецензии сочинения, особенно во Франции, имели

* Далее в автографе зачеркнуто: «Правительство французское, при всей своей осторожности относительно клерикальной партии, было вынуждено принять строгие меры против некоторых прелатов» (*примеч. публ.*).

Иператор Франции Наполеон III

большею частию характер учтивых комплиментов. Царственный автор так увлекся предметом своего многолетнего труда, что, не довольствуясь посылкою офицеров для осмотра и снятия планов местностей, чем-либо ознаменовавшихся в истории Юлия Цесаря, приказал изготовить образцы всех видов оружия, военных машин и других предметов, употреблявшихся римлянами, и построить судно совершенно по образцу древней триремы. Ему даже вздумалось разыграть в Венсене целое представление, изображавшее во всей точности бой между древними римлянами и галлами, на основании комментарий Цесаря[94]: до 1000 солдат были костюмированы и вооружены совершенно сходно с тогдашними образцами, и, по уверению Наполеона, только смотря на это представление, он разъяснил себе многое, что до того оставалось ему не совсем понятным.

В апреле Наполеон предпринял путешествие в Алжир. Поездке этой придавалось большое значение; ожидали разрешения на месте коренных вопросов о будущей судьбе этой колонии. На время своего отсутствия из Франции Наполеон назначил императрицу Евгению регентшею, предоставив ей председательствовать в Совете министров и в Тайном совете. Выехав из Парижа 17/29 апреля, Наполеон на другой день имел свидание в Лионе с русским императором и императрицей, а 19 апреля / 9 мая отплыл из Марселя в сопровождении целой броненосной эскадры.

Пребывание Наполеона в Алжирии в продолжение около трех недель было непрерывным рядом торжественных встреч, устроенных маршалом Мак-Магоном. 29 мая / 10 июня Наполеон возвратился в Париж, и тут начались совещания о лучшем устройстве колонии. В этом вопросе боролись два противоположные направления: одни предлагали полное отделение гражданской власти от военной; другие доказывали необходимость сосредоточения всего управления в руках военных; одни хотели обширного развития колонизации европейской, другие отстаивали туземное население. Вскоре по возвращении Наполеона из Алжира опубликованы были личные мысли самого императора по этому предмету в форме письма на имя маршала Мак-Магона. В этой брошюре высказывалось, что необходимо для Франции приобрести сочувствие туземного населения путем действительных забот о его благе и в то же время поощрять колонизацию не в ущерб туземцам, а напротив того, для развития в стране благосостояния, промышленности и торговли. Император находил возможным согласовать обе цели, дабы владение колонией сделалось для Франции источником силы, а не причиною ослабления. Ничего нельзя было бы возразить против таких desiderata*, но как осуществить их? На самом деле для устройства Алжирии поездка императора не принесла осязательных результатов[95].

По инициативе Наполеона III возникла мысль о морских празднествах соединенных флотов, французского и английского, как кажется, в виде демонстрации, по случаю тогдашних натянутых отношений обеих держав к Северо-Американским Штатам. Англия была в то время озабочена не только этими отношениями к Северо-Американским Штатам, но и внутренними сво-

---

* Пожелания (*лат.*).

ими делами, особенно же усилившимся движением фениянским в Ирландии[96]. Пользуясь потворством вашингтонского правительства, фенияне начали действовать с большою смелостью, с открытым намерением произвести в Ирландии восстание для освобождения ее от английского гнета. Министерство Пальмерстона, ввиду таких тревожных обстоятельств, не решилось оставить свой пост, хотя в то время новые выборы в парламент дали явный перевес партии либеральной. Правительство признало нужным принять энергичные меры в Ирландии; полиция была усилена, произведены многочисленные аресты и открыты склады оружия. К берегам Ирландии отправлена эскадра для воспрепятствования привозу оружия, военных запасов и высадке вооруженных волонтеров.

Приготовления к предположенным англо-французским празднествам начались еще с июля: несколько французских броненосцев прибыли в Плимутскую гавань, где посетили их наследный принц и члены английского адмиралтейства. Вслед за тем английская эскадра прибыла в Шербург, где встречена была с большими почестями и церемониями. Французский морской министр Шаслу-Лоба и английский первый лорд адмиралтейства за торжественным обедом обменялись тостами и речами, в которых прославлялось прекращение былого соперничества между двумя нациями и наступление новой эры дружественного сближения их. В Шербург съехалась масса приглашенных на праздники и просто любопытных. В числе приглашенных гостей были русские офицеры: военный и морской агенты контр-адмирал Бутаков и полковник Горлов. Соединенные эскадры маневрировали и вместе отплыли в Брест, где происходили новые празднества и взаимные приветствия. 17/29 августа эскадры отплыли к берегам Англии, и празднества закончились в Портсмуте, откуда французская эскадра возвратилась в Шербург 22 августа / 3 сентября.

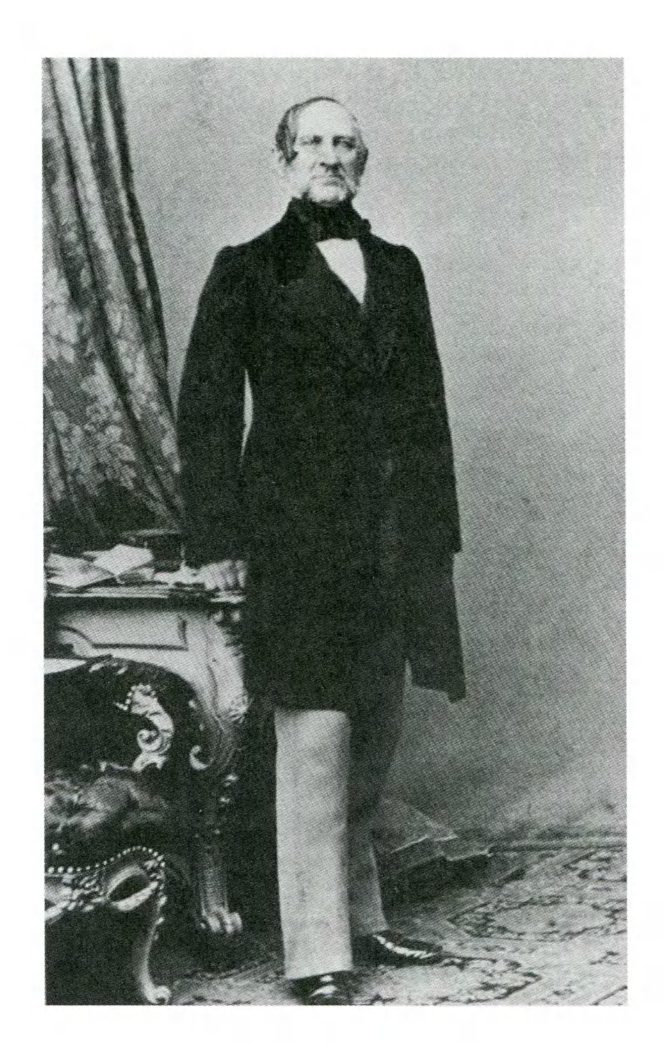
Осенью, с октября, началось выступление части французских войск из папских владений на основании условий прошлогодней сентябрьской конвенции, в силу которой король Виктор Эмануел обязался уважать границы остававшейся еще во владении папы церковной области[97]. По мере очищения разных пунктов французские войска стягивались к Риму и Чивита Векии. Между тем формировались папские войска и жандармы.

Еще в начале 1865 года совершилось перенесение столицы юного королевства Итальянского из Турина во Флоренцию, к крайнему неудовольствию туринского населения. Около того же времени возродились было некоторые надежды на сближение между королевским Двором и Ватиканом*. Однако ж надежды эти [не] сбылись. Казалось, что при тогдашнем положении папского престола, охраняемого только французскими войсками и взаимным соглашением между Наполеоном и Виктором Эмануелом, Римская курия должна бы умерить свои властолюбивые притязания, но вместо того она еще усилила свою заносчивость и несговорчивость. Выше уже упомянуто, какие затруднения папское послание причинило французскому правительству — тому, которое так заботилось о поддержании светской власти папы. Не говорю уже о полном разрыве с русским правительством. В сентябре начались толки о предположении папы собрать Вселенский собор для провозглашения некоторых новых догматов. Хотя не объявлялось еще в чем именно эти новые догматы заключались, однако ж носились уже слухи, что главным делом будет объявление непогрешимости папы.

Несмотря на все происки Ватикана, королевство Итальянское было признано почти всеми государствами, не исключая и самых католических: Испаниею — в июле, Саксониею, Бавариею и Вюртембергом — в ноябре. Противилась еще только Австрия, которая не могла простить новому королевству потери прежних ее итальянских областей.

Монархия Габсбургов, со времени неудачной войны 1859 года, не могла придти в устойчивое равновесие[98]. Я уже говорил в своем месте, что с 1861 года в правительстве австрийском взяла верх партия «централистов», в лице первого министра барона Шмерлинга, и что «февральским патентом» провозглашен был принцип единства монархии с общею конституцией и общим Имперским советом (рейхсратом)[99]. С того времени в продолжение 4 лет все усилия министерства Шмерлинга были направлены к установлению и упрочению желанной централизации, наперекор национальным стремлениям большей части населения империи. В особенности враждебно принята была эта

* Далее в автографе зачеркнуто: «Уполномоченный короля Вегеци долго оставался в Риме и вел совещания с кардиналом Антонелли; в половине июня переговоры были прерваны, и Вегеци уехал из Рима» (*примеч. публ.*).



А. Шмерлинг

система мадьярами. Также и представители славянских областей стояли большею частью в оппозиции. В 1865 году, с самого открытия заседаний рейхсрата (в феврале), выказался полный разлад между Палатою и министерством, так что положение барона Шмерлинга сделалось крайне затруднительным. Император Франц-Иосиф, убедившись, что такое ненормальное положение не могло долее продолжаться, решился (в июне) пожертвовать бароном Шмерлингом и снова обратиться к партии федералистов в лице графа Белькреди. 15/27 июля заседания рейхсрата

были закрыты; образовалось новое министерство, и вслед за тем объявлено восстановление октябрьского диплома 1860 года[100]. Вместе с назначением графа Белькреди (бывшего наместником в Богемии) министром-президентом последовало и назначение Майлата канцлером Венгерского королевства.

Поворот этот в австрийской внутренней политике снова оживил надежды мадьяр и славян, но оставалось еще вопросом: как далеко пойдет новое министерство по пути уступок сепаративным стремлениям мадьяр, которые не удовольствовались и восстановлением октябрьского диплома, а домогались совершенного отделения земель короны Св. Стефана, с особою конституцией, особым министерством и особым законодательным собранием*.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Программа передовой венгерской партии Деака была положительно заявлена в записке барона Этвеша: в ней отвергалось всякое участие Венгрии в Законодательном собрании другой половины монархии; связь между обеими половинами ее предполагалась только личная, в особе императора — короля; для обсуждения же общих вопросов допускался только, по мере надобности, съезд делегатов от представительных собраний обеих половин монархии, но решительно без присвоения этому съезду значения законодательного. Одним словом, в означенной записке 1865 года почти буквально выражена была именно та система "дуализма", которая впоследствии и осуществилась в Австрии. Заявленная мадьярскою передовою партией система "дуализма" совершенно расходилась с принятою графом Белькреди федеративною программою, на точном основании октябрьского диплома. Поэтому соглашение между венским министерством и представителями Венгрии встретило непреодолимое затруднение. В ноябре назначено было открытие сеймов во всех областях монархии. Сам император поехал в Пест и лично открыл Венгерский сейм. Франц-Иосиф был принят со всевозможными выражениями восторга; в тронной речи высказалась чрезвычайная уступчивость со стороны императора: исходною точкой желаемого соглашения поставлялась "Прагматическая санкция" (1723 года)[101], выражалась готовность признать, согласно домогательствам венгерцев, принцип "исторической непрерывности" законоположений, т. е. собственно восстановление революционных законов 1848 года[102], с тем лишь условием, чтобы Венгерский сейм, со своей стороны, согласился на те положения в этих законах, которые признавались необходимыми для ограждения единства и общих интересов монархии. Вот путь, который открыт был императором Венгерскому сейму для того, чтобы наконец вывести страну из продолжительного кризиса. 8/20 декабря император Франц-Иосиф возвратился в Вену, предоставив министрам вести тяжелое дело соглашения с венгерскими представителями.

Широкие уступки, на которые согласилось министерство графа Белькреди в отношении к мадьярам, затрагивало, однако же, интересы других народностей, вовсе не желавших быть поглощенными Венгрией. Хорватский сейм отказался от посылки депутатов в Пестский сейм. Также на Львовском сейме высказался давнишний разлад между двумя национальностями — польскою и русскою» (*примеч. публ.*).

Таково было внутреннее положение Австрии в то время, когда возникли у ней недоразумения с Пруссией из-за вопроса о будущей судьбе отторгнутых от Дании герцогств Шлезвига и Голштинии.

Король Вильгельм, в своей тронной речи при открытии прусского ландтага, 2/14 января 1865 г., упомянув о совершившемся возвращении герцогств в состав Германии, выразился так: «Стремясь к соглашению с моими высокими союзниками, с которыми *пока* я разделяю владение и управление герцогствами, я буду руководствоваться убеждением в моем праве и моими обязанностями относительно моего государства». В той же речи снова поднят был вопрос об утверждении Палатою сделанных в прусской армии преобразований, с внушительным увещанием Палат действовать единодушно с правительством.

Однако ж Палата не вняла королевскому увещанию. И на этот раз повторились те же раздражительные препирательства, которые происходили и в прежние годы между оппозиционным большинством Палаты и министром-президентом Бисмарком. Палата по-прежнему настаивала на незаконности действий министерства, вводившего новую организацию армии вопреки отказу Палаты в кредите на этот предмет, и в продолжение уже нескольких лет обходилось без утвержденного Палатою бюджета. Прения кончились опять отказом в утверждении как военной реформы, так и внесенного бюджета.

Что касается до вопроса о герцогствах, то заявление прусского короля по этому предмету при всей туманности выражения не могло не встревожить Венского кабинета и возбудило толки в печати. Замыслы Пруссии на присвоение себе герцогств, завоеванных общими силами Германии, слишком явно проглядывали во всех действиях прусского правительства, хотя оно избегало еще формулировать определительно свои виды и на все запросы Австрии давало уклончивые ответы, ссылаясь на ожидаемое будто бы заключение по этому вопросу синдиката из коронных юристов.

Совместное занятие герцогств войсками прусскими и австрийскими, равно как и двойственность власти в управлении, были, конечно, явлением ненормальным и не могли долго продолжаться. Но Австрия полагала образовать из герцогств независимое владение в составе Германии с возведением на престол принца Фридриха Аугустенбургского. Берлинский же кабинет

упорно восставал против этой кандидатуры и старался вызвать в самых герцогствах агитацию в пользу присоединения их к королевству Прусскому. Ему удалось устроить так, что дворянскою партиею в Голштинии подан был прусскому королю адрес в желанном смысле. Но адрес этот вызвал немедленно противоположную демонстрацию и протест: собравшиеся в Рендсбурге уполномоченные от разных частей герцогств высказались в пользу возведения на престол принца Аугустенбургского[103].

Венский Двор, не желая идти прямо на ссору с Пруссией, устранял пока вопрос о правах на Шлезвиг-Голштинский престол. Переговоры между обоими кабинетами велись втайне. Поездка прусского принца Фридриха Карла в Вену, в январе, имела несомненно связь с этим вопросом. В половине февраля наконец прусское правительство заявило со своей стороны, что оно ставит непременным условием соглашения, чтобы во всяком случае военные силы герцогств были включены в состав военных и морских сил Прусского королевства, чтобы герцогства вошли в Германский таможенный союз и чтобы правительству прусскому предоставлено было право строить по своему усмотрению крепости, военные гавани и соорудить соединительный канал между Балтийским и Немецким морями.

Хотя в этом заявлении и не было выговорено слово: *присоединения* герцогств к Пруссии, однако ж в сущности оно подразумевалось. Так поняли и Австрия и другие государства германские. Венский кабинет в ответе своем напомнил берлинскому о своих правах на герцогства, так же как и о правах Германского Союза. В том же смысле высказались Вюртемберг, Бавария и Саксония, которые в заседании 25 марта (6 апреля) Франкфуртского сейма прямо заявили, что Пруссия не имеет права одна распоряжаться судьбою эльбских герцогств. Сейм значительным большинством голосов отклонил заявление Пруссии. Но постановление сейма не помешало Бисмарку еще настойчивее заявить твердое намерение Пруссии так или иначе удержать за собою Киль как пункт стоянки для флота — и в то же время усилить преследование принца Фридриха Аугустенбургского, на которого Бисмарк взводил обвинение в происках и агитации в герцогствах. Венский кабинет, раздраженный действиями Пруссии, предложил созвать собрание представителей герцогств (штаты). Пруссия согласилась, но обе державы не могли сговориться ни насчет компетенции собрания, ни относительно порядка выбо-

ров. Пруссия не допускала обсуждения на сейме вопроса о правах престолонаследия и хотела, чтобы выборы представителей производились на основании прежнего, уже отмененного закона, дававшего преобладание на сейме дворянскому сословию, тяготевшему к Пруссии.

В то время, как велись эти переговоры (в мае), прусское министерство подверглось новому удару в Палате, которая отказала в кредите на сооружение военных портов в Киле и в устье Ягды и на усиление прусского флота. Вслед за тем, 5/17 июня, Палата была закрыта, и бюджет опять остался неутвержденным. При закрытии Палаты в тронной речи высказано было строгое осуждение ее образа действий.

Венский кабинет, стараясь действовать в примирительном духе, сделал Пруссии новое предложение: дать герцогствам самостоятельное правление, со включением в состав Германского и Таможенного союзов и с предоставлением Пруссии, на основании особой конвенции, права занимать Киль и крепость Рендсбург. В случае согласия Берлинского кабинета на такое решение вопроса Австрия, со своей стороны, готова была отказаться от своих прав на герцогства и только выговаривала для себя право занимать союзную крепость Раштадт одними австрийскими войсками. В противном же случае Венский кабинет предварял, что будет вынужден до последней крайности отстаивать свои права на совладение герцогствами наравне с Пруссией.

Предложение это, разумеется, не могло удовлетворить Берлинский кабинет. За несколько дней до закрытия прусского ландтага, в заседании 1/13 июня, открыто обсуждался вопрос о присоединении герцогств к Пруссии, причем Бисмарк развивал мысль о выгодах, которые доставило бы это присоединение самим герцогствам, но к осуществлению предположения находил лишь то затруднение, что при настоящем настроении Палаты, правительство не могло рассчитывать на поддержку ее ассигнованием требуемого кредита.

В конце июня синдикат после долгого и тяжелого разбора всех актов и документов пришел наконец к такому заключению по вопросу о престолонаследии в герцогствах: он признал за Пруссией и Австрией совместно верховные права на герцогства в силу заключенного с Данией мирного договора как результата бывшей войны; затем, разбирая притязания разных претендентов на престол Шлезвиг-Голштинский, синдикат положительно

отверг права принца Аугустенбургского на основании формального отречения от них отца его, напротив того, признал права великого герцога Ольденбурского на некоторые части территории; что же касается Дома Бранденбургского, то синдикат вынужден был высказать, что права его на престол Шлезвиг-Голштинский невозможно подтвердить юридически.

Приговор этот, впрочем, был совершенно лишнею, бесполезною формальностью. Вопрос давно был предрешен в голове прусского министра-президента, помимо юристов и всяких юридических соображений. Пока в Австрии совершался внутренний, кабинетный кризис и вследствие того произошел невольный перерыв дипломатических сношений по вопросу о герцогствах, прусские власти в спорной стране начали действовать, уже нисколько не стесняясь соглашениями с австрийскими властями, круто поступали со всеми личностями, не оказывавшими сочувствия к прусскому владычеству, и в особенности бесцеремонно действовали в отношении принца Аугустенбургского, которого старались совсем выпроводить из герцогств.

В течение июля король Вильгельм пробыв некоторое время на водах в Карлсбаде, переехал в Гаштейн, в то время, когда император Франц-Иосиф находился в Ишле. При обоих государях находились их министры. Обстоятельства казались благоприятными для возобновления прерванных дипломатических сношений по вопросу о герцогствах. За невозможностью придти к соглашению относительно решения окончательной судьбы их, признано было желательным, по крайней мере, установить какой-либо временный modus vivendi для устранения явных и неизбежных неудобств совместного занятия герцогств. В этом смысле наконец удалось министрам сговориться между собою, и тогда император Франц-Иосиф и король Вильгельм съехались 7/19 августа в Зальцбурге. Кроме Бисмарка, графа Менсдорф-Пульи (австрийского министра иностранных дел), прибыли в Зальцбург король Баварский и великий герцог Гессенский. В двухдневное пребывание их в Зальцбурге последовало утверждение установленного предварительно в Гаштейне соглашения.

Договор Гаштейнский состоял в том, что временно, впредь до окончательного решения судьбы герцогств, обе державы поделили их между собою: Пруссия приняла в свое владение Шлезвиг, Австрия — Голштинию. Кроме того Пруссия получила в полное владение герцогство Лауенбург, за что Австрия выговорила себе

денежное вознаграждение. Пруссии же предоставлено занятие Киля и крепости Рендсбурга, сооружение военной гавани, железной дороги от Любека до Рендсбурга и предположенного канала, наконец, занятие двух военных путей сообщения чрез Голштинию с телеграфными линиями. Условлено было совместно сделать предложение Германскому Союзу об учреждении союзного флота и признании Киля союзною военною гаванью, а Рендсбурга — союзною крепостью.

По заключении этого договора немедленно же было упразднено прежнее совместное управление в обоих герцогствах и учреждены отдельные для каждого из них: в Шлезвиге — прусское под главным начальством генерала Мантейфеля, а в Голштинии — австрийское под начальством генерала Габленца.

Гаштейнский договор имел характер совершенно временной сделки и притом более выгодной для Пруссии, которая получила возможность прочно утвердиться в Шлезвиге и подготовить обстановку в свою пользу для окончательного присвоения себе обоих герцогств. Как бы в награду за столь успешный выход из затруднений, Бисмарк возведен был (4 (16) сентября) в графское достоинство.

В Германии Гаштейнская конвенция была принята весьма несочувственно. Во Франкфурте-на-Майне собралось (19 сентября / 1 октября) «народное собрание» (National Verein) из 263 делегатов от всех германских государств*. Оно выразило единогласно неодобрение состоявшейся между Пруссией и Австрией конвенции и постановило настаивать во всех германских представительных палатах, чтобы спрошено было желание самого населения эльбских герцогств о будущей их участи.

Австрия и Пруссия немедленно же (20 сентября / 2 октября) объявили, что признают франкфуртское сборище незаконным и грозно потребовали от сената франкфуртского закрытия собрания. Однако ж сенат не испугался угрозы: в ответе своем (9/21 октября) он отклонил энергически требование Австрии и Пруссии, не признавая за ними права распоряжаться в вольном

* С 1848 года по роспуске Франкфуртского народного собрания образовалось в Германии нечто вроде постоянной делегации от упраздненного собрания, под названием «Комитета тридцати шести». Комитет этот по временам, когда признавал нужным обсуждение каких-либо общегерманских вопросов, созывал на совещание делегатов от разных сеймов германских государств. Комитет собирался в октябре 1864 г. в Веймаре, в марте 1865 г. — в Берлине, а в сентябре 1865 г. — в Лейпциге.

городе Франкфурте помимо Союзного сейма. Народное собрание продолжало в своих заседаниях рассуждать о единстве Германии и необходимости общего народного представительства.

Принятый Пруссиею диктаторский тон в отношении Франкфуртского сената не согласовался ни с политическими традициями, ни с интересами Венского кабинета. Австрия, так недавно еще находившаяся в резком антагонизме с Пруссией, сделавшись вдруг ее союзницею или вернее — послушным ее орудием, — стала в самое ложное положение в отношении Германии. Такое положение не могло продолжаться долго. Несмотря на придуманное в Гаштейне размежевание между австрийским и прусским владычеством в герцогствах, трудно было обеим властям уживаться рядом. Генерал Мантейфель действовал в Шлезвиге с непомерною суровостью, как бы в стране неприятельской. Беспощадное преследование принца Аугустенбургского и всей его партии, нахальный тон официозной берлинской печати возбуждали в Вене сильное негодование и раздражение. Таким образом, Гаштейнский договор не только не уладил недоразумений между обеими германскими державами, но еще более выказал несогласимость обоюдных интересов их. Все более и более обнаруживался замысел прусского правительства совсем завладеть герцогствами и сделать из них базис своей морской силы.

Вопрос Шлезвиг-Голштинский весьма занимал всю Европу и служил богатою темою для журналистики. Большая часть независимой печати, особенно в Англии, отзывалась неодобрительно о домогательствах и насильственных действиях прусского правительства; напротив того, французская официальная печать вначале показывала сочувствие к Пруссии и даже высказывалась прямо в пользу ее притязаний на герцогства. Странный этот факт, как увидим, разъяснился впоследствии. Замечательно, что французская печать вдруг изменила тон после Гаштейнской конвенции и заговорила о нарушении международных прав; в сущности же, видимое сближение Австрии с Пруссией и всякое полюбовное между ними соглашение не входили в расчеты Наполеона III. В одной из парижских официальных газет «Le Moniteur duo soir» помещена была колкая заметка о безучастном отношении Петербургского кабинета к делу герцогств, «в которых Россия имела такое влияние в былое время (a une autre époque)». По поводу этой газетной выходки напечатано было возражение в «Journal de St.-Pétersbourg» — полуофициальном

органе нашего Министерства иностранных дел: «Русское правительство не любит бросать слова, не соответствующие действиям. Два года тому назад, когда опасность угрожала прямым интересам страны, оно не ограничилось одними словами, но показало решимость и готовность действовать. То же сделает оно и во всяком другом случае, когда потребуют интересы самой России, но ему одному подлежит оценка тех обстоятельств, которые могут вызвать его на подобные действия, и тех мер, которые оно признает нужным принять». В этом кратком возражении можно безошибочно узнать язык и обороты, привычные князю Горчакову; это была обычная хвастливая выходка, вспышка затронутого самолюбия, — не дававшая прямого ответа на ехидную заметку французской газеты. Если потворство, оказанное в 1865 году Петербургским кабинетом разыгравшемуся честолюбию в Берлине, оправдывалось тем, что, по мнению русского вице-канцлера, вопрос о герцогствах приэльбских не стоил более энергического вмешательства, то можно ли применить то же объяснение и к последующим событиям, разыгравшимся в 1870 году[104].

В октябре граф Бисмарк предпринял поездку со своею семьей в Биарриц, где в то время находился император Наполеон с императрицею Евгенией. Хотя все было сделано, чтобы поездке этой не придавалось значения политического, однако ж она возбудила много толков и предположений. Да и можно ли было поверить, чтобы свидание Бисмарка с Наполеоном при тогдашних обстоятельствах осталось совершенно чуждым политики. На другой же день после этого свидания император Наполеон уехал из Биаррица. Месяц спустя граф Бисмарк на возвратном пути остановился на три дня в Париже и имел частые совещания с французским министром иностранных дел Друэнь-де-Люисом. Хотя впоследствии сам Бисмарк уверял, что в этих совещаниях не было речи о какой-либо сделке между Пруссией и Францией по вопросу о герцогствах, однако ж никто этому не верил. По всем признакам, прусский министр-президент уже тогда искал соглашения с Наполеоном, предвидя неизбежность столкновения с Австрией[105].

Сделанный очерк политического положения Европы в течение 1865 года следует дополнить некоторыми сведениями о делах восточных (разумея «восток» в тесном смысле западно-ев-

А. Куза

ропейском). Положение дел на Балканском полуострове представлялось довольно благополучным, по крайней мере, с точки зрения дипломатической, то есть не принимая в счет внутренних неурядиц и смут, сделавшихся почти хроническими в Оттоманской империи. Внимание Европы привлекали к себе преимущественно княжества Дунайские и Греция.

В княжествах Дунайских князь Куза продолжал под покровительством Франции бесцеремонно ломать все существовавшие в стране порядки, не стесняясь ни международными актами, ни протестами Порты и других держав, ни оппозицией со стороны многочисленной консервативной партии в княжествах[106]. Старые бояре находили опору в массе простого народа, подавленного чрезмерно усиливавшимися налогами. Летом 1865 года, когда

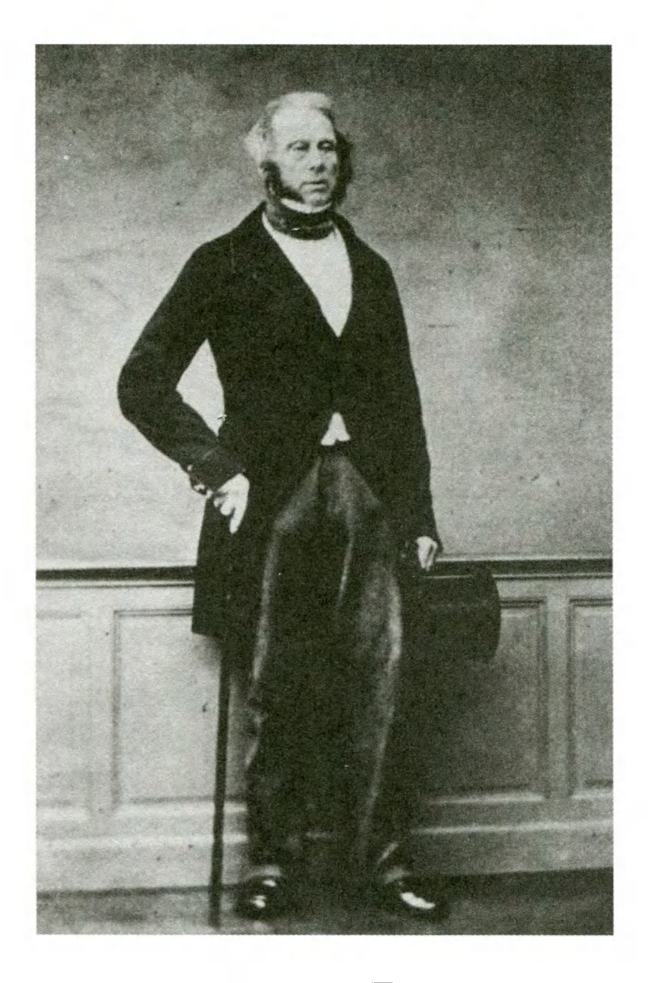
князь Куза уехал на воды в Германию, партия недовольных воспользовалась его отсутствием, чтобы произвести демонстрацию против радикального правительства; произошли в самом Бухаресте уличные беспорядки, которые конечно были скоро подавлены, и все пошло по-прежнему, но западная печать не упустила случая, чтобы во всем случившемся заподозрить интриги русского правительства.

Точно так же приписывали русским же проискам беспрерывные смуты и неурядицы, продолжавшиеся в королевстве Греческом, вследствие раздоров и борьбы между разными партиями, оспаривавшими друг у друга власть. Состав Кабинета менялся беспрестанно. Молодой король Георг (едва достигший в то время 20-летнего возраста) был в положении безвыходном. Прибывший с ним в качестве ментора датский граф Спонек не только не мог помочь юному королю, но сам служил поводом к неудовольствию и злобе туземных политических воротил, так что наконец он был вынужден в ноябре 1865 года уехать из Афин, предоставив короля на собственные его силы. Однако ж не помогло и удаление графа Спонека; раздоры не прекратились, и положение дел в королевстве Греческом сделалось предметом дипломатических переговоров между покровительствующими державами. Даже поднят был вопрос о коллективном вмешательстве.

В это время в Афины назначен был новый русский посланник — действительный статский советник Евгений Петрович Новиков, заменивший графа Блудова, переведенного в Дрезден. 29 сентября Новиков представил королю свои верительные грамоты.

Исход 1865 года ознаменовался в Западной Европе кончиною двух знаменитых личностей, занимавших видное место в истории XIX столетия: первого министра Великобритании лорда Пальмерстона и первого короля бельгийцев Леопольда I.

Лорд Пальмерстон кончил жизнь 6/18 октября после продолжительной болезни на 81-м году от роду. До последнего дня он продолжал государственную деятельность и держал в твердых руках правление страны. С молодых лет он был близким свидетелем и в значительной доле участником всех важнейших событий текущего века. Много раз входил он в состав разных сменявшихся в Англии кабинетов и стоял во главе их. Принадлежа



Г.Д. Пальмерстон

к партии ториев, лорд Пальмерстон, однако ж, не держался строго традиций этой партии, не следовал постоянно какой-либо одной политической программе, а применялся всегда с большою ловкостью и прозорливостью к обстоятельствам, входил в союз с людьми самых разнообразных воззрений. Долголетнею своею опытностью в делах и почти постоянными удачами во всех своих предприятиях лорд Пальмерстон приобрел в народе неограниченное доверие, особенно же тем, что ему удавалось, вмешиваясь в дела всего света, всегда поддерживать авторитет Великобритании не только с достоинством, но и с высокомерием. Ему обязана Англия тем, что была вовлечена в Крымскую

войну[107], которая, по сознанию самих англичан, не принесла государству никакой пользы, а повела только к тому, что надолго расстроила установившиеся в Европе политические отношения, положила начало взаимному недоверию и целому ряду последовавших затем недоразумений. Но Пальмерстон, при всей своей гибкости, в одном только оставался всегда верен се-бе — постоянным и твердым основанием его внешней политики было поддерживать во что бы ни стало целость и неприкосновенность Оттоманской империи, противодействовать России и поддерживать тесный союз с Наполеоном III. Этой программе он не изменил до конца жизни и оставался лично в самых близких отношениях с императором французов.

Королева Виктория питала полное доверие к лорду Пальмерстону и была глубоко огорчена его смертью. Погребение совершено было со всеми почестями в Вестминстерском аббатстве. Затем представлялся, разумеется, вопрос: кто заместит умершего первого министра? Личность лорда Пальмерстона во главе Кабинета была тем особенно удобна, что с нею мирились и уживались все партии; он мог бы оставаться и долее первым министром, несмотря на то, что произведенные незадолго пред тем новые выборы в парламент, дали полный перевес либеральной партии. С этой точки зрения, в преемники Пальмерстона наиболее подходила личность графа Росселя, который, считаясь вигом, тем не менее участвовал в Кабинете лорда Пальмерстона, слывшего торием. Впрочем, это стародавнее деление партий на ториев и вигов в сущности утратило уже свое традиционное значение; более близким к делу стало деление на консерваторов и либералов, но и эти названия не всегда верно характеризуют программы действий государственных людей Англии, представляющие нередко странные аномалии.

С назначением графа Росселя первым министром в составе Кабинета не произошло существенной перемены. Портфель иностранных дел принял лорд Кларандон.

Шесть недель спустя после смерти лорда Пальмерстона скончался король Леопольд I. Он заболел еще в июле бронхитом и водяной. Болезнь его возбудила тогда такие тревожные опасения, что английская королева предприняла поездку на континент, чтобы посетить своего родственника, с которым была весьма дружна. Но король Леопольд почувствовал облегчение, тревожные опасения миновали, и королева Виктория проехала

прямо в Кобург, откуда возвратилась в Виндзор в конце августа. Однако ж в половине ноября болезнь короля Леопольда снова приняла опасный оборот, и 28 числа (10 декабря нов. ст.) его не стало.

Кончина его возбудила во всей Европе искреннее сожаление. Немного было государей, которые пользовались таким общим уважением и доверием, как Леопольд I. Биография его довольно замечательна: он родился в 1790 году; был сын герцога Саксен-Кобургского и брат первой супруги великого князя Константина Павловича[108]. В молодых летах поступил в русскую военную службу; в 1808 г. сопровождал императора Александра I в Эрфурт, но в 1810 г. оставил русскую службу и по предложению Наполеона I вступил во владение герцогством Саксен-Кобургским. Однако ж в 1813 г. он снова поступил в русскую службу, участвовал в кампаниях 1813 и 1814 гг., сопровождал императора Александра в Лондон, где обручен был с дочерью регента, сделавшегося впоследствии королем Английским под именем Георга IV. Брак этот совершен лишь по окончании кампании 1815 года; принцесса вскоре скончалась от первых родов, но принц Леопольд продолжал пользоваться особенным расположением короля, возведен был в чин английского фельдмаршала и назначен членом Тайного совета. В 1830 г. принцу Леопольду предложена была корона нового королевства Греческого; он отказался от нее, а год спустя, когда создано было другое новое королевство — Бельгийское, принял кандидатуру на престол и был выбран в 1832 году обеими Палатами. С того времени, в течение 33 лет царствования, он правил государством с таким благоразумием и тактом, что несмотря на все совершавшиеся в это время политические потрясения и перевороты в соседних государствах, маленькое королевство Бельгийское сохранило неприкосновенность своего нейтралитета и своей конституции. Бельгия вполне воспользовалась выгодами продолжительного мира, спокойно развивая свою промышленность и благосостояние. Народ был искренно предан своему королю, всегда строго стоявшему на конституционной почве. Другие государи нередко обращались к королю Леопольду I за советами или прибегали к его посредничеству — и всегда находили совет разумный и посредничество беспристрастное.

Король Леопольд I скончался 75 лет от роду. У него остались от второго брака с принцессою Орлеанскою, дочерью француз-

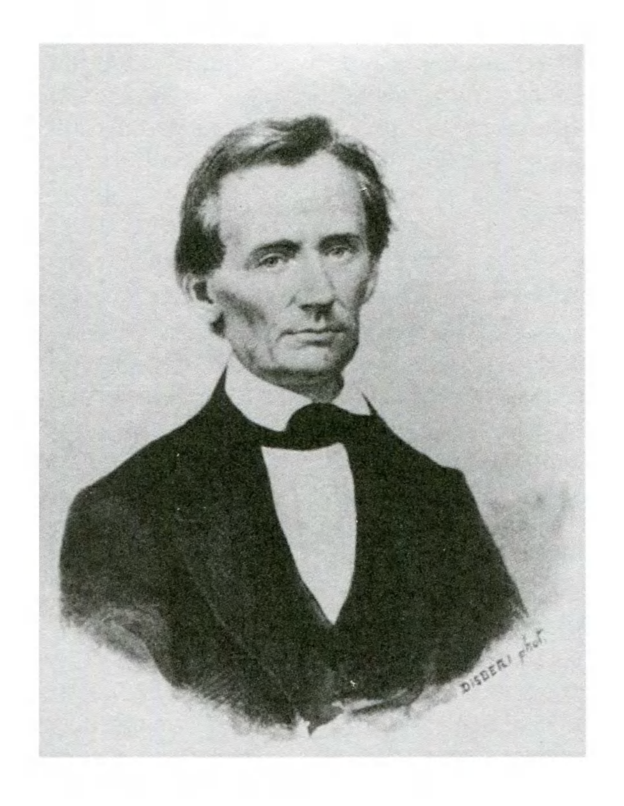
ского короля Луи-Филиппа, два сына и дочь: старший сын, герцог Брабантский наследовал престолом Бельгии, под именем Леопольда II, а дочь Шарлота вышла замуж за австрийского эрцгерцога Максимильяна, возведенного Наполеоном III на престол Мексиканский.

В заключение, скажу несколько слов о том, что происходило в 1865 году за Атлантическим океаном, по связи этих дел с политикою европейскою.

Длившаяся уже четыре года междоусобная война в Северо-Американских Штатах к началу 1865 года заметно приближалась к развязке[109]. Отложившиеся от Союза южные штаты уже истощили свои силы и средства. Хотя открытые в начале января переговоры о мире и не имели успеха, однако ж вслед за тем южане понесли новые и решительные поражения, сделавшие невозможным для них продолжение войны. 10/22 февраля генерал Шерман овладел Чарльстоуном, а 24 марта / 5 апреля, после кровопролитного сражения под Ричмондом, генерал Грант занял самую столицу южан, и главная армия их генерала Ли принуждена была положить оружие. Судьба Северо-Американского Союза решилась окончательно: южные рабовладельческие штаты должны были признать отмену рабства; единство Союза было восстановлено.

Но в то самое время, когда союзное правительство торжествовало победу, — рука убийцы сразила стоявшего во главе его президента Линкольна. 2/14 апреля он убит публично, в ложе театра; в то же время тяжело ранен в своей комнате министр иностранных дел Сьюард; такая же участь угрожала и другим министрам и генералу Гранту, но покушение на них почему-то не состоялось.

Линкольн был достойнейший и замечательный государственный человек. Смерть его произвела тяжелое впечатление не только в стране, которая так многим была ему обязана, но и в Европе. Не было сомнения в том, что убийство президента и покушение на министров были делом заговора, замышленного крайними, ожесточенными подвижниками мятежных южных штатов, в виде отмщения за проигранное дело. Виновники злодеяния были открыты и впоследствии казнены (25 июня / 7 июля).



*Президент США
А. Линкольн*

По законам Союза место убитого президента занял впредь до новых выборов вице-президент Джонсон, который, к счастью страны, оказался человеком разумным, благонамеренным и с энергическим характером. Союзному правительству предстояла нелегкая задача — восстановить нормальные отношения между штатами, сгладить последствия взаимной ненависти и недоверия, залечить раны, причиненные обеим сторонам продолжительною междоусобною войной, стоившею им огромных жертв. Союз, не знавший до войны долгов, теперь оказался обремененным громадным долгом.

Но тут и выказались во всем величии жизненные силы великой американской республики. Едва прекратилась упорная, кровопролитная война — и неотлагательно закипела снова внутренняя деятельность, так что в самом скором времени Союз почувствовал себя могущественнее, чем когда-либо. Правительство Джонсона выказало при этом большую сдержанность и умерен-

ность в отношении побежденных штатов, наперекор крайним партиям, увлекавшимся страстями и требовавшим жестокого возмездия за все бедствия, причиненные Союзу мятежными штатами.

Весьма замечательны некоторые цифры, приведенные в послании президента к конгрессу при открытии заседаний его 22 ноября / 4 декабря. Союзная армия, превышавшая в последний год войны 1 миллион человек, с переходом на мирное положение низведена до скромной цифры 50 тыс. человек; союзный флот, доведенный до 530 судов с 3 тыс. орудий, уменьшен до 117 судов с 830 орудиями, военный бюджет, возвышавшийся во время войны до 516 миллионов долларов, спустился разом до 33 миллионов. Накопившийся государственный долг (свыше 2 миллиардов долларов) положено погасить в течение 30 лет постепенным извлечением из обращения выпущенных бумажных знаков, — и в том же 1865 году уже восстановлено было обращение металлической монеты с отменою принудительного курса кредитных бумаг.

Относительно южных штатов президент заявил конгрессу, что не признает возможным лишать их на долгое время политических прав наравне с другими штатами, и полагал поставить им единственным условием — присягу на верность союзной конституции с признанием полной отмены невольничества. Затем представлялся щекотливый вопрос — о предоставлении полноправия неграм, только что освобожденным из рабства: вопрос этот президент оставил на обсуждение самого конгресса.

Прекращение междоусобной войны в Северной Америке не осталось без влияния на политику европейскую. Когда возгорелась эта упорная война, во Франции и в Англии смотрели на нее как на признак распадения Союза и старались воспользоваться этим событием для своих видов. Вашингтонское правительство не могло простить европейским державам потворства и сочувствия, выказанных ими мятежным штатам. Прекращение войны и восстановление Северо-Американского Союза было для Англии и Франции событием неожиданным и не совсем приятным. Вашингтонское правительство потребовало от Англии удовлетворения за допущение в ее портах снаряжения каперов, заведомо предназначавшихся для нанесения вреда торговле Союза. Относительно же Франции, американцам было крайне неприятно вмешательство ее в дела мексиканские и насильственное восстановление в этой стране монархического правле-

ния. Отношения Северо-Американского Союза к обеим европейским державам сделались до того неприязненными, что в Англии опасались открытого разрыва и начинали готовиться к войне. В Канаде принимались меры обороны, строились укрепления, и возникла мысль об образовании из всех великобританских колоний в Северной Америке союза под наименованием «Канадской конфедерации»[110].

Во Франции так же правительство встревожилось известиями о явном сочувствии вашингтонского правительства республиканскому движению в Мексике, о бандах волонтеров, формируемых на территории Союза для поддержки хуаристов. Действительно, с прекращением войны в Северной Америке и с роспуском огромных армий, действовавших как с Севера, так и с Юга, множество офицеров и солдат устремилось к границам Мексики на службу в республиканских отрядах Хуареса и Ортеги. В мае и июне силы республиканцев были уже так значительны, что войска императора Максимильяна были вытеснены из северных областей Мексики. Сам маршал Базен вынужден был принять лично начальство над французскими отрядами, выдвинутыми для охранения столицы с северной стороны. Оказалось, что не только немыслимо было выводить французские войска из Мексики, но что положение их могло даже сделаться крайне затруднительным без новых подкреплений.

Хотя во вторую половину года опасения открытого разрыва с великою американскою республикой несколько успокоились как в Англии, так и во Франции, однако ж отношения обеих этих держав к Союзу продолжали оставаться крайне натянутыми. Выше было упомянуто о невинной демонстрации, придуманной императором Наполеоном в виде совместных морских маневров и празднеств англо-французского флота. Тем не менее еще в конце года президент Северо-Американского Союза в своем послании к конгрессу высказал без околичностей во всеуслышание порицание действий западных европейских держав и заявил весьма категорически, что союзное правительство, оставаясь верным принципу Монроэ[111], не допустит вмешательства европейских держав в дела Американского континента. «Мы сочли бы величайшим бедствием как для себя, так и для всего мира, если б которая-либо из европейских держав вызвала американский народ на защиту республиканских учреждений против чужеземного вмешательства».

В то время, когда западные европейские державы смотрели со злорадством на междоусобие, возникшее в Северной Америке и строили свои планы на предполагаемом неизбежном распадении Союза, русское правительство, напротив того, постоянно выражало сочувствие к союзному правительству, оказывало ему нравственную поддержку и до конца отвергало признание южных штатов воюющею стороной. Трагическая смерть Линкольна также дала случай Петербургскому кабинету выразить свое негодование к злодеянию и свое участие к постигшему Северо-Американский Союз несчастию. Вашингтонское правительство и самый народ американский оценили все различие в образе действий европейских держав и не замедлили выказать России свое сочувствие[112].

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1865 ГОДУ

Военное министерство продолжало и в 1865 году постепенно приводить в исполнение предначертанную программу своей деятельности[113]. Выше уже упомянуто о введении военно-окружных управлений на Кавказе, в Оренбурге и обеих частях Сибири. Устройством этих новых четырех округов завершилось осуществление Положения о военно-окружном управлении. Вместе с тем введено во всех округах и новое управление местными войсками (губернское и уездное), что было весьма важно как для установления правильного хода ежегодного в мирное время комплектования армии, так и в особенности для быстрого приведения ее на военное положение. Только с учреждением необходимых местных исполнительных органов сделалось возможным серьезно приняться за разработку плана мобилизации и за подготовку нужных для нее средств.

Между тем и центральные управления постепенно приводились в новый, более стройный вид. В течение 1865 года все уже было подготовлено к осуществлению с первого же дня следующего года предположенного слияния департаментов Генерального штаба и Инспекторского для образования одного главного управления, под наименованием Главного штаба. Учреждение это в составе Военного министерства получило значение, вполне соответствующее общему понятию о штабах — армий, округов, корпусов и т. д., то есть о таких учреждениях, которые ведают все вообще дела по составу войск, устройству их и службе.

С присвоением же такому учреждению наименования Главного штаба, упразднялся сам собою прежний, так называемый «Главный штаб Его Императорского Величества». Известно, что это учреждение сохранилось у нас после больших войн 1812, 1813 и 1814 гг., когда император Александр I счел нужным образовать лично при себе походный штаб, состоявший из начальника Главного штаба в лице генерал-адъютанта князя П.М. Волконского и прочих должностных лиц, установленных Положением об управлении большою действующею армией. По возвращении императора в Петербург в 1815 году, состоявший при нем «Главный штаб» продолжал существовать и в мирное время рядом с Военным министерством в продолжение целых 12 лет, пока наконец, по вступлении на престол Николая I, последовало 26 августа 1827 года соединение обоих званий — начальника Главного штаба Его Величества и военного министра в одном лице — графа Чернышева, который и сохранил за собою оба звания. Вместе с тем и другие звания разных должностных лиц Главного штаба были присвоены директорам департаментов министерства; так, директор Инспекторского департамента носил в то же время и звание «дежурного генерала»; директор Департамента Генерального штаба назывался генерал-квартирмейстером, директор Комиссариатского департамента — генерал-кригс-комиссаром и т. д., и т. д. Очевидно, что при таком слиянии званий «Главный штаб Его Величества» был учреждением совершенно фиктивным, так что упразднение его не могло иметь никакого другого значения, кроме только отмены нескольких *званий*, существовавших только на бумаге и совершенно утративших всякое реальное значение.

Несмотря на то, с отменою этих фиктивных званий возник несколько щекотливый вопрос: какое место должна впредь занимать в общем составе военного ведомства «Императорская Главная квартира» с ее управлением. В прежних расписаниях, положениях и штатах она входила в состав «Главного штаба Его Величества», впереди Военного министерства; военный же министр занимал первое место в военном *ведомстве* по своему званию «начальника Главного штаба Е. В.». Какой же порядок установить теперь по упразднении Главного штаба Е. В.? Должна ли Императорская Главная квартира с ее управлением войти в состав самого министерства, или образовать учреждение самостоятельное вне министерства? Решение этого формального вопроса

А.В. Адлерберг

оказывалось неотложным как по случаю разработки в это время проекта Положения о Военном министерстве, так и потому, что к 1 января каждого года издавалась при военной типографии «памятная книжка», в которую приходилось в первый раз вносить расписание военного ведомства по новому составу центральных управлений. По заведенному порядку, проектированное в Инспекторском департаменте новое расписание было препровождено предварительно для проверки к графу Ал[ександру] Вл[адимировичу] Адлербергу, по его званию командующего Императорскою Главною квартирой. Граф Адлерберг, чрезвычайно ревниво отстаивавший самостоятельность своей должности и своего управления, восстал было против такого нововведения,

однако ж после моего личного с ним объяснения, дело это было улажено, и Государь приказал впредь показывать Императорскую Главную квартиру в общем составе Военного министерства. В этом случае граф Александр Владимирович Адлерберг высказал ту же деликатность, те же качества настоящего «джентльмена», которые всегда его отличали, — в чем я должен отдать ему полную справедливость.

С учреждением Главного штаба оставались в составе Военного министерства только два департамента в прежнем виде, еще не преобразованные в главные управления: Медицинский и Аудиториатский. Причины, по которым переобразование их откладывалось, уже объяснены были мною в другом месте. Впрочем, все вообще производившиеся до того времени преобразования в составе министерства имели характер временных, административных мер, и можно сказать, что все устройство центральных управлений было в переходном состоянии, пока самое Положение и штаты министерства еще разрабатывались и подготовлялись к рассмотрению в законодательном порядке.

Вообще работы в министерстве по разным частям устройства войск и учреждений продолжались с прежнею напряженною деятельностью; при всех главных управлениях образованы были специальные комиссии для разработки новых положений, штатов, инструкций и т. д. Работы эти сосредоточивались в Военно-кодификационной комиссии для окончательного согласования, редакции и приготовления к внесению в Военный совет. Затронуто было разом столько предметов, что изданным в 1859 году Сводом военных постановлений уже трудно было руководствоваться; необходимо было подумать о новом издании Свода. Поэтому Военно-кодификационной комиссии даны были мною указания для предварительного составления плана или системы расположения нового Свода.

По предложенному мною плану, Свод военных постановлений должен был состоять из пяти главных отделов.

I. Управления.

II. Войска: а) регулярные;

б) казачьи и иррегулярные.

III. Заведения военные.

IV. Хозяйственная часть.

V. Военно-судная часть.

В первый отдел должны были войти четыре Положения: 1) управления центральные, т. е. министерство; 2) управления военно-окружные; 3) управления местные и 4) полевое управление армии. Из этих четырех Положений два (2-е и 3-е) были уже утверждены и введены в действие; первое — о министерстве — было в разработке, затем оставалось еще четвертое — полевое управление армии, которое предстояло еще выработать вновь, так как прежнее «учреждение большой действующей армии», составленное еще в 1812 году и получившее в 1846 году только редакционные изменения[114], представлялось уже совершенным анахронизмом.

Прежде чем приступить к составлению нового Положения по такому важному предмету, Военное министерство приняло предосторожность предварительно установить основные начала, на которых должна быть ведена работа. Эти начала, проектированные еще в прошлом году, были с Высочайшего соизволения, разосланы на рассмотрение большого числа военных начальников и других компетентных лиц, и от многих из них (хотя далеко не от всех) получены были замечания или соображения, потребовавшие некоторых изменений в проектированных первоначально основных началах. Измененный проект был вновь представлен Государю и только по вторичном Высочайшем утверждении этих начал приступлено к редактированию самого Положения. Упоминаю об этих подробностях потому, что работа эта впоследствии подала повод к самым несправедливым нареканиям и причинила мне лично много неприятностей.

Трудно, почти невозможно перечислить все работы, которые в то время велись во всех отделах Военного министерства. Постараюсь, однако ж, хотя в общих чертах указать направление деятельности каждого из главных управлений.

По организации и устройству войск: подавление польского мятежа дало возможность значительно сократить численный состав армии. Все войска были приведены на мирное положение; однако ж некоторое число дивизий, именно в западных пограничных округах и на Кавказе, оставлено еще в «усиленном» составе, тогда как прочие были в «обыкновенном» или «кадровом»*. Общая численность всех регулярных войск в 1865 году умень-

* Приказ 27 июля 1865 года.

шилась против 1864 года на 104 тыс. человек и не превышала 838 тыс.*, то есть подходила близко к *наименьшей* цифре русской армии в течение предшествовавшего 25-летнего периода, несмотря на то что *боевая* сила армии увеличилась на 19 пехотных дивизий, что войска в среднеазиатских окраинах значительно усилены**, и что созданы новые разряды войск: крепостные полки и батальоны для освобождения полевых войск от гарнизонной службы в крепостях и резервные батальоны для пополнения действующих войск подготовленными рекрутами как в мирное время, так и в военное.

Последнее это учреждение впервые выполнило свое назначение в 1865 году. Рекруты, поступившие по набору в январе, пробыли в резервных батальонах установленный шестимесячный срок и затем распределены по полкам. Первое впечатление, произведенное этим опытом, было благоприятное: начальники, получавшие уже подготовленных рекрут, остались ими весьма довольны, а для народа осязательно выказалось важное облегчение, так как рекруты оставались в первое полугодие службы вблизи своей родины.

Для успешного выполнения резервными батальонами данного им назначения важнейшим условием было улучшение их кадра, то есть постоянного состава, который должен был давать достаточное число инструкторов и «дядек» для первоначального воспитания рекрут. Поэтому обращено было особое внимание на удаление из этих батальонов порочных солдат и на пополнение надежными старослужащими унтер-офицерами. Прежние офицеры, большею частию выслужившиеся из солдат, заменялись более образованными.

*По части артиллерийской****: продолжалась все та же лихорадочная деятельность, как и в предшествующие годы, для выхода

---

* Сверх того в иррегулярных войсках состояло на действительной службе около 66 тыс. человек.

** В Оренбургском крае усилены линейные батальоны, сформирован стрелковый батальон и, кроме того, передвинуты с Волги третьи батальоны всех четырех полков 37-й пехотной дивизии.

*** В автографе зачеркнута первоначальная редакция: «По части артиллерийской, напротив того, нельзя было желать помощника более заботливого, энергичного, восприимчивого, чем друг мой, генерал-адъютант Александр Алексеевич Баранцов. Под его главным руководством (*неразб.*) усовершенствования в вооружении нашей армии, во всех родах артиллерии и в технических заведениях шли непрерывно одни за другими» (*примеч. публ.*).

А.А. Баранцов

из нашего критического положения, насколько позволяли ассигнованные денежные средства. К началу 1865 года только что докончено было перевооружение всех войск 6-линейными нарезными ружьями, а между тем уже испытывались разные новые образцы оружия, заряжаемого сзади. Полевая артиллерия постепенно снабжалась стальными орудьями, также заряжаемыми сзади, по образцу прусских, получившему у нас некоторое усовершенствование введением кольца Бродвеля, американского техника, который нам первым предложил свое изобретение. На заводе Круппа (в Гиссене, в Вестфалии) продолжалось изготов-

ление стальных крепостных орудий 8-ми и 9-дюймовых*. Потребность в новых орудиях больших калибров была так громадна, что изготовление их приходилось рассрочить на многие годы. Наши расчеты на несколько лет вперед редко осуществлялись в действительности; техника шла вперед такими быстрыми шагами, что прежде, чем предположенные заказы были исполнены, появлялись уже новые требования, и делались новые заказы. Так, для береговой артиллерии в 1863 году предположено было снабдить все наши приморские крепости новыми орудьями в 4-летний период на сумму 10 миллионов рублей; в первые три года издержано было 7 миллионов, но в 1865 году уже оказалось, что остальных 3 миллионов будет далеко не достаточно для пополнения требуемого числа орудий более значительных калибров и со многими новыми усовершенствованиями, о которых не было и помину в 1863 году. Приблизительно заявлена была необходимость чрезвычайного кредита еще в 5 миллионов с новою рассрочкою на несколько лет вперед. Расходы эти были тем обременительнее для государства, что мы не могли обходиться без заказов заграничных.

К числу значительных законодательных работ Военного министерства в 1865 году принадлежит составление Положений об освобождении заводских поселян от обязательных отношений к заводам артиллерийского ведомства: оружейным и пороховым. Освобождение тульских оружейников с заменою обязательных рабочих вольнонаемными уже совершилось; Положения же для Ижевского и Сестрорецкого оружейных заводов** и для Охтинского порохового еще рассматривались в Главном комитете по устройству сельского состояния[115].

По части инженерной: продолжались работы в крепостях для усиления их обороны соответственно современным требованиям искусства и в мере ассигнуемых денежных средств. Главное внимание было обращено на Кронштадт, где в 1865 году приступле-

* Пруссия и Австрия дали Круппу заказ изготовить значительное число таких же орудий по русскому чертежу.

** Против этой фразы в автографе зачеркнуто следующее авторское примечание: «Оба эти завода были переданы в 1865 году в арендное коммерческое управление (на тех же основаниях, как и Тульский завод). Сестрорецкий — полковнику Лилиенфельду, а Ижевский — полковнику Фролову» (*примеч. публ.*).

но к возведению на Константиновском форте броневого бруствера. Это был первый опыт применения брони к сухопутным укреплениям. Затем значительнейшие работы производились в Керчи и Выборге; в Александровской цитадели в Варшаве возводились передовые форты, на все же остальные крепости уделялась лишь ничтожная часть ассигнованных сумм. В это время уже выяснилось, что для выполнения всех проектированных работ, признанных необходимыми для придания нашим крепостям серьезного значения, далеко не достанет тех сумм, которые были первоначально заявлены в 1862 году: в счет исчисленных тогда 36 миллионов рублей уже было отпущено около половины; по расчетам же инженеров предвиделась необходимость сверх другой половины означенной суммы еще до 20 миллионов, не считая 5 миллионов, заявленных кавказским начальством на оборону тамошнего края. Все эти заявления могли служить только разве как бы выражением огромности потребностей; удовлетворить же их Государственное казначейство не было в состоянии. Оставалось по-прежнему довольствоваться теми скромными средствами, которые признавалось возможным ассигновать с рассрочкою на многие годы.

Положение технической части инженерного дела не отставало у нас от успехов искусства за границей. Особенное внимание обращено было на минную часть; испытывались разные усовершенствования в подводных минах; практические работы сапер получили большее развитие в связи с практическою стрельбой артиллерии; подняты были вопросы об улучшении шанцевого инструмента, о замене деревянных понтонов железными, об устройстве военно-телеграфных парков и т. д.

Не подвигался вперед только вопрос казарменный. Никто не оспаривал необходимости казарменного помещения для войск при новых условиях службы, но исчисление денежных средств, потребных на постройку казарм для всей армии, не могло не пугать громадностью цифр, а потому ежегодные заявления Военного министерства по этому важному предмету оставались без практического результата, и весьма значительная часть войск, разбросанная по обывательским квартирам в городах и селениях, продолжала терпеть большие неудобства и в отношении строевого образования, и в своем внутреннем устройстве. За невозможностью строить новые казармы Военное министерство приискивало старые здания, принадлежавшие разным ведомст-

вам и остававшиеся без назначения (как-то: упраздненные казенные магазины, фабрики и заводы, монастыри и проч.), дабы по возможности приспособлять эти постройки к помещению частей войск, преимущественно местных.

По части интендантской: с введением военно-окружного управления в четырех округах Азиатской России установилась на всем пространстве империи новая единообразная организация интендантского ведомства, имевшая главною целью — устранить по возможности всякие поводы к злоупотреблениям отдельных личностей при частных сделках между служащими и поставщиками. Заготовление всех предметов довольствия войск должно было производиться с торгов в военно-окружных советах, в которых член от Военного министерства имел значение прокурора, блюстителя правильности и законности всех хозяйственных распоряжений. Приемка предметов довольствия в интендантские склады должна была производиться уже не единолично, а комиссиями, в которых кроме интендантских чиновников участвовали офицеры, назначаемые срочно от войск в качестве представителей интересов самого войска. Председатели приемных комиссий должны были ежегодно сменяться по распоряжению Главного управления. Все эти новые порядки ввелись успешно и приняты были с полным доверием в торговом и промышленном мире. К военным подрядам начали являться такие конкуренты, которые при прежних порядках уклонялись от дел с военным ведомством. Предметы обмундирования и снаряжения войск начали поставлять сами производители, крупные и мелкие фабриканты. Главное внимание было обращено на точное определение условий приемки вещей, дабы устранить при этом влияние произвола и личного взгляда приемщика. С этою целью в приемных комиссиях вводились разные аппараты и механизмы, дающие точную оценку технических качеств принимаемого товара. Введение этих технических способов в особенности было важно для добросовестных поставщиков и вместе с тем для ограждения интендантства от излишней требовательности войскового начальства, которое, однако же, в самом начале не очень сочувствовало новому порядку. Войскам предоставлено было браковать предметы, отпущенные из интендантских складов, в случае, если б они оказались не соответствующими установленным техническим условиям. Но так как подобные

случаи были возможны только при неправильности, допущенной приемною комиссией, то естественным последствием всякой подобной забраковки вещей в войсках должно было быть строгое расследование дела по распоряжению окружного интенданта или Главного интендантского управления. Расследования эти в некоторых случаях оказались не в пользу войскового начальства, а потому притязательность последнего скоро умерилась и случаи забраковки сделались весьма редки.

Изменение порядка торгов и приемки, давшее возможность привлечь к поставкам непосредственных производителей и, если не совсем устранить, то по крайней мере, значительно ограничить так называемые в торговом мире «накладные расходы», привело к тому результату, что Военное министерство, не допуская возвышения цен на материалы, могло домогаться улучшения самого качества их и постепенно усиливать строгость технической оценки*.

Во всем ходе этих технических мероприятий прямым руководителем, как уже упоминалось, был профессор М.Я. Китары. Как ученый и опытный технолог он принялся за дело с горячею деятельностью, по временам объезжал фабрики и заводы, давал лично указания приемным комиссиям и вел прямо со мною переписку.

Опыт 1863 года выказал наглядно полную нашу неподготовленность к быстрому, в случае надобности, переходу на военное положение по недостатку запасов продовольственных и вещевых. Главное интендантское управление разрабатывало норму, до которой необходимо было довести наши склады. Вместе с тем комиссия генерала от артиллерии Яковлева, заменившего генерала Липранди, заканчивала проектирование образцов для войскового обоза**.

Здесь следует упомянуть, что с 1 января 1865 года в трех военных округах: Петербургском, Рижском и Одесском введено было, в виде опыта, новое Положение о единстве кассы.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «В особенности обращено было внимание на улучшение солдатского сукна и возбуждено было предположение о совершенном устранении от заготовления армейских сукон Министерства финансов, на попечении которого лежала эта операция» (*примеч. публ.*).

** Далее в автографе зачеркнуто: «Но самое пополнение складов запасами и постройка обоза на всю армию требовали таких громадных сумм, что при тогдашнем финансовом нашем положении, как будет указано ниже, не было никакой надежды удовлетворить все военные потребности даже и в десят[ок] лет» (*примеч. публ.*).

По части военно-врачебной: так же как и по интендантской, деятельность министерства была преимущественно направлена к приведению в больший порядок существующих в мирное время учреждений и органов управления; заканчивалось рассмотрение нового Госпитального устава в Военно-кодификационной комиссии[116], изыскивались средства к улучшению состава госпитальной прислуги, которая в то время состояла из нижних чинов инвалидов и была до крайности плоха. Со стороны Военно-медицинского департамента принимались меры к возвышению научного уровня врачебного персонала и фельдшеров. В этом последнем отношении много услуг оказано было президентом Медико-хирургической академии действительным статским советником Дубовицким, при котором Академия получила замечательное развитие. Но в то же время скудость финансовых средств не допускала принятия энергических мер для приведения военно-врачебной части в большую готовность к войне. Мы не имели ни запасов для военно-временных врачебных учреждений, ни госпитального обоза, ни резерва врачей. В этом отношении приходилось все создавать вновь.

По иррегулярным войскам: шестилетние работы местных комитетов, учрежденных еще в 1859 году во всех казачьих войсках для составления новых войсковых положений, не привели к желанному результату. До 1865 года получены были проекты только от трех войск: Донского, Сибирского и Забайкальского. В большей части войск комитеты, понимая необходимость и пользу для самих казаков применения к ним совершившихся во всем государстве великих реформ, недоумевали, однако же, в какое положение должны быть поставлены казачьи войска в общем государственном строе, и потому вели работы медленно, с остановками, выжидая, чтобы выяснились их недоразумения. Донское же войско, занимающее первостепенное положение относительно всех прочих казачьих войск и всегда служившее как бы нормою для их устройства, выказало в этом случае крайне консервативные стремления: Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководительства центральной

власти, а потому признано было необходимым выработать в самом Управлении иррегулярных войск общие начала войсковых положений. В этих видах испрошено было Высочайшее повеление об учреждении при означенном Управлении под председательством начальника его генерал-лейтенанта Карлгофа временного комитета из представителей от всех казачьих войск*.

Первое начало преобразования гражданского устройства казачьих войск было уже положено в Оренбургском войске вместе с разделением Оренбургской губернии на две: Оренбургскую и Уфимскую. В основание этого преобразования было принято объединение казачьего и не казачьего населения губернии в отношении гражданском с оставлением за казаками особого порядка отбывания воинской повинности. То же основное начало полагалось применять и к другим казачьим войскам (кроме Донского), начиная с кавказских, т. е. Кубанского и Терского, для которых уже составлен был местным комитетом проект, согласованный с общим Положением о Кубанской и Терской областях. Относительно же Донского войска в числе главных вопросов, которые предстояло поставить в основание будущего гражданского его устройства, представлялось на первом плане применение к этому войску земских учреждений и судебной реформы, а затем общих начал общественного управления и финансовых учреждений. Главному управлению и предположенному при нем временному комитету предстояла обширная работа по всем отраслям гражданского и военного устройства, работа, для которой требовались многие годы упорного и систематического труда.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Полагалось начать занятия не с проектирования полных для каждого казачьего войска Положений, а вносить последовательно на обсуждение центрального комитета отдельные законодательные вопросы, разработка которых признавалась наиболее необходимою для установления общих начал будущего устройства казачьих войск. От такого порядка занятий комитета ожидалась та существенная выгода, что означенные главные вопросы могли быть соображаемы в применении ко всем казачьим войскам вообще, а чрез это достигалось необходимое единство всех войсковых положений и не упускалось из виду применение к казачьим войскам общих реформ, произведенных в последнее время в государстве. Впрочем, разработка каждого отдельного вопроса в центральном комитете не исключала возможности и предварительного обсуждения того же вопроса в частных комитетах, учреждаемых временно на местах» (*примеч. публ.*).

В течение 1865 года разрешены лишь некоторые частные вопросы, относившиеся ко внутреннему и экономическому положению казачьих войск. Более существенною мерой было упразднение Азовского казачьего войска, которое утратило свое прежнее значение с покорением Западного Кавказа и прекращением крейсерства вдоль Черноморского берега. Значительная часть азовцев была уже переселена (1862—1864) в приморскую часть Закубанского края; оставшееся на прежних местах (по северному берегу Азовского моря) небольшое казачье население не могло уже нести ни местной службы, ни выставлять какую-либо отдельную часть в состав наших боевых сил, а потому Высочайше утвержденным 11 октября 1865 года Положением Государственного совета Азовское казачье войско упразднено и остававшееся население его обращено в гражданское ведомство[117].

Также предназначались к упразднению и некоторые другие казачьи войска, существование которых уже не оправдывалось ни требованиями местной службы, ни боевыми достоинствами казаков. Таковыми признаны были: Новороссийское войско, Тобольский, Енисейский, Иркутский, Тунгусский и Бурятский конные полки, Тобольский пеший батальон и Томский городовой полк. Велась переписка с местными начальствами и с подлежащими министерствами о будущем положении всех названных казаков по перечислении их в гражданское ведомство.

По части военно-судной: шли рядом две большие законодательные работы: одна — по Воинскому уставу о преступлениях и наказаниях; другая — по военному судоустройству и судопроизводству. Составленный после многолетних трудов сенатором Капгером проект нового Устава о преступлениях и наказаниях возбудил много споров и разногласий; работа эта требовала соглашения между министерствами, Военным и Морским, с участием юристов, а потому признано было полезным образовать высшую комиссию под председательством великого князя генерал-адмирала. Членами Комиссии были назначены кроме меня и управляющего Морским министерством генерал-адъютанта Краббе члены Государственного совета граф Панин и барон Корф как авторитеты по юридическим вопросам; генерал-лейтенант Непокойчицкий как председатель Военно-кодификационной комиссии; сенатор Плавский, чиновники II отделения Собственной Его Величества канцелярии действительный статский

советник Брун и статский советник Перетц. В качестве докладчиков участвовали в Комиссии сенатор Капгер и оба аудитора: военный — действительный статский советник Философов и морской — действительный статский советник Яневич-Яневский. Но сенатор Капгер, по болезни, не участвовал лично в заседаниях Комиссии и вскоре отказался вовсе от занятий по военно-судной части. Увольнение его последовало 1 января 1866 года, причем объявлено ему в рескрипте Высочайшее благоволение за многолетние труды его.

Заседания Комиссии происходили в течение ноября и декабря в Мраморном дворце. Дело подвигалось весьма успешно, благодаря умению великого князя вести коллегиальные работы. Успеху дела много способствовало и то, что с самого начала совещаний Его Высочеством была ясно установлена точка зрения на значение Военно-уголовного устава как на дополнение к общему Уставу, как на применение этого последнего к специальным условиям военного и морского быта. При таком взгляде работа чрезвычайно сократилась и облегчилась: многое, что в прежнем Воинском уставе составляло повторение или видоизменение статей общего Устава, пришлось исключить вовсе. Затем предстояло установить специальную, собственно для военнослужащих, лестницу наказаний, в параллель установленной в Уголовном уставе, и, во-вторых, определить меру наказаний за преступления и проступки специально военно-служебные. Разработка второй этой части Устава была возложена на особую редакционную комиссию, учрежденную из чинов обоих военных ведомств, под председательством действительного статского советника Философова[118].

Другая важная работа — преобразование военного судоустройства и судопроизводства — также перешла под главное руководство великого князя Константина Николаевича. Составленный первоначально особою комиссией генерал-адъютанта Крыжановского проект, внесенный еще в 1864 году в соединенное присутствие Военного и Морского генерал-аудиториатов, был устранен, вследствие возникшего предположения согласовать сколь возможно военное судоустройство и судопроизводство с общими, только что обнародованными Судебными уставами 20 ноября 1864 года. Новая эта задача была возложена на обоих генерал-аудиторов — военного и морского, с помощью некоторых юристов, назначенных от Министерства юстиции и

от II отделения Собственной Его Величества канцелярии. Подготовленный ими проект основных начал преобразования военно-судной части обсуждался в особых совещаниях у великого князя Константина Николаевича с участием графа Панина и барона Корфа. Выработанные таким образом «главные основания» были представлены Государю, и 25 октября 1865 г. последовало Высочайшее утверждение их. Этим положен был конец коренному несогласию во взглядах на военное судоустройство. Те, которые отвергали возможность применения к военному суду основных начал нового уголовного суда, устного и публичного, должны были замолчать. Затем предстояло на утвержденных основаниях разработать самый проект Устава. Работа эта, так же как и первая (составление Военно-уголовного устава), возложена была на редакционную комиссию из способнейших чиновников Военного и Морского аудиториатских департаментов, Министерства юстиции и II отделения Собственной Его Величества канцелярии под председательством действительного статского советника Философова. Предполагалось по составлении проекта обсудить его опять в совещании под председательством великого князя Константина Николаевича.

По части военно-учебной: средства для снабжения армии офицерами увеличились в 1865 г. открытием шести новых юнкерских училищ в дополнение к прежним четырем, а именно: четырех пехотных — в Киеве, Чугуеве, Одессе и Риге — и двух кавалерийских — в Твери и Елизаветграде. Число военных гимназий также увеличилось четырьмя, чрез преобразование прежних кадетских корпусов: Полтавского, Киевского, Воронежского и Полоцкого. Пажеский корпус преобразован применительно к новым началам всей организации военно-учебных заведений, т. е. старшие классы, специально военные, отделены от общеобразовательных. На тех же началах введено новое Положение и в Финляндском кадетском корпусе, который один сохранил это наименование[119].

Главное управление военно-учебных заведений деятельно вело работы по усовершенствованию учебной и воспитательной части в подведомственных ему заведениях. В 1865 г. положено начало «педагогическим курсам», учрежденным при 2-й Петербургской военной гимназии, с целью приготовить учителей для военных гимназий и в особенности для введения в низших

классах новых педагогических приемов. С тою же целью учителя для «училищ военного ведомства» подготовлялись при Московском училище, в особом учительском отделении, из которого в том же году был первый выпуск.

Все реформы, следовавшие одни за другими по военно-учебной части, производились без всякого увеличения сметы; напротив того, Главное управление военно-учебных заведений в это время еще не теряло надежды достигнуть некоторых сбережений, которые предполагалось обратить в подкрепление средств Министерства народного просвещения. Однако ж эти надежды не сбылись, ибо потребности самого военного ведомства по учебной части постепенно возрастали по мере того, как выяснялась несбыточность господствовавшей тогда теории сосредоточения общего образования всего юношества исключительно в ведении Министерства народного просвещения. Военное министерство убедилось в том, что оно не может рассчитывать на пополнение своих специально-военных учебных заведений юношами, получившими общее образование в гражданских гимназиях, и что забота о подготовлении необходимого контингента для военных училищ должна лежать на самом военном ведомстве. Поэтому признано совершенно невозможным для этого ведомства не только отказаться вовсе от военно-учебных заведений с общеобразовательным курсом, как многие тогда проповедывали, но даже и уменьшить сколько-нибудь число воспитанников в заведениях этой категории. Напротив того, уже с 1865 года поднят был вопрос об увеличении комплекта воспитанников в военных гимназиях*, а вскоре потом оказалось даже необходимым расширять военно-учебные заведения, так что пришлось пожалеть о том, что поспешили некоторые из зданий, принадлежавших кадетским корпусам, уступить другим ведомствам**.

---

* В это же время возникло предположение о закрытии Тульской военной гимназии по неудобству ее помещения, приспособленного к составу бывшего Тульского кадетского корпуса, в котором воспитывались лишь малолетние дети. Для возмещения этой убавки и предположено было увеличить число воспитанников в некоторых других военных гимназиях.

** Так, в Петербурге уступлены были два большие здания, принадлежавшие бывшему I-му кадетскому корпусу: одно, на набережной Б[ольшой] Невы, — под филологический институт, тогда только что учреждавшийся; другое, известное под названием «Jeu de pomme» — университету.

Финансовые средства Военного министерства: по Государственной росписи на 1865 год[120] назначено было на все расходы по военному ведомству около 128 миллионов рублей, так что сравнительно с 1864 г. военная смета была уменьшена на $25^1/_2$ миллионов. Но в действительности произведенные расходы не вполне согласовались с исчисленными по сметам; в течение года потребовалось вообще по всем министерствам сверхсметных кредитов более 32 миллионов рублей, в том числе на Военное министерство — почти 15 миллионов.

Вообще 1865 год в финансовом отношении закончился с весьма крупным дефицитом, а потому при составлении новой сметы на следующий год Министерство финансов и Департамент экономии снова потребовали от Военного министерства значительных сокращений в расходах. После долгих споров и обоюдных уступок военная смета на 1866 год была доведена до 119 миллионов рублей, то есть с убавкою против 1865 года на $13^1/_2$ миллионов, а сравнительно со сметою 1864 года — на 39 миллионов.

Несмотря на такое сокращение военной сметы, общий итог расходов по Государственной росписи на 1866 год превысил прошлогодний и получился баланс опять с дефицитом в $21^1/_2$ миллион рублей.

В наших финансовых сферах и в публике привыкли сваливать на одно Военное министерство всю вину нашего финансового расстройства. Во время рассмотрения смет на 1866 год, я счел нелишним предупредить несправедливые обвинения Военного министерства в чрезмерности расходов и недостаточной бережливости; с этою целью, по моему поручению составлена была полковником Обручевым и напечатана в «Военном сборнике» (книжки октябрьская и ноябрьская) обширная статья, под заглавием: «Обзор деятельности Военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии»*. Статья эта, написанная мастерскою рукой, была отпечатана отдельною брошюрой и роздана многим из наших сановников, имевших голос в финансовых вопросах. Не знаю, многие ли из них прочли этот ясный и верный обзор, в котором цифрами и фактами доказывалось, во-первых, что возрастание военной сметы

* Извлечение из этой статьи, составленное самим же полковником Обручевым, было помещено в «Русском Инвалиде».

только кажущееся, а во-вторых, что отпускаемые Военному министерству денежные средства не только не заключают в себе никаких излишеств, допускающих сокращения, но даже не удовлетворяют многих насущных потребностей армии и требований государственной безопасности.

Из приведенных полковником Обручевым цифр можно было убедиться, что за выделением из сметы Военного министерства таких расходов, которые в прежнее, дореформенное время в эту смету вовсе не вносились, и с принятием в расчет упадка ценности нашего рубля, сметная цифра на 1866 год понизилась бы до $98^1/_2$ миллионов рублей, то есть ниже сметной цифры 1860 года (составлявшей более $101^1/_2$ миллиона рублей). Сокращение сметы на 1866 год против предшествовавшего года на $13^1/_2$ миллионов было достигнуто только благодаря тому, что при тогдашних обстоятельствах оказалось возможным еще сократить численность армии и ограничить расходы по всем частям военного хозяйства мерою совершенно неотложной необходимости. Военное министерство должно было отлагать до другого, более благоприятного времени, многое, что было крайне желательно и для улучшения быта военнослужащих всех званий, и для усовершенствования разных частей материального устройства войск, и для образования необходимых на случай войны запасов, и вообще для большей нашей готовности к войне.

Книга XVI

1866-й год

Начало года. Наши внутренние дела

Политическое положение Европы в начале года

Моя поездка за границу. Покушение 4 апреля на жизнь Государя

С половины апреля до половины августа

Война австро-прусская

Конец августа и начало сентября

Каракозовское дело. Смерть графа М.Н. Муравьёва

Обручение и бракосочетание Наследника Цесаревича

Поворот в нашей внутренней политике

Дела польские

Дела кавказские и азиатские

Мое положение личное и семейное. Печальная участь брата Николая

Политика европейская во вторую половину года

Дела Военного министерства в 1866 году

НАЧАЛО ГОДА. НАШИ ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

В первый день наступившего 1866 года объявлено приказом по военному ведомству Высочайше утвержденное накануне «Временное Положение» о Главном штабе, образованном из слияния прежних двух департаментов Военного министерства: Инспекторского и Генерального штаба. Соответственно этому изменению в организации министерства последовали в тот же день, 1 января, и перемены в личном составе: прежний «дежурный генерал» генерал-адъютант граф Гейден назначен на новую должность начальника Главного штаба, а «генерал-квартирмейстер» генерал-адъютант Веригин — членом Государственного совета. Прежние «вице-директоры» обоих департаментов генерал-майоры Свиты Сиверс и Мещеринов заняли места помощников начальника Главного штаба, а управлявший военно-топографическою частию (по-прежнему «директор Военно-топографического депо») генерал-лейтенант Бларамберг переименован в звание начальника Военно-топографического отдела Главного штаба. Затем и все прочие чины обоих упраздненных управлений перечислены на новые должности по Главному штабу, и, таким образом, с 1 января 1866 года фактически совершилось преобразование одной из главнейших частей центрального военного управления, гораздо прежде формального утверждения в законодательном порядке общего преобразования Военного министерства.

К такому отступлению от установленного законного пути на этот раз я был вынужден потому, что разработка проекта общего преобразования министерства затянулась по разным причинам, так что немало еще времени требовалось на то, чтобы крупное это дело провести законодательным порядком[121]. Притом слияние двух департаментов в одно учреждение не было сопряжено с какими-либо изменениями в правах и отношениях и не вызыва-

ло нового расхода. Перемена заключалась лишь в распределении работ и личном составе, а в этом отношении для меня было крайне необходимо неотложно принять меры к устранению всего, что тормозило и затрудняло успешный ход начатых обширных преобразований в армии и во всем военном ведомстве. В числе таких тормозов было существовавшее разграничение дел между Инспекторским департаментом и Управлением генерал-квартирмейстера, даже не касаясь самой личности тогдашнего генерал-квартирмейстера генерала Веригина. Теперь я могу признаться, что я рад был освободиться от такого сотрудника и сосредоточить все дела по организации и устройству войск в лице одного графа Гейдена как ближайшего моего помощника. Сосредоточение это, конечно, не лишало меня возможности привлекать к делу и многих других сотрудников; при разработке поднятых во множестве вопросов я пользовался широко содействием таких личностей, которые по своим специальным знаниям, служебной опытности и знакомству с войсками могли быть полезны делу: одни работали в качестве членов комиссий, составляемых для разработки проектов, другие помогали авторитетом своего мнения, давая заключения по составленным проектам. Таким способом старался я в деле преобразований устранять непрактичность и односторонность единоличного решения вопросов. Сосредоточение же в Главном штабе всего делопроизводства по организации и устройству армии значительно облегчило личную мою работу. Полагаясь вполне на такого дельного и добросовестного помощника, каков был граф Фёдор Логгинович Гейден, я мог освободить себя от подробностей текущего делопроизводства, оставив за собою лишь высшее руководство и направление деятельности министерства.

Представленный мною Государю по заведенному порядку в Новый год всеподданнейший доклад[122], заключавший в себе обзор деятельности Военного министерства за 1865 год, был возвращен мне чрез несколько дней с резолюциею Его Величества: «Рассмотреть как сей доклад, так и самый отчет* в особой комиссии из членов Государственного совета: генерал-адъютанта

* Вместе с «всеподданнейшим докладом» о деятельности министерства за последний год, обыкновенно подносился Государю полный отчет по министерству на год предшествовавший.

Чевкина, графа Сумарокова, Игнатьева, Плаутина и Гринвальда». Такие же комиссии назначались и в предшествовавшие годы. Рассмотрение в них моих отчетов нередко вызывало споры; меня приглашали иногда для личного разъяснения и почти каждый раз на замечания комиссии я должен был представлять Государю письменные возражения. Так, например, некоторые из моих судей находили излишним данное в последние годы развитие нашим вооруженным силам, как будто они не замечали того, до каких колоссальных размеров доводились в то время силы всех других больших государств. С каждым годом доклады комиссий, рассматривавших отчеты Военного министерства, делались бесцветнее, бессодержательнее, так что впоследствии Государь прекратил передачу моих отчетов на суд членов Государственного совета, признав эту передачу одною бесполезною формальностью.

В продолжение первых трех месяцев года не произошло в петербургской официальной жизни ничего выдающегося из обычного ее течения. Можно разве отметить зимний смотр петербургским войскам 22 февраля на Марсовом поле да погребение умершего в Ницце обер-гофмейстера графа Матвея Юрьевича Виельгорского, оставившего по себе при Дворе и в высшем петербургском обществе память приятного и остроумного собеседника. Погребение совершено 12 марта в Александро-Невской лавре в присутствии Государя и многочисленных представителей высшего общества.

Припомню еще празднование 26 февраля юбилея 50-летней учебной деятельности профессора истории Ивана Петровича Шульгина. Торжество происходило в зале Александровского лицея. Собралось к обеду многочисленное общество бывших сослуживцев и учеников юбиляра. Я был в числе последних как слушатель его в Военной академии. Обед, конечно, сопровождался тостами, речами, чтением множества поздравительных телеграмм, в числе которых были: от одного из бывших учеников, великого князя Михаила Николаевича, из Тифлиса, а другая — от принца Петра Георгиевича Ольденбургского, из Венеции*.

* Принц находился там по случаю болезни одной из его дочерей, принцессы Екатерины Петровны. Туда же ездил и великий князь Николай Николаевич (9 февраля — 10 марта). Принцесса скончалась 14 июня, на 21-м году жизни.

Депутация от Петербургского университета поднесла юбиляру диплом почетного члена. В этот же день ему пожалован орден Белого Орла. Растроганный до слез, юбиляр произнес прекрасную речь, которая вызвала новые тосты и речи.

И.П. Шульгин был в продолжение полувека преподавателем всеобщей истории во многих петербургских учебных заведениях, начиная от университета и Военной академии и кончая женскими институтами. Первоначально он был, как говорят, блестящим профессором, но я имел случай ознакомиться с его преподаванием уже в ту пору, когда он обратился чуть не в автомата, читавшего по затверженным тетрадкам, слово в слово, одно и то же в течение многих лет и во всех учебных заведениях без различия. Он читал монотонно, безжизненно, пересыпая сухое изложение событий витиеватыми фразами. Совсем другим человеком являлся Иван Петрович вне класса: как человек даровитый и получивший в свое время хорошее литературное образование, он был дельным участником в педагогических совещаниях и приятным собеседником в приятельском обществе. В том и другом отношении он пользовался особенным расположением генерала Ростовцова, который привлек И.П. Шульгина к деятельному участию в разработке учебных курсов военно-учебных заведений в звании «главного наставника-наблюдателя по преподаванию истории». Эта именно сторона его деятельности и дала мне случай стать в близкие с ним отношения в то время, когда я занимал должность начальника учебного отделения в штабе военно-учебных заведений (1845—1848).

Месяцем позже, 31 марта, справлялся другой юбилей — 50-летней офицерской службы маститого кавказского воина, генерала от инфантерии Викентия Михайловича Козловского, о котором уже не раз было мною упоминаемо. Юбилей этот был отпразднован довольно скромно, обедом в гостинице «Демут», в небольшом кружке кавказских сослуживцев юбиляра. В праздновании этом я не участвовал, так как был в то время в отсутствии, за границей.

1866 год составляет, можно сказать, кульминационный пункт в истории реформ, ознаменовавших царствование императора Александра II. Чтобы оценить значение совершившегося в этом году кризиса, следует вспомнить хотя в общих чертах, в каком

положении были дела в начале года по трем главным реформам: крестьянской, земской и судебной.

В течение пяти лет, протекших со времени великого законодательного акта 19 февраля 1861 года, устройство быта бывших крепостных крестьян подвинулось довольно успешно, несмотря на все попытки партии крепостников затормозить и извратить это дело. Из всего числа 9 794 000 ревизских душ помещичьих крестьян оставалось еще в обязательных отношениях к помещикам 4 286 000 душ, а из числа 5 508 000 душ, которых обязательные отношения к помещикам уже прекратились, значительная часть, именно 3 051 000 душ, приобрели в собственность поземельный надел с содействием правительства и около 500 000 выкупили надел без помощи правительства или получили даровой, уменьшенный надел, прозванный «нищенским»[123].

В западных губерниях, благодаря Указу 1 марта 1863 года[124], выкуп крестьянских наделов произведен был разом, обязательно для помещиков и крестьян, чрез особые комиссии от правительства. Во внутренних же губерниях дело выкупное шло туго, несмотря на усердное и добросовестное содействие мировых посредников первого призыва[125]. Помещики, отстаивая свои интересы, тянули дело или склоняли крестьян к даровому наделу. Эгоистичный образ действий помещиков находил поддержку в известном петербургском круге и между многими высшими правительственными лицами, к числу которых принадлежали наиболее влиятельные: министр внутренних дел Валуев и шеф жандармов князь Вас[илий] Андр[еевич] Долгоруков, а также министр Двора граф Вл[адимир] Ф[ёдорович] Адлерберг и многие другие сановники, хотя и не принимавшие прямого участия в деле, но имевшие более или менее влияния в правительственной сфере. Газета «Весть» была органом помещичьей партии; она нападала с азартом на новые реформы, отстаивая привилегии и интересы не только русских землевладельцев, но, кстати, и польской, и прибалтийской аристократии.

Возникавшие во множестве спорные вопросы между помещиками и крестьянами восходили по инстанциям до Главного комитета по устройству сельского состояния[126]. В Комитете представителями помещичьих интересов были: граф Виктор Никитич Панин (главноуправляющий II отделением Собственной Е. В. канцелярии), шеф жандармов князь Долгоруков, министры внутренних дел Валуев и уделов — граф В.Ф. Адлерберг. Ми-

нистр юстиции Дм[итрий] Ник[олаевич] Замятнин, человек бесцветный, держался нейтрально; сторону же крестьянского населения всегда держали: сам председатель великий князь Константин Николаевич, статс-секретарь Ник[олай] Ив[анович] Бахтин, генерал-адъютант Чевкин (председатель Департамента экономии), Зелёный (министр государственных имуществ) и мой брат, статс-секретарь Ник[олай] А[лексеевич] Милютин. За то и обрушилось на них все негодование и злоба крепостников. В особенности же навлекли на себя ненависть и раздражение этой партии великий князь, мой брат и управлявший делами Комитета статс-секретарь Степан Михайлович Жуковский. На них крепостники вымещали свою злобу, преследуя их втихомолку всякого рода наветами и клеветами.

В Царстве Польском Положение 19 февраля 1864 года приводилось в исполнение беспрепятственно[127]. И там интересы панов находили усердных заступников в среде варшавской администрации, начиная с самого наместника[128], который, по своим остзейским инстинктам, не мог искренне сочувствовать данному моим братом и его сотрудниками направлению крестьянского дела в Польше и оказывал, где только мог, поблажку польской аристократии. Но дело крестьянское в Царстве было так поставлено и велось такими личностями, что никакие интриги не могли совратить его с прямого пути. До высшего Комитета по делам Царства Польского[129], состоявшего под председательством князя П.П. Гагарина, восходило сравнительно лишь весьма небольшое число спорных или сомнительных случаев.

В начале 1866 года последовало повеление о передаче государственных крестьян в ведение общих по крестьянским делам учреждений. В указе Сенату 15 февраля было положено привести эту меру в исполнение в 6-месячный срок с тем, чтобы в течение того же времени выработано было самое Положение об устройстве управления и быта бывших государственных крестьян применительно к общему Положению 19 февраля 1861 года. Новое это Положение получило Высочайшее утверждение только 22 ноября 1866 года[130].

Всего более препятствий встретило удовлетворительное разрешение крестьянского вопроса в прибалтийских губерниях. Дело это было там в совершенно исключительном положении: крепостное состояние считалось отмененным уже 40 лет назад[131], но с этою отменой земледельческое население осталось

вовсе без земли и очутилось еще в большей, чем прежде, зависимости от крупных землевладельцев, которые имели право не только налагать на крестьян повинности и барщину по своему произволу, но и сгонять их с земли и вдобавок держали в своих руках всю полицейскую и судебную власть над поселянами. Правительство, видя тяжкое положение крестьян в Прибалтийском крае, не решалось, однако же, на какие-либо радикальные меры, мирволило остзейским баронам и предоставляло им самим инициативу изменений в существующих положениях, неодинаковых во всех трех губерниях. Так, в последние годы введены были кое-какие новые правила, например, относительно обращения барщины в оброчное состояние, замены натуральных повинностей денежными, вознаграждения арендаторов, сгоняемых с участков, наконец, облегчения арендаторам выкупа этих участков в собственность. Но все эти частные, паллиативные меры оказывались только призраком улучшения в положении крестьянского населения; большею частию они даже оставались без практического применения. На острове Эзел местное дворянство даже не обращало внимания в продолжение 12 лет на требование правительства (1851 года) о представлении предположений относительно улучшения положения крестьян, и когда наконец после неоднократных напоминаний представило в 1863 году свой проект, то он оказался до того неудовлетворительным, что был возвращен для переделки. Между тем крестьяне прибалтийских губерний видели, какое завидное положение дано крестьянам соседних губерний законом 19 февраля 1861 года. Жалобы и ропот обратились в открытое неудовольствие; в нескольких местах пришлось местной власти восстановлять силою нарушенный порядок. Тогда крестьяне начали массами стремиться к переселению в другие русские губернии, особенно в приволжские, где они надеялись найти обетованный край. Но и тут правительство сочло нужным принять меры к удержанию населения на местах, чтобы предохранить его от разорения. Встречая от местного начальства препятствие к выселению, крестьяне, естественно, приписывали это опять желанию помещиков насильственно удержать рабочие руки в кабале, что подавало новый повод к ропоту.

Исправить дело, уже испорченное, всегда труднее, чем устроить дело непочатое. Узаконенные в прибалтийских губерниях отношения между землевладельцами и безземельными поселяна-

ми на основании мнимо свободного договора более связывали руки правительству, чем существовавшее фактически в русских губерниях положение помещичьих крестьян, «прикрепленных к земле». Притом в прибалтийских губерниях и законы, и обычаи признают только хозяина-арендатора участка, оставляя затем без всякого ограждения многочисленное сословие простых работников, батраков. Перейти от такого порядка прямо к русскому поголовному землевладению, разумеется, было невозможно. Необходимо было придумать особый для прибалтийских губерний порядок применения основного закона 19 февраля 1861 года. Но на беду все законодательные вопросы касательно этого привилегированного края шли чрез особый, так называемый Остзейский комитет, существовавший негласно и состоявший почти исключительно из тамошних же баронов, под председательством генерал-адъютанта Гринвальда, личность которого уже была мною очерчена. Единственное исключение составлял в комитете министр государственных имуществ Александр Алексеевич Зелёный, которого и прозвали, в шутку, «депутатом от России». Председатель вел заседания комитета, так сказать, по барабану и распоряжался как вахмистр в эскадроне. Можно ли было при таком составе комитета ожидать успешных и быстрых реформ, которые требовались вообще по всем частям устройства Прибалтийского края.

В таком положении находилось крестьянское дело к началу 1866 года. Многое было уже сделано для введения нового закона, но много еще оставалось сделать для полного осуществления реформы и в особенности для того, чтобы реформа эта, изменившая коренным образом весь внутренний быт и юридическое положение главной массы русского народа, вошла в самую жизнь, осуществилась в том духе, в каком была задумана. Необходимо было согласовать с этою реформою всю остальную обстановку народной жизни, а для этого предстояло пересмотреть почти все наше законодательство. Закон 19 февраля 1861 года не мог остаться отдельным, изолированным актом: это был краеугольный камень общей переработки всего государственного строя. К великому несчастью России, немногие у нас смотрели с этой точки зрения, а последующие обстоятельства и совсем остановили начавшееся движение, даже обратили нас вспять[132].

Другим важным моментом нашего государственного перерождения были земские учреждения. Я говорил уже о том, с ка-

А.А. Зелёный

кими радужными надеждами встречено было в прошедшем году введение этих учреждений. В течение этого года земство было уже открыто почти во всех губерниях, состоящих на общем положении, то есть за исключением западных и прибалтийских, а также малонаселенных окраин*. Везде новые учреждения принимались с сочувствием, несмотря на вкоренившиеся сословные предрассудки и на брюзжание некоторых людей отсталых. Первые выборы гласных были произведены с неожиданным успе-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Позже всех открылись собрания в обеих столичных губерниях: в Московской — 3 октября, в Петербургской — 26 ноября» (*примеч. публ.*).

хом: в собраниях появились многие из лучших представителей нашей интеллигенции, и к общему удивлению, в этих импровизованных маленьких парламентах услышали красноречивых ораторов, существование которых не подозревали. Можно было тогда действительно поддаться иллюзиям насчет будущего развития этих первых зачатков представительства. Если на первых шагах и обнаружились неподготовленность к самоуправлению, отсутствие политического такта, иногда увлечение, то могло ли быть иначе? Но, к сожалению, с самого открытия земских учреждений возникли недоразумения, повредившие в самом корне развитию у нас местного самоуправления. С одной стороны, выразилось явное недоверие правительства, которое поставило себе задачею — ревниво ограждать свое самодержавие от всякой возможной попытки земства присвоить себе самостоятельное значение. С другой стороны, земство оказалось неудовлетворенным предоставленным ему кругом действий и с первых же своих шагов уже выказало неосторожно желание выйти из предназначенных ему рамок. Так, мы видели, что в заседаниях петербургского земства прямо были поставлены и обсуждались при рукоплесканиях публики вопросы об отмене ограничительных статей Положения о земских учреждениях и даже о центральном земском учреждении[133]. В таком же смысле говорилось и в некоторых других земских собраниях. Такого рода прения получали политический оттенок и привлекали массу публики, стекавшейся как на любопытное зрелище. Собрания завели стенографов, печатали отчеты своих заседаний в газетах. Все это только усиливало и как бы оправдывало в глазах самого правительства недоверчивость его к земским учреждениям. Между местною властью, т. е. губернаторами, и земством возник прискорбный антагонизм, который не только затормозил в самом начале развитие у нас местного самоуправления, но подточил эту важную государственную реформу в самом корне ее.

Впрочем, недоверчивость правительства возбуждали не одни только земские учреждения: точно такое же недоверие выражало оно и в отношениях своих к новому городскому управлению. Всякое со стороны последнего проявление самостоятельности, всякое пререкание между ним и административными властями вызывало в высших сферах тревожные опасения и строгие «мероприятия». Так, в заседании Одесской городской думы 8 декабря 1865 года речь, произнесенная гласным генерал-адъютантом

графом Александром Григорьевичем Строгановым (давно уже проживавшим постоянно в Одессе), была признана оскорбительною для министра финансов, и по этому поводу графу Строганову объявлен (21 января), чрез министра юстиции, Высочайший выговор, а председательствовавшему в Думе городскому голове генерал-адъютанту князю Сем[ёну] Мих[айловичу] Воронцову — «неудовольствие» Его Величества[134].

Остается мне упомянуть о третьей важной государственной реформе — судебной. Но после сказанного уже о положении этого дела в исходе предыдущего года достаточно добавить лишь несколько слов. Введенные в октябре того года изменения в старом порядке судопроизводства для ускорения течения дел не могли, конечно, оказать осязательно свое действие в короткое время. Улучшения этого рода в нашей юстиции и не могли иметь иного значения, как только меры временной, переходной; целью ее было, так сказать, успокоить то нетерпение, с которым ожидалось во всей России введение новых Судебных уставов 20 ноября 1864 года. Только к началу 1866 года Министерство юстиции успело сделать все приготовления к открытию на первый раз двух судебных округов — Петербургского и Московского: личный состав уже был назначен, финансовые средства ассигнованы, ожидалось еще окончание строительных работ по устройству помещений. Торжественное открытие новых судов предполагалось в апреле месяце.

В описываемую эпоху железнодорожное дело занимало у нас видное место в правительственной деятельности. Необходимость рельсовых путей для развития экономического благосостояния России признавалась и чувствовалась всеми. К началу 1866 года существовало у нас всего 3825 верст железных дорог — протяжение ничтожное для такой обширной страны. В предшествовавшие два-три года приступлено было к постройке нескольких новых линий, так что в работе было свыше 1000 верст. В самом конце 1865 года открыты две новые дороги: одна — в Царстве Польском, ветвь Варшаво-Венской линии к городу Лодзь, главному центру фабричной промышленности (преимущественно немецкой) в том крае; другая — на юге, Одесско-Балтская с ветвью к Парканам на Днестре.

Потребность большего развития железнодорожных сообщений выражалась во множестве поступавших в Министерство

путей сообщения заявлений от частных лиц и компаний с предложениями о постройке новых линий. Все такие предположения поступали предварительно на рассмотрение в особый Железнодорожный комитет, состоявший под председательством генерал-адъютанта графа Сергея Григорьевича Строганова. В Комитете преобладали голоса генерал-адъютанта К.В. Чевкина, председателя Департамента экономии и статс-секретаря М.Х. Рейтерна, министра финансов, — как двух компетентных судей с финансовой стороны. Хотя оба они и в то же время тормозили железнодорожное дело, однако ж у них тогда еще не проявлялась во всей силе та мания, которая впоследствии довела у нас это дело до крайнего безобразия, — мания концессий как исключительного способа сооружения железных дорог. Тогда еще не устраняли безусловно и постройки непосредственным распоряжением правительства; допускалось даже употребление войск на работы[135].

При разрешении постройки новых линий не могла уже служить руководством проектированная в 1863 году железнодорожная сеть, да впрочем, ею не руководствовались и во все истекшее трехлетие. Продолжая таким образом проектировать одну линию за другою без предварительно обдуманного общего плана, мы рисковали получить самую бессмысленную сеть. Поэтому в начале 1866 года Министерство путей сообщения признало нужным проектировать новую нормальную сеть. Проект этот подробно обсуждался в Комитете, который сделал в нем некоторые изменения и постановил опубликовать составленную карту с тем, чтобы вызвать замечания в печати. Протокол Комитета, Высочайше утвержденный 23 апреля, был напечатан в «Журнале Министерства п[утей] с[ообщения]».

Во вновь проектированную железнодорожную сеть внесены были следующие линии: 1) от Москвы чрез Орёл, Курск, Киев до Балты, откуда уже построена была дорога до Одессы; 2) от Курска чрез Харьков до одного из портов Азовского моря; 3) ветвь строившейся Рязанско-Козловской линии, от Ряжска до Маршанска и 4) Закавказская дорога от Тифлиса до Поти. В общей сложности протяжение всех новых линий составляло 3373 версты.

В состав перечисленных новых линий вошли некоторые части, уже находившиеся в работе. Еще в 1864 году, когда английская компания, получившая концессию на постройку Мос-

ковско-Севастопольской линии, оказалась несостоятельною и даже ранее формального уничтожения выданной ей концессии*, Министерством путей сообщения испрошено было в мае месяце Высочайшее соизволение на открытие работ от Москвы до Серпухова, распоряжением и на средства правительства, а потом и далее до Орла**. Продолжение этой линии до Курска положено было начать в 1866 году также на средства правительства способом, испытанным уже при постройке Одесско-Балтской дороги, именно — с употреблением на работы штрафованных нижних чинов из войск и арестантов гражданского ведомства. Другую часть той же магистральной Московско-Одесской линии, между Киевом и Балтой с ветвями на Бердичев и к Австрийской границе на Волочиск, положено было строить также летом 1866 года посредством войск. Далее, от Балты до Одессы, как уже сказано, дорога была открыта; она строилась $2^1/_2$ года (1863—1865), под главным ведением новороссийского генерал-губернатора генерал-адъютанта Коцебу, бароном Унгерн-Штернбергом. Ветвь ее от станции Раздельной до Паркан положено было продлить до Кишинева, а в другую сторону построить новую ветвь от Балты к Елизаветграду с тем, чтобы впоследствии продолжать на Кременчуг к Харькову. По этим двум направлениям только что производились еще изыскания. Что же касается до остававшегося еще промежутка между Курском и Киевом, то вопрос о постройке этой части вовсе еще не был решен, несмотря на то, что изыскания на этом протяжении были уже произведены в 1865 году и что в министерство поступило несколько частных предложений на сооружение означенной линии.

В течение лета 1866 года назначено было произвести изыскания по нескольким линиям, ведущим от Харькова к разным портам Азовского моря: Мариуполю, Бердянску, Таганрогу и Ростову-на-Дону. Линия же Севастопольская, входившая в прежнюю сеть 1863 года, линия, на которую тогда же была уже выдана концессия упомянутой выше английской компании, теперь вовсе исключена из сети, несмотря на доводы Военного

---

* Английская компания, не успев собрать потребного капитала к назначенному по концессии сроку — июлю 1864 года, получила отсрочку до 1 ноября того же года, но и к этому сроку не состоялась. Работы от Москвы к Серпухову начаты с 15 июля того же года.

** Положение о постройке этой линии Высочайше утверждено 5 марта 1865 года.

министерства в пользу ее. Комитет решил, что линия эта может быть отложена на неопределенное время ввиду проектированных от Харькова двух путей: в одну сторону — на Кременчуг и Балту к Одессе, в другую — к одному из Азовских портов.

Дорогу от Ряжска на Моршанск Комитет находил полезною в видах облегчения сбыта местных произведений края и увеличения доходности гарантированных правительством линий: Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской*.

Что же касается до дороги Поти-Тифлисской, то к постройке ее было уже приступлено в 1865 году [с] помощью войск по распоряжению кавказского начальства, но имелось в виду передать довершение работ и эксплуатацию дороги в частные руки, лишь только найдутся желающие принять на себя это дело.

Кроме перечисленных линий, включенных в общую сеть, Комитет рассуждал еще о некоторых других, частью входивших в прежнюю сеть, частью вновь проектированных, и хотя не отвергал их пользы, однако ж в новую сеть не включил их потому только, что его пугала слишком крупная цифра общего протяжения всех новых линий. Комитет почему-то находил более осторожным ограничить проектированную сеть известною предельною цифрою верст, как будто опасаясь возбудить слишком большой аппетит в искателях концессий. Комитет вносил в проектируемые сети только те линии, которым почему-либо давал преимущество пред другими и ставил в первую очередь, но чрез это у нас и впоследствии никогда не было действительной нормальной сети; в течение времени постепенно появлялись новые линии, разрешаемые одна за другою отдельно, вне сочиненных Комитетом так называемых сетей.

Употребление на железнодорожные работы штрафованных нижних чинов и арестантов, как сказано выше, было испытано первоначально бароном Унгерном на Одесско-Парканской и Одесско-Балтской дорогах. Первоначально в 1863 году сформированы были 4 роты из 2500 нижних чинов, а в следующем году уже была на работах целая бригада из 8 рот, в числе 7 тысяч нижних чинов. По соглашению Военного министерства с заведовавшим постройкою дороги положено было из строительных сумм платить по 35 коп. в день на каждого рабочего, сверх всего

* В 1864 г. открыт был участок от Москвы до Коломны, а в 1865 г. — до Рязани. От Рязани до Козлова дорога еще строилась.

получаемого от казны содержания. Военное министерство имело в виду, кроме содействия самой постройке железной дороги и удешевления ее стоимости, еще и свои дисциплинарные цели: в то время армия была переполнена штрафованными нижними чинами, масса которых составляла печальный продукт старого военного режима. По тогдашним узаконениям эти люди не увольнялись ни в отставку, ни в бессрочный отпуск, до «прощения штрафа», которое в свою очередь обусловливалось разными ограничительными правилами и сроками. Формирование из таких людей особых военно-рабочих частей представляло двоякую выгоду: избавляло наличный состав войск от присутствия людей порочных, могущих пагубно влиять на молодое поколение, а с другой стороны, доставляло и самим штрафованным возможность усердною работою приобрести право на сложение штрафа и увольнение ранее срока, установленного общими правилами. Произведенный на Одесско-Балтской дороге опыт дал в этом отношении результаты удовлетворительные: строители остались довольны работою штрафованных, важных проступков и побегов почти не было, больных тоже, заработанные же деньги позволяли значительно улучшить содержание нижних чинов и частию служили поощрением усердию их в работе.

После первого опыта военно-рабочих рот Министерство внутренних дел применило его к арестантам гражданского ведомства. На основании Положения Комитета министров 13 марта 1864 г. сформированы были в том же году особые роты из этих арестантов в числе 1500 человек для работ на той же Одесско-Балтской дороге, а в следующем году при постройке Московско-Орловской железной дороги употреблено было уже до 2 тыс. арестантов гражданского ведомства в составе 8 рот, кроме военно-рабочей бригады. Высшее начальство над теми и другими принял на себя сенатор генерал-лейтенант Синельников (бывший генерал-интендант 1-й армии) — человек, славившийся своею энергическою распорядительностью и суровою строгостью, выходившими нередко из границ строгой законности*. Он взялся за дело как опытный командир и организовал

* Ник[олай] Петр[ович] Синельников был некогда, в чине полковника, дежурным штаб-офицером в штабе Отдельного гвардейского корпуса, во времена великого князя Михаила Павловича, потом губернатором последовательно в нескольких губерниях.

работы так, что арестанты (в числе которых было до 1750 поляков, высланных из Западного края и Царства Польского по случаю бывшего мятежа), разбросанные на значительном протяжении, под надзором малочисленного конвоя от войск (уменьшенного наполовину против положения), работали усердно, вели себя безупречно, и во все время работ почти не было ни побегов, ни важных проступков. Вторичный этот опыт употребления арестантов на большие государственные работы признан был столь же успешным, как и первый (на Одесско-Балтской дороге).

Для работ на Киево-Балтской линии, как уже сказано, назначены были войска в составе целых дивизий: 5-я пехотная, перемещавшаяся по новой дислокации армии из Варшавского округа в Харьковский; 33-я пехотная, расположенная в Киевском округе и 14-я, входившая в состав Одесского. По сделанному расчету все три дивизии должны были доставлять ежедневно до 5 тыс. рабочих. Министерство путей сообщения обязалось платить за каждого рабочего по 45 коп. в день; все же содержание войск оставалось на военном ведомстве. Работы должны были начаться в половине мая и продолжаться до половины сентября.

Результаты этого опыта употребления войск на большие государственные работы оказались не слишком благоприятными. Несмотря на крайне ограниченную плату рабочим, Министерство путей сообщения не нашло заметной выгодности в стоимости произведенных работ, а военное начальство, со своей стороны, жаловалось на то, что употребление войск на работы в течение целого лета не только вредно в отношении строевого образования, но и невыгодно отзывается на дисциплине и даже на хозяйстве войск. Таким образом, еще раз опыт опроверг теоретические мечтания о том, чтобы современные многочисленные армии обращать в мирное время на производительный труд и тем облегчить государству лежащее на нем тяжелое бремя военных расходов. Впрочем, эта утопия, имевшая еще некоторое значение при прежних долговременных сроках солдатской службы, отпадала сама собою с постепенным введением во всех континентальных государствах Европы организации армии по образцу прусской. Чем в большей соразмерности числительность армии в мирное время сокращается против полного военного состава и чем короче сроки действительной службы солдата, тем менее можно отвлекать войска в мирное время от прямого их назначения — служить школою и кадром для многочисленной

армии военного времени. На этом основании и в нашей армии скоро перестали толковать о производительном употреблении солдатского труда. Употребление солдат на работы осталось у нас только в виде домашнего средства для улучшения артельного хозяйства, как подспорье к установленному довольствию от казны, но Военное министерство постоянно стремилось к тому, чтобы положенные от казны отпуски на довольствие войск привести в равновесие с действительными потребностями их хозяйства и тем устранить необходимость так называемых «вольных работ», составляющих, при нынешней организации армий, совершенный анахронизм.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ ГОДА

Политическое положение Европы в начале 1866 года не давало повода думать, что этот год ознаменуется важными событиями, которые существенным образом изменят относительное положение государств и ниспровергнут все здание установленного в 1815 году мнимого политического равновесия Европы[136].

Франция в то время давала тон всей европейской политике. Тронная речь императора Наполеона III при открытии 10/22 января Законодательного собрания, дышала полным оптимизмом; высказывались в ней самые успокоительные надежды на сохранение мира и процветание Франции, даже и Мексиканская экспедиция не бросала тени на эту светлую картину, несмотря на то, что положение дел в Мексике было тогда вовсе не утешительное.

Почти одновременно с французским Законодательным собранием открыты были заседания Палат в Берлине и Лондоне. Как в тронной речи прусского короля, прочитанной 3/15 января графом Бисмарком, так и в тронной речи королевы Великобританской (25 января / 6 февраля) высказано было, что между всеми государствами отношения вполне удовлетворительные и миролюбивые. Королева Виктория даже выразилась, что она «не видит никакого повода к опасению какого бы ни было нарушения общего мира».

В действительности же вот каково было тогда положение дел:

Мексиканская экспедиция, предпринятая Наполеоном III с целью поддержания «престижа» Франции, не оправдала его расчета. Возведенный на мексиканский престол император Макси-

мильян нашел мало сочувствия в населении страны и должен был вести борьбу с республиканцами, во главе которых стоял прежний президент республики Хуарес. Императорские войска едва были в силах меряться с республиканскими. Ясно было, что импровизованный престол мексиканский не мог удержаться без помощи французских войск. Между тем оставлять их долго в Мексике было невозможно: экспедиция эта уже обошлась Франции весьма дорого и расстроила состав ее армии, а вдобавок поставила Францию в отношения враждебные к Северо-Американскому Союзу, который настоятельно требовал удаления французских войск с Американского континента.

Уже во время междоусобной войны в Северо-Американском Союзе отношения вашингтонского правительства к Парижскому и Лондонскому кабинетам сделались весьма натянутыми. Американцы не могли простить обеим западным европейским державам намерения их извлечь свои выгоды из затруднительного положения Союза, выказанного ими сочувствия к отложившимся южным штатам. Вашингтонскому правительству удалось справиться с мятежом вопреки расчетам европейских государств; с восстановлением же своего могущества Северо-Американский Союз стал вымещать озлобление свое на Англию — потворством фенианскому движению и требованием удовлетворения за нарушение нейтралитета по поводу крейсера «Алабама»[137], а на Францию — поддержкою в Мексике республиканцев против навязанного стране императора. Вашингтонское правительство формально заявило, что оставаясь верным принципу Монроэ, не может терпеть возникновения в соседстве своем монархического государства под протекторатом европейской державы. Кроме того, вашингтонское правительство жаловалось на бесчеловечное обращение с пленными республиканцами, попадавшими в руки империалистов, в чем, однако ж, французское правительство отклоняло от себя ответственность.

Другою заботой для Франции была принятая ею на себя защита папского престола от посягательств со стороны королевства Итальянского и патриотов итальянских, не покидавших мечты о перенесении столицы в Рим. В сентябре 1866 г. истекал двухлетний срок, условленный конвенциею 3/15 сентября 1864 года для вывода французских войск из Рима и других занятых ими пунктов папских владений. Хотя король Виктор Эмануэль и обязался тою же конвенциею соблюдать неприкосновен-

ность этих владений, однако ж в Париже опасались, что правительство итальянское, даже при добросовестном исполнении договора, не будет в силах сдержать существовавшее в народе итальянском возбуждение и воспрепятствовать вторжению в папские владения волонтеров Гарибальди или Мадзини, лишь только французские войска перестанут охранять папский престол. Флорентийский кабинет принимал, со своей стороны, все меры, чтобы устранить всякий предлог к отсрочке исполнения французским правительством сентябрьской конвенции. Уступая необходимости, итальянское правительство отложило Римский вопрос на будущее время и выдвинуло на первый план другую, не менее важную задачу для объединения Италии — отторжение от Австрии остававшейся еще под ее владычеством области Венецианской[138]. Для осуществления этих видов открывались благоприятные обстоятельства: возникшие между Австрией и Пруссией недоразумения могли рано или поздно довести до открытого между ними разрыва; в предвидении такой случайности, началось сближение между кабинетами Берлинским и Флорентийским*.

Австрия в то время находилась в положении весьма затруднительном как относительно внутренней, так и внешней политики. Сильнее, чем когда-либо, проявлялся антагонизм в разноплеменном населении монархии. В Богемии борьба между немцами и чехами и в областном сейме, и в Пражском университете доходила до полного раздора; в Галичине русское население отбивалось от гнета поляков; южно-славянские области отстаивали свою национальность против господства немцев и мадьяр; сами же мадьяры домогались восстановления конституционных прав и автономии Венгерского королевства; наконец, в Венецианской области и Южном Тироле открыто велась агитация в пользу присоединения к Итальянскому королевству.

Заступивший место Шмерлинга во главе Венского кабинета граф Белькреди был представителем федеративной системы, признанной в то время за наиболее пригодную для государственного устройства империи. Идеалом графа Белькреди было образовать из разноплеменных областей Австрии несколько крупных автономных групп, связанных между собою достаточно

* В начале года король Прусский прислал королю Виктору Эмануэлю знаки ордена Черного орла.

сильною центральною властью. Система эта, конечно, самая рациональная, но она встречала сильную оппозицию с двух сторон: с одной — немецкая партия централистов, еще весьма сильная, несмотря на удаление Шмерлинга от кормила правительственного, ревниво отстаивала исключительное преобладание немецкого элемента во всей империи, без различия национальностей; с другой — мадьяры упорно отстаивали обособленность Венгерского королевства в пределах короны Св. Стефана. Мадьярская партия имела сильное влияние при Дворе, сам император и императрица выказывали к венгерцам особенное расположение, так сказать, кокетничали с ними. В начале 1866 года, когда открылись заседания областных сеймов, император и императрица лично прибыли в Пешт, где были приняты с восторженными овациями. Оба они явились в национальном венгерском костюме; императрица даже выучилась мадьярскому языку. Ободренный либеральными заявлениями императора в тронной речи, Венгерский сейм в ответном своем адресе (27 января / 8 февраля) выразил требование восстановления в Венгерском королевстве отмененных законоположений 1848 года с образованием отдельного ответственного министерства. На этот адрес последовал Императорский рескрипт (20 февраля / 4 марта), в котором положительно отвергалась возможность полного восстановления означенных законов, несовместных с единством монархии и с общими ее интересами. Рескрипт этот произвел в Венгрии большое неудовольствие; сейм в новом адресе (в марте) настаивал на восстановлении законов 1848 года, соглашаясь только, в виде уступки, на пересмотр тех статей, которые признавались несогласными с общими интересами монархии. На этой почве начались переговоры между центральным венским правительством и Венгерским сеймом. Но ход этих соглашений был вскоре прерван войною. Австрии пришлось отбиваться от двух противников: Пруссии и Италии[139].

Распря между Австрией и Пруссией подготовлялась давнишним соперничеством их как двух первенствующих государств в составе Германского Союза[140]. Случайно представившийся вопрос о герцогствах Шлезвиг-Гольштинии подал повод к видимому сближению обеих держав; они вступили в Союз для совместного действия против слабого противника — Дании. Но лишь только ближайшая цель войны была достигнута и союзникам удалось без особенных усилий отторгнуть от Дании названные

герцогства, немедленно же выказалась глубокая рознь между союзниками в политических видах. Хотя Гаштейнскою конвенцией и было условлено, чтобы на первое время управление в Шлезвиге было предоставлено Пруссии, а в Гольштинии — Австрии, однако ж такое ненормальное положение могло быть только отсрочкою окончательного решения будущей судьбы герцогств. Завоеванные общими силами обеих держав, они должны были сделаться яблоком раздора[141].

Другой, еще более существенный повод к недоразумениям составляло предположение о политическом переустройстве всего Германского Союза. Давно уже чувствовалась непрочность здания, воздвигнутого с такими утонченными соображениями Венским конгрессом. В тот самый год (1859), когда сошел в могилу главный руководитель конгресса, знаменитый князь Метерних, совершилось распадение части этого здания — на Апенинском полуострове. Еще ранее, в 1848 году, потрясен был и сложный механизм Германского Союза[142], и хотя удалось тогда поддержать его на некоторое время, однако ж вера в прочность его сильно поколебалась. Правительства союзных государств признавали необходимость реформы для придания Союзу более сильной связи на случай могущих снова произойти усложнений в Европе или среди самого Союза.

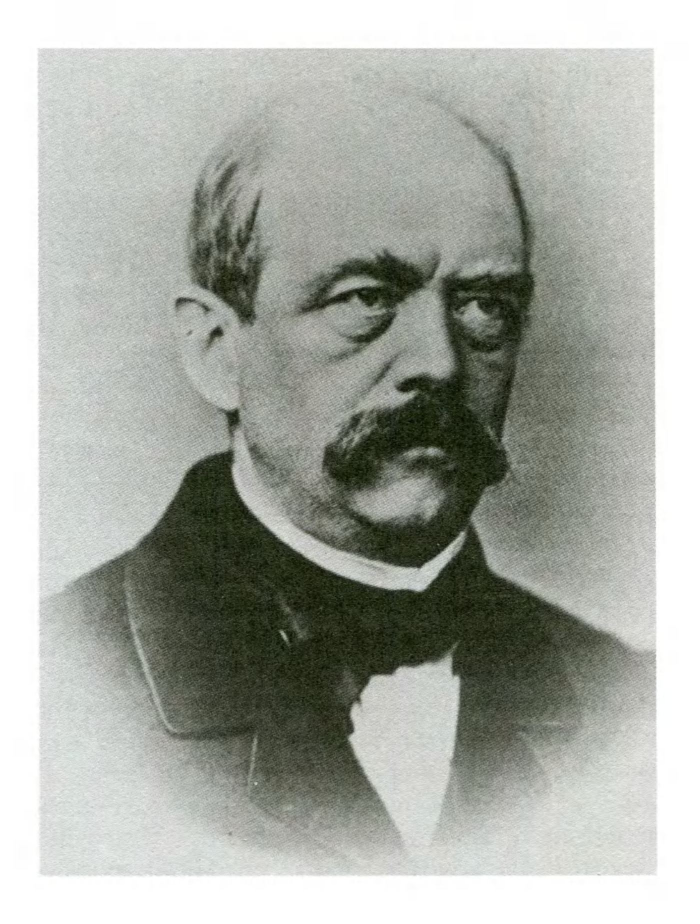
Неудачная попытка, сделанная в 1863 году по инициативе Австрии, произвести реформу Союза[143] посредством общего соглашения на конгрессе всех союзных государей, уже выказала в полной мере противоположность видов и целей двух главных членов Союза: Австрии и Пруссии. Хотя в обоих заявленных ими проектах новой конституции Германии и допускалось, в виде уступки духу и требованиям века, учреждение общего для всего Союза народного представительства, но затем в самой организации федерального правления и в определении отношений его к каждому из членов Союза проекты существенно различались между собою: австрийский проект менее ограничивал верховные права и независимость отдельных государств и потому встречен был гораздо с большим сочувствием со стороны второстепенных государств, чем прусский, который оставлял этим государствам только тень политической самостоятельности. Главное же различие между двумя проектами заключалось в том, что Австрия, соглашаясь разделять с Пруссией и Баварией известные функции исполнительной власти в Союзе, не хотела, одна-

ко же, поступиться историческим своим правом первенства, тогда как Пруссия, сделавшая в последнее полустолетие такие гигантские успехи в своем государственном устройстве и политическом значении, домогалась, если еще не главенства в Германии, то по крайней мере равноправности с Австрией. Пруссия требовала, чтобы в ее руках сосредоточены были военные силы всей Северной Германии, с предоставлением в распоряжение Баварии военных сил южной группы.

Отличное государственное устройство Прусского королевства, превосходная военная организация, его искусная политика давали этому возрождающемуся государству большие преимущества над одряхлевшею монархиею Габсбургов, с ее разрозненным населением, расстроенными финансами, с армиею, терпевшею столько раз поражения. Честолюбивые виды Пруссии особенно развернулись с тех пор, как во главе правительства прусского стал Бисмарк — человек с железною силою воли и ума и не слишком разборчивый на средства для достижения своих целей. Задумав обширный план политического возвышения Пруссии, Бисмарк пошел твердым шагом к своему идеалу, не останавливаясь ни пред опасением междоусобной войны в самой Германии, ни пред общим европейским столкновением.

Датская война была первым шагом по этому кровавому пути. Вторым шагом должно было сделаться присоединение к Пруссии завоеванных герцогств Шлезвиг-Гольштинии, вопреки существовавшим соглашениям и договорам. Задавшись этою целью, Берлинский кабинет постоянно противодействовал разрешению юридического вопроса о престолонаследии в герцогствах, и во весь 1865 год дипломатические переговоры между Берлинским и Венским кабинетами по этому вопросу тянулись совершенно бесплодно.

В тронной речи при открытии прусского ландтага 3/15 января по вопросу о герцогствах выражалась надежда на благоприятное решение этого дела в смысле требований Пруссии. Но заявление это было неискреннее: в то время было уже ясно для Берлинского кабинета, что соглашение по делу герцогств состояться не может. В той же речи высказывалось в виде упрека Палате, что правительство, после всех неудачных в течение четырех лет попыток своих провести чрез Палату закон о преобразованиях в армии отказывается от возобновления представления по этому предмету. Дело в том, что в течение этих четырех лет



О. Бисмарк

Бисмарк стоял в постоянном разладе с Палатою и раздражал ее своим бесцеремонным отношением к народному представительству. Правительство жаловалось на систематическую оппозицию Палаты всем планам расширения и развития военных сил Пруссии, а Палата, со своей стороны, обвиняла министерство в нарушениях конституции. В сессию, открытую в начале 1866 года, взаимное раздражение еще усилилось по поводу возбужденного правительством судебного преследования двух депутатов за речи, произнесенные ими в Палате. Решение высшего суда, признавшего подсудность депутатов, взволновало Палату и повело к таким пререканиям, что сессия была закрыта (10/22 февраля).

В начале марта уже было ясно, что Пруссия ведет дело к войне. С королем Итальянским заключен был союз оборони-

тельный и наступательный[144], начались негласно как в Пруссии, так и в Италии, приготовления к войне. В прусских газетах появились задорные статьи против Австрии, на которую сваливалась вся вина взаимных несогласий. Граф Бисмарк с цинизмом заявлял, что Пруссия вынуждена вооружаться будто бы для ограждения своей безопасности ввиду приготовлений Австрии. Венский кабинет формально опровергал такое умышленное извращение фактов и предлагал Пруссии подвергнуть возникшие спорные вопросы обсуждению и решению Союзного (Франкфуртского) сейма, на точном основании федерального статута. Но предложение было положительно отвергнуто Берлинским кабинетом.

Готовившаяся война между Австрией и Пруссией встревожила всю Германию. Союзные государства смотрели на эту войну как на междоусобную, в которую неизбежно будут вовлечены все они, крупные и мелкие. Действительно, для обеих воюющих держав весьма важно было привлечь на свою сторону прочие союзные государства. Вскоре Берлинский кабинет убедился, что лишь немногие из северных государств (Ольденбург, оба Мекленбурга, мелкие владения Тюрингенские) по самому положению географическому подчинились вполне влиянию Пруссии; большая же часть остальных, в том числе и королевства Ганноверское и Саксонское и курфюршество Гессен-Касельское, смотрели с недоверием и опасением на честолюбивые замыслы Пруссии и пытались предотвратить братоубийственную войну, указывая на положительные статьи Федерального акта, определяющие порядок разрешения недоразумений, могущих возникать между членами Союза. В том же смысле высказался и законный орган Союза — Франкфуртский сейм. Общественное мнение во всей Германии было решительно противно войне. Слышалось даже негодование лично против графа Бисмарка, которому не без основания приписывали строптивый и бесправный образ действий Пруссии*.

28 марта / 9 апреля прусский уполномоченный во Франкфуртском сейме внес предложение: созвать чрезвычайное собрание представителей народа (общегерманский парламент) для об-

---

* По всем вероятиям, можно приписать этому общему негодованию на прусского министра-президента покушение на его жизнь, совершенное неким Блиндом 25 апреля (7 мая), во время прогулки Бисмарка на Unter-den-Linden.

суждения предложений прусского правительства относительно союзной реформы. В то же время появилось в берлинской печати разъяснение соображений, по которым реформа признается необходимою. Главным побудительным поводом указывалось на то, что Союз, при настоящем своем устройстве, представлял слишком нетвердую связь между его членами и что поэтому в случае общей опасности окажется бессильным оградить свое существование. В подтверждение того выставлялось, что полученные от государств Средней Германии отзывы на сделанный Берлинским кабинетом запрос вполне выказали, как мало можно рассчитывать на деятельное участие членов Союза в принятии энергических мер для общей защиты.

9/21 апреля Франкфуртский сейм постановил возложить предварительное рассмотрение прусского предложения на особую комиссию из 10 членов, а вместе с тем предложить Австрии и Пруссии приостановить свои вооружения. Обе державы приняли это предложение. Австрия охотно согласилась, чтоб отнять у Пруссии предлог к вооружениям, но граф Бисмарк и тут выказал неискренность и недобросовестность: он присоветовал Италии спешить, со своей стороны, военными приготовлениями с коварным расчетом, что приготовления эти на границах Венецианской области заставят и Австрию принимать меры с той стороны и тем дадут Пруссии новый предлог к обвинению Венского кабинета в нарушении условия.

Действительно, в половине апреля итальянская армия уже стягивалась к границам Венецианской области по обеим сторонам р. По. Приготовления к войне в Италии приняты были с восторгом как в Палате, так и в народе, но вся остальная Европа встревожилась.

Однако ж, чтобы не слишком нарушать хронологический порядок, я должен приостановиться в рассказе о дальнейшем развитии событий по поводу разрыва между Австрией и Пруссией, чтобы возвратиться к началу года и указать хотя в немногих строках тогдашнее положение дел в других европейских государствах, о которых до сих пор еще ничего не было сказано.

В Англии, после смерти лорда Пальмерстона, правил либеральный кабинет Росселя — Гладстона; иностранными делами заведовал лорд Кларендон. На долю этого министерства выпали две главные заботы: борьба с фенианским движением в Ирландии и парламентская реформа. С первых заседаний Палат ми-

нистерству удалось провести билль о временной отмене в Ирландии habeas corpus[145]; во многих графствах объявлено было военное положение. 28 февраля / 12 марта внесен в Палату билль о реформе, т. е. об изменении обветшалого избирательного закона, но вопрос этот был всегда камнем преткновения во внутренней политике Великобритании, и на нем министерство Росселя потерпело крушение. Упорная парламентская борьба и наступивший затем продолжительный министерский кризис объясняют, почему Великобритания во весь этот год не принимала живого участия во внешней политике и как будто равнодушно смотрела на события, совершавшиеся на Европейском континенте.

Испания продолжала бедствовать от непрерывных внутренних смут. Еще в конце 1865 года произошло одно из тех военных возмущений (pronunciamento), которые сделались как бы хроническим недугом Испании. Руководителем этого мятежа был генерал Прим, но правительству, во главе которого стоял О-Донель, удалось скоро справиться с мятежом: возмутившиеся войска были разбиты, и сам Прим с остатками своих приверженцев бежал за границу в Португалию. Однако ж спокойствие восстановилось лишь ненадолго. В половине года министерство О-Донеля было свергнуто, и во главе правления стал маршал Нарваэц, герцог Валенцский.

Наконец, и в Турции дела шли не лучше прежнего. При крайнем расстройстве финансов Порта была озабочена в начале 1866 года возмущением в Сирии и брожением умов в христианском населении других областей. Беспорядки в Сирии были вскоре прекращены, и руководивший мятежом Иосиф Карам принужден был спасаться бегством. Зато начались волнения в Эпире, доходившие до открытых стычек народа с войсками, а позже — на острове Кандии. С каждым годом возрастали домогательства вассальных владений расширить свою автономию и сбросить последние остатки турецкого владычества. В своем месте будет упомянуто об уступках, сделанных Портою хедиву Египетскому и князю Сербскому. Здесь же будет уместно объяснить несколько обстоятельнее переворот, совершившийся в княжествах Дунайских, так как дела эти ближе касались интересов России и не могли обойтиться без деятельного вмешательства нашей дипломатии.

В своем месте было уже сказано мною, что соединение княжеств Валахии и Молдавии под управлением князя Александра Кузы было допущено Портою лишь в виде временного, условного соглашения*, с положительною оговоркой, что по смерти князя Кузы вопрос о соединении княжеств на дальнейшее время остается открытым и что решение его подлежать будет новому соглашению Порты с другими государствами, подписавшими Парижский договор 1856 года[146]. В пятилетнее управление княжествами князь Куза распоряжался самовластно; своею неразумною расточительностью он привел финансы в крайнее расстройство; тягость налогов и разорение края возбуждали в народе ропот. Всякая попытка противодействия беззаконным и самовольным распоряжениям правительства княжеского навлекала строгое преследование. Число недовольных возрастало, и наконец составился заговор — свергнуть князя. В ночь с 10 на 11 февраля (ст. ст.) 1866 года он был арестован заговорщиками и принужден подписать акт отречения, после чего его выпроводили под конвоем за границу. Переворот этот совершился вполне спокойно: ни войска, ни народ, ни даже ближайшие из окружавших князя Кузу не подумали защитить его. Были даже адъютанты его в числе заговорщиков.

Во главе учрежденного временного правительства стал генерал Голеско. Немедленно же было предложено Законодательному собранию избрать преемника свергнутому господарю, и кандидатом указывался граф Фландрский, Филипп, брат короля Бельгийского. Однако ж принц положительно отклонил этот выбор.

В то время должна была собраться в Париже конференция из представителей государств, подписавших договор 1856 года, для утверждения составленного Дунайскою европейскою комиссией в Галаце проекта правил о судоходстве по Дунаю. По первым известиям о перевороте в Бухаресте Лондонский кабинет предложил обсудить в той же конференции вопрос о последствиях отречения князя Кузы. Заседания конференции открылись 26 февраля / 10 марта. Представителю России послу барону Будбергу дана была инструкция держаться на законной почве трактатов, пока со стороны других кабинетов не будут предложены какие-либо отступления, соответствующие действительным ин-

* Протокол 6/18 сентября 1859 года.

тересам населения княжеств. С такою инструкциею барон Будберг выехал в конце февраля из Петербурга. В то же время наш вице-канцлер заявил турецкому поверенному в делах в Петербурге Комменос-бею, что Россия, становясь на почву трактатов 1856 года, показывает тем свое уважение к существующим международным договорам, несмотря на то, что не может сочувствовать им, как противным ее собственным интересам и традициям. В том же смысле князь Горчаков выразился и в своих депешах к послам при иностранных Дворах.

В заседаниях конференции представитель Франции клонил дело к тому, чтоб узаконить и на будущее время слияние обоих Дунайских княжеств и не препятствовать избранию в господари иностранного принца. Петербургский кабинет возражал, что избрание иностранного принца будет не только нарушением постановления, состоявшегося по общему соглашению в 1856 году и подтвержденного протоколом 1858 года, но будет иметь неизбежным последствием стремление княжеств к тому, чтобы совсем сбросить вассальную зависимость от Порты. Странно, что именно Россия явилась заступницею за ненавистный для нее трактат 1856 года и за целость Оттоманской империи. Русский вице-канцлер в своих инструкциях барону Будбергу и в депешах к другим представителям России, постоянно твердил об уважении к существующим договорам, о том, что опасно поощрять революционные стремления в Дунайских княжествах, об испытанной уже неудаче соединения обоих княжеств под властью князя Кузы, наконец, высказывал мнение, что конференция должна бы, прежде решения вопроса в том или другом смысле, дать возможность самой стране выразить свои желания чрез посредство представительных собраний в Бухаресте и Яссах. Мнение это было уважено конференциею, которая постановила протоколом 22 марта / 4 апреля, чтобы вопрос о том, сохранить ли и на будущее время соединение княжеств или возвратиться к прежнему их раздельному существованию, был предоставлен решению собраний из представителей народа, и чтобы каждое из двух княжеств могло отдельно заявить желание страны.

Но временное правительство Бухарестское, по привычке к приемам, вошедшим в обычай во время диктатуры князя Кузы, поступило вопреки решению европейской конференции, и 1/13 апреля издало декрет, чтобы немедленно же и повсеместно в обоих княжествах произведено было избрание господаря по-

средством поголовного голосования (suffrage universel). Кандидатом указан был молодой принц Гогенцоллернский Карл, которому тогда было 26 лет от роду. Он служил поручиком в одном из драгунских полков прусской армии и, принадлежа к Прусскому королевскому Дому Гогенцоллернов, в то же время считался в двойном родстве, по женской линии, с Бонапартами*. Отец и дед принца Карла имели репутацию самых либеральных из германских принцев.

Поголовный выбор господаря назначено было произвести 3/15 апреля тем же порядком, какой был уже практикован при князе Кузе: это был наглый фарс, разыгранный пред всею Европой, во всех городах и селах народ сгонялся на площади, где выложены были избирательные листы, на которых отмечались голоса. Конечно, не могло быть и речи о выражении действительного желания страны; да и можно ли было предполагать сколько-нибудь сознательное желание в массе невежественного народа, никогда не слыхавшего ни о немецких принцах, ни о самом смысле решаемого государственного вопроса?

Комедия была разыграна в Валахии с полным успехом, но в Молдавии дело прошло далеко не так благополучно. Уже прежде известно было, что там большинство населения не сочувствует соединению княжеств и желает возвратиться к прежнему отделению от Валахии. Поэтому Бухарестское временное правительство приняло заранее все меры, чтобы понудить молдаван к голосованию в пользу предложенного кандидата в господари соединенных княжеств. В этих видах многие из местных лиц, занимавших административные должности, были замещены другими, присланными из Валахии, а незадолго до дня голосования присланы были в Яссы два комиссара от правительства (Александр Голеско и Лиховари), облеченные широкими полномочиями. В народ пущен манифест, рисовавший блестящую будущность, на которую могут надеяться княжества под единою властью князя Карла Гогенцоллернского; даже распространен был слух, будто бы сам султан дал уже согласие на избрание иностранного принца. Наконец, на всякий случай, введен в Яссы гарнизон из валахских войск, с перемещением молдаванских войск в Валахию.

---

* Матерью отца его была принцесса Мюрат, а матерью его матери — виконтесса Богарнэ, усыновленная Наполеоном I.

Несмотря на все эти меры, на предварительных совещаниях избирателей в Молдавии огромное большинство заявило себя против соединения княжеств и против избрания иностранного принца. Один из влиятельных бояр, Николай Разновано, выбранный в председатели комитета, назначенного для наблюдения за производством голосования, обратился к избирателям с речью и прокламациею, в которых указывал на незаконность избрания иностранного принца в господари обоих княжеств, ссылаясь на договоры 1856 и 1858 гг., и прямо выражал, что Молдавия должна более всего заботиться о том, чтобы освободиться от гнета тех, которые, называя себя братьями, желают только эксплуатировать несчастную Молдавию.

В самый день, назначенный для голосования (3/15 апреля), в Яссах, народ собрался в собор и после обедни направился всею массою, имея во главе самого митрополита с церковною хоругвью в руках, к зданию префектуры, где в то время находились присланные из Бухареста комиссары временного правительства. Целью шествия было торжественно протестовать против незаконного давления Бухарестского правительства на общественное мнение и объявить, что страна не желает более соединения княжеств. На площади префектуры выстроены были войска; начальство над ними приняли два иностранца: полковник Грамон и врач Давилла. Когда толпа народа, совершенно безоружная, приблизилась к префектуре, войска преградили ей путь, и тут началась рукопашная схватка. Один из солдат вырвал хоругвь из рук митрополита, который при этом был ранен и в беспамятстве вынесен из толпы в ближайшую казарму. Народ в раздражении начал бросать в войска камни, тогда пехоте приказано было открыть огонь. Толпа рассеялась, но на месте побоища осталось множество убитых и раненых. К вечеру волнение было подавлено, и в продолжение следующих дней комиссары правительства держали город в настоящем терроре: тюрьмы и казармы были переполнены арестованными. Комиссары донесли в Бухарест, что порядок восстановлен и что ни один избиратель не осмелится подать голос иначе, как за принца Гогенцоллернского. Они даже не постыдились свалить вину прошедших беспорядков на интриги русского правительства, агентом которого был будто бы один из крупных молдаванских землевладельцев Константин Мурузи. Русский генеральный консул в Бухаресте барон Оффенберг счел нужным официальною нотою к министру иностран-

ных дел князю Ивану Гике протестовать против такой гнусной клеветы.

20 апреля / 2 мая Парижская конференция заявила формальною декларацией о незаконности выбора иностранного принца в господари обоих княжеств и повторила требование, чтобы вопрос о соединении их был предварительно предложен на решение собрания представителей. Но Бухарестское временное правительство и на этот раз пренебрегло волею Европы. 1/13 мая торжественно провозглашено всенародное избрание принца Карла Гогенцоллернского. В согласии его, конечно, Бухарестское правительства заручилось заранее, и вслед за тем принц Карл уже прибыл инкогнито на границу Валахии, в Турно-Северин, не испросив даже формально увольнения из прусской службы. Было ли это сделано с ведома графа Бисмарка — осталось тайной. 10/20 мая совершился торжественный въезд нового господаря в Бухарест, при пушечной пальбе, колокольном звоне и всяких выражениях народной радости.

Таким образом, кружок нескольких смелых революционеров бухарестских решил судьбу Дунайских княжеств наперекор всей Европе. Порта протестовала и заявила намерение ввести в княжества турецкие войска, но скоро отступила от своего решения, вследствие «совета» Франции. Россия выразила открыто свое негодование. В полуофициальном органе нашего Министерства иностранных дел «Journal de St.-Pétersbourg» прямо выставлялись все последние события в княжествах как ряд незаконных, насильственных действий революционеров и осуждалось поведение самого принца Карла[147]. Князь Горчаков в депеше к барону Будбергу от 19/31 мая писал, что ничего более не остается, как скорее закрыть конференцию, признав все случившееся в княжествах «совершившимся фактом» (fait accompli), что «бесплодные рассуждения ее наносят громадный вред коллективному авторитету Европы и достоинству участвующих в конференции держав». Русский вице-канцлер напоминал, что в самом начале дела Россия не признавала ни необходимости, ни пользы конференции и согласилась на нее только в виде уступки настояниям Лондонского кабинета, желавшего показать населению княжеств, что Европа печется об его участи. Указав целый ряд действий Бухарестского временного правительства в разрезе с постановлениями конференции, князь Горчаков писал: «Невозможно было издеваться более дерзким образом над решениями

конференции европейских держав. Ввиду столь самовольных действий государства четвертого разряда конференции ничего более не остается, как преклониться пред совершившимися фактами и предоставить революции довершить начатое ею дело. Мы не можем согласиться быть участниками в подобной комедии. Не говоря уже о том, что пострадало бы наше достоинство, мы никак не можем относиться к событиям в княжествах с таким же равнодушием, с каким относятся к ним прочие европейские кабинеты. Княжества нам сопредельны, и наши интересы тесно связаны с их собственными». Вице-канцлер объявил твердое решение Государя, чтобы барон Будберг, в случае несогласия прочих держав закрыть конференцию, устранился от дальнейшего в ней участия[148].

В воспоминаниях о внешней политике России в начале 1866 года нельзя пропустить любопытный эпизод, относящийся к сношениям с Ватиканом.

Дипломатические сношения русского правительства с Ватиканом были прерваны еще в 1864 году, когда посланник наш Н.Д. Киселёв получил приказание выехать из Рима, оставив там первого секретаря посольства барона Мейендорфа только для ведения текущих дел[149]. Согласно с полученною инструкцией, барон Мейендорф в продолжение целого года держал себя совершенно в стороне и не показывался в Ватикане. Но в конце 1865 года ему было сообщено полуофициальным путем от кардинала Антонелли, что папа Пий IX сожалеет о таком отчуждении оставшегося в Риме русского дипломата. Тогда из Петербурга было предписано барону Мейендорфу воспользоваться предстоявшим праздником Рождества Христова, чтобы явиться в Ватикан с поздравлением в числе прочих лиц дипломатического корпуса. 15/27 декабря папа принял барона Мейендорфа в особой аудиенции и с первых же слов начал высказывать ему стереотипные упреки образу действий русского правительства и самого императора в отношении Польши и римско-католической церкви. Барон Мейендорф вынужден был возразить Пию IX, напомнив ему, что строгие меры, к которым должно было прибегать русское правительство в Польше, были вызваны поведением самого духовенства католического, которое отождествляло церковь с революцией. Папа, крайне раздраженный высказанною ему прямо горькою правдой, осыпал русского дипло-

Папа Римский Пий IX

мата такими оскорбительными выражениями, что тот встал и вышел вон. После такого небывалого в дипломатии скандала русскому правительству ничего более не оставалось, как прекратить окончательно всякие сношения с Ватиканом, о чем и было приказано барону Мейендорфу (28 января 1866 г.) объявить кардиналу Антонелли. На это заявление барон Мейендорф получил снова грубое уведомление, что и сам Святой Отец не желает более иметь в Риме русское посольство и откажет в приеме всякого другого представителя России, если б и был назначен. Тогда барону Мейендорфу было приказано совсем закрыть русскую миссию в Риме, снять герб с дома посольства и заявить кардиналу Антонелли, что русское правительство слагает с себя всякую ответственность за последствия совершившегося разрыва[150].

Первым последствием этого разрыва была со стороны России отмена конкордата, заключенного с Ватиканом в 1847 году графом Д.Н. Блудовым[151]. Этою отменою русское правительство избавило себя от беспрерывных пререканий с римскою курией, которая, пользуясь неполнотою и неопределенностью редакции означенного акта, постоянно стремилась к присвоению себе такого господства над римско-католическою паствою в России, какого не предоставлено ей даже в государствах католических. Главными поводами к пререканиям были назначения на епископские кафедры и порядок сношений курии с римско-католическим духовенством в империи и в Царстве Польском. Вопреки установленному с давних пор порядку как в русском законодательстве, так и конкордатами, заключенными с Ватиканом другими государствами, римская курия стремилась к тому, чтобы устранить светскую власть от выбора и назначения лиц на высшие места духовной иерархии и присвоить себе право прямых и непосредственных сношений с местным духовенством. Стремления эти сделались особенно настойчивыми и бесцеремонными во время последнего польского мятежа; римская курия думала воспользоваться смутами для утверждения своего авторитета над католическим населением России, но встреченный со стороны русского правительства отпор и привел наконец к полному разрыву между Петербургским кабинетом с Ватиканом.

Папское правительство в порыве раздражения опубликовало свою дипломатическую переписку с Петербургским кабинетом, но в крайне извращенном виде[152]. Некоторые из важнейших документов были утаены. Между прочим, ставилось в укор русскому императору, что в 1863 году собственноручное к нему письмо папы от 22 апреля, касавшееся веденных в то время переговоров о назначении папского нунция в Петербург, было будто бы оставлено вовсе без ответа, тогда как, напротив того, ответ был дан неотлагательно 11/23 мая, и собственноручный этот ответ Государя был вручен лично посланником Н.Д. Киселёвым кардиналу Антонелли 20 мая / 1 июня. Мало того, вследствие этого ответного письма (как было мною рассказано в своем месте), Киселёву даже назначена была папою особая аудиенция, в которой сам Пий IX объявил, что при тогдашних обстоятельствах, находит назначение нунция при петербургском Дворе неудобным, почему дальнейшие переговоры по этому предмету и прекратились.

Недобросовестность, столь явно высказанная Ватиканом в отношении к Петербургскому кабинету, и оскорбительный лично для русского императора образ действий папы вынудили наконец князя Горчакова выйти из обычной замкнутости нашей дипломатии и, со своей стороны, разослать во все наши заграничные миссии меморию, в которой был изложен с полною отчетливостью весь ход веденных с Ватиканом сношений с самого начала мятежа в Царстве Польском и до последнего разрыва. Мемория эта от 10 января 1867 года была потом опубликована[153].

МОЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. ПОКУШЕНИЕ 4 АПРЕЛЯ НА ЖИЗНЬ ГОСУДАРЯ

В воспоминаниях о пережитом давнем времени трудно избегнуть некоторой пестроты рассказа. События важные, составляющие достояние истории, переплетаются по необходимости с мелочными подробностями житейскими, с личными, субъективными впечатлениями. Так и теперь, вслед за представленным обзором общего положения дел государственных в начале 1866 года мне приходится с высоты европейской политики круто спуститься, без промежуточных ступеней, на низменную почву моих личных воспоминаний.

Продолжительная разлука с больною моею дочерью Ольгой лежала тяжелым камнем на моем сердце. Она по-прежнему жила в Ницце, с теткою своей Д.М. Понсэ; в положении ее здоровья не замечалось улучшения, так что не было и надежды на близкое возвращение ее в Россию. Меня тянуло за границу, чтобы повидаться с бедняжкой, хоть только взглянуть на нее, и вот я решился, несмотря на массу служебных дел, просить отпуска на две недели, именно на Страстную и Святую, то есть на то время, когда обыкновенно машина бюрократическая несколько тормозится, когда прерываются всякие заседания и совещания. В первый раз после десяти лет непрерывных и тяжелых работ на Кавказе и потом в министерстве я позволил себе этот двухнедельный вакант.

16 марта выехал я из Петербурга и 19-го утром, в Вербную субботу (по нашему календарю), прибыл в Париж. Здесь, к великой моей досаде, оказалось, что чемодан мой со всем моим скарбом остался на прусской таможне в Эйдкунене, и как впо-

следствии узнал, по собственной моей вине. По приезде в Париж я должен был наскоро экипироваться, в чем помог мне весьма любезно наш военный агент в Париже полковник Новицкий*. Пустое это обстоятельство заставило меня пробыть сутки в Париже, так что я успел повидаться с дядей, графом Павлом Дмитриевичем Киселёвым, и немногими из находившихся там хороших знакомых: Н.В. Ханыковым и графом Н.Н. Муравьёвым-Амурским.

Утренний мой визит у графа П.Д. Киселёва был довольно продолжительный; он расспрашивал меня с большим вниманием о том, что делается в нашем Военном министерстве, с участием слушал мои рассказы, сам припоминал многое из своей давней службы и пригласил меня к обеду в 6 часов вечера. Я предупредил дядю, что не имею никакой иной одежды, кроме того дорожного костюма, который был на мне. Граф Павел Дмитриевич успокоил меня, сказав, что обед будет совершенно запросто, с Новицким и Ханыковым. Не видев давно своего дядю, я нашел в нем большую перемену; он заметно постарел и опустился; однако ж разговор его был, как и прежде, весьма занимателен и приятен, особенно когда он вспоминал старые времена и давно прошедшие обстоятельства, о которых рассказывал со всеми подробностями. Граф Киселёв, хотя не был уже послом, однако ж все еще вращался в высшем парижском обществе, поддерживал знакомство с официальными лицами и пользовался общим уважением.

20 марта, в Вербное воскресение, я выехал из Парижа и на другой день около 2 часов пополудни прибыл в Ниццу. На станции железной дороги встретила меня свояченица моя Д.М. Понсэ, которая повезла меня на Mont Cimiéz в villa Camagna — жилище моей больной дочери. До сих пор не могу забыть, с каким трепетом нетерпения подъезжал я к этой вилле, едва слушая речи своей спутницы, и что прочувствовало мое сердце, когда дорогая моя больная бросилась в мои объятия. Я был счастлив увидеть ее после десятимесячной разлуки, но как грустно и тяжело было увидеть ее исхудалое, болезненное лицо, с остриженными волосами, в синих очках, когда в памяти моей

---

* Далее в автографе зачеркнуто: « — человек очень ограниченный, но весьма услужливый (он был женат на родной сестре графа Александра Вл[адимировича] Адлерберга)» (*примеч. публ.*).

так живо еще рисовался ее облик здоровым, цветущим, полным жизни ребенком. Эти десять месяцев пребывания за границей не принесли ощутительной пользы: хотя она уже не в такой степени, как пред отъездом из Петербурга, боялась света и всякого звука, однако ж все еще нервы ее были сильно расстроены, и малейшее движение утомляло ее. Поэтому она сидела почти безвыходно дома, в полном уединении.

Двенадцать дней, проведенные мною в Ницце, пролетели незаметно. Большую часть времени, разумеется, сидел я с больною, но по утрам обыкновенно ходил в город по разным надобностям. В то время Ницца только что начинала под недавним французским управлением отстраиваться. Кварталы, отдаленные от морского берега и р. Пальона, были еще пустынны; только заготовлялись кое-где материалы для новых построек. Даже большая улица, ведущая от железнодорожной станции к place Masséna, не была еще застроена. И тогда в Ницце жило много русских, хотя я избегал встреч с ними, однако ж не мог не навестить некоторых из знакомых, с которыми случайно встретился в русской церкви. В числе их были: семейство генерал-адъютанта Назимова, фрейлина баронесса Фредрихс (София Петровна), Валерий Валерьевич Скрипицын, который имел в Ницце собственный дом. Познакомился я с русским консулом Паттоном, священником Прилежаевым — молодым и образованным человеком, с которым дочь моя пожелала познакомиться. Вслед за мною приехал в Ниццу из Парижа и Н.В. Ханыков. При всем своем желании как можно менее отлучаться из дому, я не мог не полюбопытствовать осмотреть город и в особенности виллу Bermont, где за год пред тем кончил жизнь Наследник Цесаревич Николай Александрович. Вилла эта была приобретена русским правительством, и часть ее обращена в церковь, где я нашел русского сторожа из бывших матросов. Видел поблизости и другую виллу, где провела одну зиму великая княгиня Елена Павловна.

В Ницце я узнал, что фельдмаршал князь Барятинский проживал в то время в Канне (Cannes) и еще до моего приезда в Ниццу был однажды у моей дочери, чтоб узнать о том, когда меня ожидают. Потом он прислал ко мне своего адъютанта Кузнецова с приглашением посетить его в Канне и с уведомлением, что на днях он переезжает оттуда в Париж. Делать было нечего; я должен был пожертвовать одним днем для свидания с преж-

ним своим начальником, продолжавшим в то время поддерживать со мною почти дружеские отношения. Я нашел его гораздо в лучшем состоянии здоровья, чем в предшествовавшие наши свидания в Царском Селе. По своему обыкновению он говорил много о самых разнообразных предметах и просил меня заехать к нему в Париже на возвратном моем пути.

В день Светлого Воскресения, 27 марта, получил я из Петербурга несколько телеграмм с поздравлениями по случаю производства в полные генералы и пожалования мне майората в Царстве Польском. То и другое было для меня совершенною неожиданностью. Вместе со мною произведено было несколько генерал-лейтенантов в полные генералы: член Генерал-аудиториата Ризенкампф, генерал-адъютанты Ланской, Кнорринг, барон Врангель и граф Ржевуский и командовавший войсками Казанского округа Семякин; все они были гораздо старше меня в чине и в службе. В числе наград в день Пасхи получили звание генерал-адъютанта командующий войсками Рижского округа и рижский генерал-губернатор граф Шувалов (Пётр Андреевич) и начальник штаба Петербургского округа П.П. Альбединский. Из гражданских чинов министр юстиции Дм[итрий] Ник[олаевич] Замятнин произведен в действительные тайные советники.

3 апреля, в Фомино воскресение, я распростился с дочерью и с невыразимою грустью выехал из Ниццы. На другой день, приехав под вечер в Париж, я сейчас же отправился к дяде, графу Киселёву, и к князю Барятинскому. Последний сообщил мне потрясающее известие, только что полученное им по телеграфу из Петербурга — о покушении в тот же день утром на жизнь Государя, у ворот Летнего сада. Тогда подобное событие представлялось чем-то чудовищным, и тем более мы возрадовались благополучному исходу. По совету князя Барятинского, у него же в кабинете я написал поздравительную телеграмму на имя Государя и на другой же день получил от Его Величества ответную телеграмму.

В Париже я пробыл весь день 5 числа: утром делал визиты, обедал у графа Киселёва вместе с князем Барятинским и Н.В. Ханыковым, а 6 апреля рано утром выехал с ним же, Ханыковым, из Парижа. После трех суток безостановочного пути, прибыл я в Петербург 9 апреля около 3 часов пополудни. Лишь только вошел я к себе в дом, явился фельдъегерь от Государя с приглашением к Его Величеству. Свидание наше было трога-

тельное и задушевное. Государь рассказал мне подробности события 4 апреля, которое представлялось ему новым знамением Божьего промысла, охраняющего жизнь своего Помазанника. Государь был искренне проникнут религиозным чувством и глубоко веровал в эту невидимую охрану.

Возвратившись из-за границы на 6-й день после покушения 4 апреля, я нашел еще сильное возбуждение во всех слоях петербургского населения. Рассказывались подробности этого события, толковали о личности злодея, и продолжались во всевозможных формах изъявления общей радости о спасении драгоценной жизни царя-освободителя.

На другой день [после] покушения в Зимнем дворце был большой съезд: чины всех ведомств, представители разных сословий, дипломатический корпус приносили Государю поздравления, затем был смотр войскам на Марсовом поле. Везде, где показывался Государь, его приветствовали с энтузиазмом. В следующие дни Его Величество принимал многочисленные депутации; так и в день моего приезда, 9 числа, представлялись служащие в военно-учебных заведениях и некоторое число воспитанников от каждого заведения. Со всех пунктов земного шара стекались бесчисленные телеграммы, от всех иностранных Дворов получались поздравления. Во всех местах России, без различия народностей, служились благодарственные молебствия, составлялись адресы с выражением преданности, собирались пожертвования на то или другое дело в память события 4 апреля. В театрах и во всех местах сборищ публика требовала много раз повторения народного гимна, а представления оперы «Жизнь за Царя» как в Петербурге, так и в Москве, вызвали горячие проявления энтузиазма. В продолжение нескольких месяцев не прерывались стекавшиеся со всех концов России поздравительные телеграммы и всякого рода заявления верноподданнической преданности.

В рассказах о происшествии 4 апреля у ворот Летнего сада самая видная роль выпала на долю личности темной, ничтожной — шапочного мастерового Комисарова, которому случайно удалось оттолкнуть руку преступника в ту минуту, когда он направил выстрел в Государя, садившегося в коляску[154]. Комисаров был провозглашен «спасителем»; его привезли во дворец; Государь, императрица и прочие члены царской семьи обласка-

О.И. Комиссаров

ли его, осыпали подарками. Со всех сторон оказывался ему почет, все искали случая увидеть «спасителя». Указом 9 апреля Комисаров возведен в дворянское достоинство с присвоением наименования «Костромского», так как он оказался родом из Костромской губернии — родины Ивана Сусанина. 10-го числа в одной из зал Инженерного замка собралось большое число костромичей (говорят до 800), пожелавших выразить свое сочувствие земляку. Комисарова ввели торжественно в залу, приветствовали его речью и криками «ура». В другой день состоялся

О.И. Комиссаров

в честь Комисарова торжественный обед в Английском клубе с речами и тостами. Во всей России открыта подписка на покупку дома для нового дворянина. Когда сделалось известным, что отец Комисарова находился в Сибири, куда был сослан на поселение за какие-то давнишние грехи, то немедленно было испрошено Высочайшее разрешение возвратить его из ссылки. От многих городов поднесены были Комисарову адресы с званием почетного гражданина. Он даже был удостоен от императора Австрийского ордена Франца Иосифа.

Что касается до виновника злодейского покушения на цареубийство, то в первые дни вовсе не были известны ни его имя, ни звание. Когда же обнаружилось, что злодей был русский и дворянского рода, то открытие это произвело в обществе и народе удручающее впечатление. Общее негодование было так сильно, что некоторые из ближайших родственников Каракозова просили о перемене фамилии. Решением Сената они были переименованы во Владимировы. В публике слышались заявления, что преступника следует казнить неотлагательно, не теряя времени на судебные формальности. Но с другой стороны, сознавалась необходимость строгого расследования побуждений к неслыханному преступлению и открытия сообщников. Общественное мнение успокоилось, когда сделалось известно (9 апреля), что председателем Следственной комиссии назначен граф Михаил Николаевич Муравьёв, который только за несколько месяцев пред тем был почти устранен от должности виленского генерал-губернатора. Он пользовался тогда чрезвычайною популярностью[155], назначение его было принято с полным одобрением и подало повод к новым в честь его овациям. Так, между прочим, петербургский Английский клуб единогласно избрал его в свои почетные члены и в первую после того субботу, 16 апреля, пригласил его на обед, к которому собралось многочисленное общество. Предложенный за обедом тост в честь его (старшиною графом Григорием Александровичем Строгановым) встречен был восторженными «ура». Граф Муравьёв в ответной своей речи высказал, что приложит все свои силы и энергию, в которой никто не сомневался, для раскрытия корня совершившегося ужасного преступления. Затем генерал-адъютант Александр Алексеевич Зелёный, приехавший на обед, несмотря на болезнь свою, произнес сильную речь, в которой выразил общее чувство негодования по поводу события 4 апреля и полную надежду на то, что Следственная комиссия доберется до корня страшного зла, породившего такое беспримерное покушение. После обеда было еще сказано несколько речей, а поэт Некрасов прочел сочиненное им на этот случай стихотворение[156].

Заседания Следственной комиссии открылись неотлагательно в Петропавловской крепости. В состав ее назначены были многие опытные юристы от разных ведомств, в том числе и от военно-судебного (чиновник Аудиториатского департамента Переяславцев). Энергичный председатель комиссии повел дело со

свойственною ему настойчивостью, для раскрытия всей подноготной темного злоумышления, избравшего Каракозова своим орудием. Преступник вначале упорно отмалчивался или давал ложные показания, а потому комиссии предстояла задача нелегкая: нужна была вся твердость, даже подчас суровость графа Муравьёва, чтобы добиться правды.

Имя графа Михаила Николаевича производило такое внушающее действие, что публика стала терпеливо ожидать результатов исследований комиссии в полной уверенности, что председатель ее не допустит напрасных проволочек. К тому же общественное внимание обратилось в другую сторону: главною злобою дня сделались совершавшиеся в то время важные перемены в личностях, приближенных к особе Государя.

10 апреля последовало увольнение князя Василия Андреевича Долгорукова от должности шефа жандармов и главного начальника III отделения Собственной Е. В. канцелярии и назначение на его место генерал-адъютанта графа Петра Андреевича Шувалова; 14 числа уволен Александр Васил[ьевич] Головнин от должности министра народного просвещения и заменен графом Дм[итрием] Андр[еевичем] Толстым, сохранившим за собою и должность обер-прокурора Синода. Две эти перемены имели весьма серьезное значение. Князь Долгоруков пользовался полным доверием Государя, который не мог не ценить его как человека честного, благородного, не способного к интригам. С приятными формами и мягкостью характера он соединял крайний педантизм в службе и принадлежал к числу консерваторов-аристократов, не сочувствовавших в душе новейшим реформам. Выстрел каракозовский, не предусмотренный и не предотвращенный тайною полицией, по мнению многих, ложился на ответственность шефа жандармов и III отделения, а потому сам князь Василий Андреевич счел делом совести и приличия просить Государя о смене своей. Государь согласился на увольнение его от должности, но сохранил и после того искреннее к нему доверие и постоянно оказывал ему самое сердечное расположение. Чрез несколько дней (17 апреля) князь Долгоруков получил даже высшее придворное звание — обер-камергера. Должность эта оставалась вакантною со смерти графа Рибопьера в предшествовавшем году.

Для замещения должности шефа жандармов и главного начальника III отделения избран был по указанию самого князя

Пётр А. Шувалов

Долгорукова рижский генерал-губернатор граф Шувалов, занимавший не так еще давно должность петербургского обер-полицмейстера. Хотя он не мог слишком хвалиться своими успехами на этом месте (вспомним студенческие истории 1861 года)[157], однако ж представлял в глазах князя Долгорукова и самого Государя важные условия для занятия высокого поста — охранителя спокойствия и порядка в империи: с аристократическим именем и обширными связями в высшем обществе он соединял, как полагали, деловую практику, деятельность и *ловкость*. Граф Пётр Шувалов принадлежал к той блестящей молодежи пятидесятых и шестидесятых годов, которая, не получив

солидного образования, мало знакомая с делами государственными и порядками служебными, брала своею беспредельною самонадеянностью, ловкостью, способностью к интриге, умением бойким разглагольствованием пускать пыль в глаза. Впрочем, граф Пётр Шувалов в этой среде выделялся своею природною даровитостью; он имел способность быстро схватывать всякое дело, с которым встречался в первый раз. В предмете совершенно для него новом достаточно было ему непродолжительного разговора с человеком знающим, прочтения какой-нибудь записки или брошюры, чтобы говорить о том предмете с авторитетом человека компетентного. Конечно, таким легким путем, так сказать на лету, схватывались сведения крайне поверхностные, а потому и умозаключения выводились иногда весьма легкомысленные; тем не менее в среде еще менее подготовленной, еще более легкомысленной сентенции графа Шувалова производили впечатление и получали вес непреложного приговора. Партия, к которой он принадлежал, выдвинула его вперед как своего блестящего представителя и гордилась им. Впоследствии же выдвинулся другой такой же экземпляр, в лице генерала Грейга.

Как назначение графа Шувалова, так и замещение А.В. Головнина графом Д.А. Толстым были первыми знамениями начинавшейся реакции в нашей внутренней политике[158]. А.В. Головнин был заподозрен в либерализме; на него взваливали самые неосновательные обвинения и ответственность за все беспорядки, происходившие в среде учащейся молодежи, несмотря на то, что эти беспорядки — и притом самые крупные — начались гораздо до назначения Головнина министром, при суровом и крутом адмирале графе Путятине. Возбуждение в тогдашнем юношестве замечалось в учебных заведениях всех ведомств, а не одного только Министерства народного просвещения. В сущности, вина А.В. Головнина была совсем другого рода: он навлек на себя ненависть крепостников, видевших в нем дельца и вдохновителя великого князя Константина Николаевича по крестьянскому делу. Поэтому удаление Головнина с министерского поста было полным торжеством для партии аристократов-ретроградов, поднявшей снова голову с 4 апреля. Заместивший Головнина граф Толстой и по рождению своему, и по образу мыслей вполне принадлежал к этой же партии. Хотя он вышел в люди благодаря покровительству великого князя Константина

Д.А. Толстой

Николаевича, под начальством которого и служил в Морском министерстве, однако ж он никогда не сочувствовал предпринятым в то время гуманным и либеральным мерам, а с 1861 года и до назначения его в 1865 году обер-прокурором Синода совсем устранился от служебной деятельности и, подобно многим другим нашим барам, втихомолку изливал свою желчь на все совершавшиеся тогда великие реформы в государственном строе. Назначение его на пост министра народного просвещения, одновременно с появлением на первом плане графа Шувалова и готовившимся затем целым рядом других перемен в среде правительственных деятелей, — все это оживило надежды ретроградов. Нельзя было сделать лучшего выбора на пост министра народного просвещения, если главною задачею ему поставлялось — подавить и заглушить всякие зачатки жизненной силы в юном поколении.

Граф Шувалов поставил себе первою целью — приобрести полное доверие Государя, чтобы затем завладеть, как говорилось

в старину, кормилом государства. Обстоятельства благоприятствовали ему. Государь, под впечатлением каракозовского выстрела, легче, чем когда-либо, мог поддаться коварным внушениям той партии, которая давно уже злобствовала на нововведения и старалась всеми силами, если не остановить, или отменить уже сделанное, то по крайней мере парализовать, исказить в самом исполнении. Теперь представился удобный случай, чтобы выставить недавнее покушение на цареубийство как прямой результат всех новейших преобразований, ведущих к торжеству демократии в ущерб консервативных начал и самодержавия. На этом пути графу Шувалову легко было иметь успех; почва была подготовлена. С первых же дней своего назначения шефом жандармов он начал предлагать одну меру за другою в смысле реакционном. Для обсуждения предлагаемых им разнообразных мер учреждена была Особая секретная комиссия под председательством князя П.П. Гагарина из следующих лиц: графа Панина, К.В. Чевкина, П.А. Валуева, М.Х. Рейтерна, Д.Н. Замятнина, графа Толстого, графа Шувалова и меня. Приглашались, смотря по надобности, и другие министры, до которых касались обсуждаемые вопросы. Делопроизводителем был статс-секретарь Ф.П. Корнилов. Комиссия эта имела вначале довольно частые заседания в скромной квартире председательствовавшего, в Офицерской улице, но иногда она переносилась во дворец под личным председательством самого императора[159].

С первых же заседаний комиссии на обсуждение ее предложен был целый ряд мер, придуманных графом Шуваловым и касавшихся самых разнообразных сторон государственного управления. Новичку в деле все кажется легким и простым, а по своей самонадеянности и при поддержке стоявшей за ним целой партии графу Шувалову казалось, как говорится, и море по колено. С первого же приступа высказались во всей ясности конечные цели этой партии: под предлогом укрощения революционных начал или так называемого нигилизма (термин, вошедший с того времени в употребление с легкой руки И.С. Тургенева), прежние крепостники задумали при этом удобном случае подкопаться под ненавистный им закон 19 февраля. Для начала предложено было упразднить Главный комитет по устройству сельского состояния, чтоб устранить от влияния на крестьянское дело великого князя Константина Николаевича и других членов, неприятных для крепостников. Так же покушались поколебать и

новый Судебный устав, и земские учреждения — все под предлогом необходимости укрепить авторитет администрации.

К счастью, граф Шувалов не встретил безусловного сочувствия и содействия в комиссии, председательствуемой князем Гагариным. Каждому из нас было ясно, к какой цели тяготеют предлагаемые меры; и к чести комиссии можно сказать, что графу Шувалову не удалось провести вполне ни одной из главных его затей. Положение наше было щекотливое; нужна была большая осторожность, при тогдашнем общем настроении и в особенности при тех взглядах, которые были внушены самому Государю. Прямо идти против течения было невозможно, приходилось часто придумывать паллиативы, чтобы, не отвергая резко предлагаемых мер, сделать их менее вредными и менее прискорбными.

Таким образом, каракозовский выстрел сделался сигналом резкого перелома в царствовании императора Александра II. После первых десяти лет, ознаменованных славными реформами, либеральными мерами, начался период реакции. Небольшая горсть людей, благонамеренных и честных, в составе правительства была бессильна, чтобы противодействовать массе ретроградов, ухватившихся с радостью за фалды графа Шувалова. Всего же важнее то, что сам Государь, сам царь-освободитель усомнился в благих результатах собственных своих славных деяний. С этого времени вкоренилось в нем недоверие ко всему, что было совершено в предшествовавшее десятилетие и ко всем бывшим деятелям этой светлой эпохи.

Прошло более месяца после события 4 апреля, и ни в чем заметном для публики не проявлялась деятельность высшего правительства как относительно ожидаемой кары преступника, так и предотвращения на будущее время повторения подобного страшного преступления. Следственная комиссия, председательствуемая графом М.Н. Муравьёвым, деятельно работала в Петропавловской крепости, но задача ее не ограничивалась установлением личной виновности преступника, поднявшего руку на царя; требовалось раскрыть сообщников преступления, побудительные цели, тайных руководителей, — а для этого комиссии приходилось распространить свои исследования вообще на всю преступную, противоправительственную работу образовавшихся в последние годы тайных обществ и кружков, в связи с заграничными революционерами и польскими агитаторами. С каж-

дым допросом и показанием привлеченных к делу лиц раскрывались новые нити, привлекались новые личности — и окончание следствия все отодвигалось далее.

Что же касается до новых правительственных мер к ограждению государства от дальнейшего распространения зловредных учений и революционного духа, то все бесконечные прения, совещания, сочиняемые записки не привели ни к какому положительному результату. В этом случае снова выказалось в правительстве полное отсутствие единства и общего плана. Время уходило в обсуждении мелочей; все, конечно, соглашались в необходимости мер против открытой язвы, но никто не указывал средства к радикальному лечению, а предлагались со всех сторон паллиативы или такие меры, которые не имели никакого отношения к делу. Наконец, после долгих, бесплодных исканий, остановились на том, чтобы сам Государь обратился с воззванием ко всем благомыслящим подданным своим о необходимости противодействия общими силами угрожающему злу или, по тогдашнему выражению, о «содействии всех консервативных и здравых сил России». Воззванию этому решено было дать скромную форму рескрипта на имя председателя Комитета министров князя Гагарина. В редактировании этого рескрипта принимали участие многие, но, сколько мне помнится, главным редактором был П.А. Валуев. Рескрипт был подписан Государем 13 мая в Царском Селе и на другой же день опубликован[160]. Кроме того, всем министрам было поставлено в обязанность преподать подчиненным им местам и лицам дополнительные наставления и внушения, что и было исполнено в виде циркуляров от каждого из министров по своему ведомству, с большими или меньшими вариациями на тему рескрипта. Циркуляр Министерства внутренних дел от 31 мая на имя губернаторов отличался своею длиннотою и риторическими фразами. По военному ведомству Высочайший рескрипт был разослан при весьма кратком циркуляре (5 июня).

Рескрипт 13 мая подал повод к самым разнообразным комментариям. Люди наивные были довольны высказанными в нем фразами; скептики ничего не нашли в нем, кроме риторики, а полуграмотный люд придал рескрипту свой собственный фантастический смысл. Князь Гагарин был завален множеством прошений самого разнообразного свойства: кто просил пособия,

кто места, кто скорейшего решения дела — и все на основании того же рескрипта 13 мая.

Хотя графу Шувалову и не удалось провести большую часть замыслов своих, однако ж он скоро успел, с своею ловкостью и изворотливостью, совершенно завладеть доверием Государя и сделаться для него человеком необходимым. Граф Шувалов брался за все, судил и рядил в делах всех ведомств; в совещаниях высказывался с самоуверенностью человека, имеющего за собою могущественную опору. Голос его получил преобладающее влияние в вопросах о личных назначениях на должности. Конечно, он воспользовался этим влиянием, чтобы выдвигать своих друзей и товарищей и чтобы занять сколь можно более видных мест людьми своей партии. Из первых предложенных им мер было упразднение должности петербургского генерал-губернатора под тем предлогом, что в столице необходимо единство власти в делах высшей полиции. В действительности же графу Шувалову хотелось освободиться лично от неудобных отношений с князем Суворовым, который незадолго пред тем был его прямым начальником, а по летам мог бы быть ему отцом. К тому же князь Суворов, по своему характеру, своей болтливости, привычке популярничать, был действительно неудобным орудьем для графа Шувалова при тогдашних обстоятельствах.

4 мая последовало увольнение князя Суворова от должности петербургского военного генерал-губернатора; в виде утешения ему дано было почетное звание генерал-инспектора всей пехоты, — звание, которое некогда носил фельдмаршал граф Паскевич, князь Варшавский. Обязанности, лежавшие на генерал-губернаторе, были распределены между губернатором, обер-полицмейстером и комендантом. По делам охранения общественного порядка и безопасности обер-полицмейстер был поставлен в непосредственное подчинение шефу жандармов. На должности губернатора и обер-полицмейстера назначены были новые лица: на первую (на смену действительному статскому советнику Перовскому) — генерал-лейтенант Левашёв, один из друзей графа Шувалова и корифеев аристократической партии, выказавшийся вскоре человеком бессердечным и самодуром; на должность же обер-полицмейстера вместо вялого и простодушного генерал-лейтенанта Анненкова* назначен генерал-майор Свиты

* Родной брат писателя Павла Васильевича Анненкова.

А.А. Суворов

Трепов, выказавший энергию и распорядительность в должностях, которые он занимал в Варшаве при самых трудных обстоятельствах. На место же его начальником III округа Корпуса жандармов (в Царстве Польском), с исправлением и должности генерал-полицмейстера, назначен был генерал-лейтенант Заболоцкий, прежний дежурный генерал 1-й армии, а потом минский губернатор (весьма короткое время). Последний этот выбор нельзя признать удачным*.

---

* Генерал Заболоцкий и не оставался долго на этом месте: 12 июня он был уволен по совершенному расстройству здоровья (вроде паралича).

Князь Александр Аркадьевич Суворов, устраненный от дел, не мог простить графу Шувалову и Валуеву свое удаление. Он разыгрывал роль впавшего «в опалу»; приехав 5 мая в Царское Село откланяться Их Величествам, он зашел ко мне и, дружески обнимаясь, благодарил за то, что я не принимал никакого участия в деле упразднения должности петербургского военного генерал-губернатора. Князь Суворов уехал в свое Новгородское имение Кончанское, известное тем, что здесь же проживал знаменитый дед его во время своей опалы[161]. В письме ко мне оттуда (от 12 мая) он выражал сетование свое по поводу упразднения означенной должности, высказывая мнение, что при тогдашних обстоятельствах не только неблагоразумно было упразднять в столице высокопоставленную административную власть, но что следовало бы даже усилить ее соединением с званием командующего войсками Петербургского округа[162]. На этот раз я не мог не согласиться с мнением князя Суворова, что в столице, даже и при обстоятельствах обыкновенных, должность генерал-губернатора необходима. Присутствие высшей центральной власти нисколько не устраняет необходимости местной власти административной, как и во всяком другом большом городе; непосредственное же подчинение городской полиции министру или шефу жандармов не может быть признано нормальным. Доказательством тому и служит то, что вслед за упразднением должности петербургского генерал-губернатора оказалось нужным преобразить обер-полицмейстера в градоначальника, но и затем встречались на практике частые затруднения, вследствие раздельности властей градоначальника и губернатора. Повторю, что в действительности, упразднение должности генерал-губернатора в столице было вызвано исключительно личными соображениями нового шефа жандармов и министра внутренних дел.

Видимо, возраставшее влияние графа Шувалова и его партии начало внушать опасения всем людям, дорожившим успехами России на пути ее развития; противники же либеральных реформ, очевидно, хотели воспользоваться страхом, наведенным шайкою злонамеренных людей, чтобы остановить дальнейшее движение по тому же пути и по возможности даже поворотить назад. Опасение это волновало меня, как и многих других. Раз, после доклада в Царском Селе (21 мая), я решился, вопреки своему обыкновению, заговорить с Государем о предметах, не касавшихся прямо моей специальной части, но близких к серд-

цу каждого русского, желающего блага своему отечеству. Я высказал при этом, как было бы прискорбно, если б преступные действия небольшой шайки негодяев и увлеченной ими молодежи могли иметь влияние на общий ход дел государственных и вызвать такие меры, которые, подобно некоторым из предлагаемых графом Шуваловым, могут остановить дальнейшие успехи предпринятых славных реформ. Выразив затем мое убеждение, что возникшие у нас в последние годы превратные учения, заразившие, к несчастью, значительную часть нашей молодежи, нельзя искоренить усугублением строгости полицейских мер, а необходимо действовать против них последовательно и систематически улучшениями в администрации и лучшим направлением учебного дела, я просил Государя прочесть составленную в этом смысле записку: «О нигилизме и мерах против него». Записка эта была написана бывшим профессором К.Д. Кавелиным, вследствие одного нашего разговора об этом предмете[163]. Государь, не высказав своего мнения, оставил записку у себя для прочтения, а при следующем моем докладе, возвратил ее мне, сказав только, что «в ней есть много справедливого, но не все», — и далее не вошел в объяснения. Я мог вполне понять, что ему не угодно, чтобы я вмешивался в общие дела, выходящие из специального круга военного ведомства. Недаром же твердили уже давно Государю, что я либерал, демократ, красный и вообще человек опасный. Хотя Государь мог уже достаточно знать мой образ мыслей и мой характер, однако ж доходившие до него беспрестанно наветы должны были все-таки оставить в его мыслях некоторые следы. «Calomniez, calomniez, — il en restera toujour quelque chose»*. По природе своей Государь был подозрителен, притом же я и не скрывал ни пред кем, что принадлежу к числу искренних приверженцев либеральных реформ последнего десятилетия. Во всех случаях, во всех совещаниях я откровенно и настойчиво высказывался в том же смысле с полным убеждением, что иду по законному пути, избранному самою властью верховною. Но 4 апреля 1866 года было крутым поворотом с этого пути; я же не мог переменить своих убеждений и, продолжая твердо идти в прежнем направлении, очутился чуть не один на этой опустелой дороге. Вскоре суждено мне было лишиться и самого надежного, самого близкого мне спутника — моего брата

---

* «Клюйте, клюйте, — что-нибудь да останется» (*фр.*).

Николая. Оппозиция моя против образовавшейся вокруг графа Шувалова сильной партии сделалась почти напрасною. Мне ничего другого не оставалось, как устраниться от дел, прямо до военного ведомства не касающихся, в надежде на новое изменение течения и на лучшее будущее.

С ПОЛОВИНЫ АПРЕЛЯ ДО ПОЛОВИНЫ АВГУСТА

Грустные и важные для России последствия безумного каракозовского выстрела прервали хронологическую последовательность моего рассказа о вседневной жизни в Петербурге. Возвращусь к первым дням после события 4 апреля.

По случаю этого события и предстоявшей 16 апреля серебряной свадьбы Их Величеств прибыли в Петербург королева Вюртембергская Ольга Николаевна и фельдмаршал князь Барятинский. Последний провел в Петербурге короткое время и возвратился в Париж; королева же оставалась до 10 мая. В Петербург приезжало множество лиц из разных мест России для принесения Государю поздравления.

Государь ни в чем не изменил своего образа жизни и не отступал от привычного распределения времени. 14 апреля он осматривал помещения, приготовленные для новых судебных учреждений в одном из зданий Старого Арсенала на Литейной; обойдя все залы, Государь сказал несколько благосклонных слов собравшимся чинам судебного ведомства. 15 же апреля происходил в залах Зимнего дворца осмотр картографических работ военно-топографического ведомства, несколько позже обыкновенного по случаю моей поездки за границу.

16-го числа серебряная свадьба Их Величеств праздновалась семейно, без всякого официального торжества. Только самые близкие лица собрались утром для принесения поздравления. Я был у Государя с обычным докладом, после которого поздравил императрицу. По случаю этого юбилейного дня оказаны были Государем знаки внимания всем лицам, состоявшим при нем 25 лет назад и принимавшим какое-либо участие в совершении брака: фельдмаршал князь Барятинский, князь Вас[илий] Андр[еевич] Долгоруков, граф Александр Влад[имирович] Адлерберг и барон Бруннов, бывший в то время посланником при Дворе великого герцога Гессен-Дармштатского, получили при рескриптах драгоценные табакерки с портретами Их Величеств;

министр почт и телеграфов Иван Матвеевич Толстой возведен в графское достоинство, а генерал-майор Свиты Мердер (служивший теперь по коннозаводству) назначен генерал-адъютантом.

На другой день, 17 апреля, по случаю дня рождения Государя происходил обычный выход во дворце и объявлены разные новые назначения и награды. Кроме упомянутого уже прежде назначения князя Вас[илия] Андр[еевича] Долгорукова обер-камергером, получил в этот же день звание генерал-адъютанта начальник Кубанской области генерал-лейтенант граф Сумароков-Эльстон.

День 17 апреля ознаменовался торжественным открытием, в присутствии министра юстиции, новых судебных учреждений в Петербурге. Несколько дней спустя, по приезде министра в Москву, и там совершены с подобающим торжеством 22 апреля освящение помещений для судебных учреждений в здании бывших департаментов Сената (в Кремле), а на другой день и самое открытие этих учреждений. В обеих столицах общественное мнение приветствовало радостно открытие нового суда, «скорого, правого и милостивого».

21 апреля императорское семейство переселилось в Царское Село. В течение мая месяца последовал целый ряд новых назначений: генерал-адъютант граф Эдуард Трофимович Баранов — рижским генерал-губернатором и командующим войсками Рижского округа; состоявший при особе короля Прусского генерал-адъютант граф Николай Владимирович Адлерберг 3-й — финляндским генерал-губернатором и командующим войсками Финляндского округа на место уволенного от этих должностей генерала от инфантерии барона Рокасовского; место же графа Адлерберга 3-го при короле Прусском занял генерал-майор Свиты граф Голенищев-Кутузов. Свиты генерал-майор Рихтер назначен управляющим делами Императорской Главной квартиры на место уволенного по болезни в продолжительный отпуск генерал-адъютанта графа Иосифа Ламберта. Товарищем нового министра народного просвещения назначен (3 мая) тайный советник И.Д. Делянов (попечитель Петербургского учебного округа), сохранивший за собою и должность директора Императорской публичной библиотеки. 19 мая брат мой Николай назначен главным начальником Собственной Е. В. канцелярии по делам Царства Польского на место статс-секретаря Платонова, назначенного членом Государственного совета. Несколько

позже, 28 мая, директор канцелярии Морского министерства генерал-майор Свиты С.А. Грейг, к общему удивлению, сделался товарищем министра финансов.

В течение мая в Кронштадте снаряжалась для практического плавания в предстоявшее лето великого князя Алексея Александровича эскадра из двух судов: фрегата «Ослябя» и корвета «Витязь», под начальством контр-адмирала Посьета. 24 мая Государь проводил великого князя на Кронштадтский рейд и осмотрел подробно оба судна, а на другой день, 25 мая, эскадра отправилась в море.

В тот же день, 25 мая, Их Величества выехали утром из Царского Села в Москву с Наследником Цесаревичем, великими князьями Владимиром, Сергеем и Павлом Александровичами и великою княжной Марией Александровной. В сопровождавшей их свите находились князь Вас[илий] Андр[еевич] Долгоруков, граф Алекс[андр] Вл[адимирович] Адлерберг и граф Пётр Андр[еевич] Шувалов. На станциях железной дороги, особенно в Твери и Клину, встречали их массы народа восторженными криками; везде подносили хлеб-соль, букеты. Встреча в Москве (куда поезд прибыл уже в 12-м часу ночи) была одушевленнее, чем когда-либо; москвичи как будто старались своим восторженным приветствием изгладить в сердце царя впечатления недавнего прискорбного события.

Так же и на следующий день, 26 мая, московское население всех сословий превзошло само себя в восторженных излияниях чувств везде, где только появлялись Государь и его семейство: при обычном «выходе» во дворце и на Красном крыльце, при шествии в соборы и затем на всем пути от Кремля до места смотра войск на площади пред зданием 1-й и 2-й военных гимназий (бывший Головинский дворец). В оба дня погода была превосходная. Государь остался весьма доволен и войсками на смотру, и оказанным ему приемом; несколько раз изъявлял свое удовольствие представителям дворянства и города. Вечером царская фамилия посетила театр, где шла опера «Жизнь за царя»; здесь новые сильнейшие излияния энтузиазма, при звуках народного гимна, три раза повторенного по требованию публики.

На второй день пребывания своего в Москве, 27 мая, Их Величества принимали утром во дворце разные депутации с хлебом-солью, иконами, адресами. Между прочим, артисты императорских театров поднесли Государю изящно отделанную

икону Св. Александра Невского. После того Их Величества посетили митрополита Филарета, Воспитательный дом, некоторые из женских институтов, а в 5 часов в Александровском зале Кремлевского дворца был парадный обед, к которому были приглашены местные власти и почетнейшие лица города. Вечером царское семейство переехало из Москвы в Ильинское: весь путь Их Величеств был непрерывным рядом восторженных встреч и приветствий; при въезде в село Ильинское крестьяне поднесли хлеб-соль и букеты цветов. В тот же вечер Наследник Цесаревич и великий князь Владимир Александрович выехали из Москвы в Петербург, а 29-го числа отправились в Кронштадт и оттуда на императорской яхте «Штандарт» в Копенгаген.

В Ильинском Государь провел около трех недель; императрица же с младшими детьми оставалась еще несколько долее. Их Величества вели жизнь тихую, уединенную и пользовались по указанию врачей минеральными водами.

16 июня в Ильинском получено по телеграфу из Копенгагена известие о помолвке Наследника Цесаревича Александра Александровича с принцессою Дагмарой, которой не суждено было сделаться подругой покойного цесаревича Николая Александровича. Новость эта 17-го числа была возвещена Петербургу 101 выстрелом с Петропавловской крепости. Получив в тот же день по этому случаю телеграмму от графа Алекс[андра] Вл[адимировича] Адлерберга из Ильинского, я немедленно же поздравил Их Величества по телеграфу и на другой день получил от Государя любезный ответ.

Его Величество приехал 20 июня утром из Ильинского в Петровский дворец и произвел смотр войскам, вновь прибывшим в лагерь на Ходынке, в том числе 35-й пехотной дивизии, которая представлялась на Высочайший смотр в первый раз со времени своего сформирования. Пока последние части этих войск еще проходили церемониальным маршем, Государь вызвал по тревоге прочие войска, стоявшие в лагере, и произвел им общее учение в виде одностороннего маневра.

Простившись с войсками, Государь посетил в Москве некоторые из женских институтов, поклонился образу Иверской Богородицы и к обеду возвратился в Ильинское. На другой день, 21 июня, поздно вечером Его Величество прибыл из Ильинского прямо на станцию Химки Николаевской железной дороги, где

собрались московские власти и многочисленная публика, чтобы еще раз поклониться царю и напутствовать его криками «ура».

В продолжение пребывания Государя в Москве я жил с семьею на Каменном острове, в том же флигеле дворца великой княгини Елены Павловны, который моя семья занимала уже несколько лет сряду. Это летнее местопребывание доставляло мне возможность пользоваться выгодами дачной жизни вместе с семьей, не выезжая из города, где приходилось мне бывать ежедневно по разным служебным обязанностям.

7 июня жена моя отправилась за границу, чтобы провести лето с больною дочерью Ольгой. Я проводил жену до Гатчины вместе с двумя старшими из остававшихся со мною дочерей. 10-го числа жена съехалась в Баден-Бадене с нашею дорогою больной, которая прибыла туда из Ниццы с теткой своей Д.М. Понсэ. Несколько дней спустя (16-го ч[исла]) они все вместе переехали в Гейдельберг для совещания с тогдашнею медицинскою знаменитостью Германии доктором Фридрейхом, который после нескольких исследований больной присоветовал везти ее в Швейцарию, где провести все лето в одной из возвышенных горных местностей на горе Риги (Kaltbad) и попробовать холодные ванны. Совет этот оказался впоследствии диаметрально противоположным тому, чего требовала натура больной. В Кальтбаде здоровье ее не только не поправилось, но, видимо, ухудшилось; постоянные дожди, туман, холод, даже среди лета, заставили наконец жену мою переместить больную в другую, менее возвышенную местность, хотя столь же уединенную, близ озера Люцернского (Seclisberg).

Нужно ли говорить, как эти неблагоприятные известия из Швейцарии отражались на моем душевном настроении.

Возвратившись 22 июня из Ильинского в Царское Село, Государь в тот же день, после обеда, отправился в Красное Село для объезда лагеря. На другой день происходил на «Военном поле» общий смотр всем расположенным в лагере и окрестностях войскам. После смотра Его Величество возвратился в Царское Село, где прожил ровно неделю, до 29-го числа. В продолжение этого времени он побывал еще раз (28-го числа) в Красном Селе по случаю смотра прибывших из Виленского округа

полков 3-й пехотной дивизии, перемещавшейся в Московский округ и бригады 22-й пехотной дивизии.

Прибыв с вечера 29 июня в Петербург и переночевав в Зимнем дворце, Государь на другой день утром ездил на Волково поле и присутствовал на испытании стрельбы в железную броню из вводимой у нас новой береговой 8-дюймовой стальной пушки, а также и некоторых других проектированных орудий для крепостной, осадной и полевой артиллерии. Само собою разумеется, что я сопровождал Его Величество как в этой, так и в других поездках. После смотра на Волковом поле Государь переехал на жительство в Петергоф.

Отсюда Государь ездил 1 и 2 июля в Кронштадт: в первый день собственно для встречи возвратившихся из Копенгагена Наследника Цесаревича и великого князя Владимира Александровича, а на другой день — для смотра фрегата «Дмитрий Донской», возвратившегося из практического плавания с гардемаринами и штурманскими кондукторами. В этой поездке Государя сопровождали на яхте «Александрия» великий князь генерал-адмирал, управляющий Морским министерством генерал-адъютант Краббе и я да еще несколько адмиралов и морских флигель-адъютантов. Несмотря на дождливую погоду, учение на фрегате было исполнено гардемаринами с полным успехом. Поздравив их с производством в офицеры, Государь возвратился в Петергоф.

4 июля туда же прибыла из Ильинского императрица с младшими великими князьями и великою княжной.

Проводя по обыкновению летние месяцы в беспрерывных разъездах для смотров войск и флота, Государь был в то же время озабочен важными вопросами политическими, которые решались в Европе вследствие возгоревшейся войны между Австрией и Пруссией. О ходе этой войны и результатах ее расскажу в особой статье. Любопытство, с которым у нас следили за быстрым ходом военных действий, уступило место некоторому беспокойству насчет последствий, к которым могли вести блестящие успехи прусского оружия.

До самого заключения окончательного мира у нас существовало опасение, что и Россия может быть втянута в войну. Однако ж по военному ведомству не принималось никаких чрезвычайных мер, с одной стороны, дабы избегнуть больших расхо-

дов, которые могли оказаться совершенно напрасными, а с другой — чтобы не встревожить Европу и не усложнить еще более тогдашних политических замешательств.

Здесь будет кстати привести объяснение, данное мною по этому предмету в ответе великому князю Михаилу Николаевичу на одно из его писем, в котором Его Высочество выражал некоторое удивление тому, что по Кавказской армии не делается никаких распоряжений на случай войны:

«Будущность действительно представляется не в розовом цвете, и, конечно, можем и мы быть вовлечены в поток войны, но до сих пор Государь император не изволит еще находить причин к вооружению. Притом наш интерес состоит в том, чтобы как можно долее отсрочить наше вмешательство в европейскую распрю. Чем более выиграем времени, тем лучше успеем приготовиться к войне. Если ж настанет неизбежная необходимость вмешаться и нам в общее европейское дело, то мы должны будем подняться грозно, всеми нашими силами разом. Ставить же на военное положение ту или другую дивизию — значило бы только напрасно тратить деньги, в которых у нас нет избытка, дразнить Европу, обратить на себя подозрения и дать предлог нашим врагам притянуть Россию к общей свалке. При теперешней организации нашей армии не требуется много времени на то, чтобы войска привести *в военный состав*: недели в три или четыре можно укомплектовать всю армию до полной численности, но чтоб эту массу войск одеть, обуть, вооружить в такой же короткий срок, необходимо, чтобы в наших складах было сполна все положенное количество запасных вещей и исправного оружия, а тут-то и слабая наша сторона. Пословица говорит: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Так и наши близорукие финансисты — не дают нам денег, пока нет пред нами неприятельской армии. В продолжение последних лет Военное министерство не могло выпросить нужных сумм на пополнение неприкосновенных запасов. Департамент экономии не находит причин торопиться этим делом и рассрочил заготовление вещей на несколько лет, как будто он имел подписку от Европы в том, что эти годы пройдут мирно и спокойно. Еще замечательнее, что при рассмотрении артиллерийской сметы на нынешний год государственный контролер подал мнение, что нет надобности продолжать в прежнем размере отпуск сумм на изготовление оружия, потому что, по его мнению, у нас уже доста-

Ф.Ф. Берг

точно наделано ружей!!! Теперь же, когда почти вся Европа в огне, когда повсюду только и толкуют об игольчатых ружьях, о громадных армиях, — теперь чуть уже не начинают упрекать нас, зачем у нас нет таких ружей, и находят уже нашу армию недостаточно сильною. Но нет худа без добра: пользуясь настоящими обстоятельствами и настроением умов, я испросил чрезвычайный кредит для немедленного заготовления всех вещей, недостающих в наших запасах, и надеюсь, что к весне в наших складах будет все, что нужно, для мгновенного снаряжения всей армии по военному положению...»*

Около того же времени граф Берг представил Государю записку о нашем военном положении ввиду могущей разразиться

* Письмо от 17 июля 1866 года[164].

войны*. По приказанию Его Величества составлена была в Военном министерстве записка с объяснениями по всем замечаниям главнокомандующего. По многим статьям объяснения министерства были успокоительны, сравнительно с пессимизмом графа Берга, но во многом нельзя было не подтвердить его мнения о неготовности нашей к войне. И мною самим не раз высказывалось опасение, что финансовые наши затруднения, заставляющие рассрочивать на многие годы удовлетворение самых важных и неотлагательных потребностей нашей армии, могут повести к тому, что война застигнет нас врасплох.

Другим ближайшим предметом наших забот в летние месяцы 1866 года было появление и распространение холеры в разных местностях России и в самом Петербурге. На этот раз эпидемия была, по-видимому, занесена к нам уже не прямо из Азии, а чрез Западную Европу, где она свирепствовала еще в предшествовавшем 1865 году. В Южной России она появилась в конце того же года и заметно усилилась в начале 1866 года в некоторых местностях. В Петербурге она появилась с 14 июня 1866 г., но заболеваемость и смертность далеко не были так страшны в этом году, как в прежние холерные эпидемии (1830 и 1848 гг.), может быть, отчасти от того, что холера уже не казалась, как прежде, каким-то стихийным бедствием, а сделалась общеизвестною, исследованною болезнью, против которой приисканы были и предохранительные и врачебные средства. Русская адми-

* Граф Берг, любивший заниматься политикой, еще ранее высказывал опасение, что Россия будет, против собственной воли, вовлечена в войну. Так, в письме от 20 января 1866 года по поводу необходимости сооружения некоторых стратегических железных дорог, он писал: «L'opinion du continent Europeén nous devient plus hostile tous les jours. La France n'a jamais cessé d'être notre ennemi. Le "Times", si influent sur les esprits en Angleterre, évoque contre nous les haines du peuple anglais. Notre presse russe provoque l'animosité des Allemands. La Suéde et la Turquie suivent constament les impulsions de la France. Toutes ces dispositions si hostiles a notre égard nous obligent à être vegilents et a nous préparer à une lutte qui n'est pas imminente, mais qui est possible»[165] (*фр.*). — «Общественное мнение Европейского континента становится с каждым днем все более враждебным по отношению к нам. Франция никогда не переставала быть нашим врагом. Газета "Таймс", влияющая на умы в Англии, вызывает чувство злобы к нам у английского народа. Наша русская пресса провоцирует враждебность немцев. Швеция и Турция постоянно следуют вслед за Францией. Такое положение враждебности по отношению к нам обязывает нас быть бдительными, готовиться к войне, которая не неизбежна, но которая вполне возможна»).

нистрация на этот раз уже не была захвачена врасплох. Распоряжениями учрежденного в Петербурге Особого комитета* принимались заблаговременно меры к устранению тех условий, которые способствуют развитию всякой эпидемии. В этом отношении проявилась со всею энергиею деятельность нового обер-полицмейстера генерал-майора Трепова. Сведения о числе заболевающих холерою и находящихся в больницах ежедневно публиковались. Благодаря принимаемым мерам в городском населении не было заметно [ни] страха, ни тревожного настроения. Сам Государь, приехав 16 июля в Петербург, посетил некоторые больницы, подходил к холерным больным и милостиво разговаривал с ними. Посещение это так же способствовало успокоению столичных жителей.

Эпидемия начала заметно ослабевать только к осени. Холерный комитет был закрыт 9 октября.

17 июля в Царском Селе скончался статс-секретарь действительный тайный советник Александр Сергеевич Танеев, управлявший I отделением Собственной Е. [И.] В. канцелярии. Он пользовался особенным доверием Государя как чиновник идеальной аккуратности и скромности. 21-го числа совершено было погребение его в Александро-Невской лавре. Исправление его должности еще ранее было возложено на его сына, тайного советника Сергея Александровича Танеева, унаследовавшего все свойства своего отца.

Еще с 12 июля начались смотры Государя войскам Красносельского лагеря: в этот день происходили утром и вечером бригадные учения гвардейской пехоте. С 18-го же числа Государь оставался в Красном сряду четыре дня: каждый день производил он учения и смотры утром и вечером. 21-го числа утром во время назначенного по расписанию учения полкам 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии (побригадно) неожиданно вызваны были «по тревоге» все прочие войска Красносельского сбора и произведен общий маневр по непосредственному распоряжению Государя. По окончании этого маневра Его Величество возвратился в Петергоф, где обычным порядком праздновался

* В Петербурге холерный комитет состоял под председательством князя Суворова из следующих лиц: Наследника Цесаревича, генерал-адъютанта барона Фредрихса, барона Бюллера, графа Перовского, генерал-майоров Свиты: Альбединского и Трепова и некоторых еще других лиц.

22-го числа день именин Государыни императрицы, также великой княжны Марии Александровны и великой княгини Марии Николаевны.

24 июля, в воскресение, Государь опять приехал в Красное Село к скачкам и на другой день утром произвел всем войскам Красносельского сбора двусторонний маневр. По окончании маневра Его Величеству была представлена вновь сформированная в виде опыта команда «санитаров» (для переноски раненых на поле сражения и для ухода за ними). В тот же день Государь возвратился в Петергоф, где опять праздновался 27-го числа день рождения императрицы.

В тот же день, 27 июля, происходило в Петергофском дворце торжественное представление Государю прибывшего в Кронштадт за четыре дня пред тем чрезвычайного посольства от Северо-Американского Союза, с поздравлением от имени Вашингтонского конгресса, по случаю счастливого избавления Государя от руки злодея.

Прибытие американской эскадры с чрезвычайным посольством было возвещено заблаговременно, и с половины июня в Кронштадте уже начались приготовления к достойному приему дорогих гостей. С этою целью был составлен особый комитет, под председательством контр-адмирала Лесовского, которого так чествовали в Америке три года тому назад[166]. Никто не мог лучше Степана Степановича придумать, чем и как угостить американских гостей, что может наиболее доставить им удовольствия, а вместе с тем выказать им наглядно сочувствие, питаемое всею Россией к дружественной нации, откликнувшейся так сердечно на общий голос русского народа по случаю события 4 апреля.

После долгого ожидания американской эскадры наконец 22 июля получено было известие о прибытии ее в Гельсингфорс. Тогда броненосная наша эскадра под начальством контр-адмирала Лихачёва, стоявшего в Транзунде, выступила навстречу американским судам и проводила их до Кронштадтского рейда. Здесь 23-го числа утром американское посольство было встречено контр-адмиралом Лесовским с прочими членами комитета; множество пароходов и шлюпок, расцвеченных флагами, вышли на рейд для приветствования гостей; на кронштадтских набережных теснились толпы народа.

Во главе посольства прибыл капитан Фокс, занимавший пост товарища Государственного секретаря по иностранным делам. При нем состояли два гражданина республики в качестве ассистентов. Эскадра состояла из монитора «Миантономо» и парохода «Augusta». Начальствовал эскадрою командор Муррей, а капитаном монитора был командор Бомон.

Капитан Фокс в самый день своего прибытия на Кронштадтский рейд отправился в Петербург, чтобы на другой день представиться вице-канцлеру и испросить назначение аудиенции у Государя. Эскадра же американская, оставаясь на Кронштадтском рейде, привлекала на себя любопытство и внимание не только наших моряков, но и петербургской публики. Американский монитор представлял в то время совершенно новый тип в деле военного судостроения. «Миантономо» имел до 260 футов длины при 54 футах ширины, и корпус его едва выступал над поверхностью воды; борты и палуба были покрыты железною броней, а над палубой возвышались две башни, вооруженные каждая двумя орудиями 15-дюймового калибра, вращавшиеся посредством пара. Движение судну давалось двумя винтами. Сверху палубы во всю ее длину была устроена платформа вроде моста, что придавало судну какой-то странный, фантастический вид. «Миантономо» переплыл океан совершенно благополучно; по словам американских офицеров, они почти не чувствовали качки в самую свежую погоду. Во всех европейских портах, куда заходила американская эскадра, моряки разных наций с любопытством осматривали новый тип военного судна, о котором слышались между ними самые разнообразные мнения[167].

Поэтому неудивительно, что американская эскадра и у нас сделалась предметом общего любопытства, независимо от тогдашнего патриотического возбуждения в среде русской публики, желавшей при всяком случае выказать свое сочувствие заатлантическим нашим друзьям. Во все время стоянки американской эскадры в Кронштадте ее беспрерывно посещали петербургские жители, приезжавшие в большом числе на пароходах, специально для того отправлявшихся с петербургских набережных. Все посетители эскадры отдавали справедливость примерной учтивости и терпеливости, с которыми американские моряки, принимали многочисленных любопытных и объясняли каждому устройство диковинного судна.

Между тем Кронштадтский комитет усердно исполнял возложенное на него поручение — угощать приезжих гостей. 26 июля все офицеры американской эскадры были приглашены на завтрак в Кронштадтском морском собрании, устроенный с тою целью, чтобы доставить американцам случай познакомиться и сойтиться с нашими моряками. Завтрак этот, хотя и не имел официального характера, был первым актом целого ряда последовавших затем угощений и пиров в честь американского посольства. И тут не забыты были американские флаги вперемешку с русскими и американский народный гимн «Hail Columbia», которым сопровождались безусловно все встречи и приемы американских гостей. После завтрака они осматривали Кронштадт и гуляли в Летнем саду, где играла музыка.

На другой день, 27-го числа, как уже сказано, посольство прибыло в Петергоф и было принято Государем в присутствии вице-канцлера и американского посланника генерала Клея. Капитан Фокс вручил Государю поздравительный адрес, вотированный Вашингтонским конгрессом по случаю покушения 4 апреля, и произнес речь, в которой он, упомянув о давнишних связях великой американской республики с великою империею, прибавил, что «сочувственные и дружественные слова, обращенные к вашингтонскому правительству от имени российского императора в бедственную эпоху смут, возникших в Северо-Американском Союзе, навеки начертаны в памяти благодарного народа...» Далее в своей речи Фокс выразил сочувствие американцев к царю-освободителю многих миллионов подданных и радость их тому, что Провидение, отвратив угрожавшую Его Величеству опасность от руки злодея, предохранило русский народ от того удара, который так еще недавно постиг народ американский... Оратор, конечно, подразумевал тут совершившееся в прошлом году убийство президента Линкольна.

Государь отвечал американскому чрезвычайному послу несколькими теплыми словами, после чего обратился к другим лицам посольства и к морским офицерам, беседовал с каждым из них и заявил свое желание посетить американскую эскадру. Затем посольство и офицеры были приглашены к завтраку, осматривали дворец, сады петергофские с их великолепными водометами, посетили жившего в Петергофе Комисарова, обедали за «министерским» столом в Большом дворце, а вечером отправились в Петербург и катались по аллеям Елагина острова, где

в тот день по случаю рождения императрицы было народное гулянние с фейерверком.

28 июля американскую эскадру посетил сам Государь в сопровождении Наследника Цесаревича, великих князей Владимира Александровича и Николая Николаевича, принца Петра Георгиевича Ольденбургского и многочисленной свиты, в которой и я находился*. Императорская яхта «Александрия» подошла прежде всего к американскому монитору, на котором Государь был встречен со всеми подобающими почестями. Осмотрев подробно это судно, Его Величество перешел потом на американский пароход, который также осматривал во всех частях, затем пригласил капитана Фокса и старших американских морских офицеров присутствовать при осмотре Государем русского фрегата «Не тронь меня», на котором было произведено учение, а затем форта «Павел I». Войдя во двор этого форта, Государь совершенно неожиданно дал приказание вооружить одну из батарей; приказание было исполнено в самое короткое время на глазах Государя; несколько орудий больших калибров, лежавших на пристани, были установлены в каземате форта и приготовились к боевой стрельбе. По приказанию Государя немедленно же была открыта пальба одновременно с двух фортов — «Павел I» и «Александр I», на которых незадолго пред тем были установлены аппараты для сосредоточенной стрельбы по подвижной цели. Результаты стрельбы оказались вполне удовлетворительными.

С форта «Павел [I]» Государь, распростившись с американцами, возвратился в Петергоф, а Фокс со своею свитой и все офицеры американской эскадры отправились в Кронштадт, где устроен был в честь их торжественный обед в Морском собрании. В числе приглашенных на этот обед находился и Комисаров, которому американцы оказывали особенное внимание. Капитан американского монитора пригласил его на эскадру и принял его с почестями; экипаж судна даже приветствовал его криком «ура».

30 июля назначен был приезд американцев в Петербург; город был извещен об этом объявлением от полиции; масса народа собралась на Английской набережной для встречи заатлан-

* Великий князь Константин Николаевич в то время был в отсутствии: он отправился с сыном, великим князем Николаем Константиновиием, в Черное море и 27 числа находился в Киеве.

тических гостей. В течение дня американцы осматривали достопримечательности города, делали визиты, а к вечеру были приглашены в яхт-клуб, где приготовлен был для них блестящий праздник. Гребные суда клуба, разукрашенные флагами, встретили гостей у набережной Каменного острова и привезли их торжественно к помещению клуба на берегу Крестовского острова, при устье Средней Невки. Берега островов были усеяны народом, везде развевались американские флаги, хоры музыки приветствовали американским гимном «Hail Columbia». При выходе Фокса на берег у помещения яхт-клуба его встретили члены клуба, управляющий Морским министерством генерал-адъютант Краббе и многие другие адмиралы. В числе приглашенных были и многие дамы. Американцам предложено было принять участие в закладке новой яхты особого устройства, которой дано было наименование «Фокс». С наступлением темноты загорелись везде разноцветные огоньки на берегах и на воде, а затем начались танцы, продолжавшиеся до глубокой ночи. За ужином, под раскинутым шатром, произнесены были бесчисленные речи с тостами и восторженными возгласами «ура». Гости разъехались в 3-м часу ночи.

В Петергофе 30 июля Государь осматривал учебные работы, производимые сводною саперною бригадой, на северном скате Бабигона, у деревеньки Сашино. Тесная местность, отведенная для этих работ, была уже вся изрыта, так что не было возможности дать работам такое развитие, какое требовалось современным состоянием инженерного искусства, поэтому уже в то время изыскивались средства к перенесению на другое, более удобное место и саперного лагеря, и практических саперных работ.

В тот же день, 20-го числа, великие князья Сергей и Павел Александровичи выехали из Петергофа на Москву и далее в Крым, где они должны были, по совету врачей, провести осеннее время.

1 августа утром в Петергофе происходила обычная церемония водосвятия, с участием частей войск, там расположенных (резервных эскадронов полков лейб-гвардии Конного, Кирасирского Ее Величества и Конно-гренадерского и Уланского), а вечером Государь отправился в Красное Село по случаю начавшихся в этот день больших маневров.

С вечера расставлены были аванпосты обоих предполагавшихся противников между Красным Селом и Лиговом. Южным отрядом, наступавшим будто бы от Луги на Петербург и занявшим Красное Село, командовал генерал-адъютант барон Бистром, а северным, отступавшим к Лигову, — генерал-адъютант князь Голицын. Государь с императрицей, великой княжной Марией Александровной и некоторыми придворными дамами прибыли по железной дороге из Петергофа на Лиговскую станцию, где встречены были командующим войсками Петербургского округа великим князем Николаем Николаевичем с начальниками частей войск и многочисленною свитой. Объехав войска, расположенные биваком у Лиговских прудов, Их Величества остановились у бивака Преображенского полка, которым в то время командовал Наследник Цесаревич; одною же из рот полка командовал великий князь Владимир Александрович.

Маневры продолжались три дня сряду (2, 3 и 4 августа). В первый день действия происходили между Красным Селом и речкою Пудостью. Согласно предположенному ходу маневров, южный отряд отошел с боем к Скворицам (на р. Пудости), а северный, наступая по Гатчинской дороге, занял Елизаветину мызу, где была раскинута царская палатка. Здесь Государь и вся свита его переночевали со 2-го на 3-е число, а на следующее утро возобновилось наступление северного отряда, который к вечеру занял с боя Гатчину, оттеснив противника за Колпинскую кирку. Их Величества со всею свитою переехали в Гатчину, где и ночевали. Предполагалось, что в это время южный отряд получил подкрепления, которые дали ему возможность перейти в наступление. Поэтому в последний день маневров, 4-го числа, действия перенеслись обратно к Красному Селу и заключились общим боем на знакомом «Военном поле».

На этот последний день маневров приглашены были многие иностранцы, в том числе прибывший с чрезвычайным поручением от короля Вильгельма прусский генерал Мантейфель и американцы: Фокс, Муррей и Бомон. Во время маневра Государь не раз обращался к ним с обычною своею приветливостью, а по окончании маневра они были приглашены к общему столу в Красносельском бараке, так называемой столовой палатке.

Празднества в честь американцев продолжались без перерыва. Каждый день они осматривали достопримечательности Пе-

тербурга и окрестностей. 1 августа они ездили в Царское Село, где чествовал их управлявший Царскосельским дворцовым правлением генерал-адъютант Гогель; на другой день утром кронштадтская Дума угощала матросов американской эскадры обедом в кронштадтском Летнем саду. 3 августа дан был американцам обед петербургским Купеческим собранием, а 5-го числа — обед в летнем помещении Благородного Собрания у Строгонова сада и т. д. Все эти банкеты сопровождались множеством речей на тему о братской дружбе двух наций, бесконечными тостами и криками «ура», при звуках американского народного гимна. Гости не могли пожаловаться на недостаток дружественных излияний со стороны хозяев, но можно было опасаться, что это бесконечное повторение одних и тех же оваций, одних и тех же мотивов в застольном красноречии наконец наскучит гостям и утомит их. А сколько еще предстояло им испытать впереди!

5 августа утром явилась к капитану Фоксу депутация от Петербургской городской думы, которая в заседании 3-го числа постановила поднести американскому чрезвычайному послу звание почетного гражданина русского столичного города. Во главе депутации был гласный Думы статс-секретарь Андрей Парфёнович Заблоцкий-Десятовский, который при поднесении Фоксу диплома от лица всего городского общества произнес соответствующую речь. В ответной своей речи новый почетный гражданин Петербурга выразил благодарность за оказанное в лице его внимание ко всей нации Северо-Американского Союза.

Московское городское общество прислало в Петербург депутацию с приглашением американского посольства посетить и первопрестольную столицу.

6 августа Государь снова приехал в Красное Село по случаю праздника Преображенского полка и гвардейской артиллерии. Утром после обедни и церковного парада в лагере по обыкновению происходил под лагерными навесами обед нижних чинов, а позже к царскому обеду в Красном Селе были приглашены как наличные офицеры полка и артиллерии, так и все съехавшиеся на праздник лица, когда-либо прежде служившие в этих частях. Вечером Государь и все великие князья опять посетили лагерь, где устроены были разные забавы для солдат, с лотереею, песнями и пляской, а потом иллюминация, фейерверк и ужин. По случаю этого праздника командир полка генерал-майор Свиты

князь Барятинский (Анатолий Иванович) был назначен генерал-адъютантом, а командир роты Его Величества князь Оболенский — флигель-адъютантом.

На другой день, 7-го числа, в воскресение, американское посольство и старшие офицеры эскадры были приглашены в Петергоф для представления императрице в Большом дворце после обедни. Между тем остальные морские офицеры американской эскадры ездили на скачки в Царское Село. На 8-е же число снова американцы были приглашены в Красное Село, где в то утро происходил общий смотр войскам, обыкновенно заканчивавший лагерный сбор. По окончании парада выпускные воспитанники всех петербургских военных училищ по заведенному порядку были собраны к подножию «Царского валика», и здесь Государь поздравил их с производством в офицеры.

9 августа Государь ездил в Кронштадт в сопровождении великого князя Николая Николаевича и многочисленной свиты, в которой, кроме управляющего Морским министерством генерал-адъютанта Краббе и меня, находились генерал-адъютант Тотлебен и некоторые из старших морских чинов. Государя сопровождали также приглашенные иностранные гости: прусский генерал Мантейфель, американский посол Фокс и оба командира американских судов. Прибыв на яхте «Александрия» на Кронштадтский рейд, Государь первоначально посетил возвратившийся с Восточного океана транспорт «Гиляк» и суда, вновь отправлявшиеся в дальнее плавание: корвет «Гриден», клипер «Всадник» и лодку «Горностай». Осмотрев эти суда, Его Величество возвратился на яхту «Александрия». По сигналам с яхты один из наших мониторов «Лава» произвел маневр примерной атаки лодки «Смерч», после чего яхта подошла к форту «Константин», на котором в то время начаты были работы по устройству броневого бруствера. Затем Государь вышел на берег на Петровской пристани, осмотрел пароходный завод морского ведомства, новые доки и, проехав чрез весь город, посетил на Северном фарватере батарею № 10, откуда прямо возвратился в Петергоф.

10 августа в Петергофском дворце дан был большой парадный обед в честь американского посольства. Кроме Фокса и Клея, приглашены были и некоторые из их секретарей и старшие морские офицеры. На пристани ожидали их придворные парадные кареты. На обеде присутствовало, кроме всей почти

царской фамилии, много высших чинов, придворных дам; играла музыка, а в конце обеда Государь провозгласил тост: «За благоденствие Северо-Американских Штатов и за упрочение дружественных отношений между обеими странами». Вечер американцы провели на бале, данном с благотворительною целью в так называемом Английском дворце[168] (в Английском парке). Они усердно танцевали и, по-видимому, не тяготились беспрерывными приглашениями и чествованиями. С бала отвезли их опять в придворных каретах в приготовленные для них помещения в дворцовых флигелях, где они переночевали, а на следующее утро отправились в Петербург, откуда с отходившим в тот день (11 августа) почтовым поездом Николаевской железной дороги выехали в Москву. В поезде было всего 20 американцев в сопровождении 12 русских, в том числе контр-адмиралов Лесовского и Горковенко.

ВОЙНА АВСТРО-ПРУССКАЯ

В течение апреля и мая вся Европа находилась в тревожном ожидании решения вопроса: чем кончатся возникшие между Австрией и Пруссией недоразумения? Вооружения Пруссии шли с такою быстротой, что к концу апреля уже вся армия была мобилизована. В Австрии же военные силы далеко не были еще в такой готовности; войска только еще стягивались: одни — к северу, в Богемию и Моравию, другие — к югу, к границам Италии.

Германия была крайне озабочена этими грозными приготовлениями к войне. В заседании 27 апреля / 9 мая Франкфуртского сейма, по предложению представителя королевства Саксонского, постановлено было значительным большинством голосов потребовать от прусского правительства категорическое объяснение предпринятых им вооружений и пригласить его следовать в точности 11-й статье Федерального акта, положительно гласящей, что члены Союза обязываются не начинать ни под каким предлогом войны между собою, а в случае несогласий обращаться к разбору дела федеральным сеймом. Постановление это произвело сильное раздражение в Берлинском кабинете, признавшем его за явное выражение несочувствия к прусской политике со стороны большей части германских государств. Граф Бисмарк грозил, что Пруссия готова совсем выйти из состава Союза.

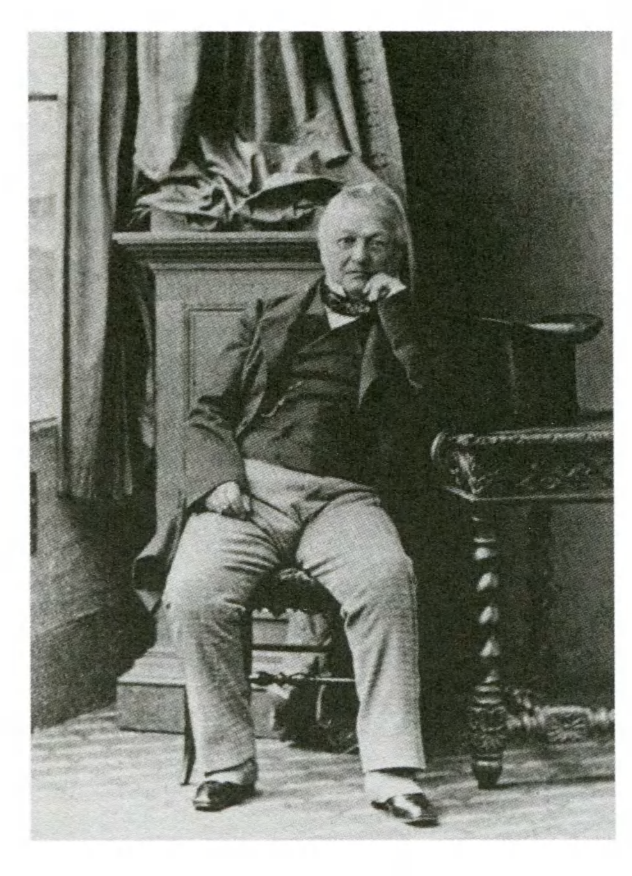
Петербургский и Лондонский кабинеты всячески старались предотвратить войну и предлагали обсудить спорные вопросы в Европейском конгрессе. Император Александр II обращался одновременно к императору Францу Иосифу и к королю Вильгельму собственноручными письмами, в которых убеждал их не доводить дело до войны[169]. Князь Горчаков объявил, что, если все усилия сохранить мир останутся безуспешными, то Государь твердо намерен держаться совершенно беспристрастно в отношении к обеим воюющим сторонам и ограничиться охранением собственно русских интересов. Несмотря на такое категорическое заявление, распущен был в печати слух о том, будто Россия собирает большие силы на границах Австрии.

В заседании английского парламента 26 апреля / 8 мая лорд Кларендон с прискорбием заявил о малых надеждах на мирное решение возникших осложнений политических и вместе с тем о твердом намерении Лондонского кабинета не вмешиваться в германскую распрю. Во Франции же готовившийся разрыв между Австрией и Пруссией произвел сильное возбуждение. В Палатах делались правительству запросы по поводу насильственного и незаконного образа действий пруссаков в Шлезвиге. В заседании Законодательного собрания 21 апреля / 3 мая сильное впечатление произвела мастерская речь Тьера, который доказывал, что со стороны Франции великою будет ошибкою оставаться равнодушною свидетельницей готовящейся в Германии борьбы и что следует, по крайней мере, воспрепятствовать Италии действовать заодно с Пруссией. Но совет этот не был послушан. Парижский кабинет заявил намерение оставаться нейтральным, не стесняя, однако же, чем-либо свою свободу действий в будущем.

Вслед за тем император Наполеон III, предприняв поездку в Окзер (Auxerre), произнес там речь, наделавшую много шума: благодаря местное население за неизменную его преданность императорской династии, Наполеон выразил, между прочим, что он унаследовал от своего дяди Наполеона I ненависть к трактатам 1815 года*. Слова эти возбудили в народе уверенность, что Наполеон воспользуется ожидаемыми в Средней Европе усложнениями, чтобы разорвать унизительные для Франции трак-

---

* «Je déteste comme lui ces traités» (*фр.*). — «Я ненавижу, как и он, эти трактаты».



А. Тьер

таты и тем загладить неудачи, испытанные французскою политикою в последнее время, особенно же печальный результат Мексиканской экспедиции.

Окзерская речь произвела в дипломатии чуть не большую еще тревогу, чем колоссальные вооружения Пруссии. Вся Европа в то время следила с крайним недоверием за каждым словом Наполеона III; ему приписывали самые баснословные замыслы и все смуты, какие происходили где-либо в целом свете. Наш вице-канцлер в одной своей записке ко мне в то время выразился так: «Политический горизонт мрачен и темнеет даже на Востоке. Вся беда от сфинкса, что на Сене. Без него не было бы и Бисмарка. Франция найдет деньги для всяких неистовств...»[170] Как бы в подтверждение толков о новых замыслах Наполеона, в Париже, в книжных лавках появилась карта Европы с каким-то

фантастическим разграничением государств. В печати и в общественном говоре придумывались разные способы, чтоб уладить к общему удовольствию спорные политические дела. Толковали, что Австрия уступит Италии Венецианскую область, а Пруссия получит герцогства Шлезвиг и Гольштейн; в вознаграждение же Австрии кто указывал на Прусскую Силезию, кто на Боснию и Герцеговину, наконец, в пользу Франции назначали или остров Сардинию, или герцогство Люксембургское и даже германские области на левой стороне Рейна. Все эти толки были, конечно, голословные, но замечательно, что тогда уже как бы предрекали поползновение Австрии на Боснию и Герцеговину, а Франции приписывались виды на Люксембург[171], который действительно чрез несколько месяцев позже чуть было не сделался поводом к разрыву между Францией и Пруссией.

Весь май прошел в дипломатической переписке между кабинетами Лондонским, Парижским и Петербургским о созвании конгресса. Предполагалось, что в нем будут участвовать министры иностранных дел, что улыбалось нашему вице-канцлеру, у которого любимою мечтой давно уже было блеснуть своим красноречием в Европейском конгрессе. При одной встрече моей с ним во дворце князь Горчаков по секрету просил меня подготовить данные на тот случай, если б обстоятельства так сложились, что мы могли бы заявить свое желание изменить западную нашу границу с большею или меньшею для себя выгодою. Подобное дело требовало, конечно, безусловной тайны, и потому я занялся им лично и сделал расчеты на несколько вариантов, задавшись главною целью — освободиться от невыгодного нашего положения в Царстве Польском обменом части его на Галицию. Но работа эта осталась под спудом; обстоятельства не оправдали ожиданий князя Горчакова, и потом не было уже и речи о них.

Формальное предложение о созвании конгресса было заявлено 16/28 мая Австрии, Пруссии, Италии и Германскому Союзу тождественными нотами от имени России, Франции и Англии. Франкфуртский сейм немедленно же принял предложение и назначил своим уполномоченным баварского министра иностранных дел фон-дер Пфордтена. Пруссия и Италия также согласились, но с тем расчетом, что конгресс все-таки не состоится за отказом со стороны Австрии. И действительно, венский Двор поставил условием своего согласия, чтобы конгресс не касался

ни вопроса об уступке Венецианской области, ни внутреннего устройства Германского Союза. Такая оговорка была равносильна отказу; очевидно, конгресс не мог состояться на таком условии — и в конце мая всякая надежда на мирное улажение дел окончательно рушилась.

В последних числах мая (25—30 мая / 6—11 июня) прусские войска под начальством генерала Мантейфеля вступили в Гольштинию и, вопреки протесту австрийского комиссара генерала Габленца (31 мая / 12 июня), заняли важнейшие пункты страны, разогнали депутатов, созванных австрийскими властями в собрание гольштинских чинов, арестовали некоторых из них и начали вводить свое управление. Обер-президентом в обоих герцогствах назначен был барон Шёль-Плесен. Австрийские войска по своей малочисленности вынуждены были без сопротивления отступить к Альтоне и потом перейти на левую сторону Эльбы.

В оправдание насильственных и самовольных действий Пруссии в герцогствах граф Бисмарк не погнушался прибегнуть к самой недобросовестной казуистике. В гамбургскую газету прислано было из Берлина (27 мая / 8 июня) официальное заявление такого рода: Австрия, по признанию прусского правительства, имела право на основании Гаштейнской конвенции созвать собрание гольштинских чинов, но так как она сочла нужным предварительно внести это распоряжение свое на обсуждение в федеральный сейм, то значит, она сама признала означенную конвенцию несуществующею, что по мнению графа Бисмарка, дает и Пруссии полное право не стесняться этим договором.

В то же время в прусской официальной газете (Staatsanzeiger) от 29 мая / 10 июня появилось разъяснение обнародованного за несколько дней пред тем (17/29 мая) прусского проекта реформы Германского Союза. Высказав свои доводы о необходимости для обеспечения Германии более твердой связи между составными частями Союза и полного единства в управлении военными силами его, официальная газета приписала Венскому кабинету всю вину оставления без последствий предложенного в этом смысле прусского проекта.

Однако ж Франкфуртский сейм признал действия прусского правительства в герцогствах совершенно незаконными, нарушением как общего Федерального акта, так и заключенных в последнее время частных договоров. В заседании 2/14 июня сеймом постановлено привести всю союзную армию на военное положе-

ние и нейтрализировать союзные крепости Майнц и Раштадт, с выводом оттуда австрийских и прусских войск.

Постановление это было принято Пруссией за объявление войны от имени Германского Союза. Представитель Пруссии в сейме Савиньи оставил залу заседания. Еще накануне, 1/13 июня, прусский посланник при венском Дворе барон Вертер выехал из Вены, а австрийский, граф Кароли, — из Берлина. 3/15 июня последовало со стороны Пруссии объявление войны королевствам Саксонскому, Ганноверскому и курфюрсту Гессен-Касельскому; в тот же день прусские войска вступили в ганноверские владения, заняв на левой стороне Эльбы городок Гаарбург. Географическое положение Ганновера и Гессен-Каселя, занимавших промежуток между разобщенными половинами прусской территории, представляло особенную важность для Пруссии; с другой стороны, оно было не менее важно и для Австрии, для свободного отступления вытесненных из Гольштинии австрийских войск. Король Георг V так же, как и курфюрст Гессен-Касельский, открыто заявили себя противниками Пруссии и, выехав из своих владений, вывезли все, что представляло особенную ценность или государственное значение.

4/16 июня королем Прусским объявлен манифест о расторжении Германского Союза, а на другой день, 5/17-го числа, генерал Мантейфель занял самую столицу королевства Ганноверского. С другой стороны, прусские войска вступили в королевство Саксонское и 6/18-го числа заняли Дрезден. Саксонская армия отступила в Богемию. В тот же день пруссаки вступили в Касель, а королем Итальянским объявлена война Австрии и Баварии.

Почти одновременно появились манифесты о войне императора Австрийского и короля Прусского. В манифесте Франца Иосифа (5/17 июня) изложен весь ход дел, приведших к разрыву с Пруссией; наглядно выставлялся ряд неправых действий Пруссии, которая как бы искала разрыва и, выставляя себя защитницею Германского Союза, вместо того расторгла его. Она явно доказала, что предпочитает насилие праву. Император Франц Иосиф выражал свое прискорбие о том, что разрыв с Пруссией прервал в самом начале предпринятое дело внутреннего устроения империи Австрийской, и при этом высказывал твердое свое намерение по миновании угрожающей опасности осуществить благие свои виды, клонившиеся к обеспечению свободного развития всех подвластных ему народов. Вынужденный теперь

взяться за оружие, император считал долгом не покидать меча до тех пор, пока не будут восстановлены законные права Австрии и ее союзников.

Со своей стороны, прусский король в манифесте 7/19 июня слагал всю вину возникшего разрыва на Австрию, которая, по выражению короля, «не хочет забыть, что ее монархи некогда властвовали над всею Германиею, не хочет смотреть на Пруссию как на естественную свою союзницу, а видит в ней только соперницу». Можно было бы принять за иронию то место манифеста, где выражаются притворные жалобы на то, что Австрия, а вместе с нею и многие другие германские государства постоянно стремятся к ослаблению, уничижению и опозорению Пруссии. И кто же это говорит? Глава того государства, которое не останавливалось ни пред трактатами, ни пред самыми основными началами справедливости и правды, чтобы достигнуть своих честолюбивых целей. Достаточно сопоставить оба манифеста, чтобы убедиться в том, на которую сторону должна пасть ответственность за возникшую войну. При всем несочувствии к Австрии и к ее традиционной политике, нельзя говорить о поводах к этой войне, не вспомнив басни о волке и овце.

Таким образом, в начале июня разразилась война в самом средоточии Европы, и военные действия открылись одновременно на нескольких театрах: Австрия собрала две армии: одну — на севере, против прусских войск, под начальством фельдцейхмейстера Бенедека; другую — в Венецианской области и Южном Тироле, под начальством эрцгерцога Альбрехта. Баварская армия сосредоточилась под начальством баварского принца Карла. С другой стороны, Пруссия выставила против Австрии две армии: первая, из четырех корпусов (2-й, 4-й, 7-й и 8-й) под начальством принца Фридриха Карла, собранная на границах Саксонии, была направлена в Богемию с севера; вторая, из трех корпусов (1-й, 5-й и 6-й) под начальством наследного принца Прусского двинулась также в Богемию со стороны Силезии. В резерве остались два корпуса (гвардейский и 3-й). Высшее начальство над всеми действующими войсками принял на себя сам король Вильгельм. Кроме того, особая армия под начальством генерала Мантейфеля, занявшая первоначально ганноверские и гессен-касельские владения, имела назначением действовать против войск Германского Союза.

Л. Бенедек

Итальянская армия была разделена рекою По на две части, которые должны были соединиться по переходе одной части чрез р. Минчио, а другой чрез р. По в ее низовьях. Сам король Виктор Эмануэль прибыл к армии в сопровождении генерала Ламармора, вместо которого президентство в кабинете временно возложено было на Рикасоли. Военными действиями непосредственно распоряжался Ламармора. Гарибальди поспешил с острова Капреры в Комо, где формировались под его начальством отряды волонтеров, назначавшиеся для вторжения в Южный Тироль. Наконец, флот итальянский под начальством адмирала Персано двинулся к берегам Истрии и Далмации.

Кабинеты Парижский, Лондонский и Петербургский, ввиду безуспешного исхода всех своих стараний отвратить бедствия войны, снова подтвердили заявление о своем намерении оставаться нейтральными. Но при этом император французов счел нужным высказать в рескрипте на имя министра иностранных дел Друэнь-де-Люис от 1/13 июня свои виды и соображения по поводу начавшейся войны. В этом документе Наполеон III заявлял о своем бескорыстном и даже сочувственном отношении к интересам обеих сторон в решении спорных вопросов как относительно довершения единства Итальянского королевства, так и усиления федеративной связи Германии, но при этом ставил условием, чтоб Австрия сохранила свое значение в составе Союза Германского и в общей политической системе Европы. По выражению императора, «Франция будет взирать спокойно на эти перемены и не сочтет нужным обнажить свой меч»; она не ищет никаких для себя территориальных приобретений, *пока* не будет нарушено европейское равновесие. В рескрипте даже прямо выговаривалось право Франции на расширение своих пределов в том случае, если карта Европы подверглась бы изменению к выгоде исключительно одной из великих держав. Знаменательное это заявление видов Наполеона III было прочитано в Законодательном собрании и принято им с выражением одобрения.

Впоследствии увидим, в какой степени были искренни и правдивы громкие фразы Наполеона о миролюбии и бескорыстии.

С первых чисел июня у нас в Петербурге так же, как и во всей Европе, все внимание правительства и общества обратилось на ход начавшихся военных действий. В главные квартиры воюющих сторон командированы были по примеру других нейтральных государств русские офицеры Генерального штаба: в прусскую — полковник Драгомиров, в итальянскую — полковник Аничков. При австрийской состоял наш военный агент в Вене генерал-майор барон Торнау. Кроме того, в прусскую армию назначен был от гвардейской артиллерии поручик Доппельмайер. Но кампания разыгралась с такою изумительною быстротой, что командированные офицеры едва успели принять участие лишь в последних действиях. Никто не мог ожидать, что судьба войны разрешится в такой короткий срок.

11/23 июня прусские войска вступают без сопротивления в Богемию чрез Цитау, а итальянские переходят чрез Минчио. 12/24 происходит сражение при Кустоце: эрцгерцог Альбрехт,

предупредив предположенное соединение обеих частей итальянской армии, наносит ей такое поражение, что она принуждена отступить обратно за Минчио. 15/27 на границе Богемии австрийцы опрокинуты у Траутенау и отброшены к Йозефштадту, 16/28 и 17/29 ганноверские войска окружены прусскими и кладут оружие; 18/30, в день прибытия к армии (в Рейхенберг) короля Вильгельма с генералом Мольтке, главная австрийская армия отброшена к Кёнигсгрецу, а 21 июня / 3 июля — полная победа пруссаков под Садовой. Армия Бенедека — в полном отступлении; в руках победителя осталось до 20 тыс. пленных и множество трофеев. Прусская армия, лично предводимая королем, наступает победоносно к Ольмюцу и Брюну.

Таким образом, не прошло и трех недель с объявления войны, как уже Австрия и Германия поставлены в невозможность продолжать борьбу. Успех, одержанный австрийцами в Италии, так же, как и поражение, нанесенное адмиралом Тегетгофом итальянской эскадре при остр[ове] Лисса, не могли уже поправить дела, и 23 июня / 5 июля император Франц Иосиф решился обратиться к Наполеону III телеграммой с просьбой принять на себя посредничество для заключения перемирия, а затем и предварительных условий мира. При этом император Австрийский собственною своею инициативой заявил готовность уступить Венецианскую область, предоставив ее в распоряжение императора французов.

Наполеон III принял на себя посредничество и для ускорения переговоров немедленно же отправил принца Наполеона к королю Виктору Эмануэлю, а генерала Форэ — в Главную квартиру прусской армии, куда приказано было отправиться и посланнику французскому в Берлине Бенедетти. Короли Прусский и Итальянский изъявили согласие на посредничество французского императора, но первым непременным условием со стороны Пруссии было поставлено — совершенное устранение Австрии из Германского Союза и присоединение Венецианской области к Италии. 29 июня / 11 июля принц Рейсс послан из Главной квартиры короля Вильгельма (в Цвитаве) с письмом к Наполеону.

Несмотря на поспешность, с которою велись переговоры о перемирии, большею частию по телеграфу, прусские войска, продолжая быстро наступать, оттеснили австрийскую армию за Брюн и угрожали самой Вене, откуда вывозились уже в крепость Коморн все ценности и государственные архивы. На другом те-

атре действий генерал Мантейфель наносил удар за ударом войскам Германского Союза. 30 июня / 12 июля баварцы понесли поражение при Кисингене, а 3/15 июля — при Ашафенбурге и очистили Франкфурт, откуда сейм поспешил переместиться в Аугсбург. 4/16 июля пруссаки вступили во Франкфурт и выместили на этом городе всю злобу свою на сейм. Богатый город банкиров застонал от наложенной на него непомерной контрибуции. В то же время итальянские войска под начальством генерала Чиалдини снова перешли чрез Минчио, заняли Виченцу и Падую и двигались к Венеции.

Тревога распространилась в самой Вене, где общественное мнение было сильно возбуждено против министерства графа Белькреди. В Венгрии начались волнения. Французский посланник при венском Дворе посылал одну за другою телеграммы в Париж, умоляя ускорить ход переговоров, дабы остановить быстро приближавшегося победителя. Со своей стороны, Бенедетти ездил то в Главную квартиру короля Вильгельма, то в Вену, чтобы ускорить соглашение. Но посредничество французское не только не облегчало и не ускоряло переговоров, а более затрудняло и замедляло их, потому что к непомерным требованиям Пруссии, желавшей, конечно, извлечь наибольшие для себя выгоды из блестящих своих побед, присоединились со стороны Наполеона негласные домогательства вознаграждений в пользу Франции. Тайна этих переговоров разоблачилась лишь гораздо позже.

Наконец 10/22 июля перемирие между Пруссией и Австрией заключено в Никольсбурге, Главной квартире прусского короля, сроком всего на пять дней. Подписали условия перемирия генерал Мольтке и граф Дегенфельд (австрийский военный министр). В тот же день движение прусских войск приостановлено, а четыре дня спустя (14/26 июля) подписаны графом Бисмарком, с одной стороны, графом Кароли и бароном Бреннером, с другой, предварительные условия мира; вместе с тем срок перемирия продлен до 18/30 августа. В тот же день, 14/26 июля, начались переговоры об условиях перемирия между Австрией и Италией, представителем которой был граф Бараль.

Главные условия предварительного мирного договора между Австрией и Пруссией заключались в том, что первая изъявила согласие на расторжение прежнего Союза Германского и вышла из состава его. Пруссии предоставлено присоединить к себе герцогства Шлезвиг, Гольштинию и Лауенбург и образовать под своим главенством новый Северо-Германский Союз[172], граница

которого со стороны южных германских государств определена по р. Майну. Государствам же Южной Германии предоставлено войти между собою в соглашение в случае желания образовать особый союз. Австрия положительно выговорила только в пользу саксонского короля сохранение за ним владений в прежних границах, со включением, однако ж, королевства в состав Северо-Германского Союза. Пруссия же, со своей стороны, выговорила уступку Австриею Венецианской области в пользу королевства Итальянского и приняла на себя убедить короля Виктора Эмануэля принять условия перемирия, лишь только последует со стороны Наполеона положительное заявление о том, что предоставленная в его распоряжение Венецианская область будет присоединена к королевству Итальянскому.

Несколько дней по заключении Никольсбургского перемирия оно было распространено и на Южную Германию, а с 30 июля / 11 августа открыты в Праге переговоры о заключении окончательного мирного договора. В то же время король Вильгельм отправил в Петербург генерала Мантейфеля с письмом к императору Александру II и с поручением словесно разъяснить политические соображения Берлинского кабинета. Посольство это было вызвано заявлением князя Горчакова, что состоявшаяся сделка между Пруссией и Австрией, разрушающая основные начала установленной Венским конгрессом политической системы Европы, не может быть признана последнею без утверждения ее новым конгрессом. Граф Бисмарк, чтоб отклонить Петербургский кабинет от подобной мысли, поручил генералу Мантейфелю разоблачить в Петербурге тайные виды Наполеона III и намекнуть князю Горчакову, что в случае, если б дело дошло до вмешательства Франции и войны с нею, Россия может извлечь свои выгоды, освободившись от тяжелых для нее условий Парижского трактата 1856 года[173].

КОНЕЦ АВГУСТА И НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ*

18 августа утром Государь отправился вторично в Москву. На этот раз целью поездки были исключительно смотры войск, собранных в лагере на Ходынке. Государя сопровождал герцог

---

* В автографе зачеркнуто продолжение заголовка: «Вторичная поездка Государя в Москву» (*примеч. публ.*).

Георг Мекленбург-Стрелицкий, а в свите состояли: генерал-адъютанты граф Владимир Фёдорович Адлерберг, князь Вас[илий] Андр[еевич] Долгоруков, Зелёный, граф Шувалов и я.

Прибыв в Москву в 12-м часу ночи, Государь проехал по иллюминованным улицам между теснившимися по обеим сторонам толпами народа к Иверской и затем в Кремлевский дворец. На другой день утром происходили обычным порядком «выход» во дворце, шествие в соборы, затем смотр войскам на Ходынке и завтрак в Петровском дворце для военных начальников и свиты. В тот же день Его Величество посетил Петровскую земледельческую академию (в Петровском-Разумовском).

20-го числа утром происходило на Ходынском поле учение 1-й гренадерской дивизии с ее артиллерийскою бригадой и батальона 3-го Александровского военного училища; затем Государь объезжал в Москве разные заведения: больницы, женские институты, военные гимназии. К обеду в Кремлевском дворце приглашены были высшие московские власти, некоторые почетные лица и свита. Вечером Государь катался в Петровском парке.

21-го числа, в воскресение, Государь присутствовал у обедни, при церковном параде и разводе в лагере лейб-гренадерского Екатеринославского Е. В. полка, потом посетил в Москве Воспитательный дом и некоторые другие заведения.

22 августа происходило на Ходынском поле учение 35-й пехотной дивизии с ее артиллерийскою бригадой, Нарвскому пехотному полку и двум полкам 1-й кавалерийской дивизии. Остальную часть дня Государь провел на охоте в окрестностях села Ильинского.

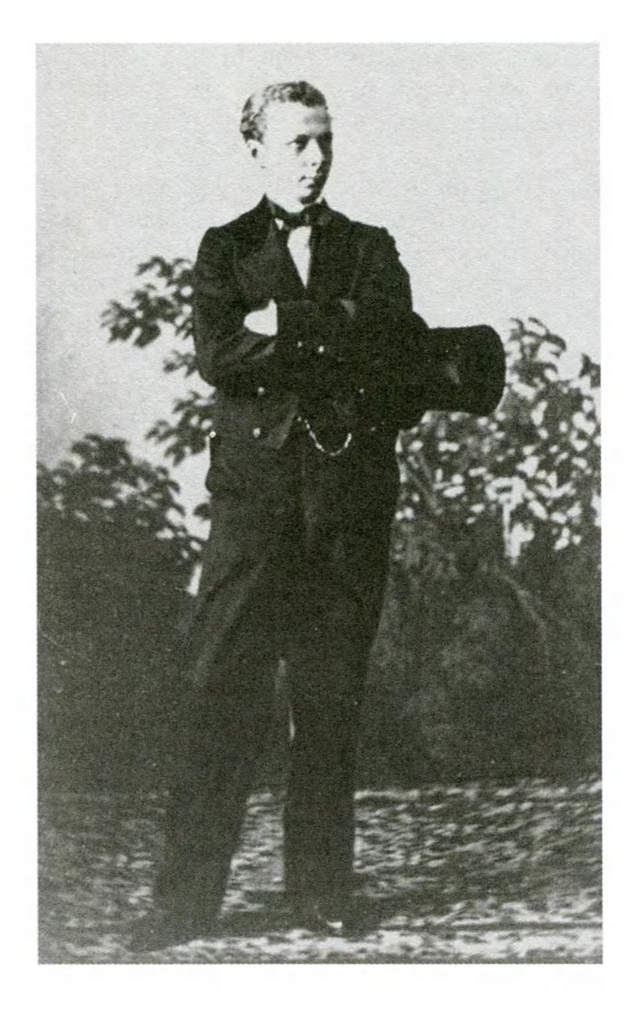
23-го утром Его Величество смотрел стрельбу артиллерии, пехоты и кавалерии на Ходынке; обедал в «Нескучном» (Александрии), а вечером посетил Большой театр.

Наконец, 24-го, в последний день пребывания Государя в Москве, произведен всеми войсками лагерного сбора двухсторонний маневр на местности между селами Всесвятским, Ильинским и Тушином, чем и закончились смотры в Москве. В этот день Московский генерал-губернатор князь Влад[имир] Андр[еевич] Долгоруков угощал Государя и свиту его роскошным обедом, после которого Его Величество заехал на короткое время в Большой театр, а к 9 часам вечера прибыл на вокзал Николаевской железной дороги, где собрались к тому времени начальствующие лица, военные и гражданские, чтобы проводить

Государя. 25 августа, около 2 часов пополудни прибыли мы на Колпинскую станцию, откуда Государь проехал на лошадях в Царское Село, а большая часть свиты, в том числе и я, продолжала путь до Петербурга.

Во время пребывания Государя в Москве императрица оставалась в Царском Селе с одною только великою княжной Марией Александровной; все прочие члены царского семейства находились в то время в разъездах. Наследник Цесаревич с великим князем Владимиром Александровичем на другой же день по окончании Красносельского лагерного сбора, 9-го числа, предпринял путешествие на Волгу. Великий князь Алексей Александрович, как уже упоминалось прежде, находился в плавании в океане и Немецком море, на эскадре контр-адмирала Посьета, которая к концу августа, на возвратном пути в Балтийское море, зашла 29-го числа в Копенгаген и прибыла в Кронштадт 6 сентября, после 4-месячной кампании. Младшие великие князья Сергей и Павел Александровичи находились с 11 августа в Ливадии, на Южном берегу Крыма. В самый день их приезда туда великий князь Константин Николаевич со старшим своим сыном Николаем Константиновичем, прожив около недели в своем прелестном имении Орианде, в соседстве с Ливадией, отплыл оттуда на яхте «Тигр» к кавказским берегам в сопровождении главного командира Черноморских портов генерал-адъютанта Глазенапа. По возвращении с Кавказа в Орианду Его Высочество генерал-адмирал выехал оттуда в Петербург уже в первых числах сентября. Наконец, и великий князь Николай Николаевич (Старший) выехал из Петербурга немедленно по окончании Красносельского лагерного сбора 10 августа, вместе с генерал-адъютантом Тотлебеном, в лагерь 1-й Саперной бригады у мызы Икскюль (близ Риги). После осмотра этой бригады и произведенных ею практических работ великий князь вместе с великою княгиней Александрой Петровной отправился в Варшаву, где прожил с 14-го по 27-е число в Лазенковском дворце, занимаясь смотрами и учениями собранных под Варшавою войск. Затем Их Высочества отправились чрез Москву в Тамбовское свое имение и возвратились в Петербург 10 сентября.

Путешествие Наследника Цесаревича и великого князя Владимира Александровича продолжалось с 9 по 28 августа. Свиту Их Высочеств в этой поездке составляли: генерал-адъютант граф Перовский, флигель-адъютант Литвинов, адъютанты штабс-рот-



В.П. Мещерский

мистр Козлов и поручик князь Барятинский; кроме того сопровождали их профессора Победоносцев и Бабст, художник Боголюбов, камер-юнкер князь Мещерский (будущий редактор «Гражданина»), в качестве секретаря — статский советник Оом и доктор Гирш. Прибыв в Тверь 9 августа вечером, Их Высочества присутствовали на бале, данном в их честь дворянством, и утром следующего дня отплыли по Волге. На пути они останавливались и выходили на берег в Рыбинске, Ярославле, Костроме и прибыли 17-го в Нижний, где оставались до 21-го числа. Во всех этих пунктах были, разумеется, обычные встречи с флага-

ми, букетами, иллюминациями, криками «ура». Великие князья принимали местных начальников, посещали соборы, осматривали достопримечательности, присутствовали на разных празднествах, а в Нижнем обходили несколько раз ярмарку. 21-го числа они продолжали путь по Волге до Казани, где провели два дня, затем посетили «Спасский затон», в 118 верстах ниже Казани, охотились в селе Никольском и возвратившись 24-го числа в Казань, отплыли далее до Нижнего, откуда по железной дороге чрез Москву прибыли в Царское Село 27 августа.

С путешествием великих князей по Волге и пребыванием их в Нижнем совпала и поездка американского посольства, которое провело пять дней в Москве, а 17 числа в полночь прибыло в Нижний, вслед за прибытием туда великих князей.

Пребывание американцев в Москве и Нижнем, так же как и все переезды их по железным дорогам и водою, представляли непрерывный ряд торжественных встреч, восторженных приветствий, блестящих празднеств с иллюминациями, флагами, букетами и проч., и проч. Москва как будто силилась превзойти Петербург в любезностях и овациях в честь заатлантических гостей. Ежедневные пиры и праздники были бесконечным повторением все тех же тостов, речей и восторженных криков. То же и в Нижнем, и в Костроме, и везде, где только останавливались американцы. Везде их встречали местные власти и представители сословий; дамы и дети подносили им букеты. Даже митрополит Филарет при посещении американцами Троицкой лавры встретил их в своей летней резиденции красноречивою речью, а в московском Новодевичьем монастыре приветствовала их сама игуменья во главе монахинь.

Русский человек по своей натуре всегда хватает чрез край. Излияния восторгов пред новыми иноземными друзьями не знали границ и доходили иногда до комизма. Какие-нибудь деревенские старухи, не слыхавшие даже о существовании Америки, умилялись пред приезжими, устилали их путь снятыми с плеч платками, чуть не крестились на них. В Нижнем, несмотря на ночное время, встретила американцев масса собравшегося на ярмарку купечества, как говорили, в числе до 2 тыс. человек. При осмотре ярмарки произошла довольно неловкая встреча американских гостей с великими князьями, также осматривавшими ярмарку: начальствующие лица, представители купечест-

ва, а за ними и толпа кидались то в одну сторону, то в другую, крича «ура» тем и другим. В Костроме за обедом в честь американцев представлялись им родственники Комисарова, из числа которых один выступил даже с застольною речью. Из Костромы американцы прибыли на пароходе в Тверь (24 августа), где был последний этап торжественного их странствования. 25 августа они возвратились в Петербург, полные разнообразных впечатлений, оглушенные бесчисленными приветствиями и криками.

27 августа, в субботний день, американцев чествовал петербургский Английский клуб обедом, за которым собралось до 250 человек. Присутствие на этом обеде вице-канцлера князя Горчакова и произнесенная им мастерская речь придали этому обеду характер политический. Даже и после всех бесчисленных речей, высказанных американским гостям на бывших уже пиршествах, речь князя Горчакова блистала столькими новыми и удачными выражениями, что не могла не произвести на присутствовавших сильное впечатление. Указав на единогласные заявления сочувствия, слышанные уже американскими гостями во всех посещенных ими местах, в самых разнообразных слоях русского народа, князь Горчаков выразил мысль, что это несомненное сочувствие, не опирающееся ни на географические условия обеих стран, разделенных одна от другой океанами, ни на пергаментные акты, которых в архивах не оказывается, вызвано лишь искренним взаимным влечением, внушенным самим Провидением. Оратор выставил удачно некоторые стороны сходства между обоими народами и закончил слово тостом за благоденствие Северо-Американского Союза, за успех предпринятого настоящим их президентом умиротворения страны после постигших ее смут, наконец, за членов американского посольства. В речи князя Горчакова особенно замечено было одно место, где он, говоря о великой реформе, произведенной нашим Государем, указал вкравшееся в послание Конгресса неверное выражение, будто бы злодейское покушение 4 апреля совершено одним из «врагов освобождения крестьян». Этим легким намеком на встреченное среди русского дворянства сопротивление великой реформе, князь Горчаков воспользовался, чтобы покадить нашему дворянству, которое будто бы все единодушно и с восторгом приняло меру, стоившую ему значительной жертвы, и оказало полное содействие приведению царской воли в исполнение. «В России нет ни одного врага освобождения», — сказал наш вице-канцлер,

пожертвовав в этом случае правдою ради красного словца, и прибавлю — в угоду большей части слушателей, среди которых сказана была речь. Зато когда Вал[ерий] Вал[ерьевич] Скрипицын предложил тост за вице-канцлера, то раздалось оглушительное «ура». Сам Фокс закончил свою ответную речь (не очень удачную) также провозглашением тоста за здоровье князя Горчакова. Затем говорили еще многие: генерал Меньков, граф Орлов-Давыдов, генерал-адъютант Краббе, контр-адмирал Лесовский, а со стороны американцев: Муррей, Бомон, Клей и секретарь последнего Куртин (говоривший по-русски). Пресловутая послеобеденная «жженка» развязала языки, так что пир окончился очень поздно.

29 августа американскому посольству была назначена прощальная аудиенция у Государя в Царском Селе. Однако ж на другой день, 30 августа, американцы еще присутствовали при торжественной службе в Александро-Невской лавре, вместе со всем дипломатическим корпусом, а вечером того же дня — на бале в Смольном институте и только 1 сентября отправились из Петербурга в Кронштадт, где в тот же день дан был прощальный бал главным командиром порта генерал-адъютантом Ф.М. Новосильским.

В самый день отплытия американской эскадры, 3 сентября, еще был прощальный завтрак, данный управляющим Морским министерством генерал-адъютантом Краббе на палубе фрегата «Рюрик». Тут еще раз, и уже последний, высказаны были трогательные речи с тостами в честь обоих дружественных государств, американских гостей и русских моряков. Во время завтрака прибыло из Петербурга несколько частных пароходов с публикой, желавшей еще раз взглянуть на отъезжавших друзей. Явилась депутация от петербургского Купеческого собрания, избравшего Фокса своим почетным членом, по примеру городских обществ: петербургского, московского, нижегородского и кронштадтского, от которых американский чрезвычайный посол уже получил почетное гражданство. Растроганные до слез последними сочувственными излияниями, американцы перешли с русского фрегата на свои суда, и в 5-м часу пополудни эскадра снялась с якоря, провожаемая русскими военными судами и частными пароходами при взаимных салютах с фрегата «Рюрик» и с парохода «Augusta». Русский военный пароход «Храбрый» сопровождал американскую эскадру до самого выхода из Балтийского моря, прочие военные суда направились в Транзунд для обычных

осенних маневров. В тот же вечер императорская яхта «Штандарт» и фрегат «Олаф» снялись с Кронштадтского рейда для следования в Копенгаген за невестою Наследника Цесаревича принцессою Датскою Дагмар.

Так кончилось шестинедельное пребывание в России американского чрезвычайного посольства. Во все продолжение этого времени не прерывалось необычайное, восторженное возбуждение во всех слоях населения. При этом, конечно, немало было увлечения со стороны нашей публики; быть может, примешивалось и напускное возбуждение, даже легкомысленное пустозвонство; однако ж нельзя отвергать существовавшее у нас в то время общее патриотическое настроение. В лице Фокса и его спутников чествовалась целая нация, которая, несмотря на свою отдаленность, одна из всех вздумала прислать в Россию особую торжественную депутацию по поводу события 4 апреля.

В торжественный день 30 августа Государь и вся царская фамилия приехали в Петербург и присутствовали при обычной службе в Александро-Невской лавре. День этот по обыкновению ознаменовался множеством наград и чинопроизводством по военному ведомству. Петербургский обер-полицмейстер Трепов и петербургский губернатор граф Левашев произведены в генерал-лейтенанты. В этот же день, по случаю 50-летия службы в генеральских чинах князя Александра Сергеевича Меншикова, пожалован ему при благодарственном рескрипте двойной портрет императоров Николая I и Александра II, украшенный алмазами, для ношения на груди.

На 1 сентября назначены были две церемонии в присутствии Государя: открытие нового Ладожского канала и закладка часовни у Летнего сада, на месте преступного покушения 4 апреля. По этому случаю Государь приехал в Петербург к 9 часам утра с Наследником Цесаревичем и с великим князем Владимиром Александровичем. У Литейного моста ожидала яхта «Александрия», на которой Его Величество и отплыл вверх по Неве к Шлиссельбургу. В свите его кроме меня находились: генерал-адъютанты князь Вас[илий] Андр[еевич] Долгоруков, Чевкин (как бывший главноуправляющий путями сообщения), граф Перовский (также занимавший некогда место начальника штаба Корпуса инженеров путей сообщения), министры: Двора (граф Вл[адимир] Фёд[орович] Адлерберг), путей сообщения (генерал-лейтенант Мельников), финансов (статс-секретарь Рейтерн), внутренних дел

(статс-секретарь Валуев), почт и телеграфов (граф Ив[ан] Матв[еевич] Толстой), управляющий Морским министерством (генерал-адъютант Краббе) и шеф жандармов (граф Шувалов).

Погода была превосходная. На половине пути от Петербурга до Шлиссельбурга мы обошли пароход, на котором следовала туда депутация от купечества. Пароход этот вышел из Петербурга еще в 5 часов утра, но по причине утреннего тумана наткнулся на мель и, к крайнему огорчению представителей купечества, опоздал к церемонии.

Новый канал, сооруженный в течение последних пяти лет (с 1861 г.), был предпринят по предложению генерал-адъютанта Чевкина взамен предполагавшейся с давнего времени перестройки старого канала, которому начало было положено Петром Великим и который пришел в такое состояние, что не мог уже удовлетворять потребностям торговли. Огромное число судов, ежегодно проходящих с Волги по трем системам водяных сообщений, было задерживаемо или совсем останавливаемо мелководьем в канале и шлюзами. Перестройка старого канала не могла бы производиться без прекращения всего торгового движения, а потому и решено было прорыть новый канал в промежутке между старым и берегом Ладожского озера, дав ему достаточную глубину при самом низком уровне вод, и притом открытый с обоих концов, то есть без шлюзов. Проект этот был утвержден 28 февраля 1861 года, и в то же лето приступлено к работам, которые сданы были оптом известному крупному подрядчику Гладину за сумму 4 600 000 руб. Производителем работ назначен был инженер-подполковник Киприянов, а надзор за ходом работ возложен на особый комитет, под председательством инженер-генерал-майора Богдановича. Расход на сооружение канала покрывался особым сбором, установленным еще в 1837 году со всех проходящих судов, сначала в размере 1/4%, а потом 1/2%. Несмотря на разные встреченные затруднения в работах, несмотря и на смерть подрядчика Гладина, колоссальное сооружение нового канала протяжением в 104 версты было успешно окончено в означенный пятилетний срок*. Канал этот обещал громадные выгоды для торговли.

---

* Старый канал, начатый при Петре В[еликом] в 1719 году, открыт был только в 1731 году при императрице Анне Ивановне, следовательно строился 12 лет.

Для торжества открытия нового канала возведены были при устье его в Неву временные постройки: пристани, часовня, павильон и сход к месту водосвятия. У пристани, на одном из пароходов выставлен был древний ботик Петра Великого, осененный знаменами сформированных в 1735 г. «Ладожских батальонов», расформированных уже при императоре Александре I в 1810 году. Пристани и павильон были украшены флагами, цветами, коврами. Вдоль противоположного берега канала стояла уже вереница купеческих судов (до 160), пришедших уже каналом до самого устья его и ожидавших церемонии для входа в Неву. В числе этих судов были целые караваны, пришедшие из Сибири, с р. Чусовой. Передовые суда были также разукрашены флагами. Со всеми этими приготовлениями к торжеству при ясной, теплой погоде устье канала представляло весьма эффектную обстановку для предстоявшей церемонии.

Приближение яхты «Александрия» к месту торжества было приветствовано с берега народным гимном «Боже, царя храни», а когда Государь с великими князьями и многочисленной свитой сошел на берег, то собравшаяся вокруг места церемонии толпа народа встретила [их] дружным криком «ура». Министр путей сообщения представил Государю всех лиц, участвовавших в постройке канала, и некоторых из бывших налицо представителей купечества, ожидавших с хлебом-солью. Государь, сказав им несколько слов, прошел пред фронтом стоявшего почетного караула к часовне, а потом спустился к месту водосвятия, где совершено было молебствие главным священником армии и флота протоиереем Богословским. После освящения воды Государь с великими князьями и свитою сел на приготовленный катер и, проплыв некоторое расстояние вверх по каналу, возвратился к устью его и приказал начать выпуск стоявших купеческих судов. В виду Государя первые суда каравана подняли паруса и торжественно вышли из канала в Неву. Тогда Его Величество возвратился на берег и по приглашению купцов вошел в раскинутый близ павильона шатер, где приготовлен был роскошный завтрак. Дамы усыпали путь его цветами. За завтраком депутат от купечества в комитете, почетный гражданин Струнников, провозгласил тост за здоровье Государя, вызвавший громкие «ура», сопровождаемые гимном «Боже, царя храни». Государь ответил тостом за строителей канала и за купечество. Затем распоряжавшийся угощением рыбинский купец и почетный гражданин Мухин обра-

тился к Государю с просьбою, от имени всего купечества, присвоить новому каналу название «императора Александра II», на что Его Величество изъявил согласие с тем, чтобы старый канал впредь именовался «каналом императора Петра Великого».

Почти к самому концу завтрака прибыл наконец снятый с мели пароход с купеческою депутацией, которая и была введена в царскую палатку. Купец Овсяников, от имени всего купечества, вторично провозгласил тост за здоровье Государя и затем тосты за прочих членов Императорской фамилии. Его Величество поговорил с опоздавшими представителями купечества, обратился с несколькими благосклонными словами к строителю, подполковнику Киприянову, и подал ему руку, а затем, простившись со всеми присутствовавшими, возвратился на свою яхту, которая отчалила от берега при звуках народного гимна и криках «ура».

Было около 5 часов пополудни, когда яхта остановилась, не доходя Литейного моста. Государь с великими князьями и сопровождавшею свитою пересел на катер и причалил к пристани у Летнего сада, где уже давно масса народа ожидала прибытия Его Величества. На том месте, где предстояло возвести часовню в память события 4 апреля, раскинут был навес; вся площадка между входом в Летний сад и набережною была убрана коврами, зеленью и цветами, а по сторонам устроены места для публики. Митрополит Исидор с духовенством отслужили молебствие, после которого Государь положил первый камень в основание воздвигаемой часовни; за ним и прочие члены Императорской фамилии приняли участие в этом обряде. По окончании церемонии, когда Государь сел в коляску, чтоб ехать во дворец, толпа народа разразилась оглушительными криками «ура».

Несколько дней спустя, 5 сентября, в Царском Селе справлялся полковой праздник Кавалергардского полка, располагавшегося обыкновенно на осеннее время по деревням в окрестностях Царского Села. По этому случаю командир полка генерал-майор Свиты князь Барятинский (Владимир Иванович) был назначен генерал-адъютантом и шталмейстером Высочайшего Двора. На место же его, командиром Кавалергардского полка, назначен вслед за тем генерал-майор Свиты граф Мусин-Пушкин.

Главною заботою в это время при Дворе были приготовления к приему ожидаемой невесты Наследника Цесаревича датской принцессы Дагмар.

КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО. СМЕРТЬ ГРАФА М.Н. МУРАВЬЁВА

Следственная комиссия под председательством графа Муравьёва, несмотря на свою напряженную деятельность, употребила около двух с половиною месяцев, чтобы раскрыть нити совершившегося покушения на цареубийство. Привлеченные к делу личности долго и упорно скрывали свое участие; сам преступник сначала не открывал своей настоящей личности. В последнее время он проживал под разными именами, выдавая себя за крестьянина. Наконец дознано было, что он сын саратовского помещика Каракозова, 24 лет от роду, что он учился в пензенской гимназии и потом в Казанском университете, откуда был уволен за участие в студенческих беспорядках, затем поступил вольнослушателем в Московский университет и опять уволен за невзнос установленной платы. Живя в Москве, Каракозов вступил в общество, образовавшееся там в 1863 году, преимущественно из студентов и гимназистов, с целью распространять социалистические идеи и путем революции ниспровергнуть существующий государственный строй. Средствами к тому предполагалось пропаганда в народе, особенно в Приволжском крае, возбуждение крестьян против землевладельцев, устройство школ, артелей, мастерских, разных ассоциаций и проч. Денежные средства на все эти предприятия предполагалось добывать сбором пожертвований, выманивая их под разными благовидными предлогами, а в случае надобности, допускались и воровство, похищение почт, кража в казначействах, даже убийство богатых людей. Некоторые из участников старались определиться на должности почтальонов, в казначействах и т. п. Общество подразделялось на отделы, которым присваивались разные наименования, служившие только наружною фирмою, под которою те общества могли бы существовать открыто, даже с утверждения правительственной власти. Каждый отдел еще подразделялся на кружки. Общество старалось входить в сношения с заграничными революционными кружками и с польскими агитаторами, приобретать влияние в печати, действовать чрез преподавателей в учебных заведениях, иметь агентов и сообщников в разных ведомствах, управлениях и учреждениях.

Д.В. Каракозов

Насколько можно было раскрыть ход действий тайного общества, на основании показаний 72 допрошенных лиц, дело представлено Следственной комиссии в таком виде[174].

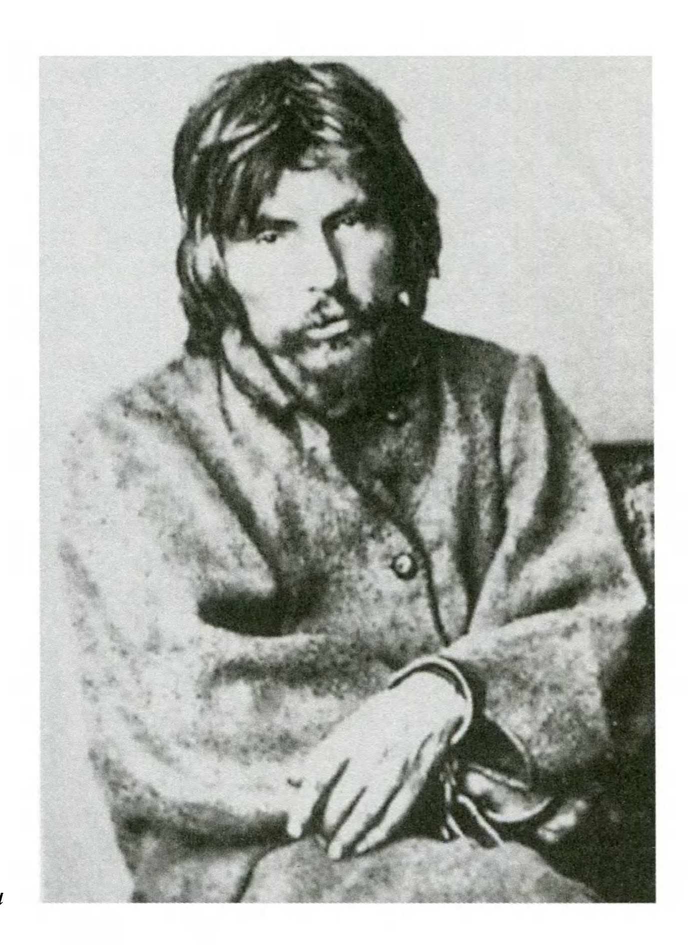
Между членами общества существовали два направления: одни ограничивали круг действий своих пропагандою, постепенным подготовлением революции; другие хотели мер энергических, неотложных, и в числе таких мер указывалось цареубийство. По заключению Следственной комиссии, главными действователями в преступных замыслах этого рода были: в Москве — потомственный почетный гражданин Ишутин, в Петербурге — домашний учитель и литератор Худяков. Последний ездил летом 1865 года за границу, был в Женеве, входил в сношение с Герценом и другими агитаторами и, возвратившись в Петербург в но-

ябре, вошел в деятельные сношения с московскими кружками и с редакциями некоторых журналов*. В конце того же года Худяков издал книжку под заглавием «Самоучитель», пропущенную цензурою, но проводившую, под видом невинных рассказов, самые зловредные мысли, с целью развращения молодого поколения; книжка была пущена по весьма дешевой цене и разошлась быстро в числе 2 тыс. экземпляров.

В начале 1866 года в Петербург приезжал Ишутин: он виделся с Худяковым и, возвратившись в Москву, объявил своему кружку (студенты Ермолов, Странден, Юрасов, Загибалов, Каракозов и Мотков) о привезенных Худяковым из-за границы сведениях относительно существующего европейского революционного комитета с целью цареубийств и готовности этого комитета помогать революции в России присылкою оружия, орсиньевских бомб, ядов и т. п. Тогда и возникла мысль о том, чтоб образовать в Москве с тою же целью особый кружок под названием «Ад». Члены этого кружка приняли на себя ужасную обязанность быть исполнителями приговоров об убийствах; член кружка, на кого выпадет жребий, должен предварительно устраниться по наружности от общества, вести жизнь праздную, развратную, так чтобы отвлечь от себя всякие подозрения в каких-либо политических помыслах, даже при случае делать доносы на других; когда же наступит время самого исполнения, он должен запастись ядом и иметь при себе готовую прокламацию к народу: первый — на случай неудачи, последнюю — для того, чтобы в случае успеха, воспользоваться минутой для возбуждения толпы к восстанию против правительства и произвести смуту[176].

Покушение на цареубийство было предположено в означенном кружке еще на первой неделе Великого Поста, а исполнителем вызвался быть Каракозов, который всегда был молчалив, сосредоточен и в болезненном состоянии имел наклонность к самоубийству. Охотно приняв на себя страшное поручение, Каракозов отправился в Петербург, вошел в соглашение с Худяковым, вел развратную жизнь между рабочими, таскался по трактирам в крестьянской одежде, но почему-то не мог приступить к

* Комиссия указывала в особенности на два издания: «Современник», которого редактором и издателем был Некрасов, и «Русское Слово», редактированное Благосветловым[175].



Н.А. Ишутин

исполнению злодейского замысла в назначенное время. Присланные в Петербург от московского руководящего кружка Ермолов и Странден, по-видимому, пытались остановить замышленное преступление и уговаривали Каракозова возвратиться в Москву. Однако ж он оставался в Петербурге до Страстной недели и только тогда, вследствие письма от Ишутина, выехал из Петербурга. Но в среду на Святой неделе он внезапно опять уехал в Петербург, купил на рынке пистолет, достал яду от знакомого врача Кобылина (ординатора 2-го военно-сухопутного госпиталя) и в понедельник Фоминой недели, в обычный час прогулки Государя в Летнем саду, стал в кучке народа, собравшейся по обыкновению у ворот сада, чтобы взглянуть на

царя и поклониться ему. Когда Государь, после прогулки, садился в коляску, Каракозов решился произвести преступный свой выстрел.

Граф Муравьёв в представленном им 9 июня всеподданнейшем докладе[177] о добытых к тому времени результатах следствия указывал на разные преступные действия главных руководителей и участников московского тайного общества. Главными руководителями выставлены Ишутин, принадлежавший и к другому еще обществу «Земля и воля»[178], и Худяков. Они печатали и распространяли разные преступные воззвания, посылали агентов в разные стороны для возбуждения народа, особенно рабочих на фабриках и заводах, покушались на освобождение ссыльных Чернышевского и Серно-Соловьевича и успели освободить еще в 1864 году из московской тюрьмы важного политического преступника Домбровского. Следственная комиссия указала и на тайные кружки, образовавшиеся в Петербурге, на сношения русских революционеров с польскими, на участие некоторых женщин в революционной работе. В заключение своего доклада граф Муравьёв высказал, что преступление 4 апреля «есть последствие нравственного разврата нашего молодого поколения, подстрекаемого и направляемого к тому в продолжение многих лет необузданностью журналистики и вообще нашей печати, которая совокупно с допущенным вредным направлением народного образования, проповедуя социалистические и в высшей степени разрушительные начала, постепенно колебала основы религии, общественной нравственности, чувства верноподданнической преданности Государю и повиновения властям. Допущенное уже более или менее ослабление власти во всех управлениях и правительственных учреждениях дало возможность злонамеренным тайным руководителям, постепенно проводящим под видом прогресса словом и делом демократические начала, подрывающие основы самодержавного монархического правления, достигнуть своей цели...» Граф Муравьёв указывал затем на необходимость строгого наблюдения за студенческими кружками и за существующими под разнообразными фирмами обществами... «Я не могу не выразить, — писал он, — глубокого своего убеждения в необходимости принятия скорейших мер к ограждению государства от дальнейшего распространения разрушительных учений нигилизма и вообще демократических начал, проникнувших во все классы общества и поколебавших уже от-

части уважение к власти, которая оттого сама потеряла доверие к собственной своей силе»[179].

Государь, прочитав доклад графа Муравьёва (от 9 июня), положил карандашом такую резолюцию: «Желаю, чтобы записка эта была прочитана в совещании, учрежденном под председательством князя Гагарина, и в нем же обсуждены были меры, которые необходимо будет принять по разным ведомствам, дабы положить конец, елико возможно, злу, растравляющему наше молодое поколение». В исполнение этой резолюции, комиссия князя Гагарина обратила главное свое внимание на вопросы, касающиеся учебной части. Независимо от общих заседаний комиссии, назначались часто специальные совещания из лиц, ближе стоявших к учебному делу. Некоторые из этих частных совещаний происходили у графа Дм[итрия] Андр[еевича] Толстого; в них принимал и я деятельное участие, не столько по отношению к военно-учебным заведениям, сколько по Медико-хирургической академии, считавшейся как бы соответствующею медицинскому факультету университета. В совещания эти приглашались и лица, непосредственно заведовавшие учебною частию, как-то: попечитель учебного округа, начальник означенной академии и т. д. Споров и толков было много, но большею частию они не приводили ни к каким положительным, практическим результатам. С точки зрения графа Толстого и Делянова, вся задача сводилась к принятию строгих мер полицейских, в особенности же к безусловному преследованию всякого проявления между учащимися корпоративного, товарищеского общения. В этом отношении я совершенно расходился в мнениях с моими коллегами, но пословица говорит: один в поле не воин. Об учебном деле — речь впереди; теперь же возвращусь к Следственной комиссии графа Муравьёва.

Комиссия эта продолжала до половины августа свои розыски для раскрытия всех нитей преступной революционной организации. С этою целью один из членов комиссии, полковник Черевин, был командирован в Москву, а потом учреждена там особая комиссия; также командированы были отдельные следователи и в некоторые другие местности. Между тем на основании уже добытых комиссиею главных данных еще 28 июня учрежден указом Сенату Верховный суд над Каракозовым и сообщниками его. Председателем этого суда назначен князь П.П. Гагарин, а членами: принц Пётр Георгиевич Ольденбургский, граф Панин,

адмирал Метлин, первоприсутствующие сенаторы Башуцкий и Карниолин-Пинский, с участием министра юстиции Замятнина; обязанности секретаря возложены были на действительного статского советника Есиповича, исправлявшего должность статс-секретаря в Государственном совете по Департаменту гражданских и духовных дел. Заседания Верховного суда происходили в Петропавловской крепости и длились почти три месяца, за множеством привлеченных к делу лиц и противоречивыми показаниями их на судебном следствии.

Со своей стороны, граф Муравьёв 9 августа представил Государю дополнительный доклад относительно многих личностей, которые несомненно были прикосновенны к преступной революционной деятельности, но по недостатку юридических улик не могли быть преследуемы судебным порядком. В числе таких лиц указывались: полковник Лавров (который, впрочем, уже был предан суду), отставной подполковник Путята, бывший преподаватель во 2-м кадетском корпусе, Константинов — помощник инспектора в Училище правоведения, некоторые из литераторов и редакторов журналов. Относительно всех таких лиц граф Муравьёв считал нужным принять меры административные и при этом снова настаивал на необходимости самых решительных мер «для обуздания зла, угрожающего гибельными для государства последствиями». Между прочим, он писал: «Грустно думать, что продолжительными совокупными действиями врагов России может наконец наступить тот момент, когда все правительственные усилия будут недостаточны, чтобы остановить угрожающую государству катастрофу, ежели не будут приняты против сего последовательные, энергические правительственные меры и в особенности действующие на моральное настроение умов». Затем он высказывал мысль, что «одними строгими мерами наказания зла остановить нельзя». Он указывал на необходимость лучшего выбора личностей на места губернаторов, на предоставление бóльших средств полиции, на устранение везде влияния польского элемента. По этому последнему предмету граф Муравьёв обратил особенное внимание на открытые Следственною комиссиею следы польской пропаганды внутри России, сношения польских тайных кружков со ссыльными поляками, рассеянными по всем губерниям Европейской России и Сибири. «Я обязанностью поставляю себе, — писал он, — упомянуть об этом потому, что зловредные политические тенденции,

проникнувшие во многие слои нашего общества, видимо, поддерживаются и усиливаются содействием польского элемента».

В том же докладе 9 августа граф Муравьёв, признавая возложенное на него поручение оконченным, просил об освобождении его от дальнейших занятий по Следственной комиссии. На этом докладе положена была Государем такая резолюция: «Записку эту внести в Комиссию под председательством князя Гагарина. На увольнение графа Муравьёва от председательствования в Следственной комиссии согласен, но с тем, чтоб им представлена была подробная записка с его мнением, как поступить с теми лицами, которые подлежать будут только административным взысканиям»[180].

Граф Муравьёв исполнил и эту щекотливую работу и рассчитывал совсем закончить возложенное на него поручение к 30 августа, а затем закрыть Следственную комиссию. Но ему не суждено было дожить до этого дня. 21 августа он выехал из Петербурга в свое имение «Сырец», в Лужском уезде, для освящения церкви, построенной им в память воинов, павших при усмирении мятежа в Северо-Западном крае. По этому случаю съехалось туда все его семейство, множество родных, знакомых и почитателей графа Михаила Николаевича. Чувствуя себя совершенно здоровым и бодрым, он сам распоряжался всеми приготовлениями к торжеству. В назначенный день, 26-го числа, он выстоял всю продолжительную службу церковную, принимал гостей, присутствовал на угощении собравшегося в числе нескольких тысяч населения окрестностей. Два дня спустя, 28-го числа, в воскресение, он опять выстоял всю обедню в новоосвященной церкви, потом занимался посадкою вокруг нее деревьев, провел весь день со своею семьей, вечером был весел и разговорчив, а в 12-м часу удалился в спальню с тем, чтобы на другой день встать пораньше и отслужить панихиду по убитым во время последнего польского мятежа и затем выехать обратно в Петербург. Но утром 29-го числа он найден в своей постели уже бездыханным. По всем признакам он кончил жизнь мгновенно от паралича сердца. Такого конца можно было давно ожидать по его тучности и сильной одышке, которая причиняла ему по временам мучительный кашель. Но эти недуги были сравнительно слабее в последние дни жизни, и потому кончина его была совершенно неожиданна.

М.Н. Муравьёв

30 августа тело покойного было перенесено в церковь, а 1 сентября перевезено в Петербург. Множество народа стеклось в Сырец со всех окрестностей. В городе Луге гроб встречен был местным духовенством, расположенною там артиллерийскою батареей и массою народа. На другой день, 2 сентября, совершено отпевание и погребение в Александро-Невской лавре, в присутствии Государя и царской фамилии, со всеми подобающими почестями. В церемонии участвовал лейб-гвардии Финляндский полк, стоявший в Вильне во время пребывания гвардии в Северо-Западном крае. Почетный караул был выставлен от Пермского пехотного полка, которого граф Михаил Николаевич был шефом. Государь сопровождал гроб вместе с семейством покойника до самой могилы.

Таким образом, граф М.Н. Муравьёв, посвятив последние пять месяцев своей жизни раскрытию внутренних злоумышлений, имевших последствием злодейское покушение 4 апреля, кончил жизнь вместе с окончанием возложенного на него важного дела, и тело его предано земле накануне того дня, когда совершилась казнь преступника. Энергия и настойчивость, с которыми он вел это дело, еще усилили популярность, заслуженную им усмирением мятежа в Северо-Западном крае. Граф М.Н. Муравьёв принадлежал к числу тех типичных личностей, которых цельный характер и твердый образ действий производят на массу обаятельное впечатление. Он имел столь же горячих поклонников, как и озлобленных противников. Одни восхваляли необыкновенную энергию и патриотическую ревность, с которыми он так быстро справился с мятежом в Северо-Западном крае, восстановил в нем русскую власть, освободил его от польского захвата, а затем обнаружил таинственную сеть злодейских замыслов внутренних врагов государства; другие же не могли простить ему крутых мер, употребленных для подавления мятежа, суровости, с которою он расправлялся со всеми причастными к польской крамоле личностями, без внимания к их званию и общественному положению, беспощадности, с которою он искоренял в крае преобладание польской аристократии, шляхетства и католического духовенства. Насколько одни в своем патриотическом сочувствии заслугам графа Муравьёва увлекались до слепого поклонения, настолько же другие доводили свое озлобление против гонителя поляков до ненависти. Но те, которые не принадлежали ни к той, ни к другой из этих двух категорий, судившие объективно, без предубеждения, хотя и не одобряли безусловно всех действий графа Муравьёва, сознавали несимпатичные стороны его характера и политических принципов, не могли, однако же, не принять в соображение исключительных обстоятельств, при которых он принял в свои руки управление краем, и должны были отдать полную справедливость оказанной им государству важной заслуге.

Мое личное знакомство с графом М.Н. Муравьёвым началось с того времени, когда он еще в гражданском чине тайного советника был избран в вице-президенты Географического общества, а я принимал в работах этого общества деятельное участие. Это было в 1849 и 1850 гг.; в возникшей тогда в среде Общества горячей борьбе между молодым русским элементом и старым

немецким Михаил Николаевич стал на нашу сторону, т. е. русскую, и по временам мы собирались у него на домашние совещания[181]. Впоследствии, когда я был назначен управляющим Военным министерством и потом министром, мне пришлось возобновить личные с ним сношения: тогда он занимал три должности: министра государственных имуществ, председателя Департамента уделов и главноначальствующего Межевым корпусом. Товарищем его по министерству был Александр Алексеевич Зелёный, с которым также я был знаком с прежних времен, когда он еще служил по межевому ведомству. До 1863 года между М.Н. Муравьёвым и мною не было близких отношений; мы слишком расходились с ним во взглядах и характере: он был одним из истых крепостников, не сочувствовал вообще тогдашним гуманным нововведениям, имел наклонность к самовластию, не стеснялся строгою законностью и был не разборчив на средства для достижения своих видов. Товарищ же его А.А.Зелёный, прошедший чрез школу морской службы, а позже командовавший полком в Севастополе, был во всех отношениях человек хороший и симпатичный, с русским здравым умом, хотя с узким взглядом государственным. Оба они, и Муравьёв, и Зелёный, имели одну общую черту: они принадлежали к числу тех русских патриотов, которых тогда прозвали в шутку «русопетами». Во всех вопросах административных и политических они становились на исключительную точку зрения русской национальности и в этом отношении становились в оппозицию с другими правительственными лицами, отличавшимися взглядами космополитическими. Вот эта особенность и сблизила меня с ними в ту эпоху, когда наступила польская смута и когда необходимо было поднять русское народное знамя для поддержания цельности и единства империи. Тогда самою силою вещей мы сделались союзниками, по крайней мере во всем, что касалось дел польских, а также и прибалтийских, где также приходилось бороться с местными сепаратистскими стремлениями. Мы были одинаково глубоко убеждены в необходимости самых энергических и систематических действий со стороны русского правительства, чтобы не только восстановить пошатнувшуюся власть в польских землях, но и вырвать с корнем все зародыши к новым в будущее время попыткам к отпадению или обособлению этой части империи. Вот почва, на которой мы сошлись, оставаясь во всем другом по-прежнему совершенно в разных лагерях.

Ко времени кончины графа Муравьёва, то есть к концу августа, Верховный уголовный суд счел возможным постановить только отдельный приговор о самом Каракозове, преступление которого было так явно, что не требовалось дальнейшего разбирательства, тогда как решение судьбы сообщников его и соучастников в тайном преступном обществе могло затянуться еще на некоторое время. Признавалось неудобным слишком долго отлагать кару такого преступника, как Каракозов, и потому приговор его к смертной казни чрез повешение объявлен был формально 31 августа, а 3 сентября в 7 часов утра приведен в исполнение на Смоленском поле при стечении массы народа.

В тот же день, 31 августа, объявлен приговор суда и привлеченному к делу ординатору 2-го военно-сухопутного госпиталя Александру Кобылину, с которым Каракозов виделся в госпитале, когда приходил туда за советом врача[182]. Кобылин оговорен был Каракозовым в знании его намерения совершить цареубийство и в доставлении ему яда. Но суд не нашел юридических улик и постановил освободить Кобылина.

Что же касается до прочих 34 подсудимых, то суд над ними продолжался еще около месяца, и лишь 24 сентября объявлен приговор: Ишутин, признанный зачинщиком замысла о цареубийстве и основателем преступного сообщества, приговорен к смертной казни повешением; семеро, уличенные в знании преступных целей общества, но пытавшиеся отклонить Каракозова от злодейского умысла, осуждены на каторжные работы: одни — в рудниках (Странден и Юрасов) без срока, один (Ермолов, несовершеннолетний) — на 20 лет; другие — в крепостях (Загибалов, Шаганов и Николаев — на 12 лет; Мотков, по несовершеннолетию — на 8), затем восемь подсудимых присуждены к ссылке в Сибирь на поселение. В этом числе были: Худяков как не изобличенный в знании замысла Каракозова; Федосеев, покушавшийся (по подговору других сообщников и при содействии Николаева и Маркса) на убийство своего отца с целью завладеть его наследием для доставления денежных средств тайному сообществу. Остальные подсудимые приговорены к меньшим степеням наказаний: ссылке на житье в Сибирь, заключению в крепости и, наконец, к административным взысканиям, по усмотрению министра внутренних дел. В числе таких подсудимых некоторые были признаны виновными в укрывательстве государственного преступника Домбровского, а другие — в умысле ос-

вободить государственных преступников Чернышевского и Серно-Соловьевича.

Некоторые из осужденных обратились к царскому милосердию, и по докладе их прошений министром юстиции последовало для многих из них облегчение наказаний: Страндену и Юрасову, приговоренным к каторге без срока, определены сроки 20 и 10 лет; Загибалову, Шаганову, Моткову — сроки уменьшены наполовину, а Николаеву — с 12 на 8 лет; двоим (Александру Иванову и Липкину) ссылка на поселение заменена ссылкою на житье, а одному (Дмитрию Иванову, несовершеннолетнему) — отдачею в военную службу рядовым, «дабы дать ему возможность, — как сказано в Высочайшем повелении, — ревностною службою Престолу и Отечеству доказать на деле то раскаяние, которое он выказал пред Верховным уголовным судом».

Приведение в исполнение приговора суда было назначено на 4 октября на том же самом месте, где за месяц пред тем совершена казнь Каракозова. В 7 часов утра, когда все глаза собравшейся толпы были устремлены на роковую виселицу, прискакал фельдъегерь с объявлением Высочайшей милости — замены Ишутину смертной казни ссылкою в каторжные работы в рудниках без срока и смягчения другим преступникам присужденных им наказаний.

Так закончился этот прискорбный эпизод царствования императора Александра II. Государственное правосудие исполнило свое дело; указанные Следственною комиссиею жалкие личности понесли заслуженные кары, но, к сожалению, зло не было вырвано с корнем. Процесс каракозовский был только первым актом той печальной юридической драмы, которая, развиваясь потом все в больших размерах, омрачила последние годы и конец царя-освободителя.

ОБРУЧЕНИЕ И БРАКОСОЧЕТАНИЕ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

10 сентября из Копенгагена отплыла на датском пароходе «Шлезвиг» принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмар, невеста русского Наследника Цесаревича, в сопровождении брата ее, наследного принца Датского. Конвоировали русские военные суда: яхта «Штандарт» и фрегат «Олаф», на которых посланы были навстречу принцессе русские адмиралы генерал-адъютант

граф Гейден (Логгин Логгинович) и Свиты Е. В. контр-адмирал Сколков. Свиту принца и принцессы Датских составляли: гофмейстерина королевы г-жа Билле, камер-фрейлина д'Эскиль и обер-гофмаршал короля генерал Оксгольм, не раз уже бывавший в Петербурге с дипломатическими поручениями.

В Кронштадте для встречи высоконареченной невесты все наличные военные суда, числом до 19, были выстроены в две линии на Большом и на Восточном рейдах. 13 сентября Государь произвел смотр этой эскадре. С ним прибыли на яхте «Александрия» Наследник Цесаревич и великие князья: Владимир и Алексей Александровичи и генерал-адмирал Константин Николаевич. Прошед вдоль линии судов, яхта остановилась у корвета «Баян», на котором находились воспитанники старших классов Морского корпуса. Государь осмотрел как этот корвет, так и стоявший рядом с ним фрегат «Громобой», с младшими морскими кадетами. На том и другом судне произведено было кадетам учение артиллерийское и парусное. Затем Государь посетил фрегат «Ослябя», на котором незадолго пред тем возвратился из практического плавания великий князь Алексей Александрович. На фрегате также произведено было парусное учение по команде великого князя Алексея Александровича, которого тут же Государь произвел в чин лейтенанта*; командира же фрегата капитана 2-го ранга Кремера назначил флигель-адъютантом. На другом из возвратившихся судов, корвете «Витязь», произведено было артиллерийское учение и примерный десант, после чего Государь с тремя сыновьями возвратился в Петербург, где и остался ночевать в ожидании предстоявшего на другой день прибытия принцессы. Великий же князь Константин Николаевич на фрегате «Рюрик» вышел в море навстречу невесте в сопровождении яхты «Стрельна». Императрица с младшими детьми также ночевала в Петергофе, чтобы на следующий день в 9 часов утра сесть на яхту «Александрия» и встретить принцессу в Кронштадте.

14-го числа датская яхта, сопровождаемая русскими судами, показалась в виду кронштадтского Большого рейда около 11 часов утра и была приветствована салютом со всех стоявших на

* В тот же день объявлено в военном приказе о производстве его в поручики. На другой же день, 14-го числа, произведен в этот же чин великий князь Николай Константинович как сверстник великого князя Алексея Александровича.

рейде судов и с фортов. При оглушительном гуле выстрелов встретились королевская яхта с императорскою. Государь перешел на датскую яхту и проводил принцессу с ее братом на яхту «Александрия», на которой императрица приняла невесту в свои объятия. Затем яхта направилась обратно к Петергофу и пристала у «Военной» гавани, где был устроен временный павильон, украшенный зеленью и цветами. Погода в этот день была превосходная, даже жаркая. Императрица первая вышла на берег и, взяв принцессу под руку, провела ее к экипажу, между стоявшими с одной стороны войсками, а с другой — дамами, которые усыпали путь цветами. Императрица села в открытую четырехместную коляску с принцессой и с великою княжной Марией Александровной. В других трех экипажах разместились придворные дамы и гофмаршал. Поезд двинулся по аллеям Нижнего сада, вдоль которых с одной стороны выстроены были войска шпалерами, с другой же тянулась непрерывная толпа народа. Поезду предшествовал полуэскадрон Собственного Е. В. конвоя. Сам Государь с принцем Датским и четырьмя великими князьями сопровождал верхом экипаж императрицы, имея позади себя лишь небольшую свиту: министра Двора, командующего Императорскою Главною квартирой, дежурных генерал-адъютанта, генерал-майора Свиты и флигель-адъютанта и шталмейстеров. Поезд замыкался вторым полуэскадроном Собственного Е. В. конвоя. На всем пути крики «ура» провожали принцессу, которая отвечала приветливыми поклонами на обе стороны.

После небольшого отдыха в Александрии, Их Величества с принцессою-невестой и принцем Датским сели в дорожные экипажи и поехали по шоссе, ведущему к Царскосельской станции Петербурго-Варшавской железной дороги, куда переехали вперед и другие лица из числа находившихся при первой встрече в Петергофе. Тут же на станции ожидали прочие члены Императорской фамилии и вся свита Государя и великих князей. От станции вдоль всей дороги чрез парк до Большого дворца по одной стороне были выстроены войска шпалерами, а по другой теснилась масса народа. На дворе пред фасадом дворца поставлена была артиллерия, которая должна была производить пальбу во все время движения поезда от станции железной дороги до дворца.

Около 3 часов сигнальный выстрел возвестил прибытие Их Величеств на железнодорожную станцию, где принцесса была

встречена всею царскою семьей. У подъезда станции ожидали парадные кареты для дам и придворной свиты, а Государь, принц Датский, великие князья и многочисленная военная свита сели верхом. Поезд открывался эскадроном Собственного Е. В. конвоя, за ним в двухместном открытом экипаже ехала императрица с принцессой; у задних колес экипажа ехали по сторонам обер-шталмейстер и командир Собственного Е. В. конвоя. Рядом с экипажем императрицы ехали верхом с одной стороны Государь, с другой — Наследник Цесаревич, а за ними прочие великие князья и свита. За каретою же императрицы ехали в двух экипажах великие княгини Александра Иосифовна, Александра Петровна и Екатерина Михайловна, великие княжны Мария Александровна и Ольга Константиновна и княжна Евгения Максимильяновна. Далее несколько четырехместных экипажей с придворными дамами и кавалерами, а в хвосте всего поезда лейб-эскадрон лейб-гвардии Гусарского полка.

Поезд подвигался большою рысью. Гул выстрелов сливался с военною музыкой и криками «ура». Яркое солнце освещало блестящую обстановку торжественного въезда будущей императрицы Российской. При выходе Ее Величества с принцессою у большого подъезда дворца встретили их собравшиеся в больших сенях чины Двора и почетный караул дворцовых гренадер. На верхней же площадке большой лестницы стоял караул Кавалергардского полка. Поднявшись по этой лестнице Их Величества, рядом с принцессою, имея позади себя лишь небольшую свиту, и затем вся царская фамилия прошли по анфиладе зал к церковным хорам. Придворное духовенство встретило их с крестом и святою водой в комнате у церковной лестницы при колокольном звоне, и затем началось в церкви молебствие. По окончании его вся царская фамилия прежним порядком прошла обратно по залам дворца, наполненным чинами придворными, гражданского и военного ведомств и всеми лицами «обоего пола, имеющими приезд ко Двору». Был уже 6-й час вечера, когда царская фамилия удалилась во внутренние покои, а мы все, присутствовавшие при торжестве, разошлись по домам, чтобы отдохнуть после утомительной церемонии.

Принцесса Дагмар с первого появления своего произвела самое приятное впечатление на всех видевших ее; все имевшие случай к ней приблизиться нашли, ее во всех отношениях очаровательною. Даже в толпе народа, бродившего вечером по ули-

Принцесса Дагмара

цам Царского Села во время иллюминации и теснившегося на Софийском плацу, где приготовлен был фейерверк, только и слышны были похвалы будущей цесаревне. К началу фейерверка царская фамилия прибыла в поставленную на Софийском плацу палатку, и при появлении шарабана с Наследником Цесаревичем и невестой его раздались оглушительные крики «ура».

В последующие два дня принцесса знакомилась с царскою семьей и отдыхала. 15-го числа вечером Царскосельский парк был великолепно иллюминован; царское семейство каталось на маленькой яхте по озеру, живописно освещенному, при неумолкаемых криках «ура» теснившейся на берегах публики.

На 17-е число назначен был торжественный въезд в Петербург. В этот день с раннего утра петербургские улицы, по которым предстояло следовать процессии от станции Царскосельской железной дороги, по Загородному проспекту, Владимирской, Невскому проспекту, Малой Миллионной к главным воротам Зимнего дворца, разукрасились великолепно флагами русскими и датскими, коврами, зеленью и цветами. Массы любопытных заранее заняли места, устроенные в разных пунктах, расположились во всех окнах, на балконах, даже на крышах. Вдоль означенных улиц по обеим сторонам их стали войска шпалерами. На Семеновском плацу стала артиллерия с орудиями, снятыми с передков; батарея ж Артиллерийского училища — на Адмиралтейской площади также со снятыми с передков орудиями. Погода вполне благоприятствовала торжеству; несмотря на позднее время года, солнце ярко сияло, было даже жарко.

Около $11^1/_2$ часов утра царский поезд железной дороги, подходя к Петербургской станции, был приветствован пальбою артиллерийских батарей на Семеновском плацу. Пальба эта продолжалась во все время шествия. В голове процессии шел Кавказский эскадрон Собственного Е. В. конвоя, за ним началась длинная вереница придворных, начиная от камер-фурьера и лакеев до первых сановников: одни шли пешком, другие ехали верхом, далее — в четырехместных золоченых каретах, а церемониймейстеры с жезлами, гофмаршал и обер-гофмаршал (также с жезлами) — в открытых колясках цугом. За всею этой массой придворного люда шел Казачий эскадрон Собственного Е. В. конвоя, за которым ехала в двухместной парадной золоченой карете, запряженной 8-ю лошадьми цугом, императрица с принцессою-невестой; при каждой лошади шел конюх; у задних колес, по обеим сторонам, ехали верхом обер-шталмейстер и командующий конвоем; у ремней кареты — два пажа. Сбоку кареты ехали сам Государь, Наследник Цесаревич, а за ними — все великие князья и свита. Затем в двух каретах, также золоченых четырехместных, но запряженных каждая 6-ю лошадьми, ехали великие княгини и великие княжны, также окруженные шталмейстерами, пажами, конюхами. За третьею каретой следовал эскадрон лейб-гвардии Кирасирского Е. В. полка, за которым ехали в каретах особы придворной свиты и, наконец, эскадрон Атаманского казачьего полка замыкал весь поезд.

В таком порядке двигался поезд медленно и торжественно по названным улицам при неумолкавшем гуле пушечных выстрелов, колокольного звона, военной музыки и криков «ура», раздававшихся отовсюду — и снизу от войск и стоявшего за ними народа, и сверху из окон, с балконов и крыш. Это было действительно блестящее зрелище. Выстрелы, музыка и крики умолкли только в ту минуту, когда царский экипаж подъехал к паперти Казанского собора и когда Их Величества с принцессою, членами Императорской фамилии и небольшою свитой вошли в церковь. После краткого молебствия в Казанском соборе поезд снова тронулся далее по Невскому проспекту, и вместе с тем возобновился прерванный на время гул, переносившийся, как волна, вдоль проспекта до самого дворца, по мере движения поезда. С приближением царского экипажа к арке Главного штаба раздались выстрелы с Адмиралтейской площади, а когда Их Величества с принцессою-невестой, въехав во двор Зимнего дворца, к Посольскому подъезду, вошли во внутрь дворца, раздались выстрелы с Петропавловской крепости. В парадных сенях уже ждали придворные чины и дамы; вся процессия двинулась по парадной лестнице, чрез Аванзал, Фельдмаршальскую, Гербовую к Большой дворцовой церкви, у входа которой встретило придворное духовенство с крестом и святою водой. В церкви отслужено было молебствие, и затем процессия двинулась обратно, чрез те же залы и Николаевский во внутренние покои. Несколько минут спустя принцесса показалась на балконе толпившемуся на площади народу и была приветствована восторженными «ура». Вечером петербургские улицы были иллюминованы, в некоторых местах расставлены хоры военной музыки, густые толпы до самой ночи теснились на Дворцовой площади, по Невскому проспекту и обеим Морским.

На другой день, 18 сентября, дан был парадный спектакль в Большом театре. Толпы народа встречали и провожали царский экипаж с криками «ура» по иллюминованным улицам от дворца до Большого театра и обратно. На другой же день царская фамилия возвратилась в Царское Село, а 21 сентября наследный принц Датский уехал обратно в Копенгаген. Государь проводил его до Петербурга, а Наследник Цесаревич и великий князь Владимир Александрович — до самого Кронштадта.

После того в Царском Селе наступило на некоторое время полное спокойствие в ожидании новых обрядов миропомазания

Наследник Цесаревич великий князь Александр Александрович и его невеста принцесса Дагмара

принцессы и обручения ее с цесаревичем. Около трех недель принцесса готовилась ко вступлению в лоно православной Церкви. Наставником ее в деле вероучения был протоиерей Иван Васильевич Рождественский — человек ученый и разумный. Русский язык принцесса начала изучать еще в Дании, под руководством состоявшего при русском посольстве в Копенгагене отца Янышева.

12 октября происходила в Зимнем дворце церемония миропомазания. В 11 часов утра начался обыкновенным порядком «выход»; Их Величества с принцессою-невестой и всеми членами Императорской фамилии (в числе которых был и принц Александр Гессенский) прошли между двумя сплошными массами собравшихся чинов всех ведомств и всех рангов, чрез залы: Концертный, Николаевский, Аванзал, Фельдмаршальский и Гербовый к Большой дворцовой церкви. Пред входом в нее встретил митрополит Исидор с придворным духовенством. Государь, взяв за руку принцессу, подвел ее к митрополиту; по уста-

новленному церковному обряду, она прочла твердым и громким голосом и с довольно чистым произношением, установленные молитвы и правила, после чего она была введена в церковь, где и совершен обряд миропомазания, а затем отслужена литургия. Принцесса, нареченная великою княжной Марией Фёдоровной, приобщилась Святых Тайн по православному обряду, а по окончании службы принимала в церкви поздравления от высшего духовенства и членов Императорской фамилии. При этом Государь обратился к протоиерею Рождественскому как законоучителю принцессы с лестными выражениями благодарности. Процессия возвратилась прежним порядком чрез те же залы во внутренние покои.

На другой день, 13-го числа, в $12^1/_2$ часов церемония обручения началась тем же самым порядком, как и накануне, но на этот раз в числе присутствовавших в церкви находился и дипломатический корпус. Во главе его стал датский посланник барон Плессен. По вступлении в церковь, Государь взял за руки Наследника Цесаревича и его невесту и поставил их рядом пред аналоем на возвышении пред Царскими вратами. Из алтаря вынесены были на золотых блюдах обручальные перстни, для цесаревича — духовником Их Величеств протоиереем Вас[илием] Бор[исовичем] Бажановым, а для невесты — законоучителем ее протоиереем Ив[аном] Вас[ильевичем] Рождественским. Митрополит совершил обряд обручения, возложив перстни на руки обручаемых, а Государыня императрица, подойдя к аналою, разменяла перстни три раза установленным порядком. По окончании этого обряда обрученные подошли к Их Величествам, которые обняли их, и затем подходили с поздравлениями все члены царской фамилии. Началось молебствие с провозглашением многолетия при пушечных выстрелах с крепости. Было уже около 2 часов пополудни, когда процессия возвратилась прежним порядком во внутренние покои.

В $4^1/_2$ часа чины трех первых классов снова съехались во дворец к большому парадному обеду в Николаевском зале. За столом особам Императорской фамилии прислуживали придворные чины и пажи; на хорах пели артисты итальянской и русской оперы. В конце обеда провозглашены были, при пушечных выстрелах и шумах, тосты: за Их Величества, за высокообрученных, за прочих членов Императорского дома, за Их Величества

короля и королеву Датских, за духовенство и всех верноподданных.

В продолжение всего дня производился во всех церквях колокольный звон, а вечером город был иллюминован. К 8 часам вечера снова назначен был съезд в Зимний дворец на бал «всем лицам, имеющим приезд ко Двору». Большие залы Георгиевская и Гербовая были битком набиты. Пред балом высокообрученные принимали в Концертном зале поздравления от дипломатического корпуса, после чего вся Императорская фамилия вышла в Гербовый зал, несколько раз обошла «польским» обе залы, и тем кончился «бал». Около 10 часов залы уже опустели. День этот был до крайности утомителен; пришлось почти безвыходно оставаться во дворце с утра до ночи. Но толпы народа долго еще теснились на Дворцовой и Адмиралтейской площадях, по всему Невскому проспекту и по Морским: эта часть города выдавалась своею блестящею иллюминацией.

15 октября происходил на Марсовом поле большой смотр войскам в походной форме (то есть в шинелях и высоких сапогах). На смотру находилось 30 батальонов, 34 эскадрона и 12 батарей.

К предстоявшему бракосочетанию Наследника Цесаревича с половины октября начали съезжаться в Петербург отсутствовавшие члены императорского семейства: великие князья Сергей и Павел Александровичи прибыли из Крыма 15-го числа, великий князь Михаил Николаевич с великою княгинею Ольгою Фёдоровною приехали с Кавказа чрез Одессу и Варшаву, великая княгиня Елена Павловна возвратилась из-за границы 22 октября. Наследный принц Датский вторично прибыл чрез Ригу 21-го числа, а наследные принцы Прусский и Английский — чрез Вержболово 23 и 25 октября. Все три принца привезли с собою довольно многочисленные свиты; в числе лиц, сопровождавших принца Прусского состояли два генерала, отличившиеся в последнюю войну, — Штейнмец и Блументаль. Кроме того, прибыл принц Герман Саксен-Веймарский; принцы Александр Гессенский и Альберт Саксонский находились уже ранее в Петербурге. Съехались и все отсутствовавшие представители держав при петербургском Дворе: испанский посол герцог д'Оссуна, французский — барон Талейран, английский — сэр Андрю Буханан, прусский посланник граф Редерн и австрийский — граф Ревертера, который поднес 24-го числа Наследнику Цеса-

ревичу орден Св. Стефана. От некоторых государств присланы были специальные посольства: от греческого короля — его генерал-адъютант Колокотронис с тремя офицерами, от великого герцога Ольденбургского — гофмаршал барон Дальвиг, от турецкого султана — посланник турецкий в Берлине Аристархи-бей, от шаха персидского — Абдурахим-хан, от сербского князя — Маринович.

27 октября, накануне бракосочетания, вся царская фамилия переселилась из Царского Села в Петербург. 28-го же числа с утра выстрелы с Петропавловской крепости возвестили столичному населению о предстоящем торжестве. К полудню съезд в Зимний дворец был многочисленнее, чем когда-либо. В особенности бросались в глаза полный и блестящий состав дипломатического корпуса и пестрота иностранных мундиров, а также большое число съехавшихся дам, занявших сплошным фронтом всю длину Гербового зала. Только к часу пополудни окончено было одевание невесты. Когда она вышла со всем царским семейством в Концертный зал, все глаза устремились на нее: она была действительно прелестна в своем блестящем наряде, с бархатною малиновою, подбитою горностаем мантией и с короною на голове. Длинный шлейф ее поддерживали гофмаршал Двора Наследника Цесаревича Скарятин и четыре камергера. Наследник Цесаревич был в мундире своего казачьего Атаманского полка с датскою лентою ордена Слона и Андреевскою цепью. Шествие чрез залы в церковь отличалось от бывшего 13-го числа тем, что вслед за Их Величествами шли невеста и жених рядом; позади их — трое наследных принцев, а за ними — прочие иностранные принцы.

По вступлении в церковь (так же, как и при обряде обручения), Государь подвел невесту и жениха к аналою, поставленному на возвышении пред Царскими вратами. Обряд венчания совершал духовник Их Величеств протоиерей Вас[илий] Бор[исович] Бажанов. Венцы держали поочередно: над женихом — великие князья Владимир и Алексей Александровичи, а над невестой — ее брат, наследный принц Датский, и князь Николай Максимильянович герцог Лейхтенбергский. По окончании венчания было отслужено молебствие с провозглашением, при пушечных выстрелах с крепости, многолетия Их Величествам, новобрачным и всему царскому Дому, затем духовенство и члены Императорской фамилии подходили с поздравлением к Их Ве-

личествам и к новобрачным. Шествие прежним порядком возвратилось во внутренние покои.

Весь остаток дня был распределен совершенно в таком же порядке, как и день обручения, то есть в 5 часов — большой обед в Николаевском зале, в 8-м — съезд на бал в Гербовом и Георгиевском залах, целый день — колокольный звон, а вечером — иллюминация. Разница состояла лишь в том, что за столом, сверх назначенных по церемониалу тостов, Государь провозгласил еще тост в честь наследного принца Английского, по случаю дня его рождения, и что после бала, в 10 часов вечера происходил еще торжественный переезд новобрачных в Аничковский дворец[183]. Поезд открывался эскадроном (казачьим) Собственного Е. В. конвоя, за ним ехали в парадных золоченых каретах разные чины Двора, потом эскадрон лейб-гвардии Атаманского казачьего полка, за которым ехали в золоченой же карете, запряженной 8 лошадьми, Их Величества вместе с новобрачными, затем ряд парадных карет с прочими членами Императорской фамилии и придворными дамами. Поезд подвигался медленно по Невскому проспекту, роскошно иллюминованному, между теснившимися по обеим сторонам улицы массами народа, при неумолкавших криках «ура». По прибытии в Аничковский дворец новобрачных встретили наверху парадной лестницы великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Александра Иосифовна, прибывшие во дворец заранее и ожидавшие с иконою и хлебом-солью, чтобы, по русскому обычаю, благословить молодых на пороге их нового жилья. Затем царская фамилия и некоторые из придворных дам, назначенные для раздевания новобрачной, вошли во внутренние покои, а прочие лица остановились в парадных комнатах. Вся церемония окончилась около полуночи.

В этот день я не мог присутствовать на торжестве, по причине болезни, и потому принес письменно поздравление Их Величествам. Расстройство моего здоровья продолжалось недолго: оно было последствием частию простуды, частию несоразмерного с силами утомления от непрерывного ряда придворных обязанностей в соединении с напряженною работою кабинетною, преимущественно по ночам, а еще более с досадами и огорчениями, которые приходилось мне в то время испытывать в тяжелой борьбе с прискорбною реакцией и интригой, — о чем, впрочем, речь впереди.

Великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Александра Иосифовна с сыном Николаем

Торжественный не только для царского семейства, но и для всей России день 28 октября ознаменовался обычным манифестом[184] о разных милостях и льготах как в отношении смягчения наказаний известным категориям преступников, так и облегчения недоимок, долгов и т. п. По военному ведомству последовало Высочайшее повеление распространить на Кубанское и Терское казачьи войска оказанную уже ранее другим казачьим войскам важную льготу — сокращение срока действительной службы. Как по гражданскому, так и по военному ведомствам пожа-

лованы многие награды и последовали разные высшие назначения. Новобрачный Наследник Цесаревич назначен членом Государственного совета и вторым шефом всех полков, которых Государь считался первым шефом. Наместник в Царстве Польском и главнокомандующий войсками Варшавского округа граф Берг (присутствовавший при торжестве бракосочетания) произведен в фельдмаршалы. Возведены в графское достоинство адмирал Литке и генерал-адъютант Граббе, последний с увольнением от должности атамана Донского войска и с назначением членом Государственного совета. Также членами этого Совета назначены: генерал от инфантерии Дюгамель, уволенный от должности западно-сибирского генерал-губернатора и командующего войсками Западно-Сибирского военного округа, генерал-адъютанты князь Григ[орий] Дм[итриевич] Орбельян, граф Александр Влад[имирович] Адлерберг, адм[ирал] Новосильский, действительный тайный советник князь Пётр Андр[еевич] Вяземский и товарищ министра иностранных дел Н.А. Муханов. Генерал-адъютантам Безаку и Коцебу пожалован орден Св. Андрея Первозванного, статс-секретарь Валуев произведен в действительные тайные советники, а генерал-адъютант барон Фредрихс (товарищ главноуправляющего IV отделением Собственной Е. В. канцелярии) — в полные генералы. Назначены генерал-адъютантами контр-адмиралы Свиты Посьет и князь Голицын (директор Инспекторского департамента Морского министерства), а флигель-адъютантами — командующий Атаманским казачьим полком полковник Родионов и персидский принц Риза-Кули-Мирза (служивший в Собственном Е. В. конвое в чине штабс-ротмистра).

На место генерал-адъютанта Граббе и генерала Дюгамеля назначены: атаманом Донского войска генерал-адъютант Потапов* с производством в генерал-лейтенанты, а в Западную Сибирь — генерал-лейтенант Хрущов. На место Ф.М. Новосильского исправляющим должность главного командира Кронштадтского порта поступил генерал-адъютант Лесовский. Товарищем министра иностранных дел, на место Н.А. Муханова, назначен тайный советник Влад[имир] Ил[ларионович] Вестман, занимав-

---

* Потапов получил только 13 октября звание генерал-адъютанта, неизвестно за что; замечу только совпадение этого назначения с увольнением генерал-адъютанта Кауфмана.

ший до того времени должность директора канцелярии министерства. По Военному министерству последовала довольно значительная перемена в личном составе: тайный советник Устрялов, давно уже тяготившийся должностью главного интенданта, получил назначение в члены Военного совета; место его занял генерал-майор Михаил Петр[ович] Кауфман (начальник Николаевской инженерной академии и училища) с производством в генерал-лейтенанты; на место же его начальником академии и училища назначен генерал-майор Тидебель.

Непосредственно за бракосочетанием Наследника Цесаревича предполагался целый ряд приемов у новобрачных для принесения им поздравлений и разных празднеств, как то: парадных спектаклей и балов. Но все это было отложено «впредь до особого повеления». Состоялось только народное гуляние 29-го числа и трехдневная иллюминация; 30-го же числа — вечер с музыкой у великой княгини Марии Николаевны собственно для членов царской фамилии, иностранных принцев и ближайших лиц их свит*. 1 ноября происходил большой смотр войскам на Марсовом поле. На следующий день наследные принцы Английский и Датский с принцем Германом Саксен-Веймарским и свитами своими отправились в Москву, где пробыли два дня и возвратились в Петербург 5-го числа. В это короткое время они успели осмотреть достопримечательности города, бывать в театре, ходить по магазинам и лавкам (так называемым рядам) и даже посетить митрополита Филарета (также, вероятно, в числе достопримечательностей Москвы). Гостеприимный хозяин первопрестольной князь Владимир Андреевич Долгоруков угостил принцев роскошным обедом с музыкой, цыганами и иллюминацией, так что они даже опоздали на приготовленный для них поезд и выехали из Москвы в полночь.

В последних церемониях при Дворе обращало на себя общее внимание присутствие Шамиля, который незадолго пред тем (26 августа) принес торжественно присягу на верность российскому императору вместе с двумя сыновьями — Казы-Магома и Магомет-Шефи, из которых первый жил при отце в Калуге, а второй служил в Собственном Е. В. конвое. Присягнул он совершенно по собственной своей инициативе: он обратился

* Вскоре потом, 10 ноября, великая княгиня Мария Николаевна выехала за границу, во Флоренцию.

Шамиль

прямо к Государю красноречивым, в восточном стиле, письмом, в котором писал: «Ты, великий Государь, победил меня и народы, бывшие мне подвластными, оружием; Ты, великий Государь, подарил мне жизнь; Ты, великий Государь, покорил мое сердце благодеяниями». Затем выражались чувства благодарности «облагодетельствованного дряхлого старца», признававшего своим долгом внушить и детям своим обязанности их пред русским царем. «Я завещал им питать вечную благодарность к Тебе, быть верноподданными царям России и полезными слугами новому Отечеству»[185]. Как исполнил это завещание старший сын Шамиля Казы-Магома выказалось позже, чрез 11 лет[186]. «Успо-

кой мою старость, — продолжал Шамиль, — и повели, Государь, мне и детям моим принести присягу на верное подданство. Я готов принести ее всенародно. В свидетели верности и чистоты моих помыслов призываю всемогущего Бога, великого Пророка его Магомета и даю клятву на священном Коране пред недавно остывшим прахом моей наилюбимейшей дочери*. Соизволь, Государь, на мою искреннюю просьбу...» Просьба эта, конечно, была уважена, и присяга принесена Шамилем и обоими сыновьями его в Калуге, в зале Дворянского собрания, с торжественною обстановкою, в присутствии губернатора, губернского воинского начальника и других губернских властей. При этом Шамиль произнес трогательную речь, в которой подтвердил изложенные в приведенном выше письме чувства свои и обещания. После того он выразил желание лично предстать пред Государем и прибыл в Петербург пред торжествами бракосочетания Наследника.

4 ноября назначена была Шамилю официальная аудиенция. Государь с императрицей приняли его в Золотой гостиной (соседней с кабинетом императрицы); присутствовали министр Двора, несколько придворных и я. Шамиль, приблизившись к Их Величествам с почтительным достоинством, обратился сперва к Государю, а потом к императрице с речью, в которой с замечательным красноречием поздравил Их Величества с совершившимся браком Наследника престола и выразил свои чувства искренней преданности: «Не из одной благодарности за великодушные поступки, оказанные Вашим Величеством бывшему врагу, но повторю еще раз — по внутреннему глубокому убеждению. Если есть на земле человек, наиболее достойный быть представителем могущества Творца, то это Ты, Государь; если существует Трон, зиждущийся на сердцах подданных, то это Твой трон. Пусть знают все, что старец Шамиль, тридцать лет сражавшийся против Твоей Империи, на склоне дней своих чувствует сожаление, что не может родиться еще раз для того, чтобы посвятить всю свою жизнь на служение Твоей Империи...»

---

* Письмо писано вскоре после смерти любимой дочери Шамиля. Глубоко огорченный этою утратою, старик был весьма тронут присылкою в Калугу фельдъегеря с поручением оказать всякое содействие для перевозки тела умершей на Кавказ, согласно желанию Шамиля. На издержки по этой перевозке выдано было с Высочайшего разрешения пособие.

На длинную речь Шамиля, переданную переводчиком по-русски, Государь отвечал несколькими словами, упомянув между прочим, что вполне доволен службою младшего сына его в Собственном Е. В. конвое[187], на что Шамиль со свойственною ему находчивостью сказал: «Вашему Величеству служит сам Шамиль в лице своего сына. Пусть он многими годами службы заменит своего престарелого отца...» После этого представления Их Величествам Шамиль несколько дней сряду представлялся всем членам Императорской фамилии, также министрам и был приглашен на некоторые торжества при Дворе. Во всех случаях он держал себя с необыкновенным достоинством и тактом. У меня он был раза два, и я отдал ему визит. Не раз он повторял и мне выражения своей признательности за все благодеяния, оказываемые ему правительством для доставления ему удобств в жизни.

На другой день [после] аудиенции Шамиля, 5 ноября, Государю представлялись прибывшие в Петербург депутаты, назначенные от всех казачьих войск в состав комиссии, образованной при Управлении иррегулярных войск, для начертания проекта новых положений об устройстве казачьих войск в смысле согласования этого устройства с общими произведенными в государстве реформами*. Государь вышел к депутатам в мундире лейб-гвардии Казачьего полка и сказал им речь, в которой весьма категорично выяснил им цель предпринятых по его повелению работ в Военном министерстве по пересмотру казачьих законоположений. Разъяснение это было необходимо, чтобы вразумить казаков и положить конец ходившим между ними ложным слухам о намерении правительства совсем упразднить казачество. Государь весьма ясно высказал депутатам свою твердую волю сохранить навсегда за казачьими войсками их военное назначение и устройство, но вместе с тем предоставить населению казачьему и все те блага гражданского благоустройства, которые в последнее время дарованы всему остальному населению империи. Речь эта подействовала успокоительно на казаков, за это я

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Представителями от Донского войска были [генерал-майор] Ежов, полковник Денисов, еще один чиновник и один казак торгового общества; от Астраханского войска — войсковой старшина Жоголев, от Уральского — войсковой старшина Мартынов, от Оренбургского — полковник Чернов и от казачьих войск Восточной Сибири — штабс-капитан Генерального штаба Шанявский» (*примеч. публ.*).

принес Государю после приема депутатов глубокую благодарность.

Отложенные на время свадебные церемонии и празднества начались с 7 ноября: в этот день новобрачные принимали в Аничковском дворце поздравления от всех чинов, сословий и ведомств, начиная с высшего духовенства и членов высших государственных учреждений до депутаций от купечества, граждан, ремесленников и мещан, так что все утро было расписано по часам для разных групп представляющихся с 11 часов до $2^1/_2$; самое же представление продлилось далеко за этот час. На другой день, 8 ноября, справлялся обычным порядком полковой праздник лейб-гвардии Московского полка, а вечером был парадный спектакль в Большом театре. При входе царской фамилии в большую ложу раздались продолжительные крики «ура» и затем на сцене всеми оперными артистами пропет народный гимн. В хоре участвовали тогдашние знаменитости итальянской оперы: Тамберлик и г-жа Барбу. По требованию публики пропеты были также и народные гимны, английский и датский*. В антракте между оперою «Африканка» и балетом царская фамилия выходила в зал, куда приглашены были на чай члены дипломатического корпуса и некоторые из высших чинов. Спектакль закончился пропетым вторично народным гимном.

9 ноября дан в Зимнем дворце большой бал, отличавшийся блеском и роскошью. Танцы происходили в Николаевском зале, а ужин приготовлен был на 2 тыс. кувертов в нескольких залах: в Гербовом, где на эстраде поставлен был царский стол, в Георгиевском, Александровском и других, прилегающих к ним. Сам Государь не садился, а как хозяин обходил столы и разговаривал с некоторыми из гостей. Танцы продолжались до 2-го часа ночи.

По утрам 9 и 10 ноября Государь показывал иностранным принцам в манеже джигитовку Собственного Е. В. конвоя и кавалерийское учение двух эскадронов Кавалергардского и лейб-гвардии Конного полков. Празднества свадебные закончились блестящим балом, данным петербургским дворянством 21-го числа в обширной зале Дворянского собрания. Из иностранных гостей присутствовал на этом бале только наследный принц Датский, который уехал из Петербурга на другой день, 22 нояб-

* Принц Прусский выехал из Петербурга 6 ноября, чтобы поспеть в Берлин ко дню рождения своей супруги принцессы Виктории.

ря. Английский принц с Саксен-Веймарским выехали еще 17-го числа. Государь и царская фамилия провожали принцев и прощались с ними на железнодорожном вокзале. Постепенно оставляли Петербург и другие лица, съехавшиеся по случаю свадьбы Наследника. Великий князь Михаил Николаевич оставался до праздника Св. Георгия, который справлялся 26 ноября установленным порядком. Его Высочество, вместе с великою княгинею Ольгою Фёдоровной, выехав из Петербурга 1 декабря, на пути останавливался в Новочеркасске, осматривал Грушевские каменноугольные копи и прибыл в Тифлис 21 декабря.

В это же время выехал из Петербурга прусский посланник граф Редерн, который оставил свой пост и впоследствии был замещен принцем Рейссом, генералом прусской службы, бывшим до того посланником в Мюнхене.

ПОВОРОТ В НАШЕЙ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

Прискорбная реакция, наступившая в нашей правительственной деятельности после несчастного события 4 апреля, остановила ход начатых либеральных реформ и поколебала светлые надежды той группы передовых людей, которая видела в этих реформах зарю блестящей будущности России. С 4 апреля берет верх партия quasi — консерваторов или, вернее сказать, ретроградов. Представителем ее на первом плане является граф Пётр Шувалов; к нему примыкают все те личности, которые и прежде не сочувствовали либеральным реформам. Партия эта задумала воспользоваться преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить Государю недоверие ко всему, что было сделано на славу его царствования, и под видом укрепления расшатанной будто бы самодержавной власти восстановить господство высшего сословия над массою, по идеалу прибалтийских баронов[188].

К великому счастью России, наша консервативная, или ретроградная, партия имела представителями людей более самонадеянных, чем даровитых, способных более к разглагольствованию, чем к действию. Сам граф Пётр Шувалов, считавшийся в этой партии звездою, достигнув высокого положения и успев овладеть умом и волею Государя, выказал только ловкость и гибкость, но оказался не в силах провести что-либо существенное в интересах своей партии. Правда, что движение вперед в смысле либеральном было приостановлено, что в дальнейшем

направлении произведенных уже реформ многое было искажено, но реформы эти уже настолько изменили общее положение, что и самые заклятые крепостники, самые упорные ретрограды не смели открыто выступить поборниками дореформенных диких порядков, а должны были довольствоваться скрытыми кознями, лукавыми изворотами, чтобы по возможности ослабить и извратить действие реформ, прикрывая свои заветные стремления маскою защиты самодержавия и поддержания власти.

Я уже упомянул в другом месте, что из множества предположений, заявленных графом Шуваловым на первых же порах после 4 апреля в смысле репрессивных мер, немногое удалось ему провести в действие. Как в секретном совещании, собиравшемся под председательством князя П.П. Гагарина, так и в официальных заседаниях Комитета министров много говорилось о необходимости укрепления власти, об искоренении разрушительных и вредных начал, которыми заражено молодое поколение, и т. п., но каждая конкретная мера, которая в этих видах предлагалась графом Шуваловым и его подручниками, вызывала бесконечные споры, кончавшиеся почти всегда или устранением предложения, или таким изменением его, что в результате выходили одни фразы. После знаменитого рескрипта 13 мая на имя князя Гагарина более всего занял внимание Комитета министров вопрос об усилении власти местной администрации в лице губернаторов и уездных исправников. Вопрос этот обсуждался в нескольких заседаниях и возбудил продолжительные споры. Я был в числе тех немногих членов, которые высказывали мнение, что существующая у нас неурядица происходит совсем не от недостаточности прав и ограниченности власти местных администраторов, а, напротив того, от их произвола и самодурства, от неуважения к законности и личности; что обращение губернаторов в самовластных пашей не поднимет авторитета их, пока на эти должности будут назначаемы личности, не соответствующие тому высокому положению, на которое хотят поставить «начальников» губерний, и пока не будет изменена вся система административная сверху донизу. Все подобные возражения против шуваловских измышлений принимались тогда за оппозицию самому принципу самодержавия, за мнения демократические, конституционные. Однако ж Комитет после продолжительных споров сделал столько перемен в редакции первоначального проекта, что результат вышел опять весьма скромный и маловажный.

Постановление Комитета заключалось лишь в том, что губернатору как представителю высшей правительственной власти в губернии, обязанному иметь надзор за всеми административными учреждениями и должностными лицами гражданского ведомства, предоставлено право производить ревизии всех учреждений и контролировать личный состав их; для сего постановлено, чтобы все перемещения чиновников, определения их на должности, награждения и прочие распоряжения по личному составу учреждений проходили чрез губернатора. Кроме того дано ему право закрывать своею властью всякое собрание обществ, клубов и других подобных учреждений, если он признает их противными государственному порядку, безопасности или нравственности; подтверждены существовавшие и прежде обязанности губернатора в отношении прекращения всяких беспорядков, неповиновения властям и т. п.; наконец, подтверждены также права и обязанности уездных исправников, всех других должностных лиц и присутственных мест в отношении охранения порядка и безопасности. Постановление это было утверждено Государем 22 июля, но опубликовано только в начале ноября[189].

Таким образом, и тот вопрос, которому граф Шувалов и его партия придавали наибольшую важность, разрешился в сущности одними фразами — подтверждением того, что уже было в законе, напоминанием о правах и обязанностях, уже принадлежавших административным учреждениям и должностным лицам. В этом отношении постановление Комитета министров, Высочайше утвержденное 22 июля, можно вполне поставить в pendant* с рескриптом 13 мая: много риторики и мало содержания. В сущности не последовало никакого изменения в ходе губернской администрации, кроме разве только того, что некоторые из губернаторов сочли себя вправе самодурствовать еще более прежнего.

Реакции не удалось на первых порах ни закрыть Главный комитет об устройстве сельского состояния, ни произвести существенные изменения в самом законе 19 февраля 1861 года, но влияние ее отозвалось в частностях исполнения на местах. Реакция постаралась подкопаться под институт мировых посредников, который вначале оказал такую услугу делу освобождения

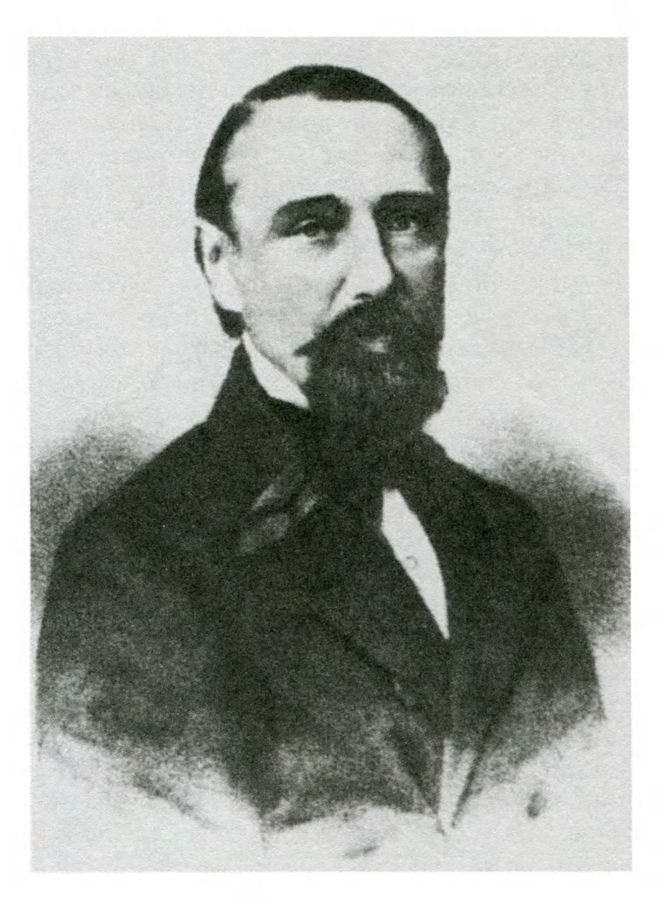
---

* Соответствие (*фр.*).

крестьян[190]. Не удалось также поколебать и новую судебную организацию, которая, несмотря на враждебное к ней отношение реакционеров, вводилась постепенно по округам, по мере ассигнования денежных средств. В самом Петербурге открытие 26 июля первого заседания окружного суда с присяжными заседателями было встречено общим сочувствием. Но и в отношении судебной части реакция измышляла все возможные меры, чтоб ограничить независимость суда, чтобы восстановить влияние администрации и полиции. За невозможностью прямым путем сломать Судебные уставы ревнители самодержавия и сильной власти бесцеремонно обходили судебный путь и широко прибегали к административным карам: к высылке людей, против которых не было юридических улик, в отдаленные местности, под надзор полиции. Многие из таких лиц держались в заключении или в III отделении, или в крепости, в ожидании решения участи.

То же самое можно сказать и о земских учреждениях, которые по наружности вводились и распространялись повсеместно, но значение их парализовалось всякими побочными мерами: беспрестанными отказами Министерства внутренних дел на представления и ходатайства земств, притом иногда в оскорбительной форме; запрещением печатания отчетов заседаний, ограничением компетенции земства и т. д. Подобными средствами реакции удалось хотя отчасти достигнуть своей цели: сами деятели земства мало-помалу перестали смотреть серьезно на это учреждение[191].

Реакция отозвалась и на печати. Журналистика наша была для министра внутренних дел, как бельмо на глазу. В газетах нередко появлялись статьи, в которых порицались действия правительства, клонившиеся к тому, чтобы тормозить ход произведенных реформ. В особенности доставалось министру внутренних дел со стороны «Московских Ведомостей», которые под знаменем ультрарусского патриотизма горячо нападали на всякое потворство польским или немецким тенденциям и часто своею резкостью переполняли чашу терпения Валуева[192]. Последний прибегал по временам к мерам карательным, установленным в подражание тогдашней французской системе «предостережений». Так, в самом начале года (13 января) объявлено было предостережение даже органу аристократов и крепостников — газете «Весть» в лице редакторов Скарятина и Юматова за выра-



М.Н. Катков

женную мысль о необходимости учреждения центрального земского собрания и за возбуждение в суждениях газеты о земстве розни между сословиями[193]. Несколько недель спустя, 26 марта, явилось первое предостережение «Московским Ведомостям» в лице издателей и редакторов их Каткова и Леонтьева за то, что «правительственным лицам приписываются стремления, свойственные врагам России, что мысль о государственном единстве империи выставляется как бы мыслью новою, будто бы встречающею в среде самого правительства предосудительное противодействие, и что подобные общие, произвольные, бездоказательные и неосновательные нарекания заключают в себе возбуждение недоверия к правительству...» «Московские Ведомости» и тогда уже представляли некоторую силу в глазах общества

и самого правительства, а вместе с тем издание это составляло доходную статью университета Московского. Поэтому объявленное предостережение произвело в Москве сильное впечатление, как будто бы нанесено было оскорбление святыне московской. Редакция сочла себя вправе не напечатать в своей газете полученного предостережения, как требует закон, а вместо того поместила в первом вышедшем нумере передовую статью вроде протеста против постигшей газету карательной меры. Опровергая мотивы, выставленные министром в своем обвинении, редакция высказала иронически, что сама добровольно подвергает себя денежному штрафу, установленному законом за совершенное сознательно нарушение статьи того же закона относительно порядка опубликования предостережений. Редакторы в своем протесте заявляли, что, при подобном образе действий со стороны министерства, издание газеты становится невозможным, и грозили прекратить издание[194].

Явное нарушение закона редакциею «Московских Ведомостей» было подвергнуто обсуждению Совета по делам печати. Голоса разделились: одни полагали объявить газете второе предостережение, другие признавали, что редакция должна быть привлечена к судебному преследованию. Журнал совета, состоявшийся в самый день злодейского покушения 4 апреля, был представлен на другой день министру, который положил решение, что «в ту минуту, когда во всей России должна преобладать одна мысль и должно господствовать одно единодушное чувство, он не желает принимать мер взыскания...» Но вместе с тем в «Северной почте», официальном издании Министерства внутренних дел, была напечатана по этому случаю объяснительная статья, в которой министр счел нужным доказывать неправильность взгляда редакции и в заключение выразился так: «Цензурное управление отдавало в свое время полную справедливость издателям "Московских Ведомостей"; ту же самую справедливость отдает им и Главное управление по делам печати в тех случаях, когда ее отдавать возможно. Оно будет сожалеть, если издатели "Моск[овских] Вед[омостей]" прекратят свою деятельность в этой газете. Это зависит от них и может последовать или на основании статьи 33 закона 6 апреля, через три месяца, или ранее, если "Моск[овские] Вед[омости]" подвергнутся в течение этого срока второму и третьему предостережениям. Главное управление обязано настоять на соблюдении закона и оградить

неприкосновенность законом вверенной ему власти. Эту обязанность оно исполнит...»

Это небывалое со стороны высшей администрации печатное объяснение своих действий и как бы препирательство с редакцией газеты явились как раз в то время, когда событие 4 апреля привело всю Москву в возбужденное состояние. Ежедневно происходили разного рода публичные демонстрации для выражения верноподданнических чувств; все другие злобы дня были на некоторое время позабыты. 10 апреля в зале Благородного собрания давался утренний концерт для сбора средств в пользу недостаточных студентов Университета. Как и при всех других сборищах многочисленной публики в то время, несколько раз был пропет народный гимн при оглушительных криках «ура»; в конце же концерта пение гимна подхватили студенты и бóльшая часть публики; всю залу объяло такое восторженное настроение, что толпа студентов и других лиц с распорядителями концерта во главе (Тарновским и Ник[олаем] Рубинштейном) двинулась из залы с непокрытыми головами к Иверской часовне, пропела там гимн и потом, постепенно все возрастая присоединением любопытных, переходила в полном порядке с места на место останавливаясь на Красной площади пред памятником Минина и князя Пожарского, пред Спасскими воротами, затем пред Кремлевским дворцом, пред зданием Университета, пред домом генерал-губернатора, и везде раздавалось пение гимна «Боже, царя храни» и «Спаси, Господи, люди твоя». На университетском дворе вышел навстречу студентам сам ректор Баршев и произнес речь, вызвавшую восторженные «ура». Генерал-губернатор князь Долгоруков также вышел на крыльцо, выслушал с непокрытой головой два раза пропетый студентами гимн, и затем вся толпа устремилась к Страстному бульвару, к университетскому зданию, где помещалась типография и редакция «Московских Ведомостей». Вызванные студентами редакторы газеты Катков и Леонтьев прослушали пропетый много раз гимн, и затем один из толпы подошел к редакторам и произнес речь, в которой, от имени всех присутствовавших, выразил общее сочувствие и благодарность редакторам за полезную и честную их деятельность. Вся толпа подтвердила это заявление криками «ура»[195].

Подобные демонстрации москвичей не оградили, однако же, от дальнейшего преследования «Московские Ведомости» так же, как и другие газеты. 14 апреля дано второе предостережение

«Петербургским Ведомостям» (в лице В. Корша) за превратные толки о земских учреждениях и за голословные обвинения административных властей в противодействии земству[196]. Затем, 6 мая, объявлено второе предостережение «Московским Ведомостям» опять «за возбуждение общественного недоверия к правительственной власти», а на другой день — третье предостережение и прекращение издания на два месяца. В тот же день, 7 мая, дано второе предостережение «Голосу» в лице А.А. Краевского за неправильные толкования о финансовых вопросах и за систематическое, голословное порицание правительственных распоряжений[197]. Вслед за тем обрушился ряд кар на другие газеты: «Петербургские Ведомости» и «Современник»[198] подверглись судебному преследованию, а вскоре и совсем прекращены «за вредное их направление» так же, как и газета «Русское слово»[199].

Прекращение издания «Московских Ведомостей» произвело в Москве настоящее смятение. Хотя в этом распоряжении и было оговорено, что оно не касается печатания казенных объявлений и всего того, «что издатели-редакторы обязаны печатать на основании заключенного контракта с Университетом, однако ж университетское начальство встревожилось, особенно когда Катков и Леонтьев заявили свое намерение вовсе отказаться от дальнейшего участия в издании университетской газеты. Сам генерал-губернатор князь Долгоруков поддержал ходатайство университета об отмене сделанного распоряжения, выставив притом на вид правительству тяжелое впечатление, произведенное прекращением издания «Московских Ведомостей» на все население Москвы.

Ввиду предстоявшей в то время поездки Государя в первопрестольную, делу «Московских Ведомостей» придано было значение чуть не политического вопроса. Начались между министрами совещания; доложено было Государю, и ровно чрез неделю по прекращении газеты, 14 мая, последовало разрешение правлению Московского университета возобновить издание газеты под временною редакциею профессора Любимова по указанию самого университета впредь до окончательной передачи газеты другим арендаторам. Разрешение это опять сопровождалось объяснением со стороны министра внутренних дел, что означенное распоряжение сделано согласно ходатайству самого университета и вследствие того, что прежние издатели-редакторы сами устранились от продолжения издания газеты, что, наконец, ми-

нистром приняты были во внимание и неудобства, проистекающие от приостановления «Московских Ведомостей» для читающей публики в Москве, где нет другой ежедневной газеты, и в разных местностях, где издавна предпочтительно выписываются «Московские Ведомости»...

Привожу все эти подробности, чтобы рельефнее выказать, какое значение тогда придавали московской газете даже в правительственных сферах и как осторожно относились к настроению общественного мнения в Москве. Некоторые из министров скорбели об устранении от издания прежних издателей-редакторов Каткова и Леонтьева, в которых видели даровитых и горячих бойцов за русское дело. Сам Государь, как кажется, колебался между двумя противоположными влияниями: с одной стороны, он не мог не придавать значения личностям, которые умели приобрести такое сильное влияние на общественное мнение и пользовались такою популярностью, в особенности в Москве — сердце земли русской; с другой же стороны, самое это влияние на общество журналистики вообще и двух означенных личностей, в частности, не слишком нравилось самодержцу. Особенно же не сочувствовал он всякой резкости и крайности в мнениях. При чрезвычайной мягкости своего характера, склонный всегда к действию в смысле примирительном, умеряющем, Государь не переносил даже и в журналистике живой, горячей борьбы между сторонниками противоположных убеждений.

Прибытие Государя в Москву 25 мая доставило поклонникам Каткова и Леонтьева благоприятный случай, чтобы поднять вопрос о возобновлении их публицистической деятельности. Для успеха дела стоило только заинтересовать в нем нового шефа жандармов, которому приятно было показать москвичам свое влияние и могущество, а вместе с тем приобрести популярность в белокаменной. Графу Шувалову не трудно было уверить Государя в том, что «Московские Ведомости» под редакцией прежних издателей их могут быть весьма полезным органом для направления общественного мнения в правительственном смысле. Граф Шувалов даже представил лично Каткова Государю, и в самый день отъезда Его Величества из Москвы, 22 июня, было объявлено, что «министр внутренних дел, принимая во внимание, что заключенный в 1862 году правлением Московского университета со ст[атскими] сов[етниками] Катковым и Леонтьевым контракт на передачу в их арендное содержание издания

газеты «Московские Ведомости» ныне возобновлен на новых основаниях, определил: разрешить возобновление издания газеты «Моск[овские] Вед[омости]» под редакциею ст[атских] сов[етников] М. Каткова и П. Леонтьева на основании нового контракта их с правлением университета.

Так воскрес феникс из своего пепла. 22 же июня вышел опять номер возобновленной газеты с подписью прежних издателей-редакторов. Москва ликовала. Начались снова овации Каткову и Леонтьеву. Решено было дать в их честь большой торжественный обед, который, однако же, состоялся только 17 июля в большой актовой зале университета. Несмотря на летнее время года, явилось так много желающих участвовать в торжестве, что огромная зала университета едва могла вместить их. Главными распорядителями были Пороховщиков и Четвериков — ярые деятели общественные Москвы. За обедом, как следует, возглашались тосты, говорились речи о заслугах виновников торжества, о новой у нас силе — силе печатного слова и честного, независимого мнения, о пробуждении национального чувства и т. д., и т. д. По окончании обеда Катков и Леонтьев, возвратившись к себе на дачу в Петровском парке, и там были встречены музыкой, новыми тостами и речами.

Эпизод с «Московскими Ведомостями» не положил конца преследованиям других органов печати. Но попытка преследования их судебным порядком оказалась не совсем удачною: случалось, что суд выносил оправдательный приговор, — и тогда поднималась в правительственных сферах страшная буря против суда и нападки вообще на судебную реформу усиливались. Дело, возбужденное против ответственного редактора журнала «Современник» А.Н. Пыпина и сотрудника Ю.Г. Жуковского, обвиненных в оскорблении достоинства всего дворянского сословия, кончилось в октябре приговором Петербургской судебной палаты, которая оправдала их в означенном обвинении, но, признав их виновными только в помещении в статьях журнала «неблагопристойной брани», присудила их к трехнедельному аресту и денежному штрафу в 100 рублей.

Неудовлетворенные результатами судебного преследования печати, граф Шувалов и Валуев обратились снова к карам административным. В декабре объявлено «Голосу» третье предостережение вместе с прекращением на два месяца этого издания, особенно ненавистного для наших ультраконсерваторов[200].

ДЕЛА ПОЛЬСКИЕ

В течение 1866 года в Царстве Польском проводился настойчиво ряд мер, законодательных и административных, имевших целью связать неразрывно эту окраину с империей. С назначением моего брата главным начальником Собственной Е. В. канцелярии по делам Царства Польского (19 мая) последовало Высочайшее повеление о сосредоточении в его руках всех законодательных работ по реформам в Царстве и высшего наблюдения за приведением их в исполнение.

Брату моему удалось поставить на высшие должности местной администрации в Царстве таких лиц, на которых он мог вполне полагаться. Главным деятелем был князь Влад[имир] Александр[ович] Черкасский, занявший должность председательствующего и главного директора Правительственной комиссии внутренних и духовных дел. В Комиссии финансов должность главного директора занял известный московский публицист и откупщик Александр Иванович Кошелев, а по народному просвещению — Фёд[ор] Фёд[орович] Витте. Все эти три лица были искренними и убежденными исполнителями предначертанного моим братом плана преобразований[201]. Как князь Черкасский, так и Кошелев не состояли до того времени на государственной службе, и когда брат мой предложил им занять означенные должности, то на первом шагу возникло недоумение относительно чинов их. Только с 1 января 1866 года им обоим, в виде исключительного случая, пожалован был прямо чин действительного статского советника. Но А.И. Кошелев недолго продержался на занятом месте: в течение того же 1866 года по каким-то несогласиям в мнениях он покинул служебную деятельность и был заменен действительным статским советником Владимиром Михайловичем Маркусом[202]. Замещались по возможности и другие административные должности такими лицами, которые по своим убеждениям могли быть надежными исполнителями предстоявших еще в крае обширных преобразований.

Еще в начале года объявлены были некоторые важные меры: новые уставы и штаты учебных заведений (5/17 января) и упразднение существовавшего с конца 1863 года временного военно-полицейского управления (5/17 февраля). Последняя эта мера была связана с мыслью сосредоточить всю местную власть

в лице губернаторов. В то же время положено начало новому разделению края на губернии меньшей обширности (на десять губерний вместо прежних пяти), с преобразованием самого устройства губернской и уездной администрации, что было, впрочем, окончательно утверждено и введено в действие только в конце года (19/31 декабря), то есть уже после того, как внезапная болезнь моего брата положила предел государственной его деятельности. К числу же важнейших законодательных работ этого года принадлежат: новое Положение о греко-униатском белом духовенстве (18/30 июня), финансовая реформа (10 августа) и упразднение существовавших в Царстве так называемых «вотчинных» городов (28 октября / 9 ноября)[203]. Все части местного управления начали постепенно переходить в прямое подчинение соответствующим центральным управлениям империи*.

Все реформы, предпринятые по строгому плану, составленному моим братом, при дружном содействии преданных делу сотрудников его, приводились в исполнение без особенных препятствий, за исключением, разве, в некоторых случаях противодействия со стороны католического духовенства, которому всего труднее было разорвать связи с укоренившимися традициями и которое находило сильную поддержку в Риме. Даже и в среде греко-униатского духовенства некоторые личности оказывали противодействие мерам правительства, клонившимся к восстановлению русской народности в ополяченной Холмской епархии. Так, пришлось удалить из этой епархии управлявшего ею священника Калинского, продолжавшего, вопреки запрещениям административной власти, произносить проповеди на польском языке.

С другой стороны, встречались нередко затруднения и со стороны самого начальства края. Я уже упоминал не раз, что наместник лично не сочувствовал многим из принимаемых мер и проводимых реформ[204]. Явно противодействовать им, конечно, он не мог, но косвенно тормозил ход дела в мелочах своим упрямством и хитростями, выводившими иногда из терпения моего брата и сотрудников его. Несмотря, однако ж, на все эти мелочные помехи, дело преобразования в Царстве Польском подвигалось и начинало уже приносить плоды. Шляхта и духо-

* Местные казначейства, почтовая и телеграфная части перешли в ведение министерств с 1/13 января 1867 года.

венство присмирели, а крестьянское сословие видимо оперилось.

Притихли поляки и в Западном крае, так что в течение лета признано было возможным снять военное положение в большей части уездов и губерний. Но здесь задача, намеченная правительством, была несколько иная, чем в Царстве; она состояла в том, чтобы этот край вовсе перестал быть польским. Закон 10 декабря 1865 года наложил тяжелую руку на весь класс польских землевладельцев, которые, не смея роптать явно, прибегли к обычному своему оружию — к интриге. Они нашли сильных покровителей в Петербурге[205]. Полякующие сановники и политикующие женщины, так недавно еще восторжествовавшие над ненавистным для них М.Н. Муравьёвым, теперь подняли крик против его преемника — генерал-адъютанта Кауфмана, распуская о нем всякие клеветы, анекдоты, насмешки. 20 января Кауфман писал мне: «С делом справиться можно, несмотря на несочувствие к успеху его, явно и тайно проповедуемое и выражаемое некоторыми врагами России, врагами государственного единства»[206]. Генерал Кауфман желал искренне, чтоб указ 10 декабря не остался мертвою буквой; он настойчиво хлопотал о привлечении русских покупщиков имений в северо-западных губерниях и для содействия этой цели проектировал учреждение особого банка. С этими проектами прислал он в Петербург в начале февраля подполковника Генерального штаба Райковского. Но кроме А.А. Зелёного да меня ни в ком не нашел он поддержки. Специалист наш по части финансов и политической экономии Владимир Павлович Безобразов (впоследствии академик) ездил в Вильну для обсуждения на месте вопроса о предполагавшемся банке, но поездка эта не имела существенных последствий. Возникла другая мысль — об учреждении товарищества с тою же целью — облегчения перехода землевладения в западных губерниях в руки русских собственников. Устав этого товарищества был Высочайше утвержден 10 августа, но, к сожалению, и товарищество не пошло на лад; в следующем году оно было закрыто.

После несчастного происшествия 4 апреля, когда взяли верх темные силы реакции, открылся широкий путь для интриг и мерзостей всякого рода. Громче заговорила и польская интрига. Нарекания на К.П. Кауфмана дошли и до Государя. Едва прошло несколько месяцев с тех пор, как Его Величество, в ответ

на поздравительную телеграмму виленского генерал-губернатора с Новым годом, телеграфировал ему: «Искренне благодарю за поздравление; да благословит Бог все ваши полезные начинания для устройства и обрусения вверенного вам края...» И вот уже летом того же 1866 года Государь стал смотреть на генерала Кауфмана совсем другими глазами. Мне случалось не раз замечать, что Его Величество предубежден против него. Однажды в Красном Селе Государь прямо сказал мне, что до него доходят нехорошие сведения о Кауфмане (не объяснив, однако же, в чем именно его обвиняют), и приказал мне вызвать его по телеграфу.

К.П. Кауфман сейчас же приехал и явился к Государю там же, в Красном Селе. Его Величество принял его вслед за моим докладом, и разговор их с глазу на глаз продолжался довольно долго, но в чем он заключался, мне осталось неизвестно, так как генерал Кауфман немедленно уехал обратно в Вильну, не имев возможности видеться со мной. Можно думать, что объяснения его рассеяли в глазах Государя взведенные на Кауфмана обвинения и клеветы. После того он продолжал спокойно управлять краем; в августе представлял войска Виленского округа великому князю Николаю Николаевичу, инспектировавшему в то время войска по Высочайшему повелению, и по засвидетельствованию Его Высочества об отличном состоянии всех осмотренных им частей армии Кауфман получил в числе других главных начальников округов в приказе 17 сентября, «искреннюю признательность» Государя.

Но, видно, интрига не переставала работать. Вдруг, совершенно неожиданно, 9 октября, последовало увольнение генерала Кауфмана от должностей генерал-губернатора и командующего войсками. Как и почему это произошло — осталось для меня тайною[207]. Государь уклонился от всяких объяснений со мной по этому предмету. Приказом того же 9 октября на место Кауфмана в Вильну перемещен из Риги граф Эдуард Трофимович Баранов — человек мягкий, спокойный, не увлекающийся и близкий к Государю с молодых лет; на его же место в Ригу назначен генерал-адъютант П.П. Альбединский, а на место последнего, начальником штаба Петербургского округа — генерал-майор Свиты Рихтер. Управляющим же делами Императорской Главной квартиры назначен флигель-адъютант полковник Воейков.

Удаление генерала Кауфмана с поста генерал-губернатора Северо-Западного края было торжеством для польской партии; оно произвело такое впечатление как в России, так и за границей и вызвало такие толки в печати, что сам Государь признал нужным дать газете «Весть» второе предостережение «за неуместные суждения о личных свойствах и распоряжениях генерала Кауфмана»[208], а в «Journal de St.-Pétersbourg», официозном органе Министерства иностранных дел, напечатать объяснительную статейку, в которой было высказано, что «отозвание генерала Кауфмана не влечет за собою никакой перемены в политической системе, принятой относительно западных губерний или Царства Польского». Далее в статье французской газеты система эта объяснялась следующим образом: «Первые (т. е. западные губернии) должны вновь сделаться тем, чем сделала их история — чисто русскими областями, где национальная православная стихия, составляющая огромное большинство населения, должна вновь получить принадлежащее ей преобладание. Что же касается до Царства Польского, то императорское правительство будет решительно стремиться к цели, начертанной Высочайшею волею — к освобождению польского общества от подрывающих его пороков, которые слишком долго делали из него гнездо беспорядков, анархии и революции, подверженное всяким враждебным влияниям извне, и мешали его благоденствию, препятствуя слиянию его интересов с интересами России...» В заключение заявлялось, что Государь явил уже столько доказательств своей твердости в преследовании означенных целей, что и сомнения быть не может в его намерениях. Принятое Его Величеством направление не есть следствие теоретической системы, которая могла бы изменяться сообразно минутным впечатлениям; оно было настоятельно указано долгим и прискорбным опытом. Ни русский царь, ни русский народ не могут забыть обязанности, налагаемые на них подобными уроками...[209]

Если так, то спрашивается: что же дало повод к отозванию генерала Кауфмана с поста, на котором он так настойчиво проводил именно изложенную систему восстановления русской народности в ополяченных Северо-Западных областях России? Само собою разумеется, что и не с этой стороны враги Кауфмана постарались повредить ему в глазах Государя. По всем вероятиям, Кауфману поставили в укор крутые меры, которые он принимал в интересах крестьянского населения, в ущерб преоб-

ладавшего прежде помещичьего сословия, почти исключительно польского или ополяченного.

В Юго-Западном крае генерал Безак также жаловался не раз на встречаемое в Петербурге противодействие исполнению личных указаний Государя относительно обрусения края и подавления в нем преобладания польского дворянства и католического духовенства[210]. По поводу одного сообщения министру внутренних дел о мерах, принятых для ограничения влияния католического духовенства, генерал Безак получил от П.А. Валуева такой ответ: «Продолжаю искренне ценить Вашу распорядительность и удивляться Вашей деятельности и вместе с тем не разделять ни одного из тех взглядов, которых не разделял и прежде...» Такое заявление со стороны министра не могло не удивить генерал-губернатора, которого образ действий до того времени всегда был вполне одобряем самим Государем*. Прежде, чем успел он разъяснить такое странное противоречие, статс-секретарь Валуев уже испросил Высочайшее повеление, чтобы на будущее время закрытие католических костелов и каплиц допускалось не иначе, как по предварительном сношении генерал-губернатора с министром внутренних дел, в отмену прежнего Высочайше утвержденного наставления Западного комитета[212], предоставлявшего такое распоряжение на усмотрение самого начальника края.

ДЕЛА КАВКАЗСКИЕ И АЗИАТСКИЕ

На Кавказе положение дел в начале года представлялось довольно в благоприятном виде. В Терской области генерал Лорис-Меликов успел обложить туземное население податями, которые поступали весьма исправно. Также и граф Сумароков-Эльстон начал вводить подати в некоторых частях Кубанской области. Что же касается Дагестана, то управление князя Левана Меликова отличалось по-прежнему чрезмерною осторожностью и отсутствием инициативы. Великий князь наместник писал мне 10 февраля, что намерен переговорить лично с князем Меликовым о применении податного вопроса и к Дагестану[213].

С прекращением войны на Кавказе разом уменьшились значительно расходы на этот край. По исчислению кавказского на-

---

* Письмо генерала Безака ко мне от 24 сентября 1866 года[211].

чальства, уже на 1865 год сметная сумма сократилась на 29 833 932 р., а на 1866 г. еще на 17 928 185 р. Наступило время заняться экономическим и административным развитием края. По настоянию великого князя уже разрешено было строить железную дорогу от Тифлиса до Поти и для ускорения работ перевести 39-ю пехотную дивизию с Кубани в Рионский край.

Между Военным министерством и кавказским начальством велась переписка об изменении в войсках Кавказской армии порядка внутреннего хозяйства[214]. Пока продолжалась беспрерывная война и большая часть края состояла, можно сказать, постоянно на военном положении, не признавалось возможным затронуть этот щекотливый вопрос. Хотя против старых времен уже значительно сократились размеры хозяйничания полковых командиров и ограничен их простор в действиях в этом отношении, однако ж необходимо было пойти далее и по возможности подвести кавказские войска под те же правила хозяйства и контроля, которые вводились в то время во всей остальной армии. Полное и неотлагательное распространение на кавказские войска порядков, давно уже усвоенных в других частях армии, конечно, встречало некоторые затруднения по особенным условиям местным, но главное препятствие всегда состояло в несочувствии начальства к новым порядкам, связывавшим руки командирам частей и затрагивавшим их собственный карман. При переходе к новой системе войскового хозяйства следовало остерегаться, чтобы с увеличением денежных отпусков на разные виды довольствия войск не удержалось в то же время и прежнее помещичье хозяйничание, то есть добывание нужных полку продуктов натурою, солдатским трудом.

Другая важная работа велась в то время частию в министерстве, частию в кавказском управлении относительно гражданского и военного устройства Северного Кавказа, то есть Кубанской и Терской областей. Проектировалось новое разделение всего этого края и вместе с тем вырабатывалось новое Положение для казачьих войск, Кубанского и Терского, на указанных министерством основных началах. Генерал-майор Богуславский, занимавшийся этою работою на Кавказе, был командирован летом в Петербург с подготовленным проектом, который и поступил на рассмотрение в учрежденную при управлении иррегулярных войск комиссию.

Все шло, по-видимому, хорошо и спокойно, как вдруг среди лета почти одновременно вспыхнули возмущения на двух оконечностях Кавказской горной полосы: в Дагестане и в Абхазии.

4 июля толпа из нескольких сот вооруженных жителей Каракайтакского горного округа внезапно напала на с. Маджалис, где находилось окружное управление под защитою одной роты пехоты. Нападение было отбито, но когда на другой день окружной начальник, собрав две роты, двинулся с ними против мятежников, то был встречен в ущелье выстрелами. Прибывший на место перестрелки начальник Южного Дагестана генерал-майор Джемарджидзе с подкреплениями вытеснил мятежников из ущелья, а вслед за тем, к 12-му числу, прибыл в Маджалис и сам начальник Дагестана генерал-адъютант князь Меликов с целым отрядом и многочисленною милицией, собранною со всех частей Дагестана. Тогда старшины возмутившихся аулов явились к нему с повинною и выдали главных зачинщиков мятежа. Из них двое были немедленно же повешены, и порядок восстановился.

По официальным донесениям, поводом к мятежу послужили некоторые распоряжения начальства, имевшие целью водворить власть в тех частях округа, которые дотоль, пользуясь полным безначалием, привыкли к безнаказанному своеволию и хищничеству.

Так же и в Абхазии причиною возникшего волнения были вводимые в то время новые порядки в административном и экономическом устройстве края, в особенности же затронутые вопросы сословно-поземельные и меры к собранию статистических данных для предстоявшего устройства быта крестьянского населения. Понятно, что в этом полудиком крае, сохранявшем еще более, чем где-либо древние феодальные нравы, вопрос об освобождении крестьян из зависимости от высших сословий глубоко затрагивал интересы последних. По всем вероятиям, возникшее в некоторых частях Абхазии волнение должно быть приписано наущениям местной аристократии и распущенным ею же в народе превратным толкам. Предлогом же к открытому мятежу был отказ населения дать сведения, потребованные командированным в Абхазию чиновником Череповым. Начальник Сухумского отдела полковник Коньяр, узнав об открытом сопротивлении в народе, собравшемся в числе до 5 тыс. человек в Соуксу (бывшей резиденции абхазского владетеля), 26 июля от-

правился туда с начальником Бзыбского уезда (округа) капитаном Измайловым, с двумя князьями из семейства князей Шервашидзе и с конвоем из нескольких казаков. Лишь только Коньяр с балкона владетельского дома начал говорить, чтобы вразумить народ, толпа, по знаку, поданному одним из князей, схватилась за оружие и бросилась было на русских. Коньяр с окружавшими его укрылся в доме. Толпа требовала обоих бывших при русском начальнике князей Шервашидзе, которые, по приказанию Коньяра, и вышли к народу. Тогда толпа ворвалась в дом и умертвила как самого Коньяра, так и всех бывших при нем. Казачий конвой успел запереться в конюшне, частью в церкви, и продержался несколько дней против бунтовщиков. Толпа между тем бросилась к Сухуму; в продолжение трех дней (28, 29 и 30 июля) слабый гарнизон города отбивал нападения мятежников с помощью крейсировавших у берега двух корветов. С прибытием к Сухуму войск, направленных туда генерал-губернатором, порядок был восстановлен; мятежники успели только поджечь несколько домов на окраинах города. Восстание было усмирено; старшины возмутившихся селений явились с повинною, и затем началось расследование этого прискорбного дела, выказавшего наглядно беспечность местных властей и неурядицу в управлении.

Занимавший должность помощника главнокомандующего генерал-адъютант Карцов не раз предупреждал великого князя наместника о неудовлетворительном ходе дел в Абхазии и во всем Кутаисском генерал-губернаторстве, но Его Высочество всегда заступался за князя Святополк-Мирского, даже показывал Карцову свое неудовольствие и устранял его от дел того края. Александр Петрович Карцов, крайне недовольный своим положением, утомленный усиленными трудами и постоянными против него интригами, отпросился на несколько недель в Крым, чтоб отдохнуть и полечиться. Когда бунт в Абхазии, казалось, подтвердил фактически мнение Карцова о плохом управлении князя Святополк-Мирского, великий князь приехал сам (в сентябре) в Кутаиси и обласкал князя Мирского*, а с Карцовым (возвратившимся тогда из Крыма) обошелся холодно. В тот же

* Хотя Его Высочество, в письме ко мне от 10 августа, по поводу бунта в Абхазии, сам выразился так: «Грустнее всего то, что мы сами в этом виновны»[215].

Д.И. Святополк-Мирский

день (22 сентября) с Карцовым сделался обморок (вроде удара), после которого он долго не мог поправиться.

Этот дельный и честный труженик не мог ужиться с «тифлисским Двором» и продолжал просить о назначении его на какую-нибудь другую должность. Окружавшие великого князя интриганы всякими наговорами умели внушить ему чувство ревности к своему помощнику, и раз он даже прямо высказался самому Карцову, упрекая его в том, что будто бы все неудобства происходят от централизации введенной новой военно-окружной системы[216]. По словам Его Высочества, командующие в отделах края имели прежде самостоятельное значение и знали над

собою одного главнокомандующего — князя Барятинского; «теперь же — все Карцов, да Карцов...» Очевидно, что подобный взгляд и суждения могли быть внушены великому князю никем другим, кроме самих начальников отделов Кавказского края, которые действительно во времена князя Барятинского, когда велась еще упорная война с горцами[217], пользовались в своих «владениях» гораздо большею свободою действий; это были самовластные паши. Понятно, что им не могла нравиться новая организация управления, основанная на точном определении пределов власти и отношений, установившая законность и контроль.

Вот с какой стороны велась преимущественно оппозиция против новых порядков, вводимых в военной администрации.

В Средней Азии дела наши были доведены генерал-майором Черняевым до такого положения, что не было возможности оставить его долее в Туркестанской области. Своеволие его, неповиновение, самодурство дошли до явного нарушения основных правил службы. Увлекаемый неутомимою жаждою военной славы, Черняев не соразмерял своих предприятий со средствами и, действуя вопреки получаемым инструкциям, очутился с горстью войск лицом к лицу пред двумя противниками: Бухарой и Коканом. В январе 1866 года, желая поправить свои ошибки и заставить эмира Бухарского освободить посланное безрассудно в Бухару русское посольство, генерал Черняев с ничтожным отрядом из 14 рот пехоты и 6 сотен казаков при 16 орудиях двинулся от Чиназа за р. Сыр к Дзюзаку, но тут, встретив (7 февраля) сильный отпор, должен был отступить обратно к Чиназу; передовые партии бухарских войск начали уже появляться и на правой стороне р. Сыра и захватывали в плен наших солдат в окрестностях Ташкента.

Вместе с тем администрация и финансовая часть в Туркестанской области пришли в совершенный хаос. Действуя всегда очертя голову, без предварительного плана, генерал Черняев должен был удовлетворять непредвиденные нужды войск и управления, не имея на то денежных кредитов, а потому расходовал суммы, какие первые попадались под руку, из ассигнованных совсем для других назначений. Чрез это счеты совершенно перепутались; самые насущные нужды оставались неудовлетворенными, даже принадлежавшие частным лицам пересыльные

суммы оказывались израсходованными. Предположено было отправить в Туркестанскую область целую комиссию, чтобы распутать хаос в денежных делах и счетах, а вместе с тем признано необходимым отозвать оттуда генерала Черняева, тем более, что нерассудительный его образ действий постоянно тревожил наше Министерство иностранных дел.

Последнее движение генерала Черняева за Сырдарью пробудило снова в Англии опасения наших завоевательных замыслов в Средней Азии. В заседании 4/16 марта нижней Палаты, на запрос Роулинсона по этому предмету, товарищ государственного секретаря по иностранным делам Лайярд отвечал, что русское правительство будто бы дало торжественное уверение, что в его виды не входит расширять свои владения на счет Бухары. Такое официальное заявление великобританского министерства побудило наше Министерство иностранных дел напечатать в газетах возражение в том смысле, что оно такого «торжественного уверения» вовсе не давало и не имело надобности давать, а только нашло полезным в своем циркуляре от 25 ноября 1865 года, разосланном во все русские посольства за границей, изложить с полною искренностью свои виды относительно азиатской политики, так как действительно Россия не питает никакого желания расширять свои пределы в Средней Азии далее той черты, которая признается необходимою для ее собственной безопасности, для упрочения спокойствия и развития торговли в крае.

Генералу Черняеву предписано было немедленно прибыть в Петербург; для исправления же должности начальника Туркестанской области командирован снова генерал-майор Романовский. Зная характер Черняева, распущенность в окружавшей его среде и предвидя затруднительное положение, в которое может быть поставлен его преемник, я нашел полезным командировать одновременно с Д.И. Романовским особое лицо, непосредственно от имени Государя под предлогом словесной передачи туркестанским войскам Высочайшей благодарности и пожалованных наград; в действительности же для проверки на месте сведений, имевшихся о поведении и действиях генерала Черняева. Для такого поручения избран был флигель-адъютант полковник граф Воронцов-Дашков, с которым генерал Романовский был знаком по кавказской службе. Предварительно я пригласил его к себе, чтобы спросить, может ли он принять на себя подобное поручение и как скоро может выехать в дальний путь. Граф Воронцов

И.И. Воронцов-Дашков

ответил, что готов на всякое поручение и может выехать хоть завтра, если это нужно. Мне весьма понравилось такое усердие к службе в молодом, богатом бариче, избалованном в своей аристократической обстановке. Государь вполне одобрил этот выбор, и в феврале генерал Романовский выехал из Петербурга вместе с графом Воронцовым.

Инструкция, данная генералу Романовскому, по соглашению между Министерствами иностранных дел и военным, была редактирована в самых общих выражениях. Ему предоставлялся полный простор в действиях, указывалась только общая цель правительства — восстановить мир и спокойствие на наших среднеазиатских окраинах, избегая всяких новых завоеваний, но

вместе с тем поддерживая высоко достоинство и обаяние России в тех странах. Условия для достижения такой цели были нелегкие: военные силы в крае были ничтожны, а в деньгах такой недостаток, что на текущие расходы приходилось занимать по 2 и по 3 тысячи рублей у частных лиц, в ожидании прибытия из России транспортов с высылаемыми от Министерства финансов суммами.

Прибыв в Оренбург, генерал Романовский остановился тут на несколько дней, чтобы разъяснить некоторые вопросы и заручиться необходимыми средствами. В оренбургском управлении он нашел большую неурядицу; нужно было поторопить отправление в Туркестанский край назначенных туда подкреплений, частию перезимовавших уже в Оренбурге, частию ожидаемых с Волги. Романовскому было разрешено стягивать к главному отряду все части, какие только можно было извлечь из гарнизонов разных укреплений, и просить начальство Западной Сибири о высылке подкреплений, какие только возможно было отделить из Алатавской области.

Разлив рек и бездорожье замедлили путешествие генерала Романовского и графа Воронцова, так что они доехали до Ташкента только 27 марта. Уже на пути выказалось, чего мог ожидать новый начальник области от своего предместника. Генерал Черняев показывал вид, будто неизвестно ему назначение генерала Романовского. По поручению генерала Черняева, начальник штаба его, полковник Ризенкампф, обращался не к генералу Романовскому, а к графу Воронцову с разными извещениями касательно проезда его и с предостережениями об опасности пути. По получении же письма от генерала Романовского из форта № 1 Черняев дерзко ответил ему, что для проезда командированного по Высочайшему повелению флигель-адъютанта графа Воронцова-Дашкова уже сделаны надлежащие распоряжения и что потому он, генерал Романовский, «как едущий одновременно с его сиятельством, может воспользоваться теми же средствами, какие предоставлены графу Иллариону Ивановичу...»

Хотя в письме генерала Романовского из форта № 1 было выражено положительно, что он назначен исправляющим должность начальника Туркестанской области, однако ж Черняев продолжал прикидываться не знающим о цели приезда Романовского и за пять дней до его приезда писал графу Воронцову: «Я не знаю содержания бумаг, посланных с генералом Романов-

ским, но судя по тону, им принятому в Туркестанской области, могу заключить, что я отрешен от должности и что он прислан мне на смену. Во всяком случае, для пользы *созданного мною края* при настоящем положении дел весьма желательно было бы, чтобы генерал Романовский воздержался от объявления об этом населению прежде, чем примет от меня должность»[218].

Еще нахальнее были поступки Черняева, когда генерал Романовский и граф Воронцов, прибыв 26 марта в лагерь отряда у Чиназа, немедленно же по приезде переодевшись в своей палатке, пошли вместе к Черняеву. Последний попросил к себе графа Воронцова и не принял генерала Романовского, решившись вовсе не сдавать ему должность. Только после долгих увещаний графу Воронцову удалось отклонить его от такого намерения, и тогда Черняев вдруг преобразился; нахальство его сменилось полным отчаянием, дошедшим до слез. На другой день, 27-го числа, Черняев сам пришел к Романовскому, сдал ему должность и вслед за тем обратился к нему следующим странным письмом:

«М.Г. Дмитрий Ильич. Ввиду опасности, грозящей краю, *мною созданному*, я прошу разрешения Вашего остаться в отряде в качестве Вашего ординарца.

Ваш покорный слуга М.Ч.»[219].

Такое самоуничижение было похоже на иронию, но добродушный Романовский, позабыв все дерзкие проделки Черняева, согласился на желание последнего оставаться в отряде до разъяснения слухов о наступлении эмира Бухарского, и в письме ко мне от 29 марта просил оказать Черняеву снисхождение: «Кроме его последнего *похвального* поступка, есть много других смягчающих его вину обстоятельств, и вообще мне кажется, что милостивое к нему внимание и почет при удалении были бы во всех отношениях весьма кстати»[220].

Однако ж очень скоро Романовский должен был отречься от такого снисходительного мнения. Чрез два дня (31 марта) Черняев уехал из отряда в Ташкент, обещав пробыть там только один день и затем ехать дальше. Граф Воронцов провожал его до Ташкента. Здесь Черняев получил какое-то письмо из Петербурга, которое вдруг перевернуло его мысли; он сам заявил, что, если б получил это письмо несколько дней раньше, то ни за что не сдал бы своей должности Романовскому. Вместо одного дня Черняев пробыл в Ташкенте целую неделю, распоряжался как

начальник, делал смотры войскам, раздал все, что оставалось вещей, для подарков азиатцам, затем начались прощальные пиры и проводы, причем бывшими подчиненными его говорились речи, выходившие из пределов приличия и служебной дисциплины. Пред самым выездом своим из Ташкента Черняев написал дерзкое и оскорбительное письмо к генералу Романовскому по поводу только что сделанного последним (5 апреля) удачного кавалерийского поиска на левую сторону Сырдарьи (по дороге к Ходженту), имевшего последствием прогнание бухарских конных партий и захват 14 тыс. баранов. Издеваясь над этою «барантою», Черняев позволил себе между прочим такую фразу: «При выезде Вашем из Петербурга, там неизвестно было положение края, иначе Вас бы не послали, но дело сделано, а снявши голову, по волосам не плачут...»[221]

Граф Воронцов, проводив Черняева, возвратился в отряд при Чиназе и принял на себя обязанности походного начальника штаба. Несмотря на его двусмысленные отношения к Черняеву и Романовскому, последний в письмах ко мне восхвалял графа Воронцова, благодарил за присылку его в край и убедительно просил оставить его в звании помощника начальника области, а вместе с тем отозвать полковника Ризенкампфа, на место которого назначить подполковника Генерального штаба Троицкого[222].

Все эти желания Романовского были удовлетворены; графу Воронцову разрешено оставаться в Туркестане, пока будет признаваться нужным; впоследствии же он был назначен помощником начальника области. К сожалению, граф Воронцов имел несчастие переломить себе ногу и потому должен был уехать из отряда в Ташкент, где пролежал довольно долго. Только 18 июля он был в состоянии выехать оттуда в отряд.

Когда генерал Черняев по приезде в Петербург явился ко мне, я высказал ему со всею откровенностью неодобрение его образа действий и объявил ему, что все непозволительные его поступки известны Государю. Сначала Его Величество отказал даже в приеме Черняева, только по приезде генерал-адъютанта Крыжановского в Петербург в начале мая, вследствие заступничества его, Черняев был принят Государем, — и принят более благосклонно, чем заслуживал. Нашлись в Петербурге и другие заступники, кроме Крыжановского, который сам прежде так жаловался на непозволительные поступки своего подчиненного.

Черняев разыгрывал роль непризнанного гения, жертвы зависти и интриги. В Москве он приобрел даже некоторую популярность в качестве героя, несправедливо гонимого начальством. Таково было в то время настроение общества: стоило только служащему навлечь на себя неудовольствие начальства, чтобы тем самым сделаться человеком популярным.

Между тем генералу Романовскому посчастливилось выйти с блистательным успехом из того трудного, даже опасного положения, в котором он принял от Черняева край и отряд. Эмир Бухарский с огромными силами стоял у Ура-Тюбе и готовился к решительному нападению на малочисленный русский отряд. В течение апреля успели подойти к Чиназу лишь небольшие подкрепления, частью с Сырдарьинской линии, частью из Западной Сибири, а по реке Сыр — два парохода. Однако ж и за прибытием этих подкреплений, чиназский отряд все-таки был не сильнее 3 тыс. человек (14 рот пехоты и 5 сотен казаков при 20 орудиях); в этом числе было около 600 человек конницы (казаков). Кроме того, в боковом отряде на р. Чирчик было до 1000 человек. С такими ничтожными силами приходилось генералу Романовскому выступить навстречу многочисленной бухарской армии, в которой, по имевшимся сведениям, состояли регулярные войска с 40 артиллерийскими орудиями. До сих пор с этими войсками еще ни разу не приходилось нам встречаться. Дело было рискованное, и в случае неудачи можно было опасаться полной катастрофы: мы потеряли бы весь завоеванный край и надолго, быть может, навсегда, утратили бы во всей Азии обаятельную силу русского имени. Но ничего другого не оставалось, как положиться на русского Бога.

В первых числах мая бухарское скопище двинулось от Ура-Тюбе к Чиназу и дошло до Ирджара. 7-го числа и наш отряд перешел на левую сторону Сырдарьи и двинулся навстречу противнику. 8-го числа произошла решительная битва под Ирджаром и кончилась с таким полным успехом, какого нельзя было ожидать. Многочисленная армия бухарская была разбита наголову и бежала без оглядки, побросав лагерь, часть орудий, массу военных запасов и всякого имущества. Войска туркестанские показали себя блистательно. Один счастливый удар выручил нас из беды.

После одержанной победы генерал Романовский счел более выгодным, не увлекаясь преследованием разбитого неприятеля

к Дзюзаку, обратиться влево, к Ходженту, и завладеть этим важным стратегическим пунктом, разъединяющим Бухару от Кокана. Победа под Ирджаром произвела такое нравственное впечатление в целом крае, что отряд наш 15 мая занял без сопротивления крепостцу Нау, покинутую гарнизоном, подступил к Ходженту и, несмотря на сильные укрепления этого большого города, после 8-дневной осады овладел им штурмом 24 мая.

Эти боевые успехи наши дали делам совершенно новый оборот. В лагерь под Ходжентом явилось посольство от эмира Бухарского, который в то же время возвратил задержанное в Бухаре русское посольство. Хан Коканский также прислал послов с уверениями в своих дружественных отношениях к России и готовности исполнять «все приказания» русского начальника. Население Ташкента и окрестного края, начинавшее уже колебаться, присмирело и даже просило о принятии его в русское подданство.

Замечательно, что в это же время прибыло в Ташкент посольство от магараджи Кашмирского с дружественными заявлениями и просьбами о покровительстве торговым сношениям Кашмира с Коканом и Кашгаром ввиду стеснений их со стороны англичан. Надобно заметить, что в это время в Афганистане происходили кровавые раздоры между наследниками Дост-Магомета. Бывший эмиром Шир-Али свергнут с престола и выгнан из Кабула.

Переговоры генерала Романовского с посланными от эмира Бухарского привели к результатам вполне удовлетворительным: все русские купцы и караваны, задержанные в бухарских владениях, были отпущены, и торговые сношения возобновились. Но окончательное установление условий мира замедлилось в ожидании указаний от генерал-губернатора, находившегося тогда в Петербурге.

Донесение генерала Романовского о победе при Ирджаре на имя генерал-адъютанта Крыжановского было отправлено в Петербург с адъютантом сего последнего майором Кашкиным. В проезде чрез Москву приказано было ему явиться прямо к Государю, находившемуся тогда в Ильинском. Его Величество, прочитав донесение, неотлагательно назначил награды тем лицам, которые в реляции были названы как особенно отличившиеся. Самому генералу Романовскому пожалованы ордена Св. Георгия 3-й степени и Св. Анны 1-й степени. В то же время (4 июня) последовало и назначение его военным губернатором Туркестанской области.

В конце июня генерал-адъютант Крыжановский отправился из Петербурга обратно в Оренбург, проездом чрез Москву представлялся Государю в Ильинском и принят был благосклонно. Пробыв короткое время в Оренбурге, генерал Крыжановский отправился в Туркестанскую область. Генерал Романовский с нетерпением ожидал приезда генерал-губернатора для разрешения многих вопросов, в особенности же для окончательного утверждения условий мира с Бухарой, так как на заключение трактата полномочия были даны генерал-губернатору[223]. К крайнему удивлению, еще до прибытия генерала Крыжановского получены были от него генералом Романовским странные предписания и распоряжения: обещанное бухарскому эмиру возвращение задержанных в наших пределах бухарских караванов приостановлено; относительно хана Коканского, приказано Романовскому «принять тон высокий, *третировать* его как человека, который по своему положению должен быть вассалом России, а если обидится и будет действовать против нас — тем лучше: это будет предлог покончить с ним...»[224] Также и по делам гражданского устройства края, новые предписания генерала Крыжановского совершенно расстраивали начатый так успешно ход дел.

Чему приписать такой внезапный поворот в распоряжениях генерал-губернатора, который до сих пор во всех своих инструкциях и предписаниях как Черняеву, так и Романовскому не переставал настаивать на точном исполнении требований высшего правительства — действовать, сколь возможно, в смысле умиротворения и успокоения края. Неужели военные успехи Романовского под Ирджаром и Ходжентом пробудили в его начальнике чувство зависти и жажду военной славы? Прибыв в Ташкент 17 августа, генерал Крыжановский был принят населением торжественно и с выражениями преданности; почетные лица поднесли ему, по русскому обычаю, хлеб-соль и адрес, в котором умоляли включить Ташкент и окрестный край в состав империи. 29 августа генерал Крыжановский торжественно привел к присяге на верноподданство почетных жителей Ташкента и окрестностей, причем была прочитана прокламация его и разрешено ташкенцам представить адрес самому Государю. На другой день, 30 августа, происходила закладка православного храма в Ташкенте и народное празднество.

Но эти мирные торжества, ознаменовавшие окончательное присоединение Ташкента к территории России, как видно, не удовлетворяли честолюбия генерала Крыжановского; ему хотелось во что бы ни стало воевать, и вот он отправился лично в отряд, собранный у Ходжента. Немалых трудов стоило Романовскому убедить его в том, что хан Коканский ничем не подал повода к враждебным против него действиям с нашей стороны. Прибывшее новое посольство коканское привезло опять письмо от Худояр-хана с уверениями в покорности и дружбе. В то же время прибыли в Ходжент и уполномоченные от эмира Бухарского для заключения мирного договора. Они соглашались на все заявленные им требования, но просили только снисхождения относительно размера назначенной контрибуции, которую Бухара затруднялась уплатить. Генерал Крыжановский прервал переговоры, объявив уполномоченным, что если чрез десять дней не будет уплачена назначенная сумма, то военные действия возобновятся. Так и было: ровно на десятый день ходжентский наш отряд, силою в 20 рот и 5 сотен казаков при 24 орудиях, под начальством генерал-майора Романовского, готовившийся к движению на Кокан, вдруг обратился к бухарским пределам и 22 сентября подступил к бухарской крепостце Ура-Тюбе, которою и овладел 2 октября, после 8-дневной осады. Затем занят был без сопротивления Заамин, а 18 октября взят штурмом Дзюзак. В реляциях об этих победах снова выставлялся граф Воронцов-Дашков.

Генерал Крыжановский, удовольствовавшись этими боевыми подвигами, покинул отряд и 1 ноября выехал из Ташкента обратно в Оренбург, предоставив генералу Романовскому дальнейшие распоряжения по введению управления во вновь занятом крае и по обеспечению его со стороны соседних ханств. По возвращении в Оренбург 14 ноября, он донес по телеграфу в Петербург: «В Туркестанской области совершенное спокойствие. Война с Бухарою с нашей стороны окончена, надеюсь надолго, если эмир не возобновит ее сам. С Коканом установлены дружественные отношения. Торговля всюду восстановлена. Много караванов идет из Бухары и обратно. Войска, временно командированные в Туркестанскую область из Западной Сибири, возвращаются к своим местам...»[225]

Последствия скоро показали, в какой мере был основателен оптимизм генерала Крыжановского. Тем не менее личная цель

его воинственных предприятий была достигнута. 26 ноября ему пожалован «за отличную храбрость и распорядительность» орден Св. Георгия 3-й степени; генерал-майор Романовский назначен в Свиту; флигель-адъютант граф Воронцов произведен в генерал-майоры, также с назначением в Свиту.

Войска наши, по занятии Дзюзака, расположились на зимние квартиры. В это время уже подошли батальоны, отделенные от полков 37-й пехотной дивизии на подкрепление войск Туркестанской области. Дзюзак сделался передовым нашим пунктом к стороне Самарканда и Бухары.

Между тем первые полученные в Петербурге известия о воинственных замыслах генерала Крыжановского снова встревожили Министерство иностранных дел и, признаюсь, очень удивили Военное министерство, после предшествовавших успокоительных донесений генерала Романовского; тем более, что в это же время получены были тревожные известия и с другой стороны — о распространении Дунганского восстания в сопредельных с нами северо-западных окраинах Китайской империи[226]. Генералы Дюгамель и Крыжановский представляли свои предположения о введении наших войск в эти китайские области для обеспечения спокойствия в наших собственных пределах. Для обсуждения возникших разных вопросов по азиатским делам назначено было совещание у Государя в Царском Селе. Оно предполагалось сначала на 16 сентября, но как в этот день назначен был торжественный въезд невесты Наследника Цесаревича, то пришлось отлагать совещание день за днем, и наконец оно состоялось 24 сентября, вслед за обычным моим докладом.

Пред самым совещанием князь Горчаков, узнав о предполагавшемся генералом Крыжановским движении на Кокан, вообразил себе, что ему дано было на то разрешение от Военного министерства без предварительного сношения с Министерством иностранных дел. «Вы знаете, как я всегда стремлюсь идти с Вами рука в руку», — писал он мне по этому поводу. Но когда я объяснил ему, что донесения из Ташкента приходят в Петербург после целого месяца пути и что генерал Крыжановский, если нашел необходимым двинуться на Кокан, то не имел возможности спрашивать разрешения из Петербурга, тогда князь Горчаков сознался, что худо понял бумагу, и прибавил в своей записке: «Против совершившихся событий на таком расстоянии

центральной власти остается покоряться исходу, как бы ни противен он был важнейшим соображениям высшей политики...»[227]

В совещании 24 сентября было положено: строго держаться прежней программы, то есть избегать распространения наших завоеваний и отнюдь не домогаться присоединения Кокана к империи, а стараться только восстановить в этой стране так же, как и в Бухаре, наше политическое влияние и торговые сношения. В таком смысле редактирована была, по соглашению между обоими министерствами, телеграмма к генералу Крыжановскому и 26 сентября отправлена в Оренбург, откуда должна была идти с нарочным в Ташкент. В письме же к генералу Крыжановскому от 10 октября, отправленном с курьером (подполковником Абрамовым), я объяснил обстоятельно принятое в совещании решение и прибавил, что «Государь положительно не желает присоединения Кокана; находит более для нас выгодным, чтобы страна эта оставалась только под влиянием нашим»[228]. При этом я предварял генерала Крыжановского, что ни в каком случае не будут посланы новые подкрепления и что напротив того, Его Величество требует, чтоб и посланные уже батальоны 37-й пехотной дивизии были возвращены при первой возможности, так как от Военного министерства настоятельно требуется сокращение расходов, а между тем Дунганское восстание вынуждает нас подкрепить войска на китайской границе. Точно то же сообщил я и генералу Романовскому, вполне одобрив его стремление к умиротворению края и гражданскому его благоустройству.

В то же время сообщено было генералу Крыжановскому и Романовскому о Высочайшем соизволении на присылку в Петербург депутации от вновь присоединенного края.

Новые инструкции, данные от Военного министерства начальству оренбургскому и туркестанскому, успокоили князя Горчакова, который 19 ноября писал мне: «Радуюсь, что мы продолжаем идти рука в руку»[229]. Посол наш в Лондоне барон Бруннов извещал, что последние наши объяснения найдены и Лондонским кабинетом удовлетворительными.

Хотя с Бухарой не было заключено формального мирного договора, однако ж осень прошла в Туркестанском крае довольно спокойно; все внимание местного начальства обратилось на составление Положения и штатов управления, на устройство края в полицейском и финансовом отношениях. Со стороны Военного министерства приняты были меры, чтобы распутать счеты и

привести в порядок расстроенную во время начальствования Черняева денежную отчетность. Для этого была отправлена в Ташкент особая комиссия под председательством полковника Быкова, состоявшего при Главном интендантском управлении и лично мне известного по прежней его службе на Кавказе. Комиссии этой была отпущена примерная сумма в 400 тыс. рублей для уплаты позаимствованных из разных источников денег на текущие расходы и для удовлетворения кредиторов казны за прежнее время. Прибыв на место, комиссия нашла в счетах такой хаос, что и в целый год не могла распутать его.

В то же время другая комиссия, составленная из представителей разных министерств под председательством чиновника Министерства внутренних дел действительного статского советника Гирса (Фёдора Карловича) образована была для составления проекта Общего положения для всех *степных* областей Оренбургского и Западно-Сибирского края, населенных преимущественно киргизами. Комиссия эта предварительно объезжала край для изучения быта степного населения и к осени 1866 года прибыла в Туркестанскую область, где, впрочем, она нашла совершенно иные условия, чем в степной стране[230].

Генерал Романовский, утомленный усиленными трудами 8-месячного своего начальствования в Туркестанской области, просил дозволения съездить хотя на короткое время в Петербург, не столько для собственных своих надобностей, сколько для разъяснения многих недоразумений по службе, ставивших его в затруднительное положение, особенно в отношениях к оренбургскому начальству. Получив на это разрешение, он выехал в половине декабря из Ташкента и прибыл в Петербург уже в январе 1867 года. На пути он был обрадован известием о зачислении его в Свиту Его Величества.

Что же касается графа Воронцова-Дашкова, то он возвратился в Петербург еще месяцем ранее.

В течение лета получены были из Иркутска тревожные известия о возмущении в среде политических ссыльных поляков, работавших на дороге, обгибающей озеро Байкал с юго-востока. Всех поляков на этой работе было 717, под конвоем 138 нижних чинов при 5 офицерах, под общим начальством подполковника Черняева. Ссыльные были распределены партиями от 50 до 100 человек в каждой на протяжении около 200 верст. В ночь

с 24 на 25 июня одна из таких партий вздумала напасть на конвойных солдат, обезоружила их, перевязала и двинулась к северу на соединение с другими партиями рабочих. На пути мятежники грабили почтовые станции, связывали ямщиков, забирали лошадей, повозки, оружие, продовольствие, прервали телеграфную линию и покушались пробраться к китайской границе. Они захватили самого подполковника Черняева и прочих офицеров.

По первым известиям, полученным в Иркутске, приняты были меры, чтобы не допустить бунтовщиков бежать из горного ущелья, по которому проложена Кругобайкальская дорога. Несколько отрядов отправлено из Иркутска, частию сухим путем, частию на пароходах, в то же время другие части войск двинуты от Верхне-Удинска, Селенгинска и Забайкалья, так что мятежники были окружены со всех сторон, и все пути для побега были им преграждены. Бунтовщики попытались было вступить в бой против теснивших их отрядов, но скоро увидели невозможность сопротивления военной силе. Бóльшая часть их сдалась с покорностью, до 50 человек было убито и ранено, остальные скрывались некоторое время в тайге, но постепенно, в течение нескольких дней, выходили из лесов, для спасения от голодной смерти. Не досчитались только 37 человек. Все забранные бунтовщики отправлены в Иркутск и преданы военному суду.

В этом суде обязанности прокурора были возложены на моего младшего брата Бориса, служившего в Восточной Сибири членом совета Главного управления. Приговором суда по окончательной конфирмации командующего войсками Восточно-Сибирского округа генерал-лейтенанта Корсакова четверо главных зачинщиков бунта и предводители мятежных шаек подвергнуты смертной казни расстрелянием, 249 — каторжным работам бессрочно, 73 — на сроки 12 и 10 лет, 259 — содержанию в оковах в течение года, а 95 человек освобождены от ответственности как не принимавшие участие в бунте.

К счастью, этот бунт не имел никакого влияния на остальную массу ссыльных, разбросанных по всему безграничному пространству Восточной Сибири.

МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОЕ И СЕМЕЙНОЕ. ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ БРАТА НИКОЛАЯ

Наступившая после 4 апреля реакция отозвалась весьма невыгодно и на личном моем положении. Я стал в странные отношения к моим коллегам, составляя как бы оппозицию в самом составе правительства. Из всех министров только Александр Алексеевич Зелёный оставался в дружеских со мною отношениях, Д.Н. Замятнин, П.П. Мельников и Н.К. Краббе держались в стороне от общих политических вопросов и не имели в них почти никакого голоса, затем все прочие министры в большей или меньшей степени относились ко мне недоброжелательно. Граф Шувалов не скрывал своего желания устранить меня от влияния на общие государственные дела, проповедуя необходимость единства во взглядах и направлении всех министров. П.А. Валуев сохранял в отношениях со мною самые любезные формы, но убеждения его были совершенно противоположны моим в большей части вопросов, особенно же в делах польских, прибалтийских и крестьянских. Граф Д.А. Толстой с первых же шагов своих по назначении министром народного просвещения стал в число союзников графа Шувалова. Другой граф Толстой, Иван Матвеевич, министр почт и телеграфов, — человек пустой, не имевший других заслуг, кроме близости с самого детства к Государю (получивший, неизвестно за что, графский титул), подшучивал над моими «демократическими» наклонностями. Министр финансов М.Х. Рейтерн и государственный контролер В.А. Татаринов были враждебны не столько лично мне, сколько Военному министерству, считая себя специальными охранителями интересов государственной казны. Рейтерн постоянно жаловался и ворчал на чрезмерные, по его мнению, военные расходы, а Татаринов, увлекаясь желанием возвысить контрольную часть до степени безапелляционного суда над действиями всех министерств, беспрестанно вызывал меня на протесты против его приговоров относительно распоряжений по военному ведомству — приговоров, выходивших, на мой взгляд, из компетенции Государственного контроля, и часто несправедливых и неосновательных.

С Татариновым я был товарищем еще в детстве: мы оба воспитывались в Московском университетском пансионе, потом встречались в Петербурге, и я всегда уважал в нем добросовест-

И.М. Толстой

ность, усидчивость в работе, аккуратность, но в молодых летах он не обещал сделаться когда-либо видным государственным человеком. Контрольное дело, однако ж, пришлось ему по плечу; он изучил его основательно дома и заграницей, и сумел выработать целую систему контроля в применении к России[231]. Дело это нелегкое; введение у нас серьезного контроля встретило множество затруднений, и надобно отдать полную справедливость особенной настойчивости и выдержке, с которыми Татаринов провел это тяжелое и сложное дело. Упрекнуть ему

В.А. Татаринов

можно только в односторонности: мелочный, формальный контроль доходил до придирчивости; чиновники контрольные являлись всеведущими судьями и универсальными авторитетами по всем ведомствам, — что подавало иногда повод к анекдотическим недоразумениям. В своих ежегодных отчетах, представляемых прямо Государю, государственный контролер позволял себе судить и рядить о всех делах, уже не в отношении только правильности и законности употребления государственных финансовых средств, а как цензор самых распоряжений высших правительственных инстанций, не исключая и коллегиальных.

Это именно вмешательство государственного контролера в действия министерств и подавало мне не раз повод к объяснениям, иногда довольно неприятным, с прежним моим школьным товарищем. Татаринов отстаивал свои права, я же доказывал ему, что он не должен принимать на себя пред Государем роль цензора или судьи над всеми министрами. По многим кон-

трольным делам велась в том же смысле официальная переписка. Наконец, представленный Татариновым в начале 1866 года отчет вызвал серьезное между нами столкновение. Отчет этот, по заведенному порядку, докладывался 5 июля Комитету министров с резолюциями или отметками Государя. На этот раз приговоры государственного контролера по некоторым делам Военного министерства, подавшие повод к незаслуженным упрекам в отметках Государя, показались мне до того несправедливыми и неосновательными, что я высказал пред целым составом Комитета министров свое негодование довольно в резких выражениях. Эта вспышка моей природной вспыльчивости подала повод некоторым другим членам, в том числе Валуеву, взять сторону Татаринова. Хотя в тот же вечер я получил от Валуева весьма любезную записочку с извинениями, на которую я отвечал, что разномыслие в делах государственных нисколько не влияет на мои отношения личные, однако ж происшедшая в заседании Комитета министров бурная сцена, конечно, не прошла бесследно[232].

Одним из поводов к неудовольствию на меня со стороны некоторых из моих сотоварищей было издание под личным моим руководством «Русского Инвалида». Помещавшиеся в нем статьи шли вразрез реакционным тенденциям графа Шувалова и компании и часто являлись в виде возражения на статьи другой официальной газеты, издававшейся при Министерстве внутренних дел под названием «Северной Почты». «Инвалид» имел тогда гораздо больше читателей, чем газета Валуева. Жалобы на «Инвалид» доходили до Государя; недовольные «Инвалидом» представляли несообразность одновременного существования двух официальных изданий, полемизирующих друг против друга, говорили, что военный министр ведет свою особую политику. Упреки эти были бы совершенно основательны, если б в нашем правительстве было одно определенное направление, но замечательно, что у нас при самодержавии действительно каждый министр проводил свои взгляды. Реакционные замыслы графа Шувалова представляли в моих глазах столь же мало авторитета, как и космополитические теории Валуева или неопределенные блуждания всякого другого министра.

Замечательно также, что тот же Валуев, который восставал более всех против издаваемой при Военном министерстве политической газеты, сам в некоторых случаях прибегал к помощи

«Инвалида». Так, в марте 1866 г., когда в славянофильской газете «Москва» появились статьи об угнетении возрождавшегося в Прибалтийском крае православия[233], министр внутренних дел нашел необходимым опровергнуть эти нарекания на образ действий правительственных властей и местной немецкой аристократии, но не решился напечатать эти возражения в своей официальной газете «Северной Почте», а обратился ко мне с просьбой, чтобы составление статьи было поручено редакции «Инвалида». «Главный издатель "Северной Почты" (т. е. сам Валуев) испытывает на себе la loi des suspects*», — писал он мне, прибавляя, что «"Инвалид" этому закону не подвергается»**. В другой раз, в ноябре того же года, Валуев опять обратился к помощи «Инвалида» по поводу какой-то статьи, помещенной в «Московских Ведомостях» касательно армянских дел[235].

Перечисляя выше своих коллегов, я вовсе не упомянул о двоих: министре Двора графе Владимире Фёдоровиче Адлерберге и вице-канцлере князе А.М. Горчакове. Первый из них был уже в преклонных летах и почти лишился зрения, так что продолжал только носить звание министра, но редко уже и показывался. Что же касается князя Горчакова, то он никогда не входил основательно в дела внутренней политики, вовсе не знаком был с администрацией, а в важных случаях, как, например, в Совете министров (т. е. при личном председательстве Государя) или при каких-либо особых совещаниях, всегда отделывался общими фразами, не спускаясь на почву конкретного вопроса. Вот почему оба эти старейшие из министров не играли видной роли в борьбе, начавшейся в среде высшей нашей администрации с несчастного дня 4 апреля. В сношениях же моих с вице-канцлером по вопросам внешней политики князь Горчаков в

---

* Закон о подозрительных (1793; *фр.*).

** Предлагая доставить редакции «Инвалида» указания и материалы для составления предположенной статьи, Валуев писал мне, что московская газета несправедливо приписывает неуспех православия в Прибалтийском крае притеснениям со стороны правительственных властей и местных баронов, что настоящая причина этого неуспеха заключается в том, что православие было «насаждено искусственно» и потому носило в себе самом условия разрушения. «При всех эксцентричностях князя Суворова, при всей мягкости барона Ливена, деятельности графа Шувалова, нерешительности графа Баранова и решительности генерала Альбединского, ни один генерал-губернатор не мог не оказывать местному епархиальному начальству всего того внимания, участия и содействия, которые оказать было возможно. Здание распадается по закону внутренней слабости»[234].

Принц
П.Г. Ольденбургский

это время относился ко мне весьма любезно и приязненно, несмотря на встречавшиеся по временам недоразумения по делам азиатским.

В Комитете министров заседали еще четыре видные личности: принц Пётр Георгиевич Ольденбургский, барон Модест Андреевич Кофр, граф Виктор Никитич Панин и генерал-адъютант Константин Владимирович Чевкин. Первый из них, при всех своих высоких качествах души, при всей своей почтенной деятельности на поприще благотворительности, отличался вместе с тем каким-то странным складом ума. У него обыкновенно одна фраза не вязалась с другою логическою последовательностью,

К.В. Чевкин

так что вести с ним какой-либо разговор не было возможности. При обсуждении же дел в Комитете его слушали только из приличия и почтения к его особе, не придавая мнениям его серьезного значения. Барон Корф составил себе репутацию искусного дельца, человека высокообразованного, владеющего пером, знатока законов, но не отличался твердостью убеждений; он приноровлялся весьма ловко и с сохранением достоинства к той стороне, откуда ветер. Граф Панин имел более устойчивости в мнениях, доходившей иногда до упрямства, но в суждениях его бывала какая-то угловатость, односторонность. Он и барон Корф оба обладали отлично даром слова; оба по складу мыслей принадлежали вполне к отжившему поколению. Наконец, К.В. Чев-

кин, слывший в молодости блестящим офицером Генерального штаба, всегда отличался деловитостью, большим трудолюбием, но вместе с тем мелочностью и крайним самолюбием. Углубляясь в подробности дела, он везде находил затруднения, препятствия, опасности и терял общую точку зрения. От этого во всех должностях, которые он занимал одну за другою, при всей своей благонамеренности и доброй воле, он только тормозил ход дел и мешал другим. Так, сделавшись председателем Департамента экономии в Государственном совете, Чевкин работал неутомимо, спорил о копейках и упускал из виду крупные вопросы. В похвалу же ему надобно прибавить, что он всегда относился к делу честно, не кривил душой, а в вопросах политического характера имел взгляд русского патриота. В крестьянском деле он постоянно держался на твердой почве и всегда был надежным советником для великого князя Константина Николаевича.

Из названных четырех лиц наиболее сношений имел я с К.В. Чевкиным, и в нем же наиболее находил сочувствия, несмотря на то, что нам с ним приходилось часто и горячо спорить как при ежегодном рассмотрении сметы в Департаменте экономии, так и по поводу всех представлений, вносимых Военным министерством в Государственный совет, сопряженных с новым для казны расходом. С бароном Корфом я был также в хороших отношениях личных благодаря его мягким, светским формам, но в делах никогда не рассчитывал на его поддержку. С графом Паниным мне почти не приходилось иметь никаких личных отношений. Что же касается до принца Ольденбургского, то он всегда был со мною любезен, хотя не любил меня и не доверял мне, считая меня либералом и сторонником новизны. Принц несколько раз пытался привлечь меня на сторону заветной его мечты о всеобщем обезоружении и упразднении армий (sic); несколько раз чрез меня представлял Государю записки по этому предмету, и несмотря на бесплодность всех этих попыток, продолжал до самого конца жизни своей проповедовать против войны.

Сверх поименованных лиц, с которыми приходилось мне иметь официальные сношения и вести открытую борьбу, немало было и других, вращавшихся в придворной среде и высшем петербургском обществе, неизвестно из-за чего питавших ко мне нерасположение, вредивших мне заочно, распускавших на мой счет разные выдумки и приписывавших мне такие намерения,

какие и в голову мне не приходили. Так, например, по случаю предпринятых преобразований в казачьих войсках распустили слух, будто бы я, под видом развития в них благосостояния и гражданственности, замышляю вовсе уничтожить казачество как одну из опор престола. Так говорилось в петербургских «салонах» и при «малых Дворах» (т. е. великокняжеских). В том же роде перетолковывалось всякое распоряжение по военному ведомству; во всякой мере находили посягательство на основы самодержавия, на права дворянства и т. д.

По мере того, как усиливалось влияние графа Шувалова, как он все более входил в роль любимца и доверенного лица у Государя, мое положение делалось все тяжелее. С возвращения Его Величества из Ильинского в сентябре я начал замечать, что и личные отношения Государя ко мне несколько изменились, очевидно, интрига имела успех. Я уже начал помышлять о своем удалении, особенно когда вновь поднят был вопрос о сокращении смет на 1867 год и когда министр финансов доложил Государю, что единственный способ восстановления равновесия в финансах заключается в крупном уменьшении военных расходов. Рейтерн требовал сокращения этих расходов не менее как на 20 миллионов рублей, т. е. чуть не на пятую долю всей военной сметы. Прежде я пробовал не раз входить в личные с ним объяснения по поводу ежегодного требования сокращений, вместо необходимого увеличения средств для удовлетворения настоятельных потребностей армии, но Рейтерн уклонялся от этих объяснений, говоря, что не его дело входить в разбор специальных военных вопросов и что он обязан только соразмерять расходы со средствами Государственного казначейства. Генерал Чевкин, погруженный в мелочные подробности, тоже неохотно входил в общие соображения. Притом же он систематически во всем поддерживал министра финансов. Не было для меня другого пути, чтоб отстоять интересы военные, как прямым докладом Государю. Я представил Его Величеству общий обзор состояния наших военных сил с указанием на все нужды армии, остающиеся еще неудовлетворенными[236]. В представленной мною записке было сделано сравнение боевых сил России и других государств, показывавшее всю неосновательность мнения, будто бы мы держим слишком много войск и несем на них чрезмерные расходы. Напротив того, приведенные цифры наглядно выказывали недостаточность тех средств, которыми Военное министер-

ство могло располагать для достижения предлежавшей ему задачи — довести наши военные силы до такого состояния, которое соответствовало бы политическому значению России и военным силам других европейских держав. Армия наша в то время далеко еще не была так подготовлена на случай войны, как армии прусская и даже австрийская.

Мне ставили в образец Морское министерство, которое нашло возможным свою смету на 1867 год, исчисленную в размере 21 миллиона рублей, сократить до цифры $16^1/_2$ млн, то есть более чем на 20%. Но таким образцом я не считал возможным воспользоваться для сокращения военной сметы и даже высказывал мое глубокое сожаление о том, что Морское министерство решилось, для достижения столь значительного сокращения, принести в жертву не только все то, что еще уцелело в Чёрном море из руин прежнего нашего славного Черноморского флота с окончательным упразднением военного порта в Севастополе, но и упразднить флотилию на Каспийском море и в Тихом океане, отменить заграничные плавания, следовательно, отказаться даже от той необширной практики, которая служила школою для наших моряков. Допущенные в 1866 году сокращения в морском ведомстве доставили Государственному казначейству только временное сбережение $4^1/_2$ миллионов рублей, а флоту нашему причинили такой ущерб, который впоследствии придется восполнять несравненно большими пожертвованиями. По моему убеждению, такого рода сбережения крайне нерасчетливы.

На 6 октября назначено было у Государя заседание Совета министров для обсуждения поставленного министром финансов вопроса[237]. Рейтерн представил самую мрачную картину нашего финансового положения, такую картину, которая могла бы привести в ужас всякого, кто не знал, как искусно наш министр финансов умел доказывать то, в чем ему хотелось убедить. Высказано было все, что только можно было подобрать в подтверждение крайней необходимости сильной сбавки во всех сметах и, разумеется, в военной по преимуществу. После длинной речи Рейтерна и кое-каких объяснений других министров Государь объявил свою волю, чтобы каждый из нас приложил все старания для сокращения расходов на предстоявший год в желанном размере.

М.Х. Рейтерн

Возвратившись из заседания домой под самым тяжелым впечатлением, я большую часть вечера обдумывал, что предстояло мне предпринять. И в прежние годы Военное министерство было вынуждаемо во многом уступать требованиям министра финансов и Департамента экономии; и прежние сметы урезывались даже в явный ущерб делу, но теперь речь шла уже не о таких частных сокращениях, которые могут быть достигаемы урезками в той или другой статье сметы, теперь требовалось от Военного министерства сокращение в таком колоссальном размере, что достигнуть его можно было только разве какими-нибудь общими мерами, как, например, роспуском половины армии с полным расстройством ее организации, прекращением

снова рекрутских наборов, отменою всего, что было дотоле предпринято для приведения наших вооруженных сил в готовность к войне. И все это в такое время, когда другие государства европейские усиливают вооружения, доведенные уже до громадных размеров, когда везде принимаются самые настойчивые меры для приведения армий в готовность к войне в самый короткий срок, когда техника военного искусства развивается исполинскими шагами, когда только что кончившаяся война в самом центре Европы выказала всю непрочность общего политического положения!.. Под давлением этих размышлений я решился обратиться к Государю письмом[238], в котором высказал откровенно свои опасения и в заключение просил Его Величество в том случае, если б, несмотря на мои доводы, было окончательно признано необходимым для спасения России от финансового кризиса расстроить всю нашу военную организацию и отменить ту программу, которая доселе служила Военному министерству руководством, — уволить меня от должности военного министра.

Письмо было в тот же вечер написано, и я намеревался послать его на другой день, в пятницу, когда у меня не было личного доклада Государю. Однако ж, по выражению французов, la nuit porte conseil*; встав утром, я приостановился отправлением приготовленного письма, в том соображении, что, быть может, на следующий день при личном докладе моем Государь заговорит со мною о бывшем заседании Совета министров и выскажет мне определительнее свой взгляд на средства исполнения возложенной на меня непосильной задачи. Так действительно и случилось: Государь сам вызвал меня на объяснения по этому предмету и в заключение положительно выразил свою волю, чтобы сокращения в военной смете были сделаны, какие только окажутся возможными, при том, однако же, условии, чтобы отнюдь не затрагивалась существующая организация армии и не ослаблялась боевая ее сила. Такая постановка вопроса совершенно успокоила меня; все мои опасения исчезли, приготовленное мною письмо теряло всякое значение, делалось вовсе неуместным. Предстоявшее разрешение финансового вопроса, так круто поставленного министром финансов, сводилось

* Утро вечера мудренее (*фр.*).

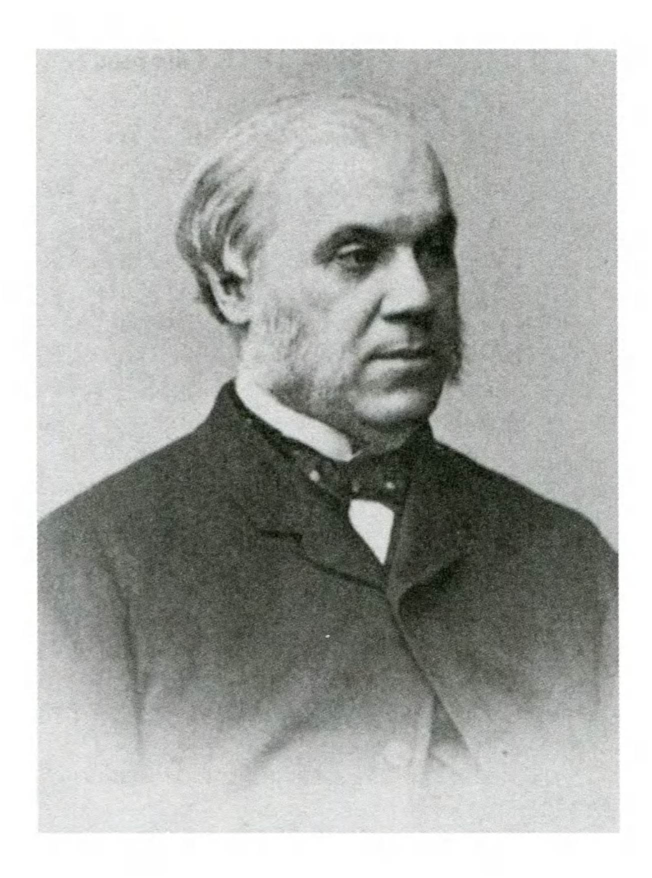
на обыкновенное урезывание сметы по статьям, на привычные препирательства в Департаменте экономии.

В течение всего лета получал я неутешительные известия из-за границы относительно состояния здоровья моей больной дочери Ольги. Пребывание в горных местностях Швейцарии, сперва в Кальтбаде, на вершине горы Риги, а потом в Зеелисберге, на Люцернском озере, не только не принесло пользы, но даже ухудшило положение больной, так что сам доктор Фридрейх, прибывший в конце августа в Зеелисберг, должен был сознаться, что данный им совет оказался неудачным. В начале сентября, когда погода в горах сделалась совсем невыносимою, жена моя с больною дочерью переехала на Женевское озеро и водворилась в местечке Clarens, близ Вевэ, в одном из так называемых пансионов (M[me] Gaberel). Сюда же приехала в конце сентября третья дочь моя, Надежда, которая, выехав из Петербурга 22-го числа с одним знакомым семейством, встретилась в Берлине с Дорою Михайловною Понсэ, возвращавшеюся в то время из Гамбурга в Швейцарию. Обе они вместе продолжали путь в Clarens. Старшая же и младшие дочери мои, пробыв все лето на Каменном острове, возвратились в конце сентября на городскую квартиру.

После продолжительных переговоров, совещаний и переписки с доктором Фридрейхом решено было оставить больную на предстоявшую зиму в Clarens, по-прежнему с теткою ее, Д.М. Понсэ. Жена моя, пробыв там до 13 ноября и передав больную на попечение сестры, возвратилась с дочерью Надеждой в Петербург 19 ноября.

В число семейных моих воспоминаний за 1866 год надобно занести: рождение дочери у моей сестры Мордвиновой, жившей в то время в Одессе, и женитьбу младшего моего брата Бориса в Иркутске. Конец же года оставил самое грустное для всей семьи воспоминание: на другой день по приезде моей жены из-за границы с братом Николаем случился нервный удар, так внезапно и преждевременно положивший конец его полезной государственной деятельности.

20 ноября, в воскресение, Государь назначил совещание по церковным делам в Царстве Польском. Оно происходило в квартире князя Горчакова, по причине болезни его, препятствовавшей ему приехать во дворец. Брат мой, предвидя предстояв-



Н.А. Милютин

шие ему горячие споры с вице-канцлером, предупредил меня, чтобы не ждать его к обычному у меня по воскресениям семейному обеду. Желая, однако же, узнать скорее результат совещания, я заехал к нему пред самым обедом. Он жил тогда в казенном доме Статс-секретариата польского, против церкви Николы Морского. Только что возвратившись домой из совещания, под живым впечатлением происходивших горячих прений, он рассказал мне свою ожесточенную стычку с князем Горчаковым, окончившуюся с полным для моего брата успехом. Он был вполне доволен одержанною победой, говорил с живостью, увлечением, без заметных следов утомления.

Вскоре после обеда, среди веселого и оживленного говора собравшегося у меня общества, вызвали меня в переднюю, где я нашел нашего давнишнего друга Андрея Парфёновича Заблоц-

кого, который с озабоченным видом сказал мне вполголоса, что с братом моим случился удар. Сейчас же я поехал к нему и нашел его лежащим на кровати в бессознательном состоянии, почти без движения. Прибывшие вскоре врачи приняли обычные в таких случаях врачебные меры. В течение вечера больной начал мало-помалу обнаруживать признаки сознания, но языком не владел, произносил неопределенные звуки, и движения его были безотчетные.

Возвратившись домой я немедленно же донес Государю о несчастном случае с братом. Записка моя возвращена с надписью: «Крайне об этом сожалею; дай Бог, чтобы он мог поправиться»[239].

На другой день, в понедельник утром, я заехал к больному; он уже был в полном сознании, но правая сторона была совершенно парализована, и язык не слушался. Он старался что-то мне высказать, но я мог только догадываться, что больного озабочивают бумаги, остававшиеся у него на столе и в ящиках. Я успокоил его, сказав, что бумаги будут тщательно спрятаны и что ключи возьму к себе, чтобы передать их тому, кому будет поручено Государем исполнять обязанности брата на время его болезни. Так я и сделал. Прямо от брата поехал к Государю, который с сердечным участием расспрашивал меня о положении больного. Я спросил, кому приказано будет передать ключи от письменного стола брата, и, видя некоторое колебание у Государя, предложил передать статс-секретарю Жуковскому, как наиболее сведущему в польских делах по занимаемой им должности управляющего делами Польского комитета. Государь одобрил этот выбор и приказал мне заявить об этом князю Гагарину, председателю Польского комитета. Прямо от Государя отправился я в Государственный совет, где уже все толковали о несчастии, постигшем моего брата. Объявив князю Гагарину и статс-секретарю Жуковскому Высочайшую волю, я передал последнему ключи, а после заседания Совета опять заехал к больному, чтоб успокоить его известием о временном назначении нашего общего хорошего приятеля Жуковского. Действительно, можно было ясно заметить на искаженном лице больного, как известие это было для него успокоительно.

22 ноября, во вторник утром, приехал я во дворец с обычным докладом. При мне вышел из государева кабинета князь Гагарин, он прошел мимо меня, не сказав ни слова, как бы не заме-

тив моего присутствия. При докладе моем Государь снова показывал теплое участие к больному, но не сказал ни слова о бывшем пред тем разговоре своем с князем Гагариным. Я был убежден в том, что последний приезжал для поднесения на подпись Государю указа о назначении С.М. Жуковского временно исправляющим должность главного начальника Собственной Е. В. канцелярии по делам Царства Польского. Каково же было мое удивление, когда после доклада я пришел в помещение Комитета министров и здесь узнал от чиновников канцелярии, что князь Гагарин получил Высочайшее повеление изготовить указ о возложении обязанностей моего брата не на Жуковского, а на графа Шувалова. Я был поражен, как обухом. Как? Я только что вышел от Государя, который ничего не сказал мне об изменении вчерашнего своего повеления, чрез меня же объявленного и уже приведенного почти в исполнение! Я был до того возмущен таким лицемерием, такою двуличностью, такою шаткостью, что прямо обратился к князю Гагарину с вопросом: что значит такая внезапная и скрытая от меня перемена? Получив от него уклончивый ответ, я не остался в заседании Комитета и решился прямо отправиться к Государю не в урочный час дня. К величайшей моей досаде (а может быть, к счастью, потому что я был в эту минуту в крайне возбужденном, нервном состоянии), камердинер объявил мне, что Его Величество изволил выехать на прогулку и возвратится не ранее 4 часов. В этот час я снова явился в Зимний дворец, но опять невпопад: «Государь изволил прилечь отдохнуть пред обедом». Я решился остаться в приемной и дождаться пробуждения Государя. Около 5 часов меня позвали в кабинет. Я застал Государя за туалетом: после предобеденного сна он одевался к обеденному столу. Он был заметно удивлен моему появлению и спросил: «Что такое?». Я высказал ему все, что было у меня на душе, не скрыл, как был я удивлен неожиданною для меня переменою объявленной мне вчера Высочайшей воли; в какое неловкое положения я поставил и Жуковского, принявшего уже от меня ключи и бумаги, как огорчит больного это новое распоряжение — о передаче дел польских в руки человека, диаметрально противоположного в мнениях своих тому направлению, по которому велись эти дела братом моим. Государь, видя, конечно, мое возбужденное, нервное состояние, выслушивал меня спокойно, по временам старался успокоить мои опасения, уверяя меня, что я напрасно так думаю

о Шувалове, который поведет дела на точном основании одобренного Государем плана и под непосредственным его руководством. Заявления эти нисколько меня не успокоили, чего я не скрыл, так что Государь, отпуская меня, обнял и сказал, что он еще подумает и даст окончательные приказания.

Однако ж 26 ноября было объявлено Высочайшее повеление, чтобы граф Шувалов вступил *временно* в исправление должности главного начальника Собственной Е. В. канцелярии по делам Царства, но вслед за тем, не знаю каким образом и чьим внушением, окончательный выбор преемника моему брату остановился на сенаторе тайном советнике Набокове — личности совершенно бесцветной[240]. Указом Сенату 1 декабря он назначен статс-секретарем, «с поручением ему, по случаю продолжающейся болезни статс-секретаря Милютина, управлять временно означенною канцеляриею». В тот же день дано повеление о назначении меня членом Комитета по делам Царства Польского.

Д.Н. Набоков служил прежде в Морском министерстве, состоял при особе Его Высочества генерал-адмирала и находился некоторое время при нем в Варшаве. Поэтому можно предполагать, что назначение его состоялось по указанию великого князя Константина Николаевича, любившего выдвигать вперед на разные служебные пути своих людей. Как бы то ни было, назначение такого бесцветного лица не имело уже того острого характера, который представляло назначение графа Шувалова. Однако ж оно все-таки было неприятно для того кружка, который группировался вокруг моего брата и в котором было немало людей дельных, проникнутых идеями, положенными в основание предпринятой в Царстве Польском реформы, и вполне преданных этому делу. В числе их на первом плане стоял князь Влад[имир] Александр[ович] Черкасский, который был одним из главных деятелей в тогдашнем управлении Царства Польского по своей должности главного директора Правительственной комиссии внутренних и духовных дел. Лишь только он узнал о болезни, постигшей моего брата, немедленно же поспешил в Петербург и прибыл именно в то время, когда последовало назначение графа Шувалова. В первом же порыве раздражения князь Черкасский объявил, что не желает продолжать службу в Царстве Польском и подал в отставку, которая вскоре и последовала с назначением на его место тайного советника Брауншвейга, занимавшего должность председателя Ликвидационной комиссии в Царстве.

Как кажется, впоследствии сам князь Черкасский пожалел о слишком поспешном своем решении, под первым впечатлением неудовольствия. Оставление им должности было столь же прискорбно, как и устранение Ст[епана] Мих[айловича] Жуковского от выпавшего первоначально на него выбора. Но какая могла быть причина этого устранения? Несомненно, был наговор; Жуковского очернили в глазах Государя, как и многих других честных и дельных людей. Неужели же такой гнусный поступок мог быть приписан князю П.П. Гагарину, которому личность Жуковского должна быть близко известна? Не правдоподобнее ли, что князь Гагарин был призван к кабинет Государев только для личного объявления ему о совершившейся уже перемене в первоначальном решении.

Больной брат мой долго оставался в таком положении, что грустно становилось смотреть на этого даровитого, умного человека, лежавшего с искаженным лицом, потускневшими глазами, неподвижною рукой. Ежедневные бюллетени о ходе его болезни за подписью трех врачей: Экка, Боткина и Чертораева, печатались в газетах. В первые дни больной не мог выговорить ни одного слова; несколько позже, хотя и выговаривал, но употреблял не те слова, которые соответствовали мысли, так что трудно было понимать его. Множество знакомых и даже незнакомых ежедневно приезжало наведаться о положении больного. В один из первых же дней посетил его сам Государь. Посещение это заметно произвело в больном сильное возбуждение; он даже нашел в себе довольно силы, чтобы выговорить несколько слов и дать понять, сколько ценит он внимание и участие Его Величества. С разных сторон получались письма с выражением соболезнования по случаю преждевременного и столь внезапного прекращения деятельности такого полезного и даровитого государственного человека. Между прочим, граф Павел Дмитриевич Киселёв, в ответном письме на мое извещение о постигшем моего брата параличе писал: «Хотя с отбытием из Парижа он отшатнулся от дряхлого дяди*, но я умел ценить его несомненные дарования, не переставал следить с душевным удовольствием за последствиями его непрестанных трудов, и не теряю надежды на

* Намек этот объясняется размолвкою, которая произошла между моим братом и дядей, вследствие одного горячего спора между ними. По природной вспыльчивости брата у него сгоряча вырвалась какая-то неосторожная фраза, затронувшая самолюбие старика.

скорое к оным возвращение его полезной деятельности»[241]. В то же время, в своем дневнике, граф Киселёв записал (5 декабря) по случаю постигшей брата болезни: «...Считаю это несчастием для него и более чем чувствительною потерею для государства. Это был человек будущности, с большими способностями, неутомимый деятель и совершенно честный. При этих качествах я искренно сожалею его...»[242]

В воспоминаниях моих о 1866 годе в ряду разного рода неприятностей и огорчений остались, однако же, в памяти моей и некоторые светлые точки.

По случаю предстоявшего 2 декабря празднования 100-летнего юбилея со времени рождения знаменитого нашего историографа Карамзина Петербургский университет в заседании Совета 28 ноября постановил возвести меня в степень доктора русской истории — высокая честь, вовсе мною незаслуженная. Объявление этого решения в торжественном собрании было встречено публикою громкими одобрениями.

Вслед за тем, 29 декабря, в годовщину учреждения Петербургской Академии наук я был приглашен в торжественное заседание, в котором провозглашено было избрание меня в почетные члены Академии, вместе с новым министром народного просвещения графом Д.А. Толстым.

Несколько дней позже (16 января 1867 г.) того же звания почетного члена удостоил меня и Московский университет, которому я принадлежал по своему воспитанию.

В течение того же 1866 года я был избран в почетные члены нескольких обществ, в том числе «Технического», выказавшего преимущественно пред всеми другими нашими обществами полезную деятельность. Во главе Технического общества стоял почтенный деятель — Пётр Аркадьевич Кочубей; в состав Общества вошло много военных лиц, участие которых в трудах Общества приносило несомненную пользу для разработки многих специальных вопросов, касавшихся разных отделов военной техники. Со своей стороны, я считал обязанностью оказывать такому полезному обществу всякое зависевшее от меня содействие.

Припомню также оказанное мне в то время внимание прусским принцем Альбрехтом, который после своего путешествия по Кавказу прислал мне чрез полковника Швейница экземпляр изданного описания этого путешествия, а затем свой фотогра-

фический портрет, взамен которого просил прислать ему и мою фотографию, — что и было мною исполнено (при письме от 17 ноября)[243].

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКАЯ ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ГОДА

Посредничество Наполеона при заключении перемирия и самого мира между воюющими сторонами, как уже было замечено, не облегчило и не ускорило переговоров, а напротив того затруднило и замедлило их[244]. Оно привело к таким результатам, которыми никто не был доволен. Император Франц Иосиф, собственною инициативою предложив Наполеону уступку Венецианской области, надеялся тем расположить Францию в свою пользу и, развязавшись с Италией, достигнуть более выгодных условий мира относительно другого своего противника — Пруссии. Ценою Венецианской области не удалось Австрии ни купить деятельное заступничество Франции, ни избавиться от необходимости самой тяжкой уступки, какую только могла потребовать Пруссия, — отказаться вовсе от своего положения в составе Германского Союза, предоставив судьбу его на произвол своей соперницы. Не могли быть довольны и второстепенные государства германские, отданные в руки Пруссии, к которой они дотоле относились враждебно и с недоверием.

С другой стороны, и победитель не мог быть доволен посредничеством Наполеона, помешавшим Пруссии извлечь более выгод из успехов своего оружия. Пруссия не могла простить ему, что ради его вмешательства не удалось ей на этот раз объединить всю Германию под своею властью; пришлось ей пока удовольствоваться захватом Северной Германии, южным пределом которой принять течение Майна*. Италия так же была недовольна тем, что вмешательство Наполеона воспрепятствовало приобретению Южного Тироля; да и самое приобретение Вене-

* Припоминаю, что раз, при возвращении моем из Царского Села в Петербург в одном вагоне с прусским военным агентом полковником Швейницом, завязался у нас щекотливый разговор о приобретенных Пруссиею великих политических успехах. Тогда у меня невольно вырвалось замечание, что Пруссия не остановится на нелепой границе по Майну. Полковник Швейниц (будущий посол германский в Петербурге) счел нужным возражать мне, но заметно без убеждения в собственных словах.

цианской области, не силою оружия, а из рук Наполеона казалось оскорбительным для самолюбия итальянской нации. На первых порах Италия даже воспротивилась заключению перемирия и хотела продолжать войну одна, без своей союзницы. Общественное мнение в Италии было сильно раздражено против генерала Ламармора, неудачному распоряжению которого приписывалось поражение при Кустоце, и против адмирала Персано, которого обвиняли в неудаче итальянского флота при Лиссе.

Наконец, и сама Франция осталась неудовлетворенною результатом своего посредничества. Призрачная для нее выгода упразднения трактатов 1815 года не могла уравновесить весьма реальных невыгод создания в непосредственном ее соседстве двух сильных государств. Место слабого, разрозненного Союза Германского в том виде, в каком устроил его Венский конгресс, теперь занял новый Северо-Германский Союз, под твердою и властною рукой Пруссии. Относительно последней Австрия перестала быть противовесом. Королевство Итальянское, вынесенное на плечах Франции, теперь начинало уже относиться к ней, если еще не враждебно, то с чувством раздражения.

Пока велись переговоры в Никольсбурге, французские газеты напоминали о надеждах, возбужденных императорским рескриптом 1/13 июня на имя министра иностранных дел Друэнь-де-Люиса. Самому Наполеону казалось, что приобретения Пруссии дают и Франции право на соответственные вознаграждения. Не довольствуясь ролью бескорыстного миротворца, Наполеон домогался расширения пределов Франции на восточной ее границе. Переговоры эти велись втайне[245], но впоследствии были обнаружены самим графом Бисмарком*. Разоблачения эти открыли давнишние виды Наполеона и веденные им с Бисмарком переговоры еще до войны с Данией. В то время французские агенты, по словам Бисмарка, предлагали ему заключить франко-прусский союз на условии обоюдного расширения владений. Дело шло для Франции о герцогстве Люксембургском, о восстановлении границ 1814 года со включением Ландау и Сарлуи и даже о более общих вопросах, как например, о разграничении государств по языкам. Переговоры эти дают ключ к объяснению

* Заявление его в собрании представителей Северо-Германского Союза перед началом войны 1870 года[246], именно в заседании 29 июля, опубликовано было в «Staatsanzeiger» 31 июля.

принятого Франциею благоприятного для Пруссии положения во время Датской войны. В 1865 году, когда Франция уже ожидала столкновения между Австрией и Пруссией, Наполеон возобновил переговоры чрез своих родственников и тайных агентов (которых Бисмарк не назвал). В мае 1866 года во время переговоров о предполагавшемся конгрессе предположения Франции были даже заявлены письменно в виде памятной записки, в которой изложена была (опять-таки по свидетельству Бисмарка) следующая любопытная программа действий: 1) если конгресс состоится, то союзники (т. е. Франция и Пруссия) потребуют от Австрии уступки Венеции в пользу Италии и присоединения Шлезвиг-Гольштинии к Пруссии; 2) если не удастся достигнуть этих результатов на конгрессе, то между Пруссией и Францией будет заключен оборонительный и наступательный союз; 3) в таком случае прусский король начнет военные действия чрез 10 дней после закрытия конгресса; 4) если ж конгресс вовсе не соберется, то Пруссия начнет военные действия по истечении 30 дней после подписания предполагаемого договора; 5) Наполеон объявит войну Австрии по истечении 30 дней после открытия военных действий между Пруссией и Австрией и выставит армию в 300 тыс. человек; 6) мир с Австрией должен быть заключен сообща на следующих условиях: Венеция присоединяется к Италии; Пруссия получит по своему выбору территорию с 7 или 8 миллионами населения в Германии, и кроме того последует соглашение на счет реформы Германского Союза; Франция же получит германские и прусские области, лежащие на левой стороне Рейна, за исключением Кобленца и Майнца и т. д.

Изложенный проект, по заявлению Бисмарка, был отвергнут им еще в июне 1866 года, «несмотря на требования, почти угрожающие, со стороны Наполеона». Замечательны следующие слова в означенном заявлении прусского министра-президента: «Я ни минуты не сомневался в невозможности для нас принять эти предложения, но в интересе мира, я считал полезным не разрушать иллюзий французского правительства, пока это было возможно; однако ж я не подавал даже и на словах повода думать, что соглашусь на эти предложения... Я хранил их в тайне и тянул дело...»[247]

Последние эти слова, может быть, и не совсем искренни. Есть повод предполагать, что граф Бисмарк не ограничивался одним молчанием; он поддерживал искусно иллюзии француз-

ских агентов, и, так сказать, кокетничал с Наполеоном, пока велась война и пока нужно было заботиться об устранении вооруженного вмешательства Франции. Но лишь только Пруссия одолела Австрию и пришлось положительно формулировать условия мира, Наполеон увидел, что Бисмарк только морочил его и дело чуть было не дошло до войны между Францией и Пруссией. Министр иностранных дел Друэнь-де-Люис настаивал на том, чтобы немедленно собрать армию на Рейне; сам Наполеон поспешил возвратиться из Виши в Сен-Клу; начались ежедневные совещания, засуетились в Военном министерстве, Бенедетти вызван в Париж... В Европе начали уже опасаться, что переговоры в Праге будут прерваны, особенно когда в Пруссии последовало вновь распоряжение о дополнительном наборе рекрут, только что пред тем отмененном. В то же время в переговорах между Австрией и Италией возникли такие затруднения, что ожидали возобновления военных действий на р. Тальяменто и в Южном Тироле.

Однако ж Наполеон, несмотря на все свое раздражение и досаду, увидел скоро необходимость последовать мнению более осторожных и предусмотрительных своих советников: Лавалета и Валевского. Он убедился в том, что благодаря злосчастной Мексиканской экспедиции, занятию Рима[248] и по другим причинам, армия французская находилась в таком расстройстве, что едва ли можно было в короткое время собрать на Рейне корпус в 50 тыс. человек, а времени не было: Австрия умоляла о скорейшем спасении ее от конечной гибели, крайне нежелательной для самой Франции. По необходимости, Наполеону пришлось отказаться от воинственного задора.

Со своей стороны, и Бисмарк предпочел избегнуть разрыва с Францией, чтоб иметь время для довершения организации нового Северо-Германского Союза. Поэтому он был вынужден несколько умерить свои требования и возобновить тайные переговоры как с Бенедетти в Берлине, так и в Париже чрез прусского посланника Гольца касательно видов Франции на Бельгию и Люксембург. Бисмарк обнадеживал Наполеона, что желаемое им присоединение Люксембурга будет со стороны Берлинского кабинета облегчено тем, что герцогство это не будет включено в состав Северо-Германского Союза. Что же касается до Бельгии, то Бисмарк указывал на возможность ее присоединения к Франции только впоследствии, как вознаграждение ее в случае распространения нового союза на всю Германию, но при этом намекал, что Бер-

Император Максимилиан с супругой

линский кабинет будто бы не мог *в то время* дать формальное свое согласие на присоединение Бельгии, собственно из опасения навлечь на Германию вражду Англии. Под этим же предлогом Бисмарк показывал вид, что ведет переговоры в глубокой тайне, между тем как о них знали уже в Лондоне, а впоследствии, как увидим, заговорили даже публично в Берлинском рейхстаге.

В самое то время, когда Наполеон находился в крайне взволнованном, нервном состоянии, приехала в Париж (27 июля / 8 августа) из Мексики супруга императора Максимильяна Шарлота, с целью умолять императора французов, чтобы не выводил французских войск из Мексики, где дела принимали все более опасный оборот. Наполеон, под предлогом болезни, уклонился от личного свидания с императрицей Шарлотой, которая, не добившись ничего в Париже, уехала в Рим и после свидания с папой прибыла в свой замок Мирамар. Встревоженная грозившею ее супругу опасностью, бедная женщина с отчаяния впала в душевное расстройство, от которого уже не могла оправиться до конца жизни*.

* Признаки ненормального психического состояния ее замечались уже ранее, но расстройство ее обнаружилось яснее во время пребывания в Риме, после горячего спора с папой. В конце же сентября она впала в полную меланхолию.

Разочарованный в своих политических расчетах, Наполеон решился заняться деятельно переустройством вооруженных сил Франции, ускорить возвращение экспедиционного корпуса из Мексики, покинув несчастного императора Максимильяна на произвол судьбы, и отозвать французские войска из Римской области до срока, назначенного по договору 1864 года. Вот что писал мне из Парижа в начале августа граф Александр Владимирович Адлерберг, ездивший на несколько недель за границу, для лечения в Карльсбаде: «Во Франции более чем где-либо поражены успехами пруссаков как в политическом, так и в военном отношении. Сам Наполеон в особенности ими озабочен, и этим только объясняется в общем мнении необычная в нем пассивная роль, которой он покорился после неудачной попытки требования вознаграждения от Пруссии за его посредничество в заключении мира. Эта пассивная роль и неожиданное смирение в перенесении отказа производят здесь не только изумление, но весьма сильное общее негодование, подстрекаемое тщеславием французов и раздражением армии против прусских войск. Негодование это так велико, что здешнее правительство сильно этим озабочено. Кажется, *нельзя сомневаться, что война между Франциею и Пруссиею неизбежна*, что скорому раздору между ними препятствует только то, что Наполеон в настоящую минуту не готов к войне и что он не упустит первого удобного случая как для отмщения за настоящую политическую неудачу, так и для удовлетворения общественному мнению и в особенности армии, в которой ропот против него увеличивается. Это мнение положительно здесь господствует, и к укоренению его много способствуют биржевые дела, большие заказы нового оружия и несекретные закупки в огромных размерах селитры. Других военных приготовлений пока еще не делается, но работы в арсеналах и упомянутые заказы оружия на частных заводах в Англии и в Америке положительно весьма велики...»*

Опасение разрыва между Францией и Пруссией вызвало со стороны нашего правительства новую попытку к миролюбивому обсуждению и разрешению возбужденных важных вопросов, затрагивавших общую политическую систему Европы. Соглашение, состоявшееся предварительно в Никольсбурге между воюющими сторонами, с крайнею поспешностью, так сказать, под

---

* Письмо от 8/20 августа из Парижа[249].

угрозою поднятого меча победителя, могло быть признано не более, как временною сделкою, не обеспечивавшею мира на долгое время. Так же и последующие переговоры в Праге между Австрией и Пруссией, а в Вене между Австрией и Италией при посредничестве одной Франции, но без участия остальных великих держав не могли признаваться законным путем для переделки главных международных отношений, установленных полвека назад Венским конгрессом и служивших основанием воображаемого политического равновесия Европы. Петербургский кабинет имел полное основание поднять снова вопрос об Европейском конгрессе, но такое предложение могла бы поддержать одна только Англия, а в то время держава эта как бы устранилась от важных событий, совершавшихся на континенте. Политика ее была парализована продолжительным министерским кризисом: кабинет Росселя — Гладстона, несмотря на свою популярность в стране, должен был в начале июня подать в отставку, вследствие неблагоприятного приема в нижней Палате внесенного министерством билля о парламентской реформе. Долго продолжались затруднения для образования нового министерства графа Дерби, в котором портфель иностранных дел принял лорд Стенли. Во все продолжение этого кризиса заседания парламента были приостановлены; Великобритания ничем не заявляла своего взгляда на ход войны и последовавших за нею переговоров. Общественное мнение в стране смотрело без сожаления на распадение отживших свое время трактатов 1815 года; усиление же Пруссии было даже желательно в глазах англичан для противовеса слишком возросшему преобладанию Франции на континенте.

Между тем переговоры в Праге закончились подписанием 11/23 августа мирного договора между Австрией и Пруссией, а 18/30-го последовала ратификация его. Днем ранее подписан там же договор между Пруссией и Баварией. Пражский договор, в сущности, был только подтверждением и развитием предварительных никольсбургских условий. В этом акте положительно определена южная граница Северо-Германского Союза по Майну; выговорено для северной части Шлезвига право свободного заявления подачею голосов «желания народа относительно присоединения к Датскому королевству», — условие, от которого впоследствии Пруссия уклонилась; Австрия обязалась уплатить 20 миллионов талеров в возмещение военных издержек Пруссии... и т. д. Договором этим Австрия отреклась от всякого

дальнейшего влияния на Германию, предоставив судьбу всех государств северогерманских произволу Пруссии. Только в пользу Саксонского королевства выговорено было сохранение короны престарелому королю Иоанну, к которому вся Германия питала особенное уважение.

Еще до окончания переговоров в Праге король Прусский возвратился в Берлин, где был встречен восторженно, и 24 июля / 5 августа лично открыл заседания прусских Палат. В это же время приступлено к установлению основных начал нового Северо-Германского Союза. Берлинский кабинет не поцеремонился с теми из государств Северной Германии, которые выказали себя открыто враждебными Пруссии. В особенности приняты были беспощадные меры относительно Ганноверского королевства и курфюршества Гессен-Касельского, которые решено было безусловно присоединить к Пруссии так же, как и герцогства Шлезвиг-Гольштинию, Нассау и город Франкфурт*. Представленный ганноверцами королю Вильгельму адрес с просьбою о сохранении королевству Ганноверскому прежней автономии был решительно отвергнут, и когда король Георг заявил о своей готовности отречься от престола в пользу своего сына, то граф Бисмарк резко ответил, что «теперь уже поздно». Посольство в Петербурге (в августе) генерала Кнезебека с поручением от ганноверского короля также не принесло никакой пользы сверженному с престола королю, который обратился тогда ко всем кабинетам с энергичным протестом против насилия со стороны Пруссии, при этом король Георг заявил, что никогда не отречется от своих верховных прав. Некоторые другие второстепенные государи Северной Германии также прибегали к заступничеству русского императора, ради родственных с ним отношений. 6/18 августа подписаны в Берлине главные основания, на которых означенные владения должны были войти в состав Северо-Германского Союза. Одним из главных условий постановлено было — подчинение всех вооруженных сил Союза верховному начальству прусского короля. Договор этот ратификован 29 августа / 10 сентября, но окончательный статут Союза положено было выработать на основании предложенных Пруссиею 10 июля условий и внести на обсуждение и утверждение будущего собрания представителей всей Северной Германии.

---

* Присоединение этих территорий было утверждено прусским ландтагом в начале сентября и обнародовано 10/22-го того же месяца.

Что касается до окончательного определения отношений Саксонского королевства к Союзу, то оно встретило многие затруднения, и только 9/21 октября подписан договор. Королю Саксонскому пришлось принести в жертву своего первого министра, барона Бейста, считавшегося главным виновником враждебного положения, принятого Саксониею против Пруссии. Барону Бейсту принадлежала первая мысль о переустройстве Германского Союза на основаниях так называемой «триады», принятой Венским кабинетом и весьма одобренной Парижским. Чрез это он приобрел особенное благорасположение как австрийского императора, так и Наполеона, но зато навлек на себя ненависть прусского канцлера, особенно же когда пред заключением мира барон Бейст отправился лично в Париж искать заступничества Наполеона. По заключении же мирного договора барон Бейст вышел в отставку, а несколько позже явился во главе австрийского правительства.

8/20 сентября происходило в Берлине торжественное вступление возвратившихся с театра войны победоносных прусских войск. Рядом с королем Вильгельмом героями торжества предстали граф Бисмарк и генерал Мольтке. Первый из них по этому случаю был переименован в генералы ландвера и получил почетное звание шефа одного из ландверных полков. Почти все участники блистательной кампании были осыпаны наградами. Дух прусской армии поднялся до небывалого еще возбуждения.

Граф Бисмарк не ограничился заключением договоров с государствами, вошедшими в состав Северо-Германского Союза; втайне он вел переговоры и с южными германскими государствами. Впоследствии открылось, что уже 5/17 августа заключен был секретный договор с Баденом, а 10/22-го — с Баварией. Этими договорами Пруссия гарантировала названным государствам целость их владений; они же обязались, в случае войны, предоставить свои военные силы в распоряжение прусского короля. Как пример двуличия и коварства в дипломатии можно привести тот факт, что означенные южно-германские государства, заключая тайные договоры с Пруссиею, в то же время показывали вид, будто искали заступничества Франции пред Берлинским кабинетом.

Замирение Германии после весьма непродолжительной войны совершилось быстрее, чем заключение мира между Австрией и Италией. Только в половине августа прислан был

в Вену генерал Менабреа для ведения переговоров, которые продолжались еще более месяца и окончились 21 сентября / 3 октября подписанием мирного договора. Италия добилась того, что Венецианская область была уступлена ей прямо без передачи чрез руки Наполеона. В начале октября итальянские войска вступили в Венецию, а в конце того же месяца (26 октября / 7 ноября) происходил торжественный въезд самого короля Виктора Эмануэля. Присоединение Венецианской области было радостным событием для Италии, важным шагом к ее объединению. Оставалось для довершения ее целости и единства только включение папских владений в пределы королевства и перенесение самой столицы в Рим, но к осуществлению этой мечты встречалось тогда непреодолимое препятствие. Правительство итальянское вынуждено было сдерживать пыл слишком нетерпеливых патриотов, обязавшись сентябрьскою конвенциею с Францией не посягать на территорию, остававшуюся еще под светскою властью папы. Обязательство это было даже вновь подтверждено королем Виктором Эмануэлем пред итальянскою Палатой, при открытии ее в декабре 1866 года, уже в то время, когда французские войска на основании той же конвенции окончательно выступили из римских владений. Для гарнизона в Риме и охраны папы предварительно было сформировано особое войско под названием Антибского легиона под начальством французского генерала д'Орел.

Наполеон III после Пражского мира сделался еще более, чем прежде, озабочен и задумчив. В начале сентября он уехал в Биарриц и возвратился оттуда в Сен-Клу только в октябре. Друэнь-де-Люис оставил пост министра иностранных дел; место его заступил маркиз Мутье, французский посланник в Константинополе, а до прибытия его в Париж управление иностранною политикой было возложено на министра внутренних дел Лавалетта. Наполеон думал успокоить возбужденное общественное мнение во Франции опубликованием, в форме министерского циркуляра (4/16 сентября), своего взгляда на совершившийся в Центральной Европе переворот. В этом циркуляре высказывалось, что уничтожение ненавистных для Франции и прямо ей враждебных трактатов 1815 года гораздо для нее важнее, чем может быть противно ее интересам усиление Германии и Италии, что император Наполеон I не побоялся объединить Италию и что, наконец, это объединение как Италии, так и Германии

соответствует вполне принципу национальностей, положенному в основание императорской политики... Все эти успокоительные размышления никого в действительности не успокоили, тем более, что циркуляр приводил к заключению совершенно неожиданному — о необходимости для Франции настойчиво заняться преобразованием своих военных сил. Точно так же и в опубликованном вслед за тем докладе французского военного министра по этому предмету высказывалось, что предпринимаемое во всех государствах преобразование армий вызвано последними событиями в Германии.

Действительно, после случившегося так быстро и нежданно разгрома Австрии все государства деятельно принялись за преобразование и усиление своих армий, не исключая даже Англии, где также заговорили о необходимости увеличения сухопутных войск. Везде брали за образец прусскую систему, достоинства которой выказались так блистательно в последние войны. Во Франции разработка главных оснований военной реформы была возложена на особую комиссию, собиравшуюся часто под личным председательством самого императора. Вот что писал мне дядя, граф П.Д. Киселёв, из Парижа в конце года: «Здесь все устремлено на преобразование армии или, правильнее сказать, на ее *утроение*. Общее мнение не оказывает к тому сочувствия, но покорится велеречию Монитера[250], и военные силы будут доведены до полутора миллиона, как предложил здешний сфинкс и как оно совершится к концу будущего года. Здесь утверждают, что после всеобщей выставки* займутся европейскими делами, то есть смутами повсюду...»**

Действительно ли Наполеон замышлял в это время какие-либо новые планы, чтобы поднять поколебавшийся заметно престиж свой — трудно сказать, но, во всяком случае, он был прежде всего озабочен восстановлением своих военных сил. Возвращение экспедиционного корпуса из Мексики было давно уже решено, вопреки всем просьбам императора Максимильяна, который, очевидно, не мог удержаться без помощи французских войск. Положение его было крайне опасное; большая часть страны находилась во власти хуаристов, которые угрожали даже сообщениям французских войск с опорным их приморским

---

* Предназначенной в Париже в мае 1867 года.

** Письмо от 16/28 декабря 1866 года[251].

пунктом — Веракруц. Наполеон послал в Мексику своего доверенного генерал-адъютанта Кастельно с поручением объявить императору Максимильяну, чтобы он не рассчитывал на дальнейшую помощь Франции. В то же время вашингтонское правительство заявило формально, что не признает в Мексике никакого другого правительства, кроме республиканского. В послании президента Джонсона к конгрессу упомянуто было, что вашингтонское правительство потребовало от Франции скорейшего исполнения обещания ее вывести войска свои из Мексики. Заявление это произвело во Франции самое тяжелое впечатление. В конце года отправлены были к берегам Мексики французские суда для перевозки экспедиционного корпуса обратно в Европу.

Таково было положение дел после Пражского мира. Остается только упомянуть о том, что делалось в Австрии после понесенного ею разгрома.

Внутреннее положение государства было крайне тягостное. Необходимо было приняться за восстановление расстроенных военных сил и финансов; весь строй государственный был расшатан. Выкинутая насильственно из состава Германии, потеряв, так сказать, свой прежний центр тяжести, империя Габсбургов должна была искать себе новых основ. Между тем во всех частях ее чувствовался разлад, и проявлялось открыто неудовольствие. В Богемии продолжалась упорная борьба между чехами и немцами, а в Галичине — между поляками и русскими; южно-славянские земли домогались автономии. Но в особенности озабочивали венский Двор настойчивые требования мадьяр восстановления законов 1848 года, с особым ответственным министерством[252].

В начале октября объявлено было об открытии 7/19 ноября всех областных сеймов. Император Франц Иосиф лично посетил Прагу, только что оставленную прусскими войсками, но прием монарха в столице Богемии вслед за невзгодами военными не ознаменовался особенными выражениями радости. Неудачная война сильно поколебала доверие народа к министерству графа Белькреди. Тогда-то император Франц Иосиф решился обратиться к бывшему саксонскому министру барону Бейсту с предложением вступить в австрийскую службу. 18/30 октября барон Бейст был назначен министром иностранных дел на место графа Менсдорф-Пульи, а чрез две недели (2/14 ноября) он же принял

Ф. Бейст

и портфель министра императорского Двора. Назначение это было, конечно, весьма неприятно для берлинского Двора.

При самом вступлении своем в австрийскую службу барон Бейст категорически заявил свой взгляд на предстоявшую задачу государственного переустройства австрийской монархии. В основу его программы было положено соглашение с мадьярами, полное удовлетворение народных желаний их — восстановление автономии Венгерского королевства. Система барона Бейста заключалась в «раздвоении» империи на две равноправные части с преобладающим в одной элементом немецким, в другой — мадьярским. Этою системою «дуализма» он полагал достигнуть двух целей: приобрести опору в элементе мадьярском и вместе с тем подавить ненавистный для немца элемент славянский.

7/19 ноября открылись во всех областях местные сеймы. В королевском рескрипте к Венгерскому сейму была выражена надежда на то, что вопрос об автономии Венгрии будет разрешен удовлетворительно, без ущерба для целости и нераздельности всей монархии. При этом была указана необходимость сохранения единства в управлении делами военными, таможенными, косвенными налогами, регалиями и государственными долгами. Соглашение правительства с сеймом, как выражено было в королевском рескрипте, относительно обеспечения единства монархии откроет возможность отдельного для Венгрии ответственного министерства и восстановления законов 1848 года, с известными в них изменениями, указанными уже ранее в королевском рескрипте 3 марта (1866 г.). На таких основаниях начались в пештском сейме продолжительные прения и целый ряд взаимных компромиссов. В конце же года (21 декабря / 2 января) последовал императорский рескрипт об открытии в будущем феврале чрезвычайной сессии рейхсрата в Вене исключительно для обсуждения общего конституционного вопроса.

Важные события политические в центре Европы отвлекли внимание больших держав от хода дел на Востоке. Государственный переворот в княжествах Дунайских совершился без участия Европы, которой не оставалось ничего другого, как признать совершившийся факт[253]. Пока бухарестская палата обсуждала новую конституцию соединенных княжеств (утвержденную 30 июня / 12 июля), в Константинополе происходили между представителями трех покровительствующих держав (России, Англии и Франции) и Портою совещания, на которых решено было признать принца Карла Гогенцоллернского господарем соединенных княжеств с правом наследственного преемства. Формальное признание этого решения Портою последовало только 3/15 октября. По приглашению султана, новый господарь прибыл (12/24 октября) в Константинополь, [был] принят с подобающими почестями и получил из рук Абдул-Азиса фирман инвеституры. Князю Карлу предоставлялись права чеканить монету и сноситься с иностранными государствами собственно по делам административного свойства; военные же силы княжеств ограничены цифрою 30 тыс. человек. По возвращении князя Карла в Бухарест последовало официальное признание его рус-

ским правительством*, а несколько позже — Лондонским и Парижским кабинетами.

Пример Дунайских княжеств ободрил Сербию. Давно уже правительство сербское домогалось уничтожения последнего следа турецкого господства в стране — вывода турецких гарнизонов из сербских крепостей, в особенности же из Белградской цитадели. Турецкое знамя на этой последней было всегда как бы напоминанием сербам об их вассальном подчинении Порте. Присутствие турецких солдат в самой столице княжества давало только поводы к столкновениям и раздражению национального чувства сербов, не принося существенной выгоды Порте, которая сама сознавала, что пребывание слабых турецких гарнизонов в полуразрушенных укреплениях не только не принесло бы пользы в случае восстания или войны, но даже было бы сопряжено с опасностью для них. В сентябре 1866 года князь сербский Михаил формально обратился к султану с просьбою об очищении Белграда, Орсовы и крепостей на Дрине и просил ходатайства по этому предмету покровительствующих держав. Россия советовала Порте удовлетворить желание сербов, дабы уступкою, в сущности маловажною, приобрести расположение Сербии и обеспечить себя с ее стороны, ввиду угрожавших турецкому правительству народных волнений в разных областях империи Оттоманской. В ноябре князь Михаил возобновил свое требование об очищении крепостей и сверх того о предоставлении Сербии одинаковых прав с княжествами Дунайскими[254].

С другой стороны, и вице-король Египетский постепенно добивался расширения своих политических прав. Уже в апреле 1866 года состоялось между ним и Портою новое соглашение. Султан признал наследственные права хедива Измаила-паши[255], который за то обязался увеличить размер дани (до 600 тыс. фунт. ст.). И тогда уже внутреннее управление Египтом было почти в руках англичан и французов, которые эксплуатировали эту разоренную страну, потворствуя легкомысленной наклонности Измаил-паши к подражанию наружным порядкам европейской цивилизации. Под влиянием западных менторов своих вице-король возымел странную мысль — дать Египту представительный образ правления, и 6/18 ноября в Каире разыгран был

* Сообщено князем Горчаковым посланнику генерал-адъютанту Игнатьеву 28 октября / 9 ноября.

фарс — открытие египетского «парламента». Да и в Константинополе ходили толки о намерении султана дать Оттоманской империи конституцию! Слухи эти были похожи на злую иронию, ввиду господствовавшего во всех областях Турции угнетения народа, произвола и хищничества властей, бедственного положения христианского населения.

С лета 1866 года возникла для Порты серьезная забота — восстание на острове Кандии (или Крите)[256]. Доведенные до крайности притеснениями турецких властей, тягостными налогами и беззаконными поборами, кандиоты подали (в июне) султану адрес с изложением своих жалоб, но ответом со стороны Порты было только усиление войск на острове и назначение Мустафы-паши для расследования дела, а в случае надобности и для водворения порядка. Узнав о таком решении Порты, все христианское население острова поднялось с твердым намерением оказать отчаянное сопротивление насилиям турок. Из горной части острова начали стекаться вооруженные отряды повстанцев. По донесению нашего генерального консула в Канее Дендрино к посланнику Игнатьеву от 1/13 августа, число вооруженных бойцов достигало уже тогда 20 тыс. человек. Число же турецких войск на острове доходило до 22 тыс. чел., в том числе до 6 тыс. египетских. Но, по мнению нашего консула, и большие силы не будут в состоянии одолеть мужественное сопротивление инсургентов в горной местности. В приведенном донесении читаем: «Войска оттоманские и египетские дозволяют себе совершать такие неистовства, которые приводят в трепет людей миролюбивых и беззащитных. Судя по известиям, доставленным из Ретимо, они действуют на острове, как в неприятельской стране: опустошают все местности, куда ни проникают, грабят деревни, оскверняют храмы, расхищают церковную утварь и предают жестоким истязаниям тех, которые отказываются подписать новое прошение, служащее отрицанием прошению первоначальному и заявлению христианской депутации...»

9/21 августа народное собрание кандиотов обратилось к консулам трех покровительствующих держав с письменным заявлением решимости всего народа сопротивляться с оружием до последней крайности насилиям и беззакониям турецких властей и войск. Кандиоты выражали надежду на участие покровительствующих держав. К королевству Греческому они обратились с просьбою о назначении им военачальника в лице генерала Ка-

держи, но за отказом афинского правительства, главное начальство над инсургентами принял Хаджи-Михаэли. В восстании участвовало почти поголовно все население, способное носить оружье, не исключая стариков, в числе которых явились личности, заслужившие громкую известность еще во времена войны за независимость Греции.

Начальство над турецкими войсками было вверено Измаилу-паше. В течение всего августа он не решался начать военные действия; обе стороны оставались в выжидательном положении, пока велась между кабинетами дипломатическая переписка: ни та, ни другая сторона не хотела сделать первого выстрела.

По первым известиям о вооруженном восстании Кандии, русский вице-канцлер поручил* русским послам в Лондоне и Париже обратить внимание обоих правительств на опасность, угрожавшую миру на Востоке. Князь Горчаков указывал, что беспокойства на острове Кандии неминуемо возбудят волнение в королевстве Греческом, которое будет поставлено в крайне затруднительное положение. При общем брожении умов среди христианского населения Турции, достаточно, по словам князя Горчакова, одной искры, чтобы произвести общий пожар. Русский вице-канцлер заявлял, что вовсе не желая прибегать к совокупному вмешательству Европы во внутренние дела Оттоманской империи, считает, однако же, необходимым всем трем покровительствующим державам действовать единодушно с миролюбивою целью, причем напоминал о соглашении, состоявшемся в 1830 году, когда острова Кандия и Самос были возвращены под власть Турции не безусловно, а с тем, чтобы Порта подтвердила прежние льготы, дарованные населению и оградила его от всяких произвольных и стеснительных мер. Петербургский кабинет предложил Лондонскому и Парижскому сообща сделать Порте предложение в примирительном и дружественном духе и войти с нею в соглашение о способах успокоения населения Кандии. В то же время было предписано одному из военных судов, стоявших в Пирее, отправиться к берегам Кандии, по примеру уже посланного туда французского судна. Барону Бруннову было предписано предложить и Лондонскому кабинету принять такую же меру. Посланнику нашему в Константинополе было поручено действовать в согласии с представителями

* Депеша 8/20 августа[257].

других двух держав. Получив эти предписания, генерал Игнатьев немедленно отправил к берегам Кандии состоявший в его распоряжении военный пароход «Тамань».

В то же время и Афинский кабинет обратился к покровительствующим державам с просьбою о принятии общих мер для отвращения опасности, угрожавшей Греческому королевству. По заявлению Афинского кабинета, вооруженное восстание на острове Кандии должно неминуемо возбудить брожение в населении королевства, правительству которого трудно будет сдержать патриотические порывы. И действительно, с самого начала волнений на острове образовалось в Афинах общество для вспомоществования инсургентам; собирались денежные пожертвования, покупалось оружие, снаряжались пароходы для поддержания сообщения с островом, доставления запасов и перевозки волонтеров, спешивших на помощь братьям.

Западные державы первоначально не обратили внимания ни на советы Петербургского кабинета, ни на заявления Афинского. Они были слишком озабочены собственными своими делами. В письме от 31 августа / 12 сентября к послу барону Бруннову князь Горчаков писал: «Невзирая на выказываемое английским правительством равнодушие ко всему происходящему на континенте, мы не думаем, чтобы оно могло оставаться равнодушным к событиям, угрожающим миру Европы». Вице-канцлер наш настоятельно убеждал Лондонский кабинет принять деятельное участие в умиротворении христианского населения Турции, высказывая мысль, что русское правительство видит в этом единственное средство, чтобы предотвратить разложение и распадение Оттоманской империи... «Настало время, чтобы, по крайней мере, обменяться мыслями между кабинетами по этому важному вопросу...»[258] Во многих других депешах и письмах князя Горчакова к барону Бруннову повторялось, что для обеспечения мира на Востоке недостаточно одних теоретических заявлений, а нужно единодушное действие всех трех кабинетов, чтобы побудить Порту обеспечить положение христианского населения.

2/14 сентября кандиотское народное собрание постановило свергнуть верховную власть султана и провозгласить неразрывное соединение острова с королевством Греческим. Об этом решении собрания было формально заявлено консулам, и вслед за тем начались военные действия. 6/18 сентября произошло пер-

вое кровопролитное сражение близ городка Канди. Турки понесли значительные потери и отступили от занятой повстанцами позиции. На другой день после сражения прибыл на остров Мустафа-паша с новыми полномочиями и с прокламацией в примирительном смысле, но инсургенты не хотели и слушать, они имели уже довольно опыта, чтобы не доверять турецким сладким речам. На прокламацию Мустафы-паши кандиотское народное собрание ответило воинственным призывом к оружию (17/29 сентября).

В конце сентября, когда турецкий поверенный в делах в Петербурге Коменос-бей, по поручению своего правительства, заявил нашему вице-канцлеру решение Порты подавить восстание оружием, князь Горчаков выразил ему сожаление русского правительства и заметил, что Порта принимает на себя тяжелую ответственность за последствия. Объяснение это встревожило Порту, которая заподозрила Россию в намерении вмешаться в кандиотское дело. Князь Горчаков поручил генералу Игнатьеву напомнить Али-паше, что русское правительство своими действиями в последних событиях достаточно выказало свое бескорыстное желание поддержать мир на Востоке, что оно постоянно давало советы в примирительном духе, внушая христианам долготерпение, а Порте — чувство справедливости и умеренности, что и теперь оно намерено держаться того же образа действий.

Но турецкое правительство получало совсем иные советы от западных держав. Как Англия, так и Франция убеждали Порту действовать энергично, усилить войска на острове и скорее подавить восстание. Опираясь на эту поддержку, Порта обратилась к греческому правительству с упреками в возбуждении будто бы кандиотского мятежа; угрожала прервать дипломатические сношения и отозвать свое посольство из Афин.

Между тем на острове происходил целый ряд стычек между инсургентами и турецкими войсками. Несмотря на превосходство в числе на стороне последних, инсургенты имели часто успехи, а туркам не удавалось достигнуть никаких результатов. Они не могли проникнуть во внутреннюю гористую часть острова и ограничивались действиями в приморской полосе, где могли иметь опору и сообщение с флотом. Силы турецкие возросли до цифры 40 тыс. человек, они держались преимущественно только около двух пунктов: Канеи и Канди. Не имея удачи в бою, ту-

рецкие войска мстили инсургентам жестоким образом действий. Случалось, что они умерщвляли безоружные семейства, укрывавшиеся в пещерах; раз большое число таких несчастных было задушено дымом. Замечательна геройская оборона инсургентами монастыря Аркадион (в 6 часах от приморского городка Ретимо, близ горы Иды): после двух дней отчаянной защиты, когда наконец удалось туркам пробить брешь и начался приступ, защитники взорвали монастырь и погибли под его развалинами, в числе 63 монахов и до 500 поселян обоего пола и всех возрастов. Семейства кандиотов, спасаясь от жестокости рассвирепевших турок и египтян, стремились во множестве к морскому берегу в надежде найти убежище на греческих судах, подвозивших островитянам продовольствие, оружие и волонтеров, несмотря на крейсировавший вдоль берега турецкий флот. Так, греческий пароход «Пангелион» неустрашимо поддерживал сообщение с островом и увозил в Грецию кандиотские семейства. Наши русские суда также спасали их в значительном числе, хотя турецкое правительство и протестовало, упрекая нас в нарушении нейтралитета. Генерал Игнатьев в объяснениях с Али-пашой по этому предмету* высказывал ему, что наше правительство не может оставаться равнодушным свидетелем гибели безоружных людей, женщин, детей, стариков, спасающихся от жестокости турецких войск. Игнатьев старался склонить и представителей Англии и Франции к содействию в этом деле человеколюбия и дать соответствующие инструкции капитанам военных судов, крейсировавших у берегов Кандии. Французские суда приняли участие в перевозке кандиотских семейств; один из английских капитанов также принял было семейства, просившие у него убежище, но потом получил за то замечание от английского посла лорда Лайонса. Правительство великобританское обратилось даже с требованием к Афинскому кабинету, чтобы греческий военный корвет «Эллада» был отозван от берегов Кандии, и сделало ему строгое предостережение насчет образа действий Греции в деле кандиотского восстания.

Убедившись, что со стороны Англии нечего ожидать заступничества за несчастное население Кандии, русский вице-канцлер старался привлечь, по крайней мере, Францию к совместному воздействию на Порту. 16/28 ноября он писал послу в Пари-

---

* Депеша генерала Игнатьева к вице-канцлеру 10/22 октября[259].

же барону Будбергу: «По нашему мнению, возможен один только исход: присоединение Кандии к Эллинскому королевству. Остров Кандия принимал столь же деятельное участие, как и вся Греция, в войне за независимость. В то время кабинеты не согласились на присоединение его к королевству, и теперь события доказывают, что тогдашний поступок держав был плодом слабости и ложного расчета. Исправив эту ошибку в настоящее время, державы утвердили бы в Греции монархическое начало и власть короля Георга. Если ж эта комбинация показалась бы слишком радикальною, то, по крайней мере, можно было бы сделать из Кандии автономную область, связанную с Турциею чисто вассальными отношениями, подобно княжествам Дунайским»[260].

Таким образом, нашему вице-канцлеру надобно отдать справедливость в том, что он в то время держался в Восточном вопросе прямого пути, указываемого традиционною политикою России, и шел открыто к цели. К сожалению, он не встретил сочувствия ни в одной из прочих держав, которые не хотели отступить от узкой и близорукой политики — поддержания во что бы ни стало целости Оттоманской империи. Верные укоренившемуся предрассудку, западные державы не доверяли высоким и гуманным советам Петербургского кабинета и по-прежнему подозревали его в каких-нибудь скрытых целях.

Из документов, опубликованных двумя годами позже (в 1868 году) австрийским правительством в своей «Красной книге»[261], узнаем, что Венский кабинет, не принимавший прямого участия в дипломатических сношениях между тремя «покровительствующими» державами относительно Кандиотского восстания, не оставался, однако же, чуждым этого вопроса с общей точки зрения сохранения мира на Востоке. Барон Бейст, вскоре по вступлении своем в австрийскую службу и занятии поста австрийского министра иностранных дел, высказывал убеждение, что никакие опасности не могли бы угрожать Оттоманской империи, если б только установилось полное единодушие между великими державами, а для этого он считал нужным лишь привлечь Россию к соглашению с прочими державами. Средством к тому барон Бейст считал отмену тех стеснительных для России, но вместе с тем призрачных постановлений 1856 года, которым она была принуждена подчиниться. Уступкою такого рода в пользу России, по мнению того же барона Бейста, возможно было до-

стигнуть единства в образе действий всех держав в восточном вопросе. «К сожалению, — говорится в «Красной книге», — успех австрийского предложения не соответствовал надеждам: встречены были возражения со стороны западных держав».

Таким образом, уже в 1866 году высказывалась (и кем же? австрийским министром!!) мысль об отмене статей трактата 1856 года, стеснительных и унизительных для России. Мысль эта осуществилась только четыре года спустя, но уже помимо инициативы Венского кабинета, а решимостью самого правительства русского[262].

Разномыслие и взаимное недоверие между кабинетами и на этот раз парализовали действия европейской политики. Дипломатическая переписка тянулась бесплодно во всю зиму, а между тем восстание на острове Кандии продолжалось, несмотря на неоднократные хвастливые уверения Порты, что оно будто бы подавлено. Исходившие из Константинополя известия этого рода каждый раз опровергались неотлагательно новыми стычками турецких войск с инсургентами. Хотя с наступлением зимних холодов военные действия на острове как бы замерли на некоторое время, однако же сама Порта еще 15/27 декабря сочла нужным снова обратиться к кабинетам циркулярною нотой, в которой просила Европу оказать энергическое вмешательство в греко-турецкую распрю и воспрепятствовать Афинскому кабинету продолжать действия, клонящиеся к поддержке восстания. С другой стороны, и греческое правительство посылало доверенных лиц в столицы больших держав, чтоб объяснить, как трудно для Греческого королевства оставаться долее пассивным зрителем продолжительного кровопролития на острове Кандии.

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1866 ГОДУ

Ни важные события политические в Европе в течение 1866 года, ни смутное положение дел на Востоке, ни возникшая у нас реакция против реформ и нововведений последнего времени, не остановили деятельности Военного министерства по выполнению предначертанного общего плана военных преобразований. Начатые в предшествовавшие годы крупные законодательные работы продолжались без малейшего перерыва.

В числе таких работ стояли на первом плане: 1) Положение о Военном министерстве и 2) Положение о полевом управлении армиями в военное время. К числу же обширных и многолетних работ принадлежал начатый пересмотр Положений о казачьих войсках.

Вообще все предпринятые законодательные работы подготовлялись в особых комиссиях, постепенно сосредоточивались в Военно-кодификационной комиссии, в которой получали окончательную редакцию, и затем уже вносились в Военный совет, как в высшую законодательную инстанцию, чрез которую важнейшие дела военного хозяйства и законодательства восходили на Высочайшее утверждение. Только таким прямым путем и возможно было вести военные преобразования энергично, без остановок и со строгою последовательностью.

Но в конце 1866 года, когда начались с разных сторон нападки на Военное министерство, когда поднялась сильнее, чем когда-либо, финансовая агитация для несбыточного сокращения военных расходов, возникло, неведомо откуда, покушение — ограничить права и компетенцию Военного совета с тем, чтобы окончательное обсуждение и решение дел, не только по финансовой части, но и по законодательству военному, подлежали Государственному совету. Мысль эта, как я думаю, родилась в среде Государственной канцелярии, а может быть, по инициативе министра финансов и государственного контролера, и дошла чрез председателя Государственного совета до Государя, от которого и узнал я впервые о затеянной против Военного министерства новой компании. Для предупреждения тайных подкопов я счел за лучшее открыто поставить вопрос о правах и компетенции Военного совета и с этою целью в годичном своем «всеподданнейшем докладе» (или кратком отчете)[263], приготовленном к представлению Государю в первый день приближавшегося нового года, изложил соображения, по которым исключительные права, предоставленные Военному совету Положением о Военном министерстве 29 марта 1836 года, необходимо сохранить неприкосновенно и на будущее время. Я писал, что тридцатилетний опыт достаточно выказал всю пользу того самостоятельного значения, которое было присвоено Военному совету означенным законоположением, основанным на личных (собственноручно написанных) указаниях императора Николая I. При этом напоминалось, что не в первый уже раз возбуждались вопросы

по этому предмету. Так, с самого почти учреждения Военного совета возникло сомнение относительно подсудности его решений Сенату, и тогда обсуждение этого вопроса в Государственном совете повело к установлению особого, исключительного порядка решения дел в случаях разногласия Сената с Военным советом. Затем, вследствие преобразования Морского министерства в 1860 году[264], возникла было мысль о применении к Военному совету тех ограничений, которым подвергся тогда Адмиралтейств-совет, но мысль эта была устранена. Наконец, введение новых сметных и кассовых правил снова подало повод затронуть права Военного совета по делам, подлежащим ведению Государственного контроля, или окончательному решению Государственного совета, и тогда пришлось допустить некоторое ограничение полновластия Военного совета, насколько было это действительно необходимо для единства и правильности ведения государственных финансов, но идти далее по этому пути и лишить Военный совет самостоятельности в заведовании обширным и сложным военным хозяйством было бы положительно вредно для дела. Так же и по вопросам законодательным, относящимся исключительно к военному ведомству и не имеющим связи с предметами ведения других министерств, внесение дел в Государственный совет повело бы только к напрасной проволочке, весьма неудобной, иногда же опасной в делах военного управления... Все эти соображения, изложенные во всеподданнейшем моем докладе, имели целью, как уже сказано, вызвать открытое обсуждение возникших сомнений, пока еще только разрабатывался проект нового Положения о Военном министерстве, однако ж вопрос остался *на этот раз* без дальнейших последствий.

Наличный численный состав нашей армии, постепенно сокращаясь со времени подавления польского мятежа, доведен был к началу 1866 года до 800 тыс. человек*. Из числа 47 пехотных дивизий только 13 оставались еще в усиленном мирном составе (именно в западной пограничной полосе и на Кавказе), 24 дивизии уже приведены были в обыкновенный мирный состав, а 10 — в кадровый.

---

* Не считая иррегулярных войск, которых состояло на действительной службе 69 656 человек.

Тревожное политическое положение Европы в начале года заставило нас принять некоторые меры для большей готовности на тот случай, если б обстоятельства вовлекли и нас в войну. Но меры эти ограничивались только заготовлением некоторых необходимых материальных средств, недостававших для быстрой мобилизации армии, и составлением расписания, откуда и каким порядком каждая часть войск получит укомплектование людьми и лошадьми, оружие, снаряжение и все прочее. Новая организация нашей армии доставляла ту выгоду, что приведение ее на военное положение требовало только пополнения рядов в каждой части призывом людей из запаса по составленному заранее расписанию, без формирования вновь каких-либо частей. Для каждой единицы военного состава существовал кадр и в мирное время. Система эта избавляла нас от преждевременных мер, к которым в прежние времена необходимо было прибегать для формирования новых боевых единиц.

Таким образом, во время самого разгара войны на Западе мы могли спокойно готовиться, не трогая заранее ни одного человека из запаса, не прибавляя к наличному составу армии ни одного солдата. Когда же политические дела в Западной Европе приняли оборот к умиротворению, и лишь только миновали наши опасения войны, немедленно же было предпринято дальнейшее сокращение наличного состава войск. Последовавшее в октябре Высочайшее повеление по этому предмету могло быть исполнено без всякого ослабления боевой нашей силы одним лишь приведением некоторых из пехотных дивизий в меньшие составы, не упраздняя ни одной тактической единицы. Общая наличность войск уменьшилась на 64 тыс. человек и около 9 тыс. лошадей, так что к концу года состояло во всей империи всего 749 тыс. человек войска. До такой цифры не понижалась численность русской армии во весь 25-летний период с тридцатых годов*. В шесть лет, протекших со времени вступления моего в управление военною частью, численность наших военных сил в мирном составе сократилась на 150 тыс. человек, с усилением в то же время запаса людей со 186 тыс. до 410 тыс. человек, призывом которых, в случае мобилизации, наши вооруженные силы достигли бы грозной цифры 1 150 000 человек.

---

* В этот период наименьшая цифра была 824 тыс. (в 1842 г.) и 812 тыс. (в 1863 г.); в промежуток же времени с 1845 по 1859 гг. постоянно превосходила 900 тыс., а в 1860 году была 892 971 человек.

Новое сокращение наличного состава войск не обошлось, конечно, без некоторого неудобства: для этого пришлось уволить еще много старослужащих нижних чинов, так что в некоторых частях остались почти исключительно молодые солдаты последних четырех наборов. Зато удалось избавить армию от значительной доли так называемых «штрафованных», присутствие которых в частях войск имело весьма вредное влияние на молодежь. В этом отношении помогли, с одной стороны, сформированные для железнодорожных работ «военно-рабочие» бригады, в состав которых обращено свыше 8 тыс. штрафованных солдат, а с другой стороны — манифест 28 октября, которым облегчены условия увольнения этих людей в отставку и бессрочный отпуск[265].

В течение 1866 года продолжалась разработка множества частных вопросов, имевших целью улучшение в составе, устройстве и обучении войск. Ведение этих работ весьма облегчилось с учреждением Главного штаба (с 1 января 1866 года)[266], в котором означенные работы сосредоточились и объединились под общим руководством графа Ф.Л. Гейдена. В числе главных наших забот было улучшение способов комплектования армии рекрутами и первоначального их обучения. При каждом из последних рекрутских наборов постепенно вводились разные облегчения, во многом уже изменившие характер этой, столь тягостной для народа, повинности. В этом отношении полной благодарности заслуживала комиссия, учрежденная под председательством члена Государственного совета Николая Ивановича Бахтина, но только этими частными мерами и ограничивалась трехлетняя деятельность комиссии; самая же переделка рекрутского устава, возложенная на комиссию, подвигалась туго, чему отчасти были причиною преклонность лет и слабое здоровье почтенного председателя. Дабы двинуть дело энергичнее, решено было прежнюю комиссию упразднить и взамен ее образовать новую, под председательством самого начальника Главного штаба графа Гейдена. 4 сентября последовал указ о закрытии комиссии действительного тайного советника Бахтина[267], которому при этом объявлена в рескрипте Высочайшая благодарность за труды и пожалована табакерка с портретом Государя.

Относительно первоначального обучения и воспитания рекрут так же вводились с каждым годом новые облегчения и улучшения. В 1866 году даны были по этому предмету специальные

инструкции для артиллерии и кавалерии. В строевых уставах делались значительные упрощения. В совещательном комитете Главного штаба обсуждались некоторые улучшения в обучении и устройстве войск, указанные опытом последней войны в Германии как по наблюдениям командированных на театр войны наших офицеров, так и по сведениям, доставленным заграничными нашими военными агентами.

При всех усилиях Военного министерства привести наши вооруженные силы в большую готовность к быстрому переходу с мирного положения на военное, оставалось еще желать многого относительно материальных средств. В этом отношении армия наша была еще далеко не подготовлена, частью по ограниченности отпускаемых денежных средств и ежегодному сокращению сметы, частью вследствие быстрого и беспрерывного развития военной техники, которая постоянно опережала наши посильные распоряжения.

По части артиллерийской: важнейшим вопросом было попрежнему перевооружение пехоты. Едва только успели мы, после 9-летних усилий, снабдить всю нашу армию нарезными винтовками, как война австро-прусская в 1866 году указала всем европейским государствам необходимость безотлагательного введения нового усовершенствованного оружия, заряжаемого сзади. Хотя прусские игольчатые ружья были давно уже известны и испытаны, однако ж они не были приняты ни в одном из других государств; придумывалось оружие более совершенное; везде производились изыскания и испытания новых образцов, с металлическим патроном. Такие испытания делались и у нас. В начале 1866 года командированы были в Северо-Американские Соединенные Штаты наши артиллерийские офицеры — полковник Горлов и капитан Гуниус, которые должны были привезти все данные для выбора лучшего образца. Между тем, признавая невозможным откладывать на продолжительное время перевооружение нашей пехоты, мы решились на первое время переделывать наши 6-линейные винтовки в заряжаемые сзади по одной из простейших систем, рассмотренных нашею Оружейною комиссией. Сначала выбор ее остановился было на образце Терри-Норман, но потом отдано было предпочтение другому образцу, представленному немецким оружейным масте-

ром Карле. Образец этот, по скорости стрельбы, не уступал ни французским ружьям Шаспо, ни прусским игольчатым, а потому казалось возможным удовольствоваться означенным образцом для переходного вооружения нашей армии. Оружейная комиссия деятельно занялась испытаниями избранного образца; сам председатель комиссии герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий старался двинуть скорее это дело и, не доверяя энергии Главного Артиллерийского управления, настаивал, чтобы я лично принял дело в свои руки, образовав под моим председательством особую комиссию для распоряжений по переделке наших ружей. Однако ж мне казалось неудобным устранить Артиллерийское управление, и в августе испрошено мною Высочайшее разрешение на учреждение в этом Управлении нового временного отделения собственно по ружейной части из лиц, указанных самим герцогом: генерала Карташевского и полковника Горлова (до командирования последнего в Америку).

В таком положении было дело, когда возбуждена была описанная выше финансовая горячка. При усиленном стремлении к сокращению смет, трудно было рассчитывать на ассигнование таких денежных средств, какие были бы необходимы, чтобы разом произвести предпринятое перевооружение всей армии. В представленном мною Государю кратком отчете за 1866 год было выражено по этому предмету: «Ввиду чрезвычайных мер, принимаемых во всех иностранных армиях, и нам было бы крайне опасно останавливаться пред предстоящими на дело оружия расходами; всякая отсрочка в этом деле может иметь гибельные последствия». Против этого места сделана была Его Величеством отметка: «Совершенно справедливо»[268]. В своем месте расскажу, какой неожиданный оборот приняло впоследствии это дело.

Ограничение денежных средств также отзывалось невыгодно и на полевой артиллерии, в которой вводились новые стальные пушки, заряжаемые сзади. Для снабжения ими всей нашей полевой артиллерии с запасом требовалось всего до 2 тыс. орудий; в то [время] имелось только 100 и заказано Круппу еще 600. Но Военному министерству ставилось в обязанность избегать заграничных заказов, а наши новорожденные сталелитейные заводы оказались несостоятельными. И здесь пришлось прибегнуть к какой-либо мере для улучшения нашей полевой артиллерии, в виде переходного положения. Начались изыскания для изготов-

ления заряжаемых сзади медных орудий. Первые опыты оказались довольно удачными и дали надежду, что наши арсеналы будут в состоянии снабдить означенными орудиями всю полевую артиллерию в течение двух лет без всяких чрезвычайных денежных ассигнований. Ту же меру предполагалось применить и к крепостной артиллерии: в ожидании стальных орудий больших калибров приходилось довольствоваться предполагавшимися медными нарезными. Однако ж и для того требовалось расширить наши арсеналы и мастерские, а стало быть и новые вызывались расходы. Проектированные медные орудия ни в каком случае не могли считаться окончательным усовершенствованием не только крепостной нашей артиллерии (требовавшей наибольших калибров), но и полевой; введение этих орудий могло быть допущено не иначе, как в виде временной, переходной меры, вынужденной денежными затруднениями нашими, а между тем неизбежным последствием такой меры была весьма важная невыгода (особенно для полевой артиллерии) — разнообразие и усложнение материального устройства.

По части инженерной: продолжались по-прежнему крупные работы только в Кронштадте и отчасти в Керчи; во всех же прочих крепостях производились лишь маловажные постройки. Новые требования фортификации, вызванные чрезвычайным усилением артиллерии, особенно на флоте, так возвысили стоимость инженерных сооружений, что при тех скромных денежных средствах, какие ежегодно вносились в нашу инженерную смету, требовались многие десятки лет для приведения наших крепостей в удовлетворительное состояние. А пока проходят эти десятки лет, наука и искусство все убегают вперед и предъявляют новые требования. Не говорю уже о стратегических соображениях, указывавших необходимость укрепления некоторых новых пунктов, сооружения железных дорог и других мер для подготовления театра будущей войны.

По части интендантской: хотя в последние годы многое было уже сделано для улучшения довольствия войск, однако ж мы не успели еще довести до полного комплекта запасы «неприкосновенных» вещей, требуемых для обмундирования и снаряжения войск по военному составу, а потому в начале 1866 года, когда политические обстоятельства могли вдруг заставить и нас поста-

вить армию на военное положение, первым распоряжением по Военному министерству было — вытребовать чрезвычайный кредит в 1 800 000 руб. собственно для неотлагательного пополнения недостававших вещей в интендантских неприкосновенных запасах. Благодаря отпуску этой сверхсметной суммы нам удалось в течение этого года довести до полного размера неприкосновенный запас на все войска, расположенные в военных округах Европейской России, и затем оставалось только сформировать такие же запасы для Кавказской армии, для войск Оренбургского и сибирских округов, а также для крепостной артиллерии.

Но недостаточно было только пополнить положенное количество вещей в интендантских складах, необходимо было для ускорения мобилизации армии иметь полные запасы обмундирования при самых частях войск, и притом не в материалах, а в готовом виде, так чтобы в случае призыва людей из запаса можно было в самое короткое время пригнать на них хранящуюся одежду. Но постройка в самих войсках всего потребного количества вещей была бы почти невозможна, особенно при тогдашнем уменьшенном и молодом составе частей, поэтому возникло предположение об учреждении особых «обмундировальных мастерских», по примеру уже существовавших в иностранных государствах. Для изучения этого нового дела командированы были за границу профессор Киттара и некоторые другие чиновники интендантства. С помощью их устроена в 1866 году первая такая мастерская в Москве, снабженная всякими механизмами и аппаратами, заимствованными в заграничных мастерских, и в таком размере, что с первого же года она могла изготовлять до 15 тыс. полных комплектов обмундирования и обуви. Положено было часть изготовляемых вещей отпускать в резервные батальоны для первоначального обмундирования поступающих в них рекрут, а часть обращать в счет неприкосновенного запаса действующих пехотных полков.

Для постройки нового войскового обоза также устроены были мастерские, на первый раз в Киеве и Вильне, и с этого времени началось постепенное снабжение частей войск обозом нового образца, в соразмерности с отпускаемыми на этот предмет сметными суммами, но при ограниченном размере этих сумм постройка обоза на всю армию могла быть окончена лишь в весьма продолжительный период времени.

Таким образом, по интендантской части мы были еще далеко не подготовлены к войне; нам предстояло еще много работ и требовались громадные денежные средства*.

По части военно-врачебной: сделано было еще весьма немного в отношении готовности к войне. Вообще преобразования и улучшения по этой части подвигались медленнее, чем по другим; разные частные причины задерживали приведение в исполнение нового госпитального устава, а недостаток денежных средств препятствовал пополнению врачебных и госпитальных запасов на военное время. Самая организация военно-санитарной части в армии только еще вырабатывалась в особой комиссии, под председательством члена Военного совета генерал-адъютанта Шварца. Комиссия эта обращена была в 1866 году в постоянное учреждение при Военном совете, под названием «Главного военно-госпитального комитета». Другая комиссия, под председательством генерала от артиллерии Яковлева (также члена Военного совета), занималась устройством военно-госпитальных обозов, которых вовсе еще не существовало в нашей армии.

Учреждение Военно-госпитального комитета имело целью — придать более связи и единства распоряжениям по устройству госпитальной части, разделенным между несколькими отделами Военного министерства (Военно-медицинским департаментом, Главным штабом, Главными управлениями интендантским и инженерным). Вместе с тем я надеялся учреждением означенного Комитета двинуть энергичнее работы по составлению Положения об организации военно-санитарной части в военное время. К сожалению, надежда эта не осуществилась.

По казачьим войскам: как уже было замечено, законодательные работы требовали многих лет последовательного и систематического труда. Комиссия, учрежденная при Управлении иррегулярных войск в 1865 году, приступила к занятиям с обсуждения общих основных начал предпринятого преобразования, и составленная в начале 1866 года краткая записка по этому пред-

* Далее в автографе зачеркнуто: «К сожалению, и другие части материального устройства нашей армии находились пока в таком же положении» (*примеч. публ.*).

мету была разослана начальникам всех казачьих войск. Записка эта должна была служить прямым опровержением распущенных между казаками и в публике нелепых слухов о том, будто бы предпринятые министерством преобразования клонятся к упразднению казачества. Несколько позже, в октябре, тою же комиссией составлена была уже пространная программа[269], в которой перечислены были все вопросы, подлежавшие последовательному обсуждению комиссии, с участием вызванных от всех казачьих войск представителей. Еще более дело разъяснилось, когда сам Государь высказал представлявшимся ему (5 ноября) казачьим депутатам свою положительную волю относительно предстоявших преобразований. Казаки убедились, что нет и помина об уничтожении казачества, что напротив того, в программу работ комиссии включены и меры к поддержанию между казаками военного образования, рядом с теми изменениями в законоположениях, которые имели целью открыть казачьему населению путь к развитию гражданственности и благосостояния, чрез применение к ним, по возможности, новых учреждений, дарованных остальному населению империи.

В состав Комиссии по пересмотру казачьих положений привлечены были, кроме упомянутых депутатов от казачьих войск, представители некоторых Министерств: юстиции, внутренних дел, финансов, государственных имуществ. С первых же заседаний выказались между членами комиссии и даже между казачьими депутатами два совершенно различные направления: одни явились крайними консерваторами в казачьем смысле, упорными защитниками старинных казачьих порядков, привилегий и обособленности, другие же, напротив того, слишком уже увлекались стремлением к радикальному преобразованию в смысле полного объединения казаков с остальным населением империи. Генералу Карлгофу, с его спокойным, флегматичным характером, удалось постепенно свести суждения на среднюю почву благоразумной умеренности, приняв одну руководящую мысль — отрешиться от прежней казачьей замкнутости и открыть простор развитию народного хозяйства, промышленности и торговли.

Одним из капитальных вопросов представлялась возможность и польза применения к казачьим войскам земских учреждений. Для первоначального обсуждения этого вопроса открыты были совещания в Новочеркасске собственно по применению к Дон-

скому казачьему войску. Относительно же введения новых Судебных уставов Министерство юстиции также вошло в прямые сношения с местным управлением Донского войска.

В течение 1866 года в этом войске приняты были две довольно важные меры для улучшения строевого образования казаков: учреждены летние сборы Донских батарей для практической стрельбы и сборы так называемых «малолетков», для обучения их верховой езде, джигитовке, стрельбе и другим приготовительным к строевой службе упражнениям. Положено было иметь в каждой станице инструкторов под общим наблюдением атаманов отделов. В то же время поднят вопрос о введении в казачьих войсках нового усовершенствованного (заряжающегося сзади) оружия.

Военно-судная часть: более всех других отделов военного ведомства встречала затруднений в ходе преобразования, так как дело велось не самостоятельно Военным министерством, а совместно с Морским и при участии лиц, посторонних обоим ведомствам. Учрежденная по Высочайшему повелению в 1865 году особая комиссия под председательством великого князя генерал-адмирала[270] для разработки проекта военного судоустройства и судопроизводства, приняла за основное начало своей работы применение к военному ведомству сколь возможно новой, только что вводимой в империи судебной реформы. Самая эта мысль возбуждала в известных сферах какие-то сомнения и опасения. Те, которые смотрели с недоверием и враждебно на новое устройство суда гласного и устного, естественно заволновались при первом слухе о применении тех же основных начал к военному суду. Предсказывали всякие страшные последствия такой меры для военной дисциплины. Эти зловещие толки побудили Государя осенью 1866 года усилить состав означенной комиссии несколькими новыми членами из числа военных генералов и адмиралов, имена которых могли служить в глазах публики гарантией соблюдения военных интересов, а именно: великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютанты князь Долгоруков, Гринвальд, адмирал граф Путятин, князь Суворов, адмирал Новосильский и граф Адлерберг 2-й. Назначение этих членов можно признать весьма счастливою мыслью: члены эти, конечно, мало внесли в дело разума и света; специальный предмет рассуждений был совершенно им чужд, но участие их огра-

дило выработанный проект реформы от предвзятых порицаний и недоверия. С этой точки зрения, можно было не очень скорбеть о том, что военно-судебная реформа несколько отстала от других преобразовательных мер по военному ведомству.

Надежды наши на открытие в 1866 году, по крайней мере двух военных судов нового устройства, в Петербурге и Москве, не оправдались. Предназначенным уже в состав этих судов лицам, получившим некоторое подготовление к предстоявшей им новой деятельности, пришлось ожидать еще целый год открытия первых военных судов[271].

Между тем с 1 августа 1866 года при Аудиторском училище открыт первый офицерский курс* для желавших посвятить себя службе по военно-судебной части.

По части военно-учебной: вырабатывались новые положения для всех разрядов заведений. 15 октября Высочайше утверждено Общее положение о военных гимназиях. В исполнение предначертанного плана, в этом году еще один из кадетских корпусов — Оренбургский Неплюевский — преобразован в Оренбургскую военную гимназию, и вместе с тем открыто там же, в Оренбурге, военное училище, названное 4-м. Малолетние корпуса, Тульский и Тамбовский, окончательно закрыты. Учреждены два новые юнкерские училища: Казанское и Тифлисское. Прежние «училища военного ведомства» переименованы в «начальные военные школы». В этих 12 школах состояло в то время до 3800 воспитанников, но характер и значение этих заведений окончательно определились только в следующем году[272].

Здесь же можно упомянуть о закрытии бывшего Елизаветградского офицерского кавалерийского училища**, которое слилось с Учебным кавалерийским эскадроном точно так же, как за несколько лет прежде Царскосельская офицерская стрелковая школа слилась с учебным пехотным батальоном.

Преобразования по военно-учебным заведениям заслуживают тем большего внимания, что производились не только без увеличения размера сумм, отпускаемых из Государственного казначейства, но еще с довольно крупным сбережением, простиравшимся до 635 тыс. рублей, из которых 236 тыс. обращены на от-

---

* Приказ 28 июля 1866 года.

** Приказ 6 августа 1866 года.

крытие юнкерских училищ, 60 тыс. — на другие надобности по военно-учебной же части, а 50 тыс. возвращены городам и земству. Кроме того, освободилось 15 зданий для разных других назначений.

Подъему общего уровня образования в среде офицеров армии способствовало безусловное прекращение производства в офицеры за одну лишь выслугу известных сроков как «недорослей из дворян», не получивших никакого образования, так и нижних чинов, поступивших по набору и почти безграмотных. С установлением точно определенного ценза по образованию уже не могли попадать в офицеры люди, совершенно необразованные. Требуемая наименьшая степень образования офицера определилась программою выпускного экзамена юнкерских училищ. Но вместе с тем необходимо было установить и другие ступени в учебном цензе для поступления в ту или другую службу: в этих видах и было составлено в 1866 году Общее положение о производстве в первый офицерский чин, Высочайше утвержденное 14 мая этого года[273].

Финансовые средства Военного министерства в 1866 году были в следующем положении:

По государственной росписи на этот год (как уже сказано прежде) было назначено на военные расходы около 119 млн р., но в течение года испрошено сверхсметным кредитом еще 13 980 442 р., что составляло до 12% всей сметной суммы.

Столь значительные добавки к ассигнованным по смете денежным средствам, конечно, могли подать повод к нареканиям на Военное министерство, но, если ближе взглянуть на дело, то едва ли нарекания эти окажутся справедливыми.

Во-первых, надобно заметить, что в действительности израсходовано в течение года всего 129 687 000 р., то есть около $10^1/_2$ млн свыше сметного исчисления. Главнейшие расходы были:

По интендантской части	96 736 000 р.
По артиллерийской части	10 063 000 р.
По инженерной части	12 000 000 р.

Во-вторых, в приведенную цифру сверхсметных кредитов (13 980 442 р.) вошли 5190218 р. на расходы по артиллерийской и инженерной частям, и бо́льшая часть этой суммы (именно свыше $4^1/_2$ млн) — на усиление вооружения крепостей и поле-

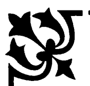
вой артиллерии, — не составляла для Государственного казначейства нового расхода, а производилась уже несколько лет сряду под названием чрезвычайного расхода в счет сумм, предварительно разрешенных с рассрочкою на определенное число лет, но без внесения в смету. Затем остальные 8 790 000 р. сверхсметных кредитов оказались необходимыми именно вследствие чрезмерного сокращения и недостаточности сумм, внесенных в смету на такие расходы, которые устранить или сократить — не во власти министерства, как-то: на заготовление провианта и фуража (118 741 р.), на пополнение интендантских неприкосновенных запасов, вследствие чрезмерного зачета вещей на текущее (срочное) довольствие (2 874 585 р.), на приварочное довольствие по новому положению (870 271 р.), на перевозки войск по железным дорогам, на награды и пособия, между прочим и по случаю бывших в том году Высочайших смотров, на расходы по случаю поездки Государя в Москву, на «известное Его Величеству употребление»... и т. д., и т. д.

Во всяком случае, приписывать Военному министерству всю вину наших финансовых затруднений было крайне несправедливо. 1866 год служит тому наглядным подтверждением: по Государственной росписи на этот год исчислено было всех расходов (со включением и железнодорожных) приблизительно 396 миллионов, причем предполагался дефицит в $21^1/_2$ млн[274]. В действительности же в течение года разрешено было сверхсметных расходов более 55 млн (в том числе более 5 млн по железным дорогам), что составляло 14% всех сметных сумм и превышало в четыре раза сверхсметные ассигнования по Военному министерству. Действительный дефицит оказался в $60^1/_2$ млн.

Такое финансовое положение наше в том году действительно было печальное и в некоторой мере оправдывало ту мрачную картину, которая была представлена Государю министром финансов и прочтена в заседании Совета министров 6 октября. Я уже говорил о результате этого заседания. В исполнение Высочайшей воли Военное министерство так же, как все другие, принялось усердно и добросовестно за пересмотр составленной уже сметы на 1867 год, с целью сократить в ней все, что только было возможно без явного ущерба нашей боевой силы. После многих совещаний и усидчивой работы во всех Главных управлениях министерства при содействии канцелярии его найдено было возможным составленную смету, уже весьма умеренную, сокра-

тить еще на 7 млн рублей, и в окончательном результате весь итог предвидимых на 1867 год расходов по военному ведомству выразился цифрою в $115^1/_2$ млн р., то есть на $3^1/_2$ млн менее прошлогодней сметы и на 14 млн менее действительно израсходованных в 1866 году.

В таком виде военная смета была внесена в Государственный совет. Департамент государственной экономии, со своей стороны, напрягал все силы, чтобы в представленных урезанных сметах всех ведомств еще отыскать какие-нибудь, хотя бы копеечные, сокращения, и на этой кропотливой работе блюстители русских финансов встретили наступивший 1867 год.



Книга XVII

1867-й год

Петербургская официальная жизнь
в первые четыре месяца года

Заботы Военного министерства
по вопросу финансовому и по делам
среднеазиатским

Политическое положение Европы
в начале года

Московская этнографическая выставка.
Поездка Государя в Москву
(конец апреля и начало мая)

Славянский съезд в Москве
Поездка Государя в Париж (16 мая — 18 июня)

Лагерное время (18 июня — 18 июля)

Моя поездка за границу

Пребывание Государя в Крыму
и последние месяцы года

Общие дела европейские
во вторую половину года

Дела сербские

Дела Военного министерства в 1867 году

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА ГОДА

Новый 1867 год начался, по обыкновению, большим выходом во дворце и объявлением о новых правительственных мерах, милостях, наградах и назначениях.

В числе правительственных мер опубликованы последовавшие в конце прошлого года и вошедшие в силу с 1 января указы: 1) о распространении на Царство Польское действовавших в империи общих контрольных учреждений[275] и 2) об изменениях в составе Министерства государственных имуществ, вследствие учрежденной в исходе 1866 года передачи бывших «государственных» крестьян в ведение общих по крестьянским делам учреждений*.

Из новогодних официальных новостей можно упомянуть о назначении товарищем министра юстиции графа К.И. Палена (бывшего до того псковским губернатором) на место Н.И. Стояновского, назначенного присутствующим в Сенате. Брату моему Николаю пожалован орден Св. Александра Невского, как сказано в грамоте, «за полезную и просвещенную деятельность по исполнению возложенных на его важных обязанностей, в особенности же по преобразованиям, вводимым в гражданском устройстве Царства Польского».

К сожалению, внезапная болезнь, постигшая моего брата, положила навсегда конец этой действительно полезной деятельности. Хотя к Новому году он несколько поправился, однако ж не владел вовсе ни правой рукою, ни правою ногой. Только спустя месяца два начал он становиться на ноги и мог с помощью человека пройти по комнате. Умственные силы возвраща-

* Высочайшее повеление об этой передаче последовало еще 19 февраля 1866 года, но самое Положение о применении к государственным крестьянам Общего положения 19 февраля 1861 года утверждено и обнародовано только 24 ноября 1866 года[276].

лись постепенно; он начал всем интересоваться и любил, чтобы при нем велся разговор, но сам не мог выразить самой простой мысли, не находя подходящих слов, или перемешивая слова так, что иногда бывало трудно догадаться, что именно желал он выразить. Тяжело было видеть его в таком положении, не оставлявшем даже и надежды на полное когда-либо восстановление его сил, физических и душевных. Он сам это чувствовал и понял необходимость оставления должности главного начальника Собственной Е. В. канцелярии по делам Царства Польского. Вследствие поданного им прошения, 9 марта последовало увольнение его в заграничный отпуск с отчислением от означенной должности, но с оставлением членом Государственного совета и сохранением содержания. В то же время на место его назначен окончательно исправлявший уже должность его статс-секретарь Д.Н. Набоков.

Вспоминая о тогдашнем жалком положении брата, не могу позабыть того общего сочувственного соболезнования, которое заявлялось со всех сторон по случаю преждевременного его удаления с поприща государственной деятельности. В этом случае общественное мнение выказало замечательную справедливость в оценке человека, честно и добросовестно приложившего свои способности к разрешению важнейших в то время государственных вопросов. Даже враги его личные и противники его направления не могли не отдавать справедливости его даровитости и преданности делу. Когда он уже сошел со сцены, Московский университет в экстренном заседании совета 7 января удостоил его — и меня вместе с ним — единогласного избрания в свои почетные члены, о чем было объявлено при торжественном праздновании 12 января годовщины основания старейшего нашего университета.

Воспоминания о брате и друге невольно увлекли меня и нарушили хронологический порядок рассказа. Обращусь назад к самому началу года.

3 января в Преображенском всей гвардии Соборе отслужена была в присутствии Государя, царской фамилии и многочисленного собрания всех чинов, панихида по умершем 24 декабря в Ницце генерал-адъютанте Плаутине; погребение же совершено 16-го числа в Царском Селе с особенными почестями при участии всех войск царскосельского гарнизона. Николай Фёдорович Плаутин, начав службу еще в 1812 году, был на счету отличных кавалерийских офицеров; командовал некогда лейб-[гвардии]

Н.Ф. Плаутин

Гусарским полком, позже был командиром гренадерского корпуса (1856—1862). С 1862 года, состоя членом Государственного совета и кавалером [ордена] Св. Андрея, он уже не принимал участия в делах служебных; болезнь заставила его поселиться в Ницце, где он и скончался на 72-м году жизни. Это был человек, достойный полного уважения, спокойный, рассудительный и весьма добрый. Мне довелось узнать его довольно близко еще в то время, когда я принимал участие в работах по многочисленным вопросам, возбужденным (в 1855 и 1856) графом Ридигером, о разных улучшениях в устройстве войск[277]. Тогда Н.Ф. Плаутин был одним из деятельных членов комитета, называемого «Ридигеровским» и впоследствии обращенного в постоянное учреждение под названием «Специального комитета по устройству и образованию войск» под председательством генерала Плаутина.

К первым уже дням января 1867 года относится смерть известного нашего литератора Николая Ивановича Греча. В по-

Н.И. Греч

следние годы он уже оставался в бездействии по старости и болезненному состоянию, но было время, когда он занимал видное место в литературе и в педагогической деятельности. Принадлежа к тому поколению, которое выросло на изучении грамматики Греча, которое зачитывалось его романом «Письма из Германии» и которое не знало другой газеты, кроме «Северной пчелы»[278], я с первого же года поступления на службу в Петербурге, юным офицером, познакомился с Николаем Ивановичем и посещал его еженедельные литературные вечера в собственном доме его, на Мойке (между Синим и Поцелуевым мостами). Припоминаю, что на этих вечерах я видал и неразлучного друга хозяина, сотрудника его — Фаддея Венедиктовича Булгарина. Эта дружба и сотрудничество много вредили в общественном

мнении репутации самого Греча, который, впрочем, был вообще любим и уважаем. Гораздо позже я снова сошелся с Н.И. Гречем, когда он занимал должность главного наблюдателя по преподаванию русского языка в военно-учебных заведениях, а я был начальником учебного отделения в штабе этих заведений[279]. Тогда Греч пользовался еще некоторым авторитетом у Якова Ивановича Ростовцева, хотя последний уже чувствовал необходимость более свежих сил, чтобы двинуть вперед учебную часть в кадетских корпусах, и обратился к содействию Буслаева по части преподавания русского языка. В это время Греч уже почти не занимался учебным делом, и звание главного наблюдателя было уже почти только почетным титулом. Яков Иванович имел слабость окружить себя учеными авторитетами.

Главными предметами разговоров и толков в Петербурге в начале года были японское посольство, заседания Петербургского губернского земского собрания, открытие в Гельсингфорсе второго Финляндского сейма. Японское посольство, состоявшее из 12 лиц разных чинов и званий, имея во главе двух посланников: Конде-Ямато и Исикова-Сурга, прибыло в Петербург 5 января и представлялось Государю 13-го числа, в торжественной аудиенции, происходившей в Георгиевском зале Зимнего дворца[280]. При этом присутствовали министры, придворные чины, свита Государя и проч.

Петербургское губернское земское собрание было открыто 3 января установленным порядком. С первых же своих заседаний оно возбудило неудовольствие в правительственных властях, в особенности же в Министерстве внутренних дел: в заседаниях этих прочитаны были представленные собранию отчет и доклад губернской земской управы, которая изложила в них без всякой пощады все пререкания свои с местною администрацией при приеме от нее дел и имуществ, перешедших в ведение земства[281]. Обсуждение этого доклада в собрании подало повод к резким нападкам со стороны некоторых земских ораторов на местную администрацию и на прежнее ведение хозяйства губернии. Высшая наша администрация была непривычна к такому бесцеремонному обсуждению ее действий, особенно в присутствии многочисленной публики, собиравшейся с жадностью слушать впервые раздававшиеся обвинительные речи против правительственных властей. Поднялась страшная тревога; по докладу министра внутренних дел и графа Шувалова решено было Госуда-

рем немедленно принять меры к прекращению такого небывалого скандала. 16 января, в 8 часов вечера, когда в собрании Петербургского земства читался протокол прошлого заседания, вошел в залу губернатор, генерал-лейтенант граф Николай Васильевич Левашев, и обратился к собранию с таким лаконическим словом: «Я приехал для того, чтоб объявить вам Высочайшее повеление, которое мне приказано исполнить немедленно», затем прочел следующее: «Государь император, приняв во внимание, что Петербургское губернское земское собрание с самого открытия своих заседаний действует несогласно с законом и вместо того, чтобы, подобно земским собраниям других губерний, пользоваться Высочайше дарованными ему правами для действительного попечения о вверенных ему местных земско-хозяйственных интересах, непрерывно обнаруживает стремление неточным изъяснением дел и неправильным толкованием законов возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству, Высочайше повелеть соизволил: 1) закрыть и распустить нынешнее С.-Петербургское губернское земское собрание; 2) закрыть в Петербургской губернии губернскую и уездные управы; 3) приостановить в Петербургской губернии, впредь до дальнейшего повеления, действие Положения о земских учреждениях 1 января 1864 года и дополнительных к нему узаконений; 4) все дела и суммы управ передать в ведение тех установлений, которые заведовали ими до введения в действие земских учреждений; 5) внесенные в губернское собрание отчет и доклад губернской земской управы от 3 января сего года передать на рассмотрение и законное постановление Первого департамента Правительствующего сената и 6) председателя губернской управы считать отрешенным и всех других членов земских управ уволенными от должностей».

По прочтении этого Высочайшего повеления, граф Левашев обратился к председателю собрания графу Орлову-Давыдову: «Ваше сиятельство, объявляя заседание закрытым и передав вам это Высочайшее повеление, я покорнейше прошу немедленно привести его в исполнение».

Затем губернатор вышел из залы, а граф Орлов-Давыдов произнес: «После переданного г. начальником губернии Высочайшего повеления нам ничего более не остается делать, как только разойтиться». С этими словами собрание разошлось безмолвно, а вместе с тем прекратилось и самое действие земских учрежде-

ний в Петербургской губернии. Такая чересчур крутая мера, конечно, поразила всех своею неожиданностью; много было толков и пересуд. С любопытством ожидали решения Сената по этому делу, но решение это последовало только 26 апреля: Сенат, подтвердив объявленное уже от Высочайшего имени признание действий Петербургского земства неправильными, выходящими из законного круга ведения земских учреждений, постановил, однако же, в своем заключении, что ввиду последовавшего уже Высочайшего повеления об отрешении от должности председателя губернской управы и увольнения членов ее, не усматривает в отчете и докладе управы «никаких новых обстоятельств, могущих послужить поводом к дальнейшему по этому делу производству...» Тем дело и кончилось, а несколько позже, 7 июля, последовало Высочайшее повеление — вновь ввести в действие в Петербургской губернии земские учреждения на точном основании Положений 1 января 1864 года.

В то самое время, когда в Петербурге закрывалось земское собрание, в Гельсингфорсе открывался Финляндский сейм*. Это была вторая сессия сейма со времени восстановления в Финляндии конституционного права представительства в 1863 году[282]. Тогда не было установлено положительного срока для возобновления сессий, и прошло четыре года без нового созыва сейма. 13/25 января 1867 года, по установленному церемониалу, депутация от представителей всех четырех сословий явилась к генерал-губернатору графу Адлербергу 3-му с изъявлением благодарности Государю за новый созыв сейма и с просьбою назначить день и час открытия заседаний. На другой день, 14/26-го числа, граф Адлерберг торжественно открыл заседание прочтением речи от Высочайшего имени на русском языке, после чего эта речь была повторена по-шведски и по-фински и приветствована громкими возгласами «ура». На другой день граф Адлерберг давал во дворце бал в честь депутатов, а с 16/28-го числа начались заседания сейма, продолжавшиеся до 19 мая. Главным предметом, предложенным на обсуждение собрания, было установление на будущее время определенных правил относительно созыва сейма и порядка его занятий. Выработанный по этому предмету в статс-секретариате финлянд-

* Высочайшее повеление о созыве сейма состоялось еще 13/25 сентября 1866 года.

ском проект Положения встретил на сейме сильную оппозицию и подал повод к таким толкам о правах сейма, которые возбудили в Петербурге большое неудовольствие. Сенату финляндскому объявлено Высочайшее повеление, которым опровергались притязания сейма и разъяснялись законные отношения его в верховной власти. Неодобрение действий сейма было выражено и в тронной речи, прочтенной при закрытии сессии.

Можно здесь упомянуть еще об одной правительственной мере, состоявшейся в самом начале года. Указом 4 января объявлено об отречении князя Николая Мингрельского от владетельных прав и об окончательном введении русского управления в Мингрелии[283]. Страна эта поступила в русское подданство еще в 1804 году, но князья (Дадиани) сохраняли за собой права владетельные и лично управляли страною старым, азиатским порядком. В 1853 году, по смерти князя Давида Дадиани, за малолетством сына его Николая, управление Мингрелиею приняла на себя вдова, княгиня Екатерина Александровна, рожденная княжна Чевчавадзе, женщина тщеславная, некогда славившаяся своею красотой и любезностью и проживавшая обыкновенно в Тифлисе. За отсутствием ее распоряжался состоявший при ней совет из туземных князей, заботившихся более о личных своих интересах, чем о пользах страны и подвластного народа. Дело дошло до бунта[284], и в 1856 году князь Барятинский, только что назначенный тогда наместником кавказским, признал нужным положить конец ненормальному ходу дел в Мингрелии. Несмотря на то, что с молодых лет он был в самых дружеских отношениях с княгинею Екатериной Александровной, он решился воспользоваться удобным случаем, чтобы в виде временной меры устранить княгиню и ее совет от управления страной и ввести в ней русскую администрацию. Княгиня, конечно, считала себя обиженной, негодовала, жаловалась и, переселившись в Петербург с тремя малолетними детьми (двумя сыновьями и одною дочерью), разыгрывала роль сверженной, угнетенной царицы. Общество петербургское, в своем простодушном неведении истинного положения дел в отдаленной, известной только по имени стране, приняло интересную царицу-изгнанницу с почтительною любезностью как жертву политического насилия. Так же и при Дворе княгиню Дадиан принимали чуть не наравне с лицами владетельных Домов, так что она окончательно зазналась; под предлогом болезненного состояния детей она уехала за

границу, продолжая и там разыгрывать свою интересную роль при мишурном Дворе Наполеона III. Когда дети начали подрастать, нужно было определить их положение: старший, Николай, к которому должны были перейти наследственные права владетеля Мингрелии, был зачислен на службу еще несовершеннолетним и получил звание флигель-адъютанта, потом и младший, Андрей, зачислен также на службу, но по болезненному состоянию оба брата оставались большею частию за границей, получили воспитание полуиностранное и службою в действительности не занимались. В 1867 году князь Николай достиг совершеннолетия; предстояло выяснить законным порядком его права и дальнейшее положение самой Мингрелии. После 11 лет русского управления уже немыслимо было возвращение страны к прежнему азиатскому режиму; об этом никто уже и не думал, но справедливость требовала обеспечить будущее положение фамилии князей Дадиан, по примеру других владетельных династий Закавказского края: князей грузинских и имеретинских. В этом щекотливом вопросе, разумеется, более всех имел голос фельдмаршал князь Барятинский, по совету которого и устроилось дело так, что князь Николай формально отказался за себя и за все свое потомство от прежних владетельных прав, получив из русской казны, в виде вознаграждения и обеспечения, капитал в миллион рублей и сохранив за собой право частной собственности (притом в виде заповедного имения) на те земли и угодья, которыми издавна владели лично князья Мингрельские. Князю Николаю и старшим из прямых его потомков предоставлен титул светлейшего князя Мингрельского; прочим членам фамилии князей Дадиан оставлен титул сиятельства. Матери князя Николая, брату его и сестре определены пожизненные пенсии. Затем в Мингрелии навсегда утверждено русское управление.

Петербургская официальная жизнь в первые четыре месяца года текла своим обычным порядком, без всяких выдающихся случаев. 28 января Государь произвел зимний смотр войскам на Адмиралтейской, Дворцовой и Петровской площадях, а 9 февраля присутствовал на погребении генерал-адъютанта Огарёва.

Николай Александрович Огарёв заведовал в последние годы редакциею «Российской военной хроники», — звание довольно странное, учрежденное еще при императоре Николае Павловиче, который не менее своего преемника интересовался истори-

ческими подробностями касательно устройства, состава и обмундирования войск и твердо помнил всю хронику полков гвардии и армии до последних мелочей. При покойном императоре было предпринято издание «Хроники» русских войск, под редакциею полковника Висковатова[285]; по смерти последнего эта работа поручена была генерал-адъютанту Огарёву, который занялся не столько продолжением архивных трудов своего кропотливого предместника, сколько работами рисовальной и литографической мастерской, изготовлявшей картинки к роскошному и дорогому изданию «Хроники». Огарёв как ловкий человек, всю почти жизнь вертевшийся при Дворе, притом одаренный от природы замечательными способностями к искусствам, начал угождать Государю бесконечными рисунками мундиров, знамен, военных групп, и мало-помалу вся прежняя историческая работа обратилась в игрушку. Представляемые Государю в известные сроки картинки собирались в виде военных альбомов или развешивались по стенам разных дворцов, посылались в подарок королю Прусскому и т. д. В общественном мнении Огарёву приписывались беспрестанные перемены в формах обмундирования, хотя в действительности он в этом был повинен едва ли больше рисовальщика или литографа, из рук которых выходили рисунки новых форм. Почти всегда означенные перемены исходили непосредственно от самого Государя, который ревниво сохранял за собою право инициативы в этом деле, и сколько я мог не раз замечать, неохотно принимал проекты перемен в обмундировании или снаряжении, когда такие перемены предлагались по каким-либо соображениям Военного министерства. По этому предмету позволю себе здесь небольшое отступление от нити своего рассказа, чтобы привести некоторые черты, характеризующие эту слабую сторону Государя.

Когда случалось мне представлять предположения, касавшиеся перемен в обмундировании или снаряжении войск, в видах ли сокращения расходов, или вследствие ходатайств со стороны строевого начальства, или по другим причинам, Государь, сознавая рациональность и пользу предположенной перемены, изъявлял свое согласие, но смотрел на такое решение как на уступку со своей стороны. Случалось, что подобные нововведения, допущенные Государем как бы против собственной воли, вскоре потом отменялись, с возвращением к прежнему или с заменою чем-либо новым, по собственному вкусу Его Величества. Для

примера приведу данные всем войскам, взамен касок и киверов, суконные шапки, получившие в обиходе название «кепи». С первого же года введения этого спокойного и удобного головного убора новые шапки не понравились Государю, да и не одному ему; очень многим они не шли к лицу, и вот началось гонение на «кепи», кончившееся возвращением к прежним неудобным каскам прусского изобретения. Точно так же введенные во всей армии двубортные мундиры впоследствии (в 1872 г.) были заменены прежними однобортными, конечно, не в видах большего удобства для солдата, а разве только из желания, чтобы русская армия была похожее на прусскую. Тою же маниею подражания пруссакам можно объяснить возвращение к отмененным шарфам с кистями и многое другое. Несколько раз Государь заговаривал о том, чтобы всем войскам дать панталоны черного сукна (вместо темно-зеленого мундирного), опять потому, что такие панталоны носит прусское войско. Бывали иногда и другие случайные и еще более странные поводы к решению вопросов о формах обмундирования. Так, например, когда после упразднения корпусов[286] возбужден был вопрос об одинаковом цвете погонов во всех дивизиях действующей пехоты*, Государь настаивал, чтобы в каждой дивизии первая бригада имела погоны красные, а вторая — синие; я объяснял бесполезность такого отличия между бригадами на том основании, что в дивизии уже существует заметное отличие для каждого из четырех полков, но Государь, не имея возражения на такой аргумент, сознался, что настояние его дать всем вторым бригадам синие погоны имело целью сохранить синие погоны двум полкам, которых Государь считался шефом: Бородинскому (в 17-й дивизии) и Кабардинскому (в 20-й дивизии). В другой раз, когда я доказывал Государю, что было бы удобнее и рациональнее каждому военнослужащему присвоить какое-либо одно оружие, которое носилось бы при всех формах (походной и городской, обыкновенной и парадной), и что потому нет причины генералам при парадной форме носить шпагу, когда при других формах полагается сабля, Государь, за неимением возражения против моих доводов, высказал наконец, что ни за что не отменит генеральскую шпагу

* В прежнее время в каждом корпусе состояло по 3 дивизии, которые отличались между собою погонами: первая дивизия имела красные, вторая — синие, третья — белые. С упразднением корпусного деления это различие в погонах теряло всякую цель.

Губарев (?). Группа офицеров и нижних чинов

потому, что он сам при общей генеральской форме носит ту самую шпагу, которую получил в подарок от своего родителя в день производства в генералы.

При таком взгляде Государя на дело форм обмундирования, не было никакой возможности для Военного министерства провести в этом отношении какую-либо общую, рациональную систему*. Государь придавал вообще большое значение мундиру и

* Далее в автографе зачеркнуто: «Однако ж я должен прибавить, что бывали случаи, когда Государь уступал пред неопровержимыми доводами. Так, например, однажды вздумалось ему объявить, чтобы офицеры выпускали из-за галстука края воротника рубашки, — что строго запрещалось до того времени, когда я объяснил, как затруднительно будет офицерам, особенно бедным армейским при их обстановке и средствах, всегда иметь безукоризненно белые воротнички и к каким неудобствам поведет отступление от установленного строгого единообразия в офицерском одеянии. Государь

Император Александр II

мельчайшим подробностям формы. Сам он надевал мундир того или другого полка в известные дни, соответственно связанным с ними воспоминаниям или по другим соображениям, доходившим иногда до такой тонкости, что не легко было с первого раза угадать их. Так, например, в годовщину какого-нибудь сражения он надевал форму полка, особенно отличившегося в этом

признал эти доводы основательными и не настаивал более на своем намерении, хотя сам начал с этого времени носить белые ободочки по краю своего галстука, а вследствие того начальство уже должно было смотреть сквозь пальцы и на офицеров, позволявших себе то же отступление от установленной формы (*примеч. публ.*).

бою; удостаивая своим посещением бал, Государь приезжал в мундире того полка, в котором некогда служил хозяин или отец хозяйки, и т. д. Таких же утонченных соображений в выборе соответствующего каждому случаю мундира Государь требовал и от членов своего семейства и вообще от тех лиц, которые имели право носить мундиры разных полков или родов службы. Тому, кто не обладал достаточною догадливостью в этом отношении, Государь делал замечания. Должен сознаться, что мне особенно нередко доставались подобные замечания.

Возвращаюсь к рассказу, прерванному на воспоминании о Н.А. Огарёве.

Чрез несколько дней после его погребения, 20 февраля, хоронили мы петербургского коменданта генерала от инфантерии Крылова, место которого занял второй комендант генерал-лейтенант барон Крюднер. Однако ж последний оставался недолго в новой должности; он умер в июне того же года, и тогда назначен был петербургским комендантом генерал-лейтенант Иван Васильевич Анненков, прежний обер-полицмейстер петербургский, уволенный за год пред тем от этой должности как человек слишком вялый и ограниченный.

В течение февраля и марта последовали еще некоторые перемещения в личном составе высшей администрации. В Военном министерстве на место директора Медицинского департамента тайного советника Ф.С. Цыцурина, получившего место в Министерстве Двора (управляющего придворною медицинскою частью), назначен президент Медико-хирургической академии тайный советник Пётр Александрович Дубовицкий с новым званием «главного военно-медицинского инспектора» и начальника Главного военно-медицинского управления. На место умершего (4 февраля) генерала от инфантерии Семякина командующим войсками Казанского военного округа назначен (21 февраля) член Военного совета генерал-адъютант Глинка-Маврин. Место товарища министра внутренних дел, по случаю назначения почтенного Александра Григорьевича Тройницкого (тайного советника и сенатора) членом Государственного совета, занял (10 марта) орловский губернатор князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, променявший на губернаторское место пост русского посланника в Константинополе. Наконец, тайный советник Сергей Александрович Танеев утвержден (11 марта)

в должности управляющего I отделением Собственной Е. В. канцелярии, которую должность он исправлял уже более года, по смерти отца его, Александра Сергеевича. Сын пошел совершенно по стопам отца; он даже превзошел его в канцелярском педантизме и мелочном формализме, чем и заслужил репутацию примерного чиновника, вполне надежного для занятия такого поста.

В дипломатическом корпусе в Петербурге произошли две перемены. Вновь аккредитованные посланники, греческий — граф Метакса и прусский — принц Рейс, представили Государю свои верительные грамоты 22 и 25 февраля. Новый прусский посланник был молодой красивый генерал, очень любезный и приятный кавалер в светских салонах. Иностранные кабинеты вообще старались выбирать в представители свои при петербургском Дворе военных генералов, зная, что при наших нравах и обычаях, военный посланник или посол имеет случаи гораздо чаще видеть Государя неофициально. В течение зимнего сезона он рассчитывает на воскресные «разводы»; в летнее время он приглашается на все военные торжества, смотры, учения, маневры. Дипломаты пользуются ревностно этими экстренными случаями для непосредственного сообщения прямо с императором, тогда как их гражданские коллеги должны исключительно иметь сношения с министром иностранных дел.

25 марта сверх обычного торжества полкового праздника конной гвардии праздновался еще 50-летний юбилей генерал-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева, члена Государственного совета и председателя Комиссии прошений. По этому случаю, конечно, и я ездил к нему с поздравлением в числе многочисленных посетителей юбиляра. Бывшие воспитанники Пажеского корпуса (которого П.Н. Игнатьев был некогда директором) явились к нему in corpore* и поднесли ему собранный по подписке капитал для учреждения стипендии его имени в одном из военно-учебных заведений. Проценты с этого капитала по указанию Государя положено было обращать ежегодно в пособие наиболее нуждающемуся из выпускных воспитанников Пажеского корпуса. Юбиляру пожалован в этот день орден Св. Андрея, а сын его, Николай Павлович Игнатьев, посланник наш в Константинополе, возведен в звание посла.

---

* В полном составе (*лат.*).

На другой день, в воскресение, 26 марта, назначен был пред разводом прием депутации, прибывшей из Туркестанской области для выражения преданности туземного населения русскому царю. Государь принял депутацию в так называемой Золотой гостиной Зимнего дворца в присутствии моем, министра Двора и нескольких других лиц. Представляли депутатов генерал-адъютант Крыжановский, генерал-майор Свиты Романовский и заведовавший Ташкентским районом войсковой старшина Серов, получивший известность славным боем под Иканом[287]. Старший из депутатов, представитель города Ташкента Сеид-Азим произнес речь (которую переводчик повторил по-русски) и поднес Государю на серебряном подносе туземной работы адрес от народа, а потом образцы разных произведений местной промышленности. На речь депутатов Государь ответил немногими словами, поговорил с ними несколько минут и роздал лично награды: кресты, медали, перстни. Затем по приказанию Его Величества депутатов водили по залам Зимнего дворца и Эрмитажа, угостили завтраком и роздали им приличные подарки. Туркестанские депутаты прожили в Петербурге недели две; их представляли всем членам Императорской фамилии, министрам; возили по театрам и показывали им все, что могло интересовать полудикого азиатца.

4 апреля, в годовщину преступного покушения Каракозова на жизнь Государя, происходила церемония освящения часовни, сооруженной на самом месте этого события, у входа в Летний сад с набережной Невы. От всех расположенных в Петербурге частей войск участвовало в церемонии по одной роте или эскадрону каждого полка. Войска были выстроены частию вокруг площадки пред самою часовней, во всю ширину набережной, частию шпалерами по аллеям Летнего сада, ведущим от часовни вдоль решетки к стороне Фонтанки и потом параллельно набережной Фонтанки до выхода из сада и Цепного моста. На набережной, позади войск, устроены были эстрады для публики. В первом часу дня собрались на площадке пред часовнею высшие чины всех ведомств, начиная с Государственного совета и дипломатического корпуса, члены Императорской фамилии (за исключением императрицы), а за стеною войск — масса публики. К сожалению, погода была весьма неблагоприятная для торжества: мокрый снег валил хлопьями. Около часа прибыл Государь. Встреченный восторженными криками «ура», он прошел

Часовня у входа в Летний сад в память о спасении императора 4 апреля 1866 г.

по фронту войск и, подходя к выходу из Летнего сада у Цепного моста, встречен был духовною процессией, прибывшею с хоругвями и образами от Казанского собора. Процессия двинулась по аллее Летнего сада между двумя шпалерами войск. Государь с членами Императорской фамилии и многочисленною свитой шел за духовенством. По прибытии процессии к часовне началось благодарственное молебствие с коленопреклонением при пушечном салюте с крепости. Во все время возле Государя стоял Комисаров (прозванный официально «Костромским»), облеченный в дворянский мундир с крестом на шее. По окончании молебствия процессия двинулась прежним порядком обратно по аллеям сада к выходу у Цепного моста, откуда Государь со всею свитой возвратился к часовне. Обратившись к стоявшей группе строителей часовни, он поблагодарил их и затем, став у памятника Суворову, пропустил мимо себя войска церемониальным маршем.

Годовщина 4 апреля 1866 года праздновалась и во всех других местах империи молебствиями, крестными ходами, а в иных — и с военными парадами и пушечной пальбой. В тот же день обнародован Высочайший рескрипт на имя генерал-адъютанта Ни-

колая Васильевича Зиновьева, председательствовавшего в особом комитете для сбора пожертвований на покупку дома для Комисарова: в рескрипте выражена была воля Государя, чтобы для прочного обеспечения имущественного положения «дворянина» Комисарова собранные пожертвования, простиравшиеся уже до 40 тыс. рублей, с присоединением 30 тыс. рублей, пожертвованных самим Государем и членами Императорской фамилии, употреблены были, по распоряжению комитета, не на предполагавшуюся прежде покупку дома, а на приобретение земельного имения, которое могло бы давать верного дохода от 4 до 5 тыс. рублей. Но рядом с этими заботами Государя о материальном обеспечении того, чья рука случайно отклонила злодейский выстрел, приходилось позаботиться также о нравственном направлении его жизни, так как слышно было, что «спаситель» сохранил прежние свои нравы и привычки, не совсем соответствовавшие новому званию потомственного дворянина и чиновника. Как он сам, так и жена его, люди простые, без всякого образования и воспитания, не могли, конечно, разом, как бы по мановению жезла, преобразиться так, чтобы не бросалось в глаза резкое противоречие между их нравами и теми почестями, которые вдруг, совершенно неожиданно и случайно, посыпались на них. Придумывались разные средства, чтобы дать новому дворянину хотя какое-нибудь образование и прежде всего вырвать его из той низменной среды, в которой он родился и вырос. В этих видах Государь решил определить Комисарова в военную службу. Вскоре он был зачислен юнкером в учебный кавалерийский эскадрон и отправлен в с. Медведь (Новгородской губернии) — место тогдашнего расположения эскадрона; командиру эскадрона полковнику Ратееву поставлено было в обязанность принять Комисарова под свое ближайшее попечение, доставить ему средства к приобретению начального образования и по возможности сделать из него приличного строевого офицера. Задача была нелегкая. Последствия выказали, как ошибочно выводить насильственно человека из той сферы, с которою он сроднился и вне которой неизбежно чувствует себя, как рыба на мели[288].

6 апреля, в среду на 6-й неделе Великого Поста, происходил в Зимнем дворце обычным порядком осмотр Государем военно-топографических и гидрографических работ Военного и Морского министерств.

10 апреля наступило совершеннолетие (т. е. 20 лет от роду) великого князя Владимира Александровича. Так как число это приходилось в понедельник Страстной недели, то обычное торжество присяги Его Высочества было отложено на 17 апреля. В самый же день своего рождения великий князь был произведен в полковники, а состоявший при нем в звании воспитателя генерал-адъютант граф Перовский назначен «попечителем» к Его Высочеству с сохранением и звания попечителя Наследника Цесаревича.

16 апреля, в день Пасхи, последовали довольно значительные перемещения в высших должностях. Уволены: действительный тайный советник граф Панин — от должности главноуправляющего II отделением Собственной Е. В. канцелярии по совершенно расстроенному здоровью и действительный тайный советник Замятнин — от должности министра юстиции. При этом пожалованы графу Панину брильянтовые знаки ордена Св. Андрея, а Д.Н. Замятнину — те же знаки ордена Св. Александра Невского. На место графа Панина главноуправляющим означенного II отделения назначен государственный секретарь князь Сергей Николаевич Урусов, которому вместе с тем поручено временно управлять и Министерством юстиции, а на его место государственным секретарем назначен действительный статский советник Сольский. Председателю Департамента законов барону Модесту Андреевичу Корфу пожалован орден Св. Андрея, при весьма лестном рескрипте*.

На другой день, 17 апреля, по случаю дня рождения Государя и присяги великого князя Владимира Александровича, назначен был большой съезд в Зимний дворец. Торжество присяги совершалось согласно обычному на этот случай церемониалу, который уже не раз приходилось мне описывать в воспоминаниях за прежние годы.

Два важные распоряжения нашего правительства в описываемое время обратили на себя общее внимание не только в Петербурге, но и в целой России и за границей: продажа русских владений в Северной Америке и продажа Николаевской железной дороги.

---

* В числе заслуг барона Корфа в продолжение 50-летней его служебной деятельности упомянуто было в рескрипте, что он был преподавателем законоведения трем братьям и трем сыновьям Государя: великим князьям Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам, Николаю, Александру и Владимиру Александровичам.

Первые известия о переговорах, веденных в Вашингтоне между русским посланником Стеклем и правительством Северо-Американских Соединенных Штатов о продаже нашей отдаленной колонии, появились в конце марта в лондонских газетах и произвели сильное впечатление в английской публике. Хотя в парламенте министры и заявили, что не следует придавать слишком важное значение предположенной уступке Россиею своих владений в Северной Америке, однако ж рассуждения эти не вполне успокоили общественное мнение, которое находило опасным для английских владений в Северной Америке распространение территории Северо-Американского Союза до самого Берингова пролива и Ледовитого океана, несмотря на то, что новоприобретенные пустынные владения отделены от территории Союза промежутком в несколько сот миль английских владений на берегу Тихого океана. Английская газета «Times»[289], успокаивая Джона Буля на этот счет, указывала, однако же, что Россия впервые отказывалась от части своих владений и что уступка эта «укрепляет таинственную симпатию, существующую издавна между Россией и Северо-Американским Союзом». По выражению английской газеты, «на северо-западной границе новой британской конфедерации возникает республиканское государство вместо казацкого...» Не менее было толков об этом предмете в Петербурге: наши патриоты возмущались собственно лишь тем, что никогда еще Россия добровольно не отказывалась от какой-либо части своей территории. Притом и в финансовом отношении находили предположенную сделку весьма невыгодною; уже тогда были слухи, что дело шло об уплате Соединенными Штатами лишь 7 миллионов долларов. Одна английская газета выразилась даже, что сумма эта «ничтожна до смешного, так что было бы справедливее сказать, что Соединенные Штаты получили российско-американские колонии в подарок...» Ввиду всех этих толков напечатана была в «Journal de St.-Pétersbourg» (26 марта) заметка, в которой общественное мнение предостерегалось от слишком поспешной оценки предположенной «обоюдно-выгодной сделки», которая, по мнению органа нашего Министерства иностранных дел, «может иметь последствием оживление торговли в наших портах Восточной Сибири, сообщение нового движения владениям, выгодами которых мы не могли пользоваться, как следовало бы, и, наконец, полное удовлетворение торговых и политических интересов обеих договаривающихся сторон в Тихом океане»[290].

Результатом переговоров был договор, подписанный в Вашингтоне 18/30 марта и почти единогласно утвержденный Вашингтонским конгрессом в заседании 29 марта / 10 апреля. Ратификация этого договора в Петербурге последовала 3/15 мая[291]. По условию, уплата назначенной запродажной цены 7 200 000 долларов золотом должна была последовать в течение 10-месячного срока. В Ситхе совершившаяся продажа колоний сделалась известна только в сентябре, а самая передача владений уполномоченному от вашингтонского правительства комиссару совершилась с обычною торжественностью 27 октября / 8 ноября[292]. При этом со стороны русского правительства уполномоченным был капитан 1-го ранга Пестряков; директором Компании[293] до того времени состоял князь Максутов.

Другая наша финансовая сделка — продажа в частные руки Николаевской железной дороги — подала повод еще к более горячим пересудам как в печати, так и в публике. Мера эта предварительно обсуждалась в Особом совещании под председательством Наследника Цесаревича. Многие из участвовавших в этом совещании, в том числе и я, не сочувствовали предположенной мере и выражали сожаление о том, что такая важная государственная линия сообщения между обеими столицами, устроенная так капитально, даже роскошно, дающая притом значительный чистый доход, — перейдет из рук правительства в собственность частной компании, — пожалуй, даже иностранной. Но голоса противников продажи заглушались авторитетными приговорами министра финансов и других наших финансовых специалистов, державшихся твердо теории, что чрезмерное развитие государственной собственности приносит будто бы более вреда, чем выгоды и что всякое дело идет гораздо лучше в частных руках, чем в казенном управлении[294]. В особенности же выставляли необходимость продажи Николаевской и других, состоявших еще в собственности казны железных дорог для того, чтобы на вырученные средства продолжать развитие железнодорожной сети и докончить начатые уже постройкою большие линии: Московско-Курско-Киевскую, Харьково-Елизаветград-Балтскую и проч. В таком смысле была напечатана статья в правительственном органе: «Северной почте»[295] для вразумления публики и предупреждения превратных суждений о предположенной мере. В статье этой указывалось и на пример иностранных государств, хотя уже в то время возникала во многих европейских правительствах

противоположная забота — о выкупе в казну главных линий железных дорог, особенно имеющих стратегическое значение. Те, которые не считали себя специалистами по финансовым вопросам, спрашивали: можно ли назвать «выручкою» финансовых средств чрез продажу дороги, если выручаемые средства заключаются в выпуске новых бумаг самим же правительством? Не проще ли выпустить бумаги, как это делалось и до тех пор, прямо на постройку новых дорог, не предоставляя частной компании громадного дохода от существующей казенной дороги, которая по своей доходности считается второю во всей Европе (первою после французской южной дороги к Средиземному морю). Все возражения были напрасны. Министр финансов Рейтерн с подмогою К.В. Чевкина имел сильный авторитет, и предложенная им мера была утверждена Государем.

Затем предстояло решить щекотливый вопрос: кому именно передать такой крупный источник верного дохода? И здесь Рейтерн вместе с Чевкиным настоял на передаче дороги «Главному обществу р[оссийских] жел[езных] дорог», владевшему уже двумя капитальными линиями: Петербурго-Варшавскою и Московско-Нижегородскою, — устранив решительно конкуренцию московских капиталистов, предлагавших образовать товарищество на паях[296].

К этому же времени, т. е. к апрелю 1867 года, относится предложенное министром финансов преобразование Корпуса горных инженеров из военного учреждения в гражданское. В царствование императора Николая I многие технические части, как-то: горная, лесная, межевая, телеграфная — получили в некоторой степени военную организацию подобно тому, как уже прежде, при императоре Александре I, организован был Корпус инженеров путей сообщения. Тогда полагали достаточным надеть военную форму и дать офицерский чин, чтобы известному ведомству присвоить характер военный, чтобы облагородить его, как тогда выражались, чтобы положить конец взяткам и казнокрадству. Многолетний опыт убедил в том, что цели эти не достигаются одною внешнею формой, а между тем размножение военных мундиров и присвоение их личностям, не имеющим в себе ничего военного, представляло многие неудобства собственно для военного ведомства в дисциплинарном отношении. Да и само начальство тех специальных ведомств встречало в военных офицерских чинах своего рода неудобства. Поэтому предложенная

министром финансов мера относительно Корпуса горных офицеров была встречена весьма сочувственно в Комитете министров, и 22 апреля последовало Высочайшее повеление о переименовании горных инженеров в гражданские чины[297] по установленному расчету лет службы с предоставлением, однако же, желающим сохранить военные чины оставаться навсегда в том же чине без права на дальнейшее производство. При утверждении этого Положения выражена была Высочайшая воля, чтобы оно было применено и к другим специальным ведомствам, — что и было вскоре исполнено Высочайше утвержденным 2 августа того же года Положением Комитета министров[298]. Замечательно, что нашлись такие личности, которые предпочли оставаться в одном чине, без повышения, чтобы только сохранить военное звание и эполеты. В числе их были и такие пожилые, серьезные личности, как, например, сам министр путей сообщения инженер-генерал-лейтенант Мельников, который до самой смерти своей продолжал носить военный мундир.

ЗАБОТЫ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ПО ВОПРОСУ ФИНАНСОВОМУ И ПО ДЕЛАМ СРЕДНЕАЗИАТСКИМ

В представленном мною Государю 1 января 1867 года «всеподданнейшем докладе»[299] приведены были цифры военных расходов по сметам 1866 и 1867 гг., и затем я позволил себе высказать следующее заключение:

«Цифры эти красноречиво опровергают все голословные нарекания против мнимого возрастания расходов по Военному министерству. Нарекания эти слышатся не только в публике, не посвященной вовсе в дела государственные, но даже в кругу лиц правительственных, которые судят по общим итогам, не желая вникнуть подробнее в сущность дела. Иные требуют, чтобы военная смета возвратилась к цифрам пятидесятых годов, как бы позабывая, что если б даже и можно было ограничить расходы прежним размером, то и в таком случае *сметная* цифра вышла бы несравненно выше прежней, ради только новой системы составления смет. Другие ставят в пример умеренности военного бюджета Францию, даже Пруссию, забывая громадное различие между этими государствами и Россией во всех отноше-

ниях: географическом, этнографическом, экономическом, политическом.

«Подобные требования, заявленные без должной оценки действительных нужд и средств империи, могут иметь гибельные для государства последствия, и потому Военное министерство поставит себе в обязанность в непродолжительном времени повергнуть на Высочайшее воззрение в особой записке подробный аналитический обзор военной сметы, с критическою оценкою всех цифр как сравнительно с расходами прежних лет, так и с бюджетами других государств. Смею надеяться, что этот подробный и отчетливый анализ разъяснит вполне все недоразумения и приведет к убеждению:

«что расходы по военному ведомству в настоящее время не только не возросли сравнительно с прежними годами, но даже умереннее, чем были, например, в 1860 году;

«что сравнительно с другими европейскими государствами военная часть обходится России не дороже, а гораздо дешевле*;

«и что преобразования, произведенные в последние годы в организации армии и в администрации, не увеличили расходов, а напротив того, доставили несомненные выгоды экономические, увеличив действительную боевую силу армии и улучшив почти все части администрации, без увеличения общего итога расходов.

«Действительно, чтобы судить о выгодах ныне принятой у нас системы, даже сравнительно с другими государствами, которые всего чаще нам ставят в пример, стоит только сопоставить два ряда цифр: в одном — суммы, которые каждое государство тратит на военную часть в мирное время, а в другом — количество войск, которое оно может иметь под ружьем в случае войны. При таком сопоставлении находим, что на каждого солдата, выставляемого в военное время, тратится ежегодно в мирное время:

во Франции	183 р.
в Пруссии	80 р.
в России	75 р.

«Итак, даже при всех выгодах ландверной системы Пруссии, Россия все-таки имеет самую дешевую армию.

«Только новая организация армии дала нам возможность сократить ее в мирное время до той крайней цифры, до которой

* Сравнительно с народонаселением каждого государства сумма военных расходов составляет на каждого жителя: в Англии — 3 р. 50 к., во Франции и Пруссии — 3 р., в Австрии — 2 р., а в России — 1 р. 50 к.

ныне доведено у нас наличное число войск. Между тем можно смело сказать, что в настоящее время армия наша находится в большей готовности, чем прежде, к переходу на военное положение. Нынешняя организация доставляет нам в случае войны гораздо большее число боевых единиц: 47 пехотных дивизий (вместо прежних 28), 188 полков (вместо прежних 72). Имея постоянно кадры для каждой боевой единицы, мы приводим их в несколько недель в полный комплект, призывом имеющихся в наличности 400 тыс. отпускных солдат, вполне обученных и привычных к военному делу, при этом избегаем всех невыгод формирования наскоро новых частей, а если б даже и оказалось необходимым еще умножить наши силы формированием ополчений, то найдем к тому огромные средства в прочно организованных местных войсках.

«Отказаться от выгод такой системы, от возможности развить наши военные силы до такой цифры, до которой можем довести их при нынешнем составе наших кадров и при нынешнем положении всех наших военных учреждений, значило бы лишить государство самой необходимой опоры его самостоятельности и безопасности. Время ли теперь посягать на силу армии, когда все европейские государства наперерыв умножают свои боевые силы и когда со всех сторон поднимаются на политическом горизонте грозные тучи.

«Таковы соображения, по которым Военное министерство считает своею священною обязанностью всеми силами отстаивать настоящую организацию армии и поддерживать ее готовность к быстрому переходу на военную ногу. Оно следует твердо и неуклонно этому пути, вопреки всем разноречивым толкам, поддерживаемое убеждением в том, что этот путь указан державною волею Вашего Императорского Величества».

Против этих последних строк было рукою Государя карандашом отмечено: «да».

Привожу целиком эту длинную выписку, как сжатый вывод из представленного Государю общего обзора положения Военного министерства к 1 января 1867 года*. Во всем докладе своем я, конечно, имел в виду высказать несправедливость нареканий,

* Доклад мой, по прочтении его Государем, был передан им Наследнику Цесаревичу, который возвратил его ко мне при записке от 16 января в таких выражениях: «Прочел Ваш доклад с большим удовольствием. Дай Бог только Вам исполнить до конца все Вами начатое».

сыпавшихся на Военное министерство со стороны наших финансовых авторитетов. Поэтому Государь признал уместным прочесть весь мой доклад перед полным собранием Совета министров, — что и было исполнено в заседании 26 января[300]. В самом заседании никаких мнений, ни возражений не было высказано; собрание и без того было слишком утомлено продолжительным моим чтением. Но потом, несмотря на все мои объяснения, опять повторялись все те же толки о чрезмерности военных расходов, с намеками на неверности или натяжки в приведенных мною цифрах. К этим толкам послужило новым поводом то случайное обстоятельство, что ко времени представления мною означенного всеподданнейшего доклада, т. е. до самого Нового года, финансовые сметы на 1867 год не были еще утверждены; общая Государственная роспись не была еще составлена в Министерстве финансов*; при окончательной же сводке этой Росписи сделаны были некоторые изменения против того порядка, который был принят при составлении смет в предшествовавшие годы. Так, в военную смету, в отступление от положительных правил составления смет, занесены были суммы, на которые кредиты были уже в смете 1866 года, но оставались еще неисполненными, также внесены в смету такие суммы, которые в прежние годы отпускались сверх сметы и относились к категории «чрезвычайных» ассигнований, именно на перевооружение войск и артиллерию. Чрез подобные нововведения военная смета на 1867 год, заявленная мною в $115^1/_2$ млн р., возросла до цифры 122 712 000 р., и, таким образом, *на вид* исчезли те сбережения, которые с такими усилиями были достигнуты и мною заявлены.

Такая невыгодная для Военного министерства перетасовка цифр побудила меня ускорить составление той записки, о которой упоминалось в приведенном выше заключении моего всеподданнейшего доклада и которая должна была представить полный анализ военной сметы сравнительно с расходами прежних лет и с бюджетами других государств. Сложная эта работа, порученная мною генерал-майору Обручеву, по материалам, подготовленным в канцелярии Военного министерства, была

---

* Роспись была внесена в Государственный совет только во вторую половину февраля, утверждена в марте и опубликована в начале апреля. В эту роспись впервые включены были доходы и расходы по Царству Польскому[301].

окончена к 19 марта и представлена вслед за тем Государю; печатные экземпляры были разосланы членам Государственного совета и многим другим лицам.

В записке этой прежде всего указывалось, что почти ежегодные перемены в самом порядке составления смет относительно внесения в них тех и других сумм, доходных или расходных, имеют то последствие, что сравнение сметных итогов за разные годы становится весьма затруднительным и может приводить к заключениям ошибочным. «При таких сметных изменениях все достигаемые Военным министерством с крайними затруднениями сокращения в военных расходах остаются неуловимыми; едва успеет министерство понизить цифру своего бюджета, как эта цифра внезапно, помимо всех зависящих от министерства причин, вновь возрастает на крупные суммы ... Хотя подобное возрастание сметы не сопровождается в действительности никакими для Государственного казначейства новыми издержками и потому есть только номинальное, фиктивное, тем не менее оно прямо влияет на оценку военного бюджета, судимого преимущественно лишь по валовым, публикуемым цифрам, и неизбежно каждый раз вызывает новые укоры на его обширность, а затем и новые настояния сократить военную смету до прежней цифры...»[302]

В подтверждение этого замечания в записке приводилось, что если б смета на 1861 год, выражавшаяся цифрою 108 030 000 р., была пересоставлена на одинаковых основаниях, на каких окончательно составлена смета на 1867 год, то общая цифра тогдашних военных расходов возвысилась бы до 124 782 668 р., то есть превзошла бы итог сметы на 1867 год на 2 млн рублей.

Следовательно, несмотря на весьма многие улучшения, введенные после 1861 года в устройстве и содержании войск и в материальной части, несмотря и на понижение курса, — расходы Военного министерства в действительности не возвысились, а понизились, а потому упрек в неблагоприятном положении наших финансов менее всего мог падать на Военное министерство. При этом приводилось в записке любопытное сопоставление цифр: в период времени с 1860 по 1866 г. Военному министерству, сверх средней годичной цифры обыкновенных ассигнований (приблизительно между 110 и 112 млн р.), было отпущено по разным чрезвычайным поводам (как-то: польское восстание, мобилизация армии, перевооружение войск) около 9 млн р.,

между тем, как в тот же период в ресурсы Государственного казначейства поступило разных чрезвычайных средств 536 млн р. Таким образом, на чрезвычайные военные расходы пошло лишь 18% всех поступивших в Министерство финансов чрезвычайных ресурсов.

За этим общим вступлением в записке разбирались все статьи нашей военной сметы сравнительно с соответствующими расходами Франции и Пруссии. Для этого пришлось всю нашу смету переверстать в такой системе, чтобы можно было сопоставить наши расходы с однородными расходами означенных двух государств, — и вот к каким любопытным выводам приводило это сопоставление.

Если сумму расходов по каждому предмету разложить по числу людей постоянной *регулярной* армии, то приходится на человека:

	Франция	Пруссия	Россия
	(руб.—коп.)		
I. Администрация (центральная и местная)	18-70	9-50	7-60
II. Довольствие войск (продовольственное, вещевое и денежное)	168-00	120-00	68-00
III. Лошади (на 1 лошадь)	162-00	134-00	89-00
IV. Помещение войск, передвижение, врачебная часть, судная, духовенство	23-00	15-00	21-00

Если же взять всю сумму расходов (за исключением оборотных и таких, которые непосредственно к нуждам армии не относятся), то придется на каждого человека:

	Во Франции	В Пруссии	В России
Соразмерно штатам мирного времени	303 р.	222 р.	140 р.
Соразмерно с числом войск мобилизованных	173 р.	80 р.	75 р.

Записка заканчивалась рассмотрением вопроса: возможно ли сократить расходы на счет численности армии. Чтобы отвечать на этот вопрос, приведены были цифры общей численности нашей регулярной армии во все года, начиная с 1851, и затем

было высказано следующее: «Внутренние военные потребности России за последние 15 лет не изменились; внешние же, вследствие усиления иностранных армий, требуют от нее несравненно большей боевой готовности, чем прежде; между тем настоящая численность нашей армии на 400 000 человек менее, чем в 1851 году. Пятнадцать лет тому назад Франция содержала 380-тысячную армию и никакого резерва не имела; Австрия ограничивалась 270 тыс., а Пруссия — 120 тыс. постоянного войска; все три армии в совокупности были в $1^1/_2$ раза слабее нашей. Ныне же (т. е. в 1867 г.) те же три армии составляют до миллиона *постоянных* войск: Франция — 400 тыс., Австрия — 350 тыс. и Пруссия — 260 тыс., а в случае войны, каждая из них может выставить до миллиона войск. Очевидно, что *относительные* силы весьма изменились не в нашу пользу».

Высказав затем опасение, что уже и при тогдашней численности наших войск в мирное время представляется сомнение: не слишком ли мы ослабили себя сравнительно с возросшими силами других государств, записка приводила окончательно к следующему заключению: «Уменьшение нашего военного бюджета невозможно ни на счет сокращения размера довольствия войск, ни на счет уменьшения их численности, ни на счет организации ... Расход на армию составляет нормальную потребность России, составляет то бремя, которое неразрывно связано с ее историческим бытием, и выкупается ее независимостью и политическим значением. Только благодаря армии Россия стала первостепенным государством в Европе, только сохраняя армию, она может отстоять приобретенное ею положение. И если кругом ее иностранные армии растут, совершенствуются и усиливают свои расходы, то Россия не может одна идти обратным путем, не может разрушать своей армии, или останавливать удовлетворение ее насущнейших, вызванных временем потребностей...»

Я утешал себя надеждою, что записка, представлявшая столь обстоятельное, ясное, отчетливое исследование вопроса о военных расходах, произведет впечатление и положит конец всем нападкам на военную смету, но мои надежды не оправдались. Не знаю, многие ли прочли записку с достаточным вниманием. В Министерстве финансов была составлена ответная записка — весьма слабая, ничего не доказывавшая и ничего не опровергавшая[303]; потом все замолкло на некоторое время, а с осени опять возобновилась обычная сметная агитация.

Здесь я должен, однако же, сделать оговорку относительно П.А. Валуева, который один оказывал мне поддержку, когда дело шло о военных расходах. При всем различии между нами во взглядах по большей части государственных вопросов, я должен отдать ему справедливость в том, что он постоянно выказывал большое сочувствие к успехам по военному ведомству. В начале 1867 года он писал мне: «Вам известно, до какой степени я чужд разъединения неразъединимых государственных вопросов и в какой мере я сочувствую всему тому, что у нас делается полезного и хорошего — а делается много — по обоим военным ведомствам, сухопутному и морскому. Меня постоянно возмущают толки о сокращении расходов по этим частям, которые (т. е. расходы) очевидно необходимы...» И далее: «Для равновесия бюджетов есть два способа: увеличение доходов и сокращение расходов. Мы преимущественно беремся за последний, но опыт всемирной истории доказывает, что нужно употреблять оба вместе...»[304]

Таково же было и мое мнение, но, конечно, не в том смысле, чтобы безгранично увеличивать тягость налогов, падающих у нас почти исключительно на рабочий, беднейший класс народа, и без того уже доведенный до нищеты. Напротив того, по моему мнению, главным делом был коренной пересмотр всей нашей податной системы, а затем — предоставления всех возможных льгот тем отраслям промышленности, которые могли содействовать развитию народного богатства. Кроме того, мне всегда казалась весьма невыгодною, даже ошибочною принятая у нас система слияния в одной общей Государственной росписи текущих расходов, покрываемых из постоянных, нормальных источников дохода, с такими чрезвычайными или временными потребностями, которые должны удовлетворяться и чрезвычайными ресурсами. В особенности невыгодно отзывалось на нашей Росписи включение в нее железнодорожного дела, которое, по моему мнению, должно бы составлять совершенно отдельную от Государственной росписи финансовую операцию.

Положение наше в Средней Азии, принявшее в 1866 году неожиданно благоприятный оборот, носило, однако же, на себе характер какой-то неопределенности. Не было еще ни утвержденных Положений и штатов управления, ни самостоятельного военного устройства. Подчинение Туркестанской области отда-

ленному начальству оренбургскому представляло очевидные неудобства, выказавшиеся на опыте двух прошлых лет. Необходимо было в течение зимы 1866—1867 гг. основательно обсудить и решить все сомнения и недоумения, пользуясь присутствием в Петербурге оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Крыжановского, начальника Туркестанской области генерал-майора Романовского и некоторых других лиц, уже ознакомившихся с краем. С Высочайшего разрешения назначены были под моим председательством совещания, в которых участвовали: генерал-адъютант граф Гейден и Крыжановский, тайный советник Стремоухов (директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел), генерал-майор Романовский, граф Воронцов-Дашков, Черняев, действительные статские советники Мансуров (Николай Павлович) и Галкин-Враский (оба последние от Министерства внутренних дел) и председатель так называемой Степной комиссии (только что возвратившейся в Петербург после объезда края) действительный статский советник Гирс (Фёдор Карлович), состоявший также в Министерстве внутренних дел. Совещания, происходившие у меня на дому, выказали большое разнообразие взглядов и мнений, которые нелегко было привести к единству[305].

Между тем за кулисами разыгрывалась жалкая интрига, направленная лично против генерала Романовского и возбужденная, несомненно, Черняевым и его поклонниками. Они нашли себе покровительство в Наследнике Цесаревиче чрез посредство графа Воронцова-Дашкова, поведение которого в этом случае осталось для меня совершенно непонятным: каким образом он мог, быв прежде в самых приятельских отношениях с Романовским, занимая притом должность его помощника, видев лично все безобразия, творимые Черняевым в Ташкенте, вдруг сделаться заступником последнего и противником Романовского — могу объяснить себе не иначе, как особенною способностью Черняева к интриге и слабохарактерностью графа Воронцова. Интриганы не постыдились употребить орудием своих козней прибывшую в это время депутацию от Ташкента. Представляясь Наследнику Цесаревичу, депутация эта подала ему какое-то прошение, которое Его Высочество передал Государю, но Его Величество приказал возвратить прошение депутатам, с тем чтоб они подали его законным путем чрез генерал-губернатора. Прошение депутации, крайне бестолковое, было, очевидно, составлено

по чьему-либо наущению для того только, чтобы придать ему вид жалобы на генерала Романовского. Наследник Цесаревич лично говорил мне об этих жалобах, хотя, конечно, в самых общих, неопределенных выражениях. В то же время и в журналистике (в «Биржевых Ведомостях») появились тенденциозные статьи, в которых выставлялись в невыгодном свете управление Туркестанского края и вообще положение дел в той стране[306].

Бедный Романовский, глубоко огорченный распущенными на его счет клеветами и нареканиями, писал опровержения недобросовестных пасквилей на его счет; статьи его печатались в «Р[усском] Инвалиде»[307], и, таким образом, завязалась открытая газетная полемика в подкрепление закулисных интриг. Романовский обращался ко мне с просьбами о формальном расследовании его действий за время управления Туркестанскою областью и затем об увольнении от должности*. Расследовать было нечего, потому что не было прямых обвинений; цель интриги была достигнута наполовину: на Романовского была наброшена тень, но не удалось, по крайней мере на этот раз, снова поднять Черняева на пьедестал. Однако ж впоследствии он подбился под покровительство графа Шувалова, при этом расчет был таков: граф Шувалов всемогущ и в разладе со мною, а я представлялся как бы притеснителем и личным врагом Черняева. На этой струне можно было разыграть всякую интригу. И действительно, раз Государь заговорил со мною о Черняеве в том смысле, что он остается без всякого дела и что было бы желательно дать ему какое-либо назначение. В то время Черняев был одним из самых младших генерал-майоров**; несмотря на то, Государь приказал иметь его в виду для назначения на первую вакантную должность начальника дивизии, то есть на генерал-лейтенантскую должность. Пригласив к себе генерал-майора Черняева, чтоб объявить ему о такой царской милости, я был крайне удивлен, услышав от него отказ принять назначение, которое он почему-то находил ниже прежнего его положения и оказанных им заслуг. По приказанию Государя я вторично пригласил к себе Черняева и сообщил ему *желание* Его Величества, чтоб он командовал дивизией, но встретил с его стороны такую нахальную

---

* Письмо генерала Романовского от 14 апреля[308].

** Он был произведен в 1864 году на основании Манифеста 1762 г.[309], и старшинство в чине генерал-майора дано было ему только впоследствии, с 1868 года.

самонадеянность, что я готов был принять его чуть не за помешанного. После этого вторичного разговора моего Черняев пустился на демонстрации, подал в отставку, и, несмотря на новые объяснения мои с ним о том, что отставка его, Георгиевского кавалера, будет неприятна Государю, он настоял на своем увольнении, уехал в Москву и записался в нотариусы. Демонстрация эта прикрывалась тем предлогом, что, оставаясь без места, он будто бы должен зарабатывать средства существования своего и семьи, но это было одною наглою ложью, так как при увольнении Черняева от должности начальника области ему сохранено было все прежнее содержание, и, стало быть, не в недостатке средств существования заключалось истинное побуждение к странному его образу действий. По-видимому, ему хотелось разыграть роль Велизария[310] или Суворова в изгнании. Честолюбие и самомнение этого человека доходили до умопомрачения.

Все эти проделки Черняева и компании не стоили бы внимания сами по себе, но упоминаю о них только на тот случай, если б Черняеву удалось когда-нибудь*, благодаря его интриганству и простоте его поклонников, снова всплыть на поверхность того океана, который называется служебною карьерой, и снова войти в роль великого человека. Пусть приведенные мною подробности послужат материалом для будущего его биографа.

Возвращусь к прерванному рассказу о происходивших у меня совещаниях по вопросу об устройстве вновь присоединенных к империи частей Средней Азии. При всем разнообразии высказанных мнений, в одном согласны были все — в необходимости окончательного введения в крае русской администрации, организованной на твердых началах. Затем признавалось всеми, за исключением одного лишь генерала Крыжановского, необходимым образовать новое самостоятельное и независимое от оренбургского начальства генерал-губернаторство и военный округ со включением в них кроме самой области Туркестанской еще некоторых сопредельных частей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств и с образованием двух новых областей: Семиреченской и Сырдарьинской. Предположение это было одобрено Государем, и приступлено к разработке Положений и штатов для новых управлений. Составленные проекты были внесены в Комитет министров, который одобрил их толь-

---

* Писано в 1881 году.

ко как меру временную, с предоставлением Туркестанскому генерал-губернатору права вводить эти Положения и штаты в той постепенности и с теми отступлениями, которые он признает нужными. Одновременно с Положением о новом генерал-губернаторстве разработано было в Военном министерстве Положение о Туркестанском военном округе. Оба Положения получили окончательно Высочайшее утверждение только 14 июля[311], вместе с назначением на должности туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского округа генерал-адъютанта Константина Петровича Кауфмана (бывшего виленского генерал-губернатора), а начальниками областей: Семиреченской — генерал-лейтенанта Колпаковского, а Сырдарьинской — генерал-майора Головачева, служившего до того на Кавказе. Начальником штаба нового округа назначен генерал-майор Дандевиль. Таким образом, желание Романовского освободиться от должности, причинившей ему столько незаслуженных огорчений и оскорблений, осуществилось само собою.

Выбор новых начальников столько же, сколько и самое Положение, определившее на твердых основаниях административное устройство края, обеспечивал более чем прежде дальнейший ход дел и будущность вновь завоеванного обширного края. Но пока мы еще рассуждали в Петербурге, а на месте вовсе не было ни прежних, ни новых начальников, в крае возникли было тревожные опасения. 24 мая генерал Крыжановский получил в Петербурге по телеграфу известие с Сырдарьинской линии от 14 мая, что известный «батырь» Садык с многочисленною шайкой, по слухам до 2500 чел., появился на Яны-Дарье и что высланная навстречу ему команда из 70 казаков была окружена и, потеряв до 20 человек и 57 лошадей, едва пробилась назад к форту № 1. Шайка Садыка уже перешла было на правую сторону Сырдарьи, прервала сообщение между нашими фортами и начала грабить покорных нам киргиз. Генерал Крыжановский телеграфировал в Оренбург генерал-майору Боборыкину (оренбургскому губернатору и наказному атаману Оренбургского казачьего войска), чтобы ускорил движение 9-го линейного батальона на Сырдарью; в то же время генерал-майор Мантейфель, остававшийся за старшего в Туркестанской области, выслал конный отряд. Начинавшееся волнение в населении степи удалось скоро успокоить, и шайка Садыка была прогнана.

Вследствие означенных тревожных известий из степи, генерал Крыжановский поспешил возвратиться в Оренбург. Но пока он был еще в пути, получены новые известия с Бухарской границы от полковника Абрамова, стоявшего у Яны-Кургана с отрядом из 6 рот с несколькими сотнями казаков и орудьями. Отряд этот прикрывал занятый нами край от угрожавших ему со стороны Самарканда многочисленных скопищ бухарских. В течение мая передовые шайки бухарские предпринимали беспрестанные нападения, грабили мирных жителей, перехватывали курьеров и прервали сообщения нашего отряда. В первых же числах июня главное скопище бухарское приблизилось к самому Яны-Кургану с намерением овладеть этим укрепленным пунктом. Силу неприятельского скопища считали до 45 тыс. человек пехоты и конницы с несколькими орудьями. Несмотря на такое несоразмерное превосходство противника в числе, полковник Абрамов с небольшим своим отрядом решился сам выйти навстречу неприятелю и на рассвете 7 июня атаковал его лагерь. Бухарцы понесли совершенное поражение и бежали по направлению к Самарканду, оставив в руках победителя весь лагерь и склады запасов.

Эмир Бухарский отправил в Оренбург посольство к генералу Крыжановскому с предложением порешить дела миролюбно и «по справедливости». Посольство это прибыло в Оренбург 23 июня, но в то самое время, когда Крыжановский вступил в объяснения с бухарским посланцем Мир-Ахур-Мулла-беком, войска эмира, оправившись от понесенного ими 7 июня поражения, снова подступили 5 июля к Яны-Кургану и напали с разных сторон на слабый отряд полковника Абрамова; однако ж и на этот раз были не только отражены, но сами понесли новое поражение и с немалым уроном бежали к Самарканду. Оба сражения, 7 июня и 5 июля, стоившие нашему отряду самой незначительной потери, выказали все бессилие бухарских толпищ пред горстью русских войск. После того бухарцы довольно долго не возобновляли своих попыток в открытом бою, но продолжали беспокоить пограничное население занятого нами края набегами мелких шаек. Эмир Сеид-Музафар под давлением сильной партии фанатичных противников всякого сближения с русскими все еще льстил себя надеждами на возвращение завоеванных нами местностей прежних его владений и даже пробовал простодушно обратиться к турецкому султану с просьбою о помощи

против России. С этою целью бухарское посольство в сентябре месяце явилось в Константинополь, но конечно, возвратилось оттуда с одними лишь сочувственными внушениями и советами.

В таком положении были дела на среднеазиатской нашей окраине в то время, когда новый генерал-губернатор туркестанский генерал-адъютант фон Кауфман выехал из Петербурга осенью 1867 года.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ ГОДА

1867 год получил в наследие от предшествовавшего года целый ряд политических вопросов, оставшихся неразрешенными. Прямыми последствиями войны 1866 года между Пруссией и Австрией было совершенное изменение относительного значения обеих этих держав, и вследствие того, — необходимость органического переустройства как Германии, так и монархии Габсбургов. Другим важным последствием той же войны были недоразумения, возникшие между Пруссией и Францией по поводу Люксембургского вопроса[312]. Франция, озабоченная внутренними своими делами и неудачным исходом Мексиканской экспедиции, в то же время считала своею обязанностью противиться окончательному объединению Италии, отстаивая светскую власть папы в Римской области, и чрез то стала почти в неприязненные отношения к Флорентийскому кабинету[313]. Великобритания была занята ирландскими делами и возраставшим мятежным движением фениян[314]. В Испании продолжались смуты вследствие сопротивления кортесов самовластию Нарваэца и сумасбродствам королевы Изабеллы[315]; влиятельнейшие личности, каковы генералы Серрано, Примм и другие члены кортесов, были в изгнании или сами бежали; все предвещало близкую революцию. Наконец, если вспомним, что на Востоке происходило сильное брожение в христианском населении Оттоманской империи, а на острове Кандии продолжались уже более полугода общее восстание и кровопролитие, то нельзя не признать, что 1867 год застал Европу в тревожном выжидании разрешения многих вопросов и в опасении нарушения мира. Сравнительно лучшая доля выпала России, которая ничем не была связана в своей внешней политике и ничего не домога-

лась, кроме устранения всяких поводов к войне на Западе и восстановления мира на Востоке.

Объединение Северной Германии под главенством Пруссии совершилось успешнее, чем можно было ожидать при начале войны 1866 года. Но очевидно было, что Пруссия не остановится на фиктивной границе по Майну. Уже в 1866 году Пруссиею заключены были секретно военные конвенции с Баденом, Вюртембергом и Баварией, а в начале 1867 года шли переговоры с Саксонией и Гессен-Дармштадтом. Южно-германские государства сами тяготели к Северо-Германскому Союзу, чувствуя, что в нем одном могли найти опору. В начале того же 1867 года последовало (12/24 января) окончательное присоединение к Пруссии эльбских герцогств (Гольштинии и Шлезвига), а в феврале собрался первый Северо-Германский рейхстаг для обсуждения проекта конституции нового Союза[316]. 4/16 апреля конституция эта была утверждена, и на другой же день рейхстаг закрыт речью короля Вильгельма, проникнутою сознанием силы и величия вновь созданного Союза.

Насколько возвысилось значение Пруссии, настолько же была принижена Австрия. Потеряв свое первенствующее положение в прежнем Германском Союзе и даже вовсе вытесненная из политического состава Германии, лишившись своих итальянских областей, монархия Габсбургов очутилась изолированною в общей политической системе Европы, с разноплеменным населением, с разбитою армией, с расстроенными финансами. Мадьяры, и прежде не переносившие с покорностью немецкого над собою владычества, теперь подняли головы, открыто воспротивились «императорскому патенту» об установлении в империи общей воинской повинности, считая этот акт нарушением прав короны Св. Стефана, и требовали полного восстановления конституции Венгерского королевства.

В эту критическую эпоху вступает в состав австрийского министерства барон Бейст, бывший прежде министром в Саксонии. Соединив в своих руках портфели императорского Двора и иностранных дел, он приобретает такое личное влияние на императора Франца-Иосифа, что убеждает его в необходимости, для спасения империи от распадения, сделать широкие уступки мадьярам, дабы приобрести в них точку опоры колеблющегося здания. 11/23 января император Франц-Иосиф, при приеме венгерской депутации, объявляет ей свою готовность восстановить

в Венгрии конституцию с особым ответственным министерством, а 24 января / 5 февраля обнародован императорский декрет о созвании рейхсрата для обсуждения основ нового государственного устройства для обеих половин монархии по той и по другой сторонам р. Лейты. Таким образом, давнишняя мечта мадьярских патриотов — пресловутая система «дуализма» взяла окончательно верх над федерализмом. 6/18 февраля объявлено в Песте об образовании венгерского министерства, во главе которого стал граф Андраши, — тот самый человек, который во время венгерского восстания 1848 года был приговорен к виселице. Событие это возбудило в среде мадьяр восторг и ликование, зато в славянском населении Австрии произвело сильное неудовольствие и ропот. Дуалистическая система Бейста, очевидно, клонила к тому, чтоб уравновесить в империи два господствующих элемента, немецкий и мадьярский, и подавить ненавистное для немца славянское племя, дабы оно, при своем численном большинстве, не взяло когда-либо верх над немецким. Собравшиеся в Вене вожаки некоторых славянских народов Австрии постановили не посылать славянских депутатов в рейхсрат, пока в основу будущего государственного устройства не будет положена равноправность всех народностей Австрии. Несколько позже Хорватский сейм постановил формально требовать автономии для Триединого королевства, и в случае отказа в том со стороны центрального правительства, не посылать депутации на предстоявшую коронацию короля Венгерского в Песте. Вследствие этого Загребский сейм был распущен (15/27 мая). Рейхстаг открыт в Вене 8/20 мая без участия делегатов от большей части славянских областей. 27 мая / 8 июня в Песте совершилось с особенною пышностью коронование, хотя предполагавшиеся при этом празднества пришлось отменить по случаю траура в императорском семействе*. Все протесты славянских сеймов оставлены были без внимания; многие из вожаков славянского движения подверглись преследованию, в рейхсрате голоса немногих славянских делегатов терялись в преобладавшем большинстве немецких и мадьярских представителей. Барон Бейст торжествовал, — и вскоре за тем (18/30 июня) был возведен в звание государственного канцлера.

* За несколько дней до коронации скончалась от обжога эрцгерцогиня Матильда, дочь эрцгерцога Альбрехта.

Из всех славянских народностей, как всегда, выделялись поляки. Они показали готовность войти в сделку с центральным правительством, которое с своей стороны заискивало в поляках, рассчитывая на враждебные их отношения к России и русскому населению Галиции. Барон Бейст подавал полякам надежды на полное преобладание их в этой области. Такое систематическое кокетничание венского правительства с поляками и в то же время угнетение всех других славянских народностей повели к последствиям, не входившим, конечно, в расчеты барона Бейста, — к усилению взаимного сочувствия между австрийскими славянами и Россией. Та же ложная система имела влияние и на внешнюю политику Венского кабинета в делах Востока: Австрия противодействовала всякой попытке славянского населения Балканского полуострова высвободиться из-под тяжелого турецкого ига и во всех возникавших по этому случаю дипломатических вопросах поддерживала авторитет Порты. Все это способствовало явному охлаждению отношений между Австрией и Россией.

Прусско-австрийская война 1866 года, — как я уже сказал, — имела сильное влияние и на положение Франции. Император Наполеон III, разыгравший роль посредника и рассчитывавший на вознаграждение за оказанную им услугу при заключении мира, был крайне раздражен, когда убедился, что Бисмарк провел его самым наглым образом. Обольстив императора французов разными заманчивыми надеждами на расширение восточных пределов Франции присоединением Бельгии или, по крайней мере, Люксембурга, прусский министр позабыл обо всех этих приманках, лишь только достиг цели войны, и не имел уже причины опасаться вмешательства Франции в борьбу, возгоревшуюся между обеими немецкими державами. После долгих переговоров и дипломатической переписки Наполеон III ясно увидел, что Бисмарк перехитрил его, а между тем общественное мнение во Франции было в высшей степени возбуждено неожиданными успехами Пруссии и объединением Северной Германии. Притом война 1866 года выказала превосходство прусской военной системы и устройства армии. Очевидно было, что с объединением Германии образуется в руках Пруссии такая сила, против которой тогдашние вооруженные силы Франции оказались недостаточными. Наполеон имел пред глазами недавний наглядный опыт: когда он задумал было попугать Пруссию военною демон-

страцией, то оказалось невозможным собрать на Рейне более 50 тыс. войск, да и то плохо снабженных и плохо организованных. Поэтому в зиму 1866—1867 гг. принялись в Париже за обсуждение мер к увеличению и преобразованию французской армии, к приведению крепостей в состояние, соответствующее современному искусству, и т. д. Но дело шло медленно; не было ни одной личности, которая могла бы взять в свои руки столь сложную задачу. Франция не имела ни Бисмарка, ни Мольтке.

Другой удар авторитету Наполеона нанесла предпринятая им так опрометчиво Мексиканская экспедиция, окончившаяся совершенным фиаско. Возведенный французским оружием на императорский престол Мексики, австрийский эрцгерцог Максимильян очутился в безвыходном положении, имея пред собою народное восстание, не находя поддержки во французских генералах, которые позволяли себе грубое с ним обращение, он уже готов был отречься от навязанной ему короны, когда узнал, что французские войска получили приказание возвратиться в Европу. Однако ж, не теряя духа, он думал еще собрать народных представителей, дабы дать возможность самому народу высказать свои желания. Но в конце февраля, когда последние войска французские уже оканчивали посадку на суда, междоусобная война приняла опасный для императора оборот. Остававшиеся у него малочисленные войска, теснимые со всех сторон республиканскими толпами Хуареса, были окружены в Кверетаро и после упорной обороны вынуждены голодом положить оружие. Сам император Максимильян взят в плен (3/15 мая), присужден к смерти и расстрелян 7/19 июня.

Таков был печальный конец Мексиканской экспедиции, затеянной Наполеоном с тою целью, чтобы блеском оружия отвлечь общественное мнение Франции от дел внутренней политики. Цель эта не была достигнута; напротив того, новая неудача только усилила порицания императорской политики и общее неудовольствие. В начале года, ввиду предстоявшего открытия заседаний Палат, Наполеон снова озадачил публику неожиданным распоряжением: под видом расширения прав Палаты, декрет 7/19 января, предоставив ей право запросов (interpellations), с другой стороны, отменил обычные прения при открытии сессии по поводу ответного адреса на тронную речь. Нововведение это было принято холодно, с недоумением, но ближайшим последствием его была перемена министерства. Хотя Руэ остался

государственным министром, но министр финансов (Фульд) и военный (маршал Рандон) передали свои портфели: первый — тому же Руэ, а второй — маршалу Niel. Последний, получивший известность в звании начальника инженеров при осаде Севастополя, имел репутацию генерала способного и энергичного[317].

Между тем французскому послу в Берлине Бенедетти было предписано возобновить переговоры с графом Бисмарком о предположенном присоединении герцогства Люксембургского к Франции. Бисмарк уклонялся под разными предлогами от категорических объяснений. Император Наполеон, поставленный в неловкое положение пред собравшимися Палатами и в ожидании предстоявшего вскоре открытия в Париже Всемирной выставки, хвастливо выразился в своей тронной речи (2/14 февраля), что одного слова Франции было достаточно, чтобы остановить победоносную армию прусскую у ворот Вены. Ответом на эту выходку была речь короля Вильгельма при открытии Северо-Германского рейхстага (12/24 февраля): он открыто заявил то, что составляло дотоле лишь тайное стремление Пруссии — о готовившемся объединении всей Германии, вопреки условиям Пражского мирного договора[318].

Однако ж несколько дней спустя возобновились переговоры между Бенедетти и Бисмарком. Последний присоветовал Французскому кабинету вести дело прямо с Голландией и подавал надежду, что в случае ее согласия на уступку Люксембурга, Берлинский кабинет, со своей стороны, примет эту сделку как совершившийся факт (fait accompli). Ободренный таким обещанием Французский кабинет счел нужным пощупать мнение других держав[319], подписавших акт Венского конгресса и протокол 1839 года. Лондонский и Петербургский кабинеты дали ответы, благоприятные для Франции; в Вене барон Бейст завел речь о правах Австрии и о посредничестве своем в этом деле, — что вовсе не входило в виды Парижского кабинета.

В начале марта переговоры в Гааге приближались уже к желанному Франциею результату, как вдруг новое обстоятельство опять расстроило расчеты Наполеона. Вслед за бурным заседанием французского Законодательного собрания 26 февраля / 10 марта, где поднят был щекотливый вопрос о дипломатических неудачах Франции, в берлинской официальной газете 29 февраля / 12 марта опубликован заключенный еще 9/21 августа 1866 года и хранившийся дотоле в тайне договор, оборони-

тельный и наступательный, между Северо-Германским Союзом и Баварией. Этот акт уже признавался открытым нарушением Пражского договора и не мог не повлиять на переговоры в Гааге. Голландское правительство сделалось менее сговорчивым, опасаясь попасть между двух огней — Францией и Пруссией. Однако ж после многих перипетий и после прямого сношения короля Голландского с королем Вильгельмом, дело казалось уже совсем улаженным, даже появилась в газетах телеграмма из Гааги о состоявшемся 18/30 марта соглашении насчет уступки Люксембурга. Принц Оранский лично привез Наполеону письменное заявление короля Голландского о согласии его на эту уступку, а 19/31 марта французский посланник Baudin привез в Гаагу ответное письмо Наполеона. Оставалось исполнить только канцелярские формальности; самый акт уже приготовлен был к подписанию. В Париже, в самый день торжественного открытия выставки, 1 апреля (нов. ст.), ожидали с нетерпением известия о подписании важного акта, которым Франция, вступая в оборонительный и наступательный союз с Голландией, вместе с тем приобретала герцогство Люксембургское — достояние прежнего Союза Германского.

Но вдруг все изменяется. 1 же апреля / 20 марта в Берлине происходило бурное заседание Северо-Германского рейхстага, в котором один из влиятельных ораторов Бенигсен вызвал графа Бисмарка на объяснения по щекотливому вопросу о переговорах в Гааге. Бисмарк отвечал уклончиво, но показал вид, что встревожен возбуждением общественного мнения в Германии, и на другой же день прусский посланник в Гааге объявил голландскому министру иностранных дел, что заключение предположенного договора с Францией поведет неизбежно к войне. Король Голландский, который и прежде обусловливал уступку Люксембурга согласием на то со стороны Пруссии, увидел вдруг, что напрасно поверил на слово французским уверениям в том, что по этому вопросу между Францией и Пруссией уже установилось полное согласие. Оказывалось, в действительности, совершенно противное — что уступка Люксембурга не только не отвратит, но возбудит войну. Таким образом, подписание акта не состоялось.

Наполеон был раздражен до крайности и начинал уже помышлять о войне. Но военное положение Франции в то время было таково, что объявить войну было бы безрассудно. Сам

военный министр и большая часть окружавших Наполеона благоразумных людей советовали ему на этот раз смиренно перенести сыгранную Бисмарком обидную для Франции комедию. Он вынужден был последовать благоразумному совету, но не позабыл нанесенной обиды; война была только отложена. Между тем начались военные приготовления; на восточной границе происходило передвижение войск, в Военном министерстве деятельно работали над проектом новой организации французских сил*.

В апреле вся Европа была в тревожном ожидании новой войны, но везде, так же как и в самой Франции, общественное мнение было настроено совершенно в пользу мира. Для Франции война была бы гибельна. В этом случае важную услугу оказал ей Петербургский кабинет, который взял почин мирного разрешения возникшего недоразумения, предложив обсудить дело в конференции. Предложение это было охотно принято всеми державами, и 25 апреля / 7 мая открыто в Лондоне первое совещание под председательством британского министра иностранных дел лорда Стенли, из представителей больших держав при Лондонском Дворе, с участием и представителей Голландии, Бельгии и самого герцогства Люксембургского. Все державы желали хотя бы отсрочить войну, а потому общее соглашение установилось очень скоро, и 29 апреля / 11 мая уже был подписан окончательный акт, которым постановлено, что Великое герцогство Люксембургское, оставаясь в неразрывном соединении с королевством Нидерландским, изъемлется из состава Союза Германского и признается территориею нейтральной, под общим поручительством всех подписавших держав (кроме Бельгии, которая сама считается нейтральною); город Люксембург перестает быть крепостью, укрепления его должны быть срыты. Пруссия обязалась немедленно вывести из Люксембурга свой гарнизон.

Этот договор, хотя и не удовлетворил императора Наполеона и не изгладил в его памяти оскорбительной для него проделки Бисмарка, однако ж дал ему благовидное средство выйти из весьма неловкого положения и, по крайней мере, отложить войну до тех пор, когда Франция будет к ней более подготовлена.

---

* Этот проект был внесен в законодательное собрание только в конце года.

Еще с прошлого 1866 года наша дипломатия начала тревожиться опасением возникновения рокового Восточного вопроса. Война, возгоревшаяся в Центральной Европе, возбудила вновь в христианском населении Балканского полуострова мечты об освобождении от ненавистного турецкого владычества. Во главе движения стояла вассальная Сербия, давно уже домогавшаяся удаления турецких гарнизонов из сербских крепостей (Ушица, Шабац, Зворник), в особенности же из Белградской цитадели. Присутствие турецких войск в этих пунктах подавало беспрестанные поводы к столкновениям и неудовольствиям. На Сербию обращены были надежды болгар, босняков, герцеговинцев. В начале 1867 года в Болгарии формировались вооруженные части, так же как в Фесалии и Эпире. Порта должна была всюду посылать войска для усмирения волнений. В особенности же озабочивало ее продолжавшееся уже более полугода восстание на острове Кандии.

Наше Министерство иностранных дел постоянно старалось успокаивать и охлаждать неразумные увлечения наших единоверцев, и несмотря на то, славянское население Оттоманской империи не переставало рассчитывать на помощь России. Настроение это отчасти поддерживал наш молодой посланник в Константинополе генерал-адъютант Игнатьев, который сам увлекался идеями панславизма и оказывал явно покровительство вожакам славянского движения. Он давал советы сербскому правительству относительно приготовлений к войне и даже поручил нашему военному агенту в Константинополе полковнику Франкини проектировать для сербов целый план кампании. Игнатьев не скрывал от себя, что славянское восстание в Турции неизбежно вовлечет и нас в войну, он даже лелеял эту мысль и сообщил мне частным образом свои соображения по этому предмету. Как офицер Генерального штаба он охотно принял на себя руководить работами наших офицеров, командированных для съемки маршрутов и собирания сведений о разных частях Турецкой империи, преимущественно же азиатской, которая, по убеждению Игнатьева, должна была служить театром главным наших действий в случае войны. С этою целью в 1866 и 1867 гг. командированы были с Кавказа некоторые офицеры Генерального штаба, в том числе капитан Зелёный; из Петербурга отправился туда же, в Малую Азию, по собственному желанию, молодой офицер лейб-гвардии Уланского полка Скалон. Генерал Иг-

Н.П. Игнатьев

натьев вошел даже в прямые сношения с кавказским начальством по делам, касавшимся изучения малоазиатского театра войны.

Турецкому правительству, конечно, были вполне известны и настроение христианского населения Балканского полуострова, и военные приготовления Сербии. Находясь в таких трудных обстоятельствах, видя невозможность вести борьбу разом со всеми своими противниками, Порта решилась, по совету западных держав, сделать уступку Сербии, дабы отделаться от одного из противников и зато обратить большие средства для подавления

мятежа кандиотов. В феврале Порта объявила свое согласие на вывод турецких гарнизонов из сербских крепостей с тем лишь условием, чтобы турецкий флаг продолжал развеваться на них рядом с сербским и чтобы правительство сербское приняло на себя поддержание укреплений. Султан пригласил князя Обреновича приехать в Константинополь, чтобы лично объясниться о подробностях предстоявшей передачи крепостей сербским властям. В марте князь Сербский ездил в Константинополь благодарить султана за оказанную милость и был принят с большим почетом. Вслед за тем началось выступление турецких войск из белградской цитадели, которая 6/18 апреля передана формально и торжественно сербскому правительству. Поднятие сербского флага на цитадели было приветствовано восторженною радостью народа.

Таким образом, со стороны Сербии Турция оградила себя, по крайней мере на известное время, и решилась принять самые энергические меры для подавления Кандиотского восстания, для чего усилить войска на острове и поручить начальство над ними Омер-паше. Впрочем, уже и в начале года турецкие силы на острове достигали 48 тыс. человек (в том числе 12 тыс. египтян и 3 тыс. албанцев). Инсургенты, несмотря на свою малочисленность, упорно держались против превосходных сил противника, и хотя в турецких известиях беспрестанно заявлялось о небывалых победах над мятежниками, однако ж в действительности в большей части стычек турецкие войска терпели неудачи; подвиги их ограничивались разорением края и жестокими истязаниями безоружных жителей. Крестьяне спасали свои семьи в горных пещерах или старались по возможности отправлять их в Грецию на судах, смело проскользавших сквозь линию блокады турецкого флота. Два небольшие парохода отважно поддерживали сообщение острова с греческими берегами, подвозили оружие, запасы, волонтеров, стекавшихся на подмогу кандиотам, и увозили семейства их. Русские военные суда (фрегат «Генерал-адмирал» и пароход «Тамань») под начальством капитана 1-го ранга Бутакова (Ивана Ивановича) по распоряжению русского правительства также спасали семейства кандиотов от свирепства турок. Порта жаловалась на содействие, будто бы оказываемое восстанию со стороны России и еще более Греции, допускавшей у себя формирование шаек волонтеров и отправление их на остров с оружием и запасами. Посланник наш в Константинополе

заявлял Порте, что Россия не может оставаться равнодушною свидетельницею жестокого образа действий турок на острове, гибели женщин, детей и стариков. Генерал Игнатьев предполагал даже устроить на котором-либо из ближайших к Кандии островов нейтральный лазарет для помощи раненым и больным, но Порта решительно воспротивилась этой гуманной мере.

Петербургский кабинет не переставал с настойчивостью вести переговоры с другими державами о принятии коллективных мер к прекращению кровопролития на острове Кандии, и в этом отношении надобно отдать справедливость князю Горчакову, что сначала он вел дело с большою энергией, насколько это было совместимо с твердым намерением не доводить дела до войны. Русский вице-канцлер продолжал советовать Порте уступить Кандию Греческому королевству и внушал другим кабинетам мысль, что одною только этою уступкой возможно удовлетворить кандиотов и исправить ту вопиющую несправедливость, которая была в отношении к ним оказана Европою после войны за освобождение Греции[320]. Но Порта все успокаивала европейские кабинеты обещаниями мнимых реформ и в то же время уверениями в скором подавлении мятежа. По этому поводу князь Горчаков откровенно высказал турецкому поверенному в делах в Петербурге (Коменос-бею), что Порта напрасно обольщает себя, что она должна считать остров Кандию потерянным для Турции, что после полугода ожесточенного кровопролития примирение немыслимо и что сама Турция немного потеряет, отказавшись от обладания островом, которого удержать за собою она не в состоянии*.

Петербургский кабинет в это время старался сойтиться с парижским по кандиотскому делу. Наполеон III не прочь был разыграть на Востоке роль покровителя христиан, но в то же время не желал отступить от традиционной политики Франции и Англии — охранения целости Оттоманской империи. Французский министр иностранных дел маркиз де-Мутье поддерживал мнение, что для успокоения христианского населения Турции достаточно настоять на точном исполнении реформ, обещанных самим султаном в известном Гати-гумаюне 1856 года[322]. Наше же правительство доказывало несостоятельность всех

* Депеша князя Горчакова к посланнику в Берлине Убри от 18 февраля 1867 г.[321]

актов 1856 года, которые князь Горчаков сравнивал с просроченным векселем*. Впрочем, правительство французское более других показывало в это время готовность содействовать России в энергическом давлении на Порту, чтобы побудить ее если и не к уступке острова, то по крайней мере к прекращению кровопролития и к отправлению на остров европейской комиссии для исследования на месте истинных поводов к упорному сопротивлению кандиотов, для опроса желаний и требований населения. Французское правительство согласилось обратиться к Порте коллективною нотой в означенном смысле, даже приняло на себя редактировать эту ноту и склонить другие кабинеты к совместному действию. При открытии Законодательного собрания 2/14 февраля император Наполеон в своей речи, говоря о восточных делах, выразился в том смысле, что «Россия, одушевленная примирительными намерениями, расположена *не отделять* своей политики на Востоке от политики Франции...» По поводу этих слов в «Journal de St.-Pétersbourg» (7 февраля) была напечатана заметка, что Россия нисколько не изменила своей всегдашней политики на Востоке, а если *теперь* эта политика сделалась согласною с французскою, то значит Франция усвоила себе политику, более соответствующую интересам христиан[324].

Из других держав Пруссия и Италия показывали готовность поддержать ту же благоприятную для христиан политику. Напротив того, Австрия явно выказывала свое нерасположение к христианскому населению Турции и поддерживала Порту, советуя крутые меры для подавления всяких поползновений христиан к освобождению от турецкого гнета, в особенности же относительно сопредельного с Австриею славянского населения Балканского полуострова[325]. Взгляд этот высказан откровенно в циркуляре барона Бейста, который, согласно мнению французского министра иностранных дел, предлагал только настаивать на точном исполнении Гати-гумаюна 1856 года, — а дабы побудить и Петербургский кабинет к тому же взгляду, намекал на возможность некоторых изменений в самом трактате Парижском, в тех именно статьях его, которые были направлены против России[326]. Однако ж Петербургский кабинет не поддался на эту ловушку.

---

* Депеша к барону Будбергу 27 февраля 1867 года[323].

Что касается до Лондонского кабинета, то он положительно держал сторону турок и противился всяким коллективным мерам Европы, даже в смысле нравственного давления на Порту. На все настойчивые усилия князя Горчакова склонить Англию к единодушному действию в видах прекращения кровопролития и жестокостей на острове Кандии британское министерство отвечало, что не видит необходимости неотлагательных мер со стороны Европы в ожидании результата предстоявших решительных действий Омер-паши. Притом тогдашнее министерство в Англии не считало себя достаточно прочным, чтобы предпринять какие-либо переговоры, которые могли бы связать дальнейшую политику Англии на Востоке. Князь Горчаков возражал английскому послу в Петербурге сэру Андрью Буханану, что дело не терпит отлагательства и что если Англия откажется присоединиться к общему настоянию других держав о прекращении кровопролития, то на ее ответственность падет каждая лишняя капля проливаемой крови*.

В то же время князь Горчаков препроводил ко всем представителям России за границей составленную в Министерстве иностранных дел меморию[328], в которой доказывалась неудовлетворительность реформ, обещанных Портою Гати-гумаюном 1856 года, а несколько спустя (в апреле) в другой мемории были подробно изложены соображения Петербургского кабинета о том, какие реформы могли бы удовлетворить христианское население Турецкой империи и обеспечить на будущее время спокойствие на Востоке[329].

После долгих объяснений, письменных и словесных, Французский кабинет наконец склонил Австрию присоединиться к редактированной маркизом де-Мутье коллективной ноте, так что в апреле эта нота была предъявлена Порте от имени пяти держав: России, Франции, Пруссии, Австрии и Италии. В ноте требовалось немедленное прекращение кровопролития и основательное исследование на самом острове истинного положения дел с опросом желаний самого населения[330]. Но Порта, как и следовало ожидать, ободренная образом действий Англии и рассчитывая на ее поддержку, наотрез отказалась исполнить требование пяти держав, объяснив с самонадеянностью, что причины восстания на острове Кандии ей вполне известны и не требуют

* Депеша князя Горчакова к барону Бруннову от 15 марта 1867 г.[327]

никаких новых расследований, что продолжительность сопротивления инсургентов зависит более всего от получаемой ими поддержки извне (разумея тут Грецию и отчасти Россию) и что Порта имеет полную надежду на скорое подавление мятежа принятыми решительными мерами; за укрощением же мятежа наступит время административных реформ, необходимых для обеспечения мира и спокойствия на будущее время.

Посланник наш в Константинополе генерал-адъютант Игнатьев, как уже было упомянуто, возведен был 25 марта в звание посла. Представляясь по этому случаю султану в особой аудиенции, он произнес речь, в которой напомнил слышанные им от самого султана Абдул-Азиса при вступлении его на престол обещания, что «все его подданные, без различия племени и веры, будут предметом одинаковой его заботливости и что благоденствие их будет целью, к которой направятся все усилия турецкого правительства...» «Россия, — продолжал посол, — не преследует никаких своекорыстных видов, но связанная узами религии, племенного родства и своими традициями с большою частью подвластного скипетру султана народонаселения, Россия горячо заинтересована во всем, что может обеспечивать его благосостояние действительным образом...» В ответной речи своей султан подтвердил благие свои намерения относительно всех подданных и выразил желание укрепить дружеские отношения к России. Также и Фуад-паша в объяснениях своих с нашим послом уверял его в самых благих намерениях султана в отношении христианского населения империи.

Последующий образ действий Порты показал, как мало было искренности в этих благонамеренных речах и какое значение придавала Порта своим обещаниям.

Нельзя, однако же, не подивиться тому, как удавалось всегда Турции вывертываться из самых трудных, критических обстоятельств. Система инерции, которой она всегда держалась как в политике внешней, так и в делах внутренних, много раз выручала ее из беды, казавшейся неминуемою. В особенности она умела пользоваться разладами между противниками и обезоруживать тех из них, которых можно удовлетворить уступками сравнительно дешевыми.

Так, в начале 1867 года египетский паша, пользуясь стечением многих неблагоприятных для Порты обстоятельств, прислал в Константинополь своего министра Нубар-пашу с требованием

некоторых новых льгот для расширения автономии Египта. Султан признал необходимым удовлетворить честолюбие Измаил-паши предоставлением ему новых значительных прав в делах внутреннего управления страною фараонов, что же касается до права сношения с иностранными государствами, а также и титула «владыки Египта» (Азис-эль-Мисր), то в обоих этих домогательствах было решительно отказано.

МОСКОВСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА. ПОЕЗДКА ГОСУДАРЯ В МОСКВУ (КОНЕЦ АПРЕЛЯ И НАЧАЛО МАЯ)

В то время, когда в Париже совершалось торжественное открытие Всемирной выставки, которая своими грандиозными размерами обращала на себя внимание всего света, у нас в Москве готовилась гораздо более скромная, но тем не менее замечательная выставка — Этнографическая. Предприятие это, задуманное несколькими московскими учеными и патриотами, приняло под влиянием тогдашнего славянофильского настроения некоторый оттенок политический: выставка московская должна была, помимо прямой научной своей цели, сделаться сборным пунктом для съезда представителей разных славянских народностей[331].

Открытие выставки было назначено на Святой неделе, в присутствии самого Государя, которого ожидали в Москву по случаю предстоявшего торжественного въезда в первопрестольную столицу новобрачных: Наследника Цесаревича и цесаревны. 20 апреля, на пятый день Святой недели, Государь с Их Высочествами и с великим князем Владимиром Александровичем отправились из Петербурга по Николаевской железной дороге и в первом часу ночи прибыли в Петровский дворец (чрез Петровское-Разумовское). В свите Его Величества состояли генерал-адъютанты князь Василий Андреевич Долгоруков, граф Александр Владимирович Адлерберг, граф Пётр Андреевич Шувалов и я.

21-го числа происходил торжественный въезд в Москву. В 11 часов утра Государь, великие князья и свита сели верхом у Триумфальных ворот, откуда и началось шествие. Впереди следовал Собственный Е. В. конвой, за которым ехала цесаревна с гофмейстериной княгиней Куракиной и фрейлиной княжной

Куракиной в открытой коляске, запряженной цугом шестью лошадьми с жокеями. По сторонам экипажа ехали: с одной стороны Государь, с другой — Наследник Цесаревич, а позади — многочисленная свита. Вдоль всего пути по Тверской, по Красной площади и в Кремле до соборов с одной стороны выстроены были войска шпалерами, а с другой теснились толпы народа. Дома были разукрашены флагами, коврами, венками; мостовая усыпана цветами и зеленью. Восторженные крики «ура» сливались со звуками военной музыки. Шествие было великолепно, и встреча новобрачных действительно восторженная, вполне московская. У Воскресенских ворот шествие остановилось на несколько минут; Государь с Их Высочествами вошли в часовню Иверской Божией Матери и, поклонившись московской святыне, продолжали потом путь прежним порядком, по Красной площади, чрез Спасские ворота в Кремль. Все площадки кремлевские были густо залиты сплошными массами народа. При входе в Успенский собор Государь и новобрачные были встречены высшим духовенством с крестом и приветственною речью*, затем перешли по устланным красным сукном помостам в Архангельский и Благовещенский соборы и поднялись на Красное крыльцо. На обычный поклон царский с верхней площадки Красного крыльца густые массы народа отвечали восторженными криками, заглушавшими колокольный звон и пушечную пальбу. Процессия проследовала чрез все залы дворца, в которых были собраны депутации от разных сословий и местностей, чины военные и гражданские, дамы и проч., и проч. Вечером Москва осветилась бесчисленными шкаликами и транспарантами. Государь с новобрачными проехал в открытом экипаже по главным улицам города среди густой толпы народа, провожавшей царский экипаж неумолкавшими криками «ура».

На другой день, 22-го числа утром, происходил на Дворцовой площади развод лейб-гренадерского Екатеринославского Е. В. полка, а потом новобрачные принимали поздравления в Екатерининском зале дворца. Дождливая погода в продолжение нескольких дней сряду расстроила отчасти программу московских торжеств. По этой же причине 23-го числа, в день храмового

---

* Сам митрополит Филарет по болезни не мог встретить лично, но приветствовал Государя красноречивым письмом, которое потом было напечатано.

праздника 3-го военного Александровского училища, церковный парад происходил в самом дворце, в Георгиевском зале. Несмотря на ненастную погоду, Государь и новобрачные ездили на гуляние под Новинским; в 5 часов во дворце происходил большой парадный обед, а вечером — спектакль в Большом театре.

24 апреля, в понедельник Фоминой недели, Государь посетил Этнографическую выставку, устроенную в обширном манеже, так называемом экзерциргаузе. Подъехав в 1-м часу дня к манежу со стороны Боровицких ворот, вместе с Наследником Цесаревичем и цесаревною, Государь был встречен у входа великим князем Владимиром Александровичем как почетным председателем выставки, В.А. Дашковым, председателем распорядительного комитета, и членами этого комитета. Вслед за Государем и Их Высочествами, как разумеется, ввалилась в манеж целая толпа разных начальственных лиц и многочисленная свита, составляющая в таких случаях длинный хвост, крайне неудобный для внимательного осмотра чего бы то ни было, а тут неудобство это ощущалось в высшей степени по тесноте помещения: манеж, при всей обширности своей, едва мог вместить в себе массу разнообразных предметов, собранных отовсюду, в виде образчиков для наглядного изображения бесконечного разнообразия типов всех народностей и всех местностей империи, от алеутов и колош самого отдаленного северо-востока, до обитателей южных окраин Закавказского края. При входе в манеж глаза разбегались на пестрые группы манекенов, расположенных живописно среди столь же пестрых коллекций растений, чучел животных, изображений разных типов местности и всяких других предметов, характеризующих каждую страну. Не могу при этом не заметить, что в устройстве выставки выказывалась забота не столько о серьезном научном интересе, сколько о декоративном эффекте. Государь, а за ним все мы, составлявшие хвост, обошли всю выставку с небольшим в час времени, следовательно, не могли ничего рассмотреть основательно; это был только предварительный, поверхностный обзор. По отъезде Государя из манежа, выставка была открыта для публики.

После выставки Государь посетил митрополита Филарета, а вечером присутствовал на бале у генерал-губернатора князя Влад[имира] Андр[еевича] Долгорукова. Бал, как всегда, был блестящий и скучный; в залах было так тесно, что с трудом могли устроиться танцы.

За ненастною погодой смотр войскам откладывался день за днем. Государь по утрам объезжал разные заведения, затем к царскому обеду приглашались попеременно лица той или другой категории, а по вечерам присутствовал или в театре, или на бале.

25 апреля Его Величество посетил 1-ю и 2-ю военные гимназии, Военную учительскую семинарию и юнкерское училище. Я встретил Государя на подъезде 1-й военной гимназии (вместе с генерал-адъютантом Исаковым, главным начальником военно-учебных заведений), а потом сопровождал его и в другие заведения. Каждое из них Его Величество обходил и осматривал во всех подробностях, разговаривал с воспитанниками, осведомлялся о больных в лазаретах и везде остался вполне довольным. В этот же день он посетил и Елизаветинский женский институт.

На другой день, 26-го числа, Государь с обоими великими князьями посетил 3-е военное Александровское училище и пробыл в нем довольно долго. Обходя обширное здание, принадлежавшее некогда графу Апраксину и поступившее в казну вскоре после холеры 1830 года, когда в нем устроено было заведение для воспитания осиротевших детей, Государь припоминал, как это заведение было потом преобразовано в Александровский сиротский кадетский корпус, упраздненный в 1863 году при общем преобразовании военно-учебных заведений. Здание было значительно перестроено для приспособления его под помещение вновь открытого военного училища; приспособление это удалось вполне, так что 3-е военное училище размещено лучше и удобнее всех других. Государь, любивший припоминать факты прошлых времен, рассказывал Наследнику Цесаревичу о минувшей судьбе здания этого училища, которое Его Высочеству случилось видеть в первый раз.

После военного училища Государь вместе с Наследником заехал в Лазаревский институт восточных языков, потом осматривал старинный дом бояр Романовых, Воспитательный дом и проч. Между тем я отправился из училища в интендантский склад, в Замоскворечье, чтобы показать великому князю Владимиру Александровичу вновь устроенную обмундировальную мастерскую. Эта первая мастерская была устроена в виде опыта, под ближайшим руководством профессора Киттары.

В тот же день, 26-го числа, вечером Государь с Их Высочествами присутствовал на большом бале, данном московским дво-

рянством. К сожалению, главная великолепная зала Дворянского собрания на этот раз не могла быть открыта, по случаю производившихся в ней капитальных работ, а потому теснота на бале была невообразимая.

В следующие два дня, 27 и 28 апреля, Государь продолжал осматривать разные заведения: военный госпиталь, незадолго пред тем перестроенный и приведенный в порядок, институты, больницы и т. д. Великие князья между тем побывали в подмосковном имении графа Воронцова-Дашкова[332]. 29-го же числа Государь с великими князьями и цесаревной ездил в Троицко-Сергиевскую лавру. Для меня это был единственный свободный день, которым я и воспользовался, чтобы несколько ближе ознакомиться с подведомственными Военному министерству учреждениями, не исключая и тех, которые мне случилось уже видеть вскользь при посещении их Государем. Так же и выставку удалось мне осмотреть вторично несколько внимательнее, чем в день Высочайшего осмотра. В первые дни по открытии ее число посетителей было очень невелико, что можно приписать отчасти назначенной в то время высокой плате за вход, отчасти постоянно ненастной погоде. В день поездки Государя к Троице утром шел даже легкий снежок.

30 апреля, утром, Государь осматривал помещения судебных мест в бывшем здании московских департаментов Сената; вечером большой бал во дворце отличался блестящею обстановкой. Танцевали в Александровском зале, а в Георгиевском были накрыты столы для ужина на 900 гостей. На эстраде, устроенной вдоль боковой стороны залы и покрытой красным сукном, поставлен был царский стол, за которым сидела цесаревна и почетные гости; сам же Государь и великие князья, по старинному русскому обычаю, как хозяева, не садились за стол и обходили гостей. Бал окончился во 2-м часу ночи.

1 мая, в последний день пребывания Государя в Москве наконец состоялся смотр войскам, расположенным в городе и окрестностях, хотя и в этот день погода была не лучше всех предшествовавших дней. Смотр происходил на Театральной площади; участвовали в нем вся 1-я гренадерская дивизия с ее артиллерийскою бригадой, Нарвский пехотный полк и часть 1-й кавалерийской дивизии. В этот же день, по заведенному порядку, были объявлены награды разным лицам, и в том числе самому

генерал-губернатору князю Долгорукову, произведенному в полные генералы.

Празднества по случаю пребывания в Москве Государя и новобрачных закончились народным гулянием в Сокольниках вечером того же 1 мая. Государь, великие князья и цесаревна катались в открытых экипажах по аллеям, среди теснившегося около них народа, потом смотрели фейерверк с балкона павильона, выстроенного среди парка, слушали цыганский хор и прямо с гуляния проехали на станцию Николаевской железной дороги. В 10 часов вечера царский поезд двинулся к Петербургу.

2 мая на Колпинской станции встретила Государя императрица с великою княжной Марией Александровной, великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и с королем Греческим Георгом, прибывшим в Петербург за два дня до возвращения Государя (30 апреля). В 2 часа пополудни царский поезд подошел к платформе петербургской станции, где собрались все другие члены царской семьи, множество начальствующих лиц и офицеров; на площади пред вокзалом и вдоль всего Невского проспекта толпилась масса народа. Со станции железной дороги Государь проехал в Зимний дворец в открытом экипаже вместе с королем Греческим; императрица же — в карете, с младшими детьми; Наследник с цесаревною проехали в Аничковский дворец.

Чрез день по возвращении Государя из Москвы, 4 мая, происходил в Петербурге на Марсовом поле обычный майский смотр войскам Петербургского округа. На смотру присутствовал греческий король, назначенный накануне шефом 1-го пехотного Невского полка. Погода была свежая, но ясная, и смотр удался вполне. В тот же день вечером происходило обручение короля Георга с великою княжной Ольгой Константиновной; в те же числа по этому случаю отслужено в Греческой церкви (незадолго пред тем выстроенной) торжественное молебствие, в присутствии Государя и почти всей Императорской фамилии. Король Георг прибыл в церковь вместе с Государем; на паперти они были встречены греческим архимандритом с крестом, святою водой и приветственною речью. По окончании молебствия оба Государя так же вышли вместе из церкви и были приветствованы криками «ура» собравшейся на площади толпы народа. Великий князь Константин Николаевич, великая княгиня Алек-

Король Греции Георг I

сандра Иосифовна и невеста Ольга Константиновна принимали в самой церкви поздравления от всех присутствовавших при молебствии.

В тот же день в Зимнем дворце был большой парадный обед, за которым провозглашен Государем тост в честь жениха и невесты при пушечных выстрелах с крепости.

На другой день, в воскресение, 7-го числа, Государь и императрица, отслушав обедню в Зимнем дворце, переехали на житье в Царское Село. Наследник и цесаревна, проводив туда Их Величества, в тот же вечер отправились в путь, чрез Ригу, в Ко-

пенгаген, ко дню празднования серебряной свадьбы короля и королевы Датских (15/27 мая). Путь чрез Ригу был избран потому, что навигация в этом году открылась чрезвычайно поздно; предназначавшиеся для переезда Их Высочеств яхта «Штандарт» и пароходо-фрегат «Олаф» не могли еще выйти из кронштадтской гавани, а возвращавшаяся из Тихого океана эскадра контр-адмирала Керна (из двух корветов «Аскольд» и «Варяг» и клипера «Изумруд») получила приказание ожидать Их Высочества в Риге.

Король Греческий также отправился в Копенгаген двумя днями позже: 9-го числа, простившись с императорским семейством в Царском Селе, он проехал сухопутно по железным дорогам чрез Вержболово и Берлин.

СЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД В МОСКВЕ

Ожидаемые на Московскую этнографическую выставку славянские гости прибыли на русскую границу 4 мая в одном поезде Варшавско-Венской железной дороги в числе 62 человек. Тут были представители всех славянских народностей Австрии (кроме поляков) и несколько сербов, в том числе более известные: Браунер, Коллар, Эрбен, Полит, Главацкий, Ливчак и другие, но самые знаменитые из славянских деятелей — Палацкий и Ригер несколько запоздали и приехали двумя днями позже из Парижа прямо в Петербург чрез Берлин[333].

На самой границе (станция «Граница») славянские гости были встречены уполномоченными от Русского Варшавского общества — полковником Генерального штаба Саковичем и военным врачом Скворцовым. С этого момента начался непрерывный ряд всевозможных оваций и любезностей славянским «братьям». От границы они ехали в экстренном поезде до Варшавы; на станциях были торжественные встречи, на иных — с музыкой; в Ченстохове показывали гостям знаменитый монастырь[334]. В полночь прибыли они в Варшаву: помещение было приготовлено в Европейской гостинице, где ожидал их роскошный ужин. На другой день представители славянства осматривали достопримечательности города; в Русском собрании устроен был для них большой обед с музыкой, речами, тостами, даже стихами (сочиненными и прочтенными поэтом Бергом). Тут уже с первого же почти дня вступления славянских гостей на рус-

скую территорию высказалось настроение их: в произнесенных застольных речах говорилось не об одном лишь братстве всех славянских племен в смысле духовного и литературного единения, но проглядывала довольно явно и задняя мысль, политическая. Так, после двух речей Браунера, под конец обеда, д-р Полит (один из тех, которым австрийское правительство отказало в отпуске в Россию, и вследствие того покинувший профессорское место)[335] сказал, между прочим, по-русски, что «Россия принадлежит не одним только русским, а всему славянству, что русский царь есть царь и родственных ему славян...» После обеда гости были приглашены в театр, где опять они были предметом разных оваций. Само собою разумеется, что угощали их исключительно национальными пьесами, музыкою исключительно славянских композиторов или на народные славянские мотивы. Во время одного из антрактов славянские гости представлялись наместнику графу Бергу, который старался быть любезен, насколько допускала его германская антипатия к славянству.

Утром 6 мая славянские гости выехали из Варшавы, провожаемые восторженными криками толпы, собравшейся на железнодорожной станции. На пути от Варшавы до Петербурга их встречали торжественно; особенно же оказан им радушный прием в Вильне, где они провели день 7-го числа. В Острове, Пскове, Луге, Гатчине, Царском Селе им подносили хлеб-соль и говорили речи, так что в Петербург они прибыли только 8-го числа в 8-м часу вечера, тогда как уже с 3 часов их ожидали на железнодорожной станции толпы народа, несмотря на страшную погоду и валивший хлопьями снег. Встреченные на станции военною музыкой и криками «ура», славянские гости проехали в гостиницу «Belle-vue» (на Невском проспекте), где было приготовлено для них помещение. Впрочем, не все приехавшие поместились в этой гостинице, некоторые прибыли ранее или позже поодиночке, так что всех прибывших по случаю выставки представителей славянства насчитывалось свыше 80 человек.

Для приема их и чествования в Петербурге образовался заблаговременно (еще в марте) особый комитет под председательством городского головы Погребова из представителей города, университета, литературы, духовенства. По распоряжению комитета производился денежный сбор на расходы, составлялась программа празднеств, приготовлялось все, что только могло

способствовать удобству гостей. В числе ревностнейших амфитрионов выдавался юный меценат граф Кушелев-Безбородко. Главными представителями русского ученого мира, принявшими на себя чествование гостей, были: академик И.И. Срезневский, профессор В.И. Ламанский, А.А. Краевский, Леон[ид] Ник[олаевич] Майков, но кроме этих более или менее известных личностей явилось множество импровизованных поклонников славянства, из того разряда людей, которые готовы увлекаться всякою «злобою дня» и рады всякому случаю, выходящему из вседневной пустоты русской жизни. А приезд славянских гостей составлял в полной мере «злобу дня», предмет общего увлечения. На славян бегали смотреть, как на какую-то диковину; толпы народа целый день стояли у подъезда гостиницы «Belle-vue» или собирались у тех зданий, которые посещали славянские гости.

В продолжение пяти дней их возили каждое утро или всех гуртом, или отдельными группами для осмотра разных достопримечательностей Петербурга: в первый день, 9 мая — в Публичную библиотеку, в Казанский и Исаакиевский соборы, в Академию художеств; на второй день, 10-го числа — в Эрмитаж и Зимний Дворец; на третий, 11-го, по случаю празднования Святых Кирилла и Мефодия, они слушали обедню в Исаакиевском соборе и потом присутствовали в торжественном собрании Академии наук, причем Палацкий и Ригер в качестве членов-корреспондентов нашей Академии сидели в числе академиков; 12-го числа осматривали Горный музей, домик Петра Великого, Петропавловский собор, Монетный двор, а 13-го — судебные учреждения. После утренних разъездов гости собирались к общему обеденному столу в гостинице «Belle-vue». Все было для них даровое: и помещение, и стол, и экипажи. Гости высказывали, что такое щедрое гостеприимство превзошло все их ожидания.

11-го числа дан был в честь славянских гостей большой торжественный обед в зале Дворянского собрания. Зала эта была убрана блестящим образом с разными эмблематическими изображениями, напоминавшими исторические судьбы каждой из славянских народностей. Столы были накрыты на 650 приборов, хотя участников в чествовании гостей набралось до 1000 человек. Во время обеда играла музыка, конечно, славянские пьесы, говорилось много речей, читались стихотворения Ф.И. Тютчева

Участники Славянского съезда (слева направо):
Ковачевич, Ф.Л. Ригер, Я. Палацкий, Ф. Браунер, Я.Ф. Головацкий

и других наших поэтов; по окончании же обеда гостей угощали русскими песнями и плясками. Первая речь была произнесена министром народного просвещения графом Д.А. Толстым, сидевшим между двумя главными представителями чехов: Палацким и Ригером. В речи своей министр, конечно, ограничился общими фразами сочувствия к родственным народам, исключительно с точки зрения научной и литературной. Но того же нельзя сказать о речах самих депутатов; некоторые из них не могли воздержаться от намеков политических. Так, д-р Полит и на этот раз увлекся более других и повторил сказанное им уже в Варшаве, но еще категоричнее, — что задача России есть освобождение не одного азиатского Востока, но и Востока европейского. «Надо же наконец прекратиться господству одного племени над другим, как бы оно ни называлось: турецким, мадьярским или австро-немецким. Битва при Садовой[336] решила судьбу европейского Востока; германский мир отделился от славян-

ского. Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только мы сами, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России. Да, мм. гг., Россия теперь не только русская, но и славянская, всеславянская держава, она обладает не только материальною, но и нравственною силой. Славянская Россия не угрожает цивилизации, она идет к ней навстречу, она подготовляет в Европе братство славянской семьи. Первый шаг к этому великому подвигу — решение Восточного вопроса. Вопрос этот касается чести русского народа и великой силы русского государства. Мы, восточные сербы, надеемся, что Россия не забудет катастрофу Косова поля и скоро исполнит свою великую задачу...»[337]

Это был уже не один только намек, но прямое воззвание политическое к России. Представитель Галичины, профессор Львовского университета Главацкий был сдержаннее в своей речи, однако ж и он настойчиво высказывал, что население древней Червонной Руси, несмотря на вековой гнет иноземный, осталось и до сих пор вполне русским, преданным России и «чающим духовного сближения и единения с нею...»[338] Во всех других речах высказывалась мысль, глубоко пустившая корни, что наступило время славянским народам Австрии и Турции сбросить с себя иноземное иго и восстановить свою национальную самобытность. Присутствовавшие на обеде 11 мая сожалели, что знаменитейший из славянских депутатов Палацкий воздержался от произнесения застольной речи так же, как и с нашей стороны представитель славянской науки — академик Срезневский.

Палацкий и Ригер были приглашены 12-го числа к обеду министром народного просвещения графом Толстым, а на другой день, 13-го, был у него же большой обед для всех славянских гостей. Один вечер они провели в Мариинском театре, другой — у графа Кушелева-Безбородко, который угостил их концертом, составленным исключительно из произведений русских и других славянских композиторов, под управлением Балакирева и Воячека. Некоторые из приезжих славян были отдельно приглашаемы на вечера и балы в частные дома. Везде их ласкали, чествовали и угощали радушно. Некоторые являлись в своих национальных костюмах. Каждый выражался на своем наречии, примешивая иногда слова русские или церковно-славянского языка.

Это разноязычие оживленных бесед напоминало столпотворение вавилонское.

На 14 мая, в воскресный день, назначена была поездка славянских гостей в Царское Село и представление их Государю. В Министерстве иностранных дел нашли нужным сделать различие между представителями княжества Сербского и подданными австрийскими, хотя в строгом смысле и княжество не было государство независимое. Князь Горчаков еще 10 мая принимал исключительно пятерых депутатов княжества Сербского, причем сказал им на французском языке речь, в которой предсказывал народу сербскому могучее развитие в будущем. «Я стар, — сказал он, — и, быть может, не доживу до того, но преемники мои будут также на страже интересов сербского народа, как и я старался быть...»

14-го же числа при представлении Государю славянские депутаты были разделены на две категории: одна из них, в числе 22 человек, прибывшие из княжества Сербского, из Болгарии и те из австрийских подданных, которые прибыли в качестве депутатов от каких-либо официально признанных учреждений, присутствовали у обедни в дворцовой церкви, и по окончании службы собрались в так называемой Янтарной зале. Когда Государь вышел из церкви, в сопровождении царского семейства, депутаты были представлены Его Величеству поименно церемониймейстером князем Ливеном; каждому Государь сказал несколько слов, в особенности же оказал внимание стоявшим первыми в ряду депутатов представителей Сербии: Петроневичу — помощнику министра юстиции княжества (бывавшему уже прежде в России), Миличевичу — инспектору сербских школ, говорившему по-русски, Шафарику, так же говорившему по-русски, племяннику знаменитого чешского Шафарика[339], приезжавшему в Петербург по случаю празднования тысячелетия России и получившему в то время русский орден (Св. Анны на шею) и Теодоровичу — живописцу и преподавателю в белградской школе. Из числа же австрийских подданных Государь и императрица разговаривали с Палацким, Ригером, Политом, Смоляром и некоторыми другими. Когда Государь обошел всех представлявшихся, Шафарик выступил вперед и произнес краткую речь, в которой выразил благодарность от имени всей Сербии. Государь отвечал несколькими теплыми пожеланиями, чтобы Бог ниспослал скорее Сербии лучшую будущность. Затем,

проходя по анфиладе дворца, Его Величество остановился в зале, смежной с дворцовым театром; здесь собраны были все остальные славянские гости, желавшие видеть императора. Они приветствовали его громкими восклицаниями «слава» и «живио», а Государь сказал им общее короткое приветствие, закончив словом «до свидания». Славяне остались весьма довольны приемом Государя и императрицы. Их угостили завтраком, показывали дворец, возили по парку. Возвратясь в Петербург к обеду, они за общим столом в гостинице провозгласили тост за здоровье Государя и пропели хором многолетие Его Величеству.

15 мая, после раннего обеда, славянские гости выехали из Петербурга с экстренным поездом. В Любаки встретила их депутация от Новгорода с хлебом-солью и проводила их до Волховской станции. В Малой Вишере пришлось задержать поезд на целую ночь, вследствие какой-то остановки, случившейся с шедшим впереди товарным поездом. Невольная задержка эта дала случай к веселому ужину, за которым опять говорились речи, раздалось пение, и большую часть ночи продолжалась оживленная беседа. На другой день, 16-го числа, в Твери опять торжественная встреча, обед, тосты; те же встречи с хлебом-солью и криками «ура» на всех больших станциях до самой Москвы, куда славяне прибыли только в 10 часов вечера. Здесь ожидал их прием, если возможно, еще более восторженный, чем в Петербурге. Для чествования славянских гостей городская Дума еще 31 марта постановила образовать особую комиссию под председательством городского головы князя Щербатова и ассигновала денежные средства; Кокорев предложил отвести бесплатно в своей гостинице (или, как называлась она, «подворье») 30 номеров для дорогих гостей и сам приезжал в Петербург вместе с Ю.Ф. Самариным для приглашения славян от города Москвы. Встреча гостей на станции Николаевской железной дороги была вполне торжественная; несмотря на поздний час, масса народа, собравшаяся на станции и на площади, приветствовала славян оглушительными криками «ура». Гости едва могли даже пробраться сквозь теснившуюся около них толпу. В Кокоревской гостинице, где поместились славяне, приготовлен был ужин, который, конечно, не обошелся без речей и заздравных тостов. Первая речь была произнесена М.П. Погодиным, затем говорили Субботич, ректор университета Баршев, Ригер, профессор университета Щуровский (председатель Общества люби-

телей естествознания[340], один из главных распорядителей Этнографической выставки), затем И.С. Аксаков и, наконец, старейший из депутатов Палацкий, ни разу еще не говоривший речей в Петербурге, поднял голос, чтобы выразить благодарность от имени всех гостей за хлебосольство и радушие, оказанные с первого же шага их на московскую почву.

Славянские гости провели в белокаменной десять дней, и на все эти дни составлена была программа для разъездов их и торжеств. В первый день, 17-го числа, после поверхностного обзора Кремля, полюбовавшись с колокольни Ивана Великого общим видом Москвы, славяне поехали представиться московскому генерал-губернатору. Князь Долгоруков приветствовал их приличною речью, на которую Палацкий ответил по-чешски выражением благодарности за радушный прием. Затем славяне посетили митрополита Филарета, который встретил их длинною речью на тему духовного единения славянских братий, на что Палацкий ответил, что церковная рознь была роковым событием для судьбы многих славянских племен. Проезжая мимо Иверской часовни, славяне отслужили молебен пред чудотворною иконой и к 3 часам прибыли на Этнографическую выставку. Встреченные у входа В.А. Дашковым и членами комитета выставки, они вступили в манеж при звуках славянского марша и потом, разделившись на несколько групп, обошли все отделы выставки, выслушивали объяснения руководивших каждою группой членов комитета. На этот раз они должны были ограничиться лишь общим поверхностным обзором.

Второй день, 18-го числа, был посвящен торжественному собранию Московского университета в соединении с 18 разными учеными, литературными и художественными обществами. Славянские депутаты были приняты с подобающим почетом, при звуках оркестра. Заседание открылось приветственною к ним речью ректора университета Баршева. После него последовательно произносили речи представители разных обществ и учреждений: Щуровский, священник Иванцов-Платонов, Железнов, Бугаев, Полунин, Соколов, Григорьев, Усов, Марецкий, Лешков, Буслаев, С.М. Соловьев[341] и еще некоторые другие. Каждая речь сопровождалась рукоплесканиями и одобрительными выражениями публики, но в особенности выход на кафедру профессора Соловьева был приветствован самыми горячими восклицаниями в честь нашего историка, а когда он закончил

свою речь одушевленными похвалами заслугам Палацкого, Эрбена и некоторых других из числа присутствовавших славянских ученых и писателей, то слова эти вызвали бурю восторженных возгласов и рукоплесканий. Певчие пропели многолетие, и многие из присутствовавших вторили хору. По приглашению ректора университета некоторые из славянских депутатов всходили один за другим на кафедру: Главацкий, Палацкий, Бочаров (болгарин) и Полит говорили с одушевлением о единении славян, об общеславянской науке, о заслугах прежних сподвижников славянства, начиная с Кирилла и Мефодия. Все эти речи приветствовались криками «слава», «живио», рукоплесканиями. Заседание закончилось при звуках «Боже, царя храни».

После торжества в университете славянские гости за общим обедом в Кокоревской гостинице, в присутствии городского головы князя Щербатова, говорили с одушевлением о русском сочувствии к славянам, выражали особенную признательность находившемуся тут отцу Раевскому, который, состоя при русском посольстве в Вене, всегда относился с горячим участием к общему делу славянскому и постоянно оказывал ему поддержку. После обеда славяне присутствовали на представлении в Большом театре «Женитьбы» Гоголя и одного акта из драмы Островского «Воевода».

19-го числа славяне посетили князя Щербатова и выразили ему благодарность за гостеприимство, за радушие и почести, с которыми приняла их Москва. Князь Щербатов ответил подобающею речью. После того они осматривали Румянцевский музей, а затем чествовал их опять университет большим обедом на 200 человек. Славянских гостей рассадили вперемежку с русскими хозяевами. С половины обеда уже начались речи, заставившие большую часть присутствовавших вовсе позабыть об обеде. Первая речь была произнесена ректором университета Баршевым, замечательно неловкая и недипломатичная. «Принцип национальностей, — сказал он, — признан теперь всею Европой, зачем же не применить его к нам, славянам... Разъединение наше было причиною всех наших несчастий; несчастия наши прекратятся, когда мы соединимся. Соединимся мы, как соединились в одно целое Италия и Германия, — и имя соединенного великого народа будет — исполин!..»[342] Можно ли было сказать что-либо более неуместное и нерассудительное? И кем же сказаны подобные бестактные слова? Ректором университета,

человеком пожилым, далеко не склонным к порывам увлечения! Тем не менее слова Баршева не раз вызывали крики сочувствия со стороны присутствовавших: «правда, правда!» или «да будет!», «слава!». На ту же тему высказался и представитель Белграда, профессор Шафарик: «Быть может, немцы думают, что мысль о единстве славянства — мысль новая, что вопрос о нем поднят нами?» И затем оратор указал на целый ряд знаменитых ревнителей объединения славян, начав с древнего русского летописца Нестора, и закончил словами: «Я предлагаю тост за здравие величайшего из народов славянских и за то, чтобы народ русский, бывший доселе только русским, стал народом славянским и взял бы под свой покров прочие племена славянские...»

Однако ж не все из славянских ораторов встретили сочувственно подобный взгляд на будущие судьбы славянского мира. Против него выступил прямо Ригер, который высказал, что дело идет вовсе не о государственном объединении всех славянских племен, а лишь о сближении и общении их духовном, научном, литературном, что политическое слияние их, по примѐру Италии и Германии, даже нежелательно для самого развития их, и в заключение свел речь на пользу сближения между собою славянских ученых посредством съездов или совещаний с целью нравственного возвышения славянства общею работою для достижения духовного единства в согласном, но свободном соревновании[343].

Говорились еще и другие речи, но они уже не имели выдающегося значения. Гости долго после обеда оставались еще в университетском зале и слушали музыку.

День 20-го числа прошел в осмотре дворцов, Оружейной палаты, Патриаршей ризницы и других достопримечательностей кремлевских, а вечером славяне присутствовали в заседании Общества любителей русской словесности[344]. Следующий день, 21 мая, снова ознаменовался колоссальным пиром, устроенным от города в Сокольниках; в том же самом роскошном шатре, который незадолго пред тем был сооружен для чествования царственных новобрачных, теперь накрыты были столы на 500 человек, и кроме того, еще вне шатра на площадках поставлены были столы на 300 приборов. Посреди шатра, между столами, на возвышении, водружена была хоругвь во имя Св. Кирилла и Мефодия, под которую становились ораторы, желавшие произносить речи; стены шатра были украшены гербами и флагами

разных славянских народностей. Первым встал М.П. Погодин: в речи своей о значении Славянского съезда, он между прочим выразил сожаление о том, что в этом знаменательном собрании представителей славянства отсутствуют лишь поляки, но вместе с тем заявил надежду, что настанет время, когда поляки поймут свою неправоту и возвратятся в лоно славянского братства. Слова эти послужили богатой темой для импровизаций последующих ораторов. Ригер в длинной речи высказал ту мысль, что судьбы разных ветвей славянского племени определились совершенно различно, смотря по тому, восприняли ли они христианство чрез посредство Кирилла и Мефодия, или от итальянцев и немцев. Только получившие веру христианскую от Кирилла и Мефодия сохранили свою народность и самобытность; прочие же подпали под гнет иноземцев и утратили свою народность. Применяя это основное положение к польскому племени, оратор прямо обвинил поляков в отщепенстве, в неправоте их пред Россией и назвал их вражду к России грехом против всего славянства. На ту же тему говорил и Ю.Ф. Самарин, а князь Черкасский, со свойственными ему запальчивостью и резкостью, выступил с обвинительным актом против польского «будования» и высказал, что действительное примирение между поляками и Россией возможно только в том случае, если когда-нибудь сами поляки сознают свое заблуждение и придут с повинною головой. Речь свою князь Черкасский заключил выражением скорби о приниженном положении других племен славянских в Австрии и в особенности в Галичине. Говорили речи еще и другие ораторы: И.С. Аксаков, Браунер; Субботич прочел свое стихотворение к Москве[345]. Обед продлился таким образом до 9 часов вечера, когда некоторые из славянских депутатов торжественно, при звуках музыки, вынесли из шатра хоругвь Св. Кирилла и Мефодия и приветствовали толпившийся вокруг шатра народ. Восторженные крики «ура» слились с гимном «Боже, царя храни» в один неумолкаемый гул. Остаток дня славянские гости пробыли в Сокольниках, слушая музыку и любуясь иллюминациею.

Последние дни пребывания в Москве славянские гости провели менее шумно, они разъезжали уже не все вместе, а группами для осмотра того, что для каждого представлялось более занимательным. Так, некоторые осматривали судебные учреждения, храм Христа Спасителя (в котором еще производились

внутренние работы), монастыри, музеи и т. д. Раз обедали они в Английском клубе, а день 24 мая был посвящен поездке в Троицко-Сергиевскую лавру, где они осматривали с благоговением все достопримечательности. И тут, в монастырской гостинице, обед не обошелся без речей: говорили Главацкий, Браунер, Ригер, Погодин. После обеда славяне ездили в Вифанию[346], а по возвращении в Москву провели вечер у князя Влад[имира] Фёд[оровича] Одоевского. В другой вечер они были приглашены к А.И. Кошелеву. В свободные промежутки времени между разъездами по общей программе некоторые из славянских гостей посещали Этнографическую выставку, чтоб осмотреть внимательнее тот или другой отдел, смотря по специальным занятиям каждого. Однако ж надобно сказать, что вообще выставка, подавшая повод к Славянскому съезду в Москве, сама отошла на второй план; ее заслонили торжества и пиры с бесчисленными речами, рукоплесканиями, музыкой и всякого рода овациями иноземным гостям. Много, очень много было высказано громких фраз на разных наречиях славянских; много раз повторены были слова «братство», «объединение»; не обошлось и без политических, весьма ясных намеков; существенного же, осязательного результата никакого не осталось от этого съезда. Правда, была как-то высказана мысль об учреждении на будущее время ученых съездов славянских, о всеславянской «матице» и т. п., но и эти робкие предложения были оставлены без практических последствий.

Уже с 22 мая начали постепенно уезжать из Москвы некоторые из славянских гостей; иные по приезде в Петербург немедленно же уезжали за границу. Зато прибыли новые гости: два черногорца — воеводы и сенаторы Илья Пламенац и Пётр Вукотич, которые 24-го числа отправились в Москву. Бóльшая же часть славянских гостей возвратилась из Москвы в Петербург 27 мая и провела там еще несколько дней. Они пожелали употребить эти немногие дни на осмотр того, чего не удалось им видеть в первый приезд и что могло преимущественно интересовать каждого из них, без стеснения какою-либо общею программой. Многие посетили 30 мая Медико-хирургическую академию с Клиническим госпиталем и больницей Вилье, также и другие лечебные заведения.

Однако ж и в эти немногие дни вторичного своего пребывания в Петербурге славянские гости не избегли празднеств и ова-

ций. 20 мая приготовлен был для них праздник в Павловске с концертом, иллюминацией и ужином. Великий князь Константин Николаевич и семейство его радушно приняли славян; собравшаяся многочисленная публика встретила их сочувственными приветствиями. Ужин сопровождался, по обыкновению, тостами и речами. Предложенный Ригером заздравный тост «за русский народ» вызвал восторженные овации в честь оратора.

На другой день, 31 мая, славяне были приглашены на торжественное заседание Русского географического общества. После приветственной речи гостям прочтен был обзор деятельности Общества, а по окончании заседания завязалась беседа по некоторым вопросам, касавшимся общих интересов славянского племени. Так, некоторыми из славян затронут был, уже не в первый раз, вопрос о направлении чешской эмиграции преимущественно в Россию, вместо Америки; другие говорили о сравнительных выгодах торговых путей между Австрией и Россией[347].

Последним праздником в честь славян было приглашение их в Кронштадт 1 июня. В 9 часов утра повезли их туда на экстренном пароходе с музыкой. На Кронштадтской пристани встретил их городской голова с хлебом-солью и приветственною речью. Все утро прошло в осмотре фортов, доков, судов, мастерских, арсенала. В соборе было отслужено молебствие, и затем в Морском собрании был обед. Стены залы были разукрашены соответствующими изображениями, надписями, флагами, и на самом почетном месте опять водружена была хоругвь Св. Кирилла и Мефодия. Обед продолжался целых 3 часа; речи говорили Ригер, Полит, Браунер и другие; поэт Майков прочел свое стихотворение. С особенным восторгом принято было выраженное Политом пожелание, чтобы русский флаг снова развевался на Чёрном море, и предложенный тост за возрождение Черноморского флота. По окончании обеда хоругвь Св. Кирилла и Мефодия была торжественно вынесена из зала и с процессиею отнесена в собор, где и поставлена на хранение.

После этого последнего праздника, в течение трех последующих дней почти все гости разъехались восвояси. Они возвращались уже не в одном общем поезде, а врозь, но выезд их все-таки не обошелся без проводов с сочувственными рукопожатиями, объятиями и пожеланиями. Пред самым выездом своим, 2 июня, славянские гости выразили письменно свою признательность за оказанный им в России радушный прием всем и

каждым, начиная от самого Государя и царской семьи. В прощальном этом слове выражена была вся важность бывшего Славянского съезда и та польза, которую могут принести сближение и общение разных славянских племен в отношении образования и науки, с положительным притом устранением всяких целей политических[348].

Последнее это заявление славянских депутатов при самом прощании их с Россией не могло, однако ж, рассеять те впечатления, которые были уже произведены в Австрии целым рядом речей, произнесенных как приезжими гостями, так и чествовавшими их русскими при разных торжествах во все продолжение пребывания славян в России, начиная от Варшавы и кончая Кронштадтом. Приведенные выше неосторожные заявления некоторых ораторов совершенно выходили из круга научных и литературных задач съезда. Речи эти говорились, можно сказать, пред лицом всей Европы. Московский съезд произвел крайнее раздражение в Австрии и Германии; немецкая печать отзывалась с яростью и негодованием об овациях, оказанных в России славянским депутатам, которых прямо обвиняли в измене и предательстве. Вообще, в Европе придали этому съезду слишком серьезное значение политическое, в нем видели открытое проявление опасных замыслов «панславизма». И в самом деле, можно ли было приписать одному лишь легкомысленному увлечению все восторженные чествования славян в России и выраженные при этом нескромные надежды и желания. Если подобное необдуманное увлечение еще возможно было допустить со стороны русской публики, большинство которой не смотрело серьезно на расточаемые пред славянскими гостями неумеренные восторги, то, с другой стороны, речи самих славян, прямо обнаружившие политические их стремления, не могли быть пропущены без внимания. Посол наш в Вене граф Штакельберг в одном из писем ко мне высказывал сомнение, не решились ли многие из славянских депутатов, подданных Австрии, совсем покинуть свое отечество[349]. И действительно, некоторые из них, как говорится, сожгли свои корабли: лишенные своих мест на службе, подвергшись преследованию со стороны властей, они признали необходимым совсем переселиться в Россию. Так, почтенный профессор Главацкий поступил на русскую службу и получил место в Вильне; другой галичанин — Ливчак, редактор «Страхо-

пуда»[350], и некоторые другие из его земляков также остались в России.

Впрочем, Славянский съезд в Москве принял не случайно характер политической демонстрации: славянское население Австрии открыто выказывало неудовольствие на тогдашнее направление внутренней политики венского правительства. Вводимая в то время система «дуализма» в новом государственном статуте монархии Габсбургов произвела сильное раздражение в среде славянских племен Австрии, принесенных в жертву в угоду немцам и мадьярам. В особенности чехи стали явно во враждебное правительству положение. Одни только поляки не унывали: они вошли в компромисс с венским правительством под условием полного преобладания над русским населением в Галичине. С этого времени еще усилился антагонизм между населяющими эту страну двумя родственными племенами славянскими, чем и объясняется смысл поднятого на одном из московских торжеств вопроса насчет поляков.

Рядом с политическим движением в среде славянского населения Австрии шло сильное движение интеллектуальное. Стремление к общению между разными племенами славянскими в смысле научном и литературном проявлялось в учреждении разных обществ, в издании журналов на местных языках. В самой Вене между студентами университета образовался кружок под названием «Русской омладины». Эти скромные начинания получали негласно поддержку от нашего посольства в Вене, чрез священника Раевского, деятельно помогавшего возрождавшемуся стремлению к научному и литературному общению славян, под главенством России[351]. Возникла даже мысль о принятии всеми славянами одного общего книжного языка, именно русского. Однако ж настроение это продолжалось недолго; мы не умели или не хотели поддержать его. Славянский съезд, со всеми сопровождавшими его овациями, торжествами, громкими речами, прошел как сон, без всяких существенных последствий для будущего, за исключением разве образования Петербургского отдела Славянского благотворительного общества, основавшегося в Москве еще в 1858 году[352]. Московская этнографическая выставка, подавшая повод к славянской демонстрации, также не имела большого успеха; она была закрыта 18 июня.

ПОЕЗДКА ГОСУДАРЯ В ПАРИЖ (16 МАЯ — 18 ИЮНЯ)

На 1 апреля нового стиля (по нашему 20 марта) назначено было торжественное открытие Парижской всемирной выставки[353]. Хотя устройство ее далеко еще не было закончено к этому дню, однако ж открытие совершилось с большою пышностью лично императором Наполеоном и императрицей Евгенией. В числе присутствовавших при этом торжестве были принц Оранский, герцог Фландрский и герцог Николай Максимильянович Лейхтенбергский, который принял на себя звание почетного председателя Русского отдела выставки[354]. Несколько дней спустя (29 марта / 10 апреля) прибыл в Париж король Бельгийский, а в течение апреля последовательно приезжали на выставку король Греческий, наследный принц Уэльский, великая княгиня Мария Николаевна, принц Альфред Эдинбургский и многие другие члены владетельных Домов. В мае выставка уже приняла вполне законченный вид. 12/24 мая посетил ее наследный принц Прусский с супругой. Парижская выставка казалась не одним лишь всемирным торжеством промышленности и искусства — это было почти событие политическое. Париж сделался средоточием, куда стекались любопытные со всего света, местом съезда владетельных особ, принцев, министров и сановников. Выставка отвлекла на несколько месяцев заботы государственных людей и дипломатов от текущих дел, а вместе с тем представляла удобный случай для личных между государями и министрами соглашений по важнейшим вопросам политическим. Все государи получили от императора Наполеона приглашение на выставку и почти все заявили намерение посетить Париж, не исключая даже султана Турецкого, который, к великому удивлению правоверных мусульман, решился на беспримерный выезд из своих владений в Европу.

Но в особенности знаменательно было в политическом отношении решение нашего Государя и прусского короля Вильгельма съехаться в Париже. Свидание обоих этих государей с Наполеоном и личное совещание между министрами их: графом Бисмарком, князем Горчаковым и Руэром — подавали самые успокоительные надежды на упрочение мира в Европе. Хотя в то время жгучий вопрос Люксембургский был уже разрешен, по-видимому, удовлетворительно, однако ж отношения между

Францией и Пруссией все еще оставались натянутыми, а вместе с тем положение дел в Италии и на Востоке ежеминутно угрожало нарушением мира. Предлогов к войне найти было нетрудно, если б только Наполеон решился на войну в тех видах, чтобы отвлечь внимание Франции от внутренних щекотливых вопросов, чтобы восстановить упавший авторитет свой и упрочить свою династию[355]. Свидание российского императора и прусского короля с Наполеоном в самой столице его казалось вернейшим средством, чтобы рассеять тучи на политическом горизонте*.

16 мая в 11 часов вечера Государь выехал из Царского Села. На время его отсутствия, по прежним примерам, учреждена была «особая комиссия» под председательством великого князя Константина Николаевича, из следующих членов: великого князя Николая Николаевича, графа Влад[имира] Фёд[оровича] Адлерберга, князя П.П. Гагарина, П.А. Валуева и меня. Указ по этому предмету был подписан в самый день выезда Государя; к указу приложен был и подробный «Наказ», определявший данные комиссии полномочия и возлагавший на особенное попечение ее «предохранение государства от всего, что может явно или тайно угрожать общественному спокойствию». Все действия комиссии должны были оставаться в тайне. Кроме того, по министерствам Военному, Морскому и финансов были установлены особые временные правила ведения дел в отсутствие Его Величества.

---

* Незадолго до поездки Государя в Париж в тамошнем русском посольстве произошел неприятный случай, подавший повод к объяснениям между нашим послом и французским правительством. 24 апреля в посольство явился некто Никитченков, русскоподданный, с просьбой о выдаче ему пособия на возвращение на родину. Получив отказ, он выстрелил в секретаря посольства Бальша и других двух лиц, прибежавших на крик последнего. По приглашению посольства явилась французская полиция и арестовала преступника. Тогда возник вопрос международного права: подлежит ли преступник суду французскому или русскому? Русское правительство считало дело подсудным русскому суду, так как преступление совершено в помещении посольства и русским подданным; французское же правительство возразило, что право «экстерриториальности» не распространяется на преступников и притом, что по приглашению самого посольства следственное дело ведено французскими властями, которые, следовательно, вполне компетентны и в решении его. Петербургский кабинет согласился на это толкование, оговорив только, что тот же принцип будет впредь применяться и к дому французского посольства в Петербурге. Впоследствии суд в Париже приговорил Никитченкова к каторжным работам.

В поездке Государя в Париж сопровождали его великий князь Владимир Александрович, вице-канцлер князь Горчаков, генерал-адъютанты князь Долгоруков, граф Адлерберг 2-й, граф Шувалов, полковники Рылеев и Воейков, а при великом князе состояли генерал-адъютант граф Перовский и контр-адмирал Бок. Наследник Цесаревич, находившийся в то время с цесаревною в Копенгагене, должен был оттуда выехать прямо на Кёльн, где и съехаться с Государем.

17 мая при самом выезде Государя из пределов империи в Вержболове объявлена была новая Высочайшая милость полякам, участвовавшим в бывшем мятеже: повелено было производившиеся о них следственные и судные дела прекратить и вновь таковых не возбуждать; всем высланным из Царства Польского административным порядком разрешено возвратиться на родину, а высланным из западных губерний поселиться, если пожелают, в Царстве Польском. Исключение сделано только относительно духовных лиц, возвращение которых в Царство предоставлено усмотрению наместника[356]. Об этой новой милости сообщено было шефом жандармов графом Шуваловым министру внутренних дел из Вержболова, к немалому удивлению всех министров, так как до отъезда Государя не было и речи о какой-либо амнистии, и если решение столь важного дела внушено было Государю графом Шуваловым не во время самого пути, а заранее, до отъезда, то во всяком случае оно было принято совершенно секретно. По всем вероятиям, граф Шувалов знал, что предложенная им мера, если б подверглась обсуждению министров, вызвала бы сильные возражения и противодействие со стороны многих из них, и дело могло бы затянуться. Уместна ли была в то время новая милость полякам, замешанным в бывшем восстании, об этом, конечно, могли быть мнения различные — и pro, и contra, но во всяком случае выбор времени и места для объявления о такой милости казался крайне неудачным: он прямо указывал, что решение Государя не было актом царского милосердия, основанным на зрело обдуманных государственных соображениях, а было мерою случайною, принятою как бы в угоду Европе, для того, чтобы приготовить императору российскому более благосклонный прием во Франции. Не подлежит сомнению, что такова действительно и была цель графа Шувалова и что он сам считал придуманную им меру актом весьма тонкой политики. Но ошибочность его расчетов вскоре выказалась на

деле. Поляки не только не оценили оказанной им милости, но отвечали на нее дерзким протестом, опубликованным польскою эмиграцией, а вслед за тем покушением поляка Березовского в Булонском лесу[357].

В Эйткунене Государя встретили прусские генералы Бонин и Лоэн и полковник Швейниц, которые и сопровождали Его Величество во все время проезда его чрез прусские владения. 18 мая в 1-м часу дня на Берлинском вокзале железной дороги ожидал Государя сам король Вильгельм. Оба Государя продолжали вместе путь до Потсдама, где была приготовлена обычная парадная встреча как на станции железной дороги, так и в Дворцовом саду (Sustgarten). После семейного обеда Государь со всею королевскою фамилией присутствовал на парадном представлении в придворном театре. На другой день, 19-го числа утром, был смотр войскам Потсдамского гарнизона, и после раннего обеда Государь выехал в дальнейший путь чрез Кёльн в Париж. Король Вильгельм назначил свой выезд четырьмя днями позже.

20 мая / 1 июня Государь прибыл в Париж в 5-м часу дня с Наследником Цесаревичем и с великим князем Владимиром Александровичем. Встреча была блестящая; весь город был на ногах. На вокзале Северной железной дороги ожидал император Наполеон III с главными сановниками и властями. Оба Государя обнялись и после нескольких приветственных слов, при сочувственных криках народа, сели в открытый экипаж вместе с обоими великими князьями и проехали торжественно вдоль бульваров, по улицам de la Paix, Castillione, Rivoli, чрез колоннаду Лувра на Карусельную площадь в Тюльерийский дворец. На всем пути масса народа приветствовала русского императора. Улицы были разукрашены флагами, французскими и русскими вперемежку. После непродолжительного визита императрицы Евгении в Тюльерийском дворце Государь и великие князья, опять в сопровождении Наполеона, проехали по большой аллее Тюльерийского сада, чрез площадь de la Concorde в Елисейский дворец, где было приготовлено помещение для Государя и великих князей. У подъезда дворца выстроен был почетный караул от того самого стрелкового батальона, который два года ранее содержал караул в Ницце, во время пребывания там Государя и императрицы. В Елисейском дворце ожидали великая княгиня Мария Николаевна и некоторые из русских обитателей Парижа с графом Павлом Дмитриевичем Киселёвым во главе.

На время пребывания Государя в Париже назначены были состоять при особе его: генерал Лебёф, шталмейстер барон Бургуэнь, камергер виконт Вальш и ординарец виконт Лористон; при Наследнике Цесаревиче состоял генерал Фавэ, а при великом князе Владимире Александровиче — граф Шерзэ. Немедленно по прибытии в Елисейский дворец и покончив с приемом собравшихся русских, Государь и оба великие князья переоделись в штатское платье и поехали в русскую церковь, где было отслужено молебствие. Вечером того же дня они были в театре des Varietés, на представлении Офенбаховой оперетки «La duchesse de Heroldstein»*; в антрактах гуляли по бульвару, наслаждаясь своим incognito, как школьники, выпущенные на каникулы.

На другой день, в воскресение, Государь и великие князья, опять в штатских платьях, были у обедни в русской церкви, где собралось много русских, после завтрака присутствовали на скачках на Longchamp**, а потом ездили в Сен-Клу, чтобы взглянуть на юного наследника принца — Prince Imperial[358]. Затем происходил большой парадный обед в Тюльерийском дворце, а вечером — бал у герцога и герцогини de Mouchy (рожденной Мюрат).

22 мая Государь выехал утром ранее обыкновенного и совершенно incognito, посетил Собор Божией Матери (Notre Dame), Судебную Палату (Palais de Justice), Sainte Chopelle, старинные тюрьмы, в которых были некогда заключены жертвы революции[359]. Около полудня Государь и великие князья посетили фельдмаршала князя Барятинского (который в то время купил себе дом в Париже); завтракали у него, а потом сделали несколько визитов: королю и королеве Бельгийским, графу Киселёву, княгине Чернышевой (вдове бывшего некогда военным министром)[360]. В этот день обед назначен был у русского посла барона Будберга. После обеда к 9 часам вечера съехалось в доме посольства большое число русских обитателей Парижа, желавших представиться Государю, в том числе были многие дамы: княгини Кочубей, Оболенская, Голицына, Радзивилл, Трубецкая, графиня Бобринская и другие.

---

* «Герцогиня Герольштейн».

** Longchamp — старинный женский монастырь около Парижа, упраздненный в 1790 г. В XIX в. около монастыря был открыт ипподром.

23 мая / 4 июня Государь в 11 часов утра посетил Дом инвалидов, осматривал его во всех подробностях в продолжение около двух часов и разговаривал с ветеранами, а после полудня вместе с Наполеоном III осматривал выставку. Позже был большой парадный обед в Тюльерийском дворце, а вечером парадный спектакль в Большой опере.

Разъезжая таким образом ежедневно по городу, появляясь на общественных прогулках, в театрах, Государь везде был приветствуем парижанами сочувственно и даже с одушевлением. Правда, случилось раза два слышать в толпе возгласы «Vive la Pologne», как, например, при входе Его Величества в зал Palais de Justice, но эти возгласы были совершенно одиночные, обнаруживавшие лишь присутствие в толпе проживавших в Париже многочисленных польских эмигрантов. Подобные возгласы совершенно заглушались криками «Vive l'empereur», «vive le Tzar» и проч. В большей части тогдашних парижских газет появились сильные порицания такого нарушения приличий и гостеприимства; выражалось сочувствие к российскому императору. Лица Государевой свиты и вообще русские мундиры везде были встречаемы с уважением и почетом.

24 мая / 5 июня в 5-м часу пополудни прибыл в Париж король Прусский. В свите его находились граф Бисмарк, генералы Мольтке и Тресков и посол прусский при французском Дворе граф Гольц. Встреча королю Вильгельму была приготовлена совершенно такая же, как и в день приезда императора Александра: так же, как тогда, в вокзале железной дороги ожидал император Наполеон с блестящею свитой. Приехал в вокзал и наш Государь с великими князьями; прусский же наследный принц с своею супругой встретили короля Вильгельма в Компьене и приехали в Париж вместе с ним. Несмотря, однако же, на сходство внешней обстановки обоих приемов, по свидетельству очевидцев, далеко не было одинаково одушевление, с которым население парижское встречало обоих монархов. Французы, встречаясь с пруссаками, обращались с ними как-то сдержанно, без радушия. Помещение королю было приготовлено в самом дворце Тюльерийском, в павильоне Марсанском, граф Бисмарк и другие лица королевской свиты поместились в доме прусского посольства. Король, прибыв вместе с Наполеоном в Тюльери, посетил императрицу Евгению, а затем приехал в Елисейский

дворец с визитом к русскому императору. Оба Государя и принцы обедали в Тюльерийском дворце.

На 25 мая / 6 июня назначен был большой смотр французским войскам на Longchamp. До 60 тыс. человек всех родов войск выстроилось огромным квадратом вокруг трибун, устроенных для императрицы Евгении, принцесс, придворных дам и публики. Несметные толпы народа теснились кругом, в аллеях Булонского леса и в улицах, по которым ожидали проезда иностранных государей. Погода была превосходная, и смотр прошел блистательно. По окончании же его, часу в 5-м, Государь возвращался вместе с императором Наполеоном и обоими великими князьями, а за ними во втором экипаже ехали король Прусский с императрицею Евгенией. Оба экипажа конвоировали конные гвардейцы и шталмейстеры верхом. В аллеях Булонского леса по обеим сторонам теснилась масса народа, впереди ехавшие экипажи задерживали движение императорского поезда, так что на одном из перекрестков аллей Наполеон приказал свернуть в сторону по такой аллее, по которой можно было проехать свободнее; второй же экипаж с императрицею и королем Вильгельмом взял прямейшую дорогу к Тюльерийскому дворцу. Едва только первый экипаж двинулся по новому направлению, как подбегает к нему вплоть неизвестный человек с револьвером в руке и мгновенно раздается выстрел. Ехавший сбоку экипажа шталмейстер Рембо едва успел своею лошадью оттолкнуть злодея, покусившегося на жизнь Государя. К счастью, никто в экипаже не был ранен; пистолет, заряженный, как потом оказалось, кусками свинца вместо пуль и слишком большим зарядом, разорвало в руке злодея и оторвало ему палец, осколком ранило в морду лошадь шталмейстера и одну женщину, стоявшую на противоположной стороне аллеи. Злодей был немедленно схвачен и чуть не растерзан народом, так что полиции немалого стоило труда вырвать его, полуживого, из рук рассвирепевшей толпы. Он оказался поляком Березовским, одним из числа эмигрантов, получавших от французского правительства субсидии. Впоследствии выяснилось*, что он родом из Волынской губернии и в молодых еще летах бежал из родительского дома в шайки мятежников, а потом за границу.

---

* Первые допросы Березовскому произведены были в присутствии графа Шувалова.

Вторичное это покушение на жизнь Государя, царя-освободителя, произвело повсюду взрыв негодования и возбудило сильное раздражение в самих парижанах, которые как будто устыдились такого гнусного нарушения гостеприимства. Они всячески старались загладить его, удвоив овации и восторженные заявления пред русским императором. Прежнее сочувствие к полякам обратилось в озлобление против них; русские же, напротив того, встречали везде и во всех слоях населения самый сочувственный прием.

После случившегося в Булонском лесу происшествия Наполеон проводил Государя в Елисейский дворец, куда вслед за тем прибыли король Прусский и наследный принц. В тот же день множество русских и иностранцев приезжало туда, чтобы расписаться в книге посетителей. Вечером Государь был на бале в русском посольстве. За ужином Наполеон провозгласил тост за спасение жизни русского императора.

На другой день, 26-го числа утром, Государь принимал у себя приезжавших с поздравлениями французских министров, сановников, иностранных принцев, а потом присутствовал при торжественном молебствии в русской церкви. Толпы народа ожидали русского царя в улице de la Croix и приветствовали его сочувственными криками; на паперти церкви встретили его собравшиеся во множестве русские обитатели Парижа, к молебствию приехал и Наполеон с императрицей Евгенией, прусский король с наследным принцем и принцессой, другие иностранные принцы, некоторые из высших лиц правительства и Двора. Молебствие служил о. Васильев. По окончании церковной службы собралось в Елисейском дворце многочисленное общество; Государь приветливо разговаривал с посетителями и рассказывал подробности вчерашнего происшествия.

В то же время Законодательное собрание в заседании своем публично выразило свое негодование по поводу злодейского покушения в Булонском лесу. Со всех сторон Государь получал поздравительные телеграммы. Также императору Наполеону подносились адресы и присылались телеграммы с заявлением негодования по поводу случившегося покушения и поздравлениями с благополучным исходом. В таком же смысле отозвались почти все парижские газеты, за исключением разве немногих отъявленных органов крайних партий. Даже и со стороны некоторых коноводов польской эмиграции появились заявления о

том, что польская нация не должна считаться солидарною с тем злодеем, который так позорно злоупотребил гостеприимством Франции.

В Петербурге известие о покушении на жизнь Государя получено было поздно вечером того же 25-го числа и быстро разнеслось по всему городу. На другой день в 11 часов утра великий князь Константин Николаевич собрал нас, членов «особой комиссии», и назначил в тот же день экстренное заседание Государственного совета сейчас после молебствия в Исаакиевском соборе. На молебствие съехались все власти, представители всех ведомств, учреждений и сословий, весь дипломатический корпус, а на площади пред собором толпился народ. Заметно было большое одушевление, и громко высказывалось негодование против поляков. Многие скорбели о намерении Государя на возвратном пути из Парижа посетить Варшаву. Чины Свиты государевой в соборе окружили меня и просили телеграфировать Его Величеству от имени всех, что и было мною исполнено немедленно после молебствия. В Государственном же совете был составлен и подписан протокол о поднесении Государю поздравительного адреса. Город, не ожидая никакого распоряжения полиции, украсился флагами, а вечером иллюминовался.

В течение дня было испрошено у Государыни императрицы назначение дня и часа для приема лиц, желающих принести Ее Величеству поздравления. В тот же вечер получены из Парижа ответные телеграммы на все посланные утром поздравления. Независимо от телеграмм, я отправил с очередным фельдъегерем 27-го числа письма к самому Государю и к графу А.В. Адлербергу. Согласно с полученными от императрицы приказаниями, 27-го числа ездили в Царское Село только князь П.П. Гагарин, П.А. Валуев и я; всем же прочим был назначен прием в Царскосельском дворце на следующий день, в воскресение. Съехалось множество лиц, и со всеми императрица обошлась с обычною своею приветливостью. Затем, 29-го числа, Ее Величество принимала дипломатический корпус: испанский посол герцог д'Оссуна, как старейший из представителей иностранных держав, принес поздравление от имени всех своих коллегов*. Представлялись и дамы дипломатического корпуса с блестящею герцогинею д'Оссуна во главе.

---

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

Во всей России известие о покушении 25 мая произвело сильное впечатление; везде служили молебствия, отовсюду присылались телеграммы как на имя самого Государя в Париж, так и Государыни императрицы. Под влиянием первого тяжелого впечатления высказывалось общее желание, чтобы Государь ускорил свое возвращение в Россию. Однако ж он твердо решил не сокращать ни на один день своего пребывания в Париже и не отступать от предначертанного маршрута. Граф А.В. Адлерберг в письме ко мне от 1 июня[361] писал, что все попытки отклонить Государя от поездки в Варшаву остались напрасными, он даже не согласился сократить продолжительность своего там пребывания.

В Париже Его Величество оставался до 30 мая и продолжал по-прежнему всякое утро делать прогулки или осматривать то, что преимущественно обращало на себя его внимание в столице Франции. 27-го числа ездил он запросто вместе с императором Наполеоном на выставку и осматривал любопытный музей египетский[362]. 28 мая оба Государя с императрицей Евгенией, королем Прусским, великими князьями и принцами сделали прогулку в Версаль, осматривали там дворец, парк, завтракали в Трианоне, а на возвратном пути заехали в Сен-Клу, чтобы вторично навестить императорского принца, который в то время был болен. Утро же 29-го числа было употреблено Государем на осмотр некоторых парижских больниц и казарм. Его Величество пожелал ознакомиться с внутреннею, домашнею обстановкой французских войск и в сопровождении Наследника Цесаревича и генерала Лебёфа приехал в 11 часов утра в казарму, называемую именем Наполеона и занятую в то время 14-м и 25-м пехотными полками. Жители окрестных кварталов толпились пред воротами казармы и на пути русского императора, приветствуя его сочувственными криками «Vive le Tzar». Еще более одушевленное приветствие встретил Государь на самом дворе казармы, на котором были выстроены войска. Государь прошел по фронту их, разговаривал с начальниками и затем обошел казармы, вникая во все подробности. Французы были вполне очарованы приветливым обхождением и внимательностью русского царя. При отъезде его из казармы раздались самые одушевленные восклицания солдат и народа. В госпиталях он также оставил самое сочувственное впечатление.

По вечерам в те дни, когда не было никаких официальных чествований, Государь и великие князья пользовались свободными часами и доставляли себе развлечение, посещая в строгом incognito парижские театры и общественные гуляния. Эти редкие для них развлечения частной жизни доставляли им, конечно, более удовольствия, чем роскошные и блестящие балы, которые давались в честь царственных гостей: 27-го числа — от города в Hôtel de ville, а 29-го — в Тюльерийском дворце. Бал 27-го числа отличался своими колоссальными размерами: до 8 тыс. человек теснилось в залах старинного здания, которого фасад был ярко освещен газом. Масса народа в улице Риволи и на площади пред Hôtel de ville сочувственно приветствовала иностранных государей, когда кортеж из придворных карет, конвоируемых конными гвардейцами, следовал по означенной улице и остановился под временным навесом, устроенным пред входом в здание. Городской префект Гаусман, со всеми членами городского совета, встретил Государей при входе. Когда же царственные гости вошли в залы, в густой массе наполнявшей их публики раздались, вопреки обычаю, одушевленные «виваты». Бал устроен был на славу; в промежутках между танцами играл превосходный оркестр и пели лучшие артисты. К ужину Государь и принцы были приглашены в отдельный зал и разъехались во 2-м часу ночи, но танцы продолжались до утра.

Другой бал — в Тюльерийском дворце 29-го числа — был также блистателен; гости с балкона любовались изящно иллюминованным садом с его прудами и фонтанами. В числе царственных особ на этом бале появился приехавший накануне вечером наследный принц Итальянский Гумберт.

30 мая, в день, назначенный для выезда Государя из Парижа, Его Величество принимал утром французских министров, маршала Канробера, сенского префекта и префекта полиции. Государь выразил им свое удовольствие и благодарил за радушный прием, сказав при этом, что Франция оставит в его памяти самое приятное воспоминание. Около полудня прибыли в Елисейский дворец император Наполеон с императрицей Евгенией для поездки вместе в Фонтенбло. Этою поездкой и закончилось десятидневное пребывание Его Величества в столице Франции. В 7 часов вечера назначен был выезд Государя и великого князя Владимира Александровича из Парижа на Страсбург и Штутгардт. Император Наполеон, императрица Евгения, король

Вильгельм, наследный принц Прусский и другие принцы, окруженные многочисленною свитой, собрались на вокзале Восточной железной дороги и дружески простились с царственным гостем. Состоявшие при Государе генерал Лебёф, камергер Вальш и другие лица сопровождали Его Величество до самой границы.

Наследник Цесаревич остался в Париже до следующего утра и отправился по Северной дороге чрез Кёльн в Данию. 1/13 июня Его Высочество был встречен в загородном дворце Фреденсборг королем Датским, цесаревною Марией Фёдоровной и прочими особами королевской семьи.

Король Прусский с наследным принцем выехали из Парижа 2/14 июня*. Император Наполеон также простился с ними на станции железной дороги. Вслед за тем в Париж начали съезжаться другие высокие гости: 4/16 июня приехал великий герцог и великая герцогиня Баденские и в тот же день — вице-король Египетский Измаил-паша.

Пребыванием своим в Париже и оказанным приемом Государь остался весьма доволен. Разумеется, роздано было немало русских орденов: всем генералам, командовавшим на смотру 25 мая, пожалованы были ленты: дивизионным — Анненские, бригадным — Станиславовские. Министр иностранных дел получил только Станислава 1-й степени. С другой стороны, и лица русской свиты получили знаки Почетного легиона: граф Адлерберг — Большого Креста, граф Шувалов и Перовский — Большой офицерский, прочие — низших степеней. Фельдмаршалу князю Барятинскому также пожалован орден Большого Креста. Лично Государь оставил в памяти парижан самое выгодное впечатление. Французы сравнивали обходительность и любезность русских гостей с натянутою чопорностью пруссаков.

В политическом отношении посещение Парижа русским императором не осталось без последствий. Князь Горчаков имел несколько совещаний с графом Бисмарком, с первым министром французским Руэ и министром иностранных дел маркизом де-Мутье, с послами: английским — лордом Коулэй, и австрийским — князем Меттернихом. По поводу этих совещаний граф Адлерберг, в приведенном выше письме от 1 июня из Штутгардта, писал мне между прочим: «Кажется, можно быть

---

* Принцесса Прусская выехала еще 26-го числа.

уверенным, что дело на этот раз уладилось между французами и пруссаками, благодаря инициативе и личному вмешательству Государя. Невольно опять родится вопрос: надолго ли?..»[363] Во всяком случае, на первое время устранены были опасения войны между Франциею и Германией, а следовательно, главная цель была достигнута. Относительно же восточных дел совещания не привели к желанному общему соглашению: Англия попрежнему отклонила всякое участие в коллективном давлении на Порту для прекращения длившегося уже более года кровопролития на острове Кандии. Австрия также отказалась присоединиться к новой коллективной ноте, которою Россия, Франция, Пруссия и Италия обратились (4/16 июня) к Порте в виде последней попытки приостановить, по крайней мере, опустошение острова и истребление геройского его населения. Нота эта была получена в Константинополе именно в то время, когда султан собирался к отъезду, назначенному на 10/22 июня, в сопровождении Фуада-паши и многочисленной свиты. Дипломаты рассчитывали на то, что поездка султана в Западную Европу представляла благоприятный случай, чтобы побудить Порту к большей уступчивости в кандийском деле. Однако ж они совершенно ошиблись в этой надежде. Настояния Европы побудили султана еще настойчивее требовать от Омер-паши скорейшего подавления мятежа. С нетерпением ожидалось в Константинополе донесение об окончательном усмирении острова, дабы к приезду султана в Париж щекотливое это дело Кандии считалось поконченным и забытым. Желания эти не сбылись: все усилия Омер-паши оставались безуспешными, кандиоты долго еще продолжали сопротивление и по временам даже наносили поражения превосходному в силах неприятелю. Турки вымещали свою злобу, разоряя беззащитные деревни, уничтожая посевы, совершая всякие жестокости, от которых семейства инсургентов искали спасения на русских судах, перевозивших их сотнями и тысячами на берега Греции. Донесения капитана 1-го ранга Бутакова[364] представляли раздирающую сердце картину бедствий целого народа, в то время как султана чествовали в Париже, Лондоне и Вене.

Государь на возвратном пути из Парижа вместе с великим князем Владимиром Александровичем провели три дня в Штутгардте у королевы Ольги Николаевны, а 4 июня утром прибыли

в Потсдам. На станции железной дороги была обычная встреча. После обедни в русской церкви Государь и великий князь провели весь день в королевской семье. На другой день утром в честь Его Величества происходил смотр войскам, а вечером Государь с великим князем выехал из Берлина на Бромберг и Торн в Варшаву.

Между тем императрица Мария Александровна, предприняв путешествие в Крым, с младшими детьми великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и великою княжной Марией Александровной*, выехала 4-го числа из Царского Села и прибыла в Варшаву 5-го числа вечером, а на другой день утром выехала навстречу Государю до Скерневиц. 6 июня Их Величества прибыли вместе в Варшаву и остановились в Бельведерском дворце. В тот же день они посетили православный собор, затем произведен смотр войскам на Макатовском поле. Как вечером 5-го числа при въезде императрицы, так и 6-го и во все последующие пять дней пребывания Их Величеств в Варшаве улицы города кишели народом, и везде появление Государя вызывало восторженные крики. Дома были украшены флагами, вензелями, коврами, гирляндами, а по вечерам город был иллюминован. Граф Адлерберг, извещая меня о такой блестящей обстановке, приготовленной графом Бергом, отзывался, однако же, несколько скептически о действительном настроении поляков и не доверял искренности наружных демонстраций[365].

Каждый день Государь присутствовал на учениях собранных в Варшаве войск: 7-го числа после общего приема разных чинов происходило учение 3-й гвардейской пехотной дивизии; 8-го — учение всей кавалерии, 9-го — двухсторонний маневр, а 10-го — стрельба артиллерии. Всеми войсками Государь был чрезвычайно доволен. После учений он обыкновенно объезжал разные заведения; к обеду приглашались высшие лица местной администрации и военные начальники, а 8-го числа дан большой обед в Лазенковском дворце. По вечерам Государь и великий князь посещали театр, а 9-го были на большом бале в Русском собрании.

Во время пребывания Государя в Варшаве объявлена новая царская милость полякам: указом 8/20 июня повелено прекра-

---

* В то время великий князь Алексей Александрович, выехавший из Царского Села 16 мая (в самый день выезда оттуда Государя), путешествовал на юге России и в Средиземном море.

тить все дела по конфискации имений участников бывшего мятежа, и не только не налагать вновь конфискаций, но и освободить те из конфискованных имений, которые до того времени еще не были переданы в казенное управление. Этою новою милостью, как бы в дополнение к указу 17 мая[366], выражалось желание Государя окончательно сгладить все следы последнего восстания и вместе с тем показать, что преступный выстрел Березовского не произвел никакого влияния на милостивое расположение императора к целому народу польскому. Другим указом от того же 8/20-го числа возлагалось на наместника царского представить на Высочайшее утверждение предположения о средствах к облегчению положения тех из служивших в разных управлениях Царства Польского, которые остались за штатом, вследствие упразднения многих из прежний учреждений, существование которых уже не согласовалось с принятым тогда планом постепенного слияния Царства Польского с империей. В этом отношении сделан был уже значительный шаг*. Несмотря на то, что главный деятель в этих преобразованиях сошел уже со сцены[368], несмотря и на противодействие многих влиятельных лиц, начиная с самого наместника[369], приведение в действие принятого плана подвигалось вперед неуклонно, благодаря настойчивому требованию самого Государя, в убеждении которого основные начала этого плана укоренились твердо. Все мелкие интриги наместника и других лиц, не сочувствовавших «русификации» Польского края, могли только замедлять ход преобразований, вводить кое-какие частные аномалии в решении текущих дел, не совращая, однако же, дела с предначертанного пути.

10/22 июня в 5 часов пополудни императрица с великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и великою княжной Марией Александровной выехали из Варшавы по Варшавско-Венской железной дороге на Львов и Черновицы, откуда предстояло ей переехать далее в экипаже чрез Кишинёв до ближайшей станции Раздельной Одесско-Балтской железной дороги. Государь, проводив Ее Величество до Скерневиц, возвратился в Варшаву и в тот же день в 8 часов вечера также выехал оттуда по железной дороге на Белосток. Великий же князь Влади-

* В течение 1867 года упразднены: Государственный совет Царства (10 марта), Совет управления (3 июня), Главные комиссии: финансов (28 марта), народного просвещения (15 мая) и внутренних дел (20 июля)[367].

мир Александрович, по совету врачей, отправился из Варшавы в Эмс лечиться от хронического кашля. На пути он заехал в Берлин, чтобы принести лично благодарность королю Вильгельму за назначение Его Высочества шефом одного из прусских гусарских полков (Тюрингенского № 12).

Государь, прибыв в Белосток в ночь с субботы на воскресение, утром 11-го числа посетил Девичий институт, где слушал обедню, потом собор и произвел смотр войскам. К полуночи того же дня Его Величество прибыл в Вильну, где провел два дня: 12-го числа посетил православный собор, произвел смотр войскам и осматривал некоторые заведения; к царскому обеду приглашены были начальствующие лица. На другой день, 13-го числа, происходил общий прием во дворце. Потом учение войскам, и после раннего обеда Его Величество выехал из Вильны. 14-го числа утром в Динабурге Государь произвел смотр расположенной там пехотной дивизии и в тот же день в 12-м часу ночи прибыл в Ригу. Несмотря на поздний час, встреча была здесь блистательная и с особенным местным отпечатком: на сцену явились и оригинальная средневековая городская стража, конная и пешая, и пожарная команда из добровольцев-горожан, и цехи со своими значками, и общество стрелков, и общество пения (Singverein) и традиционный Fakelzug*.

В Риге Государь пробыл три дня. 15-го числа утром был в замке общий прием чинов, гражданских и военных, духовенства, представителей дворянства всех трех прибалтийских губерний[370], купечества и города. При этом Государь произнес речь, не лишенную некоторого политического значения при тогдашних отношениях прибалтийских немцев к общим государственным мерам, которые принимались правительством. Надобно заметить, что не далее как за несколько дней до своего приезда в Ригу, именно 1/13 июня, Государь утвердил Положение Комитета министров о подтверждении указа 3 января 1850 года, которым было поставлено в обязанность всем коренным учреждениям в прибалтийских губерниях вести все делопроизводство на русском языке[371]. Постановление это, как и многие другие, утвержденные верховною властью относительно Прибалтийского края, оставались мертвою буквой; немецкие бароны и бюргеры умели мастерски уклоняться от исполнения самых положитель-

---

* Факельное шествие (*нем.*).

ных распоряжений высшего правительства, считавшихся посягательством на автономию и привилегии потомков меченосцев. Так, все старания правительства побудить молодежь в том крае к изучению русского языка разбивались о твердыню немецкого упорства. В 1867 году вновь предпринято было усилить преподавание государственного языка в учебных заведениях прибалтийских губерний и учредить в Риге особую русскую гимназию. И на этот раз едва ли можно было ожидать большего, чем прежде, успеха ввиду систематического сопротивления всякой общей правительственной мере со стороны немецкого меньшинства, в руках которого были сосредоточены все власти в крае: административная, полицейская и судебная. Всегдашнее это противодействие немецкого правящего класса в прибалтийских губерниях было, конечно, небезызвестно Государю, но он постоянно выказывал непонятную поблажку остзейским немцам и не допускал в отношении к ним никаких крутых мер, как бы опасаясь чем-либо возбудить между ними малейшее неудовольствие. Однако ж в речи своей 15 июня Государь, высказав сначала в самых благосклонных выражениях полное свое доверие к испытанной преданности прибалтийского дворянства и прочих сословий, продолжал: «Но я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что принадлежите к единой семье русской и составляете нераздельную часть России, за которую отцы и братья ваши, да и многие из вас самих проливали свою кровь. Вот почему я вправе надеяться, что и в мирное время я найду в вас содействие мне и представителю моей власти у вас, вашему генерал-губернатору, облеченному полным моим доверием (при этом Государь обратился к генерал-адъютанту Альбединскому, взяв его за руку), для приведения в исполнение тех мер и нововведений, которые я считаю полезными и необходимыми для вашего края...»[372] Такое внушение непосредственно от самого императора было, конечно, не по вкусу баронам и бюргерам, однако ж речь эта, начатая и законченная самыми благосклонными выражениями, была приветствована обычными криками «ура».

После приема Государь отправился в православный собор, потом произвел смотр войскам (трем полкам 25-й пехотной дивизии и 2-й саперной бригаде), а затем посетил здание Рижского общества стрелков, где собралась, кроме членов этого общества, многочисленная публика. Вечером Государь был на бале, данном лифляндским дворянством.

На другой день, 16 июня утром, собрано было во дворе замка до 1500 воспитанников и воспитанниц уездных школ Лифляндской губернии. Дети приветствовали Государя пением народного гимна и бросали под ноги его букеты цветов. Потом Его Величество осматривал в городе разные заведения, а к обеду царскому были приглашены высшие лица местного управления, военные начальники, представители духовенства и дворянства. Вечером Государь присутствовал в лагере на парадной «заре»[373]; в устроенном роскошном павильоне собралось многочисленное общество, лагерь был иллюминован так же, как и весь путь до самого замка.

Наконец, 17-го числа произведено было учение расположенным в лагере войскам; вечером Государь присутствовал на парадном спектакле в городском театре, откуда прямо проехал на станцию железной дороги. Оставляя Ригу, Его Величество выразил свое удовольствие и благодарность за радушный прием. Всеми войсками, виденными как в Варшаве, так и во всех пунктах лагерного расположения в Виленском округе и в Риге, Государь остался совершенно доволен.

18 июня в $5^1/_2$ часов пополудни императорский поезд прибыл к Царскосельской станции. Собравшиеся здесь в большом числе сановники, придворные, высшие чины всех ведомств и офицеры гвардии встретили Государя с неподдельным восторгом. На другой же день, 19-го числа, когда Его Величество приехал в Петербург к торжественному молебствию в Казанском соборе, масса народа на всем пути его встретила царя с неумолкаемыми криками «ура» и бежала за его экипажем. В соборе была необыкновенная теснота. После молебствия Государь проехал в Зимний дворец, где принимал дипломатический корпус, собравшийся для принесения от имени всех государей поздравления по случаю спасения жизни Его Величества от руки злодея.

С возвращением Государя в столицу прекращались полномочия учрежденной на время его отсутствия «особой комиссии», которой впрочем не пришлось собираться слишком часто. Занятия ее ограничивались почти исключительно разрешениями по текущим делам; ничего заслуживающего внимания не произошло, важнейшие дела отлагались до возвращения Его Величества. Однако ж председателю и членам комиссии, по прежним

примерам, объявлена была Высочайшая благодарность «за их труды».

Императрица Мария Александровна с младшими детьми, проехав по железной дороге от Варшавы чрез Краков и Львов до Черновиц и продолжая оттуда путь на лошадях, прибыла 12 июня на границу Бессарабской области, где была встречена новороссийским генерал-губернатором Коцебу и министром путей сообщения генералом Мельниковым. В Кишинёве 13-го числа была приготовлена торжественная встреча; Государыня заехала в собор, присутствовала при молебствии и после обеда продолжала путь до станции Раздельной, откуда по железной дороге прибыла в Одессу 14-го числа около 1 часа пополудни. На вокзале встретили Ее Величество местные власти (градоначальник действительный статский советник Шидловский и городской голова генерал-адъютант князь С.М. Воронцов), депутация от города и многочисленная публика. На всем пути от станции железной дороги до дворца (на Приморском бульваре) масса народа приветствовала императрицу криками «ура»; улицы были украшены флагами, вензелями и коврами. Ее Величество слушала молебствие в соборе. К вечеру зажглась иллюминация; гавань и весь берег морской осветились бесчисленными огнями.

На другой день, 15-го числа, императрица принимала некоторых лиц, в том числе депутацию от проживавших в Одессе болгар[374], потом посетила Девичий институт и после обеда в 5 часов отплыла на пароходе «Тигр», провожаемая криками «ура» и звуками народного гимна. Ровно чрез сутки, 16 июня в 5 часов пополудни, Ее Величество вышла на берег в Ялте, где снова была приветствована собравшимся на пристани и вдоль набережной населением, радостно встретившим Августейшую хозяйку Ливадии[375]. Императрица выдержала совершенно бодро продолжительное путешествие с утомительными почетными встречами и приемами. Лучшим для нее отдыхом была тихая, уединенная жизнь в любимой ее Ливадии.

За несколько только дней до прибытия императрицы берега Крыма посетил великий князь Алексей Александрович, который, как уже было упомянуто, выехал из Петербурга 16 мая в сопровождении генерал-адъютанта Посьета на Москву, Харьков, Кременчуг и Екатеринослав, спустился оттуда по Днепру в Николаев, где пробыл несколько дней, и затем на пароходе «Ве-

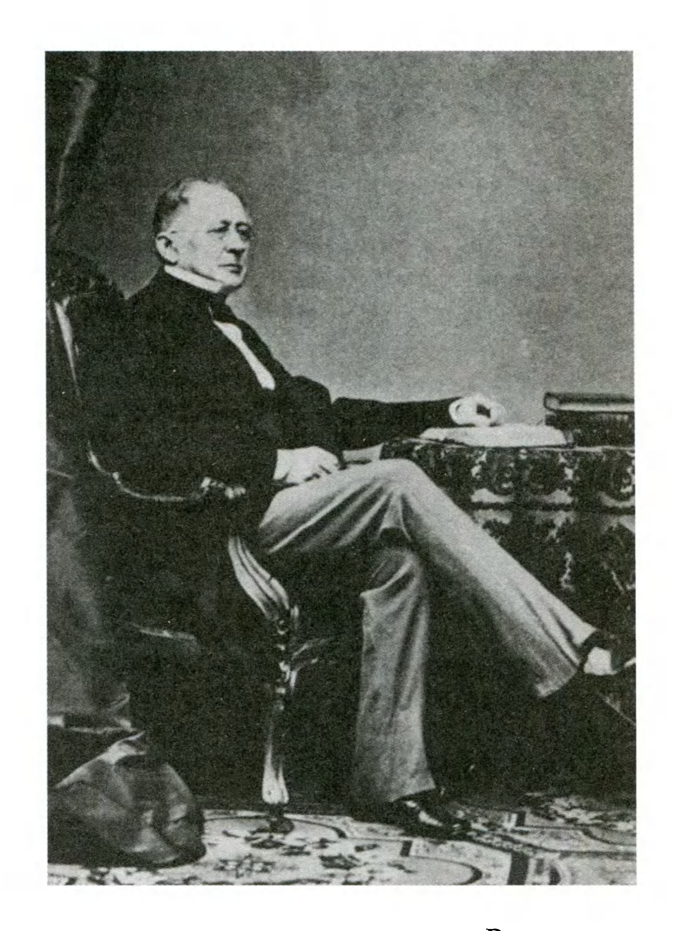
ликая княгиня Ольга» прибыл 3 июня в Одессу, а 5-го — в Севастополь. Отсюда Его Высочество проехал сухопутно по южному берегу до Ялты, где снова сел на тот же пароход и 9-го числа прибыл в Константинополь, в тот самый день, когда султан уже находился на своей яхте для отплытия в Западную Европу на Парижскую выставку. Поэтому султан принял великого князя на яхте и немедленно же отдал ему визит на пароходе. При торжественном отправлении падишаха в дальний путь великий князь на русском пароходе проводил султанскую яхту до выхода в Мраморное море и затем возвратился в Буюк-Дерэ, где на другой день посетил его Али-паша, оставшийся на время отсутствия султана правителем Оттоманской империи. Его Высочество провел четыре дня то в Буюк-Дерэ, то в самом Константинополе, осматривая его достопримечательности и живописные окрестности, а 14/26 июня отправился в дальнейшее путешествие на Афонскую гору, в Афины и затем в разные порты Средиземного моря.

В продолжение пребывания Государя за границей я оставался в Петербурге вдвоем с женою. Сын мой[376], незадолго пред тем переведенный в Гвардейскую конную артиллерию, находился в своей батарее в Красном Селе, а дочери[377] с половины мая уехали с своею наставницей Ольгой Ивановной Винтер за границу и поселились на Женевском озере в Clarens, в том же пансионе m^me^ Gaberel, где провела всю зиму больная моя дочь Ольга с теткою Дорой Михайловной Понсэ. Жена была задержана в Петербурге некоторыми домашними распоряжениями по случаю предпринятых переделок в нашей квартире* и потому выехала за границу только 17 июня, то есть накануне возвращения Государя. Проводив ее до Луги, я остался в полном одиночестве. В это лето как-то особенно было пусто в Петербурге; все мои ближайшие помощники по министерству были в разъездах, за исключением одного графа Ф.Л. Гейдена. А.А. Баранцев уехал еще 6 января за границу по случаю тяжкой болезни; должность его справлял временно генерал-лейтенант О.П. Резвый.

Так же и большая часть членов царской фамилии, министров и других высших чинов разъехалась, кто на Парижскую выстав-

---

* На Дворцовой набережной в доме Лохвицкого. В это время возобновлен контракт по найму квартиры, впредь на шесть лет.



А.М. Горчаков

ку, кто на заграничные воды, а кто — в свои имения. Вице-канцлер князь Горчаков после поездки в Париж с Государем возвратился в Петербург несколькими днями ранее Его Величества и 13-го числа праздновал свой 50-летний юбилей. В рескрипте, данном ему по этому случаю (подписанном в Вильне), после обычного перечня всего служебного его поприща, указывалось специально как на главнейшую заслугу его то, что в 1863 году он «силою слова обезоружил поднимавшихся на нас врагов»[378]. В изъявление монаршей признательности за всю полувековую государственную деятельность князя пожаловано ему звание государственного канцлера. Об этой высокой награде Государь сам телеграфировал юбиляру из Вильны, и телеграмма эта получена была в Петербурге как раз в то время, когда все наличные чины

Министерства иностранных дел и многие из посторонних лиц собрались в залах министерства для поздравления нового канцлера. При этом, конечно, было излито немало красноречивых и громких фраз. На первом плане почему-то явился поздравительный адрес от имени Императорской Публичной библиотеки, поднесенный директором ее тайным советником И.Д. Деляновым, затем товарищ министра иностранных дел тайный советник Вестман произнес речь от имени министерства и поднес юбиляру великолепный альбом с фотографическими портретами чинов министерства. При этом заявлено было о Высочайшем разрешении поместить портрет князя в зале Архива министерства. Наконец, явилась депутация от петербургских дам, во главе которой княгиня Суворова (супруга князя Александра Аркадьевича) поднесла юбиляру в красивом футляре золотое перо, усыпанное драгоценными камнями. Нечего и говорить о множестве полученных в этот день поздравительных телеграмм и писем, в том числе от многих царственных особ, а также о личном посещении юбиляра наличными членами Императорской фамилии и почти всеми находившимися в Петербурге лицами высшей администрации, дипломатического корпуса и высшего общества. Отпраздновав таким образом свой юбилей, новый канцлер переселился в Царское Село, в отведенное ему от Двора помещение и предался полному отдохновению от всех минувших дипломатических забот и тревог.

Несколькими днями ранее князя А.М. Горчакова праздновал также свой 50-летний юбилей товарищ его по выпуску из Лицея барон Модест Андреевич Корф[379]. По недавнему пожалованию ему (на Пасху 16 апреля) ордена Св. Андрея при весьма лестном рескрипте самый день юбилея его, 9 июня, ознаменовался только принесением личных поздравлений великими князьями Константином и Николаем Николаевичами (которых барон Корф некогда обучал законоведению) так же, как всеми наличными министрами и множеством других лиц. От Императорской Публичной библиотеки, директором которой барон Корф состоял довольно долгое время[380], поднесена была ему книга, отпечатанная в двух только экземплярах, собственно в память этого юбилея: приношение весьма ценное для библиомана.

ЛАГЕРНОЕ ВРЕМЯ (18 ИЮНЯ — 18 ИЮЛЯ)

С возвращением Государя из-за границы началась моя летняя кочевая жизнь. 20 июня утром я был с докладом в Царском Селе, а вечером сопровождал Государя в Красное Село. Его Величество приехал туда вместе с королем Греческим* и, подъезжая к царской ставке в Большом лагере, был встречен собравшимися вдоль шоссе офицерами всех расположенных под Красным Селом частей войск; у самой же ставки ожидали все начальствующие лица и многочисленная публика, съехавшаяся из города и окрестностей. Тут находились и некоторые из иностранных дипломатов и офицеров, послы: испанский — герцог д'Оссуна, английский — сэр Андрью Буханан и прусский — принц Рейсс, австрийский — генерал Том, прусский — полковник Швейниц и другие. Когда Государь вышел из экипажа, командующий войсками великий князь Николай Николаевич подал установленным порядком строевой рапорт и вслед за тем поднес от имени всей гвардии образ-складень, изготовленный на счет сумм, собранных по добровольной подписке между офицерами и нижними чинами гвардии, с участием и юнкеров военных училищ. На образе изображено было Вознесение Господне в память того, что покушение на жизнь Государя в Булонском лесу совершено было в день этого праздника. Государь, растроганный до слез изъявлениями общей радости и преданности, обнял великого князя и в лице его благодарил всю гвардию, затем сел верхом и в сопровождении короля Греческого и многочисленной свиты объехал весь лагерь. На возвратном пути из «Авангардного» лагеря к царской ставке, при проезде чрез Фабрикантскую слободу, крестьяне Красносельской волости поднесли Его Величеству хлеб-соль; дамы и дети офицерских семейств, проживавших в слободе, осыпали дорогу цветами; артисты Красносельского театра пропели «Боже, царя храни». По возвращении к царской ставке исполнена была обычная церемония «парадной зари», по окончании которой все присутствовавшие отправились в театр, где опять происходили разные овации Государю. Вообще, при-

* Король Георг прибыл в Петербург из Копенгагена еще 25 мая, на русском пароходе «Аскольд» и жил в Павловске у великого князя Константина Николаевича.

езд Его Величества в лагерь на этот раз выходил из обычной формальной обстановки.

Переночевав в Красносельском дворце, Государь на другой день, 21 июня, присутствовал на церковном параде лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, по случаю полкового его праздника. После раннего обеда (в столовом бараке), к которому были приглашены все офицеры этого полка, начальствующие лица и свита, — возвратился в Царское Село.

Здесь Государь оставался до 30 июня в полном одиночестве, без семьи, занимаясь делами, накопившимися за время его отсутствия; ежедневно принимал доклады министров в положенные для каждого дни недели. Обыкновенно докладчики приглашались к царскому столу с немногими другими лицами, приезжавшими в Царское Село по разным случаям. Мне приходилось приезжать чаще других, иногда сверх очередных дней докладов; в Петербурге же я жил в полном одиночестве, а потому оставался нередко ночевать в своей квартире Царскосельского дворца и проводил там по нескольку дней сряду, насколько позволяли служебные мои обязанности.

В течение месяца, протекшего со дня возвращения Государя из-за границы и до его отъезда в Крым, последовало Высочайшее утверждение многих весьма крупных дел по военному ведомству. Достаточно указать на Положение о вновь учрежденных в составе министерства главных комитетах: Военно-госпитальном и Военно-тюремном (21 июня), повеление о введении нового Военно-судебного устава в двух военных округах, Петербургском и Московском (22 июня), указ об устройстве быта отставных и бессрочноотпускных нижних чинов (25 июня), указ о предстоявшем осенью рекрутском наборе (29 июня), Положение о военном составе и службе Оренбургского казачьего войска (1 июля), об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства и Туркестанского военного округа (11 июля), об учреждении нового казачьего войска Семиреченского (14 июля) и т. д. Не берусь перечислять последовавшие в то же время Высочайшие повеления по другим ведомствам. В самый день приезда Государя в Царское Село, 18 июня, подписан указ на имя министра финансов о выпуске облигаций на сумму 75 миллионов рублей, в видах облегчения продажи Николаевской железной дороги в частные руки. К тому же периоду относится Высочайшее пове-

ление (7 июля) о восстановлении в Петербургской губернии земских учреждений[381].

В течение лета получались из многих губерний весьма неблагоприятные сведения об урожае хлебов; в некоторых местностях даже предвиделся голод. В Финляндии население уже начинало терпеть это страшное бедствие, так что по всей империи открыт был сбор пожертвований для вспомоществования голодавшим финляндцам.

В июне месяце произошла перемена в личном составе высшего управления Варшавского военного округа по случаю смерти генерал-адъютанта барона Павла Ивановича Корфа, состоявшего в звании командующего войсками Варшавского военного отдела и начальника Варшавского гвардейского отряда. Согласно желанию графа Берга, 24 июня последовало назначение «помощником» его, по званию главнокомандующего, генерал-адъютанта барона Рамзая, который, как известно, еще до 1863 года занимал уже пост командующего войсками Варшавского округа и был уволен от этой должности в самом начале мятежа под предлогом расстроенного здоровья, но в действительности по непригодности к такой важной должности при тогдашних трудных обстоятельствах. Теперь же, с восстановлением мира и спокойствия в крае, опять пригодился барон Рамзай*. Графу Бергу нужен был такой помощник, на которого можно было бы взвалить все мелочные заботы по строевой части войск, с устранением от всяких серьезных дел и без опасения какого-либо с его стороны противодействия или соперничества. Таким условиям барон Рамзай соответствовал вполне.

26 июня происходило в Царском Селе торжественное обручение великой княжны Ольги Константиновны с королем Греческим. После обычной церковной церемонии жених и невеста так же, как и родители последней, принимали поздравления, а затем происходил парадный обед. Чрез день после того, 28-го числа, король Георг отправился в Копенгаген на яхте «Штандарт»; великий князь Константин Николаевич проводил его до Кронштадта и сам, несколько дней спустя, отправился также в Копенгаген вместе с великою княгинею Александрой Иосифовной и невестой Ольгой Константиновной. Они выехали из Петербурга 2 июля по железной дороге в Ригу, где ожидал их фрегат

---

* С 1866 года (11 июля) он состоял членом Военного совета.

«Олаф», на котором и прибыли они 5 июля в Копенгаген. В замке Фреденсборг они были встречены королевским семейством, королем Георгом, Наследником Цесаревичем и цесаревною. Пробыв с ними несколько дней, великий князь Константин Николаевич уехал (8-го числа) в Париж для осмотра выставки.

В самый день церемонии обручения в Царском Селе (26 июня) прибыл туда наследный принц Итальянский Гумберт. Встреча его происходила на Царскосельской станции железной дороги обычным порядком. Принц Гумберт, которому в то время было только 23 года, небольшого роста, некрасивой наружности, держал себя как-то сухо и неприветливо. Свиту его составляли генералы Куджиа и Сонназ, полковник Инчеза и еще два офицера. Принц оставался в Царском Селе до 3 июля, сопровождал Государя в поездках его в Красное Село на учения и смотры войск, ездил в Петербург, а затем отправился в Москву, где осматривал со вниманием все достопримечательности, посетил Троицко-Сергиевскую лавру и возвратился в Петербург 8-го числа.

28 июня в 5 часов пополудни Государь неожиданно приехал в Красносельский лагерь вместе с принцем Гумбертом и приказал ударить «тревогу». Войска быстро собрались на Военном поле, несмотря на то, что не успели еще отдохнуть от утренних учений. После непродолжительного маневра, исполненного по данной Государем программе, Его Величество отобедал в своем Красносельском дворце, потом присутствовал на представлении в театре и возвратился к ночи в Царское Село. На маневре этого дня присутствовали, кроме свиты итальянского принца, черногорские сенаторы Илья Пламенац и Пётр Вукотич, возвратившиеся с московской выставки.

30 июня Государь посетил Кронштадт в сопровождении принца Гумберта, великого князя генерал-адмирала и многочисленной свиты, в которой кроме меня и управляющего Морским министерством (генерал-адъютанта Краббе) находились генерал-адъютант граф Адлерберг 2-й, Тотлебен, из моряков — генерал-адъютант Новосильский и князь Голицын, вся свита итальянского принца и посланник итальянский граф Делонэ, а также состоявшие при принце генерал-адъютант Кушелев и флигель-адъютант Горяинов. Императорская яхта «Александрия», сопровождаемая пароходами «Стрельна» и «Нева», причалила в $2^1/_2$ пополудни к Кронштадтской пристани, где ожидало все началь-

Принц Гумберт

ство, представители города с хлебом-солью и масса народа, приветствовавшего Государя восторженными «ура». Проехав в открытом экипаже вместе с принцем Гумбертом по украшенным флагами улицам города, Государь остановился у собора, где было отслужено молебствие, и потом, сев на катер в Купеческой гавани, возвратился на яхту. Затем начался смотр эскадре, выстроенной на большом рейде. Прибывшие из Петербурга пароходы с публикой провожали императорскую яхту. Смотр начался с фрегата «Светлана», только что возвратившегося из плавания в Атлантическом океане с гардемаринами и кондукторами. Осмотрев подробно фрегат и оставшись совершенно довольным про-

изведенным гардемаринами учением, Государь произвел их в офицеры, потом смотрел учение на клипере «Изумруд» и на корвете «Аскольд», возвратившихся из Тихого океана под начальством контр-адмирала Керна. Затем императорская яхта прошла по фронту мониторов и других судов эскадры при салюте со всех кронштадтских укреплений, затем взяла направление на Ораниенбаум, где Государь с принцем Гумбертом посетили великую княгиню Елену Павловну. Мы же все, состоявшие в свите Его Величества, возвратились на пароходе «Стрельна» в Петербург.

После двух дней, проведенных в Петергофе, Государь возвратился в Царское Село, а с 6 июля начались смотры и учения войскам Красносельского лагеря в присутствии Его Величества. Программа этих занятий в том году была значительно сокращена против прежних лет; лагерный сбор должен был окончиться гораздо ранее обыкновенного, так как Государь торопился уехать в Крым. Прибыв с вечера 5-го числа в Красное Село, он оставался там до 11-го. В продолжение этих шести дней и мне пришлось жить в Красном Селе почти безвыездно. 6-го числа произведено было учение 1-й и 2-й гвардейским пехотным дивизиям; Государь выразил особенное свое удовольствие первой из этих дивизий и тут же на учении назначил генерал-лейтенанта Дрентельна генерал-адъютантом. На другой день происходило утром учение всей кавалерии с конною артиллерией, а вечером — учение с боевыми патронами учебному пехотному батальону и смотр сводному батальону военных училищ. В третий день, 8-го числа, Государь смотрел стрельбу артиллерии и вновь сформированный телеграфный парк, которому приказано было впервые сделать опыт проведения военной телеграфной линии для сообщения Красного Села с большим и авангардным лагерями. Каждый день после учений к обеду у Государя в палатке приглашались начальствующие лица и присутствовавшие на учениях иностранные офицеры: австрийский генерал Том, шведский полковник Биорнштерн, оба черногорца и другие. Принц Гумберт со свитою своей прибыл в Красное Село только 8-го числа по возвращении из Москвы.

9 июля, в воскресение утром, Государь с иностранными гостями присутствовал на церковном параде и разводе в лагере, позже — на состязании офицеров в стрельбе и фехтовании, а после обеда — на скачках. Погода была холодная и дождливая,

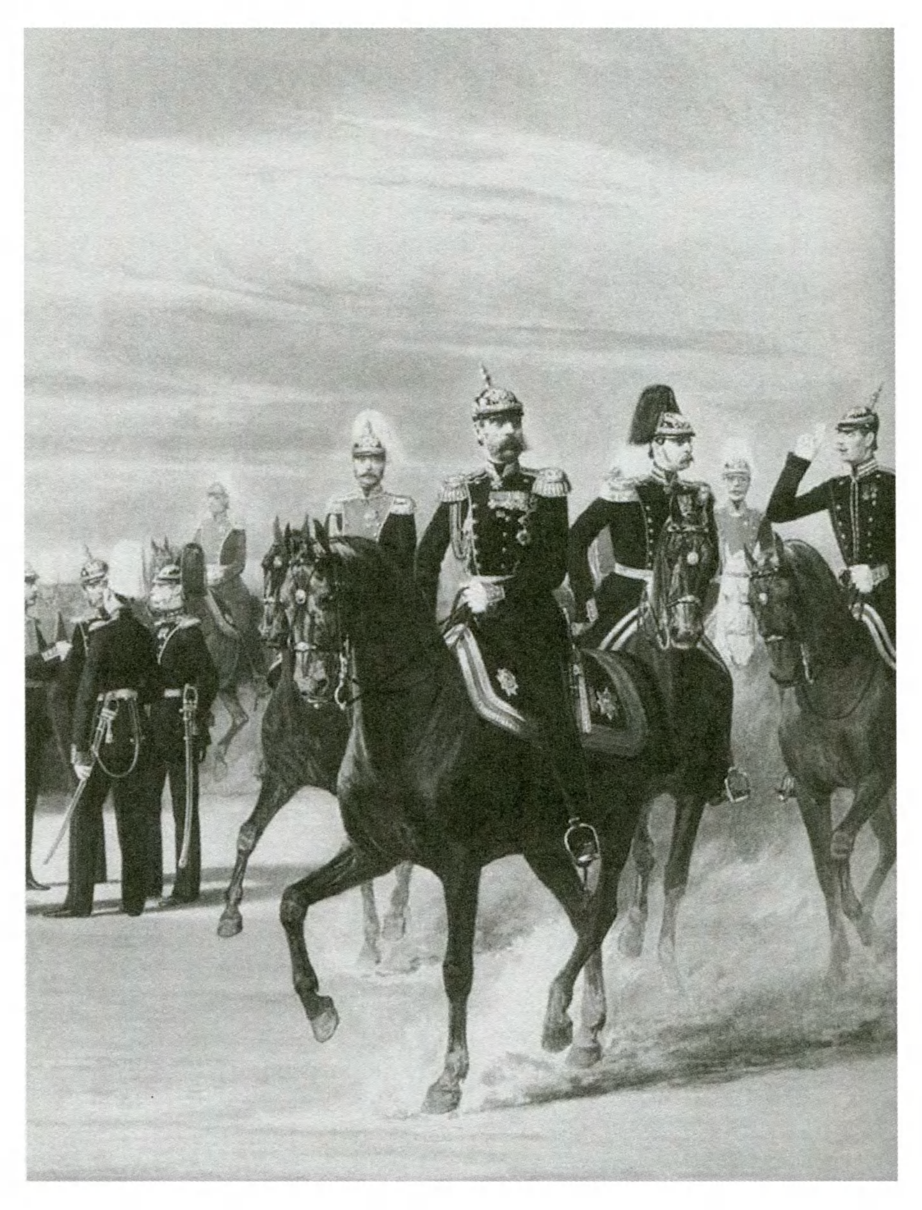
так что пришлось отложить начало скачек с 4 часов до 7 вечера. Несмотря на погоду, съехалась многочисленная публика из Петербурга и окрестностей. Со скачек Государь и принц Гумберт проехали в театр.

На другой день, в понедельник утром, происходил смотр стрельбы в цель линейных рот и драгун, при этом представлена была одна рота Учебного батальона, вооруженная впервые, в виде опыта, новыми ружьями, названными «Терри—Нормана»[382], заряжаемыми с казенной части, но с бумажным патроном. Рота сделала 6 залпов в 2 минуты; в мишень на 270 шагов попало 60% всех выпущенных пуль, такие результаты признавались в то время уже весьма удовлетворительными. После стрельбы Государь показал принцу Гумберту джигитовку казаков Собственного Е. В. конвоя. Иностранцы восхищались ловкостью казаков и в особенности казачьим приемом «батовки» коней. Обед в этот день был устроен в домике на Дудергофской горе, в местоположении весьма живописном, а вечером Государь еще смотрел учебные части войск.

Наконец 11-го числа, во вторник утром, происходил смотр стрельбы всех стрелковых частей пехоты. При этом показана была Государю стрельба из новых, еще испытываемых ружей «Карле»[383]. После этого смотра Государь с принцем Гумбертом уехали в Царское Село, а великий князь Николай Николаевич показывал иностранным офицерам учение кавалерийского полка и конной батареи.

12-го числа принц Гумберт выехал обратно за границу. Государь, простившись с ним на станции железной дороги, к вечеру снова прибыл в Красное Село. В этот день войска уже разошлись на места, назначенные по плану маневров сборными пунктами отрядов. Но маневры эти продолжались всего два дня, 13 и 14 июля, и происходили в тесном районе около Красного Села. Взамен отбывшей свиты итальянского принца прибыли на означенные два дня маневров послы: испанский — герцог д'Оссуна и прусский — принц Рейсс и несколько английских офицеров из свиты лорда Вэна, прибывшего в то время в Петербург в качестве чрезвычайного посла для поднесения Государю от имени королевы Виктории ордена Подвязки.

По окончании маневра, 14-го числа, Государь, собрав вокруг себя всех начальников войск, по заведенному порядку, тут же



Император Александр II на маневрах в Красном селе

высказал им свои замечания относительно хода маневров и благодарил всех, затем возвратился в Царское Село.

Здесь происходила 16-го числа церемония поднесения Государю английского ордена. Немедленно же после этой церемонии Его Величество сделал визит супруге посла лорда Вэна, а затем в Царскосельском дворце дан был парадный обед, к которому были приглашены все лица английского чрезвычайного посольства.

На другой день, 17 июля, все иностранные гости и многие из членов дипломатического корпуса были приглашены в Красное Село на большой смотр войскам, которым заканчивался обыкновенно Красносельский лагерный сбор. Смотр был в полном смысле блестящий. После двух раз прохождения войск церемониальным маршем, как всегда, Государь благодарил начальников, поздравил собравшихся у самого «Царского валика» выпускных юнкеров военных училищ с производством в офицеры и после завтрака в палатке, на вершине валика, уехал обратно в Царское Село.

18 июля утром Его Величество выехал из Царского Села в Колпино, откуда отправился по Николаевской железной дороге в Москву, в сопровождении великого князя Владимира Александровича, только что возвратившегося из Эмса. Свиту Его Величества составляли: генерал-адъютант князь Долгоруков, граф Адлерберг 2-й, граф Шувалов и другие лица, обыкновенно сопровождающие Его Величество в путешествиях.

Пользуясь отъездом Государя в Крым на продолжительное время, я решился просить двухмесячный отпуск за границу, чтобы отдохнуть, провести время со своею семьей и навестить больного моего брата Николая. 18-го же числа объявлено в приказе о моем увольнении, и вместе с тем сделаны мною распоряжения о порядке делопроизводства в Военном министерстве на время моего отсутствия. 19 июля выехал я из Петербурга по железной дороге на Вержболово.

МОЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

К концу июня вся моя семья, за исключением сына, собралась на берегу Женевского озера, а брат Николай со своею семьей находился в Баден-Бадене. Гейдельбергский знаменитый врач Фридрейх, приезжавший весною на Женевское озеро, на-

ставивал, чтоб и в этом году больная дочь моя Ольга провела лето где-нибудь в высокой горной местности, преимущественно же указывал на Сан-Мориц в Энгадине. При проезде прочих дочерей моих чрез Гейдельберг доктор Фридрейх присоветовал также лечение в Сан-Морице и для старшей дочери Елизаветы, и для третьей — Надежды. Советы эти, однако же, могли быть выполнены только отчасти: бедная моя Оля все еще была так слаба, что признавалось весьма затруднительным перемещение ее с Женевского озера в Сан-Мориц, куда не было тогда железной дороги. Решено было по совещании с местным врачом в Клaрансе Dumontet, перевезти ее на жаркое летнее время в ближние от Женевского озера горные местности: первоначально — в Шампери, в одной из боковых долин Верхней Роны, а потом еще выше — в Morgin, на самой границе Савои. Старшая же дочь Лиза с Надей в сопровождении тетки их Д.М. Понсэ должны были ехать в Сан-Мориц, лишь только в тамошнем лечебном заведении очистится для них помещение, а пока вся семья вскоре по приезде жены моей переселилась 23 июня из Кларанса в Шампери, где оставалась до 4/16 июля. В этот день жена с больною дочерью Ольгой, с младшими тремя детьми[384] и О.И. Винтер поднялись в Morgin, а Д.М. Понсэ с Лизой и Надей предприняли путешествие из долины Верхней Роны чрез перевал Гемми к Интерлакену, оттуда чрез Люцерн, Цюрих, Кур доехали до Сан-Морица (17/29 июля). Таким образом, ко времени моего выезда из Петербурга семья моя была разделена на две группы на двух противоположных окраинах Швейцарии.

От Петербурга ехал я безостановочно чрез Берлин и Касель до Гейдельберга. Здесь я переночевал, чтобы на другой день повидаться с доктором Фридрейхом и узнать его мнение о моих больных. Но я ничего нового от него не узнал и поспешил в Баден. Приехав туда 22 июля / 3 августа, я нашел брата Николая в удовлетворительном состоянии. Он жил в это время за городом, в Liehtenthal Allee; ходил он, опираясь на трость, говорил, хотя не без труда, но уже редко перепутывая слова, любил общество и не тяготился болтовнею окружавших его детей. При всем том грустно было мне видеть его бледное лицо с белою бородой, с потухшими глазами, вспоминая прежние его глаза, в которых было столько жизни и ума. Брат очень обрадовался моему посещению; я провел с ним три дня почти неотлучно. В Бадене находился тогда статс-секретарь Ст[епан] Мих[айлович] Жуков-

ский, также проводивший почти все время у моего брата. Степан Михайлович был человек умный, симпатичный, с искренним либеральным направлением, один из усерднейших, надежных работников по крестьянскому делу.

Узнав, что он собирается на Парижскую выставку, я предложил ему ехать туда вместе. Так мы и сделали. Прибыв 26 июля в Париж, остановились в Grand Hôtel du Loure и пробыли там с небольшим трое суток. Все это время провели почти исключительно на выставке, с той минуты, когда ворота открывались утром, и до вечера, когда ворота запирались.

Выставка занимала обширное пространство до 37 десятин. В средине Champ-de-Mars* возведено было главное здание, состоявшее из 12 концентрических галерей, соединенных между собою восемью проходами по радиусам; каждая круговая галерея имела свое специальное назначение соответственно разнообразным видам искусства и промышленности, а каждый из секторов, заключавшихся между двумя радиусами, соответствовал известному государству. Такой план расположения казался самою удачною и остроумною комбинацией для систематического размещения громадного склада собранных со всего света разнообразнейших предметов. Можно было удобно обозревать или по специальностям, сравнивая произведения однородные разных государств, или по государствам, чтобы оценить производительность каждого из них в общей совокупности. Одно главное здание выставки занимало пространство до 12 десятин. Вокруг него было разбросано множество отдельных павильонов различной величины, каждый с каким-либо специальным назначением; некоторые из этих отдельных павильонов были сами по себе довольно капитальные строения с эффектными фасадами. Общий вид выставки производил подавляющее впечатление: так много представлялось тут разнородных предметов, столько богатства и роскоши, что глаза разбегались. Для осмотра выставки с некоторою обстоятельностью потребовались бы месяцы, что же могли мы увидеть в какие-нибудь три-четыре дня! К тому же погода была чрезвычайно жаркая; мы выбивались из сил, так что по вечерам с трудом досиживали до конца представления в котором-нибудь из театров.

---

* Марсово поле (*фр.*).

30 июля, после последнего посещения выставки, я расстался с моим любезным спутником и выехал из Парижа по железной дороге на Дижон в Невшатель, куда прибыл утром следующего дня, и продолжал путь по железной же дороге чрез Лозанну до станции Aigle в долине Верхней Роны. Здесь я переночевал в плохой гостинице, а на другой день, 1 августа рано утром, доехал на двуколке в одну лошадь до деревеньки Monthey, откуда пошел далее пешком, прямо в гору и часам к 11 утра добрался до Morgin.

Встреча с бедной моей больной после 16 месяцев разлуки была, конечно, самая радостная. Мне было утешительно видеть в ее состоянии заметную перемену к лучшему, сравнительно с тем, в каком оставил ее в прошлом году в Ницце, хотя все еще она была очень слаба, а по временам чувствовала боли в спине, но во всяком случае была бодрее духом. Присутствие младших сестер развлекало и забавляло ее. Morgin есть ничтожная деревушка, лежащая близ источника минеральной (железистой) воды; на высоте построено деревянное помещение для пациентов с весьма простою обстановкой и сносным столом; кругом сосновый лес. Общество состояло из нескольких французских семейств, англичан и американцев. Нельзя найти более спокойное место, при условии хорошей и теплой погоды. Больная моя не могла ходить вдаль от нашего жилья, она даже не сходила к общему столу, но с младшими детьми я предпринимал иногда дальние прогулки к Савойской границе, в долину Abondanu. Большую же часть дня проводил с больною дочерью, пока младшие играли на лугу в «крокет» с каким-то добродушным англичанином.

К крайнему прискорбию моему, в первые же дни по приезде моем в Morgin получено было из Сан-Морица известие, что третья дочь моя Надя заболела скарлатиной. Я решился ехать туда, чтобы навестить больную и вместе с тем увезти оттуда старшую дочь Лизу, которая уже оканчивала назначенный ей курс лечения. В то время на горах погода становилась уже довольно свежею и дождливой, а потому мы решились покинуть наш угрюмый Morgin. 13/25 августа, спустившись частию пешком, частию на ослах и на носилках к деревне Monthey, мы доехали отсюда по железной дороге до местечка Evian, на южном берегу Женевского озера, а затем на пароходе переправились на северную сторону озера прямо к Уши, где мы надеялись найти поме-

щение в великолепной гостинице Beau rivage и повидаться с дядей, графом П.Д. Киселёвым, который обыкновенно проводил там лето. Пароходная пристань устроена против самого Hôtel Beau rivage, на террасе которого и в саду увидели мы блестящую публику, — и вот в виду этой нарядной, изящной публики сходит с парохода целая семья, в грязи (в горах накануне был проливной дождь), с альпийскими палками, с бесчисленными узлами, подушками и с больною в «porte-chaise»*. Пошел я вперед, чтоб узнать о помещении в гостинице, а вся семья пока расположилась на своем скарбе у решетки сада. К великому нашему прискорбию, оказывается, что в гостинице никакого помещения для нас не приготовлено и что нет вовсе свободных номеров. Приходилось искать другого жилья, — и мы решились воспользоваться первым проходившим омнибусом, чтобы доехать до Лозанны, где и остановились в рекомендованной нам гостинице.

Бедная наша больная была до крайности утомлена переездом. Уложив ее в постель и приняв все меры к ее успокоению, мы вдвоем с женой переоделись и снова спустились в Уши, чтобы повидаться с дядей. Старик очень был доволен нашим посещением и пригласил нас остаться с ним отобедать вместе с приехавшим также для свидания с ним Николаем Дмитриевичем Киселёвым и женой его[385]. Графа Павла Дмитриевича нашел я весьма слабым; он переходил из одной комнаты в другую не иначе, как поддерживаемый под руки с обеих сторон, но слабость в ногах не мешала ему по утрам для моциона кататься в лодке по озеру и самому грести. Обедал он с большим аппетитом и любил угощать приглашенных к его обеду. Мы провели с ним на террасе часть вечера и уже поздно возвратились в Лозанну. Утром следующего дня навестили нас Николай Дмитриевич Киселёв с красивою своею женой, а вслед за тем я выехал из Лозанны.

В тот же день к вечеру доехал я по железной дороге чрез Берн и Цюрих до Кура, откуда продолжал путь в дилижансе, и на другой день прибыл в Сан-Мориц — неприглядное местечко в долине верхнего Инна, окруженное со всех сторон обнаженными горами. К радости моей, больная уже поправлялась, но все еще содержалась в карантине, к ней не допускали старшую

* Носилки, портшез (*фр.*).

сестру, не имевшую никогда скарлатины. Сан-Мориц произвел на меня грустное впечатление; в конце августа здесь было уже весьма прохладно. Пробыв только два дня с бедною моею узницей, я оставил ее до окончательного выздоровления на попечении тетки Д.М. Понсэ, а со старшею дочерью отправился в обратный путь, опять чрез Кур, Цюрих и Берн в Интерлакен, куда уже переместилась остальная моя семья.

В Интерлакене провели мы несколько весьма приятных дней; жили в небольшой, уединенно расположенной гостинице Belle vue, откуда имели действительно прекрасный вид на Юнгфрау. Ольга Ивановна Винтер предприняла одна путешествие за Альпы в Северную Италию, а мы, все остальные, переехали обратно чрез Берн, Фрейбург в местечко Chébres, лежащее на возвышениях северного берега Женевского озера, невдалеке от Лозанны. Здесь поместились временно в маленькой, плохой гостинице, рассчитывая провести на свежем воздухе последние жаркие дни лета. Отсюда ездил я со старшей дочерью Лизой в Женеву, чтобы повидаться с проживавшим там фельдмаршалом князем Барятинским и вместе с тем навестить почтенное семейство Бартолони, с которым дочери мои познакомились в Сан-Морице. Вилла Бартолони в окрестностях Женевы находилась вблизи от той, в которой жил князь Барятинский. Поэтому нам было легко соединить оба визита, но к князю Барятинскому попали мы неудачно, в то самое время, когда он уезжал в город. Тогда жил он в одиночестве, княгиня Елизавета Дмитриевна уехала в Тифлис навестить своих родителей, и там ее постигла тяжкая нервная болезнь. Встретив фельдмаршала уже на крыльце дома, мы даже не вошли к нему, а сговорились обедать вместе в Hôtel des Bergues, где мы заняли комнату. Князь Барятинский был очень любезен; по своему обыкновению, много говорил, и мы расстались с ним совершенно дружески. Мог ли я тогда предвидеть, что мы чрез несколько месяцев встретимся врагами*.

По возвращении моем в Шебр погода вдруг переменилась: на озере поднялась буря; сильный ветер продувал сквозь стены легкой летней постройки нашей гостиницы, а больная наша была чрезвычайно чувствительна к влиянию погоды. В это время не

---

* Переписка моя с князем Барятинским продолжалась и после нашего свидания в Женеве. Последнее письмо его было от 5/17 февраля 1868 года[386].

было еще ничего решено относительно места пребывания ее на предстоявшую зиму; не знали даже, с кем оставить ее, так как ни жене моей, ни ее сестре не было возможности оставаться за границей. После долгих колебаний решили на первый раз ехать в Гейдельберг, чтобы снова посоветоваться с доктором Фридрейхом. На пути остановились в Бадене, где провел я три дня с больным братом, и затем, распростившись с ним, отправился далее в Гейдельберг с женой и больной дочерью, оставив других дочерей в Бадене с Ольгой Ивановной Винтер. В Гейдельберге имели мы несколько совещаний с Фридрейхом, но, к сожалению, услышали от него такие мнения относительно нашей больной, что нашли невозможным долее следовать его советам и потеряли окончательно доверие к его авторитету. Таким образом, остались мы в прежнем недоумении, в прежнем раздумье, а между тем наступил уже срок моего отпуска. Несмотря на настоятельное приглашение графа Берга ехать чрез Варшаву и провести там несколько дней*, я должен был торопиться возвращением в Петербург. С невыразимо стесненным сердцем расстался я с бедною моей больною и 16/28 сентября выехал из Гейдельберга на Франкфурт и Берлин. Прибыв 19-го числа в Петербург, на другой же день вступил в свою должность.

ПРЕБЫВАНИЕ ГОСУДАРЯ В КРЫМУ И ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ГОДА

Государь, с великим князем Владимиром Александровичем, выехав из Царского Села утром 18 июня, прибыли к ночи в Москву и провели там три дня. 19-го числа после «малого выхода» в Кремлевском дворце происходил смотр войскам на Ходынке, потом в Петровском дворце завтрак, к которому были приглашены начальники войск; вечером Государь с великим князем посетили театр. На второй день, 20-го числа утром — учение войскам Ходынского лагеря, обед у московского генерал-губернатора, вечером — иллюминация и фейерверк в лагере. В последний день, 21-го числа утром — смотр стрельбы и гимнастики на Ходынке и после раннего обеда в 5 часов — выезд из Москвы.

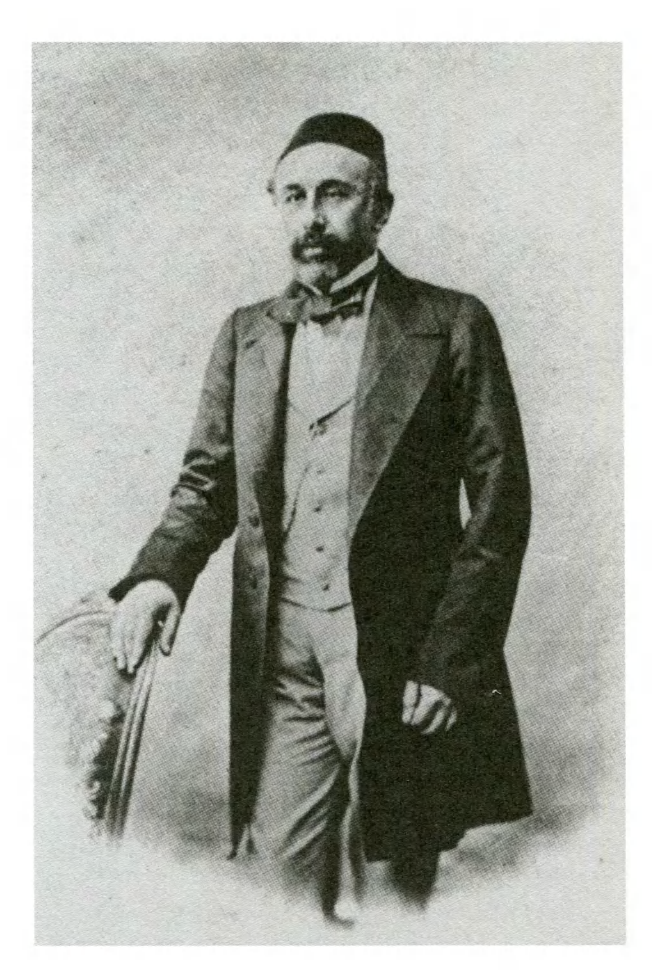
---

* Письмо графа Берга от 27 августа / 8 сентября получено мною еще в Шебре[387].

22-го числа, в день именин императрицы, Государь остановился на несколько часов в Орле, слушал обедню в тамошнем Девичьем институте и затем продолжал безостановочно путешествие чрез Харьков и Кременчуг в Николаев, откуда на пароходе «Тигр» прибыл 26 июня в Ливадию.

Императрица, живя в Ливадии с 16 июня в полном спокойствии и уединении, заметно окрепла в своем здоровье. Ежедневно каталась она с детьми по живописным окрестностям, а 29 июня, в день именин младшего великого князя[388], проводила детей на пароходе «Коцебу», на котором они предприняли прогулку по Чёрному морю в сопровождении графини Александры Андреевны Толстой и флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Арсеньева. 30 июня Их Высочества прибыли в Босфор и остановились в Буюк-Дерэ, где встретил их посол генерал-адъютант Игнатьев, оттуда ездили в Константинополь, осматривали достопримечательности его, а великая княжна с графинею Толстой посетили гарем Фуада-паши. 3 июля Их Высочества отплыли обратно в Крым.

С приездом Государя жизнь в Ливадии приняла иную физиономию, с обычною при Дворе суетою, приездами и отъездами разных новых лиц, приемами, церемониями, военными и церковными и т. д. В начале августа прибыли из Константинополя русский посол Игнатьев, а вслед за ним турецкий министр иностранных дел Фуад-паша, присланный с приветствием от султана[389]. 9 августа утром назначена была Фуаду-паше аудиенция, а затем он был приглашен к обеду. Государь высказал лично турецкому министру свой взгляд на положение дел на острове Кандии и свое искреннее желание, чтобы султан, в собственных своих интересах, согласился на те реформы и льготы, которые могли бы удовлетворить настоятельные и законные нужды христианского населения Турции. Фуад-паша, выслушав из уст самого императора те же заявления, которые давно уже повторялись Порте во всех дипломатических нотах и личных объяснениях нашего посла, со своей стороны, также повторил стереотипные уверения в искренней заботливости султана о благосостоянии своих христианских подданных и в твердом намерении его принять все возможные меры к улучшению их положения. Пробыв три дня в Крыму и украсившись Александровскою лентой, Фуад-паша возвратился в Константинополь вместе с генералом Игнатьевым. Свидание в Ливадии, как можно было ожидать, осталось без всяких практических последствий[390], но спустя не-



Фуад-паша

сколько дней, 20 августа, прибыл в Ливадию новый посланец от султана — Реуф-паша, с присланными в подарок Государю несколькими арабскими конями.

В течение того же августа месяца прибыли в Крым великие князья: Михаил Николаевич с своим семейством и Николай Николаевич со старшим сыном[391]. Оба брата поместились поблизости Ливадии, в Ориандском дворце великого князя Константина Николаевича. Ко дню 30 августа съехалось в Ливадию множество разных лиц с поздравлениями, в числе их вторично прибыл из Константинополя посол Игнатьев. Значительных наград и новых назначений, обыкновенно ожидаемых к этому

Павел А. Шувалов

дню, не было на этот раз, кроме лишь возведения великого князя Николая Николаевича в звание главнокомандующего войсками гвардии Петербургского округа.

Присвоение великому князю этого нового титула не имело никакого другого значения, как только простое переименование, но почти в то же время произошли и некоторые перемены в личном составе управления того же округа. Начальник штаба ге-

нерал-майор Свиты Рихтер получил (9 сентября) увольнение в продолжительный отпуск по болезни с отчислением от должности, и на место его назначен командир лейб-гвардии Семеновского полка граф Шувалов (Павел Андреевич), младший брат шефа жандармов. Начальник же артиллерии генерал-адъютант Вилламов скончался почти скоропостижно в Карлсбаде, и на его место назначен генерал-лейтенант князь Масальский, вместо которого начальником артиллерии Варшавского округа назначен генерал-лейтенант Дитрих. Новый главнокомандующий возвратился из Крыма в Петербург 14 сентября, а несколько дней спустя, 22-го числа, прибыли из-за границы Наследник и цесаревна.

В течение летних месяцев продолжалось плавание великого князя Алексея Александровича по Средиземному морю. Его Высочество посетил Мальту, Гибралтар, Кадикс, откуда ездил в Севилью, затем обошел группы островов Канарских и Азорских, в конце августа предпринял обратный путь в Чёрное море и 14 сентября прибыл в Ливадию.

Государь выехал из Крыма 24-го числа с великим князем Алексеем Александровичем на пароходе «Тигр» в Николаев. Отсюда Его Высочество продолжал путь морем на пароходе «Казбек» в Одессу, а Государь проехал на лошадях до Москвы с остановками на пути для смотров войск: в Елизаветграде, Кременчуге и в Чугуеве. 1 октября в 2 часа пополудни Его Величество прибыл в Царское Село.

Императрица с младшими детьми оставалась в Ливадии еще целый месяц после отъезда Государя так же, как и великий князь Михаил Николаевич, который возвратился с своим семейством из Крыма в Тифлис только 24 октября.

По возвращении своем из-за границы в Петербург, живя в полном одиночестве, без семьи и даже без близких знакомых, я принялся усидчиво за дела министерства, чтобы усиленною работой, по возможности, наверстать время, потерянное в летних разъездах. К сожалению, эта спокойная, деловая жизнь продолжалась очень недолго; с возвращением Государя из Крыма, снова начались разъезды, представления, разные придворные обязанности — одним словом, бесплодное расточение времени.

На другой же день приезда Его Величества в Царское Село, 2 октября, происходил на Марсовом поле большой парад, то есть смотр всем войскам, расположенным в Петербурге и

окрестностях. Несмотря на позднее время года, погода весьма благоприятствовала царскому смотру.

На следующий день, 3 октября, происходило, в присутствии Государя, погребение графа Ивана Матвеевича Толстого, министра почт и телеграфов, умершего 21 сентября в Висбадене. Отпевание происходило в Почтамтской церкви, в присутствии всех наличных членов Императорской фамилии, дипломатического корпуса и множества лиц высшей администрации. Погребение же совершено в Новодевичьем монастыре. Замещение открывшейся должности министра (созданной собственно для Ивана Матв[еевича] Толстого) последовало гораздо позже, назначением (10 декабря) генерал-адъютанта Тимашева. Нет никакого сомнения в том, что такой выбор был внушен графом Петром Шуваловым, который рассчитывал иметь в Тимашеве верного и ловкого союзника.

6 октября минуло 50-летие со времени производства в генеральский чин моего дяди, графа Павла Дмитриевича Киселёва. Государь сам вспомнил об этом юбилее, приказал мне приготовить по этому случаю рескрипт с назначением юбиляра шефом Галицкого пехотного полка. Граф Павел Дмитриевич, как кажется, остался довольным не столько шефством и мундиром (которого он никогда и не надевал), сколько рескриптом, за который он благодарил меня письмом из Уши от 19/31 октября[392].

Приказом от того же 6-го числа Наследник Цесаревич получил назначение «состоять при войсках гвардии».

Вслед за тем 10 октября последовали два новые назначения: граф Александр Владимирович Адлерберг, на которого возложено было еще с 23 мая управление Министерством двора и уделов в отсутствие отца его, лечившегося за границей, назначен товарищем министра с оставлением и в прежней должности командующего Императорскою Главною квартирой. Тем же приказом бывший адъютант великого князя Михаила Николаевича генерал-майор Свистунов назначен начальником штаба Кавказского округа на место генерал-майора Лимановского, который должен был оставить службу по некоторым особым домашним обстоятельствам*.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Это был офицер способный и дельный — один из ближайших моих сотрудников в бытность мою начальником Главного штаба Кавказской армии»[393] (*примеч. публ.*).

15 октября, в воскресение, Государь прибыл в Петербург и оставался здесь до 19-го числа, по случаю бракосочетания короля Греческого Георга с великою княжной Ольгой Константиновной. Король Георг прибыл в Петербург 7 октября, это был уже третий приезд его в этом году. На другой же день прибыл и старший брат его, наследный принц Датский. Церемония бракосочетания совершена вечером 15-го числа в Зимнем дворце с обычною торжественностью, сперва по обряду православному в Большой дворцовой церкви, а потом по протестантскому, в Александровском зале*, затем происходил в Георгиевском зале так называемый (на техническом придворном диалекте) куртаг[394]. Помещение для новобрачных было приготовлено в Зимнем дворце. На другой день, 16-го числа, дан был в честь новобрачных большой парадный обед в Николаевском зале с музыкой и пушечной пальбой с крепости. Утром 17-го числа происходило поздравление новобрачных, и, наконец, 18-го — парадный спектакль в Большом театре. Во все три дня торжеств продолжался колокольный звон, а по вечерам город был иллюминован.

Бракосочетание короля Греческого с русскою великою княжной послужило предлогом к некоторым царским милостям и наградам, объявленным в самый день церемонии: в том числе назначены генерал-адъютантами товарищ министра финансов генерал-лейтенант Грейг, петербургский обер-полицмейстер Трепов, петербургский губернатор граф Левашев и эскадр-майор Свиты Е. В. генерал-майор Сколков. Назначения эти были совершенно неожиданные для публики и могут быть объяснены только совершенно случайным обстоятельством. Государь по возвращении из Крыма при одном из первых моих докладов заговорил о дошедшем до него сведении, что по непонятному недоразумению 30 августа в Петербурге получена была телеграмма о последовавшем будто бы в этот день в числе наград назначении генерал-лейтенанта Трепова генерал-адъютантом, что с этою мнимою наградою уже поздравляли его и что он даже надел было аксельбант, а несколько времени спустя известие это оказалось ложным, что, конечно, должно было чрезвычайно

* В автографе зачеркнуто авторское примечание: «Из царской фамилии не присутствовала на церемонии только цесаревна по нездоровью» (*примеч. публ.*).

Ф.Ф. Трепов

огорчить его. О подобном случае я ничего прежде не слышал, да и не мог слышать, находившись в то время за границей. Государь же по чрезвычайному своему благодушию выразил свое сожаление о «бедном» Трепове, испытавшем столь тяжелое разочарование, и тогда же предварил меня о своем намерении поправить дело при первом удобном случае. Случай этот и представился 15 октября, но появление аксельбанта на Трепове показалось бы обидным для петербургского губернатора графа Левашева и еще более для стоявшего выше их обоих по старшинству в чине генерал-лейтенанта Грейга. Вот каким рядом соображений объясняется одновременное назначение четырех генерал-адъютантов со включением и жалкого эскадр-майора, не оказавшего

еще особенных заслуг, кроме сопровождения Государя в двукратном плавании между Николаевом и Ялтой.

Новобрачная чета оставалась в Петербурге две недели и 28 октября выехала по железной дороге на Варшаву, где должна была встретиться с возвращавшеюся из Крыма императрицей. Принц Датский еще ранее уехал в Копенгаген. На некоторое время восстановился у нас обычный будничный порядок; Государь оставался в Царском Селе, но 29-го числа, в воскресение, приехав с вечера в Петербург, переночевал в Зимнем дворце, чтобы на другой день утром смотреть на Волковом поле стрельбу из новых крепостных орудий больших калибров в стальную броню. Между тем великий князь Николай Николаевич занимался смотрами и учениями войск, в Петербурге расположенных, вызывая их внезапно «по тревоге».

Императрица с младшими детьми выехала из Ливадии 24 октября на яхте «Тигр» в Одессу, откуда на другой день продолжала путь чрез Кишинёв на Черновицы и далее по железной дороге на Варшаву, куда прибыла 30-го числа в 5 часов пополудни. На станции железной дороги встретили Ее Величество король и королева Греческие, которые в тот же вечер выехали из Варшавы в дальнейший путь. Императрица, переночевав в Бельведерском дворце, на другой день утром выехала далее. В Луге встретил ее Государь, и 1 ноября Их Величества прибыли в Царское Село.

В начале ноября возвратилась из-за границы великая княгиня Елена Павловна. 6-го числа в Царском Селе праздновался обычным порядком полковой праздник лейб-гусар, а 8-го Государь приезжал в Петербург по случаю полкового же праздника лейб-гвардии Московского полка. 15-го числа я сопровождал Государя в его поездке в Колпино, где Его Величество осматривал обширный завод морского ведомства[395].

19 ноября получено было известие о кончине московского митрополита Филарета. Кончина такого человека, которому бóльшая часть России чуть не поклонялась как святому, была почти событием. Митрополит Филарет (в светском быту Дроздов) своим аскетическим образом жизни и витиеватостью речи умел внушить к себе какое-то общее благоговение; сами императоры Николай I и Александр II всегда относились к нему с особенным почтением, не говорю уже о московских ханжах, которые принимали каждое слово Филарета наравне с евангельскими изречениями. В сущности же это был человек с тонким

умом, жестким сердцем и крайний ретроград в своих воззрениях на дела мира сего. Он был отъявленным противником и освобождения крестьян, и всех других либеральных реформ; отстаивал телесные наказания и сам поступал весьма сурово, даже иногда жестоко с подчиненными ему духовными лицами. Умер он 19 ноября, в воскресение, только что отслужив обедню, без всякой болезни, без агонии, как будто заснул «сном праведника», по словам московских ханжей. 23-го числа тело его было перенесено с большою торжественностью в Чудов монастырь, куда в продолжение нескольких дней валила толпа благочестивых москвичей поклониться праху высокочтимого святителя. 25-го числа происходило отпевание в присутствии приехавших из Петербурга по этому случаю великого князя Владимира Александровича и графа Дм[итрия] Андр[еевича] Толстого, при всем московском синклите и массе народа. На другой день гроб с такою же торжественностью перевезен по железной дороге в Троицко-Сергиевскую лавру, где и совершено 28-го числа погребение.

Императорское семейство оставалось в Царском Селе до 23 ноября. С переездом Государя в Петербург начался настоящий зимний сезон. Утренние мои поездки в Царское Село прекратились, зато удвоились всякого рода придворные, светские и служебные обязанности, отвлекающие от делового труда. Впрочем, в течение всего декабря не произошло в петербургской жизни ничего особенного, заслуживающего внимания. Припомню только празднование 7 декабря 50-летнего юбилея лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, основанием которого признавалось сформирование в 1817 году Подольского кирасирского полка. По этому случаю Государь ездил утром в Царское Село и присутствовал на церковном параде в полковом манеже; при этом освящен был вновь пожалованный полку Георгиевский штандарт. Празднество это ознаменовалось назначением генерала от кавалерии Клюпфеля, ветерана 1812 года, командовавшего полком в Польскую кампанию 1831 года, в звание генерал-адъютанта, командира полка генерал-майора Швебса — в Свиту, а полковника Нирода — флигель-адъютантом. К обеду приглашены в Зимний дворец все офицеры полка, так же как и прежде служившие в нем, и свита Государя.

18 декабря Государь принимал в официальной аудиенции принца Рейсса, в качестве посла Северо-Германского Союза.

Все вообще дипломатические представители Пруссии при иностранных Дворах в это время приняли новый титул.

В первый раз пришлось мне провести в этом году почти всю осень без семьи. После выезда моего из Гейдельберга 16 сентября жена моя с больною дочерью Ольгой оставалась там еще некоторое время и потом возвратилась в Баден ко всей остальной семье. Дочь Надя также приехала туда из Сан-Морица с теткою своею Д.М. Понсэ, которая вскоре потом уехала в Одессу. Пребывание моей семьи в Бадене было приятно для моего больного брата, который был также в нерешимости на счет выбора места зимнего пребывания. После долгих совещаний решено было наконец и брату с его семьей и моей больной дочери провести всю зиму в Бадене. Оставалось только приискать личность для ухода за больною; дело было нелегкое, и жена моя сама ездила в Гамбург, чтобы видеться с одною рекомендованною ей немкою Frau Regensdorf, которую нашла соответствующею требованиям. Таким образом, дело уладилось к общему удовольствию: оба больные, и брат, и дочь, рады были провести зиму вместе; жена моя успокоилась на счет ухода за больною дочерью, так что вскоре по возвращении ее из Гамбурга начались приготовления к возвращению моей семьи в Петербург. 8/20 ноября из Бадена выехали вперед дочери с Ольгой Ивановной Винтер: они ехали чрез Нюрнберг, Дрезден и Берлин; везде останавливались для осмотра достопримечательностей и 16 ноября приехали в Петербург. Жена оставалась еще некоторое время в Бадене, чтобы устроить на зиму больную дочь и водворить приехавшую из Гамбурга dame de compagnie*. Приискано было для них удобное помещение в том же доме, где поместился мой брат. Только 5/17 декабря жена решилась расстаться с больною дочерью и прибыла 8/20 декабря в Петербург. Таким образом, лишь в самые последние дни года собралась наконец вся семья в полном составе, за исключением все-таки бедной моей Оли.

В Бадене в эту осень съехалось многочисленное русское общество. Еще 9 октября приехала туда на несколько дней великая княгиня Елена Павловна. При встрече ее на станции железной дороги находились моя жена со старшею дочерью, жена брата Николая, князь и княгиня Черкасские и многие другие. Великая

---

* Компаньонка (*фр.*).

княгиня была чрезвычайно внимательна и любезна к брату моему; раз даже обедала у него с князем Черкасским и Ив[аном] Сер[геевичем] Тургеневым. Позже приехали Вера Аггеевна Абаза, Ю.Ф. Самарин, Жемчужников, Рубинштейн и многие другие, со своими семьями, так что для бедного моего брата в приятном обществе не было недостатка.

Также проводил зиму в Бадене генерал-адъютант Александр Петрович Карцов со всею своею семьей.

ОБЩИЕ ДЕЛА ЕВРОПЕЙСКИЕ ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ГОДА

В продолжение всего лета Парижская выставка продолжала привлекать в столицу Франции массу посетителей со всего света. В числе их перебывали в Париже почти все царственные особы. После посещения императора Российского и короля Прусского, наибольшее внимание обратил на себя приезд султана Абдул-Азиса, несколько дней после египетского вице-короля Измаила-паши. Султан прибыл 18/30 июня со своим министром иностранных дел Фуад-пашой и принят был Наполеоном с самыми изысканными почестями. На другой день приезда он присутствовал на торжестве раздачи наград экспонентам*, но приготовленные в честь Абдул-Азиса пышные празднества большею частию были отменены по случаю полученного в то время (21 июня / 3 июля) печального известия о трагической смерти злополучного эрцгерцога Максимильяна.

Событие это произвело подавляющее впечатление в Париже, так же как и в Вене. Гибель эрцгерцога и многих из окружавших преданных ему лиц легла тяжелым укором на Францию и на главу ее. Посланник французский в Мексике, также подвергавшийся опасности, находился некоторое время в заключении и только впоследствии отпущен. Все другие дипломатические представители были отозваны, и сношения с жестоким правительством Хуареса были прерваны почти всеми европейскими кабинетами. Венский же Двор, оплакивая печальный конец эрц-

* В числе русских экспонентов награждены орденом Почетного легиона: генерал-адъютант Мердер (за казенных лошадей), генерал-майор Гадолин (по артиллерийской части), тайный советник Бутовский (главный распорядитель по Русскому отделу) и полковник Новицкий (военный агент, участвовавший в комиссии экспертов).

герцога, вместе с тем был озабочен участью бедной вдовы его, эрцгерцогини Шарлоты, уже прежде страдавшей психическим расстройством. Адмирал Тегетгоф был послан в Вера-Круц на австрийском военном судне, чтобы вытребовать, по крайней мере, останки казненного императора, но и в этом сначала было отказано Хуаресом. Только уже в ноябре выдано было тело австрийскому адмиралу и перевезено в Европу.

Во время пребывания в Париже турецкого султана прибыли туда наследный принц Итальянский Гумберт (21 июня / 3 июля), король и королева Вюртембергские (26 июня / 8 июля), королева Прусская Аугуста (27 июня / 9 июля), посетившая пред тем королеву Великобританскую в Осборне. Принц Гумберт, пробыв в Париже всего три дня, уехал оттуда в Берлин и Петербург. Затем проехал чрез Париж (28 июня / 10 июля) король Шведский на пути в Виши, а 29 июня / 11 июля султан выехал из Парижа в Лондон.

В Англии уже несколько дней ранее чествовали вице-короля Египетского, а когда прибыл сам султан, то чопорные британцы совершенно вышли из обычной своей флегмы, чтобы перещеголять французов в почестях и лести падишаху. Со своей стороны, и султан был так очарован приемом, что на одном из банкетов, данном в честь его в City, увлекся примером англичан и сам произнес «спич». Пред выездом из Англии султана потешили телеграммою из Константинополя, возвещавшею новую блестящую победу над мятежными кандиотами. Известие это, подобно всем прежним ложным донесениям о турецких победах, было немедленно опровергнуто, тем не менее туркофильская печать с радостью подхватывала всякое подобное ложное известие, чтобы заглушить толки о необходимости европейского вмешательства в дело кандиотского восстания.

Султан на обратном пути чрез Германию имел в Кобленце свидание с прусским королем (12/24 июля), присутствовал на его смотру прусских войск, а 15/27-го числа прибыл в Вену, где также воздавались ему всякие почести. Затем он спустился по Дунаю, мимо Белградской крепости, с которой был приветствован пушечным салютом, но, к крайнему неудовольствию Абдул-Азиса, самого князя Сербского не было в то время в Белграде; он только что отправился на Парижскую выставку, не дождавшись проезда султана. Гнев последнего выразился тем, что он отказал в приеме желавшим представиться ему сербским ми-

нистрам. Продолжая путь по Дунаю, затем чрез Варну, султан прибыл 26 июля / 7 августа в Константинополь, где были приготовлены блестящие торжества по случаю благополучного возвращения падишаха из совершенного им беспримерного путешествия.

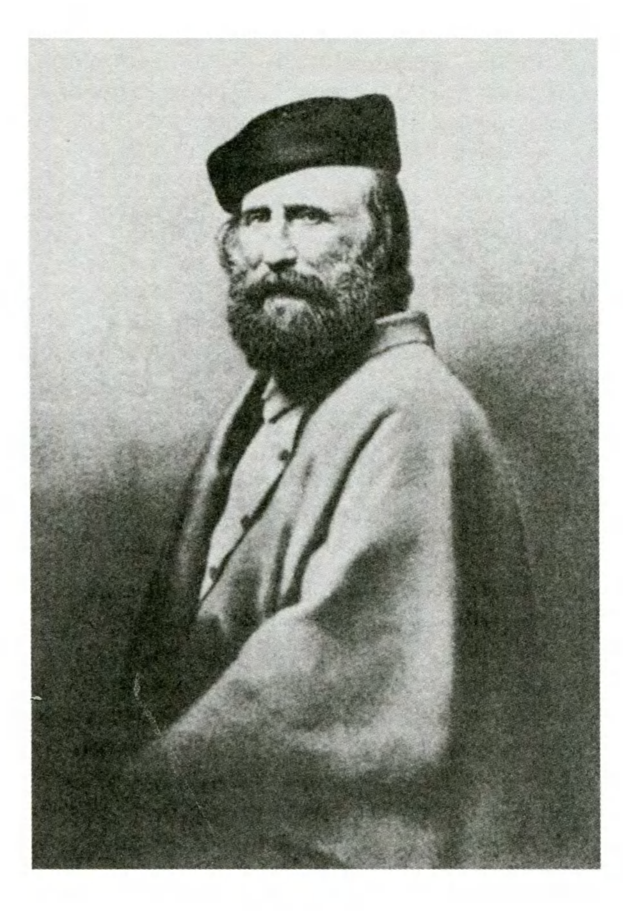
Между тем в Париж продолжали наезжать новые высокие гости. 8/20 июля прибыли король и королева Португальские, два дня спустя — король Баварский, затем, 15/27 июля, — великий князь Константин Николаевич, несколько позже вторично посетили Париж наследный принц Итальянский по возвращении из Петербурга и король Шведский на обратном пути из Виши. После приема и чествования столь многочисленных царственных посетителей и сам император Наполеон предпринял путешествие (5/17 августа) в Шалонский лагерь, где съехался с императрицею Евгенией, которая выехала ранее из Парижа и посетила королеву Викторию в Осборне. Визиту этому приписывались различные цели, и между прочим предполагали, будто бы императрице Евгении было поручено Наполеоном добыть от королевы какие-то переданные ей на хранение покойным эрцгерцогом Максимильяном важные бумаги или письма, компрометировавшие императора французов. Из Шалона Наполеон с императрицей Евгенией отправились чрез Страсбург и Мюнхен в Зальцбург, для свидания с находившимся в Ишле императором Францем-Иосифом. При Наполеоне состояли только генерал Флёри и французский посол в Вене герцог де-Грамон; никого из министров не было. При австрийском же императоре находились сам канцлер барон Бейст, граф Андраши, Таафе и посол австрийский в Париже князь Меттерних. Присутствие всех этих личностей придавало зальцбургскому свиданию значение политическое и потому подало повод к разным догадкам и предположениям, особенно после тех почестей, которые незадолго пред тем воздавались султану Турецкому и в Париже, и в Лондоне, и в Вене. Какие бы ни были в действительности предметы зальцбургских совещаний, нельзя было не заметить некоторого влияния их на последующие отношения Французского кабинета к вопросам восточной политики[396].

Пробыв в Зальцбурге три дня, император Наполеон с императрицей Евгенией возвратились 11/23 августа в Париж, откуда немедленно уехали в Биарриц и там оставались до начала октября. Они возвратились в Париж (т. е. в Сен-Клу) только к тому времени, когда император Австрийский отдал им визит. На пути

своем в Париж (10/22 октября) Франц-Иосиф имел на станции (близ Бадена) свидание с королем Прусским; в Париже пробыл около двух недель и возвратился в Вену (26 октября / 7 ноября) совершенно довольный оказанным ему приемом. Барон Бейст, сопровождавший императора Франца-Иосифа, проехал из Парижа в Лондон, чтобы ощупать тамошнее политическое настроение.

В продолжение пребывания императора Наполеона в Биаррице спокойствие его было нарушено событиями в Италии. После выступления французских войск из Рима, на основании сентябрьской конвенции 1864 года, оставалось лишь незначительное число их в Чивита-Веккии, и хотя на службе папы состояли сформированный во Франции так называемый Антибский легион и отряд «папских зуавов», однако же эти средства казались недостаточными для обеспечения «священного города» от замыслов итальянских патриотов (или, как называли их, революционной партии), мечтавших о перенесении в Рим столицы юного королевства Итальянского. С самого начала года французское правительство предостерегало Флорентинский кабинет об этих замыслах и указывало на необходимость бдительного надзора за действиями главы республиканской партии Гарибальди, на том основании, что, в силу той же сентябрьской конвенции, охранение границ римских владений от могущих возникнуть покушений революционеров принял на себя король Итальянский. Однако ж правительство флорентинское смотрело сквозь пальцы на формировавшиеся в пределах королевства гарибальдийские шайки. В сентябре, когда собравшийся в Женеве «конгресс мира»[397] выбрал Гарибальди своим почетным президентом, этот предприимчивый и отважный энтузиаст, с небольшою шайкой таких же, как он сам, фанатиков прорвался сквозь кордон итальянских войск на папскую территорию. Попытка эта не удалась; шайка была настигнута итальянскими войсками и частию разбежалась; сам Гарибальди арестован и отвезен сначала в крепость Алессандрию, а потом на остров Капреру. Но надзор за ним был такой слабый, что он без затруднения бежал с острова и снова появился на границе папских владений. 2/14 октября гарибальдийские шайки имели сильную схватку с папскими зуавами и нанесли им поражение при Монте-Маджоре.

Эта повторившаяся попытка вызвала тревогу в европейской дипломатии и щекотливые объяснения между кабинетами Парижским и Флорентинским. Уже началась в Тулоне посадка



Д. Гарибальди

французских войск для подкрепления корпуса генерала Фальи в Чивита-Веккии, но 9/21 октября, вследствие успокоительных заявлений итальянского правительства, посадка войск в Тулоне приостановлена. Едва прошло три дня, как снова получены были известия о продолжавшемся движении гарибальдийцев и сочувственных им демонстрациях населения Римской области. Немедленно же возобновилась прерванная посадка французских войск на суда, и 17/29 октября первый эшелон их уже высадился в Чивита-Веккии в тот самый день, когда Гарибальди вытеснил папские войска из Монте-Ротондо в 6 милях от Рима. Итальянское правительство для устранения открытого разрыва с Францией и занятия вновь Рима французскими войсками приказало своим пограничным войскам вступить в пределы папских

владений и воспрепятствовать дальнейшим успехам гарибальдийцев. Такое колебание со стороны Флорентинского кабинета было поводом к перемене министерства: генерал Чиальдини, только что сменивший Ратаци, должен был уступить место президента Кабинета генералу Менабреа, стороннику мирной политики. Одновременно (около 20 октября / 1 ноября) передовые части французского корпуса, под начальством генерала Дюмона, вступили в Рим, а войска итальянские перешли границу с заявлением, что вступают в папские владения для водворения в крае порядка и спокойствия. Гарибальди, поставленный между двух огней, после жаркого боя 22 октября / 3 ноября при Монтана (между Монте-Ротондо и Тиволи), в котором понес значительную потерю, принужден был отступить и снова был арестован[398].

Образ действий итальянского правительства возбудил негодование в большей части населения юного королевства. В Милане, Павии и других местах возникли народные волнения, доходившие до кровопролития. Начались снова переговоры между Кабинетами о созвании международной конференции для обсуждения Римского вопроса, но Флорентинский кабинет не иначе соглашался принять участие в совещаниях, как по предварительном выступлении французских войск из Рима. Переговоры о конференции затянулись. Хотя французские войска и были выведены из Рима (последние части выступили 21 ноября / 3 декабря) и даже возвращена в Тулон часть экспедиционного корпуса, однако ж правительство французское вместе с тем выражало твердое намерение не допустить ни в каком случае уничтожения светской власти папы и нарушения неприкосновенности римских владений в тогдашних пределах их. Наоборот, Англия заявила, что при такой заранее поставленной программе она не примет участия в конференции. Когда же во французском Законодательном собрании, в пылу прений о грозившем падении светской власти папы, вырвалось у государственного министра Руэ энергическое восклицание: «jamais»*, то все надежды на конференцию окончательно рушились.

В сделанном мною обзоре общеевропейской политики в течение всего 1867 года нельзя не заметить, какое пассивное участие в ней принимали Пруссия и Англия. Первая была занята довершением важного для нее дела — объединения Германии. При во-

---

* Никогда (*фр.*).

зобновлении в конце августа заседаний Северо-Германского рейхстага, граф Бисмарк (получивший незадолго пред тем звание союзного канцлера) объявил депутатам о благоприятных результатах переговоров с южно-германскими государствами относительно сохранения общегерманского Таможенного союза и внес на утверждение рейхстага несколько новых законопроектов, клонившихся к той же цели — органическому единству Германии[399].

Со своей стороны, Англия, как уже было замечено, была озабочена внутренними делами, в особенности же беспокойствами в Ирландии, а в конце года предпринятою военною экспедицией в Абиссинию, для выручки нескольких англичан, захваченных абиссинским негусом Фёдором и содержавшихся уже несколько месяцев в строгом заключении[400]. В половине июля этот вопрос был поднят в парламенте лордом Сеймуром и Роулинсоном; с августа приступлено было к приготовлениям военным, а в сентябре первые части экспедиционного корпуса, прибывшие из Индии, высажены на западный берег Красного моря, близ Массавы. В конце года общественное мнение в Англии было занято почти исключительно ходом Абиссинской экспедиции и проделками фениян, принявшими угрожающие размеры. Ряд совершенных ими преступлений, закончившийся минным взрывом в самом Лондоне с целью разрушения тюрьмы, в которой содержалось несколько вожаков фениянского движения, возбудили в Лондоне почти панический страх. Такое положение дел в самой Англии объясняет ту сдержанность, с которою Лондонский кабинет относился в это время к событиям на Востоке.

Пока велась бесплодная дипломатическая переписка между державами о побуждении Порты к прекращению кровопролития на острове Кандии, турки продолжали бесчеловечное разорение края и истребление населения. Прибывший в апреле месяце для окончательного подавления мятежа новый главнокомандующий турецкими войсками на острове Омер-паша обратился к кандиотам с воззванием, в котором приглашал их положить оружие и сулил им великие милости от султана, но турецким обещаниям давно уже перестали верить, и кровопролитие возобновилось с новою силой. После жарких стычек 22 и 23 апреля (ст. ст.) Омер-паша сосредоточил значительный отряд для наступательного движения во внутрь острова, в горную страну Сфакию, обитаемую самым воинственным населением. Турецкий главно-

командующий хвастливо заявил, что в несколько недель положит конец сопротивлению инсургентов. Однако ж турки опять были отбиты (в мае) и понесли большие потери. Между тем собравшиеся представители народа постановили учредить временное правительство и утвердили конституцию впредь до присоединения острова к Греческому королевству. Главою этого правления избран был один из самых видных вожаков движения Димитрий Маврокордато. Временное правительство приняло энергические меры к поддержанию упорной борьбы; отправило семейства в безопасные места и в короткое время успело под глазами блокировавшего турецкого флота сформировать свою маленькую флотилию из 5 судов, вооруженных 30 орудиями. Только уже в августе (9/21-го числа) удалось наконец турецкому флоту настигнуть один из отважных кандиотских пароходов «Аркадион», который, видя неминуемую гибель, выбросился на берег; экипаж спасся в горы, предав огню брошенное судно.

В течение всего лета происходили также в Болгарии и Македонии кровавые столкновения инсургентов с турецкими войсками[401]. Но изолированные эти попытки восстания христианского населения не могли вести к иным результатам, кроме усиления жестокостей со стороны турецких властей. В Болгарии Мидхад-паша беспощадно казнил и сажал в тюрьмы виновных и невинных. Жестокие и несправедливые, эти меры только усиливали в народе раздражение и ненависть к турецкому владычеству. В конце мая генерал Игнатьев писал мне: «Восточный вопрос можно теперь считать похороненным на некоторое время. Люксембургский вопрос, поднявший было на ноги наших единоверцев, решен мирным путем: наш Государь был в Париже, а султан отправился путешествовать по Европе и заискивать покровительство Запада. Поездка падишаха и появление в европейских столицах лукавого его спутника Фуада будут иметь, очевидно, вредные последствия для нашего влияния»*.

Поездка султана в Западную Европу не только не оказала благоприятного для христианского населения Турции влияния на образ действий Порты, как многие надеялись, но еще усилила самоуверенность и высокомерие ее. Удостоверившись в сочувствии Англии, заручившись благосклонным расположением

---

* Письмо генерал-адъютанта Игнатьева из Константинополя от 30 мая / 11 июня[402].

Франции и Австрии, Порта более чем когда-либо сделалась невнимательною к советам и увещаниям России. Она не только не смягчила своего бесчеловечного образа действий относительно христианского населения Кандии, Эпира, Болгарии, но еще настойчивее требовала от главнокомандующих энергических действий для подавления мятежа.

После решительного отказа Порты на коллективную ноту пяти держав и оказанных, несмотря на то, чрезмерных почестей и любезностей султану в Париже, Лондоне и Вене, казалось ясным, что нечего более ожидать успеха от каких-либо новых дипломатических понуждений. Однако ж наш посол в Константинополе все еще пытался склонить турецких министров к изменению образа действий Порты и возлагал некоторые надежды на посольство Фуада-паши в Ливадию. Когда французский министр иностранных дел в августе месяце поручил своему послу в Петербурге узнать предположения русского правительства о дальнейшем образе действий по Кандиотскому вопросу, то князь Горчаков ответил (27 августа / 8 сентября), что следует выждать результата переговоров, начатых в Ливадии, и затем уже сговориться насчет дальнейшего плана. При этом наш канцлер заметил, что зальцбургское свидание императоров Наполеона и Франца-Иосифа подало повод к разным толкам о сближении Франции с Австрией и об изменении восточной политики Парижского кабинета, и что при таких обстоятельствах необходимее, чем когда-либо, согласие в действиях между Кабинетами, дабы турки не могли рассчитывать на разлад между ними.

Прошло более месяца после ливадских объяснений, а дела на острове Кандии нисколько не улучшались; кровопролитие и разорение края продолжались по-прежнему, несмотря на уверения Порты, что теперь открывается возможность объявить инсургентам амнистию и созвать представителей народа для обсуждения реформ, которыми будто бы предполагается улучшить положение христиан. Таким образом, Порта продолжала морочить Европу благими обещаниями и намерениями, которым никто уже не доверял. Кандиоты отказались от выбора делегатов в предположенное Портою совещание, но правительство турецкое и тут разыграло комедию, назначив подставных представителей кандиотов. В исходе сентября Порта нашла нужным послать на остров самого Али-пашу, верховного визиря, для объявления населению мнимых милостей султана и для умиротворения края.

Однако ж и эта попытка не имела успеха. В октябре посланы были на остров новые подкрепления войскам.

Когда сделалось очевидным, что и ливадское свидание прошло бесследно, князь Горчаков (21 сентября / 3 октября) поручил барону Будбергу возобновить обмен мыслей с французским министром иностранных дел о дальнейших совместных действиях обоих Кабинетов, ввиду упорства Порты. «Усилия нравственного влияния истощены, — писал наш канцлер, — теперь необходимо европейским Кабинетам или признать свою несостоятельность пред Портою, или прибегнуть к мерам понудительным»[403]. Первое, — по мнению князя Горчакова, — несовместно с достоинством держав, но и второе оказывается неприменимым к обстоятельствам, и затем что же предлагает он для выхода из этой трудной дилеммы? — предъявить Порте коллективную *декларацию*, которою выразить, что европейские Кабинеты, видя нежелание Порты сообразоваться с их советами, слагают с себя всякую ответственность за дальнейшие последствия! И вот в чем, по предложению князя Горчакова, должна была состоять *решительная* мера. Такое предложение, конечно, принято было всеми с полным удовольствием. 18/30 октября русский проект декларации, с неважными редакционными изменениями, сделанными французским министром иностранных дел, рассылается ко всем Кабинетам при циркуляре князя Горчакова[404], и послу нашему в Константинополе поручается войти в соглашение с представителями других держав насчет предъявления Порте *последнего* слова Европы. 25 октября / 6 ноября декларация предъявлена представителями России, Франции, Пруссии и Италии[405]. Австрия и тут стала особняком: посол ее, барон Прокеш, на другой день сообщил Порте советы Венского кабинета в отдельной ноте.

Так окончилась дипломатическая кампания, предпринятая столь энергично против Порты по инициативе нашего канцлера. Турки могли быть вполне довольны: освободившись от неудобной опеки Европы, от вмешательства ее во внутренние дела Турции, они продолжали разорять несчастный остров, но все-таки не могли заставить кандиотов положить оружие. В начале ноября Омер-паша был отозван в Константинополь и заменен Гусейном-пашой. Все пышные турецкие обещания реформ в христианских областях ограничились повелением султана ввести предложенную Фуадом-пашой организацию вилаетов, то есть больших административных округов, вроде наших генерал-гу-

бернаторств, что, очевидно, не могло иметь ни малейшего значения в смысле облегчения и улучшения положения христианского населения.

ДЕЛА СЕРБСКИЕ

Вывод турецких гарнизонов из сербских крепостей был со стороны Порты важною уступкой давнишним притязаниям Сербии. Но уступка эта только на время отсрочила готовившееся в этой стране восстание. Сербы домогались полной независимости и считали своим историческим призванием стоять во главе общего движения всех славянских племен Балканского полуострова. Несмотря на совершившуюся, к великой радости народа, передачу крепостей в руки сербов, военные приготовления в княжестве не прекращались; напротив того, сербское правительство заявляло нашему Министерству иностранных дел, что оно надеется быть готовым к войне к будущей весне, и просило о присылке в Белград опытных офицеров специальных родов оружия, для проверки того, что уже сделано в видах приготовления к войне и для указания того, что еще предстояло сделать. Просьба эта была уважена: с Высочайшего разрешения еще в апреле командированы были в Сербию полковник Генерального штаба Леер, инженер-полковник Постельников и Гвардейской конной артиллерии капитан Снесарёв. Независимо от того, просились отправиться в Сербию некоторые офицеры под видом отпуска: гвардейского гусарского полка Раевский, Преображенского поручик Кесянов (родом болгарин) и другие. Собирался ехать туда и генерал Черняев, остававшийся в Петербурге без дела и разыгрывавший роль несправедливо обиженного*.

В начале мая получил я от сербского военного министра полковника Блазнаваца (от 25 апреля / 7 мая) письмо, в котором он благодарил меня за оказанные уже русским правительством сочувствие и поддержку, а вместе с тем обращался с некоторыми новыми просьбами, как то: о доставке артиллерийских лошадей, продовольственных запасов, оружия, офицеров и проч. По всем

* Еще 29 января генеральный консул наш в Белграде Шишкин телеграфировал[406], что там встревожены известием, полученным от какого-то сербского офицера из Петербурга о том, что едет в Сербию русский генерал Черняев incognito. Первый министр сербский Гарашанин просил сообщить ему: правда ли это и каковы военные качества Черняева?

пунктам я доставил полковнику Блазнавацу нужные сведения и обещал возможное содействие сербскому Военному министерству в дальнейших его распоряжениях[407].

Командированные в Сербию офицеры, прибыв туда в начале мая, подробно осмотрели всю изготовленную под личным руководством полковника Блазнаваца материальную часть, объехали стратегические местности края, ознакомились с настроением населения. Военный министр сербский, видимо, желал похвастаться пред ними успехами своих распоряжений. Однако ж наши офицеры донесли, что военные средства Сербии далеко еще не в таком состоянии, чтобы можно было начать борьбу с турками, и высказали откровенно свои мнения сербскому военному министру, указав ему письменно все, что остается еще доделать, чтобы действительно Сербия могла считать себя готовою к войне. Полковник Леер представил общие соображения относительно плана действий в случае войны; полковник Постельников указал пункты, которые было бы полезно укрепить; капитан Снесарёв занялся составлением ведомостей недостающих предметов материальной части, сербской артиллерии, табелей, штатов и Положений, необходимых для формирования батарей.

Сербский военный министр в письме ко мне от 30 июня рассыпался в выражениях благодарности за присылку таких дельных и усердных офицеров; сообщал о желании князя Михаила возложить на капитана Снесарёва должность начальника и инспектора всей артиллерии и принять на сербскую службу еще до 30 русских офицеров. Полковник Блазнавац в своем письме прямо высказывал с самоуверенностью, что Сербия будет скоро готова начать борьбу со своими притеснителями и надеется окончить ее с успехом, но вместе с тем обращался с новыми просьбами о доставлении разных предметов артиллерийских и в особенности ружей*.

---

* «La lettre que V.E. m’a fait l’honneur de m’adresser le 25 du mois passé en rèponse à la mienne, m’encourage et m’inspire la confiance en même temps que nous arriverons bientôt à compléter notre armement et à être en mesure d’entreprendre une lutte sérieuse contre notre oppresseur et de la terminer à notre avantage» (*фр.*; письмо Блазнаваца от 30 июня 1867 г.). — «Письмо, которое я имел честь получить от Вашего Превосходительства 25-го числа прошедшего месяца в ответ на мое письмо, ободрило меня и одновременно вселило уверенность, что мы вскорости сумеем укомплектовать наши войска и будем в силах вести серьезную войну против наших угнетателей и завершить ее в свою пользу»[408].

На все просьбы сербского правительства последовали Высочайшие соизволения: разрешено было прислать нескольких сербских офицеров в Красносельский лагерь, а потом одного инженерного офицера с двумя унтер-офицерами в саперный лагерь в Петергоф для практического изучения минного дела. В Петербург присланы были два сербские офицера: Николич и Радонич в качестве агентов для приемки и отправки всех предметов артиллерийской материальной части, в том числе ударных трубок разных форм, образцов артиллерийской сбруи и т. п. Предметы эти отправлялись Николичем морским путем в Гамбург чрез одну банкирскую фирму; некоторые же предметы вооружения готовились к отправке в Николаев, в том числе и ружья, какие только можно было набрать в наших арсеналах, большею частью из числа 7-линейных нарезных, вышедших уже из употребления, частию даже гладкоствольных. Мы не скрыли от сербского правительства, что сами нуждаемся в усовершенствованном оружии, и предупредили, что наше старое оружие, хотя исправное, может пригодиться только для вооружения народа в ожидании приобретения лучшего оружия из Америки или из Франции и Пруссии, которые тогда продавали за бесценок свои старые, заряжаемые с дула ружья.

Князь Горчаков не противился на этот раз удовлетворению всех просьб Сербии, как полагаю, благодаря сильному в то время на него влиянию директора Азиатского департамента П.Н. Стремоухова. Канцлер справедливо находил, что присутствие русских офицеров в рядах сербских войск не может быть поставлено в упрек России, когда столько офицеров других национальностей служило в войсках турецких, египетских, румынских и прочих, а в самой Сербии место военного министра, до назначения Блазнаваца, занимал француз Mondain. Доставка разных артиллерийских предметов представляла более затруднений и могла подать повод к неприятным объяснениям, но и в этом отношении принятый способ доставки оставлял наше правительство в стороне: артиллерийские грузы доставлялись в Сербию чрез банкирские конторы, которые могли, по своему усмотрению, сбывать приобретаемое ими старое оружие русское точно так же, как и всякое другое. Мы даже имели в виду пример подобного транспорта, перехваченного австрийскою таможнею, которая нашла в контрабанде австрийские же ружья. Князь Горчаков, как уже сказано, жил спокойно в Царском Селе, в

одном из дворцовых помещений; я часто заходил к нему для личных объяснений по восточным делам, а в половине июля пред отъездом Государя в Крым принял я участие в происходившем у князя Горчакова совещании о дальнейшем направлении этих дел во время отсутствия Его Величества.

Между тем, однако же, присутствие наших офицеров в Сербии обратило на себя внимание иностранных Кабинетов, особенно венского, который пристально следил за всем происходившем в Белграде. Австрийское шпионство всегда было развито в высшей степени. Еще в июне Стремоухов поручал Шишкину предупредить наших офицеров, чтобы они держали себя как можно осторожнее. Впрочем, в таком совете не было надобности, так как они все отличались своею сдержанностью и рассудительностью. Тем не менее разнесся слух, будто бы в Сербии находится incognito генерал Черняев, и заподозрили, что капитан Снесарёв не кто другой, как именно «князь» Черняев. Поэтому за ним особенно зорко присматривали австрийские и турецкие шпионы. Даже прислан был из Вены какой-то генерал с поручением удостовериться в справедливости слуха. Он прямо приехал к Снесарёву рекомендоваться, сказав ему, что желал познакомиться с генералом Черняевым, и крайне был сконфужен, когда Снесарёв подал ему свою визитную карточку.

По желанию сербского военного министра, в конце июля была начата под руководством наших офицеров примерная осада Белградской цитадели. Главным распорядителем был инженер-полковник Постельников. Велись подступы, строились батареи, производились минные взрывы и даже под конец пробивание бреши в крепостной стене с целью испытать действие орудий, изготовленных в Белградском арсенале. Небывалые эти упражнения, естественно, привлекли массу любопытных; сербы были в восхищении, а более всех доволен был полковник Блазнавац, желавший пощеголять результатами своей деятельности. Сам князь Михаил, проводивший лето в деревне, приехал в Белград и присутствовал при последних актах воображаемой осады. Он и его министры с самодовольством смотрели на разрушение старинных стен цитадели, так недавно еще бывшей оплотом турецкого владычества в столице Сербии.

Офицеры наши, при всем наружном к ним внимании сербских властей, начали, однако же, замечать, что указания их и советы оставались большею частию без практического результа-

та. Полковник Блазнавац, считавший себя специалистом по артиллерийской части, сам проектировавший и изготовлявший орудия, продолжал неутомимо увеличивать число их и выставлять их на глаза прохожих пред арсеналом, между тем как во всем другом был полный застой: ни продовольствие не заготовлялось, ни лошади не закупались, ни указанные нашими офицерами пункты не укреплялись, да и по части артиллерийской только росло число орудий, но к ним не было ни снарядов, ни передков, ни упряжи, ни зарядных ящиков. При объяснениях наших офицеров с сербским военным министром о том, что самые существенные меры для приготовления к войне не приводятся в исполнение, полковник Блазнавац, не оспаривая их, говорил: «Si, si, vous aver parfaitement raison»*, — а между тем продолжал по-своему делать лишь то, что бросалось в глаза, и раз даже заявил, что представленная нашими офицерами записка с подробными указаниями на все предстоявшие распоряжения затерялась. Полковники Леер и Постельников увидели, что им ничего другого не оставалось, как уехать из Сербии, на что они и получили разрешение; капитана же Снесарёва князь Михаил уговорил остаться, продолжая заявлять свое желание назначить его начальником всей сербской артиллерии.

В сентябре назначен был в Крагуеваце сбор скупщины, от которой предстояло сербским министрам выпросить денежные средства на военные приготовления. На время сбора скупщины князь с министрами переехал в Крагуевац и пригласил туда Снесарёва, который один из иностранцев присутствовал в заседаниях и ежедневно был приглашаем к княжескому столу. Тут он имел удобный случай ознакомиться с истинным положением дел в стране, имея беспрестанные сношения не с одними лишь правительственными властями, но и с представителями всего народа. Таким образом, в его глазах разъяснилось многое, что прежде казалось загадочным в распоряжениях военного министра. Он убедился, что воинственное возбуждение, желание войны неотлагательной весьма распространено в массе простого народа, но стремлениям этим мало было сочувствия в правительственных сферах и в среде образованных кружков. Большинство людей влиятельных, начиная с самого князя и военного министра, не было расположено рисковать и старалось,

* «Да, да, вы совершенно правы» (*фр.*).

Михаил Обренович

сколько возможно, оттягивать взрыв народного возбуждения, но, опасаясь внутреннего кризиса, должно было показывать вид деятельных приготовлений к войне. Этим объяснялось желание полковника Блазнаваца выставлять на глаза произведения созданного им арсенала, так сказать, бросать пыль в глаза представителям народа. Кроме того, выяснилось еще одно весьма важное обстоятельство: масса простого народа с давних времен оставалась преданною России; для нее русское имя имело магическое значение, тогда как в правительственных сферах имели влияние люди, получившие заграничное воспитание, преимущественно в Париже, Вене, Берлине, заразившиеся там антирусскими взглядами и смотревшие на Россию с некоторым пренебрежением. Отсюда понятно, что и князь Михаил, и его военный министр старались пред представителями народа выставлять на вид

русских офицеров и оказывать им наружный почет, оставляя под спудом добрые советы их. Полковник Блазнавац уверял капитана Снесарёва, будто князь любит представительность и что ему будет приятно во время пребывания в Крагуеваце видеть русского офицера постоянно в мундире. Снесарёв наивно последовал этому совету и ходил в мундире до тех пор, пока сам князь с некоторым удивлением спросил его, почему он всегда так наряден. Раз полковник Блазнавац просил Снесарёва показать князю учение полевой артиллерийской батареи, сформированной и обученной им, Снесарёвым. По желанию Блазнаваца, Снесарёв сам и командовал батареей пред депутатами скупщины и толпою любопытных. Учение было исполнено с блестящим успехом; князь был в восторге, и Блазнавац сознался, что сам никогда не видал подобного учения артиллерии.

Капитан Снесарёв, поняв вполне, какую роль заставляют его разыгрывать в Сербии, и опасаясь, чтобы шарлатанские проделки Блазнаваца не пали впоследствии на ответственность русского офицера, видя притом, что объяснения с военным министром остаются без всяких результатов, решился наконец открыть глаза князю и воспользовался первым удобным случаем, оставшись наедине с князем пред обедом, чтобы высказать ему, как несообразны распоряжения военного министра по артиллерийской части. Князь был озадачен. Среди разговоров вошел сам Блазнавац, и Снесарёв продолжал при нем со всею откровенностью объяснять, что бесполезно готовить массу одних орудий и в то же время не готовить к ним снарядов, передков, принадлежности, не формировать и не обучать батарей и т. д. Блазнавац вывертывался, как мог, стараясь доказать, что все это может быть сделано в последнюю минуту, лишь бы иметь достаточное количество главного материала. Князь, видимо, подчинившийся влиянию своего министра, поддерживал его взгляд, высказывая, что Сербия должна запасти материальную часть не для одной лишь своей организованной армии, но также для всей массы славянского населения, готового поднять оружие. Обед прекратил эти щекотливые объяснения. Снесарёв счел своею обязанностью немедленно после обеда передать весь разговор первому министру Гарашанину, который более других внушал доверие, а также сообщил и генеральному консулу Шишкину, который вполне разделял взгляд Снесарёва. Гарашанин принадлежал тогда к партии русской и сознавал двуличную роль, которую

И. Гарашанин

сербское правительство разыгрывало пред своею «благодетельницею», но был не в силах бороться с Блазнавацем, вполне завладевшим князем Михаилом. Снесарёв убедился в том, что Сербия не готова, да и не готовится серьезно к войне, что она даже не желает воспользоваться услугами России, чтобы пока-

зать, что она и без них может обойтиться, за исключением, однако же, русских денег, которые сербское правительство привыкло получать, как будто обязательную субсидию. Впрочем, если б Сербия и приготовила необходимые для войны материальные средства, то все-таки было трудно ожидать успеха в затеваемой борьбе, по совершенному неимению людей, способных взять в свои руки и вести такое рискованное дело. В Сербии не было даже подготовленных начальников частей войск; можно сказать, не было никакой организации военной. Вся военная администрация сосредоточивалась в одном лице — военного министра.

Сербское правительство не умело поддержать свое положение и в отношении соседнего славянского населения, которое еще в начале года было готово подняться под знаменем Сербии. Не только босняки, герцеговинцы, болгары ожидали от Сербии сигнала к восстанию, но даже среди австрийских южных славян, особенно граничар, высказывалась готовность броситься на помощь братьям, лишь только наступит желанный час. Более всех болгары находились в тяжком положении; они бежали толпами с родины от казней и темниц, одни в Румынию или Россию, другие — в Сербию. Тогда возникла мысль о сформировании в среде сербского войска кадров для будущего болгарского ополчения. Поручик Кесяков, о котором было упомянуто выше, старался уладить это дело: сформирована была особая учебная рота из болгар, а кроме того допускались болгарские выходцы и в состав сербских войск. Но скоро возникли разного рода неудовольствия, сербское начальство обращалось с болгарами жестко. К осени 1867 года в учебной роте было всего 92 человека, а в прочих частях около 150 болгар. Между австрийскими сербами также образовалась партия недовольных, которые завели ожесточенную газетную войну против сербского правительства.

В начале декабря получено было из Белграда известие об отставке Гарашанина и Ристича, двух министров, наиболее надежных в глазах русского правительства. Блазнавац сделался первым министром, оставшись и военным министром. Он забрал в свои руки все части администрации и полновластно распоряжался всеми суммами, какие успел выманить от скупщины. Известие это произвело у нас весьма неприятное впечатление; Шишкину поручено было объясниться начистоту с князем, который оправдывал свое решение тем предлогом, будто Гарашанин потерял доверие князя своею нескромностью в тайных сно-

шениях, веденных им с босняками, герцеговинцами и албанцами. Князь выразил при этом удивление, что в Петербурге не ценят его характера, предполагая, что он может изменить политическим своим принципам.

Между тем князь Михаил в письме ко мне от 30 ноября[409] продолжал восхвалять полезную деятельность бывших в Сербии наших офицеров, в особенности же капитана Снесарёва, которому просил разрешение на вступление в сербскую службу. По тому же предмету получил я письмо от нового министра иностранных дел Петроневича[410]. По докладе этих писем Государю и по взаимному соглашению моему с канцлером решено было отклонить просьбу сербского князя относительно Снесарёва, и в то же время Высочайше повелено приостановить выдачу Сербии субсидий. 10 декабря я отправил свои ответные письма князю Михаилу и Петроневичу[411], а вместе с тем сообщил Снесарёву Высочайшую волю, чтобы он прекратил всякие служебные сношения с правительством сербским, но оставался бы в Белграде еще некоторое время частным лицом, для того чтобы внезапному его выезду не был придан характер демонстрации. При этом я писал Снесарёву: «Вы знаете, что мы не только не побуждали Сербию готовиться к войне с Турцией, но выставляли ей всю опасность опрометчивого образа действий и предупреждали, что ни в каком случае она не должна рассчитывать на принятие нами участия в этой войне; мы не связали себя никакими обещаниями материальной поддержки»*. Письмо это было так написано, чтобы Снесарёв мог, при удобном случае, показать его кому-либо из сербских властей.

Капитан Снесарёв оставался в Белграде до половины февраля 1868 года. В одном из последних своих донесений[413] оттуда он представил жалкую картину тогдашнего положения сербского правительства, озадаченного прекращением русских субсидий и возбудившего против себя озлобление всех партий[414]. Сербские министры боялись разглашения в народе известия о том, что они своим образом действий лишили Сербию покровительства России. Положение дел к началу 1868 года было таково, что можно было скорее ожидать внутреннего переворота, чем восстания против турок.

---

* Письмо от 6 декабря 1867 года[412].

Но пока не обнаружилась двуличная политика сербского правительства, пока в Петербурге и в Вене еще верили действительности готовившейся войны на Балканском полуострове, дипломатия, естественно, была озабочена могущими произойти случайностями. Местное народное восстание могло легко обратиться в общую европейскую войну и послужить началом разрешения векового Восточного вопроса. В особенности было озабочено австрийское правительство. Весьма любопытные сведения по этому предмету сообщал мне наш военный агент в Вене генерал-майор барон Торнау, который еще в июне по возвращении с Парижской выставки передавал мне свой разговор с одним из австрийских генералов, принадлежавшим к высшей административной сфере. Говоря о военных приготовлениях Франции, генерал сказал: «Готовится столкновение не только между французами и пруссаками; над нашими головами висит всеобщая европейская война; к ней ведет Восточный вопрос, и мы будем вынуждены драться с вами, это неизбежно». Когда Торнау возразил, что Россия не ищет никаких территориальных приобретений, а преследует одну лишь цель человеколюбия — освобождение одноплеменных с нею народов от нестерпимого турецкого владычества, австрийский генерал сказал: «В этом-то мы и не можем согласиться с Россией; автономия задунайских славян гибельна для Австрии, она не может существовать без присоединения их к тем славянам, которыми она уже владеет столько веков. Я знаю, вы действуете заодно с Пруссией, но вы встретите на своем пути европейскую коалицию, *если не состоится полюбовный раздел*, то вы принудите Австрию сражаться за свое существование...»* Привожу эти замечательные слова, в которых выразилась так верно политика Австрии, что можно применить их не к одному лишь 1867 году, но и ко всем другим критическим эпохам возникновения Восточного вопроса, не исключая и 1878 года[416].

По донесениям наших агентов в исходе 1867 года, в Австрии уже начались приготовления на случай войны; предполагалось при первой вспышке народного восстания в северных областях Турции немедленно ввести туда австрийские войска. Наша дипломатия также встревожилась: на случай, если б не удалось отклонить вооруженное вмешательство Австрии, имелось в виду объявить ей войну и ввести наши войска в Галицию. В начале

---

* Письмо генерал-майора барона Торнау от 19 июня / 1 июля[415].

ноября Государь объявил мне об этом предположении и приказал заняться составлением на тот случай соображений. Дело требовало безусловной тайны, а потому я занялся им лично, вытребовав только из министерства некоторые данные. 9 ноября представлена мною Государю записка, в которой я счел нужным прежде всего разобрать разные возможные комбинации относительно политической группировки государств, в том предположении, что столкновение наше с Австрией не может быть отдельным фактом, без участия всей остальной Европы[417]. Необходимо было по возможности разъяснить заранее, кого будем иметь союзниками и кого противниками. Во всяком случае, занятие Галиции нашими войсками было бы только первым актом большой европейской войны, а потому я находил необходимым поставить на военное положение разом все наши боевые силы. Представив затем проект первоначального распределения наших войск, расчет времени, требуемого для их мобилизации и для сосредоточения армий, я приходил к тому заключению, что в случае возможности войны было крайне необходимо заблаговременно начать подготовляться к ней, по крайней мере принятием таких мер, которые особенно требуют продолжительного времени и которые могут быть приводимы в исполнение в числе обыкновенных распоряжений мирного времени без возбуждения каких-либо подозрений. Тут, конечно, опять затрогивался* вопрос финансовый.

Государь, прочитав мою записку и одобрив мои соображения, приказал мне составить списки кандидатов на разные должности, в случае формирований армий и корпусов. Списки эти были представлены Его Величеству чрез несколько дней. В числе первый лиц, поименованных для командования армиями, были: великие князья Николай и Михаил Николаевичи, фельдмаршал князь Барятинский, граф Берг и граф Лидерс. Списки эти Государь оставил у себя.

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1867 ГОДУ

В 1867 году сделан значительный шаг в устройстве центральных управлений Военного министерства. В ожидании формального утверждения нового Положения, разработка которого тре-

---

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

бовала еще некоторого времени, признано было необходимым ввести неотлагательно новые временные штаты Министерства и при этом дать ему ту стройную организацию, которая была предначертана в означенном проекте Положения[418].

Новые временные штаты объявлены приказом 30 марта 1867 года. Остававшиеся еще не преобразованными два департамента, Аудиториатский и Медицинский, по примеру всех других, переименованы в «Главные управления»: военно-судное и военно-медицинское. Последнему подчинена и Медико-хирургическая академия, стоявшая прежде совершенно самостоятельно без прямой связи с главным начальством медицинской части военного ведомства. Прежний президент академии тайный советник Дубовицкий, оказавший столько заслуг развитию этого заведения, стал во главе всего военно-медицинского ведомства, со званием главного военно-медицинского инспектора*. Непосредственное же заведование Медико-хирургическою академией возложено на действительного статского советника Нарановича со званием начальника Академии. Прежний директор Аудиториатского департамента, носивший и звание генерал-аудитора, тайный советник Вл[адимир] Дм[итриевич] Философов, принял звание генерал-прокурора.

Другое изменение, введенное новыми временными штатами в составе Военного министерства, состояло в том, что при Военном совете учреждены «Главные комитеты»: Военно-кодификационный, заменивший Военно-кодификационную комиссию, Комитет по устройству и образованию войск, называвшийся прежде «Специальным», Военно-учебный, Военно-госпитальный и Военно-тюремный. Цель учреждения Военно-госпитального комитета была уже объяснена в прошлогоднем обзоре перемен в военном ведомстве. Такова же была и цель Военно-тюремного комитета: для успешного введения нового устройства военно-тюремных (или правильнее, военно-пенитенциарных) учреждений необходимо было объединить распоряжения подлежащих отделов Военного министерства (Главного штаба и Главных управлений: интендантского, инженерного и военно-судного).

Таким образом, уже с начала 1867 года центральное управление военного ведомства приняло совершенно стройный вид,

* Бывший директор Медицинского департамента тайный советник Цицурин получил место управляющего Придворною медицинскою частью.

причем личный состав его значительно сократился: число офицерских чинов убавилось на 314 человек, а писарей — на 607, что дало возможность, не выходя из прежних сметных сумм, улучшить крайне скудное содержание служащих*. Уменьшение же рабочих рук в таком значительном размере сделалось возможным вследствие уменьшения канцелярского делопроизводства в министерстве, что было в свою очередь результатом введения военно-окружной системы. Одною из главных целей этой системы было устранение прежней чрезмерной централизации военного управления; цель эта была достигнута вполне. Несмотря на чрезвычайное усиление в министерстве работ законодательных по всем частям, на распространение круга действий центрального управления на те части армии, которые прежде были поставлены в исключительное, почти неподчиненное министерству положение (Кавказская и 1-я армии), наконец, несмотря и на некоторое усиление переписки вследствие введения новых сметных и кассовых правил, — в общем итоге все-таки оказалось значительное уменьшение текущей канцелярской работы в центральных управлениях: число входящих и исходящих бумаг в 1867 году, против 1863-го (последнего до введения военных округов), сократилось более чем на 30 процентов.

1867 год был уже четвертым годом испытания на деле системы военно-окружного управления в Европейской России и третьим на всем пространстве империи. Результаты этого испытания оказались вполне благоприятными и служили фактическим возражением прежним противникам произведенной в 1864 году реформы. Независимо от указанной уже выгоды — облегчения центрального управления, — введение стройной и рациональной системы в местном управлении военном способствовало водворению более правильного и законного ведения дел исполнительными органами, установлению ближайшего попечения о нуждах войск и условиях их существования. Система эта оказалась равноудобоприменимою как во внутренних частях империи, так и на самых отдаленных ее окраинах. Военно-окружное управление привилось весьма успешно и на Кавказе, где оно принято было сначала так неохотно, и в сибирских округах, и наконец, во

---

* По штатам же военно-окружных управлений линный состав сократился против прежних штатов упраздненных управлений на 439 чинов офицерских и 1300 нижних чинов.

вновь учрежденном пятнадцатом военном округе — Туркестанском.

Для проверки правильности ведения дел в военно-окружных управлениях признано было полезным, по примеру предшествовавших лет, командировать генерал-майора Аничкова в начале года в Варшавский округ, а осенью — в Кавказский. В обоих округах оказалось все в исправности; некоторые замеченные частные неправильности в делопроизводстве были указаны местным начальникам. Как фельдмаршал граф Берг, так и великий князь Михаил Николаевич приняли Аничкова благосклонно и остались довольны результатами произведенной им ревизии. Граф Берг в письме от 15 февраля[419] писал мне: «L'apprécie les avantages qu'on peut retirer *en temps de paix* de l'institution de nos circonscriptions militaries ét je me suis appliqué à les exploiter...»* Такой отзыв графа Берга о военно-окружном устройстве едва ли можно было принять за искреннюю похвалу; почему в понятиях его польза этого устройства ограничивается лишь мирным временем — трудно понять. По моему же глубокому убеждению, устройство это должно служить и лучшим подготовлением к военному времени. Организация пограничного округа в случае войны наступательной представляет готовое устройство тыла действующей армии и базиса ее; в случае же войны оборонительной — облегчает все распоряжения на театре действий. Сомнения, которые часто высказывались в этом отношении, всегда оставались для меня непонятными; для объяснения их я не находил другого повода, как разве только — коллегиальное устройство военно-окружного совета, которое могло казаться стеснением воли начальников. Но опасение это совершенно мнимое: и в мирное время закон предоставлял главному начальнику округа, в случае необходимости, принимать меры на свою личную ответственность, тем более разрешение это относится к военному времени, когда входит в действие Положение о полевом управлении армии, широко развязывающее руки всем начальствующим лицам.

В приведенном выше письме граф Берг высказывал свои заботы относительно неготовности нашей к войне и находил не-

---

* «Я положительно оцениваю те преимущества, которые возможно извлечь в мирное время из организации военных округов и я постараюсь их использовать...» (*фр.*).

обходимым, чтобы наша дипломатия старалась, сколь возможно, отдалять войну, которую, по его мнению, навязывала нам бестактная русская печать. В том, что мы не были подготовлены к войне, граф Берг был совершенно прав, но во всяком случае военно-окружное управление тут ни при чем, а виною тому было единственно — наше безденежье.

Военному министерству поставлено было в обязанность изыскивать все возможные средства к сокращению расходов, а потому приходилось не только отлагать на неопределенное время многое существенно необходимое для усовершенствования армии или улучшения положения ее, но и принимать иногда меры, прямо противоречившие этой цели.

Так, численность войск сокращалась до крайности. Несмотря на то, что она доведена была уже в предшествовавшем году до такой цифры, до которой не спускалась с давних времен, в 1867 году убавлено из наличного состава армии еще 22 тыс. человек, так что общее число регулярных войск выразилось цифрою 727 тыс. человек*, и еще предвиделось некоторое сокращение от проектированного переформирования некоторых местных войск и линейных батальонов на Кавказе и в Сибири.

Хотя при этих сокращениях боевая сила армии оставалась неприкосновенною и число тактических единиц отнюдь не уменьшалось, однако ж пришлось кое в чем и отступить от принятой системы. Так, вопреки предположению, многие дивизии в пограничных округах были приведены в кадровый состав. По мере сокращения наличного состава, конечно, возрастала цифра запаса людей, в 1867 году она достигла уже до 460 тыс. человек, то есть такого числа, какое вполне уже покрывало потребность в людях для приведения армии в военный состав по тогдашним штатам. Зато в войсках уже почти совсем не оставалось старослужащих солдат. При сокращенном составе войск исключительно из молодых солдат трудно было иметь достаточное число надежных унтер-офицеров, мастеровых, писарей... Для возможного устранения недостатка в писарях, решено было учредить особые писарские классы при некоторых из резервных батальо-

* В иррегулярных войсках состояло на действительной службе 66 253 человека.

нов. На первый раз такие классы открыты были при 38 батальонах.

Обучение молодых солдат в короткий срок, конечно, требовало усиленной деятельности от командиров частей и офицеров, что естественно давало повод к жалобам со стороны некоторых начальников, свыкшихся со старыми порядками фронтовой службы. Но люди более свежие не тяготились усиленным трудом и восхваляли молодых солдат последних наборов, находя их несравненно более развитыми и восприимчивыми, чем старое поколение. Для обучения молодых солдат при новых требованиях службы нужно было изменить самые приемы обучения. Главный комитет по устройству и образованию войск (прежняя «Специальная комиссия»)[420] деятельно занимался пересмотром строевых уставов, начиная от рекрутской школы, а в комиссии, образованной при управлении инспектора стрелковых батальонов, разрабатывалось наставление для обучения стрельбе.

Несмотря на молодой состав войск, армия наша сохраняла вполне блестящий наружный вид. Государь везде, где только производил смотры войскам, находил их в превосходном состоянии, не исключая и вновь сформированных дивизий. Присутствовавшие в Красносельском лагере иностранные офицеры (англичане, итальянцы, шведы) рассыпались в похвалах нашим войскам.

Более всего озабочивало министерство обеспечение войск хорошим кадром унтер-офицеров и достаточным числом офицеров. Несмотря на все меры, принятые для увеличения выпуска офицеров из военно-учебных заведений, ежегодная убыль всегда превышала прилив молодых офицеров, и потому некомплект в войсках постоянно возрастал. Явление это объяснялось, с одной стороны, более строгими требованиями служебными и возвышением нравственного уровня в офицерском обществе, с другой же — крайнею скудостью содержания офицеров, недостаточного для самого скромного существования. Каждый год в своих отчетах я повторял это заявление и выставлял совершенную необходимость увеличения содержания всех чинов, но с каждым годом становилось все труднее удовлетворить эту насущную потребность армии.

Однако ж в 1867 году удалось сделать в этом отношении первый шаг — назначением добавочного содержания командирам полков и отдельных батальонов, а также должностным чинам

полкового управления по случаю введения нового устройства полкового хозяйства. Давно уже проводилась мысль об установлении в полках и других отдельных частях войск такого порядка, который положил бы конец произвольному и безгласному хозяйничанию командира. В полках гвардии уже ранее были заведены хозяйственные комитеты, на которые возложены были все распоряжения по хозяйству частей под наблюдением командира. Полное применение комитетского управления ко всей армии признавалось неудобным, а потому в 1867 году введены были для испытания в армейских войсках три проекта Положения о полковом хозяйстве: из этих проектов два, составленные комиссиями под председательством генералов Лауница и Липранди*, испытывались в полках 1-й гренадерской и 27-й пехотной дивизий, во всех же прочих полках армии, в стрелковых и саперных батальонах введено было, также в виде опыта, временное положение, составленное в Главном штабе и объявленное 17 сентября 1866 года. Срок испытания назначен был двухлетний[421].

С этого времени полковые командиры уже должны были отрешиться от прежней привычки смотреть на хозяйство полка, как на собственное свое, личное хозяйство. Но с лишением полкового командира возможности пользоваться остатками от казенных отпусков на полковое хозяйство, необходимо было вместе с тем обеспечить средства жизни командира увеличением крайне недостаточного штатного его содержания. На первое время при тогдашних финансовых обстоятельствах признано было возможным назначить добавочное содержание лишь в весьма ограниченном размере**, а потому пришлось прибегнуть к другой паллиативной мере: предоставлено было начальникам дивизий право по своему усмотрению назначать в виде ежегодного пособия полковым командирам некоторую часть тех остатков, которые будут оказываться в полковой экономии. Такое средство было, очевидно, весьма нерационально и даже неблаговидно, но оно было вынуждено совершенною невозможностью изыскать иной источник для покрытия неизбежного расхода. Мера эта, как временная, была отменена при первой возможности довести до приличного размера содержание не только

* Оба эти генерала кончили жизнь в 1864 году: генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди — 27 августа в Одессе, а генерал от кавалерии Лауниц — 26 октября в Харькове.

** Приказ 17 декабря 1866 года.

самого командира части, но и должностных лиц хозяйственного управления.

1867 год ознаменовался еще важною мерою законодательною — изменением юридического положения отставных и бессрочноотпускных солдат. Дело это, выработанное еще в предшествовавшем году, прошло чрез Военный совет, наконец, через Государственный совет и Высочайше утверждено 25 июня 1867 года[422]. Новое Положение естественно истекало из великого акта 19 февраля 1861 года — уничтожения крепостного состояния. В отмену прежнего закрепления солдата на всю его жизнь и даже с потомством в военное сословие, принято за исходную точку в новом Положении, что с поступлением в военную службу солдат не теряет никаких прав, ни личных, ни имущественных, прежнего своего состояния, в которое он и возвращается по увольнении из рядов армии. Как ни естественно такое основное начало, однако ж оно тогда имело значение коренного изменения быта и хозяйственного положения целой массы людей, возвращавшихся на родину по окончании срока действительной службы. Закон 25 июня 1867 года, не ограничиваясь установлением общего принципа, определил и самые способы практического применения его к поступившим на службу ранее этого закона отставным и бессрочноотпускным нижним чинам, предоставив им средства к водворению и устройству хозяйства на избранных ими местах.

Относительно удовлетворения важнейших материальных нужд военного ведомства, 1867 год не мог, конечно, принести заметные результаты при том финансовом стеснении, в котором находились тогда все хозяйственные отделы Военного министерства.

По части артиллерийской: озабочивало нас в особенности положение ружейного дела. Посланные в Америку офицеры, полковник Горлов и капитан Гуниус, присутствуя на испытании разных новых образцов ружей, заряжаемых сзади, после долгих расследований отдали преимущество оружию Бердана, но и в нем нашлись некоторые недостатки, требовавшие исправления, так что можно сказать, что образец, окончательно представленный нашими офицерами, был выработан ими самими. По этому образцу заказано было в Америке на первый раз только 30 тыс. экземпляров с некоторым количеством патронов. Первый этот

заказ имел целью получить от американских заводов, кроме небольшого числа ружей, для испытания в войсках и самые машины, служившие для изготовления этих ружей, с тем, чтобы по тому же образцу установить валовое производство на наших заводах. Очевидно, что на все это требовалось очень много времени, а потому признавалось необходимым впредь до снабжения армии оружием американского образца вооружить ее скорее хотя бы менее совершенным оружием. В этих видах обращено было все внимание на поспешную переделку наших 6-линейных винтовок в заряжаемые сзади по избранному нами образцу «Карле»[423]. Работа эта была возложена не только на все три наши казенные завода, но и на частные мастерские, предложившие свои услуги. К сожалению, большая часть 1867 года потрачена была на испытания, на усовершенствования избранной системы, на изготовление образцов, лекал, инструментов, так что к валовой работе можно было приступить лишь в конце года. Промедления эти приводили меня в отчаяние. Нельзя было жаловаться на недостаток деятельности и усердие наших специалистов, которые, можно сказать, вложили всю душу в это дело, но я должен был не раз напоминать им французскую поговорку: «le mieux est l'ennemi du bien»*. После долгих толков, заключены были наконец контракты с заведовавшими на коммерческом праве нашими тремя оружейными заводами и с тремя частными фабрикантами: в Петербурге, Либаве и Киеве, а кроме того, с заведовавшим Тульским заводом (генерал-майором Стандершельдом) на устройство мастерской в Тифлисе. По всем семи заключенным контрактам наряд состоялся на переделку 666 тыс. экземпляров и на изготовление 200 тыс. новых, сроком к весне 1869 года.

Дело это было весьма сложно. Приходилось последовательно перевозить в мастерские и на заводы имевшееся оружие как в складах, так и войсках, но с таким расчетом, чтобы последние не оставались даже на самое короткое время без вооружения. По мере переделки ружей, производилась строгая приемка их особыми комиссиями, затем оружие снова развозилось в войска и склады. Расчеты с контрагентами подавали повод к беспрестанным недоразумениям и требовали немедленного решения. По всем этим причинам, я счел необходимым принять лично на

---

* «Лучшее враг хорошего» (*фр.*).

себя общее руководство этим делом. Занимавшиеся им специалисты и сам генерал Баранцов с помощниками своими собирались у меня по нескольку раз в неделю; тут обсуждались и решались все вопросы, выходившие из обычной колеи делопроизводства.

В полевой артиллерии продолжалось прежнее переходное положение: в каждой бригаде состояли батареи трех различных систем. Единственным шагом вперед в этом году было утверждение нового Положения об артиллерийских парках, но самое формирование их по новому Положению не могло быть исполнено в скорое время по недостатку денежных средств. Другим, довольно существенным нововведением был переход к железным лафетам.

По крепостной артиллерии дело почти не подвигалось. Попытки изготовления на наших новоустраиваемых сталелитейных заводах стальных орудий 9-дюймового и более крупных калибров не удавались, и, таким образом, на вооружении наших приморских крепостей имелись пока только 8-дюймовые пушки, и то в числе всего 200, тогда как вся потребность в орудиях больших калибров, по проекту нормального вооружения крепостей, определялась в то время, для одних приморских крепостей — свыше 1000 орудий, а для сухопутных — свыше 2000.

К 1867 году относится первоначальный зародыш тех орудий — амфибий, промежуточных между ружьем и пушкой, которым впоследствии дано название «картечниц» или «пулеметов». В начале года получено было от нашего посланника в Брюсселе князя Ник[олая] Алекс[еевича] Орлова, под величайшим секретом, предложение — показать вводимое во Франции новое оружие, прозванное там «mitrailleuse de l'Empereur»*, а в Брюсселе известное под именем «орудия Кристофа». Сам генерал Баранцов немедленно же поехал в Брюссель; его приняли там с большим почетом, показывали ему укрепления Антверпена, сам король обошелся с ним весьма любезно. Показали Баранцову и таинственное изобретение Наполеона III — стрельбу из этого орудия; предложили даже доставить одно такое орудие в Петербург. Здесь производились опыты все еще секретно. Сам Государь приезжал в Техническую артиллерийскую школу (близ Литейного моста, в Шпалерной), чтобы посмотреть на диковину. В сущ-

---

* «Митральеза императора» (*фр.*).

ности, наполеоновская «митральеза» оказалась весьма неудобною машиной, и когда вслед за тем получен был у нас из Америки образец гатлинговой скорострелки, то на стороне ее оказалось очевидное превосходство[424].

По части инженерной: 1867 год не составил по себе заметных следов. Как и в предшествовавшие годы производились работы в крепостях и вне крепостей в размере сметных ассигнований, с каждым годом все более сокращаемых. Продолжались изыскания и опыты по некоторым техническим усовершенствованиям, в особенности по минной части. Недостаточность денежных средств не позволяла даже приступить к удовлетворению одной из весьма важных потребностей армии — снабжению ее хорошим шанцевым инструментом.

По части интендантской: удалось в 1867 году докончить пополнение неприкосновенного и чрезвычайного запасов на все войска по военному составу со включением и Кавказской армии и развести заготовленные вещи по интендантским складам, соответственно дислокации войск. Можно также считать немаловажным успехом открытие вновь четырех обмундировальных мастерских: в Петербурге, Динабурге, Брест-Литовске и Киеве — по образцу устроенной в прошлом году московской мастерской. Все эти пять мастерских могли при нормальном ходе работ изготовлять в год не менее 125 тыс. полных комплектов обмундирования и обуви в готовом виде или вдвое более в «полугодовом», а в случае надобности, производство могло быть значительно усилено одною лишь прибавкою рабочих рук. Затем в обозных мастерских, Виленской и Киевской, продолжалась постройка полкового обоза в размере ассигнованных по смете сумм, а Технический комитет под руководством профессора Киттары заботился по-прежнему об установлении правильной приемки интендантских вещей в складах, так же как и об улучшении качества вещей.

Что касается провиантской части, то при тогдашних денежных средствах нельзя было и думать о предположенном образовании запасов на случай войны; напротив того, и те небольшие запасы, которые имелись, были обращены на текущее довольствие войск, частию при самом составлении сметы для сокращения ее, частию вследствие случившегося в этом году кризиса в хлебной торговле: от разных неблагоприятных обстоятельств и

внезапного возвышения цен подрядчики Военного министерства оказались неисправными, и министерство вынуждено было для устранения остановки в довольствии войск не только расходовать остававшиеся запасы, но и прибегать к экстренным мерам заготовления недопоставленного подрядчиками количества провианта, что, разумеется, имело последствием крупные переплаты и потребовало сверхсметного ассигнования сумм. Случай этот подтвердил неоднократные заявления Военного министерства о необходимости усиления запасов провианта и о невыгодных последствиях обращения имеющихся запасов на текущее довольствие войск в видах сокращения сметы. Вместе с тем выказывалась необходимость изыскания такого порядка заготовления провианта, который не ставил бы министерство в зависимость от случайностей хлебной торговли.

С этою именно целью и было предложено в 1867 году испытать систему «долгосрочных» поставок провианта. По тщательном обсуждении сначала в особой комиссии, а потом в Военном совете представленного главным интендантом (Мих[аилом] Петр[овичем] Кауфманом) проекта и с Высочайшего разрешения решено было заключить с купцом Фейгиным на 9-летний период контракт по так называемой Петербургской операции. Контрагент принимал на себя не только самую поставку провианта *в зерне* на весь Петербургский район, но также хранение его, перемол и отпуск в войска. Предположенная новая система основана была на том соображении, что, во-первых, поставка и хранение в зерне лучше обеспечивает хорошее качество продуктов, а во-вторых, что при многолетнем продолжении коммерческого дела, могут быть соблюдаемы обоюдные выгоды — и поставщика и казны — устранением случайных кризисов, могущих при одногодичной поставке подвергнуть торговца внезапной катастрофе. Затруднение же долгосрочного контракта — в невозможности установления вперед одной цены на весь продолжительный период поставки, а потому предположено было цены определять ежегодно, принимая за основание торговые цены, какие состоятся при подрядах в Казани и других приволжских губерниях: средняя цена выводилась по особому установленному расчету. К сожалению, опыт показал, что придуманною формулой вывода означенной ежегодной цены не совсем устранялось предвиденное затруднение: с первого же года применения контракта оказалось необходимым ввести в условленный расчет не-

которые изменения. Хотя после того операция продолжалась с успехом и общий голос признавал, что провиант поставляется лучшего качества, чем прежде, однако ж введенная в военном ведомстве система долгосрочных поставок возбудила много нападок даже со стороны Государственного контроля. Мне приходилось много раз выдерживать горячие прения и опровергать письменно нарекания на систему долгосрочных контрактов вообще, и на «Фейгинскую» операцию в частности. Об этом вопросе придется мне еще упоминать не раз в последующие годы.

По части военно-врачебной: дело подвигалось вперед очень тихо: новый госпитальный устав поступил на рассмотрение Военного совета, организация военно-санитарного устройства в армии в военное время еще разрабатывалась, подготовлялись некоторые изменения административные. В материальном отношении приступлено к постройке нового военно-госпитального обоза, впрочем, весьма в скромных размерах, пополнены запасы медикаментов. Назначения таких личностей, как тайного советника Дубовицкого на должность главного военно-медицинского инспектора и генерал-адъютанта Шварца — председателем Главного Военно-госпитального комитета, давали надежду на более энергичное ведение дела в будущем.

Иррегулярные войска: комитет при Главном управлении, открывший свои заседания в исходе предшествовавшего года с участием казачьих депутатов и представителей разных министерств, приступил к последовательному обсуждению общих начал, положенных в основание всех новых казачьих Положений[425]. В течение года уже представлены были на рассмотрение в установленном законодательном порядке предположения по следующим предметам: 1) о воинской повинности казачьих войск; 2) о земских повинностях; 3) о дозволении выхода из войскового сословия, зачисления в него и поступления казаков на службу вне войска; 4) о поземельном устройстве казачьих войск; 5) о торговле в казачьих войсках и 6) о дозволении посторонним («иногородним») лицам селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях.

Все это были капитальные вопросы, требовавшие зрелого обсуждения; от решения их зависело направление всего будущего развития казачьих населений. Из представленных работ комитета прошло чрез Военный совет и Высочайше утверждено Поло-

жение об отправлении воинской повинности Оренбургским казачьим войском, при этом увеличено число конных полков и пеших батальонов, выставляемых войском, с расчетом на три очереди. Тот же расчет и те же основные начала утверждены для отправления воинской службы другими казачьими войсками, к которым предстояло применить Оренбургское положение с некоторыми лишь вариантами в подробностях.

При составлении новых Положений для казачьих войск принято в основание и другое важное начало, примененное уже с успехом в Оренбургском казачьем войске — слияние гражданского управления казачьим населением с общею местною администрацией края. На этом же основании разрабатывались особою комиссией в Тифлисе Положения для Кубанского и Терского войск в связи с предположением о новом административном разделении всего Северного Кавказа.

С учреждением Туркестанского военного округа вновь образовано Семиреченское казачье войско на Китайской границе из вошедших в означенный округ двух полков Сибирского казачьего войска[426]. С другой же стороны, разрабатывались предположения об упразднении некоторых мелких казачьих войск, утративших свое значение с расширением пределов государства: Новороссийского войска, Тобольского, Томского, Енисейского и Иркутского конных полков и Тобольского пешего батальона.

Не стану перечислять разные частные меры, которые принимались в видах улучшения экономического быта казачьих войск вообще, и Донского в особенности. Собственно же в отношении военного устройства казаков главною заботой было по-прежнему улучшение их строевого образования и вооружения. Казачьи войска только что были снабжены 6-линейными винтовками, на приобретение которых израсходованы были крупные суммы, частию из войсковых капиталов, частию из личной собственности казаков. Заменить разом это оружие новым, усовершенствованным, было немыслимо, поэтому предполагалось на первое время применить к казачьему оружию ту же меру, которая принята была относительно регулярных войск, т. е. ограничиться переделкою имевшихся 6-линейных казачьих винтовок в заряжаемые сзади.

По части военно-судной: достигнут в 1867 году важный успех. 15 мая Высочайше утвержден Устав военного судопроизводства и судоустройства[427], выработанный в комиссии под председа-

тельством великого князя Константина Николаевича. Основные начала гласного и устного суда, введенные в гражданском ведомстве Судебными уставами 20 ноября 1864 года, распространены на военное и морское ведомства с теми изменениями, которые были признаны необходимыми для согласования их с условиями военной службы и дисциплины.

В приказе 5 июля объявлена была Высочайшая благодарность всем лицам, принимавшим участие в составлении и обсуждении нового Военно-судебного устава, а тайный советник Философов награжден званием статс-секретаря. По странной игре судьбы, утверждение Военно-судебного устава почти совпало с кончиной того человека, который первый более десяти лет ранее принялся за переделку нашего военно-судебного законодательства: сенатор Иван Христианович Капгер, долго трудившийся над этим делом, но под конец устранившийся от него по болезни, умер 25 мая на 62-м году жизни.

Новый Военно-судебный устав объявлен приказом 29 июня. На первый раз новые суды положено было открыть только в двух округах: Петербургском и Московском, с тем чтобы в последующие годы постепенно открывать и в других округах, соответственно распространению общей судебной реформы в разных частях империи и по мере ассигнуемых на этот предмет денежных средств.

Открытие нового военного суда последовало с подобающею торжественностью: в Петербурге — 1 сентября, а в Москве — 5-го числа того же месяца. Открытие же Главного военного суда последовало 12-го числа, немедленно по получении из Ливадии Высочайшего приказа (1 сентября), которым определился личный состав этой высшей военно-судебной инстанции. Председателем назначен генерал от инфантерии Ушаков, а членами остались почти все прежние члены Генерал-аудиториата. Тем же приказом прежний генерал-аудитор, статс-секретарь Философов, переименован в главного военного прокурора.

Первое судебное заседание Петербургского военного суда про-исходило 5 октября в присутствии главнокомандующего войсками Петербургского округа великого князя Николая Николаевича, главного прокурора и многочисленной публики, любопытствовавшей посмотреть обстановку нового суда. С таким же любопытством и сочувствием посещались и первые заседания Московского военного суда. Дело пошло с первого раза весьма

В.Д. Философов

удовлетворительно, даже лучше, чем можно было ожидать, при недостаточной подготовленности тех лиц, из которых составились первоначально военные суды и при совершенной их неопытности в деле. Притом новые суды открылись прежде, чем окончена была переработка Военно-уголовного устава (в особой комиссии под председательством генерал-лейтенанта Непокойчицкого). Новым судам не было возможности руководствоваться прежним уставом, особенно первым его разделом, заключавшим в себе «общую часть», то есть определение видов преступлений и градации (лестницы) наказаний. Поэтому признано было необходимым, не ожидая окончания всего устава, составить для руководства военных судов Временные правила, взамен означенного 1-го раздела устава, на основаниях уже обсуженных в прошлом году в комиссии под председательством великого князя Константина Николаевича. Временные эти правила, по

«Военно-судебный устав. 15 мая 1867 г.». Фотоальбом Д.А. Милютина

рассмотрении в совещании под председательством Его Высочества, были Высочайше утверждены 15 же мая, одновременно с новым Военно-судебным уставом[428].

На другой день, 16 мая, последовало Высочайшее утверждение другого Положения — о местах заключения военных чинов, то есть о военно-исправительных ротах, военных тюрьмах и крепостном арестантском отделении. Положение это объявлено приказом 25 июня[429]; приведение же его в исполнение возложено на Главный военно-тюремный комитет, образовавшийся под председательством члена Военного совета генерал-адъютанта Мерхелевича. Управляющим делами этого Комитета назначен флигель-адъютант полковник Анненков, которого необыкновенная деятельность и энергия, выказанные в Царстве Польском, ручались в том, что дело устройства означенных учреждений пойдет живо, насколько позволят денежные средства. И действительно, лишь только новое Положения было утверждено, — немедленно же приступлено к распоряжениям о введении новых порядков в существовавших военно-исправительных ротах, а в Киеве уже в октябре того же года устроена вновь такая рота, вполне согласно с новым Положением.

С открытием новых военных судов началось постепенное сокращение и упразднение «аудиторских» должностей. Для приготовления специально образованных чиновников на классные должности в новых судах прежнее Аудиторское училище преобразовано и приняло название «Военно-юридического училища»;

состоявшие же при училище в виде временной меры офицерские классы обращены в самостоятельное высшее специальное заведение, с наименованием «Военно-юридическою академией».

Этим завершился весь ряд преобразования по военно-судному ведомству, в истории которого 1867 год должен занять видное место.

По части военно-учебной: продолжалась разработка законодательным порядком Положений, штатов и табелей для разных видов заведений. Из них получили Высочайшее утверждение Положение, штаты и табели военных училищ. К прежнему числу военно-учебных заведений прибавились: открытые в Оренбурге военная гимназия, военное училище (четвертое) и юнкерское училище; Сибирский кадетский корпус в Омске также преобразован в военную гимназию. При Втором военном Константиновском училище открыт одногодичный курс военных наук для облегчения полковым юнкерам гвардии приготовления к офицерскому экзамену. Во всех заведениях совершенствовались учебные курсы, приемы воспитания, внутренний порядок, все приводилось постепенно в стройную систему. Только «начальные военные школы» все еще оставались в своем неопределенном положении, но зародилась уже мысль о том, чтобы заведения эти обратить в приготовительные к юнкерским училищам.

По Государственной росписи на 1867 год предположено было расходов обыкновенных по всем ведомствам 406 млн руб., а весь итог расходов, со включением железнодорожных, составлял 443 850 000 руб. Предвиделся дефицит в 15 200 000 рублей.

В течение года сверх сметы было ассигновано по всем ведомствам до $32^{1}/_{2}$ млн, зато доходов поступило на 20 млн более сметного предположения; израсходовано в действительности 424 900 000 руб., так что действительный дефицит оказался в 9 935 000 руб., менее предположенного по Росписи на 5 271 000 рублей.

Таким образом, общее наше финансовое положение, хотя все еще незавидное, было, однако же, уже гораздо менее печально, чем в прошлом году.

Собственно по Военному министерству смета на 1867 год в окончательном ее виде (т. е. со включением и прежних чрезвычайных кредитов по артиллерийской части) выразилась в итоге

цифрою 122 716 613 руб. Но в течение года опять оказалось необходимым прибегнуть к значительным сверхсметным кредитам, достигшим 8 246 000 руб., что составляло около $6^1/_2$% сметного итога, и 1/4 всех сверхсметных сумм, ассигнованных в этом году.

Главнейшая доля означенного сверхсметного кредита (7 455 753 руб.) потребовалась на интендантскую часть как по причине повышения цен, так и в особенности вследствие чрезмерного сокращения сметных назначений. По всем другим отделам министерства сверхсметные кредиты были испрошены лишь в незначительных размерах и зависели почти исключительно от той же причины — недостаточности сметных сумм.

Всего же издержано в действительности по военному ведомству 127 250 000 руб., то есть на $4^1/_2$ млн свыше сметы, но менее действительно израсходованного в 1866 году — на 2 437 288 рублей.

По одному интендантству, несмотря на испрошенные весьма значительные сверхсметные кредиты, расходы 1867 года (90 786 000 руб.) были ниже прошлогодних (96 736 000 руб.) на 6 млн руб. Такая убавка зависела преимущественно от сокращения наличной численности войск. Зато потребовались добавки по артиллерийской части (на изготовление оружия — до 2 434 000 руб.) и по инженерной (на фортификационные работы — 983 000 руб.).

Цифры, внесенные в сметы 1867 года, оказались до такой степени ограниченными и недостаточными, что при составлении смет на 1868 год уже немыслимо было домогаться новых еще уменьшений, напротив того, неизбежно было некоторое увеличение сметы как потому, что никаких новых зачетов из запасов на текущее довольствие уже не предвиделось, так и вследствие чрезвычайного возвышения цен, введения на Кавказе общих сметных правил и единства кассы и некоторых других обстоятельств, не зависящих от министерства. По смете, первоначально составленной в этом последнем, весь итог расходов предполагался в 127 млн руб. (равный сумме действительно произведенных в 1867 году расходов), но Департамент экономии, при всем своем желании и привычке сокращать представляемые сметы, признал необходимым, по случаю высоких цен на провиант, добавить 8 млн, и, таким образом, общий итог военных

расходов определился сметною цифрой 135 млн руб., то есть на 12 млн выше прошлогодней сметы.

Превышение это, как замечено, не составляло какой-либо прибавки к тем средствам, которыми Военное министерство могло бы располагать для удовлетворения хотя бы некоторой доли заявленных им материальных потребностей, наоборот, можно было опасаться, что, по примеру истекшего года, внесенные в смету суммы окажутся недостаточными даже и для покрытия текущих расходов.

Такое постоянное, повторявшееся из года в год сокращение военной сметы для достижения желанного баланса в государственных финансах было тем опаснее, что в то время все другие государства развивали свои военные силы до колоссальных размеров и не щадили средств на усовершенствования по всем частям военного устройства. Я не скрывал своих опасений пред Государем и по возможности высказывал их своим коллегам, но все мои заявления оставались без последствий и вызывали один ответ: non possumus*. В кратком отчете своем за 1867 год, представленном Государю 1 января следующего года[430], я счел своим долгом в заключение высказать еще раз, «что пока будет продолжаться постоянное ограничение средств Военного министерства, не будет возможности достигнуть цели настойчивых его усилий — довести армию до такого состояния, чтобы она была в надлежащей готовности к войне и соответствовала вполне настоящим требованиям военного искусства».

---

* Невозможно (*лат.*).

Приложение

НАБРОСКИ Д.А.МИЛЮТИНА (1865 ГОД)

Автограф Д.А. Милютина, хранящийся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) в С.-Петербурге (Д. 9096. L.I6.104. Л. 1—5), представляет собою черновые записи без названия и даты, сделанные карандашом на пяти листах. Судя по пункту VI, их следует отнести к 1865 г. Фрагменты документа впервые были введены в научный оборот П.А. Зайончковским в статье «Д.А. Милютин. Биографический очерк» (в кн.: Дневник Д.А. Милютина. Т. 1. М., 1947). Текст приводится полностью с указанием наиболее существенных исправлений.

I. Играют в парламент, а не хотят заняться серьезными делами.

II. Кричат, что дворянство голова народа, что должно идти вместе с народом, а бранят земские учреждения за то, что там соединены с народом. Как де дворянину сидеть в одной комнате с мужиком!

III. В самом деле, мы не созрели. Толкуют о партиях, ведут жаркую полемику, создают себе органы, а никто не отдает себе отчета, в чем же состоит его партия, чего она хочет.

Ни одна партия не выскажет ясно свое profession de foi*; в одной и той же партии тысячи вариаций в мнениях. Не мудрено, что иностранные газетчики совсем перепутали смысл тех названий, под которыми наши партии выступают. Кто у нас прогрессист, либерал, ретроград? Кто у нас аристократ, демократ, социалист? Что такое партия ультрарусская? Стало быть есть партия нерусская.

---

* Букв.: «исповедание веры»; изложение своих взглядов (*фр.*).

Как относятся наши партии к трем главным вопросам:

а) вопрос крестьянский;

б) вопрос о реформе внутренней;

в) вопрос о политике общей (сепаратизме).

IV. Эгоистические побуждения в некоторых наших партиях. Интерес личный ставится выше общего, государственного.

У иных же преобладает теория над практикой: взят тезис a priori*, и на этот тезис разыгрывают мотивы без разбора, кото-р[ый] им некстати приходится. Теория доводит до выводов нелепых, неприменимых; но фанатические последователи теории не останавливаются даже перед явною невозможностью; видя неосуществимость своих теорий, они покидают с озлоблением действительность и уносятся в отвлеченный мир своих идеалов. Все земное становится в их глазах пошлым и скверным. Они не хотят сознаться, что они сами занеслись в мир фантастический.

Всякие крайности — опасны и не ведут ни к чему серьезному.

Иной страшный реформатор кричит [о] конституции, а не может переварить указ 19 февраля 1861 года.

Иной кричит о русском народе, о любви к нему, а в то же время вступает в союз со всеми врагами русского народа, мечтающими только о раздроблении** России. Есть у нас такие, которые под словом прогресс и либерализм разумеют поддержку этих самых враждебных России начал.

Есть, наконец, такие отчаянные патриоты, которые даже не стыдятся действовать заодно с заговорщиками всеевропейскими.

V. По-нашему, есть два условия главные, существенные, sine qua non***, без которых всякая политическая теория в применении к России должна считаться несостоятельною:

1-е — единство и целость государства.

2-е — равноправность**** членов его.

Для первого условия нужны: *сильная власть* и решительное *преобладание русских элементов* (мы говорим об империи — о Царстве Польском и Княжестве Финляндском речь особая).

---

* Заранее, наперед (*лат.*).

** Зачеркнуто: «народа Русского» (*примеч. публ.*).

*** Непременное условие (*лат.*).

**** Зачеркнуто: «его обл».

Для второго условия необходимо откинуть все устарелые, отжившие *привилегии*, проститься навсегда с правами одной касты над другою. Нам не пригоден ни феодализм среднеевропейск[ий], ни древние касты.

Но *сильная власть* не исключает ни личной свободы граждан, ни самоуправления.

Но *преобладание русского элемента* не значит угнетение и истре[бле]ние всяких других народностей.

Но *устранение старинных привилегий* далеко от нивелирства и социализма.

Тот, кто хочет истинного блага России и русского народа, кто думает более о будущем их, чем о настоящих эгоистических интересах, тот должен* отвергать решительно все, что может

или колебать власть единую и нераздельную,

или подстрекать и потворствовать сепаратизму некоторых частей,

или поддерживать дух властвования одного сословия над другими.

Устранение этих трех враждебных стремлений необходимо прежде всего для истинного прогресса**.

Реформа у нас*** может быть произведена только властью. У нас слишком велико еще брожение, слишком разрознены интересы, чтобы ожидать чего-нибудь хорошего и прочного от *инициативы***** представителей этих разрозненных интересов. Правительство должно почерпать в ра[з]ных сферах населения указания на нужды и желания, но окончательное направление дела может быть дано только властью верховною. (Стало быть мысль о конституционных учреждениях должна быть отложена еще на многие лета.)

Затем, реформа наша должна быть общая для всей Империи; всякое исключительное применение к той или другой области вредит единству государства, возрождает сепаратизм и соперничество.

Наконец, сохранение сословных привилегий сделало бы невозможным какой-либо прогресс. Брать за образец английские

---

* Зачеркнуто: «желать, чтобы».

** Зачеркнуто: «Никакое изменение у нас невозможно иначе, как исходящее свыше» (*примеч. публ.*).

*** Зачеркнуто: «возможна только в том случае» (*примеч. публ.*).

**** Вставлено сверху (*примеч. публ.*).

или какие-нибудь другие учреждения, развившиеся веками из самых элементов народных — значило бы насиловать природу и историю народа. Все, что будет у нас установлено не согласное с духом нашего народа, в подражание Англии или Герм[ании], будет непрочно, бесплодно, напрасно.

Как в политическом отношении непригодно нам начало федеративное, так в гражданском и социальном отношении — не свойственно феодальное.

Федерализм поведет у нас к распадению империи.

Феодализм поведет к внутрен[нему] разложению, к междоусобице, может быть, к кровопролитию.

Чтобы избежать и того, и другого, предоставим правительству вести далее и далее начатое дело *реформ* для устранения *революции* и распадения.

VI. По поводу статей, печатавшихся в Остзейских газетах об общем сейме для трех губерний.

Комментарии и указатели

КОММЕНТАРИИ

[1] Литографированная копия всеподданейшего доклада Д.А. Милютина по Военному министерству за 1864 год хранится в ОР РГБ. Ф. 169 (Д.А. Милютин). Карт. 29. Ед. хр. 3.

[2] Польскому восстанию 1863—1864 гг. посвящены книги XII—XIV Воспоминаний Д.А. Милютина (см. Там же. Карт. 14. Ед. хр. 3—4; карт. 15. Ед. хр. 1). Опубл.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. М., 2003.

[3] Речь идет о военных реформах, проводившихся с 1862 г. Военным министерством под руководством Д.А. Милютина. Программа реформ была утверждена императором Александром II 15 января 1862 г. Подробно о ней см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. М., 1999. С. 309—313.

[4] Имеются в виду Судебные уставы 1864 г., опубликованные в Полном собрании законов (далее — ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 41473—41478.

[5] После утверждения императором 29 сентября 1862 г. Основных положений судебной реформы была создана специальная комиссия под председательством В.П. Буткова для подготовки окончательного варианта законопроекта.

[6] *Кавказский комитет* был создан в 1833 г. как орган высшего управления и надзора за местной администрацией; нередко выполнял законосовещательные функции для законопроектов по управлению Кавказом. Был ликвидирован в 1882 г.

[7] Имеется в виду *Сибирский комитет*, учрежденный 17 апреля 1852 г. для скорейшего введения в Сибири гражданского управления. В состав комитета входили по должности: председатель — председатель Кавказского комитета, члены — председатель Департамента законов Государственного совета, министры (финансов, внутренних дел, государственных имуществ, юстиции, уделов, военный, иностранных дел), государственный контролер и великий князь Константин Николаевич. Этот комитет был создан вместо упраздненного в 1838 г. первого Сибирского комитета (см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. СПб., 1998. Т. 1. С. 72).

[8] *Главный комитет об устройстве сельского состояния* был учрежден 19 февраля 1861 г. в связи с проведением крестьянской реформы. Он заменил Главный комитет по крестьянскому делу, созданный в 1858 г. Бессменным председателем комитета был великий князь Константин Николаевич. Комитет был упразднен в 1882 г.

Под «польскими делами» Н.А. Милютина подразумевается деятельность его в Царстве Польском в 1863—1864 г. в качестве председателя Комиссии по проведению там крестьянской и других реформ. Подробно об этом см.: *П.К. Щебальский* Н.А. Милютин и реформы в Царстве Польском. М., 1883.; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962.

[9] 1 января 1864 г. было утверждено Положение о губернских и уездных

земских учреждениях, выборных всесословных органах самоуправления, деятельность которых контролировалась губернаторами и Министерством внутренних дел (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 40457, 40459).

[10] С 6 декабря 1862 г. главнокомандующим Кавказской армией и наместником Кавказа был великий князь Михаил Николаевич.

[11] Здесь автор имеет в виду особые заслуги на последнем этапе Кавказской войны в 1856—1859 гг. генерала Н.И. Евдокимова, о котором см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856—1860. М., 2004.

[12] Генерал-аудиториат был заменен Главным военным судом в 1867 г. в связи с введением в действие нового Военно-судебного устава. Главный военный суд учреждался в качестве третьей инстанции военного суда для высшего заведования военно-судной частью. входил в структуру Военного министерства (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. № 44575).

[13] Подразумевается участие генерала К.Р. Семякина в обороне Севастополя осенью 1854 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. М., 2000. С. 288, 291).

[14] Речь идет об участии Я.В. Захаржевского в Отечественной войне 1812 г., когда он в чине подполковника командовал 6-й конной ротой 2-го кавалерийского корпуса и сражался с французами под Смоленском, при Бородине, под Красным и на Березине. В 1813 г. он сражался под Лютценом, Баутценом и Рейхенбахом, за что получил чин полковника. В сражении под Лейпцигом 4 октября 1813 г. рота Захаржевского была послана с кавалерией генерала П.П. Палена к деревне Либертвольковиц для оказания помощи прусским и австрийским частям. За мужество и отвагу в этом бою Захаржевского наградили орденом Св. Георгия 4-й степени, а прусский король прислал ему орден «За заслуги» (см.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 286).

[15] Имеется в виду деятельность М.Н. Муравьёва с мая 1863 г. на посту виленского генерал-губернатора по подавлению восстания 1863—1864 гг. в Северо-Западном крае. Подробно об этом см: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 38—166.

[16] Уже с августа 1863 г. министр внутренних дел П.А. Валуев считал миссию М.Н. Муравьёва в Северо-Западном крае выполненной и исподволь вел переговоры о его смещении. Об этом см.: Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 242; Т. 2. С. 29—35).

[17] В декабре 1864 г. собрание представителей дворянства Московской губернии вынесло решение о том, чтобы на предстоящих выборах руководствоваться точным смыслом статьи 51 Устава о службе по выборам дворянства, в котором указывалось, что правом выбора на дворянских съездах пользуются, во-первых, «дворяне, имеющие не менее 100 душ мужского пола, им принадлежащих, или 100 человек поселян, живущих на собственной земле его, на условии, с ними заключенному, а также имеющие не менее 300 десятин земли». Это решение устраняло от выборов тех дворян, которые, хотя и обладали до реформы 1861 г. указанным цензом, но вследствие перевода своих крестьян на выкуп, в какой-то степени его лишались.

На открывшемся в начале января 1865 г. губернском дворянском съезде группа дворян выступила против этих решений, ссылаясь на пример других губерний и на разъяснения этого вопроса министром внутренних дел. Однако губернский предводитель дворянства гр. В.П. Орлов-Давыдов заявил, что постановление депутатского

собрания вошло в законную силу, вследствие чего не может быть отменено губернским собранием. 8 января П.А. Валуев поставил перед Сенатом вопрос об отмене решения депутатского собрания, подтвержденного губернским дворянским собранием. 13 января I-й департамент Сената отменил постановление. 11 января губернское дворянское собрание большинством голосов (270 против 36) приняло предложенный Н.В. Безобразовым текст адреса на имя Александра II, в котором просило императора созвать общее собрание «выборных людей земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». 14 января газета «Весть» опубликовала текст речи Орлова-Давыдова и адрес, за что ее издание было приостановлено на 8 месяцев. Губернское дворянское собрание было закрыто и все его постановления отменены (см.: *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 441—442; *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. Т. 3. СПб., 1911. С. 97—98; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002. С. 172—180).

[18] Рескрипт был напечатан в газете «Северная почта» 30 января 1865 г. (см. также: *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 442).

[19] Подробно о дворянском конституционном движении после отмены крепостного права и в период открытия земств см. в кн.: *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М., 1977. С. 61—68; *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 172—181. О неоднозначных взглядах славянофилов по этому вопросу свидетельствуют статьи И.С. Аксакова в газете «День» и статья Ю.Ф. Самарина «По поводу толков о конституции» // Русь. 1881. № 29. С. 13—14.

[20] Описанный Милютиным факт с запиской П.А. Валуева и ее обсуждением действительно имел место, но не в 1865, а в апреле 1863 г. Позднее, к концу года, ко времени завершения подготовки Земского положения, Валуев представил проект преобразования Государственного совета, который уже не обсуждался и был оставлен Александром II без внимания. Видимо, в данном случае в «Воспоминаниях» Милютина имеет место ошибка памяти, что вообще у него наблюдается очень редко. Записка Валуева была опубликована в журнале «Вестник права». 1905. № 9. См.: Валуев П.А. Указ. соч. Т. 1. С. 218—219; подробнее: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978. С. 15—45.

[21] Подразумевается ежедневная газета «*Русский инвалид*», издававшаяся в Петербурге с 1813 г. В описываемое время редактором газеты был Д.И. Романовский. Отвечая на возросшую потребность в официальной информации, газета была преобразована из чисто военной в литературную и политическую, с расширенной «неофициальной частью» и отделом политической информации. В вопросах внутренней политики газета стояла на либеральных позициях, поддерживая проводимые правительством Великие реформы. Некоторые современники отмечали, что Милютин дорожил «Русским инвалидом» как самым удобным средством распространять известного рода идеи не только в военном сословии, но и вообще в публике. Он много занимался газетой, регулярно просматривал ее материал до публикации (см.: *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 313).

[22] Речь идет о путешествиях великого князя Николая Александровича по России в 1861 и в 1863 гг. в сопровождении графа С.Г. Строганова (см.: Путешествие е.и.в. государя наследника цесаревича Николая Александ-

ровича в Нижний Новгород, Казань и Москву в 1861 году. СПб., 1861).

[23] В итальянском городе Виллафранке правительство Сардинского королевства предоставило России участок земли и несколько зданий для устройства базы русского флота, находившегося в Средиземном море.

[24] Н.Н. Ланская скончалась 23 ноября 1863 г.

[25] Цитируемые автором телеграммы из Ниццы о ходе болезни великого князя Николая Александровича публиковались в открытой печати (см.: Последние дни в бозе почившего государя наследника и великого князя Николая Александровича. СПб., 1865; Кончина наследника цесаревича Николая Александровича 12 апреля 1865. СПб., 1865).

[26] Ср.: *Чичерин Б.Н.* Несколько слов о покойном великом князе наследнике. Б. м., 1865.

[27] Под «междоусобной войной» подразумевается гражданская война в США 1861—1865 гг., между северными и южными штатами. Поворотным пунктом в ходе войны явилось издание правительством А. Линкольна в сентябре 1862 г. прокламации об освобождении негров-рабов. Россия в этой войне поддерживала северян (Федеральный союз). Проявлением этой поддержки было посещение Северо-Американских Соединенных Штатов (САСШ) в 1863—1864 гг. российской атлантической эскадрой контр-адмирала С.С. Лесовского. О событиях Гражданской войны от ее начала до переизбрания президентом на второй срок Линкольна в ноябре 1864 г. подробно см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 237—242, 441—443; *Его же.* Воспоминания. 1863—1864. С. 549—550.

[28] Полный текст речи опубл. в кн.: *Татищев С.С.* Император Александр II: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 529—530.

[29] Местонахождение подлинника не установлено.

[30] По-видимому, имеется в виду сочинение: Le catholicisme romain in Russie. Paris, 1863.

[31] Речь идет об Иверской иконе Божией Матери, список которой находился с 1669 г. в часовне у Воскресенских ворот в Москве. Через Воскресенские ворота торжественно въезжали на Красную площадь победители; цари, прибыв в Москву, первым делом отправлялись поклониться Иверской, как и все, кто приезжал в город.

[32] Имеется в виду Алексеевский Архангело-Михайловский монастырь, основанный в Московском Кремле митрополитом Алексием ок. 1358—1365 гг. Чудов монастырь был митрополичьим, а с 1589 г. — патриаршим. В Чудовом монастыре крестили в 1772 г. Петра I, а в 1818 г. Александра II. В 1812 г. монастырь был местом расположения Главного штаба имп. Наполеона I. В 1930-х гг. здания монастыря (постройки XVI—XIX вв.) были разобраны.

[33] Речь идет о представителях Белокриницкой (т. н. Австрийской) старообрядческой епархии. В 1846 г. часть русских старообрядцев — поповцев, проживавших в России, Румынии и Австро-Венгрии, пригласила к себе в качестве епископа босно-сараевского архиепископа Амвросия, который и возглавил старообрядческую епархию в Белой Кринице (Австро-Венгрия). Часть российских старообрядцев подчинилась этой епархии, а другие, не принявшие «австрийцев», продолжали принимать в свои церкви беглых православных священников и именовались «беглопоповцами». В 1862 г. 9 российских епископов Белокриницкой епархии выступили с посланием, в котором выражали стремление к примирению с православной церковью и признали необходимость молитвы за царя. Созванный в 1863 г.

Старообрядческий церковный собор вынес решение о том, что русская старообрядческая епархия отказывается от Белокриницкой. Белокриницкий митрополит Кирилл приехал в Москву, отстранил авторов «окружного послания» от должностей и назначил в Москву нового архиепископа. Эти события вызвали раскол среди старообрядцев — «австрийцев», разделившихся на сторонников «окружного послания» и его противников — «раздорников» или «противоокружников». Летом 1865 г. в Москве происходил духовный собор, на котором под влиянием белокриницких иерархов было принято решение об уничтожении «окружного послания». Вместе с тем собор вынес решение о создании во главе «австрийской» церкви в России особого совета, избираемого из мирян [см.: *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 73, 456—457; *Монастырцев.* Исторический очерк австрийского священства после Амвросия. Казань, 1877; РГИА. Ф. 903 (П.А. Валуев). Оп. 1. Д. 222].

[34] 30 августа — день тезоименитства императора Александра II.

[35] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е . № 4157

[36] Подразумевается Русское общество акклиматизации животных и растений, учрежденное в Москве в 1851 г. Существовало до 1890 г.

Упомянутый выше Елизаветинский институт был учрежден в Москве в 1824 г. по инициативе супруги московского генерал-губернатора. Тогда он назывался Дом трудолюбия и был принят под покровительство имп. Елизаветы Алексеевны. В 1847 г. Дом трудолюбия был преобразован в Московское Елизаветинское училище в память имп. Елизаветы Алексеевны. Елизаветинское училище было предназначено для воспитания и образования бедных девочек из любых свободных сословий, но предпочтительно сирот. В 1854 г. училище поступило в Ведомство учреждений имп. Марии. Переименовано в Елизаветинский институт в 1892 г. (см.: *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1898. Кн. 2. С. 119—121).

[37] 20 сентября 1864 г. была создана Следственная комиссия по выяснению причин пожаров в Симбирске под председательством сенатора С.Р. Жданова. Материалы комиссии хранятся в ГАРФ. Ф. 40 (Канцелярия временного генерал-губернатора Казанской, Симбирской, Саратовской и Самарской губерний). Д. 1—30.

[38] В материалах следственного дела «О пожарах в 1864 г.» никаких данных для обинения поляков в поджогах нет (см.: ГАРФ. Ф. 95. «Следственная комиссия по делам о распространении революционных воззваний и пропаганде. 1862—1871». Оп. 1. Д. 159, 160, 172). Сведения о пожарах и мерах правительства по борьбе с ними имеются во всеподданнейшем отчете III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии за 1865 год (Там же. Ф. 109. Оп. 85. Д. 30. Л. 466—532). В то же время во «Всеподданнейшем отчете о действиях военно-полицейского управления в Царстве Польском за 1865 год» отмечалось, что некоторые поджоги все-таки носили политический характер. В отчете упоминалось о деятельности образовавшегося в Швейцарии общества тайных поджигателей, которое возглавлял Игнатий Хмелевский. Члены общества проживали не только в Швейцарии, но и в Париже и Турции.

Для борьбы с пожарами 20 июля 1865 г. был издан циркуляр, в котором, помимо мер предосторожности, указывалось на необходимость расследовать причины пожаров и предавать поджигателей полевому военному суду. Были также изданы циркуляры генерал-полицмейстера от 24 августа и 4 сентября 1865 г. на имя военных начальников уездов о производстве следствий о пожарах и «подметчиках»

плакатов и анонимных писем с угрозами о поджогах, о предоставлении следственных материалов начальникам военных отделов. Циркуляром от 15 сентября 1865 г. все нарушители правил противопожарной безопасности подвергались внушительным штрафам. В результате этих мер в Царстве Польском в 1865 г. по делам о поджогах было арестовано 33 человека., из них по суду казнен — 1, сослано в Сибирь на каторгу — 2, на поселение — 3, в арестанские роты — 2, подвергнуто тюремному заключению — 1, назначены в исправительные заведения — 3, остальные освобождены (Всеподданнейший отчет о действиях военно-полицейского управления в Царстве Польском за 1865 год. Варшава, 1866. С. 35—41).

[39] В материалах III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии указывалось, что помимо общего наблюдения в Нижнем Новгороде в период ярмарки, на генерал-адъютанта Н.А. Огарёва возлагается «высшее политическое наблюдение за деятельностью революционной пропаганды и вообще всех злоумышленников, которые могли бы стремиться к нарушению общественного порядка и к возбуждению противоправительственного волнения в умах...» (ГАРФ. Ф. 109. 4 экспедиция. Оп. 85. 1865. Д. 117. Л. 2об.). В этом деле хранятся донесения Н.А. Огарёва шефу жандармов и министру внутренних дел. Донесение Огарёва Милютину от 24 сентября см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 36. Ед. хр. 16.

[40] В цитируемом выше отчете указывается, что «цель поджогов была, впрочем, не всегда политическая. Соединенными усилиями военно-полицейских властей и следственных комиссий обнаружено существование особого тайного общества поджигателей внутри края, состоявшего преимущественно из евреев, действовавших из видов корыстного посягательства на капиталы страхового управления. Евреи застраховывали преимущественно движимое имущество в цене, несравненно выше действительной стоимости такового, иногда даже посредством происков и подкупа чиновников, застраховывали мнимое, совсем несущественное имущество, а вслед за тем предавали все огню и получали от страхового управления вознаграждение, в несколько раз превышавшее происходившие от пожаров потери». Дело это рассматривала особая военно-следственная комиссия. Было изобличено в преступлении 53 человека, из них 7 человек — умышленных поджигателей и их соучастников, 7 человек были уличены в вымогательстве от погоревших процентов с неправильно полученных от страхового управления вознаграждений, 22 — в подлогах и обманах для получения страховых денег, 11 — в даче и принятии подарков (Всеподданнейший отчет... С. 39—40).

[41] *«Отчизна»* («Ojezyzna») — журнал польской эмиграции, издававшийся в 1864—1865 гг. в Лейпциге под редакцией А. Гиллера.

[42] О процессе над Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичами и др. см. документы в ГАРФ. Ф. 112. «Особое присутствие Правительствующего Сената». Оп. 1. Д. 51—60.

[43] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 55. Ед. хр. 50 (черновик).

[44] Там же. Карт. 65. Ед. хр. 22. Л. 3—6.

[45] Донесение генерала А.П. Безака от 3 июля 1865 г. и цитируемые ниже письма его же к Милютину за 1865 г. (от 8 июня, 10 и 30 октября и 28 ноября) см.: Там же. Карт. 58. Ед. хр. 5. Л. 5—43.

[46] Имеется в виду именной указ от 10 декабря 1865 г. «О воспрещении лицам польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в 9 западных губерниях, о предоставлении высланным из Западного края владельцам секвестрованных

имений права продать или променять в двухгодичный срок свои имения в этом крае лицам русского происхождения, и вообще о порядке совершения актов на переход имений в Западном крае к русским владельцам» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 2-е. № 42759). В этот же день утвержден указ «О пояснении и дополнении постановления касательно обязательной продажи или промена польских имений в Западном крае» (Там же. № 42760). См.: *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

47 Подразумевается Ф.Ф. Берг, который сменил великого князя Константина Николаевича на посту наместника Царства Польского в августе 1863 г.

48 Здесь автор называет трех членов Учредительного комитета по крестьянскому делу в Царстве Польском, созданного в начале 1864 г. Членами комитета, кроме названных лиц, были: Я.А. Соловьев, В.А. Арцимович, В.И. Заболоцкий, Ф.Ф. Трепов, Р.И. Брауншвейг. Нелицеприятное отношение Берга и его сторонников к Н.А. Милютину и его соратникам отмечает в своих воспоминаниях член Учредительного комитета А.И. Кошелев, но в целом его оценка позиции «партии» наместника не так однозначна, как у Милютина (см.: Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 130—131).

49 *Жондом* называлось во время восстания 1863—1864 гг. национальное, или революционное, правительство. Здесь употреблено в данном значении.

50 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. № 42380. Этот рекрутский набор был произведен впервые после Польского восстания 1863 г. в соответствии с Положением 1862 г. По данным «Всеподданнейшего отчета Военного министерства» за 1865 г., по Царству Польскому поступило 12 964 человек рекрутов, что превысило поступления последующих лет.

51 В течение первых двух лет после введения упомянутого указа 30 августа 1864 г. число начальных школ сразу выросло с 1123 до 1800. Этому способствовало два обстоятельства: во-первых, возможность облагать в пользу школ не одни крестьянские, а все земли гмины; во-вторых, казенные вспомоществования деньгами и строительными материалами, которые щедро отпускались на это дело (см.: *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX в. Пг., 1915. С. 86).

52 Указом 14 декабря 1865 г. отбиралась в казну собственность приходских церквей (по указу 27 октября была отобрана монастырская собственность). Со своей стороны, казна брала на себя обязательства производить содержание духовенству и причту и по возможности поддерживать благолепие церквей, обращаясь даже для этого к другим источникам, т. к. доходов с церковных земель было недостаточно. Закон запрещал монашествующим исполнять обязанности приходских священников. Всякое назначение в настоятели или викарии приходской церкви должно было получать предварительное утверждение главного директора (министра) внутренних дел (см.: *Щебальский П.К.* Указ. соч. С. 91—92). Дипломатические отношения России с Ватиканом были прерваны в 1864 г. из-за того, что папа гласно и официально подстрекал римско-католическое польское духовенство к сопротивлению мероприятиям русского правительства в Царстве Польском (об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 539—540).

53 Подлинник письма см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 12. Л. 19—20.

54 Кавказская война закончилась в 1864 г. включением Северо-Западного Кавказа в имперскую систему России

(см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 507—511).

[55] Об этом подробно см.: *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. 1817—1864. М., 1994. С. 572—582. Официально выселение кавказских горцев в Турцию как военная и политическая мера началось в 1862 г. после утверждения Александром II постановления Кавказского комитета (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 205—206). 1864—1865 гг. были временем наиболее активного переселения части северо-кавказских народов в пределы Османской империи. Выселение горцев Западного Кавказа явилось непосредственным результатом их военного разгрома; переселение горцев Восточного Кавказа произошло после шести лет их окончательного завоевания.

Основными целями царского правительства в деле выселения горцев в Турцию в этот период, по мнению ряда исследователей, являлись: во-первых, разгрузить край от «ненадежных» жителей; во-вторых, ослабить горское население; в-третьих, наделить землей казачество, освободить место для новых поселений выходцев из центральных губерний России и христиан из Турции [см., например: *Ибрагимова З.Х.* Эмиграция чеченцев в Турцию (60—70-е гг. XIX в.) М., 2000. С. 14—47].

[56] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 2-е. № 42551.

[57] Подробнее об этом см.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 160—162.

[58] Литографированные копии депеш А.М. Горчакова от 5 и 23 августа 1865 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 36. Ед. хр. 24.

59 Литографированная копия письма Дж. Росселя к барону Бруннову от 4/16 сентября 1865 г. см. Там же. Карт. 36. Ед. хр. 36. Л. 1—2.

[60] Там же. Ед. хр. 22 (литографированная копия).

[61] Там же. Ед. хр. 23 (литографированная копия).

[62] Еще в начале 1864 г., после занятия Южного Казахстана, царское правительство начало подготавливать наступление в Туркестан со стороны Каспийского моря. В связи с прекращением вооруженной борьбы на Кавказе стал доступен старый торговый путь из центральных районов России по Волге и Каспийскому морю в страны Востока. К этому же времени некоторые представители торгово-промышленных кругов России настойчиво ставили перед правительством вопрос о поддержке их планов развития торговли и промышленности на восточном побережье Каспийского моря. Так, крупный красноярский и астраханский купец П.С. Савельев в сентябре 1864 г. ходатайствовал перед Министерством финансов о разрешении ему основать в Красноводском заливе торговую факторию. Поскольку Министерство финансов затягивало рассмотрение ходатайства Савельева, он обратился в Военное министерство, которое информировало об этом Министерство иностранных дел. В декабре 1864 г. директор Азиатского департамента П.А. Стремоухов представил А.М. Горчакову специальную записку о юго-восточном побережье Каспийского моря, которая 4 января 1865 г. по поручению Александра II рассматривалась в Особом комитете при участии военного министра, управляющего Морским министерством и др. В свете решений Особого комитета Военное министерство приняло к рассмотрению предложения Савельева (см.: РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/282. Д. 26).

[63] *Дунгане* — мусульманское население Китая, переселявшееся с VIII в. из Средней Азии первоначально в провинции Западного Китая. За тысячелетие пребывания в Китае дунгане

численно увеличились до 30 млн человек. Дунганское восстание, начавшись в 1862 г. в западных провинциях Китая, быстро распространилось на Джунгарию и Кашгар. Причиной его было недовольство дунган дискриминационной политикой китайского правительства. Следуя заключенным с Китаем в первой половине XIX в. договорам, Россия соблюдала в данных событиях нейтралитет, преследуя единственную цель — не пропустить подвластных ей киргизов на китайскую территорию. Подробно о первых годах восстания см.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 2. С. 5—16.

[64] *Тайпинское восстание* (1850—1864) фактически было подавлено в июле 1864 г. англо-французскими войсками. В данном случае имеется в виду действия остатков тайпинской армии (об этом см.: *Илюличкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967. С. 374—379).

[65] Положение о военных округах было утверждено 4 августа 1864 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 2. № 4157, 4160). Вводилось приказом военного министра № 228 от 10 августа 1864 г.

[66] Подлинники писем великого князя Михаила Николаевича к Д.А. Милютину от 25 января и 5 марта 1865 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 26. Л. 1—2об., 3—3об.; письмо А.П. Карцова от 10 января 1865 г. — Там же. Карт. 65. Ед. хр. 9. Л. 19—20.

[67] Подлинник цитируемого письма А.П. Карцова от 1 марта 1865 г. См. Там же. Л. 26об.—27об.

[68] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1-е. № 42368.

[69] Там же. № 42369, 42372.

[70] Подлинник письма великого князя Михаила Николаевича к Д.А. Милютину от 15 декабря 1865 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 26. Л. 14—15об.

[71] Подлинник письма А.И. Вастена к Д.А. Милютину от 5 февраля 1866 г. — Там же. Карт. 59. Ед. хр 40. Л. 1—2.

[72] Цитата из письма А.П. Карцова от 30 декабря 1865 г. см. в ОР РГБ Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 9. Л. 38—38об.

[73] Подлинники писем А.П. Карцова от 14 и 30 декабря 1865 г. — Там же. Л. 33—39об.

[74] Б.А. Милютин в 1851 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. После этого он несколько лет прослужил в Петербурге, в Сенате. В 1859 г. Милютин поступил на службу к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьёву, правда, уже к концу пребывания того в крае. В Восточной Сибири Милютин пробыл 10 лет при трех генерал-губернаторах. Об этом периоде своей жизни Б.А. Милютин оставил воспоминания «Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьёва в Сибири» (опубл.: Исторический вестник. 1888. № 11. С. 317—364; № 12 С. 595—605).

[75] На Министерство юстиции были возложены подготовительные меры по проведению судебной реформы, созданию помещений для новых судебных установлений, подбору должностных лиц. Значительную роль в организации этой работы сыграл министр юстиции Д.Н. Замятнин. Подробнее об этом см.: Министерство юстиции за 100 лет. 1802— 1902: Исторический очерк. СПб., 1902. С. 96—110.

[76] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 2-е. № 42587 (пункт 5).

[77] Подразумевается «Записка» А.П. Платонова, предводителя дворянства Царскосельского уезда (РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 4. Д. 16).

[78] Д.А. Милютин был назначен товарищем военного министра 30 августа 1860 г.

[79] Речь идет об идеологии «Московских ведомостей» в период издания

этой популярнейшей российской газеты известным публицистом, редактором «Русского вестника» М.Н. Катковым. Выходить под его (и П.М. Леонтьева) редакцией это принадлежавшее Московскому университету издание начало с января 1863 г., будучи сдано в аренду на 12 лет. Выход первых номеров совпал с началом восстания в Царстве Польском. Ход восстания, его причины, отношение к нему стали наиболее острым вопросом в политике и общественном мнении. И Катков, прежде сравнительно мало уделявший внимание национальному вопросу, сразу и надолго делает его главным в своей программе (Подробнее см.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия: М.Н. Катков и его издания. М., 1978. С. 24—73). Катков начинал с умеренного тона, но по мере роста выступлений европейской прессы и дипломатии в поддержку поляков тон «Московских ведомостей» становился все более резким. Он, в частности, обосновывал мысль об отсутствии у поляков каких-либо прав на особое государственное устройство; настаивал на быстрейшем подавлении восстания военной силой и в этом действительно сходился с военным министром. Поэтому Катков приветствовал замену великого князя Константина Николаевича на посту наместника Ф.Ф. Бергом и назначение виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьёва (см.: *Катков М.Н.* 1863 год: Собрание статей по польскому вопросу. Вып. 1. М., 1887). Постепенно Катков начал разрабатывать обширный спектр тем, связанных с национальной проблемой: патриотизм, государственное единство страны, русификация, критика сепаратизма и т. д. Наиболее близко Катков в это время (1864—1866 гг.) сошелся с министром иностранных дел А.М. Горчаковым, отклонявшим многие требования европейских держав, с военным министром Д.А. Милютиным и его братом Н.А. Милютиным и особенно с М.Н. Муравьёвым (см.: *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864, 1865, 1866. М., 1897 г.; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 152—153).

80 Разногласия между Катковым и министром внутренних дел П.А. Валуевым по поводу политики правительства в Царстве Польском и западных губерниях начали обостряться в 1864 г., когда острота национальной борьбы спала и нападки на переориентировавшихся правительственных лиц стали ощущаться последними болезненнее, чем это было в 1863 г. Валуев отдавал себе отчет, что безнаказанность Каткова подрывает положение администрации вообще, и тогда он начал готовить средства нажима на Каткова. В октябре 1864 г. член Совета министра по делам книгопечатания О.А. Пржецлавский представил в Совет записку о характере издания «Московских ведомостей», скорее всего, составленную по заказу Валуева. Записка осталась без последствий, т. к. никто не хотел брать на себя ответственность за «приговор» Каткову, влияние которого было слишком велико.

Разногласия между Валуевым и Катковым, Катковым и Московским цензурным комитетом к концу 1864 г. обострились еще сильнее из-за того, что Катков стал печатать статьи, Цензурным комитетом запрещенные, и альтернативно требовал освобождения своего издания от цензуры. В случае отказа он угрожал прекращением издания. В Москве была организована кампания в поддержку Каткова. Поединок Каткова с правительством закончился к осени 1865 г. победой Каткова: в сентябре 1865 г. вошел в силу новый закон о печати, и издания Каткова в числе первых были освобождены от предварительной цензуры (подробно об этом см.: *Чернуха В.Г.*

Правительственная политика в отношении печати... С. 154—157).

[81] Газета «*Весть*» (1863—1870) представляла заметное явление в публицистике правого толка. Она была печатным органом консервативно настроенного дворянства, предводительствуемого аристократией. В числе учредителей газеты были такие известные аристократические фрондеры, как Н.А. Безобразов, А.П. Платонов, граф В.П. Орлов-Давыдов, граф А.П. Бобринский. В.Д. Скарятин был издателем и редактором «Вести» на всем протяжении ее существования. Н.Н. Юматов же в январе 1867 г. сложил с себя обязанности редактора, перейдя в «Новое время». Все вопросы внутренней политики (крестьянский, военный, национальный, народного образования и т. п.) рассматривались публицистами «Вести» под углом зрения сохранения привилегий поместного дворянства. Особенно враждебно относилась «Весть» к идеям всесословности, и здесь она объявляла своими главными противниками демократических публицистов «Современника» и «Русского слова». Столь же непримиримо газета была настроена и против либеральной идеологии, полемизируя в этом смысле с «Голосом», «Русским инвалидом» и др. изданиями либерального толка. Тема конституционного устройства, необходимости допущения поместного дворянства к государственному управлению не сходила со страниц газеты, где высказывалась обычно в завуалированной форме. Именно на этой почве произошло наиболее серьезное столкновение газеты с цензурой, о которой упоминает Милютин в воспоминаниях. Это столкновение было связано с адресом Московского дворянского собрания о созыве общего собрания «выборных людей», принятом в январе 1865 г. Инициаторами принятия адреса были Н.А. Безобразов и В.П. Орлов-Давыдов. Несмотря на наложенный правительством запрет, «Весть» 14 января 1865 г. напечатала текст адреса. За это Скарятина оштрафовали, а газету запретили на 8 месяцев (см.: *Скороспелова В.А.* Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть» // Вестник МГУ. 1974. № 2. С. 27—44; *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 221—234.).

[82] 2 апреля 1848 г. по распоряжению императора Николая I был учрежден Негласный комитет под председательством Д.П. Бутурлина (возглавлял комитет до 1849 г.). «Бутурлинский комитет» рассматривал уже вышедшие в свет издания и докладывал царю обо всем, противоречащем видам правительства. Таким образом, наряду с существовавшей предварительной цензурой (Устав 1828 г.), вводилась карательная цензура. Негласный комитет был упразднен 6 декабря 1855 г., когда началась подготовка цензурной реформы. Подробнее см.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре: С 1720 по 1862. СПб., 1862. С. 130—196; *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печать в императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 145—159.

[83] См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 455—457.

[84] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1-е. № 41988 («О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати»). В тот же день было утверждено мнение Государственного совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях» (Там же. № 41990).

[85] Немецкое юнкерство и буржуазия прибалтийских губерний были озабочены сохранением своих привилегий. Консервативная немецкая печать Остзейского края активно выступала в защиту этих привилегий, что вызвало ряд полемических выступлений со стороны «Московских ведомостей», «Дня», «Русского инвалида» и других газет, возражавших против «сепара-

тизма» прибалтийской печати (см.: *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 65—66).

[86] Газета «День» издавалась И.С. Аксаковым в 1861—1865 гг. и была наряду с «Московскими ведомостями» наиболее влиятельной среди московских газет. Независимость Аксакова отчетливо проявилась в направлении «Дня», который далеко не всегда выражал взгляды и настроения других славянофилов (*Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 89). По цензурным правилам от 6 апреля 1865 г. «День» в сентябре 1865 г. был освобожден от предварительной цензуры. В № 47—48 «бесцензурной» газеты были напечатаны статьи, направленные против «немецкого» влияния в правительстве. Это послужило поводом для закрытия газеты, у которой и ранее были многочисленные столкновения с цензурой (Там же. С. 120).

[87] Подлинники писем князя В.А. Долгорукова к Д.А. Милютину из Югенгейма от 22 апреля и 6 мая 1865 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 63. Ед. хр. 18. Л. 1—4; письмо Милютина к нему от 30 апреля — Там же. Карт. 52. Ед. хр. 26, (по поводу полемики с немецкими газетами).

[88] Упомянутый циркуляр от 14 декабря 1865 г. был напечатан 15 декабря в газете «Северная почта» (№ 273). Катков ответил на него двумя передовыми статьями («Московские ведомости». № 277 и 281 от 17 и 22 декабря 1865 г.), в которых заявил, что этот циркуляр не может заставить его газету отказаться от обсуждения дел Прибалтийского края.

[89] Речь идет о датско-прусской войне 1864 г. из-за земель Шлезвиг и Гольштейн, входивших в состав Датского королевства. Война закончилась подписанием в августе 1865 г. Гольштейнской конвенции, согласно которой Австрия (союзница Пруссии в войне) получила в управление Гольштейн, а Пруссия — Шлезвиг.

[90] Подразумевается Гражданская война в Северо-Американских Соединенных Штатах 1861—1865 гг. См. коммент. 27

[91] Имеется в виду «Силлабус» папы Пия IX, обнародованный 21 декабря 1864 г. (подробнее о нем см.: *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. С. 351—353).

[92] Речь идет о вооруженной интервенции Франции, Великобритании и Испании в Мексику 1861—1867 гг. с целью свержения правительства Хуареса и превращения Мексиканской республики в колонию европейских держав. Уже вскоре после начала интервенции выявились противоречия между ее участниками, вследствие чего Великобритания и Испания в апреле 1862 г. отозвали свои войска. Франция продолжала военные действия и, заняв летом 1863 г. Мехико, провозгласила Мексику империей во главе со ставленником имп. Наполеона III австрийским эрцгерцогом Максимилианом. В 1865 г. Россия признала Масимилиана и выразила согласие принять двух его вице-консулов. С начала 1865 г. положение французских войск осложнилось, Хуарес снова стал добиваться успехов (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 427—429; То же. 1863—1864. С. 311—314, 547—549; подробно об этом см.: *Беленький А.Б.* Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867). М., 1959; *Aquirre M.J.* La intervention fransesca y el Imperio en Mexico. Mexico, 1969).

[93] Речь идет о книге Наполеона III «Histoire de Jules César» (в 2 т. Париж, 1865—1866); в русском переводе: *Наполеон III.* История Юлия Цезаря (перевод М.М. Стасюлевича): В 2 т. СПб.: Издание О. Вольфа, 1865—1866.

[94] Имеется в виду «Галльская война» Ю. Цезаря.

[95] По французской конституции 1848 г. Алжир объявлялся неотъемле-

мой частью Франции и имел право на представительство в Национальном собрании. На протяжении 50-х — начала 60-х гг. продолжалась колонизация Алжира. Важное место в политике Франции в Алжире занимал вопрос о его политическом устройстве, велись дискуссии между сторонниками военного режима и гражданского управления. В 1865 г. Наполеон III в письме к генерал-губернатору Мак-Магону писал, что «Алжир — одновременно арабское государство, европейская колония и французский лагерь» (см.: Lettre sur la politique de la France en Algérie adressée par l'empereur au maréchal de Mac Mahon. Paris, 1865). 1861—1866 гг. были временем восстания местных племен и их усмирения. В 1865 г. Наполеон III побывал в Алжире и 5 марта издал прокламацию к арабам, в которой обещал им неприкосновенность их национальности и поземельной собственности. Но это не успокоило арабов, и вскоре началось новое восстание (см.: История XIX в. / Под ред. проф. Лависа и Рамбо; Пер. с франц. М., 1938. Т. 6. С. 143).

[96] *Фенианство* — одно из направлений в ирландском национально-освободительном движении, возникшее в конце 1850-х гг. как в самой Ирландии, так и в среде ирландских эмигрантов в САСШ после основания в 1858 г. Ирландского революционного братства. Члены братства, фении, в качестве главной своей цели выдвигали установление независимой Ирландской республики путем вооруженного восстания. В 60-х гг. движение фениев нарастало, распространившись и на Великобританию. Особенно оно усилилось во время Гражданской войны в САСШ, в которой участвовало много ирландцев. В январе 1864 г. возникла ирландская национальная организация Братство фениев, подвергшаяся преследованиям со стороны британского правительства. В сентябре 1865 г. была закрыта газета «Ирландский народ», а 14 октября арестовано 25 фениев. Зимой 1866 г. массовые аресты фениев продолжались.

[97] Упоминаемая конвенция от 3/15 сентября 1864 г. была одним из этапов в длительной борьбе Итальянского королевства с Ватиканом за присоединение к Италии Рима, оккупированного Францией по просьбе папы в 1849 г. Конвенция обязывала Францию вывести свои войска из Рима в течении двух лет. Италия брала на себя обязательство не нападать на папскую территорию и позволить папе набрать армию волонтеров (см.: *Милютин Д.В.* Воспоминания. 1863—1864. С. 537—539; История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 203—206).

[98] Имеется в виду австро-итало-французская война, начавшаяся в апреле 1859 г. и завершившаяся Виллафранкским перемирием 11 июля 1859 г. и Цюрихским мирным договором 10 ноября 1859 г. Эта война была первым этапом борьбы за объединение Италии под главенством Пьемонта (Сардинского королевства). Одним из препятствий к объединению была политика Австрии, удерживавшей на основании решений Венского конгресса 1814—1815 гг. Ломбардо-Венецианскую область. Пьемонт рассчитывал на активную помощь Франции, которая выступила на его стороне, преследуя свои политические цели: Наполеон III стремился путем войны упрочить свое влияние в Северной Италии. Россия была заинтересована в ослаблении Австрии. Она рассматривала независимую сильную Италию как противовес австрийскому и французскому влиянию в Европе. В этой связи велись переговоры короля Сардинского королевства Виктора Эммануила II с великим князем Константином Николаевичем в Виллафранке в январе 1857 г. Великий князь возлагал большие надежды на порт Виллафранку как на базу для российских

военных судов в Средиземном море. 3 марта 1859 г. было заключено тайное соглашение между Францией и Россией, на основании которого имп. Александр II брал обязательство не препятствовать расширению Сардинского королевства. Еще раньше, за несколько месяцев до начала войны, он встречался в Варшаве с принцем Жеромом Бонапартом, которому обещал оказать дипломатическую помощь Франции в подготовке разгрома Австрии. В ходе войны Россия ограничила свою помощь Франции переброской к австрийской границе российских воинских частей (см.: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича 1857—1861. М., 1994. С. 50, 756—77, 104—110, 112—113, 175—176). На основании Цюрихского договора Венецианская область оставалась в составе Австрийской империи, а Ломбардия переходила к Франции (подробнее см.: *Чепелкин М.А.* Российская дипломатия и итальянский вопрос: 1856—1861. М., 1995. С. 32—43, 53—80).

[99] Патент 26 февраля 1861 г. фактически отменил Диплом 20 октября 1860 г. (см. коммент. 100). В патенте усиливалась централистская роль государства; узкий рейхсрат превращался в постоянное учреждение и к нему переходила большая часть функций областных сеймов. Верхняя палата рейхсрата — Палата господ находилась в подчинении императора. Статья 13 Патента уполномсчивала министерство в отсутствие рейхсрата управлять страной при помощи указов, с тем только, чтобы на ближайшем собрании рейхсрата довести до его сведения мотивировку и результаты произведенных мероприятий. Фактически эта статья сводила на нет все остальные положения конституции (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 221—222).

[100] 20 октября 1860 г. имп. Франц Иосиф I обнародовал Диплом, в котором заявлял о своей готовности делить законодательную власть с рейхсратом и провинциальными сеймами. На основании этого Диплома усиливалось влияние местных ландтагов.

[101] Имеется в виду закон о престолонаследии, изданный имп. Карлом VI Габсбургом 19 апреля 1713 г., который в течение 1720—1723 гг. был принят всеми землями Австрийской империи. Прагматическая санкция устанавливала нераздельность наследственных земель Габсбургов и такой порядок престолонаследия, по которому, в случае отсутствия у императора сыновей, престол переходил к его дочери.

[102] Речь идет о либеральной конституции 1848 г., введенной австрийской монархией в Венгрии на короткое время в ходе революции 1848 г. и отмененной после ее подавления в марте 1849 г.

[103] Споры вокруг вопроса о престолонаследии в Дании были вызваны тем, что умерший король Фридерик VII не оставил прямого наследника. По Лондонскому протоколу 1852 г. датский престол переходил по женской линии к принцу Христиану Глюксбургскому. Герцогства Шлезвиг и Гольштиния (население которых было преимущественно немецким) отказывались признать Христиана Глюксбургского. Они признавали право на престол за герцогом Августенбургским, несмотря на то, что отец его еще в 1850 г. отрекся от престола за денежное вознаграждение (см.: *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960. С. 70—71).

[104] Указанную публикацию см.: «Journal de St.-Pétersbourg», № 202, 10/22 сентября 1865 г.

«*Journal de St.-Pétersbourg*» — ежедневная газета, издававшаяся на французском языке Министерством иностранных дел России в 1825—

1914 гг. Под «интерсами России в герцогствах в былое время» автор, по-видимому, подразумевает наследственные права имп. Павла I как главы старшей линии Гольштейн-Готорпской на герцогство Гольштейн. В 1773 г. по достижении совершеннолетия он отказался от этих прав. Договором, подписанным в Варшаве 5 июня 1851 г. уполномоченными России и Дании, было подтверждено отречение Павла I от своих наследственных прав на Гольштейн в пользу мужской линии короля Христиана VII. В предвидении прекращения этой линии с кончиной короля Фридриха VII было постановлено договором 1851 г., что российский имп. Николай I вновь отказывается от означенных прав в пользу наследника Фридриха VII, т. е. принца Глюксбургского и его мужского потомства. Договор этот был введен в силу Лондонским протоколом 8 мая 1852 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 523—524). Ниже речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 гг.

105 Речь идет о франко-прусских переговорах 5 октября 1864 г. в Биаррице. Детали их остались не вполне ясными, т. к. обе стороны не давали письменных обязательств. Но очевидно, что они касались французских интересов в Бельгии и Люксембурге, а также утраченных Францией важнейших стратегических пунктов на Рейнской границе (см.: *Нарочницкая Л.И.* Указ. соч. С. 88).

106 Оценку автором внутренней политики А. Кузы см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 437—439.

107 Во время Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. Англия воевала против России в союзе с Францией и Турцией.

108 Первой женой великого князя Константина Павловича была Анна Фёдоровна (урожд. принцесса Саксен-Кобург-Готская).

109 См. коммент. 27.

110 Речь идет о создании Канадского федеративного союза — объединении колониальных провинций Британской Северной Америки в конфедерацию, начавшегося в конце 1850-х гг. 10 октября 1864 г. в Квебеке собрались 33 делегата, чтобы выработать проект конституции создаваемой конфедерации. Достигнутое общее согласие была зафиксировано в виде 72 резолюций, которые легли в основу Акта о Британской Северной Америке 1867 г. После того как власти провинции Канады ратифицировали Квебекские резолюции, документы были доставлены в Лондон. Правительство либералов в Великобритании было заинтересовано в образовании Канадской федерации и энергично содействовало этому. Для метрополии было лучше согласиться с самостоятельностью Канады при сохранении самых тесных уз с ней, чем утратить ее совсем либо в результате антиколониальных выступлений или же аннексии со стороны САСШ. Последнее обстоятельства имело под собой серьезное основание, т. к. после окончания гражданской войны в САСШ в американских правящих кругах широко было распространено стремление захватить Канаду (об этом подробно см.: *Райерсон С.Б.* Неравный союз: История Канады: 1815—1873 / Пер. с англ. М., 1970. С. 296—307).

111 Так автор называет *Доктрину Монро* — известное послание американского президента Джеймса Монро конгрессу 2 декабря 1823 г.

112 Это сочувствие было выражено в адресе, преподнесенном имп. Александру II американской делегацией (документ хранится в ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 35).

113 Подробнее о деятельности Военного министерства и подготовке военных реформ, освещаемых автором здесь и далее в своих Воспоминаниях, см.: *Зайончковский П.А.* Военные ре-

формы 1860—1870 годов в России. М., 1952.

[114] Полевой устав 1812 г. см. в ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 24975. Новый полевой устав 1846 г. назывался «Устав для управления армией в мирное и военное время» (СПб., 1847). Он сохранял в силе основные положения устава 1812 г., устраняя некоторые его отрицательные черты. Так, было прекращено подчинение отдельных звеньев по линии дивизия — корпус — армия, минуя строевых начальников. По уставу 1846 г. командиры ведали и отвечали за все стороны жизни своих подразделений. Не менее важным было то, что генерал-интендант был освобожден от обязанности осуществлять гражданское управление на театре войны (см.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 204).

[115] Программа перевооружения армии не могла быть реализована без реконструкции технической базы на оружейных заводах. Совершенствование производства требовало отказа от принудительного труда. Военно-ученый комитет высказывался за отказ от крепостного труда на заводах. Военное министерство считало возможным передачу государственных заводов в аренду, при этом от крепостной зависимости должны были быть освобождены все приписанные к ним мастеровые и рабочие. В 1860 г. Милютин создал комиссию под председательством инспектора заводов генерала А.Г. Игнатьева для разработки условий аренды и перехода оружейников в состояние «вольных поселенных оружейников». Эта комиссия составила в начале 1861 г. Положение для всех заводов, которое нужно было согласовать с вошедшим в силу Положением 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права и законом 6 марта 1861 г. «О горнозаводских людях». Комиссия представила согласованные «Правила». Военный совет предложил вновь обсудить представленные проекты и выработать общий проект для всех заводов. Затягивание освобождения рабочих и мастеров от крепостной зависимости вызывало недовольство; на заводах создалась напряженная обстановка. В этих условиях Военное министерство было вынуждено поторопиться с освобождением рабочих и разрабатывать условия для каждого завода в отдельности. В феврале 1864 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния одобрил проект «Положения об устройстве быта оружейников Тульского оружейного завода, освобождаемых от обязательной работы», после чего он был утвержден императором. Рабочие получали права мещан, освобождались от податей на 6 лет, а прослужившие на заводе 20 лет — пожизненно. Все рабочие и мастера получали бесплатно усадьбы. Подготовкой проекта освобождения рабочих Ижевского завода, по образцу Тульского, занималась другая особая комиссия. Проект вошел в силу в январе 1865 г. Освобождение рабочих в Сестрорецке началось лишь в 1865 г., после того как город был включен в состав Петербургской губернии. В июне 1866 г. проект поступил в Главный комитет об устройстве сельского состояния, а в феврале 1867 г. он был утвержден Александром II. Рабочие получили те же льготы, что и ижевские оружейники (подробнее см.: Оружейный сборник. 1863. № 1. С. 164—166; № 2. С. 153—154).

[116] Разработка проекта Госпитального устава была завершена в первой половине 1869 г. Главным военно-госпитальным комитетом.

[117] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 2-е. № 42546.

[118] Воинский устав о наказаниях был утвержден 5 мая 1868 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 1-е. № 45813).

[119] Преобразование кадетских корпусов в военные гимназии началось с

осени 1863 г. по инициативе Милютина, который ставил целью, во-первых, ликвидировать привилегированные закрытые учебные заведения, во-вторых, расширить возможности пополнения офицерских кадров из других социальных слоев (не исключая и крестьян). Первым был реорганизован 2-й Петербургский корпус. Строевые подразделения были упразднены, взамен их установлены возрастные отделения (классы). В 1864 г. было реорганизовано еще пять корпусов, а в 1865 г. — еще четыре. Изучив опыт работы военных гимназий, Управление учебными заведениями разработало для них положение и штат, утвержденные в 1866 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1-е. № 42041).

[120] См.: Государственная роспись доходов и расходов на 1865 год. СПб., 1866. В эпоху Великих реформ государственный контролер В.А. Татаринов ввел гласность бюджета, и с 1863 г. каждый год публиковалась роспись доходов и расходов за истекший год.

[121] В 1862 г. Д.А. Милютин представил Александру II общирную программу военных реформ, включавшую и преобразование органов управления армией. Центральное управление по-прежнему осуществляло Военное министерство; его структура и функции были определены новым Положением о Военном министерстве, вступившем в силу 1 января 1869 г. (см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. № 46609). В состав министерства входили: Военный совет, Главная квартира, Главный военный суд, Главный штаб, 7 управлений, 2 инспекции и 5 главных комитетов. Суть реформы заключалась в том, что министерство оставило в своем ведении лишь те вопросы управления, которые имели значение для всей армии, предоставив местным окружным органам право решать оперативные задачи управления.

[122] Литографированную копию доклада см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 29. Ед. хр. 4.

[123] Так называемый «дарственный» или «нищенский» земельный надел составлял 1/4 высшего надела и мог предоставляться крестьянам в дар в случае отказа их от надела в целом. Подробно о процессе наделения крестьян землей и ходе выкупной операции после 1861 г. см.: *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 302—364; см. также: *Бурдина О.Н.* Крестьяне-дарственники в России: 1861—1917. М., 1996.

[124] Текст указа см. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1-е. № 39337.

[125] Институт мировых посредников был введен Положением 19 февраля 1861 г. для проведения в жизнь крестьянской реформы. Посредники назначались из дворян с определенным цензом. Мировые посредники первого призыва (1861—1863) были в значительной своей части убежденными сторонниками отмены крепостного права. Подробно об этом см.: *Устьянцева Н.Ф.* Институт мировых посредников в крестьянской реформе // Великие реформы в России: 1856—1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 166—184.

[126] См.: Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния. Т. 1. Пг., 1918.

[127] Речь идет о трех главных указах, подписанных 19 февраля 1864 г.: «Об устройстве крестьян Царства Польского», «Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском», «О порядке введения в действие новых постановлений о крестьянах Царства Польского» (см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 40609, 40610, 40612). Крестьянская реформа в Польше была прогрессивнее Положений 19 февраля 1861 г., т. к. земли, находившиеся в

пользовании крестьян, передавались им в собственность без уплаты выкупных платежей, а вознаграждение помещикам производило государство. Проведение крестьянской реформы в Царстве Польском было поручено специально созданному Учредительному комитету под председательством наместника. Большинство членов комитета было назначено из кандидатов, представленных Н.А. Милютиным, являвшимся главным начальником Собственной Е. И. В. канцелярии по делам Царства Польского, которые были сторонниками освобождения крестьян. Так, на должность главного директора Правительственной комиссии внутренних и духовных дел был назначен единомышленник и соратник Милютина князь В.А. Черкасский. О начальном этапе проведения крестьянской и других реформ в Царстве Польском в связи с деятельностью команды Н.А. Милютина см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 416—424, 495—506.

[128] Подразумевается граф Ф.Ф. Берг.

[129] *Комитет по делам Царства Польского* (25.2.1864—29.5.1881) — высший негласный совещательный орган при императоре для проведения реформ, намеченных в связи с польским восстанием 1863 г. и для ведения высших исполнительных дел по Царству Польскому (см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 1-е. № 43924). Комитет занимался подготовкой законопроектов в области гражданского управления Царством Польским, представлял их на утверждение императора или на рассмотрение Государственного совета. В обязанности комитета входило осуществление новых указов по крестьянскому делу, предварительное обсуждение всех дел по указанию императора. Комитет по делам Царства Польского состоял из лиц, назначавшихся самим императором. 1 декабря 1866 г. Комитет был объявлен гласным, председателем его официально был император (до 1872 г.). В отсутствие последнего должность председателя исполнял председатель Комитета министров. В состав комитета в описываемое время входили члены Государственного совета граф В.Н. Панин и К.В. Чевкин, министр внутренних дел П.А. Валуев, министр государственных имуществ А.А. Зеленый и главный начальник Собственной Е. И. В. канцелярии по делам Царства Польского Н.А. Милютин. После закрытия комитета его дела были переданы в ведение Комитета министров, Государственного совета и Главного комитета об устройстве сельского состояния (см.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801—1917. Т. 1. СПб., 1998. С. 78—79.).

[130] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 2-е. № 43888.

[131] Имеется в виду личное освобождение крестьян в трех прибалтийских губерниях (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) законами 1816—1819 гг.

[132] Автор намекает на начавшуюся переориентацию внутренней политики в сторону «охранительных» начал. К этому же времени, т. е. к зиме 1865—1866 гг. относил первые шаги по сплочению реакционных сил близкий к славянофилам князь А.И. Васильчиков в своей записке «Тайная полиция в России». Консервативное дворянство группировалось в это время вокруг Общества взаимного поземельного кредита, основанного графом А.П. Бобринским. В марте 1866 г. попытка объединить усилия «охранителей» была предпринята во время первых выборов мировых судей (см.: *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 181—185).

[133] Имеется в виду декабрьская (1865 г.) сессия Петербургского губернского земства, обсуждавшего очередную записку А.П. Платонова о созыве центрального земского собрания

(или собора). Следует заметить, что политический путь был уделом далеко не всех земств, и Петербургское земство было во второй половине 60-х годов в этом смысле исключением. Большинство земств в первые годы деятельности отличались политической индифферентностью. Тем не менее правительство в лице Министерства внутренних дел уже с 1866 г. начало наступление на земства: в течение года было выпущено три циркуляра, направленных на сужение материальной базы земских учреждений (см.: *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1910. Т. III С. 120—121; *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 180—181).

[134] Подробнее об этом см.: *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 18—30.

[135] В начале 1860-х годов в правительственных и военных кругах, в среде торгово-промышленной буржуазии и помещиков одним из самых острых вопросов стал вопрос о срочных мерах к скорейшему созданию сети железных дорог. Чтобы сдвинуть железнодорожное дело с мертвой точки, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями Б.Б. Мельников организовал в своем ведомстве разработку проекта строительства сети главных линий железных дорог Европейской России общим протяжением в 4,5 тыс. верст. Эта сеть должна была связать кратчайшим путем земледельческие внутренние губернии с промышленным центром страны и с вывозными портами на Балтийском и Чёрном морях. Одновременно проектируемая сеть должна была отвечать военно-стратегическим задачам — быстрому передвижению и сосредоточению войск на границах империи. Проект обсуждался в Комитете министров в январе 1863 г. Предложение Мельникова о строительстве этой железнодорожной сети государством не было принято большинством, ввиду тяжелого финансового положения Казначейства. Было решено привлечь иностранный частный капитал. Подробно о строительстве железных дорог в 1863—1865 гг. см.: *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт во II половине XIX в. М., 1975. С. 88—94.

[136] Имеются в виду решения Венского конгресса 1814—1815 гг., установившие основы реакционной политической системы, которая господствовала в Европе после разгрома наполеоновской Франции на протяжении ряда десятилетий (см.: *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Т. 1. М., 1947. С. 46—126).

[137] *«Алабама»* — крейсер, построенный и снаряженный в Великобритании по заказу Конфедерации (южные штаты) 23 июня 1862 г. с ведома британского правительства. Вскоре после спуска судна на воду посланник САСШ в Лондоне заявил британскому правительству протест. Тем не менее, последнее дало возможность кораблю отплыть на Азорские острова, где он получил вооружение. За два года (1862—1864) крейсер уничтожил около 70 судов североамериканского флота. В Ливерпуле строились и другие суда для мятежников Юга (см.: *Малкин М.М.* Гражданская война в США и царская Россия. М., 1939. С. 115—122).

[138] См. коммент. 98.

[139] Имеется в виду австро-прусская война 1866 г., которой Милютин посвятил отдельную главу данных воспоминаний.

[140] *Германский Союз* — союз германских государств, образованный 8 июня 1815 г. на Венском конгрессе в числе 39 государств. К 1866 г. количество государств сократилось до 32. Ликвидирован в 1867 г. после поражения Австрии в войне с Пруссией.

[141] В своих мемуарах О. Бисмарк признавал, что с самого начала возникновения Шлезвиг-гольштейнского вопроса он имел в виду аннексию герцогств: «Из всех возможных вариантов урегулирования датского вопроса, которые сулили герцогствам некоторое облегчение по сравнению с наличными условиями, я считал наилучшим присоединение их к Пруссии, что и высказал однажды в Совете тотчас после кончины Фридриха VII» (*Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 20).

[142] Вероятно, Милютин здесь подразумевает потерю Австрийской империей в 1859 г., в связи с поражением в австро-франко-итальянской войне, тех территорий, которыми она владела по решениям Венского конгресса, а именно: Ломбардии, присоединенной к Сардинскому королевству; Савойи и Ниццы, отошедших к Франции.

[143] В 1863 г. Австрией была инициирована реформа Германского союза, сводившаяся к решительному усилению ее роли среди германских государств. В этих целях 17 августа во Франкфурте-на-Майне был созван съезд германских князей. Прусский король, по настоянию Бисмарка, отказался от участия в съезде; другие участники заняли сдержанную позицию. В результате это очередное мероприятие Австрии в ее борьбе с Пруссией за гегемонию в Германском Союзе потерпело крах (см.: *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 1. С. 247—249.)

[144] Союзный договор с Италией был подписан в Берлине 8 апреля. Договор предусматривал, что Пруссия начнет военные действия против Австрии в ближайшие три месяца, после чего в войну вступит Италия. Обе стороны обязались не заключать мира или перемирия иначе, как по взаимному согласию. Сверх территориальной компенсации (Венецианской области), Бисмарк обещал королю Виктору Эммануилу денежную субсидию.

[145] «*Habeas Corpus Act*» (лат.) — закон о гарантиях свободы личности, принятый английским парламентом в 1679 г. при короле Карле II.

[146] *Парижский договор 1856 г.* — договор, подписанный 30/18 марта в Париже по окончании Крымской (Восточной) войны 1854—1856 гг. В числе подписавших договор были: Россия, Франция, Великобритания, Австрия, Турция, Пруссия, Сардинское королевство. Договор касался вопросов территориального урегулирования, нового режима Черноморских проливов, проблемы балканских народов. На конгрессе Россия, несмотря на военное поражение, сумела отстоять права сербского, молдавского и валашского народов. Был в принципе поставлен вопрос о необходимости политического объединения Молдовы и Валахии. Подробнее о выработке статуса Дунайских княжеств и процессе их объединения в 1858—1859 гг. см.: *Виноградов В.Н.* Россия и объединение Румынских княжеств. М., 1967. С. 212—266.

[147] См.: «Journal de St.-Pétersbourg». № 103 (9—10 / 21—22 мая); № 104 (11/23 мая); № 107 (14/26 мая); № 108 (15/27 мая); № 109 (16, 17, 18 / 28, 29, 30 мая).

[148] См.: АВПРИ. Ф. «Канцелярия». 1866. Д. 174. Л. 127—128об.

[149] 24 апреля 1864 г. в Коллегии пропаганды папа Пий IX произнес речь, в которой обвинял Александра II в угнетении римско-католической церкви и преследовании католиков. 30 июля папа разослал послание польским епископам, оправдывающее участие духовенства в восстании 1863 г. в Царстве Польском. В результате этого русский посланник в Ватикане Н.Д. Киселёв был отозван (см.: *Попов А.Н.* Последняя судьба папской политики в России: 1845—1867. СПб., 1868. С. 232—233).

[150] Конкордат с Ватиканом был уничтожен указом Александра II 27 ноября 1866 г.

[151] Конкордат 1847 г. был заключен 3 августа в результате десятимесячных переговоров русских дипломатов с папой Григорием XVI по урегулированию чисто религиозных вопросов. Главным итогом переговоров было закрепленное в конкордате узаконение положения католической церкви в России (см.: *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 490—492). Текст конкордата на русском языке опубл.: *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 244—250.

[152] См.: Espositione dokumentata sulle constanti cure del sommo pontifice Pio IX a riparo dei mali che soffre la chiesa cattolica nei domini de Russia e Polonia. Roma, 1866. Подбор и редакция документов имели целью возложить на русское правительство ответственность за происшедший разрыв дипломатических отношений между Россией и Ватиканом.

[153] Имеется в виду документ, озаглавленный (в русском переводе): «Исторический обзор действий римского двора, разрешившихся прекращением дипломатических отношений между папским престолом и императорским кабинетом...». Мемория имела целью доказать предвзятость обвинений Ватикана и предназначалась для широкой огласки за рубежом. 10 января «Обзор» был напечатан в газете «Journal de St.-Pétersbourg», затем его перепечатали почти все русские газеты.

[154] Некоторые современники высказывали сомнение в спасительной роли Комиссарова (см., напр.: *Черевин П.А.* Записки. Кострома, 1918. С. 4—5).

[155] Популярность графа М.Н. Муравьёва в общественных кругах России была обусловлена его ролью в подавлении восстания 1863—1864 гг. в Северо-Западном крае. Об этом подробно см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 237—245.

[156] Н.А. Некрасов, желая спасти «Современник», принял 16 апреля участие в описываемом обеде. Прочитанное в честь М.Н. Муравьёва стихотворение было им тогда же уничтожено и осталось неизвестным (см.: *Некрасов Н.А.* Сочинения. Л., 1981. Т. 2. С. 429).

[157] Под «студенческими историями 1861 г.» Милютин имеет в виду волнения студентов Петербургского университета в августе — октябре 1861 г., описанные им в книге IX «Воспоминаний» (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 153—169; эпизод с П.А. Шуваловым см. на с. 164).

[158] Граф П.А. Шувалов как государственный деятель начал формироваться в середине 50-х гг., и на формирование его мировоззрения не могла не оказать влияния картина глубокого кризиса, вызванного политикой имп. Николая I. Шувалов прекрасно понимал необходимость назревших преобразований, но, происходя из родовитого поместного дворянства и будучи ревностным защитником интересов своего сословия, стоял за такие преобразования, которые сохранили бы в новых условиях ведущее положение дворянства как сословия. Что касается его политических воззрений, то он был сторонником европейского пути развития России, поклонником британской политической системы, т. е. конституционной монархии с двухпалатным парламентом. Приход Шувалова в III отделение совпал с попыткой создания аристократической частью дворянства «консервативной партии» (см.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма. С. 68; *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 181—196).

[159] Об этой комиссии см.: *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 197—220; *Оржеховский И.В.* Комитет «общественного спасения» 1866 г. // Общественно-политическая мысль и классовая борьба

в России XVIII—XIX вв. Горький, 1973. С. 53—68.

160 Текст рескрипта см. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 1-е. № 43298.

161 Речь идет о выдающемся полководце А.В. Суворове, сосланном имп. Павлом I в свое имение Кончанское в феврале 1797 г.

162 Подлинник письма А.А. Суворова см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 75. Ед. хр. 72. Л. 13—14.

163 Принадлежавший Д.А. Милютину рукописный экземпляр записки К.Д. Кавелина от 19 мая 1866 г. с пометой Милютина о прочтении записки Александром II см.: Там же. Карт. 39. Ед. хр. 32.

164 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 53. Ед. хр. 87. Л. 12—12/а.

165 Там же. Карт. 58. Ед. хр. 22. Л. 2—2об.

166 Контр-адмирал С.С. Лесовский командовал русскою атлантической эскадрой, посетившей САСШ в 1863—1864 гг. Состоявшая из 7 военных кораблей эскадра Лесовского снялась с якоря в Кронштадте 17 июня 1863 г. и внезапно, неожиданно для Европы и Америки, появилась в Нью-Йорке в сентябре, там она находилась до января 1864 г. В январе Лесовский разослал суда эскадры в плавание для собирания сведений о портах и их значении в военном отношении. В апреле 1864 г. все суда вновь собрались в нью-йоркском порту и, ожидая распоряжений, производили ремонт. В июне 1864 г. часть эскадры посетила Бостон, где был устроен банкет, в честь русских офицеров и русско-американской дружбы. В июле эскадра оставила берега САСШ. О теплом приеме эскадры американцами см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 314—315; подробно об истории снаряжения эскадры и ее пребывания в Америке см.: Гражданская война в США и Россия: К пребыванию русских военных кораблей в США в 1863—1864 гг.: Документы / Сост. С.И. Павленков // Новая и новейшая история. 1973. № 6.

167 О миссиии Фокса см.: *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 12—16.

168 *Английский дворец* был построен в Петергофе в 1780-х гг. архитектором Дж. Кваренги. Обычно летом, во время пребывания царской семьи, в нем помещали послов и особ дипломатического корпуса.

169 В течение апреля — мая между Петербургом и Берлином, с одной стороны, и Веной — с другой, велась оживленная переписка. В письмах к своему дяде, королю Пруссии Вильгельму, Александр II призывал Пруссию к умеренности и предлагал уладить Шлезвиг-гольштейнский вопрос таким образом, чтобы создать из герцогств самостоятельные государства во главе с представителями Ольденбургской династии (письмо от 20 апреля см. в АВПРИ. Ф. «Канцелярия». 1866. Оп. 469. Д. 169. Л. 33—33об.). В письмах к австрийскому императору Александр II предлагал прекратить концентрацию австрийских войск в Чехии (см.: *Нарочницкая Л.И.* Указ. соч. С. 99).

170 Имеется в виду записка князя А.М. Горчакова, написанная в сентябре 1866 г. (писарский экземпляр ее см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 62. Ед. хр. 21. Л. 21).

171 С 1839 г. половина Великого герцогства Люксембург принадлежала Бельгии, а другая половина — Нидерландам, король которых был одновременно и великим герцогом Люксембургским. Вместе с тем герцогство входило в Германский Союз. Франция действительно имела виды на Люксембург, о чем вела тайные переговоры с Пруссией еще во время датской войны 1864—1865 гг.

[172] Подробно об этом см.: *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 2. С. 50—59.

[173] Направляя Мантейфеля в Петербург, Бисмарк преследовал цель вступить в соглашение с Россией, чтобы решительнее действовать против требований Наполеона III. Мантейфель имел полномочие обещать России поддержку в Восточном вопросе и пойти на второстепенные уступки в германских делах. Прусскому правительству было известно о стремлении российского правительства освободиться от ограничительных статей Парижского договора 1856 г., ущемлявших права России на Чёрном море. Бисмарк дал указание Мантейфелю поддержать эти планы России, если о них будет идти речь (см.: *Нарочницкая Л.И.* Указ. соч. С. 140—148).

[174] См.: РГИА. Ф. 272 (Следственной комиссии и Верховного уголовного суда, учрежденного по делу о покушении 4 апреля 1866 г. на Александра II) Д. 1—34; Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. I—II. М.; Л., 1928—1930.

[175] Журнал «*Современник*» с 1847 г. издавался Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым; до 1862 г. — при активном участии Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова; после ареста Чернышевского журнал был приостановлен, но с 1863 г. стал вновь выходить, сохранив свою революционно-демократическую направленность.

Журнал «*Русское слово*» издавался в Петербурге в 1859—1866 гг. С 1863 г. под редакцией Г.Е. Благосветлова. Был также демократическим печатным органом, в котором с 1861 г. сотрудничал Д.И. Писарев.

[176] Речь идет о тайном революционном обществе, основанном в Москве Н.А. Ишутиным в сентябре 1863 г. Общество возникло как ячейка «Земли и воли»; с распадом последней оно стало превращаться в организационный центр московского подполья, объединившийся в 1865 г. с петербургским. Ишутинцы установили связи с польскими революционерами и русской политической эмиграцией, распространили свое влияние на периферийные кружки в ряде городов Центральной России. Ядро общества составляли, кроме Ишутина, В.Д. Ермолов, Д.А. Юрасов, М.Н. Загибалов, В.Н. Шаганов, Б.Ф. Николаев, Д.В. Каракозов. К началу 1866 г., после поездки И.А. Худякова в Женеву, были созданы Центральная революционная агентура («Организация») и узкая законспирированная группа «Ад». Разрабатывались программа и устав, намечавшие создание тайных обществ в провинции и принявшие тактику индивидуального террора; готовился побег Н.Г. Чернышевского с каторги (об этом подробнее см.: *Клевенский М.М.* Ишутинский кружок и покушение Каракозова. М., 1928).

[177] Речь идет о всеподданнейшей записке М.Н. Муравьёва от 9 июня (писарский экземпляр см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 39. Ед. хр. 58).

[178] Речь идет о тайном революционном обществе начала 1860-х гг. Образование и первые практические шаги «Земли и воли» относятся приблизительно к концу 1861 г. Важная роль в основании общества принадлежала братьям Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичам, А.А. Слепцову и др. Учителем и вдохновителем организаторов был Н.Г. Чернышевский. Руководителем общества одновременно были связаны и с редакцией «Колокола» в Лондоне. В конце лета — начале осени 1862 г. центр общества окончательно оформился под названием «русский центральный народный комитет». Комитеты и группы общества существовали в Москве, Казани, Нижнем-Новгороде, Перми, на Украине. «Земля и воля» действовала до весны 1864 г., когда она самоликвидировалась [см.: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в

России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 132—178].

[179] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 39. Ед. хр. 58. Л. 4.

[180] Там же. Ед. хр. 59. Л. 1—5.

[181] Милютин имеет в виду события 1847—1849 гг., когда внутри Русского географического общества шла упорная борьба по поводу нового устава и другим вопросам между так называемыми «русской» и «немецкой» партиями. К последней принадлежали ученые немецкого происхождения, группировавшиеся вокруг Ф.П. Литке, который был с самого возникновения Географического общества в 1845 г. его вице-председателем и фактическим руководителем. Великий князь Константин Николаевич, по молодости лет, возглавлял общество формально. «Русская партия» образовалась преимущественно из русских молодых членов Общества, которых активно привлекал к деятельности в Обществе его секретарь А.В. Головин, служивший в то время при великом князе Константине Николаевиче по морскому ведомству. В их числе были братья Н.А. и Д.А. Милютины, ученые В.В. Григорьев, Я.В. и Н.В. Ханыковы и др. молодые люди, выдающиеся своим образованием или дарованиями (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 138—140). В 1849 г. членом Географического общества стал М.Н. Муравьёв, который вступил в борьбу на стороне «русской» партии (Там же. С. 168—169).

[182] Тексты приговоров Верховного уголовного суда по делу Каракозова и Кобылина от 31 августа опубл. в кн.: Стенографический отчет... Т. 1. С. 281—284.

[183] *Аничков дворец* («дом Разумовского») был построен в 1740-х гг. и подарен императрицей Елизаветой Петровной графу А.Г. Разумовскому. В XIX в. дворец принадлежал членам царской семьи и по традиции — наследникам престола. Дворец занимал обширную площадь от Фонтанки до Садовой ул.; главный фасад выходил на р. Фонтанку (см.: *Пыляев М.И.* Старый Петербург. Л., 1990. С. 142—148).

[184] Текст манифеста см. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 2-е. № 43783.

[185] Полный текст письма Шамиля опубл. в кн.: *Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк. СПб., 1889. С. 185—186.

[186] Подразумевается участие Кази-Магомы в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на стороне турок.

[187] Речь идет о третьем сыне Шамиля Магомет-Шафи, служившем с 1 мая 1861 г. в Собственном Е. И. В. конвое.

[188] Мнение Д.А. Милютина о попытках сплочения вокруг графа П.А. Шувалова так называемой «консервативной партии» совпадает с точкой зрения и других современников (см.: *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 162; *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 113). Кроме Д.А. Толстого, к числу сторонников и единомышленников Шувалова в правительстве принадлежали граф К.И. Пален, А.Е. Тимашев, А.П. Бобринский, С.А. Грейг (подробнее о действиях П.А. Шувалова по созданию «однородного» правительства см.: *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 215—219).

[189] В начале июня 1866 г. министр внутренних дел П.А. Валуев, шеф жандармов П.А. Шувалов и министр государственных имуществ А.А. Зелёный представили Александру II записку о пределах губернаторской власти в связи с реформами первой половины 60-х гг. под названием «О мерах для немедленного устройства административно-полицейского надзора». Авторы Записки отмечали, что губернаторы не имеют должного

влияния на губернские учреждения, не подведомственные министру внутренних дел, и превратились по сути исключительно в «высших начальников» полиции. Поскольку подготовка общей реформы губернских и уездных учреждений была далека от завершения, они предлагали немедленно принять ряд мер по усилению губернаторской власти (см.: *Середонин С.М.* Исторический обзор .... Т. 3. Ч. 1. С. 130). Прежде чем обсуждать Записку по существу в Особой комиссии, председатель Комитета министров П.П. Гагарин передал ее на отзыв М.Х. Рейтерну (министру финансов) и Д.Н. Замятнину (министру юстиции). Оба они усмотрели в Записке прежде всего посягательство министра внутренних дел на прерогативы других министерств и отнеслись к ней крайне отрицательно (отзывы Рейтерна и Замятнина опубл. в кн.: Материалы, собранные для высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. СПб., 1870. Ч. 1. Отд. 3. С. 14—17).

14 июня Записка вместе с отзывами Рейтерна и Замятнина рассматривалась на заседании Особой комиссии, о которой П.А. Валуев записал в дневнике: «Заседание было довольно бурно и привело к разногласию, которое будет представлено Государю» (*Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 132). Действительно, из числа предложенных в Записке мер, Комиссия единогласно признала лишь целесообразность предоставления губернаторам права закрывать частные собрания различных обществ, клубов и артелей. Кроме того, комиссия указала на необходимость обязать губернаторов точно исполнять не отмененные Судебными уставами законы по охране государственной безопасности в чрезвычайных ситуациях. Независимо от этого три члена Комиссии (П.П. Гагарин, В.Н. Панин и Д.А. Милютин) выдвинули ряд аргументов против предложенных в Записке мер (см.: *Шумилов М.М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX в. М., 1991. С. 56). Обсуждение Записки 5 и 12 июля в Комитете министров было зафиксировано в Особом журнале (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3214. Л. 334—336) без указания на какие-либо разногласия. Однако то, что они имели место, подтверждает в своем дневнике П.А. Валуев (Указ соч. Т. 2. С. 137—138). Утвержденные 22 июля Александром II постановления Комитета министров по итогам обсуждения Записки 5 и 12 июля обрели силу закона (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 1-е № 43501). В соответствии с ним министры должны были разработать и направить губернаторам инструкции о порядке проведения ревизий в подчиненных им учреждениях. Уже 11 октября 1866 г. Комитет министров рассматривал инструкции губернаторам, составленные в нескольких министерствах. В целом, после принятия этого закона губернаторские полномочия несколько возросли. Однако в силу большой занятости делами текущего управления, губернаторы не могли реализовывать эти полномочия в полной мере.

По мнению некоторых исследователей, авторы Записки (т. е. П.А. Валуев и его единомышленники) в полной мере достичь поставленной цели не смогли. Это, как считает в частности М.М. Шумилов, было одной из причин появления на свет 12 февраля 1868 г. очередной записки «О положении губернского управления», представленной Валуевым Александру II. Валуев предлагал императору немедленно принять меры к объединению деятельности местных административных органов, поставив во главе объединенного управления губернаторов (см.: *Шумилов М.М.* Указ. соч. С. 63—66).

[190] В течение года Валуев провел две важные меры, подрывающие значение

института мировых посредников. В марте 1866 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния утвердил предложение об укрупнении мировых участков, доведя норму крестьян, входивших в каждый участок до 25 тысяч человек. Естественно, что такое расширение границ мировых участков уменьшало возможности мировых посредников по наблюдению за ходом дел в сельских обществах. После покушения 4 апреля Валуев постарался провести еще одну меру — предоставить генерал-губернаторам по согласованию с министром внутренних дел и шефом жандармов право удалять от должности мировых посредников, обнаруживших политическую неблагонадежность. Записка Валуева на эту тему обсуждалась Комитетом министров 15 ноября 1866 г. Было принято решение разрешить генерал-губернаторам временно отстранять от должности мировых посредников; окончательное решение оставалось за Сенатом (см.: *Чернуха В.Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России. Л., 1972. С. 58—59).

191 О правительственной политике в отношении земств в указанный период подробно см.: *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М., 1977. С. 30—33; *Ярцев А.А.* Государственная власть и земские учреждения: 1864—1890. СПб., 2003. С. 62—128.

192 См. коммент. 79—80.

193 Имеется в виду статья «Новгородская губернская земская управа», напечатанная в № 3 указанной газеты. Текст предостережения опубл. в кн.: Материалы, собранные Особою комиссиею, Высочайше учрежденной 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати (далее — Материалы о цензуре и печати). СПб., 1870. Ч. 2. С. 123—124.

194 Выше приведена цитата из текста предостережения «Московским ведомостям», напечатанного в «Северной почте» (№ 66). Предостережение было объявлено газете 31 марта за статью, посвященную австро-прусской войне, косвенно критиковавшую царское правительство («Московские ведомости». 1866 г. 21 марта. № 61). Упомянутая передовая статья по поводу объявленного предостережения была напечатана «Московскими ведомостями» 3 апреля (№ 69).

195 Подробно о перипетиях борьбы «Московских ведомостей» с цензурой весной 1866 г. см.: *Неведенский С.* Катков и его время. СПб., 1888. С. 245—250; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати... С. 160—163.

196 *«Санкт-Петербургские ведомости»* издавались с 1728 г. при Академии наук. В 1863—1874 гг. газета под редакцией В.Ф. Корша превратилась в либеральный печатный орган. Упомянутое второе предостережение газета получила за статью «По поводу народных заявлений», напечатанную в № 97 (см.: Материалы о цензуре и печати. Ч. 2. С. 127—128).

197 *«Голос»* — ежедневная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге в 1863—1884 гг. под редакцией опытного журналиста А.А. Краевского. Газета лишь отчасти выполняла свои функции официоза, поддерживая некоторые из мероприятий правительственной политики и позволяя себе робкую оппозицию относительно других мер. 6 мая «Московские ведомости» получили второе предостережение за передовую статью в № 81, а 7 мая — третье предостережение за статью в № 95 (Там же. С. 128). «Голос» получил второе предостережение за фельетон «Московская жизнь» (№ 109 и 111) и статью «О государственных сбережениях» (№ 118) (см.: Материалы о цензуре и печати. Ч. 2. С. 129—130).

198 2 сентября объявлено третье предостережение «С.-Петербургским ведомостям» за ряд статей, в которых

критиковалась правительственная политика в отношении земств (№ 211, 225, 228, 233) (Там же. С. 130—131).

[199] Решение о закрытии «Современника» и «Русского слова» было вынесено 23 мая 1866 г. особой комиссией, учрежденной для борьбы с революционным движением после покушения 4 апреля, и утверждено «высочайшим» повелением 28 мая.

[200] «Голос» получил третье предостережение 5 декабря за напечатанную в № 318 статью по поводу пробразования с.-петербургской полиции (см.: Материалы о цензуре и печати. Ч. 2. С. 132).

[201] Подробно об этом см. в кн.: *Leroy-Beaulieu A.* Un homme d'Etat Russe (N. Milutine) Paris, 1884. P. 259—320; Записки А.И. Кошелева (1812—1883). Berlin, 1884. С. 145—178.

[202] В ноябре 1866 г. А.И. Кошелев обратился к Александру II с письмом об отставке, в котором писал следующее: «...Я действовал по совести и по лучшему своему разумению к достижению полного и окончательного присоединения Польши к России. Иное мнение о средствах к достижению этой цели, противоположное моим убеждениям, все более и более одерживало верх в управлении польскими делами и становилось его руководящим началом; а потому я счел долгом совести удалиться, к чему побуждало меня и расстроившееся мое здоровье» (см.: Записки А.И. Кошелева. С. 213).

[203] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 1-е. № 43548; Отд. 2-е. № 43788, 44012.

[204] Об отношениях группы Н.А. Милютина с наместником Ф.Ф. Бергом в связи с проведением реформ в Царстве Польском см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 417—421.

[205] Подразумеваются П.А. Валуев и П.А. Шувалов, возражавшие против политики, проводимой виленским губернатором К.П. Кауфманом и его предшественником М.Н. Муравьёвым в отношении польского поместного дворянства (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 378—390).

[206] Подлинник письма см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 22. Л. 9об.

[207] Важные сведения об обстоятельствах отставки К.П. Кауфмана с поста виленского генерал-губернатора содержатся в письме Е.М. Феоктистова редактору «Московских ведомостей» от 9 декабря 1866 г. Опираясь на информацию, полученную от Н.А. Милютина, Феоктистов сообщал М.Н. Каткову, что основанием для увольнения послужил циркуляр Кауфмана о порядке снятия военного положения в Северо-Западном крае в связи с прекращением польского восстания 1863 г. Александр II возмутился тем, что распоряжения генерал-губернатора последовали без предварительного согласования с ним, и его недовольством воспользовались шеф жандармов граф П.А. Шувалов и министр внутренних дел П.А. Валуев, чтобы настоять на удалении Кауфмана (ОР РГБ. Ф. 120 (Катков М.Н.) Карт. 37. Л. 3—4). Эту версию подтверждают документы официального делопроизводства и дневник П.А. Валуева. С 27 июля 1866 г. по распоряжению виленского генерал-губернатора было снято военное положение в 13 уездах Минской, Витебской и Могилёвской губерний. Но в особом циркуляре, направленном 26 августа 1866 г. минскому, витебскому и могилевскому губернаторам, Кауфман предложил сохранить в данных уездах действие некоторых чрезвычайных постановлений. Предложения генерал-губернатора были представлены Д.А. Милютиным в начале сентября Александру II, который распорядился рассмотреть их в Комитете министров 27 сентября 1866 г. Однако накануне этого заседания, во время аудиенции 23 и 24 сентября, Валуев и Шувалов убедили Александра II вызвать Кауф-

мана в Петербург и назначить на его место нового генерал-губернатора. Шувалов обвинил Кауфмана в том, что его распоряжения о порядке снятия военного положения превышали полномочия генерал-губернатора и затрагивали прерогативы самодержавной власти [см.: ГАРФ Ф. 109 (III отделение Собственной Е. И. В. канцелярии) 1-я экспедиция Оп. 38. 1863. Д. 23. Л. 88—90, 107—122, 125, 131; *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 151—152; подробнее см.: *Комзолова А.А.* Указ. соч. С. 210—214].

208 Речь идет о передовой статье в № 79 «Вести» по поводу увольнения К.П. Кауфмана. Эта статья рассматривалась 11 октября 1866 г. в Совете Главного управления по печати Министерства внутренних дел. Совет вынес решение объявить газете второе предостережение. П.А. Валуев, считавший статью «неуместной», утвердил решение Совета. Тем не менее в правительственных сферах полагали, что данная статья была инспирирована Валуевым (см.: *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 155—156). В ноябре 1866 г. дворяне Казанской губернии по инициативе начальника штаба Казанского военного округа Ю.М. Батезатула составили адрес на имя Кауфмана. В нем выражалось негодование против статьи, напечатанной в № 79 «Вести», а также высказывалась благодарность Кауфману за его деятельность в Северо-Западном крае (см.: ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 41. 1866. Д. 287. Л. 2—3).

209 См.: «Journal de St.-Pétersbourg», 1866. № 229. 12/24 октября.

210 А.П. Безак был с 1865 г. киевским генерал-губернатором (Киевская, Волынская и Подольская губернии).

211 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 5. Л. 47об.

212 *Западный комитет* (20.9.1862—5.1.1865) — высший административный орган, восстановленный на основании повеления императора от 14 сентября 1861 г. в связи с ростом революционного движения в Польше в начале 1860-х гг., повлекшим за собой волнения в Западном крае. Председателем Комитета по должности был председатель Комитета министров, членами: шеф жандармов, министры: военный, юстиции, государственных имуществ, внутренних дел, иностранных дел, управляющие министерствами финансов, народного просвещения и обер-прокурор Святейшего Синода. Западный комитет был призван осуществить преобразования в гражданском управлении западных губерний; он рассматривал вопросы переселения участников восстания 1863 г. во внутренние губернии России и переселения русских крестьян в западные губернии, вел переписку по отчетам генерал-губернаторов и начальников губерний о состоянии дел. После упразднения Комитета его дела были переданы в Комитет министров (см.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1861—1917. Т. 1. С. 78; *Середонин С.М.* Указ. соч. Вып. 3. Ч. 1. С. 186—202).

213 Упоминаемое ниже письмо великого князя Михаила Николаевича датируется 16 февраля (подлинник — ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 26. Л. 22об.).

214 См.: подлинники писем великого князя Михаила Николаевича к Милютину от 11 января и 16 февраля 1866 г. (Там же. Л. 16—22); черновики писем Милютина к нему от 2 декабря 1865 г., 21 января и 7 марта 1866 г. (Там же. Карт. 53. Ед. хр. 86. Л. 49—50; Ед. хр. 87. Л. 1—8).

215 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 26. Л. 27.

216 Положение о новом Кавказском округе было разработано под руководством А.П. Карцова к марту 1865 г., одобрено великим князем Михаилом Николаевичем и 6 августа того же

года утверждено Александром II. Об отношении Карцова к окружной реформе на Кавказе и его сложных взаимоотношениях с окружением наместника свидетельствуют письма А.П. Карцова к Милютину из Тифлиса от 10, 26 января и 23 февраля 1865 г. (Там же. Карт. 65. Ед. хр. 9. Л. 19—22, 25—28).

[217] Т. е. в 1856—1862 гг., во время наместничества князя А.И. Барятинского.

[218] Здесь приводится отрывок из письма генерала М.Г. Черняева к И.И. Воронцову-Дашкову от 20 марта; копию письма см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 29—30.

[219] Подлинник письма Черняева к Романовскому от 27 марта см.: Там же. Л. 33.

[220] Там же. Л. 22.

[221] Там же. Ед. хр. 31. Л. 11—14.

[222] Имеются в виду два письма Д.И. Романовского к Д.А. Милютину из Чиназа от 5—11 мая 1866 г. (подлинники писем см.: Там же. Ед. хр. 32. Л. 1—4). Всего в Ф. 169 хранится 16 писем Романовского к Милютину за февраль — ноябрь 1866 г. из Оренбурга, Ташкента, Чиназа.

[223] После Ирджарского сражения Д.И. Романовский предъявил эмиру предварительные условия мира. Они предусматривали признание Бухарским ханством всех территориальных завоеваний Российской империи в Средней Азии и проведение границы по Голодной степи и пустыне Кызылкум уравнение пошлин, взимавшихся с русских товаров в ханстве, с пошлинами, какими облагались бухарские товары в России; обеспечение безопасности и свободы передвижения русских купцов в Бухаре; выплату военной контрибуции. Поскольку Н.А. Крыжановский сохранил прерогативы ведения окончательных мирных переговоров со среднеазиатскими ханствами, то после своего совещания в Петербурге с Александром II и уполномоченными членами правительства (военным министром и министром иностранных дел), он значительно расширил российские требования. Вскоре после его приезда в Ташкент 17 августа 1866 г. было официально провозглашено включение в состав России всех занятых земель — не только Ташкента, но и Зачирчикских районов, Ходжента, Нау и др. Оренбургский генерал-губернатор потребовал от бухарского эмира прислать уполномоченного для переговоров о мире. В начале сентября 1866 г. бухарский посол согласился принять все условия России, кроме выплаты контрибуции. Это было использовано Крыжановским в качестве предлога для начала военных действий 13 сентября он предъявил послу явно невыполнимый ультиматум: в 10-дневный срок выплатить крупную контрибуцию. 23 сентября царские войска вторглись в пределы Бухарского ханства и вскоре штурмом заняли важные крепости: Ура-Тюбе, Джизак, Яны-Курган (см.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России: 60—90-е годы XIX века. М., 1965. С. 214—233).

[224] Цитируется отрывок из письма Н.А. Крыжановского к Д.И. Романовскому от 1 июля 1868 г. (писарская копия письма с пометой Д.А. Милютина хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 36. Ед. хр. 23. Л. 1—10).

[225] Местонахождение телеграммы Н.А. Крыжановского из Оренбурга от 14 октября 1866 г. не установлено.

[226] В течение 1866 г. и впоследствии русские власти принимали меры, препятствовавшие сношениям киргизов с дунганами, особенно в Семипалатинской области. Политика нейтралитета, помимо положительных, имела и отрицательные последствия: в ходе восстания были уничтожены русские консульства в Кульдже и Чугучаке,

прекращена торговля в Джунгарии и Кашгаре, возросло число эмигрантов из Китая в Среднюю Азию, не прекращались беспорядки на русско-китайской границе (подробно об этом см.: *Терентьев М.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 8—16).

[227] Цитируется письмо кн. А.М. Горчакова от 21 сентября 1866 г. (подлинник см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 62. Ед. хр. 21. Л. 9).

[228] Там же. Карт. 36. Ед. хр. 20.

[229] Там же. Карт. 62. Ед. хр. 21. Л. 13.

[230] Речь идет о *«Степной» комиссии*, учрежденной в июле 1865 г. под названием «Особая комиссия для изучения начал и составления проекта будущего устройства управления киргизами» (так в официальной терминологии до 1926 г. именовалось казахское население). Инициатором создания и непосредственным организатором комиссии был Д.А. Милютин, ввиду необходимого закрепления власти Российской империи на присоединенных к ней землях Казахской степи и Туркестанского края. «Степная» комиссия работала до 1868 г. (о деятельности Комиссии в 1865—1866 гг. см.: *Осеков Б.К.* Организация и деятельность Степной комиссии: 1865—1868. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1987. С. 8—12).

[231] Реформа государственного контроля была проведена законами 31 декабря 1863 г. (см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. № 40100, 40363; Т. 39. № 40456/а, 41289, 40734, 54441).

[232] В своем дневнике Валуев так описал заседание Комитета министров 5 июля: «...Военный министр и министр финансов неприличным образом нападали на губернаторов, как будто повсеместное ослабление правительственного авторитета было их виною. Я отвечал, что у нас повторяется сказанное когда-то во Франции, что оставляют в покое поджигателей и нападают на тех, кто бьет в набат, и что я в "Колоколе" Герцена не встречал таких обвинений против губернаторов. Милютин принял близко к сердцу этот ответ, и после заседания мы письменно, впрочем весьма дружелюбно, объяснились» (*Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 137). Подлинник письма Милютина к Валуеву от 5 июля см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 29; письма Валуева — Там же. Карт. 59. Ед. хр. 32. Л. 29—30; см. также коммент. 175.

[233] Милютин не точен. Упомянутые статьи по «остзейскому» вопросу были напечатаны газетой «Москва» не в 1866, а в марте 1867 г., т. к. газета начала выходить только с 1 января 1867 г. В этих статьях, написанных Ю.Ф. Самариным, осуждалась правительственная политика в прибалтийских губерниях, направленная на укрепление позиций там немецкого меньшинства. За эти статьи «Москва» получила предостережение, приведшее к закрытию газеты на три месяца (см.: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 145—146).

[234] Цитируется письмо Валуева от 14 марта 1867 г. (подлинник см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 59. Ед. хр. 32. Л. 28).

[235] Имеется в виду письмо Валуева от 23 ноября 1866 г. по поводу статьи в № 235 «Московских ведомостей» (Там же. Л. 31).

[236] Имеется в виду всеподданнейшая записка Милютина по поводу сокращения министром финансов сметы на военные расходы, представленная Александру II от 6 октября 1866 г. Писарской экземпляр записки с правкой Милютина см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 5. Л. 13—18.

[237] Материалы заседания Совета министров 6 октября по обсуждению записки министра финансов Рейтерна хранятся в РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 66. Как можно судить по дневниковой записи Валуева, совещание

оказалось настолько бурным, что вызвало «взрыв нетерпения Государя», который «отрубисто» прекратил заседание (Т. 2. С. 154). Главные идеи финансовой программы Рейтерна получили прямую санкцию Александра II. Записка полностью опубл. в кн.: *Куломзин А.М., Рейтерн-Нолькен В.Г.* М.Х. Рейтерн: Биографический очерк. С приложением из посмертных записок М.Х. Рейтерна. СПб., 1910. С. 64—138. Подробно историю возникновения Записки Рейтерна см. в кн.: *Чернуха В.Г.* Программная записка министра финансов М.Х. Рейтерна (сентябрь 1866) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л., 1978; *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 102—105

238 Писарский экземпляр всеподданнейшей записки с пометой Милютина: «Не было подано» см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 5. Л. 1—12.

239 Там же. Карт. 50. Ед. хр. 22. Л. 5.

240 См. записи за 28—30 ноября в дневнике Валуева (Т. 2. С. 172—173).

241 Цитируется письмо графа П.Д. Киселёва от 16/28 декабря 1866 г. (подлинник письма см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 37. Л. 17).

242 Там же. Ф. 129. Карт. 6. Ед. хр. 2. Л. 145об.

243 Там же. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 30. (письмо Д.А. Милютина к принцу Альбрехту от 1/13 ноября 1866 г.).

244 Речь идет об австро-прусских мирных переговорах в Никольсбурге и Праге летом 1866 г.

245 Имеются в виду переговоры Бисмарка с Наполеоном III о будущей войне Пруссии с Австрией в Биаррице 5 октября 1864 и в сентябре 1865 г. См. также коммент. 105.

246 Т. е. франко-прусской войны.

247 Здесь приведена цитата из заявления Бисмарка, упомянутого Милютиным выше в авторском примечании на с. 373 данного текста Воспоминаний.

248 См. коммент. 92 и 97.

249 Подлинник письма см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 55. Ед. хр. 10. Л. 18об.

250 *«Монитер»* — сокр. рус. назв. французского журнала «Monitear Universel», основанного в 1789 г. в Париже. Был официозом до 1 января 1869 г.

251 Подлинник см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 37. Л. 17об.—18.

252 См. коммент. 102.

253 11 февраля 1866 г. князь А. Куза в результате заговора отрекся от престола, а в апреле население Молдовы и Валахии на ассамблее в Бухаресте без санкции европейских держав и Турции вновь высказалось за объединение и избрало Карла Гогенцоллерна румынским князем. Этот акт был предметом обсуждения на специальном заседании в Париже 25 мая, на котором его участники приняли протест Турции против передачи управления в Бухаресте Карлу. Но во избежание новых осложнений на Востоке, европейские державы по существу поддержали решение ассамблеи. Они советовали Порте признать нового князя. Султан вынужден был согласиться, при условии сохранения князем Карлом иностранного подданства, сокращения численности румынской армии, женитьбе его на румынке и отказа членов его семьи от прав наследования власти (см.: Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 162—164).

254 Сербия получила автономию в составе Османской империи после Адрианопольского мира 1829 г., и с тех пор она вела борьбу с Турцией за расширение своих автономных прав. За

требованием уничтожения турецких крепостей на территории княжества стояла более широкая программа действий. Князь Михаил Обренович, возвратившийся в страну в 1860 г., стремился возглавить антитурецкий блок государств и объединить вокруг Сербии славянские земли после освобождения их от турецкой зависимости. В 60-е годы замечается большая консолидация балканских народов в их совместной борьбе с Портой: заметно улучшились отношения между населением Дунайских княжеств и Сербии; усилились контакты между сербами и болгарами. Россия неизменно стояла на стороне сербов, но не хотела доводить дела до войны балканских народов с Турцией, ибо конфликт потребовал бы вмешательства России, чего последняя стремилась избежать. Россия пыталась дипломатическими средствами побудить султана провести в жизнь провозглашенные по Хатти-Хумайюну реформы (см.: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей 50—70 гг. XIX в. М., 1970. С. 149—153, 167—168).

255 Египет был присоединен к Османской империи в 1517 г. В 1863—1874 гг. правителем Египта был Исмаил-паша, при котором Египет обладал широкой внутренней автономией. В 1867 г. Исмаил получил от султана наследственный титул хедива.

256 Весной 1866 г. на о. Крит, входившим в состав Османской империи, началось движение за воссоединение с Грецией. Население острова в то время насчитывало 300—320 тысяч человек, из них более 250 тысяч составляли греки. Произвол султанской администрации, находившейся на Крите, нежелание проводить обещанные реформы, рост налогового обложения были причинами выступления. Имела значение также общая обстановка в Европе: австро-прусская война, отвлекшая внимание Австрии от Востока, борьба за воссоединение Италии, Германии и Дунайских княжеств. Важную роль сыграло присоединение к Греции в 1863 г. Ионических островов, ранее являвшихся владением Великобритании. Подробно о Критском восстании и позиции России см.: *Сенкевич И.Г.* Россия и критское восстание 1866—1869. М., 1970. С. 31—64.

257 Под «соглашением 1830 г.» в депеше подразумевается нота от 30 апреля 1830 г. трех держав-гарантов: России, Франции и Великобритании, которые обязались обеспечивать жителям Крита и Самоса безопасность от всякой реакции. Текст депеши опубл. в кн.: Annuaire diplomatique de L'Empire de Russie. Pour l'année 1868. St.-Pet., 1868. P. 212—216 (подлинник см. в АВПРИ. Ф. «Канцелярия». 1866. Д. 174. Л. 257).

258 Ibidem. P. 218—221.

259 Ibidem. P. 223—225 (подлинник см. в ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 531).

260 Ibidem. P. 233—235 (подлинник — АВПРИ. Ф. «Канцелярия». 1866. Д. 174. Л. 278).

261 *«Красная книга»* — официальные публикации по внешней политике Австро-Венгрии. Это одна из так называемых «цветных книг» — официальных изданий министерств иностранных дел ряда европейских стран, выходивших по горячим следам событий и содержавших материалы о деятельности правительств этих стран в конкретных вопросах международной политики. Великобритания издавала «Синие книги», Франция — «Желтые», Германия — «Белые», Италия — «Зеленые», Россия — «Оранжевые» (см.: *Иерусалимский А.С.* Вопрос об ответственности за войну // Историк-марксист. 1932. № 1—2. С. 26—41).

262 Имеется в виду решение России об отмене ограничительных статей Парижского мира 1856 г., изложенное в циркуляре А.М. Горчакова от

19/31 октября 1870 г., разосланном через русских послов за границей правительствам всех государств, подписавших Парижский договор. 3 ноября 1870 г. циркуляр был опубликован в «Правительственном вестнике». Содержание документа сводилось к доказательству утраты договором 1856 г. своей силы. 1/13 марта 1871 г. подписанием Лондонского протокола завершилась конференция держав, подписавших Парижский договор 1856 г. Пункт договора о нейтрализации Черного моря, ущемлявший национальные интересы и достоинство России, был отменен, что явилось крупной победой российской дипломатии (см.: *Кинялина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974. С. 89—113).

263 Литографированную копию всеподданнейшего доклада по Военному министерству за 1866 год см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 29. Ед. хр. 5.

264 Утвержденное в начале 1860 г. новое Положение об управлении морским ведомством содержало следующие главные пункты: децентрализация управления, самостоятельность местных властей при одновременном расширении их прав, упрощение делопроизводства, обеспечение быта служащих наряду с уменьшением их числа. Кроме Адмиралтейств-совета и высшей морской судебной инстанции, были сохранены Канцелярия, департаменты: Инспекторский, Кораблестроительный, Комиссариатский, Гидрографический; Технический и Морской ученые комитеты. Было создано общее для всего министерства казначейство (см.: *Огородников С.Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет. СПб., 1902. С. 139—143).

265 Имеется в виду именной указ «О высочайших милостях, дарованных военнослужащим военно-сухопутного ведомства» от 28 октября 1866 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 2-е. № 43790).

266 *Главный штаб* был образован в начале 1866 г путем слияния Инспекторского департамента и Главного управления Генерального штаба. Главный штаб состоял из шести отделений, а также азиатской и судной части. При Главном штабе находился Военно-топографический отдел, а также Военно-учебный комитет. В связи с созданием Главного штаба был упразднен Главный штаб Е. И. В. (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 100—101).

267 О деятельности Комиссии Н.И. Бахтини в 1862 г. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 466. Комиссия под руководством Н.И. Бахтини выработала только частные меры для смягчения рекрутства в виду предстоявшего в начале 1863 г. набора. Предложения Комиссии вошли в Манифест 1 сентября 1862 г. о рекрутском наборе.

268 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 29. Ед. хр. 5. Л. 4—5.

269 В архиве Милютина хранятся следующие документы Комиссии для пересмотра законоположений о казачьих войсках под председательством Н.И. Карлгофа: докладные записки военному министру за октябрь 1866 — февраль 1867 г. о деятельности комиссии; программа занятий комиссии от 24 октября 1866 г., разработанные комиссией основные положения реформы (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19, 20).

270 Речь идет о великом князе Константине Николаевиче.

271 Проект военно-судебной реформы был утвержден в октябре 1865 г. Затем в течение полутора лет, до мая 1867 г., шло составление подробного устава военно-уголовного судоустройства и судопроизводства.

[272] См. Положение о юнкерских училищах, утвержденное в 1868 г. (опубл. в кн.: Свод военных постановлений за 1869 год. СПб., 1870. Кн. XV. С. 80—82). Подробнее о реформе военных училищ см. в кн.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952. С. 242—246.

[273] Имеется в виду Положение о производстве экзаменов нижним чинам общего срока, предназначаемым к производству в офицеры или классный чин, от 14 мая 1866 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 1-е. № 43302).

[274] См.: Государственная роспись доходов и расходов на 1866 год. СПб., 1867.

[275] Имеется в виду указ о введении в Царстве Польском временного Положения о казначействах Министерства финансов от 19/31 декабря 1866 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. Отд. 2-е. № 44011).

[276] Там же. № 43888.

[277] В феврале 1856 г. Д.А. Милютин стал членом Комиссии «для улучшения по военной части», учрежденной в августе 1853 г., под председательством генерала Ф.В. Ридигера. В то время Милютин служил в Военном министерстве в чине генерал-майора (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1845—1856. С. 430—431).

[278] Точное название упомянутых сочинений Н.И. Греча: «Начальные правила русской грамматики» (СПб., 1828); «Поездка в Германию» (Письма Д.С. Мстиславцева к А.И. Левадину в Рязани): Роман в письмах. Ч. 1—2. СПб., 1831.

«Северная пчела» — политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге в 1825—1864 гг. Сначала издателем-редактором был Ф.В. Булгарин, а с 1831 г. — Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч; с 1860 г. — Б.С. Усов.

[279] См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 117—118.

[280] Японская миссия прибыла в Петербург для повторного (после 1862 г.) обсуждения спорного вопроса о разграничении сфер влияния на о. Сахалин. В 1862 г. переговоры по сахалинскому вопросу зашли в тупик из-за необоснованных претензий Японии на Южный Сахалин. Было решено возобновить переговоры с военным губернатором Приморской области. 29 января 1865 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков представил Александру II записку под названием «Обзор действий и настоящего положения дел относительно владения островом Сахалином», в которой отмечал нежелание японского правительства отправлять посольство в Николаевск, его стремление оттянуть переговоры с тем, чтобы силой захватить Южный Сахалин. В связи с этим Корсаков предлагал ряд мер для укрепления русских позиций на острове. Записка была одобрена императором, и с этого времени царское правительство проводило мероприятия по ограждению своих прав на Сахалине, что вызвало недовольство японской стороны. В конце 1866 г. японское правительство, по совету западных держав, решило послать наконец миссию в Петербург, чтобы добиться разграничения Сахалина. 23 января 1867 г. начались переговоры между японским посольством и директором Азиатского департамента П.Н. Стремоуховым. Японцы предложили немедленно решить вопрос о разграничении Сахалина по 48-й параллели. Переговоры шли до конца февраля, а 18 марта было подписано временное соглашение о совместном владении Сахалином (см.: *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960. С. 206—217).

[281] С.-Петербургское губернское земское собрание, кроме названных Милютиным вопросов, включило в повестку дня обсуждение закона 21 ноября 1866 г., вызвавшего всеобщее не-

довольство земств. Закон ограничивал права земств по обложению торгово-промышленных заведений (*Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 122—124; *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 194—196).

[282] Об открытии и работе Финляндского сейма в сентябре 1863 г. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 269—278; *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии: 50—70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 70—79.

[283] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44082.

[284] Под «бунтом» подразумевается восстание крестьян, которое, наряду с общим состоянием администрации, побудило правительство учредить в Мингрелии особое управление во главе с управляющим, действовавшим на правах губернатора. Подробно о политике князя А.И. Барятинского в Мингрелии в 1857—1861 гг. см.: *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский: 1815—1879. М., 1891. Т. 3. С. 14—16, 22—34; там же опубликована всеподданнейшая записка Барятинского по делам Мингрелии от 10 июля 1861 г. (С. 30—34).

[285] Точное название упомянутого издания: «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». Ч. 1—30. (СПб., 1841—1862).

[286] Корпусная система организации войск была упразднена в 60-е годы в связи с переходом к территориально-окружной системе на основании реформы 1864 г.

[287] *Икан* — село вблизи г. Туркестан, где в декабре 1864 г. сотня уральских казаков есаула Серова оказала упорное сопротивление военным отрядам кокандского хана на пути их продвижения к Ташкенту. Подробно о бое под Иканом см. в кн.: *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890. С. 227—229.

[288] О.И. Комиссаров дослужился до чина штабс-ротмистра, вышел в отставку и поселился в своем имении. Он сильно пил и в 1892 г. повесился в приступе белой горячки (см.: *Персианов И.А.* «Спаситель» императора О.И. Комиссаров-Костромской // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 8. С. 83).

[289] «*The Times*» («Время») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления, основанная в Лондоне в 1785 г. Об отношении американской общественности и прессы к договору о покупке Аляски во время его обсуждения в Конгрессе США подробно см.: *Батуева Т.М.* Экспансия США на севере Тихого океана в середине XIX в. и покупка Аляски в 1867 г. Томск, 1976. С. 36—40.

[290] Цитируемая заметка напечатана в «Journal de St.-Pétersbourg», № 71 от 26—28 марта / 7—9 апреля 1867 г. Подробнее о продаже Аляски см.: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834—1867. М., 1990.

[291] Текст конвенции об уступке САСШ Российских северо-американских колоний опубл. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е № 44518. Согласно ст. III Договора, «жители уступленной территории могут по своему желанию возвратиться в Россию в трехгодичный срок, сохраняя свою национальность». При этом лица, пожелавшие остаться на Аляске, «должны быть допущены к пользованию всеми правами, преимуществами и льготами, предоставленными гражданам САСШ, и им должны быть оказываемы помощь и покровительство в полном пользовании свободою, правом собственности и исповедания своей веры». Этого права, однако, были лишены «дикие туземные племена» (см.: Сборник пограничных договоров, заклю-

ченных Россией с союзными государствами. СПб., 1891. С. 302).

292 Официальная церемония передачи Российских колоний состоялась 6 октября в столице Русской Америки Ново-Архангельске: при залпах русской береговой батареи и американской судовой артиллерии взвился флаг САСШ (см.: *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971. С. 261).

293 Подразумевается Российско-Американская компания, директором которой и одновременно правителем Русской Америки князь Д.П. Максутов был в 1864—1867 гг.

294 См.: Записка М.Х. Рейтерна Александру II «О средствах к образованию фонда сооружения железных дорог»; заключение министра путей сообщения П.Н. Мельникова на записку Рейтерна от 2 марта 1867 г. [РГИА Ф. 1275 (Совет министров). Оп. 1. Д. 71].

295 Упомянутая статья о продаже в частные руки Николаевской железной дороги была опубликована в № 68 «Северной почты» 25 марта 1867 г.

«*Северная почта*» — официальная газета Министерства внутренних дел, выходила под этим названием в 1862—1868 гг.; в 1869 г. преобразована в «Правительственный вестник» (под этим названием выходила до 1917 г., оставаясь основной правительственной газетой широкого профиля).

296 Подробно о продаже Николаевской железной дороги Главному обществу российских железных дорог см. в кн.: *Головачев А.А.* История железнодорожного дела в России. СПб., 1881. С. 109—169; *Соловьёва А.М.* Указ. соч. С. 74—75, 108.

297 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44487.

298 Там же. Отд. 2-е. № 44897.

299 Литографированный экземпляр всеподданнейшего доклада по Военному министерству за 1866 год от 1 января 1867 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 29. Ед. хр. 5.

300 Материалы о заседании Совета министров 26 января 1867 г., на котором обсуждался доклад Д.А. Милютина, см. в РГИА. Ф. 1275. Оп.1. Д. 70.

301 См.: Государственная роспись доходов и расходов на 1867 год. СПб., 1868. С. 155—167.

302 Печатный экземпляр объяснительной записки Милютина к смете Военного министерства на 1867 год с собственноручными пометами, см.: в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 6.

303 Всеподданнейшую докладную записку Рейтерна о смете Военного министерства на 1867 г. см.: в РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министерства финансов). Оп. 38. Д. 154.

304 Цитируется отрывок из письма П.А. Валуева от 21 января 1867 г. (подлинник письма см.: в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 59. Ед. хр. 32. Л. 33—33об.).

305 К январю 1867 г. основная работа по сбору материалов на местах была завершена и Степная комиссия занималась разработкой проектов административных реформ, совместно с представителями местной и центральной администрации. В конце июня 1867 г. Комиссия закончила работу над проектом «Положений об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях Туркестанского генерал-губернаторства» (см.: *Осеков Б.К.* Указ. соч. С. 8—12).

306 Речь идет о статье, опубликованной 2 марта 1867 г. в № 58 «Биржевых ведомостей»; в ней опровергались факты, изложенные в публикации «Русского инвалида» под названием «Письмо из Ташкента» (№ 52, 21 февраля 1867 г.).

«*Биржевые ведомости*» — политическая, экономическая и литературная газета, выходившая с 1861 г. в Петер-

бурге; образована слиянием «Коммерческой газеты» и «Журнала для акционеров». С 1862 г. была органом Департамента податей и сборов. Редакторы — К.В. Трубников и В. Полетика. В 1879 г. газета переименована в «Молву».

[307] 15 марта 1867 г. Д.И. Романовский напечатал в № 74 «Русского инвалида» статью «О Туркестанской области» в качестве ответа на указанную выше публикацию «Биржевых ведомостей».

[308] Подлинник письма Романовского от 14 апреля см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 74. Ед. хр. 9.

[309] Имеется в виду Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», обнародованный Петром III 18 февраля 1762 г.

[310] Византийский полководец Велизарий, обвиненный в заговоре против императора Юстиниана, был вынужден, по преданию, просить милостыню.

[311] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44831, 44832.

[312] См. коммент. 171.

[313] К декабрю 1866 г. французские войска были выведены из Римской области, где находились с 1849 г. Однако Антибский легион, состоящий на службе у папы, оставался в Риме, в нарушение конвенции 1864 г., что и вызывало недовольство у кабинета Ратацци (подробнее об этом см.: *Дебидур А.* Указ соч. Т. 2. С. 332—341).

[314] См. коммент. 96.

[315] Речь идет о политике пятого правительства Нарваеса (сер. 1866 — весна 1868 гг.): были разогнаны кортесы, отправлены в ссылку председатели обеих палат, распущены муниципалитеты; запрещены все оппозиционные партии, издан закон о преследовании подпольной печати; дело народного образования передано в руки церкви (см.: *Майский И.М.* Испания: 1808—1917: Исторический очерк. М., 1957. С. 266).

[316] Конституция Северо-Германского Союза была принята рейхстагом 16 апреля 1867 г. и вошла в силу с 1 июля 1867 г. По Конституции в компетенцию Союза входили военное дело, иностранные сношения, монетная система, почта и железные дороги. Президентом Союза был король Пруссии; он же был главнокомандующим в военное время, руководил внешней политикой, возглавлял исполнительную власть, назначал бундесканцлера. Рейхстаг имел право утверждения бюджета. Право законодательной инициативы и утверждения законов принадлежало Союзному совету (бундесрату), состоявшему из представителей государств-членов Союза.

[317] Подразумевается осада англо-французскими войсками Севастополя в 1854—1855 гг. во время Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 286—294, 361—365, 371—382).

[318] Имеется в виду мирный договор между Австрией и Пруссией, подписанный 23 августа 1866 г. в Праге по окончании австро-прусской войны 1866 г.

[319] Т. е. Австрия, Россия, Великобритания, Италия, Испания и Португалия.

[320] Речь идет о позиции европейских держав, подписавших 3 февраля 1830 г. Лондонский протокол о провозглашении Греции независимым государством. Вопреки мнению России, было принято решение не включать в состав Греции о. Крит и ряд других островов Эгейского моря.

[321] Текст депеши опубл. в кн.: Annuaire diplomatique de L'Empire de Russie. Pour l'année. 1868. S.-Pétersbourg, 1868. P. 238—240.

[322] *Хатти-Хумайюн* 1856 г. — августейшая грамота, в которой провозглашались общие принципы равенства христиан с мусульманами, составленная 18 февраля 1856 г. Она содержала обязательства турецкого правительства по отношению к своим подданным и европейским кабинетам. Цель этого документа сводилась к объединению власти и сплочению населения Османской империи, ради чего провозглашалось равенство всех народов Турции, защита законом личности, имущества, достоинства.

[323] Ibidem. P. 240—242.

[324] См.: «Journal de St.-Pétersbourg». 1867. № 31. 6—7 / 18—19 февраля (рубрика «Новости из-за границы»).

[325] Основания, которыми руководствовалась Австро-Венгрия в своей восточной политике, не изменились со времени Крымской войны: поддерживать статус-кво на Балканах, т. к. это отвечало австрийским интересам. Австрия противодействовала всем акциям со стороны европейского сообщества и особенно России, которые, по ее мнению, подрывали австрийское влияние на полуострове. Вместе с тем кабинет Бейста соглашался с тем, что улучшение положения христианских подданных султана может быть достигнуто только путем проведения административных реформ в Османской империи (см.: *Сенкевич И.Г.* Указ. соч. С. 136—137).

[326] Речь идет о тех статьях Парижского мирного договора 1856 г., которые ограничивали права России на Чёрном море, а именно запрещали России иметь там военно-морские силы, крепости и арсеналы (см.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1878. Т. 4. С. 316).

[327] Текст депеши опубл. в кн.: Annuaire diplomatique... P. 245—248.

[328] Речь идет о документе, озаглавленном «Mémoire sur les réformes entreprises en Turquie», от 12 марта 1867 г. (Ibidem. P. 248—266).

[329] Имеется в виду «Memorandum sur les réformes à introduire en Turquie pour l'amélioration réelle de la situation faite aux populations chrétiennes» от 6/18 апреля 1867 г. (Ibidem. P. 267—281). Проект реформ, разработанный Министерством иностранных дел в апреле 1867 г., базировался на идее предоставления христианским народам Османской империи автономии и местного самоуправления, принцип которого был выдвинут А.М. Горчаковым еще в ноябре 1866 г. В указанном выше меморандуме Горчакова от 6/18 апреля говорилось о желательности организации Европейской Турции по принципу административной автономии. Предлагалось создание автономных Болгарии, Румелии, Боснии и Герцеговины со Старой Сербией, Эпира, Фессалии и др. В них должны быть проведены административные, судебные, финансовые и др. реформы (см.: *Зуева Н.О., Шатохина Е.М.* Русские проекты реформ в Европейской Турции в 1867 году // Балканские исследования. М., 1976. Вып. 2. С. 109—110).

[330] Нота опубл. в издании, указанном в коммент. 321. С. 284—285.

[331] Непосредственным инициатором создания славянского отдела Этнографической выставки был профессор истории Московского университета Н.А. Попов, незадолго до организации выставки вернувшийся из путешествия по славянским землям. Предложение Попова было принято, его ввели в состав выставочного комитета и поручили связаться с зарубежными славянскими учеными. По рекомендации Попова заграничным посредником в сношениях был утвержден М.Ф. Раевский, священник посольской церкви в Вене, славянофил, человек больших организаторских способностей. Подробно о под-

готовке выставки и Славянского съезда см.: Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. С. 1—30.

[332] Вероятно, имеется в виду Новотомниково — имение графа И.И. Воронцова-Дашкова.

[333] Биографические сведения об участниках съезда см. в кн.: Всероссийская этнографическая выставка... С. 110—151.

[334] В Ченстоховском монастыре польское духовенство показывало все достопримечательности и в том числе замечательную по богатству древностей ризницу. Осматривая знаменитую икону Ченстоховской Божией Матери, по преданию — православную, писанную евангелистом Лукою, украшенную драгоценными камнями, золотом и серебром, так же как и другую церковную утварь, делегаты съезда были поражены богатством монастыря (Всероссийская этнографическая выставка... С. 153—154).

[335] Автор не точен: М.И. Политу было отказано в поездке на выставку по причине занимаемой им должности секретаря Загребского Главного суда. Политу пришлось уйти в отставку, чтобы ехать в Москву (Там же. С. 144—145).

[336] Речь идет о решающем сражении австро-прусской войны 3 июля 1866 г., в котором прусские войска нанесли поражение австрийцам.

[337] Текст речи М.И. Полита опубл. в кн.: Всероссийская этнографическая выставка... С. 208—209. Под «катастрофой Косова поля» подразумевается решающее сражение между объединенными войсками сербов и боснийцев (15—20 тыс. чел.), которые возглавлял сербский князь Лазарь, и армией турецкого султана Мурада I (27—30 тыс. чел.). Сражение произошло 15 июля 1389 г. на Косовом поле близ г. Приштина и окончилось победой турок, несмотря на героическое сопротивление войск князя Лазаря. Последний попал в плен и был убит. После битвы на Косовом поле Сербия превратилась в вассала Османской империи.

[338] Текст речи Я.Ф. Головацкого — Там же. С. 211—213.

[339] Подразумевается выдающийся чешский ученый-славист П.Й. Шафарик.

[340] Точное название: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

[341] Тексты речей упомянутых лиц опубл. в кн.: Всероссийская этнографическая выставка... С. 257—289.

[342] Там же. С. 291—292.

[343] Там же. С. 294—297 (речь Я. Шафарика); С. 299—303 (речь Ф. Ригера).

[344] Подробно о заседании Общества любителей российской словесности см.: Там же. С. 310—328.

[345] Тексты речей М.П. Погодина, Ф. Ригера и В.А. Черкасского см.: Там же. С. 337—339, 342—348, 356—363; о речи Ю.Ф. Самарина в данном издании не упоминается.

[346] Речь идет о Спасо-Вифанском монастыре и Вифанской духовной семинарии, находившихся недалеко от Троице-Сергиевой лавры. В описываемое время архимандритом монастыря и одновременно наместником Лавры был Антоний.

[347] Подробно об этом заседании см. в кн.: Всероссийская этнографическая выставка... С. 433—435.

[348] Текст благодарности делегатов съезда опубл.: Там же. С. 462—464.

[349] Речь идет о письме Э.Г. Стакельберга из Варшавы от 9/21 июня 1867 г. (подлинник — ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 77. Ед. хр. 83. Л. 12—13).

[350] «*Страхопуд*» — журнал на русском языке, издававшийся в 1863—1868 гг. в Вене. Кроме него О.Н. Ливчак изда-

вал там же журнал «Золотая грамота» и газету «Славянская заря».

351 Подробнее об этом см.: *Чуркина И.В.* Общественные, научные и культурные связи России со славянами Австрийской монархии в 60-е годы XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973. С. 197—204.

352 Славянский съезд сыграл большую роль в подъеме и усилении Московского славянского комитета, учрежденного еще в 1858 г. для связей со славянами и помощи им. После 1867 г. происходит рост численности комитета, в котором увеличивается число представителей купечества и разночинной интеллигенции. Съезд также явился толчком и для дальнейшего расширения комитетской организации в России. В 1867 г. образовалось Петербургское отделение Московского славянского комитета, который оформился в качестве самостоятельной организации в 1869 г. Инициаторами создания Петербургского отделения были местные устроители приема славянских гостей В.И. Ламанский, М.Ф. Миркович, А.В. Фрейганг и др. Позднее большое участие в организации Петербургского отделения приняли А.Ф. Гильфердинг и Ф.И. Тютчев. Одновременно с Петербургским отделением возник Киевский комитет, а в 1870 г. — Одесский (см.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 44—45).

353 См.: Иллюстрированное описание Всемирной промышленной выставки в Париже 1867 года / Изд. В.Е. Генкеля. СПб., 1869.

354 См.: Указатель Русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 года. СПб., 1867.

355 Со времени экономического кризиса 1866—1867 гг. во Франции начался этап неуклонного назревания политического кризиса Второй империи, приведшего к ее крушению. Внутри страны экономический кризис был осложнен неурожаем 1867 г. Недоверие и беспокойство вызывала в обществе внешняя политика Наполеона III, подрывавшая международный престиж Франции. Просчеты этой политики полностью определились в 1867 г. Планы создания французской колониальной империи на Американском континенте остались неосуществленными вследствие провала Мексиканской экспедиции. Вдобавок обострились отношения Франции с САСШ и Великобританией. Резкую критику вызывала в Законодательном корпусе и печати пассивная политика правительства во время австро-прусской войны, позволившая Пруссии в кратчайший срок разгромить Австрию и стать во главе Северо-Германского Союза. Французская буржуазия была тем более раздражена, что дважды предпринятые Наполеоном III (в 1866 и 1867 гг.) попытки добиться присоединения к Франции Люксембурга не увенчались успехом. Противоречивая политика Наполеона III во время польского восстания 1863 г. также не принесла положительных результатов, обострив отношения с Россией. Растущее недоверие буржуазии к своему былому ставленнику выразилось в окончательном сформировании в 1866—1867 гг. «третьей партии», выступавшей за конституционное преобразование империи (см.: История Франции. М., 1973. Т. 2. С. 355—357).

356 Имеется в виду указ «О лицах, прикосновенных к делам политического свойства, касающимся последнего Польского мятежа» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44601).

357 Имеется в виду донесение шефа жандармов министру внутренних дел от 9 июля 1867 г. (см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 563). Амнистия нанесла удар делу объединения эмиграции. Многие выразили желание вернуться в Россию. Поглощенная интригами польская эмиграция старшего поколения

опасалась, что дело объединения погибнет безвозвратно (см.: *Potocki Albert.* Raporty szpiega. T. II. Warszawa, 1973).

[358] Так называли сына Наполеона III Евгения-Людовика-Жана-Жозефа.

[359] Подразумевается Великая Французская революция 1789 г.

[360] Имеется в виду светлейший князь А.И. Чернышев, военный министр имп. Николая I в 1832—1852 гг.

[361] Подлинник письма графа А.В. Адлерберга из Штутгардта см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 11. Л. 4—7.

[362] О Египетском отделе см. в кн.: Иллюстрированное описание Всемирной промышленной выставки в Париже 1867 года... С. 14—17.

[363] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 11. Л. 6об.

[364] Упомянутые донесения И.И. Бутакова с Крита в июне — июле 1867 г. были адресованы послу России в Константинополе Н.П. Игнатьеву. (подлинники их хранятся в АВПРИ. Ф. «Миссия в Афинах». Д. 900). Корреспонденции Бутакова печатались в июльских номерах газеты «Москва», издаваемой И.С. Аксаковым.

[365] Подлинники писем графа А.В. Адлерберга из Варшавы см.: в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 11. Л. 14—19.

[366] См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44601. Указ был опубликован 26 мая.

[367] Упомянутые указы 1867 г. об упразднении разных правительственных учреждений в Царстве Польском см.: там же, № 44327 (от 10 марта), 44655 (3 июня), 44406 (28 марта), 44577 (15 мая), 44869 (20 июля).

[368] Подразумевается Н.А. Милютин, ушедший в конце 1866 г. в отставку по состоянию здоровья.

[369] Речь идет о графе Ф.Ф. Берге.

[370] Прибалтийскими назывались три губернии: Курляндская, Лифляндская и Эстляндская.

[371] Указ «О мерах для усиления преподавания русского языка в Дерптском учебном округе» см. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44651.

[372] Текст этой речи, произнесенной на русском языке, опубл. в кн.: *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 25.

[373] *«Парадная заря (зоря)»* — военный сигнал, подаваемый в строго определенное время утром и вечером в сухопутных войсках и на флоте (с конца XVII в.). Вечерняя заря сопровождалась торжественной церемонией (построение, перекличка, объявление приказов, пение молитв).

[374] В конце XVIII — 1-й пол. XIX в. многие болгары, спасаясь от турецкого гнета, переселились на Юг России, которая даровала им некоторые льготы и привилегии. Значительная часть переселенцев осела в городах, и в частности в Одессе, где к 1863 г. болгарская колония насчитывала свыше 16 тысяч человек. Многие болгары занимались торговлей, став крупными купцами. Уже в 30—40-х гг. пользовались известностью и в России, и в Болгарии одесские болгары Н.С. Палаузов и В.Е. Априлов, внесшие выдающийся вклад в дело национального болгарского возрождения. Подробно о деятельности одесской колонии болгар см.: *Забунов И.Д.* Болгары юга России и национальное болгарское возрождение в 50—70-х годах XIX в. Кишинев, 1981. С. 13—40.

[375] Ливадия была куплена Александром II для императрицы Марии Александровны в 1860 г. До этого с 1834 г. владельцем имения был крупный польский магнат граф Лев Северинович Потоцкий, состоящий на российской дипломатической службе (см.: Романовы и Крым. М., 1993. С. 36).

[376] Имеется в виду Алексей Милютин.

[377] Речь идет о Елизавете и Надежде Милютиных.

[378] Подразумевается активная и успешная дипломатия А.М. Горчакова во время польского восстания 1863 г., направленная против попыток европейских держав во главе с Францией вмешаться в польский вопрос. Депеши и циркуляры Горчакова в связи с польским восстанием были опубликованы (см.: Сборник, изданный в память 25-летнего управления Министерством иностранных дел государственного канцлера А.М. Горчакова за 1856—1881 гг. СПб., 1881: Раздел «Польский вопрос»). Рескрипт был дан по случаю 50-летия служебной деятельности Горчакова.

[379] А.М. Горчаков и М.А. Корф были в числе первых выпускников Царскосельского лицея в 1817 г.; вместе с А.С. Пушкиным, который, прощаясь с Горчаковым перед выпуском, написал ему стихи «А.М. Горчакову».

[380] М.А. Корф был директором Императорской Публичной библиотеки в 1849—1861 гг.

[381] Все названные Положения и указы см. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44729, 44733, 44745, 44778, 44787, 44845, 44813.

[382] По предложению председателя Оружейной комиссии герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, в 1866 г. была принята капсюльная скорострельная винтовка конструкции Терри, усовершенствованная тульским мастером И.Г. Норманом. Вскоре, однако, Оружейная комиссия убедилась, что эта винтовка имеет много недостатков и уступает прусской винтовке Дрейзе, французской Шасспо и английской Снайдера. Под давлением общественного мнения винтовка Терри — Нормана была снята с вооружения. Заводы успели изготовить их немногим более 60 тыс. экземпляров (см.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 300—301).

[383] Первый образец скорострельной игольчатой 6-линейной винтовки конструкции Карле был высочайше одобрен 28 марта 1867 г., и на Тульском оружейном заводе началось изготовление нескольких образцовых экземпляров. Там же к этой винтовке был разработан унитарный бумажный патрон и расширительная пуля. 20 сентября образцы винтовки были утверждены императором, и немедленно началось изготовление винтовки на других казенных оружейных заводах и в трех частных мастерских, устроенных в Петербурге, Киеве, Либаве (см.: Очерк преобразований в артиллерии: 1863—1877. СПб., 1877. С. 290).

[384] Еленой, Марией и Николаем.

[385] Н.Д. Киселёв был женат на вдове графа Торлония урожд. княжне Франческе Русполи.

[386] Переписку Д.А. Милютина с князем А.И. Барятинским см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 38. Л. 13—22 (4 письма Барятинского к Милютину за август 1867—5 февраля 1868 г.); Карт. 50. Ед. хр. 61 (4 письма Милютина к Барятинскому за тот же период времени; последнее письмо датировано 8 мая 1868 г.). Разлад в отношениях Милютина с Барятинским относится ко времени возвращения последнего из-за границы весной 1868 г. К этому времени Военное министерство разработало Положение о полевом управлении армией, которое было утверждено императором незадолго до приезда Барятинского в Петербург. Ознакомившись с Положением, Барятинский нашел в нем принципиальные расхождения со своими взглядами, о чем доложил Александру II. Император, выслушав доводы князя, повелел ему представить подробную записку, что Барятинский и сделал 20 марта 1869 г. На эту записку Милютин представил свое обоснование (тексты обеих записок, в сокращенном виде, приведены в кн.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 3. С. 209—240).

Одновременно, по инициативе Барятинского, была начата в печати кампания, направленная против военных реформ, проводимых под руководством Милютина. На страницах газеты «Весть» военный писатель Р.А. Фадеев подверг уничтожающей критике новое военное устройство, восхваляя при этом прусскую военную систему, сторонником которой и был Барятинский. Подробнее об этом см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 126—133.

387 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 22. Л. 11—12.

388 Имеется в виду младший сын Александра II великий князь Павел Александрович.

389 Фактический отказ западно-европейских правительств поддержать требование России о присоединении Крита к Греции побудил российское правительство попытаться решить вопрос о судьбе христианского населения Турции путем двусторонних переговоров с последней. Этим и был вызван приезд в Крым Фуада-паши, по инициативе Н.П. Игнатьева, для переговоров с Александром II. О миссии Фуада-паши подробно см.: Записки графа Н.П. Игнатьева. 1864—1874 // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Кн. II. С. 91—94.

390 Эти переговоры показали, что Турция готова была бы улучшить отношения с Россией, не меняя своей политики в отношении балканских народов. Она не только отказалась передать о. Крит Греции, но даже возражала против расследования «критского дела». Порта требовала разоружения критян, лишения их вспомогательной армии (небольших милицейских отрядов), не давала гарантии безопасности острова на будущее. Что касается проведения в жизнь реформ для христиан, то Фуад-паша согласился «изучить вопрос» (см.: Восточный вопрос во внешней политике России. С. 173).

391 Имеется в виду великий князь Николай Николаевич (Младший).

392 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 37. Л. 19—19об.

393 С осени 1856 г. Д.А. Милютин был начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса, в марте 1858 — августе 1860 г. начальником Главного штаба Кавказской армии

394 *Куртаг* — выход при дворе, прием (Даль).

395 В Колпино находился Адмиралтейский Ижорский завод

396 Во время встречи в Зальцбурге обсуждались «германский» и Восточный вопрос. Франция стремилась «уравновесить» Пруссию Австрией, объединив под ее руководством государства Юга Германии. Это неизбежно должно было бы привести к австро-прусскому столкновению, чего Венский кабинет пытался избежать. В Восточном вопросе между Австрией и Францией было больше точек соприкосновения, чем на Западе. Оба правительства были противниками России на Балканах. Кроме того, они пытались помешать усилившимся тенденциям славян к единству. Еще до свидания императоров Венский кабинет возражал против созыва Славянского съезда в России. Однако франко-австрийское единство в Восточном вопросе не сгладило существенных разногласий и недоверия двух держав друг к другу. В результате переговоров в Зальцбурге был подписан меморандум о соблюдении условий Пражского мира 1866 г. и решение не поддерживать присоединения Крита к Греции, добиваясь сохранения статус-кво на Балканах (см.: *Киняпина Н.С.* Указ. соч. С. 68—69).

397 *Международный конгресс мира* был созван в Женеве 9 сентября 1867 г.

буржуазной пацифистской организацией «Лига мира и свободы».

398 Об этих событиях подробнее см.: *Гарибальди Дж.* Мемуары. М., 1966. С. 326—343.

399 Подробно об этом см.: *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 2. С. 64—69.

400 Это событие известно в истории как Английская интервенция в Эфиопию 1867—1868 гг. Поводом для вторжения англичан в Эфиопию был арест в 1867 г. находившихся в стране европейцев, включая британского представителя при эфиопском дворе Ч. Камерона. Арест был ответом императора Теодороса II на протурецкую политику британского правительства, выразившуюся в нежелании поддержать императорские планы выхода к морю и в отказе оказать покровительство эфиопским паломникам в Иерусалиме. Британское правительство приняло решение о посылке экспедиционного корпуса под командованием генерала Роберта Нэпира в Эфиопию в августе 1867 г., после того как не удалось урегулировать конфликт по дипломатическим каналам. План операции разрабатывался с учетом помощи со стороны мятежных феодалов: к моменту высадки англичан власть Теодороса распространялась на ничтожную часть страны. Насчитывающий ок. 60 тыс. чел. британский корпус 21 октября 1867 г. высадился на Красноморском побережье около Зулы и двинулся на Мэкдэле. 12 апреля 1868 г. пленники были освобождены, а 13-го числа штурмом взят Мэкделе; Теодорос застрелился. 18 апреля англичане двинулись обратно из Эфиопии (см.: История Эфиопии в новое и новейшее время. М., 1989. С. 51—61).

401 Речь, вероятно, идет о военных действиях против турок болгарских четников, начавшихся в мае 1867 г. Подробнее об этом см.: *Сенкевич И.Г.* Указ. соч. С. 122—124).

402 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 34. Л. 4 (подлинник письма).

403 Полный текст депеши Горчакова Будбергу от 21 сентября / 30 октября опубл. в кн.: Annuaire diplomatique... P. 296—299.

404 Текст русского проекта декларации по критскому вопросу от 21 сентября и циркуляр Горчакова от 18 октября 1867 г. опубл. Ibidem. P. 299—301, 303—306.

405 Текст декларации от 25 октября / 6 ноября см.: Ibidem. P. 306—308.

406 Автор не точен: телеграмма Н.П. Шишкина датирована 26 января; писарскую копию расшифрованной телеграммы см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 36. Ед. хр. 65. Л. 2.

407 Там же. Ед. хр. 56. Л. 1—2 (подлинник письма М.Р. Блазнаваца); Ед. хр. 39. Л. 1—4 (черновик ответного письма Милютина от 25 мая).

408 Там же. Ед. хр. 56. Л. 3.

409 Там же. Ед. хр. 58. Л. 1—2.

410 Речь идет о письме от 29 ноября 1867 г. — Там же. Ед. хр. 59.

411 Там же. Ед. хр. 66.

412 Черновик письма см.: Там же. Ед. хр. 55. Л. 2.

413 Там же. Ед. хр. 63. Л. 27—32 (донесение от 25 октября 1867 г.); всего — 7 донесений Н.А. Снесарёва за май — октябрь 1867 г.

414 В середине 1867 г. в Сербии обострилась внутриполитическая ситуация, усилилось противостояние режима Михаила Обреновича и оппозиции. 18 августа в Белграде открылась вторая скупщина сербской Омладины. Из-за избрания председателем ее либерала Е. Груича скупщина была разогнана правительством во главе с консерваторами. Подавлялись малейшие проявления недовольства политикой Обреновича, который создал строго централизованную полицейско-

бюрократическую систему, и экономическая политика которого была направлена исключительно на военные цели. В мае 1868 г. князь Михаил был убит группой заговорщиков. Военный министр Блазнавац, опираясь на армию, провозгласил князем несовершеннолетнего Милана Обреновича. Власть перешла в руки трех регентов. Консервативное правительство было заменено либеральным. Подробнее о положении в Сербии см.: История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 480—486.

415 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 76. Ед. хр. 36.

416 Подразумевается позиция Австро-Венгрии на Берлинском конгрессе 1878 г. См. также коммент. 296.

417 Речь идет о всеподданейшей записке Д.А. Милютина, озаглавленной «Предварительные соображения на случай войны» (черновой автограф см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 37. Ед. хр. 1. Л. 1—25).

418 Реорганизация Военного министерства была начата в 1862 г. и завершена в 1868 г. 1 января 1869 г. было утверждено новое Положение о Военном министерстве, согласно которому оно состояло из следующих частей: Императорской Главной квартиры, Военного совета, Главного военного суда, Канцелярии, Главного штаба и семи Главных управлений (см.: Свод военных постановлений. СПб., 1869. Ч. 1, кн. 1).

419 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 22. Л. 7об.—8.

420 *Главный комитет по устройству и образованию войск* был создан в 1862 г. как совещательный орган при Военном министре по основным вопросам устройства армии. После реформы 1874 г. Комитет был реорганизован в постоянный орган, ведавший всеми вопросами боевой подготовки войск, а также вопросами хозяйства и быта войск.

421 В течение 1862—1864 гг. при Военном министерстве был создан особый комитет под председательством генерал-адъютанта В.Ф. фон Лауница, разрабатывавший проект нового управления полковым хозяйством. Сущность проекта заключалась в том, что ведение полкового хозяйства строилось на совершенно иных началах: расходование хозяйственных сумм должно было производиться не безотчетно, как ранее, а согласно существовавшей смете. Непосредственное ведение хозяйства возлагалось на помощника полка по хозяйственной части, квартирмейстера и казначея, избираемых обществом офицеров. Этот проект был несколько видоизменен специальной комиссией под председательством генерала П.П. Липранди. Таким образом, возникло два проекта — Лауница и Липранди. Эти проекты в свою очередь были направлены на обсуждение командующих военными округами, и в результате этого возник третий проект — Главного штаба. Все три проекта отличались друг от друга лишь в частностях. Окончательно Положение о полковом хозяйстве было введено с 1872 г. (см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы. С. 124).

422 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44745.

423 См. коммент. 347.

424 В начале 60-х гг. американский техник Гатлинг изобрел некоторое подобие скорострельной пушки, так называемой «картечницы», состоявшей из 10 стволов, калибром в 4,2 линии, расположенных параллельно и скрепленных друг с другом таким образом, что они могли вращаться вокруг общей горизонтальной оси при помощи особого механизма. Картечница давала до 200 выстрелов в минуту и была рассчитана на поражение в максимально короткий срок определенных площадей с дистанции винтовочного выстрела. Картечница Гатлинга была принята на вооружение в России

в 1870 г. В дальнейшем она была значительно реконструирована выдающимся русским изобретателем В.С. Барановским (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 161).

[425] См. коммент. 249.

[426] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44845.

[427] Там же. № 44575.

[428] Там же. № 44574.

[429] Имеется в виду Положение о крепостном военно-арестантском отделении» (Там же. № 44595).

[430] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 30. Ед. хр. 1 (цитируемый текст см. на л. 57).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А.В. Адлерберг

А.А. Баранцов

А.А. Зелёный

О. Бисмарк

Папа Римский Пий IX

О.И. Комиссаров

О.И. Комиссаров

Пётр А. Шувалов

Д.А. Толстой

А.А. Суворов

Ф.Ф. Берг

А. Тьер

Л. Бенедек

В.П. Мещерский

Д.В. Каракозов

Н.А. Ишутин

М.Н. Муравьёв

Принцесса Дагмара

Наследник Цесаревич великий князь Александр Александрович и его невеста принцесса Дагмара

Великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Александра Иосифовна с сыном Николаем

Шамиль

М.Н. Катков

Д.И. Святополк-Мирский

И.И. Воронцов-Дашков

И.М. Толстой

В.А. Татаринов

Принц П.Г. Ольденбургский

К.В. Чевкин

М.Х. Рейтерн

Н.А. Милютин

Император Максимилиан с супругой

Ф. Бейст

Н.Ф. Плаутин

Н.И. Греч

Губарев (?). Группа офицеров и нижних чинов

Император Александр II

Часовня у входа в Летний сад в память о спасении императора 4 апреля 1866 г.

Н.П. Игнатьев

Король Греции Георг I

Участники Славянского съезда (слева направо): Ковачевич, Ф.Л. Ригер, Я. Палацкий, Ф. Браунер, Я.Ф. Головацкий

А.М. Горчаков

Принц Гумберт

Император Александр II на маневрах в Красном селе

Фуад-паша

Павел А. Шувалов

Ф.Ф. Трепов

Д. Гарибальди

Михаил Обренович

И. Гарашанин

Д.В. Философов

«Военно-судебный устав. 15 мая 1867 г.».
Фотоальбом Д.А. Милютина

На форзацах:

Мраморный дворец. Гравюра. Середина 19 в.

К.Ф. Шульц. Учение Кирасирского Его Высочества Наследника-Цесаревича полка

На шмуцтитулах:

Императорский Зимний дворец. Литография К. Ланга. Середина 19 в.

В.С. Садовников. Фасад Большого Царскосельского дворца

Зимний дворец и Александровский столп

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи

ГАРФ — Государственный Архив Российской Федерации

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Книга XVII

1867-й год

Дмитрий Алексеевич
Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ
1865—1867

Редактор *И. Ряховская*
Художественное оформление *А. Сорокин*
Технический редактор *В. Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 24.08.2005.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,5. Уч.-изд. л. 45,4. Тираж 1000 экз.
Заказ № 5291

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации).

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

1865

Д. А. Милютин ВОСПОМИНАНИЯ

1867